

«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

© RIENTALIA®

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL MANUSCRIPTS

S. G. KLYASHTORNY
T. I. SULTANOV

STATES AND PEOPLES OF THE EURASIAN STEPPE

FROM ANTIQUITY TO MODERN AGE

Third edition
with addenda et corrigenda

St. Petersburg
2009

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ

**С. Г. Кляшторный
Т. И. Султанов**

ГОСУДАРСТВА И НАРОДЫ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

ОТ ДРЕВНОСТИ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ

Третье издание,
исправленное и дополненное

Санкт-Петербург
2009

УДК 935
ББК 63.3(0)31

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009: 3-е изд., исправл. и доп. — 432 с. — (Orientalia).

К 52

Работа посвящена проблемам происхождения, древней и средневековой истории кочевых народов Великой Степи, живших на огромных пространствах Евразии от бассейна Амура — на востоке и до Дуная — на западе. Основное внимание авторы уделяют возникновению и истории первых кочевых империй, в недрах которых сформировались вначале племенные союзы, а затем и народы, говорившие, в основном, на тюркских языках — Тюркским каганатам (VI—IX вв.), Караханидскому и Уйгурскому государствам в Центральной Азии, Болгарскому государству в Приазовье, тюркским народам и племенам в составе Монгольской империи: Золотой Орде, казахским жузам, Казахскому ханству и др.

Длительная история государственности у кочевников Евразии рассматривается в тесной связи с историей их соседей — Китая, Ирана, Византии и Руси. Тюркская государственность породила специфические формы религиозных верований и письменной культуры, создавших неповторимый облик древнетюркской цивилизации, истории которой в монографии уделено немало места. Впервые обсуждается на столь широком историкографическом фоне сложнейшая проблема генетических связей древнетюркских народов с современными тюркоязычными нациями.

Тематика монографии хронологически охватывает историю почти двух тысячелетий: от древности до начала XVIII века. С вхождением Поволжья и Сибири в состав Московского царства история тюркских народов степной Евразии определялась иными геополитическими условиями — начался процесс их интеграции в Россию, судьбу которой им во многом предстояло разделить.

Книга рассчитана на преподавателей и студентов гуманитарных ВУЗов и факультетов, а также на самый широкий круг читателей, интересующихся прошлым народов Евразии.

По сравнению с первыми двумя изданиями, вышедшими под названием «Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье», книга существенно дополнена.

*Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена.
Любое использование материалов данного издания возможно исключительно
с письменного разрешения издательства.*

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 978-5-85803-411-7

9 785858 034117

© С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов, 2009

© «Петербургское Востоковедение», 2009

Зарегистрированная торговая марка

© **ORIENTALIA** Зарегистрированная торговая марка

ПРЕДИСЛОВИЕ

На этнографической карте Евразии ясно обозначено соседство и прораствание друг в друга двух мощных этнических массивов — славянского и тюркского. Именно это соседство и сращение в немалой степени определяют и диктуют реалии федеративного устройства России и ее политику в отношении крупнейших государств «ближнего зарубежья» — Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Туркменистана, Азербайджана. Всей своей исторической судьбой связаны с современной территорией России татары и чуваша в Поволжье, башкиры в Приуралье, кумыки, ногайцы, карачаевцы и балкарцы на Северном Кавказе, татары в Западной Сибири, алтайцы, шорцы, кумандинцы, хакасы, тувинцы и тофалары в Южной Сибири, якуты и долганы в Восточной Сибири. Значительная часть тюркского населения России, включая переселенцев из Центральной Азии и Закавказья, живет вместе с другими народами, вне своих этнических территорий. По последней общесоюзной переписи 1989 г. и с учетом естественного прироста за пять последующих лет тюркское население России составляет около 14 миллионов человек, а тюркское население перечисленных государств СНГ — превышает 40 миллионов человек.

История славяно-тюркских отношений в течение веков определялась не только драматическими коллизиями, но и исполненными жизненной силой симбиотическими процессами. Последняя тенденция сохраняется и поныне. Ее преобладание остается одним из условий гражданского мира и политической стабильности в Евразии. Пренебрежение исторически сложившимися формами симбиоза ради сиюминутных экономических и политических выгод чревато трагическими последствиями для судеб миллионов людей, населяющих Евразию.

Допустимо ли рассматривать всю совокупность тюркских народов как некое единство, выходящее за границы языкового родства? С начала XX в. и по сей день существуют и противостоят друг другу два противоположных ответа на этот вопрос. Первый ответ (*пантюркизм, тюркизм*) утверждает, что все тюркские народы составляют одну нацию, имеют общую прародину — Туран, а многочисленные языки, на которых они говорят, и не языки вовсе, а лишь диалекты или наречия единого тюркского языка. Второй ответ, столь же непрекаемый: никогда не было и не существует какого-либо тюркского этнического единства и сам термин *тюрк* первоначально обозначал не все родственные по языку племена, а лишь одну их группу. Все тюркские народы генетически связаны с территориями их нынешнего обитания. И естественно, между народами, говорящими на разных тюркских языках, существуют значительные ментальные, культурные и антропологические различия.

Обе эти крайние позиции активно эксплуатируются в политических целях. Одна помогает обосновать претензии на создание некоего единого государственного, федеративного или союзного, объединения (ассоциации) — «Великого Турана»; другая, напротив того, служит утверждению идей государственного или регионального патриотизма (национализма).

Создателем пантюркистской идеологии был турецкий философ и социолог Зия Гёкалп (1876—1924 гг.). Он сформулировал эту концепцию в двух своих работах — «Тюркизоваться, исламизироваться, модернизироваться» (версии 1913 и 1918 гг.) и «Основы тюркизма» (1923 г.). Его концепция носила культурно-исторический характер, ее политический аспект не акцентировался. Уже в первой работе Гёкалп пишет: «Родина тюрка — не Турция и не Туркестан, его родина — великая и вечная страна Туран!» [Gökalp, с. 63]. Главной задачей для тюркского мира Гёкалп считает создание общего тюркского языка и общей тюркской культуры. Здесь Гёкалп во многом повторяет и развивает идеи татарских публицистов — Исмаила Гаспринского (1851—1914 гг.) и Юсуфа Акчура (1876—1935 гг.). Особую популярность в Турции идеи Гёкалпа приобрели после второй мировой войны. Именно тогда его этнологические и философские воззрения были остро политизированы и стали основой для пересмотра истории тюркских народов в соответствующем духе. Особенно ярко идеи пантюркизма пропагандировались писателем и публицистом Нихалем Атсызом (1905—1975 гг.). Важнейшим вкладом в такого рода интерпретацию истории стали и труды российского ученого-востоковеда и крупного политического деятеля эпохи Октябрьской революции и гражданской войны Ахмета Закиевича Валидова, эмигрировавшего в Турцию и принявшего там имя Зеки Велиди Тоган. Ныне идеи пантюркизма

весьма активно пропагандируются отдельными деятелями в Азербайджане, Урало-Поволжском регионе и Центральной Азии.

Концепция автохтонизма, т. е. извечной связи народа с занимаемой им ныне территорией, первоначально проявлялась как естественная реакция на идеи пантюркизма. В 20—30-е годы, после «национального размежевания» в Средней Азии и образования союзных и автономных республик по этническому признаку, идеи автохтонизма получили мощную политическую поддержку. Именно эта концепция стала идеологической основой для обособления истории каждого народа, разделения на «национальные потоки» общерегиональных исторических процессов. Нередко позитивное ядро этих весьма содержательных по привлекаемому материалу трудов обильно сдабривалось полемическими формулировками, якобы разоблачавшими идеи пантюркизма.

Обратимся для прояснения проблемы к реалиям тюркского этногенеза, к ранним этапам этнополитической истории тюркских народов, выявленных более чем вековым трудом прежде всего российских исследователей — археологов и филологов, историков и этнографов.

Как это было на самом деле?

Современная этническая карта, отражающая расселение тюркских народов, — это результат многотысячелетних этногенетических и миграционных процессов. Древнейшие очаги тюркского этно- и глоттогенеза, т. е. очаги первоначального формирования тюркских народов и языков, неразрывно связаны с востоком Евразии — Южной Сибирью и Внутренней Азией. Этот огромный регион не был изолирован ни от соседних цивилизаций, ни от горно-таежных и степных племен иного этнического облика. Так, евразийские степи между Волгой и Енисеем еще в VI—II тыс. до н. э. занимали индоевропейские племена европеоидного расового типа, те самые «индоевропейцы», многочисленные племена которых говорили на родственных друг другу языках индоиранской языковой семьи, балто-славянской языковой семьи, германской языковой семьи и многих других родственных языках. Преобладающими в восточной части Евразийских степей были древнейшие иранские языки, те самые, на которых создавалась Авеста и проповедовал Заратуштра (конец II тыс. до н. э.).

Далее мы достаточно подробно рассмотрим «индоевропейский» период истории Великой Степи, длившийся около двух с половиной—трех тысячелетий, ибо всякая изоляция по этническому признаку во времени и пространстве искусственно вычлененных ареалов Евразийского степного пояса искажает реальную историю, открывает путь предвзятым трактовкам прошлого, используемым для односторонней политизации и националистических претензий.

По горным хребтам Алтая, протянувшимся на юг до пустыни Гоби, по долине верхнего Енисея и его притоков, прошла в ту далекую эпоху этноконтактная зона, к востоку от которой преобладали тюркские и монгольские племена, а к западу — индоевропейские. Трассы миграционных потоков, то усиливавшихся, то затихавших, пронизывали всю Великую Степь. В течение тысячелетий, вплоть до первых веков новой эры, тюркский этногенез был связан с востоком горно-степной зоны Евразии.

История взаимодействия и, отчасти, слияния всех групп древнего населения на протяжении двух—двух с половиной тысяч лет и есть процесс, в ходе которого осуществлялась этническая консолидация и сформировались тюркоязычные этнические общности. Именно из среды этих близкородственных племен во II тысячелетии н. э. выделились современные тюркские народы России и сопредельных территорий.

Многочисленные автохтонные племена (индоевропейские в Центральной Азии, угро-финские в Поволжье, Приуралье и Западной Сибири, иранские и адыгские на Северном Кавказе, самодийские и кетоязычные в Южной Сибири) были частично ассимилированы тюрками в период существования созданных ими этнополитических объединений, прежде всего гуннских государств первых веков н. э., древнетюркских каганатов второй половины I тыс. н. э., кипчакских племенных союзов и Золотой Орды уже в нашем тысячелетии. Именно эти многочисленные завоевания и миграции привели в исторически обозримый период к формированию тюркских этнических общностей на местах их современного расселения.

На протяжении всей древней и средневековой истории в среде тюркских народов складывались и преемственно закреплялись этнокультурные традиции, которые, имея зачастую различные истоки, постепенно формировали этнически существенные особенности, в той или иной мере присущие всем тюркоязычным племенам. Наиболее интенсивно формирование такого рода стереотипов происходило в древнетюркское время, т. е. во второй половине I тыс. н. э., когда определялись оптимальные формы хозяйственной деятельности (кочевое и полукочевое скотоводство), в основном сложился комплекс материальной культуры (тип жилища, одежды, средства передвижения, пища, украшения и т. п.), приобрела известную завершенность духовная культура, социально-семейная организация, народная этика, изобразительное искусство и фольклор. Наиболее высоким достижением этой эпохи стало создание тюркской рунической письменности, распространившейся со своей центральноазиатской родины (Монголия, Алтай, Верхний Енисей) до Подонья и Северного Кавказа.

Становление государственности на территории Центральной Азии, Южной Сибири и Поволжья в раннем средневековье (VI—XI вв.) связано с образованием Тюркского каганата, традиции которого были унаследованы Уйгурским каганатом, государствами кыргызов на Верхнем Енисее, кимаков и кипчаков на Иртыше, Болгарским государством и Хазарским каганатом в Поволжье и на Северном Кавказе. Единство общественного устройства, этнокультурного родства и сходство политической организации всех этих государств позволяет рассматривать время их существования и преобладания в Великой Степи как относительно цельный историко-культурный период — период степных империй.

Следует определиться с термином «империя» применительно к государствам, созданным кочевниками Азии. Не пытаясь универсализировать свой вариант определения, отметим, что понятие «империя» распространяется нами только на полиэтнические образования, созданные военной силой в процессе завоевания, управляемые военно-административными методами и распадающиеся после упадка политического могущества создателя империи. Анализ исторических ситуаций возникновения империй показывает, что завоевательный импульс был направлен не столько на расширение пастбищных территорий (это аномальный случай), сколько на подчинение территорий с иным хозяйственно-культурным типом. На первом этапе завоевания фактором, определяющим его цели, является консолидация степных племен под властью одной династии и одного племени. Затем возникают стремления, реализуемые обычно в ходе военных акций, — поставить в зависимость от консолидированной военной мощи кочевников области и государства с более сложным устройством и более многообразной хозяйственной деятельностью. Такой баланс сил предполагает конечный итог — данническую зависимость или какие-либо формы непосредственно политического подчинения. Именно на этой стадии государства, созданные кочевыми племенами, преобразуются в империи.

Монгольское нашествие захватило и вовлекло в водоворот политических и военных потрясений множество тюркских племен, по преимуществу кипчакских, которые к тому времени составляли основное население степи — от Великой Китайской стены до Дуная. Сами монголы после походов XIII в. частью вернулись на свою родину, частью постепенно растворились в тюркском массиве Средней Азии и Поволжья. Сохраняя зачастую древние монгольские племенные названия, они утрачивали свой язык, мусульманизировались, их знать сливалась со знатью тюркских племен. Новые тюркские аристократические роды присваивали себе монгольские генеалогии. Вплоть до XX в., например, среди казахов претендовать на высшие

титулы могли лишь те, чьи *шеджере* (родословные списки) подтверждали происхождение из «золотого рода» Чингизидов.

Перемешавшиеся в ходе завоеваний и бесконечных переселений XIII—XVI вв. племена поселялись на новых землях, раздвигая политические границы Великой Степи. Так, на рубеже XV—XVI вв. кочевые племена узбеков Дешт-и Кипчака (Кипчакской степи), возглавленные Чингизидом Мухаммадом Шейбани-ханом, овладели большей частью Средней Азии и создали Узбекское государство Шибанидов (потомков Шибана, сына Джучи, старшего сына Чингиз-хана). Другая часть узбеков Восточного Дешт-и Кипчака, узбек-казахи, еще в 70-х годах XV в. создала Казахское ханство. На землях, расколовшихся и обособившихся улусов Монгольской империи, управляемых Чингизидами, начался новый этап тюркского этногенеза — этап интенсивного смешения с субстратным населением, начальный этап формирования современных тюркских народов.

Вместе с тем XVIII—XIX вв. в истории государств Средней Азии и Казахстана, вплоть до присоединения к России, были эпохой относительной изоляции этого огромного региона, эпохой непрерывных усобиц, приведших к политическому, хозяйственному и культурному застою, эпохой деспотической власти сравнительно небольших элитарных групп, из среды которых выдвигались ханы, и полного бесправия основной массы населения, значительная часть которого жила в крайней бедности. Лишь начавшееся в XIX в. развитие русско-туркестанских экономических и культурных связей привело к постепенному оживлению хозяйственной жизни и новому росту городов и торговли.

Итак, принимая тезис об относительном сходстве исторических судеб большинства тюркских племен и народов на протяжении не менее чем двух тысячелетий, связанности их этнической истории в рамках общей истории Евразии, мы отказываемся и от тезиса об извечном существовании единой тюркской нации, и от тезиса об извечном автохтонизме современных тюркских народов.

Следует особо оговорить значимость для истории и повседневной жизни Казахстана и Средней Азии одного из важнейших факторов ее хозяйственно-культурного развития, во многом predeterminedного экологией региона. Речь идет о преобладании здесь (преимущественно в степной и горно-степной зоне) кочевого образа жизни, обусловленного основным типом хозяйственной деятельности — экстенсивным скотоводством. Именно кочевое скотоводческое хозяйство позволило на рубеже II—I тыс. до н. э. начать освоение казалось бы бескрайних пространств Великой степи — аридного пояса Евразии. В течение нескольких тысячелетий кочевое хозяйство оставалось безальтернативным способом экономического освоения степей, а коче-

вой быт — единственной формой жизни населяющих степь племен и народов. В XIX—XX вв. появились многочисленные исследования, посвященные кочевничеству как хозяйственному, социальному, политическому и культурному феномену (см., например: [Хазанов, 2000; Крадин, 2007; Барфилд, 2009]). В дальнейшем будут рассмотрены история кочевых народов Центральной Евразии, их хозяйственный быт, культура, политическая и государственная организация. Здесь же мы коснемся только одного вопроса — пессимистической футурологической оценки кочевничества. Она связана с очень низким и очень консервативным технологическим уровнем этого типа хозяйственной деятельности и отсутствием потенциала для каких-либо изменений, а равно с его жесткой привязкой к экологически ограниченной зоне и малой устойчивостью к воздействию неблагоприятных природных факторов. До определенной эпохи столь существенные недостатки частично компенсировались тесной привязкой кочевнических сообществ к странам с развитой оседло-земледельческой и городской жизнью. Чаще всего такая привязка обеспечивалась не экономической заинтересованностью стран с оседлой культурой, но военным потенциалом кочевников. Война, завоевание, набег, принуждение к разного рода выплатам зачастую были в Центральной Евразии наиболее действенными для кочевников формами сосуществования с оседлыми соседями, отодвигавшими на второй план обмен, торговлю и иные формы экономического симбиоза. В XVI—XVIII вв., после существенных преобразований в области военных технологий в урбанизированных странах Евразии, военное преимущество кочевников было навсегда утрачено, а вместе с тем существенно снизились возможности компенсации экономических и экологических недочетов кочевых хозяйств, которые все чаще становились специализированным сырьевым придатком быстро развивающегося индустриально-аграрного мира. Во всяком случае, с наступлением Нового времени существование кочевых сообществ в прежних формах и параметрах и самый характер их сосуществования с «внешним миром» претерпели значительные изменения; полностью выявился тупиковый характер развития в прежних социально-экономических и политических формах. Новая эпоха существенно изменила повседневную жизнь Центральной Евразии, оказав системное воздействие на исторические судьбы монгольских и тюркских народов.

Историческое взаимодействие Руси—России с Тюркским миром имеет полуторатысячелетнюю историю и первоначально осуществлялось отнюдь не в мирных формах. Расселение тюркских племен на запад из Центральной Азии в V—XV вв. породило по меньшей мере два опыта военно-политической интеграции евразийского пространства — огуро-тюркский в V—X вв. и монголо-тюркский в XIII—

XV вв. Начавшееся в XVI в., когда ясно обозначилось аграрное перенаселение российского центра, расширение сферы российской государственности на восток и юго-восток и сопровождавшие его миграционные процессы были столь же неизбежны, как в предшествующее время расселение тюркских народов, чьей хозяйственной базой являлось кочевое скотоводство на западе Евразийских степей. Показательно, что, различаясь хронологически, эти процессы, охватившие южные пространства России, Приуралья и Поволжья, Сибири и Северного Казахстана, в ареальном отношении совпадали. Но, в отличие от западных миграций тюркских народов, русское распространение на восток и юго-восток имело иную хозяйственную подоплеку — экономической базой этого мощного миграционного потока было пашенное земледелие. Пашня не вытеснила пастбище, но совместилась с ним, породив новые типы хозяйственного симбиоза.

Создававшиеся кочевниками государственные образования Великой Степи отличались крайней неустойчивостью, низкой конфликторазрешающей способностью. Они не обеспечивали безопасность хозяйственной деятельности, более того — порождали постоянные войны, зачастую завершавшиеся подлинным геноцидом. Так, в 1723—1727 гг., запечатленных в народной памяти казахов как «годы великого бедствия», значительная часть казахского народа, раздробленного на враждовавшие между собой владения, была вырезана джунгарами. Впрочем, эта страшная резня была лишь продолжением серии джунгарских вторжений 1681—1684, 1694, 1711—1712, 1714—1717 гг. Устанавливая новую систему властных отношений, Россия выполняла миссию умиротворения Великой Степи, а позднее — Туркестана, стягивая воедино геополитическое пространство Евразии.

Таким образом, история тюркских народов, вместе с другими племенами кочевого населения Великой Степи, является органической частью общей истории Евразии и с древнейших времен неотделима от истории славянских государств Восточной Европы. Хотя впоследствии, в XVI—XIX вв., преобладающая часть этих народов, больших и малых, вошла в состав многонациональной Российской империи, процессы исторической жизни Пашни и Степи сохраняли, вплоть до середины нашего тысячелетия, относительную внутреннюю самостоятельность. Сложение общего для них геополитического пространства, начавшееся одновременно с возникновением Киевской Руси и хазаро-болгарских государств в Северном Причерноморье и Поволжье, интенсифицировалось значительно позднее.

Поэтому рассмотрение истории тюркских народов и созданных ими государственных образований лишь в аспекте истории России—СССР, как это было в недавнем прошлом, методически неоправданно и практически лишает тюркские народы Евразии собственной нацио-

нальной истории. Назрела необходимость в монографии, которая содержала бы последовательное и многоаспектное освещение проблем происхождения тюркских народов, их ранней истории, а также истории территорий, с которыми связан тюркский этногенез, освещение вопросов возникновения государственности и ее развития у тюркских народов, формирования хозяйственно-культурных типов, присущих этим народам, их традиционных верований, сложения этнических и национальных культур.

Предлагаемая читателю монография, естественно, не претендует на полное изложение истории тюркских народов. Из всего многообразия их прошлого мы выделили лишь то, что составляет костяк древней и средневековой истории — основные события прошедших веков, формирование хозяйства, религиозной идеологии, культуры и государственности, рассмотренные в связи и взаимодействии с историей других народов и государств Евразии. Хронологически книга охватывает события, происходившие на территориях формирования тюркских народов в течение более чем трех тысячелетий. Необходимость рассмотрения исторически длительного периода диктуется резкой сменой этапов и направления этногенетических процессов, их последовательным усложнением. Пики этнических переломов приходятся на начало и середину II тыс. до н. э., середину I тыс. н. э., XIII—XVI вв., вторую половину XIX—XX в.

Мы завершаем свое изложение на времени вхождения тюркских государств Поволжья и Сибири в состав Московского царства — Российской империи. С этого времени тюркские народы Евразии оказались в иных геополитических условиях. Начался процесс их интеграции в состав России, судьбу которой им предстояло разделить.

* * *

Предисловие, первая, вторая, третья, четвертая и пятая главы монографии написаны С. Г. Кляшторным, шестая, седьмая, восьмая, девятая и десятая — Т. И. Султановым.

ГЛАВА I РАННИЕ КОЧЕВНИКИ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

Древняя история Великой Степи — это прежде всего история кочеводческих племен, освоивших степи в III—II тыс. до н. э. Этнический состав населения степей менялся в ходе многотысячелетней истории, и ниже мы проследим динамику изменений. Вместе с тем созданный здесь тип скотоводческого и скотоводческо-земледельческого хозяйства, как и тип сопутствующей такому хозяйству культуры, никогда не знал полного разрыва с традицией предшествующих эпох.

Однако при всем консерватизме скотоводческой «технологии», под воздействием достижений в материальной культуре (например, возникновение бронзолитейного, а позднее железоделательного производства) или изменения природных условий (большая или меньшая увлажненность климата) повседневная жизнь незаметно менялась. Процесс изменений в хозяйстве неизбежно завершался изменениями в формах быта, а затем и в общественном устройстве населения степей, в его идеологии и культуре. Одна эпоха подчас достаточно резко меняла другую, но смена эпох кажется внезапной только для современного историка, в перспективе наблюдаемых им веков и тысячелетий. Для людей же тех времен, всегда стремившихся жить по обычаям отцов и дедов, по заветам предков, понятие исторического времени и его разделение сливалось с представлениями о прошедших «славных временах», о «годинах бедствий» и вражеских нашествий, о

природных катастрофах и сопровождавших их знамениях. Только так различались эпохи в народной памяти, зачастую персонифицируясь, отождествляясь с личностями правителей и мятежников, богатырей и предателей, героев и антигероев, религиозных реформаторов и упорных хранителей старой веры.

Географический термин *Евразия* получил в двадцатые годы прошлого века яркую историко-культурную, а затем и политическую насыщенность. Столь неожиданная содержательная трансформация этого понятия стала результатом предшествующих ей открытий и исследований XIX—XX вв., поколебавших незыблемость представлений о извечности расового и языкового раздела континента на «монголоидный» Восток и «европеоидный» Запад. Действительность оказалась сложнее — взаимовлияние и сопряженность рас и языков на континенте проявилась уже на ранних этапах культуригенеза.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ПРЕЛЮДИЯ

Осенью 1976 г. археолого-эпиграфический отряд Советско-монгольской историко-культурной экспедиции, работавший в горах Хангая, преодолев перевалы, выехал на обширное плато в центре горной системы, образуемой хребтами Номгон, Урхут, Булагт и Нарийн Хурумту. Смеркалось, начиналась гроза. Неожиданно вспышка молнии высветила белую фигуру, застывшую на плато. Машина, буксуя на мокрой гальке, свернула, покидая предгорье, и вскоре остановилась близ каменной статуи, испачканной птичьим пометом, и вкопанных близ нее трех каменных столбов. Я взглянул на спидометр — мы находились в 20 км к востоку от центра Сайхан-сомона Булганского аймака.

На небольшой платформе из мелких камней (2,5×2,5 м) возвышалось в человеческий рост (163 см) изваяние древнетюркского воина, далеко не лучшее из многих известных в Центральной Азии. Грубо обработана была только передняя уплощенная часть фигуры. Обе руки держали небольшой ритуальный сосуд, прижатый к груди. Сосуд символизировал участие души покойного воина в поминальной тризне, устраиваемой родичами после погребения, обычно по прошествии года. Скуластое широкое лицо, миндалевидные раскосые глаза, широкая нижняя челюсть, сжатый рот — типичный центральноазиатский монголоид, лишенный каких-либо индивидуальных черт.

Но стоящие рядом незавершённым квадратом столбики сразу изменили наше настроение. Мы увидели... миниатюрные изваяния острова Пасхи! Так казалось нам на фоне грозового неба, при свете молний. Позднее мы увидели, насколько обманчивым было первое впе-

чатление. Впрочем, статуи были действительно невелики — 74, 90, 80 см от уровня поверхности, при ширине 28, 28, 24 см соответственно. Еще одно изваяние того же типа (60 см) с обломанной нижней частью лежало у северо-восточной стороны платформы.

Вернуться к загадочным статуям довелось только через десять лет. Теперь я уже знал, что стою на пороге загадки — загадки древних европеоидов Центральной Азии. Ведь лица окружающих тюркское изваяние статуй не имели ни малейших признаков монголоидности. В окружение тюркского изваяния они попали при вторичном использовании. Иными словами, они были перемещены с места их первоначальной установки. Такого рода переиспользование древних стел нередко встречается в тюркских поминальных сооружениях. Но возможно и иное предположение — тюрки водрузили статую в пределах древнего погребального комплекса.

Изваяния эпохи бронзы (II тыс. до н. э.), в центре — тюркское изваяние VIII в.
Булганский аймак, горы Хангая, Монголия

В ранних китайских источниках не раз упоминались непохожие на жителей Срединной империи длиннолицые, высоконосые, часто рыжеволосые и белокожие жители «Западного края» — так в китайских хрониках называлась Центральная Азия. Их изображения на сохранившихся средневековых китайских рисунках напоминали скорее демонизированные карикатуры, чем реальных людей. Монголия всегда выпадала из перечня стран, где китайцы выделяли среди местных жителей «высоконосых».

За годы полевых исследований Советско-монгольской историко-культурной экспедиции был накоплен фонд находок, неопровержимо свидетельствующих — в Монголии, в ее западных и центральных областях, еще до скифского времени (VIII—IV вв. до н. э.), в III—II тысячелетиях до н. э., то есть в эпоху бронзы, жило европеоидное население. Раскопанные погребения эпохи бронзы, где сохранились черепа, подтвердили выводы, сделанные по косвенным наблюдениям.

И вот находка на плато Нарийн Хурумту. Длинные узкие лица с возвышающимся надбровьем, округлые близко посаженные глаза, высокие массивные носы с оттопыренными ноздрями, мощный выдающийся подбородок, небольшие, но толстые губы — классические европеиды средиземноморского типа!

Первое впечатление не обмануло — когда я продемонстрировал слайды известному петербургскому антропологу Илье Гохману, тот сразу же вынул из шкафа своей лаборатории череп с тяжелой нижней челюстью и большими глазами: «Это один из тех, чьи портреты ты нашел. Один к одному».

Это был череп из погребения эпохи бронзы в Аймырлыге (Центральная Тува), места не слишком отдаленного от Нарийн Хурумту. Вот как описывает серию черепов из Аймырлыга И. Гохман: «Череп очень массивные, с развитым рельефом. Черепная коробка крайне длинная, довольно высокая, но даже по абсолютным размерам небольшой ширины. Все черепа долихокраничные... Перед нами вне всякого сомнения яркие представители европеоидной расы... Если рискнуть и провести для небольшой серии черепов более частную диагностику в пределах рас второго порядка европейского расового ствола, то можно отнести ее к кругу гиперморфных форм древнесредиземноморской расы... Быть может, они и были первыми носителями той культуры скифского времени, которая, хотя и выросла на Алтае и в Туве на местной почве, но сохранила в своем искусстве как следы влияния сакского мира, так и традиционные связи (с населением Средней и Передней Азии. — С. К.)» [Гохман, 1980, с. 28].

Итак, антропологические наблюдения указывают, что в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.): а) глубинные районы Центральной Азии населяли европеиды, генетически связанные с Передней и Средней

Азией; б) скифо-сакские племена Центральной Азии, во всяком случае на Алтае, в Туве и Монголии (I тыс. до н. э.), были физическими наследниками этих древних европеоидов; в) в статуях Нарийн Хурумту иконографическими приемами выражен тот же древнесредиземноморский европеоидный расовый тип, что и в погребениях эпохи бронзы Тувы и Монголии.

Ближайшими археологическими аналогами изваяний из Нарийн Хурумту, обнаруженные в Монголии, несомненно являются высеченные высоким рельефом человеческие лица на вершухах нескольких стел, именуемых в специальной литературе «оленными камнями». Вся поверхность этих стел покрыта стилизованными изображениями оленей с ветвистыми рогами, клювовидными мордами и подогнутыми ногами. Вместе с оленями, в нижней половине стелы, часто изображено подвешенное к поясу оружие — боевые секиры, кинжалы, лук, стрелы, иногда щит. Стелы символизировали вождей или, по иному мнению, предков раннескифских племен Центральной Азии и, хотя их датировка еще остается дискуссионной, по авторитетному мнению исследователя этих памятников В. В. Волкова, все они относятся к первым векам I тыс. до н. э. [Волков, 1981].

Лишь на трех из 600 открытых в Монголии «оленных камней» и одном «камне» из Тувы имеются реалистически выполненные человеческие лица, близкие по иконографии к изваяниям Нарийн Хурумту. К сожалению, никогда не возникал вопрос — синхронны ли эти горельефы на вершухах «оленных камней» с вырезанными на их поверхности весьма условными сюжетами? Разительное стилистическое и типологическое несходство заставляет полагать, что во всех упомянутых случаях для изготовления «оленных камней» были использованы уже готовые стелы с изображенными на них лицами. Определенные параллели явственно проявились в связях между изваяниями из Нарийн Хурумту и памятниками середины II тыс. до н. э. в бассейне верхнего Енисея (окуневская культура). Так или иначе, и памятники из Нарийн Хурумту, и человеческие лица, изваянные на вершухах «оленных камней» из Монголии, предшествуют раннескифским памятникам Центральной Азии и не могут быть датированы позднее рубежа II—I тыс. до н. э. [Kliachorny, 1994, p. 52—53; Кляшторный, Савинов, 2004, с. 88—97].

Обращаясь к общеисторическому контексту наших находок, можно с большой долей уверенности предположить, что здесь запечатлены образы вождей и воинов тех индоевропейских племен, которые во II тыс. до н. э., неуклонно продвигаясь на восток, достигли Северной Индии, Западного Китая и, как теперь ясно, Западной и Центральной Монголии. Изображения их боевых колесниц на скалах Центральной Азии, столь точно маркирующие их пути, теперь воз-

можно дополнить «портретной галереей», созданной в глубинах Азиатского материка в ту же эпоху, когда на могилах ахейских царей в Пелопоннесе воздвиглись стелы с изображениями воинов-колесничих.

ЭПОХА БОЕВЫХ КОЛЕСНИЦ

Небольшие племена охотников и рыболовов, обитавшие на недолговременных стоянках к востоку от р. Эмба, в речных долинах и вблизи бесчисленных тогда озер, лишь во второй половине III—начале II тыс. до н. э. начали наряду с каменными орудиями использовать металл, занимаясь примитивным земледелием и разведением скота. Рядом с местными неолитическими племенами селились пришедшие с запада, из-за Волги, племена скотоводов, принадлежавших по языку к той общности, которую в XIX в. называли индоевропейской. Конечно, речь идет о переселении в Заволжье лишь малой части индоевропейцев, тех из них, которых археологи, по способу погребения, именуют племенами *ямной* культуры.

В индоевропейскую общность входят ныне славянские и германские, романские и иранские языки, а также языки Северной Индии и некоторые другие. В целом эта языковая семья сформировалась примерно к V тыс. до н. э. между Дунаем, Волгой и Рейном, и только в III тыс. до н. э., в процессе распада и расселения, началось ее распространение южнее и восточнее первоначальной прародины. Такой взгляд на раннюю историю индоевропейцев предложил выдающийся петербургский историк и лингвист И. М. Дьяконов [Дьяконов, 1982]. Существует и другая точка зрения на местоположение прародины индоевропейских языков, отстаивающая приоритет Передней Азии [Гамкрелидзе, Иванов, 1984]. В настоящее время археологические открытия все более подтверждают выводы И. М. Дьяконова.

В III тыс. до н. э., с развитием скотоводства и заимствованием из стран древневосточной цивилизации колесной повозки (через Кавказ и Подунавье), началась восточная миграция индоевропейцев. Причина переселения очевидна — в сравнении со скотоводством занятие земледелием было в степи малопродуктивным, хотя и необходимым подспорьем. Быстро разраставшееся стадо и демографический взрыв, обусловленный хозяйственными успехами, требовали освоения новых пастбищных территорий. Редко заселенные, обильные водными источниками, ковыльные и полынно-типчаковые степи к востоку от Эмбы стали желанным объектом хозяйственного освоения племенами, накопившими огромные стада быков, коней и овец. Ведь на одном квадратном километре разнотравной степи выпасаются до семи голов коней или крупного рогатого скота.

Несколько волн миграции индоевропейских племен, в особенности носителей *ямной* культуры, постепенно проникли столь далеко на восток, что связанные с ними археологические памятники или родственные археологические культуры обнаруживаются не только на Южном Урале и в Казахстане (район современной Караганды), но даже на Енисее и в Западной Монголии (*афанасьевская* культура). Наиболее крупные подвижки на восток племенных групп из Поволжья и Причерноморья произошли в 1800—1600 гг. до н. э., когда в степи сложились две новые общности. Западная, сформировавшаяся между Днестром и Волгой, получила название *срубной* культуры (по способу погребения в срубках). Восточная, относящаяся к степной зоне Казахстана и Южной Сибири, по месту открытия первых памятников (на Енисее) стала именоваться *андроновской* культурой. Возможной предпосылкой смены культурных комплексов стало освоение бронзового литья, резко улучшившее качество орудий и оружия, и появление конской упряжи (изобретение псалиев), приведшее, наряду с трансформацией древней повозки, к созданию легкой боевой колесницы. Создатели боевых колесниц и нового бронзового оружия (втульчатые копья, секиры, металлические наконечники стрел) получили огромное военное преимущество, использованное как хеттами в Малой Азии и ахейцами на Пелопоннесском полуострове, так и срубно-андроновскими племенами в Великой Степи.

Обе степные общности раннего бронзового века были предельно близки и по типу хозяйствования, и по социальному развитию, и по культуре. Лишь ассимиляция каждой из них разных групп предшествующего населения и постепенная утрата первоначальной близости обуславливали нарождавшееся различие. Именно носители андроновской культуры, а в прикаспийских районах — «срубники» стали основным населением степей азиатского ареала (до Енисея) в эпоху бронзы.

Изучение памятников андроновской культуры в Казахстане и на Южном Урале — основных очагах ее распространения — было особенно интенсивным последние пятьдесят лет. За это время было выявлено около 150 поселений андроновцев и многие могильники. Оказалось, что зона андроновской культурной общности простирается не только на Западную Сибирь и долину верхнего Енисея, но достигает на юге Центрального Тянь-Шаня, Южного Таджикистана, Афганистана, а некоторые андроновские элементы явно прослеживаются и в Северном Пакистане (долина Свата). Тем не менее коренной территорией андроновцев остаются Казахстан и прилегающие районы Урала. Именно здесь были обнаружены древнейшие памятники этой культуры. Заслуга в их выявлении и интерпретации принадлежит целой плеяде археологов. Их трудами, в особенности обобщающими рабо-

гами Е. Е. Кузьминой, мы здесь и воспользуемся [Смирнов, Кузьмина; Кузьмина, 1994; Генинг В. Ф., Зданович, Генинг В. В.].

Андроновская культурная общность существовала около восьми-девяти веков, и в ее развитии выделяются три этапа: ранний (XVII—XVI вв. до н. э.), развитой (XV—XIII вв. до н. э.) и поздний (XII—IX вв. до н. э.). За многие века жизнь андроновских племен существенно изменилась¹.

Как выглядели андроновцы? Вот что об этом писал известный антрополог академик В. П. Алексеев:

«Андроновцы, конечно, европеоиды, и характерные черты у них доведены до полного выражения, в какой-то мере, может быть, даже на наш современный взгляд, до утрировки — ведь кажутся нам резкими черты лица кавказца, а все за счет того же очень полного и четкого выражения классического европеоидного типа. Андроновцы были очень носаты, почти без скул, с широко открытыми глазами, возможно, напоминали лица кавказцев. Но они были еще более широколицыми, чем афанасьевцы, на лбу, над глазами, вздувалось еще более мощное и сильное надбровье. Грубого облика, но красивые люди, мощного телосложения, мужественного вида... Их нужно рассматривать как последний рецидив, последний отголосок мощного передвижения европеоидов на восток, одной большой миграции или цепи миграций, за которыми последовали как будто бы проникновение отдельных элементов андроновской культуры на юг, переселение древнеиранских племен, появление ариев в Индии, одним словом, целый калейдоскоп событий, важных и неважных, встряхнувших Древний Восток» [Алексеев, с. 236—237].

Андроновцы жили в оседлых поселениях по берегам небольших речек. В каждом таком поселке, окруженном глубоким рвом и валом с установленным на нем частоколом, было 10—20 небольших полуземлянок, площадь которых варьировалась от 25—100 кв. м (ранний период) до 150 кв. м в позднейшее время; встречаются и жилища в 200—300 кв. м. Заглубленный на 1—1,5 м деревянный сруб перекрывался двускатной или пирамидальной крышей с отверстиями, дымоходами и световыми люками. Крыша поддерживалась несколькими столбами. В каждом доме жила большая семья (30—50 человек), а поселок с прилегающими пахотными землями, пастбищами и кладбищем принадлежал одному роду. Иногда род рассредоточивался в небольших селениях по малым речкам и ручьям, а в соседних до-

¹ В 90-е гг. на основе радиоуглеродных дат произошло удревление ряда опорных памятников степной бронзы и эпохи бронзы юга Средней Азии на 300—500 лет. Однако новые датировки пока еще не являются общепризнанными (см. сборник «Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация». Самара, 2001).

линах были разбросаны поселки, принадлежащие к тому же племени. Эта одноплеменная группа поселений создавала, по терминологии археологов, локальный вариант культуры. Территории таких групп были отделены друг от друга большим незаселенным пространством.

Поймы рек, где земля влажная и мягкая, тщательно обрабатывались мотыгами, а выращенный урожай жали бронзовыми серпами. В жилищах андроновцев часто находят каменные зернотерки. Судя по наскальным изображениям (петроглифам) бронзового века, была известна и плужная запряжка, влекомая быками.

Главным источником средств существования для андроновцев всегда оставалось скотоводство. Судя по следам на стенках горшков, обнаруженных в могилах, их основной пищей были молочные продукты. В кухонных отбросах андроновских поселений во множестве содержатся кости быков, коней и овец. По подсчетам палеозоологов мясная пища андроновцев на 60—70 % состояла из говядины и только на 10 % — из баранины. Конина составляла в мясном рационе 20—30 %. В жилищах существовала отгороженная половина для зимнего стойлового содержания животных, скорее всего молодняка; иногда к дому примыкала постройка-хлев.

Наиболее ценимой частью андроновского стада были табуны коней. По костным остаткам удалось установить, что кони были трех пород: малорослые, с крупной головой, выносливые лошади «монгольского типа» (высота в холке 128—136 см); высокие кони (126—152 см); высокопородные кони высотой в 152—160 см с тонкими ногами, маленькой головой на длинной изогнутой шее и подобранным крупом. Именно они были предками современных ахалтекинцев.

Оседлость андроновского хозяйства имела свои выгоды и свои недостатки. Скот ежевечерне возвращался с ближних пастбищ в поселок для защиты от угона и дойки. Такой режим обеспечивал относительную безопасность стада и регулярный молочный рацион. Но поголовье скота было, естественно, ограничено площадью прилегающих пастбищ. Кроме того, пастбища сравнительно быстро истощались и вытаптывались, что побуждало жителей поселка покидать насиженные места и каждые 20—25 лет переселяться на новые земли. Очевидно, что пока существовала угроза частых нападений, иного способа выпастать скот не было. Но после XV в. до н. э., во времена расцвета андроновской культуры, появились неукрепленные поселения. Видимо, опасность угона животных и разграбления поселков уменьшилась, межплеменные войны стали происходить реже. Тогда и возникла новая форма скотоводства — отгонная. Пастухи весной угоняли часть стада на дальние пастбища или горные луга, перекочевывали вместе со скотом и лишь осенью возвращались в поселок. На дальних пастбищах они строили из жердей легкие каркасные жилища

со стенами из плетенки или циновок — своего рода предки юрт. Находки на таких стоянках крайне скудны — кострище, черепки разбитых горшков с характерным андроновским орнаментом, дротик или стрела. Вблизи регистрируют выкопанные пастухами неглубокие колодцы, а на горных перевалах — выбитые ими петроглифы.

Именно отгонное скотоводство стало посредствующим звеном в переходе к более продуктивному способу освоения степных и пустынных пастбищ — кочевому хозяйству. Важной предпосылкой к таким изменениям образа жизни был состав стада, в котором особенно многочисленны были кони и овцы, более других приспособленные к тебеневке (добыванию корма из-под снега) и дальним передвижениям. Соответственно, доля крупного рогатого скота в стаде уменьшилась, а доля конского поголовья возросла. В поздний период существования андроновской культуры (XII—IX вв. до н. э.) в Северном и Центральном Казахстане доля коней увеличилась в стаде от 14 до 36 %. Андроновская культура становится по преимуществу культурой коневодов.

Закрепляется и другое новшество — по мере роста подвижности хозяйства возросло поголовье двугорбых верблюдов — бактрианов. Их кости обнаружены на самых ранних стоянках андроновцев, а в поздний период устанавливается культ верблюда — зарегистрированы его глиняные статуэтки и изображения на скалах. Появляются и приспособленные к дальним перекочевкам войлочные кибитки, устанавливаемые на четырехколесных телегах; фрагменты их глиняных моделей находят при раскопках андроновских поселений; сами кибитки на телегах изображены на скалах среди других петроглифов.

В позднеандроновский период полностью завершился процесс формирования скотоводческого хозяйства совершенно иного типа, чем тот, который был свойственен раннему этапу истории андроновских племен. Начинаясь эра скотоводов-кочевников.

Погребальные памятники андроновцев дают представление и о стратификации общества, т. е. о его разделении на социальные слои (группы), и об идеологии или, несколько уже, о религиозных представлениях создателей андроновской культуры. Прежде всего отметим, что практиковались два погребальных обряда — трупоположение, т. е. захоронение в могильной яме с курганной насыпью, и трупосожжение. Наличие двух традиций — важный признак существования не только локальных культур у разных племенных групп андроновцев, но и возможных этнических различий или, во всяком случае, присутствия весьма близких по культуре и идентичных по образу жизни этнических традиций, характерных для разных по происхождению групп населения андроновской культуры. Другой особенностью погребального обряда, характеризующей уже социальную неоднород-

ность общества, является традиция захоронений, различающихся по размерам и богатству. Если жилища андроновцев свидетельствуют о жизни в составе большесемейной общины, то разделение погребений на «рядовые» и «богатые» говорит о том, что в андроновских родах и племенах отнюдь не было равенства всех их членов.

За почти тысячелетний период существования андроновской культурной общности ясно обозначились две основные составляющие ее субкультуры — федоровская с преобладающим обрядом кремации (восточноказахстанский и сибирский ареалы) и алакульская (урало-западноказахстанский и центральноказахстанский ареалы) с преобладающим обрядом труположения в третьей четверти II тыс. до н. э. Заметно теснейшее взаимодействие обеих субкультур (с преобладанием алакульского компонента) на большей части территории распространения андроновских племен [Кузьмина, 2008, с. 304—307].

Инвентарь «рядовой могилы», т. е. совокупность предметов, сопровождавших покойного в иной мир, состоял из нескольких глиняных горшков с пищей, скромных украшений, иногда орудий (ножи, тесла, каменные стрелы) и частей туши жертвенного животного. В «богатых» погребениях могильная яма отличалась значительными размерами, грандиозностью курганной насыпи, каменной ограды вокруг нее и в особенности инвентарем. Так, в пяти погребениях могильника Синташта I (Южный Урал) найдены боевые двухколесные колесницы с десятью спицами в колесе, конские скелеты (от двух до семи), предметы конской упряжи. В таких захоронениях обильно представлено оружие — втульчатые бронзовые копья, луки со стрелами, бронзовые топоры-секиры, каменные и бронзовые булавы, кинжалы. Среди украшений — медные браслеты и кольца, покрытые золотом височные кольца, нагрудные уборы из серебряных пластин.

Вывод, который напрашивается, однозначен: в родах и племенах андроновцев наряду с рядовыми общинниками — пастухами и земледельцами — существовала военная аристократия, отличавшаяся по своему положению и богатству от прочих сородичей. Основу этого привилегированного слоя составляли воины-колесничие, добывавшие богатство и славу в набегах и на войне, в защите своего рода и племени и в угоне скота иных племен. Жизнь андроновцев была отнюдь не всегда мирной и безмятежной, а отношения между племенами — далеко не идиллическими.

Колесница у андроновцев была не только орудием войны, но и предметом особого культа, почитания. В жилищах и погребениях нередко находки глиняных моделей колес со спицами или бронзовых блях, имитирующих колесо. Изображения колеса со спицами или колесниц с конной запряжкой часты не только среди петроглифов Урала и Тянь-Шаня, но и на глиняных сосудах. Конь был главным жерт-

венным животным. Жертвы приносились как на похоронах, так и в почитаемых местах, в родовых и племенных святилищах. Как показывают этнографические параллели, такие капища часто располагаются высоко в горах, в труднодоступных местах, где скальные плоскости обильно украшены выбитыми на камне изображениями животных, людей, колесничих и землепашцев, странных существ с головой — солнечным диском, и другими сюжетами. Свидетельством другого объекта поклонения — священного огня — являются прямоугольные культовые очаги с чистым зольным слоем, обнаруженные в андроновских жилищах.

Вглядываясь во мглу времен, русский поэт и писатель Иван Бунин подвел итог своим размышлениям:

Молчат курганы, черепки и кости,
Лишь слову жизнь бессмертная дана,
Из тьмы веков на мировом погосте
Звучат лишь письмена.

Дополнить и одушевить картину жизни андроновских племен могли бы только письменные источники. Но очаги письменности тех времен были далеки от урало-казахстанских и южносибирских степей — в городских цивилизациях Ближнего Востока, в долине Хуанхэ, может быть, и в долине Инда. Однако не все обстоит безнадежно, степная цивилизация бронзового века способна говорить с потомками собственным языком.

СТРАНА АРИЕВ

Три тысячи лет назад в стране Арианам Вайджа, что значит «Простор ариев», жрец Заратуштра провозгласил веру в единственного несотворимого и вечного бога, творца всех прочих божеств (*ахур*) и всего благого — Ахуру Мазду («Господь Мудрость»). Целью всех уверовавших стали «благая мысль», «благое слово» и «благое дело» — триада, которая в конце времен должна сокрушить Анхра Манью («Злого духа»), несведущего в истине и зловредного предводителя демонов-дэвов (*даэва*).

Суть проповеди Заратуштры в сравнении с прежними верованиями так изложена немецким иранистом Г. Хумбахом:

«Заратуштра воспринял веру в ахур от своих предшественников. Очевидно, он видоизменил эти верования, а возможно, даже создал имя Ахура Мазда и предложил считать ахур воплощениями качеств Ахуры Мазды. Но такими теологическими вопросами вряд ли удалось бы вовлечь целый народ в религиозное движение. При-

вилегированное положение, созданное для Арты («Истина», «Праведный путь». — С. К.), прославлявшейся и противниками пророка, не было новшеством, равно как и почитание коровы, которое уже Заратуштра приписывал Фрияне, мифическому предку кави Виштаспы. Возможно, что даже дуализм (т. е. вера в два начала. — С. К.) в основных своих чертах был разработан предшественниками Заратуштры. В чем же заключалась та, отличная от прежних, идея, которой Заратуштра затмил всех поклонявшихся корове магов и брахманов и которая сделала его одним из величайших религиозных реформаторов? Она заключалась в представлении о вплотную приблизившемся начале последнего этапа существования мира, когда Добро и Зло будут отделены друг от друга, — это представление Заратуштра дал человечеству. Она заключалась, далее, в учении о том, что каждый индивидуум может участвовать в уничтожении Зла и в установлении царства Добра, перед которым одинаково равны все преданные пастушеской жизни, и таким образом восстановить на земле рай с молочными реками» [Humbach, с. 74].

Заратуштра, арий из рода Спитамы, сын Поурушаспы («Серолошадного»), не владел богатством. Его имя значило «Обладающий старым верблюдом» (по другой версии — «Тот, кто погоняет верблюдов»). Его авторитет в родной стране был невелик; он сумел убедить в истинности своего учения лишь двоюродного брата. Но и в соседних землях никто не воспринимал Заратуштру как пророка. Его учение много лет отвергали, и о причинах долгого неприятия зороастризма (из позднейшей греческой переделки имени пророка — Зороастр) яснее других написала виднейшая современная исследовательница этой религии Мэри Бойс:

«Хотя учение Зороастра — развитие старой веры в Ахуру, оно содержало много такого, что раздражало и тревожило его соплеменников. Предоставляя надежды на достижение рая всякому, кто последует за ним и будет стремиться к праведному, Зороастр порывал со старой аристократической и жреческой традицией, отводившей всем незнатным людям после смерти подземное царство. Более того, он не только распространил надежду на спасение на небесах среди бедняков, но и пригрозил адом и в конечном счете уничтожением сильным мира сего, если они будут поступать несправедливо. Его учение о загробной жизни, казалось, задумано так, чтобы вдвойне рассердить привилегированных. Что касается его отрицания демонов-даэва, то оно могло показаться опрометчивым и опасным как богатым, так и бедным, потому что навлекало гнев этих божественных существ на все общество. Далее, величественные представления об одном Творце, о разделении добра и зла и грандиозной мировой борьбе, требующей постоянных нравственных усилий, было трудно постичь, а будучи понятыми, эти представления оказались слишком вызывающими для обычных беспечных политеистов» [Бойс, с. 40—41].

После долгих скитаний Заратуштра нашел прибежище вдали от родных мест, у одного из кави (царей-жрецов) «арийских стран», Виштаспы. Жена царя, Хутаоса, восприняла новую веру, а когда правители соседних стран, недовольные успехами Заратуштры при дворе Виштаспы, заключили враждебный ему союз, царица побудила мужа к войне против соседей. Виштаспа оказался победителем, а учение Заратуштры утвердилось в стране. Но старое жреческое сословие не простило Заратуштру — по легенде, он был заколот жрецом во время молитвы.

Священное писание зороастризма получило название Авеста («Наставление» или «Восхваление»). В этом своде эсхатологических и литургических текстов самому Заратуштре приписываются только Гаты («Песнопения»). В течение многих веков жрецы-последователи Заратуштры заучивали и изустно передавали из поколения в поколение священные тексты. Учение, созданное в стойбищах арийских пастушеских племен и перенявшее их поверья и мифы, не знало поначалу ни храмов, ни культовых сооружений. Арии молились и приносили жертвы на вершинах холмов и гор, у домашнего очага, на берегах рек и озер. Лишь через полтора тысячелетия в Иране, при династии Сасанидов, зороастризм, ставший государственной религией, был зафиксирован специальным письмом. Письменная Авеста составила 21 наск (книги) из весьма разнородных и разновременных частей, лишь некоторые из которых восходят ко времени Заратуштры или еще более древним временам. К наиболее древним «дозаратуштровским» разделам Авесты принадлежат Яшты («Гимны»), сохранившие, несмотря на все позднейшие переделки и сокращения, бесценные крупницы прошлого знания и знания о прошлом, повествования и мифы минувших веков, безмерно далеких от дней Заратуштры.

Впрочем, время жизни Заратуштры нельзя считать установленным. Мэри Бойс указывает на промежуток между 1500—1200 гг. до н. э. [Бойс, с. 27]. Более принято относить время Заратуштры к самому началу I тыс. до н. э. или даже к VIII—VI вв. до н. э. Мы принимаем более грубую оценку: конец II или начало I тыс. до н. э.

Еще более спорны гипотезы о родине Заратуштры и месте первоначального распространения его учения. В дискуссии между сторонниками локализации родины зороастризма в Западном или Восточном Иране (включая Среднюю Азию) ныне преобладает последняя точка зрения. В какой-то мере она отражена сводным трудом Р. Фрая «Наследие Ирана»:

«Лингвистические данные говорят в пользу отнесения пророка к Восточному Ирану. Исторически оправдано, что Авеста, с ее мифологией и чертами героического эпоса, примешивающимися к общим восточноиранским сказаниям, оказалась составленной на

языке, который был близок к языку первоначальной территории обитания арийцев. Эта прародина могла располагаться в Средней Азии или даже южнее, в районе Герата. Индийцы, когда они продвинулись с этой прародины в различные районы (Индийского) субконтинента, сохранили, несмотря на происшедшие в их диалектах изменения, ведические гимны на древнем языке преданий; также и иранцы, распространившиеся по (Иранскому) нагорью, сохранили гимны Митре и другим арийским богам» [Фрай, с. 54].

Хронологическая многослойность Авесты обусловила, по мере распространения зороастризма с востока на запад или с северо-востока на юго-запад, отнесение к наиболее почитаемым и изначальным местам религии самых разных местностей в Средней Азии и Иране. Так, в Яште 19, прославляющем Хварно (*Хварэна*, «Божественная благодать»), говорится, что это царственное отличие нисходит лишь на тех, «кто правит у озера Кансаойа, принимающего [реку] Хаэтумант». Река и озеро отождествляются с Гильмендом и Хамуном в современной провинции Систан в Иране. Однако зороастризм утвердился там лишь около VI в. до н. э. [Бойс, с. 52]. Напротив, в «Михр-Яште», прославляющем Митру, названы в числе «арийских земель» лишь восточно-иранские и среднеазиатские страны — Мерв, Иштака (Северный Афганистан), Харайва (Ариана, район Герата), Хорезм и «высокие горы Хара», откуда стекают глубокие реки, достигающие Согда и Хорезма, т. е. Аму-Дарья и Сыр-Дарья, долины которых также входят в «край арийцев» [Авеста, с. 57; Фрай, с. 73—75]. В другой книге Авесты, «Видевдате» («Законе против дэвов»), первой страной — прародиной ариев — названа Арианам Вайджа («Простор ариев»), и затем еще шестнадцать стран, сотворенных Ахурой Маздой, в том числе Согд, Моуру (Мерв), Бахди (Бактрия), но не упомянут Хорезм [Бойс, с. 52].

Наконец, самый древний и самый трудный для интерпретации слой авестийской географии содержится в гимнах Ахуре Мазде («Ормазд-Яшт») и богине Ардви Суре («Ардвисур-Яшт»), которые вместе с другими Яштами блестяще переведены на русский язык И. М. Стеблин-Каменским. В 21-м стихе «Ормазд-Яшта» описывается «благодать мир» Арианам Вайджа:

Хвала Арианам Вайджа
И благу, Маздой данному!
И водам Датьи слава
И чистым водам Ардви! [Авеста, с. 17]

Здесь Арианам Вайджа — обширная страна, орошаемая двумя могучими и глубокими реками, не раз упоминаемыми в Яштах, — Датьи и Ардви. В стране есть и горы — Ушида, Ушидарна. Развивает тему географии Арианам Вайджа другой древнейший Яшт, гимн Ар-

дви Суре. Воды Ардви «мощно текут от высоты Хукарья до моря Ворукаша»:

Из края в край волнуется
 Все море Ворукаша,
 И волны в середине
 Вздываются, когда
 Свои вливает воды,
 В него впадая, Ардви
 Всей тысячью притоков
 И тысячью озер.

...

Молись ей,
 О Спитама! [Авеста, с. 24]

Молюсь горе Хукарья,
 Преславной, золотой.
 С которой к нам стекает
 Благая Ардви Сура

...

Молюсь ей ради счастья! [Авеста, с. 45]

Ворукаша в этом гимне отнюдь не мифическое озеро, а огромное море в сердце Арианам Вайджа. Именно там, в середине моря и скрыто Хварно, божественная благодать, которой «завладели грядущие и бывшие цари арийских стран» [Авеста, с. 31]. Вспомним — много позднее местом, где скрыто Хварно арийских стран, названо озеро Кансаойа (оз. Хамун в Восточном Иране). Центры зороастризма сместились тогда на Иранское плато.

Другая великая река Арианам Вайджа, «благая Датья», как и Ардви, берущая начало в горах, не обозначена никакими дополнительными координатами; ничего не говорится о ее впадении в море.

Берега моря Ворукаша принадлежат не только ариям. Здесь молятся и приносят жертвы богине Ардви Суре и враги ариев — туры. Арийский герой Карсаспа, победитель драконов и дэвов, молит Ардви Суру дать ему победу над «приверженцем обмана», Гандарвой, чей дом «у берега Ворукаши» (стих 39).

Другой вождь туров, Йойшта, приносит жертву Ардви Суре «на острове в стремнине реки широкой Ранха». Самый страшный враг ариев, «трехглавый змей Дахака», почитающий тем не менее Ардви Суру, приносит ей жертву «в стране, чье имя Баври» («Бобровая»). А сама богиня Ардви Сура, одетая в бобровую накидку «из шкур трехсот бобров» (стих 29), тоже как-то связана со страной Баври. Еще одна пограничная область между ариями и турами обозначена в стихах 54—59. «Могучий воин Туса» просит победы над «быстрыми сыновьями Вайсаки», для сокрушения «героев Турана», у «врат [прохода] Хшатросука (Свет Царства)», «наивысших в Кангхе, высокой и священ-

ной». А сыновья Вайсаки, прародителя туранских героев, приносят жертву Ардви Суре «у врат Хшатросука, наивысших в Кангхе, высокой и священной» [Кляшторный, 1964, с. 169].

И наконец, другие злейшие враги ариев, племена хьона, также подступают к Арианам Вайджа. В гимне Аши («Ард-Яшт») «многомудрый Виштаспа» просит о победе над «хьонским злодеем» «лживым Арэджатаспой» и еще другими героями «из хьонских стран», одетыми в «остроконечные шлемы». Моление о победе происходит у реки Датъи [Авеста, с. 121]. А между тем река Датъя — то самое место в Арианам Вайджа, где и Ахура Мазда почитал Ардви «и хаомою молочной, и прутьями барсмана» [Авеста, с. 26]; сам же Заратуштра «на Арианам Вайджа, у Датии благой» почитал богиню Аши.

Брат «хьонского злодея» Арэджатаспы, хьонский вождь Вандарманиш, помышляя отомстить «могучему Виштаспе» и «поразить сотню арийских воинов», молит Ардви Суру о победе у моря Ворукаша [Авеста, с. 44].

Еще одно место в стране ариев заслуживает внимания — озеро Чайчаства. Там приносил жертвы Ардви Суре Хоасрава (Хосров), «герой, сплотивший страны ариев» [Авеста, с. 32]. А в гимне Аши («Ард-Яшт», стихи 37—43) эпизод с Хоасравом развернут подробно — «целительный, прекрасный, золотоглазый Хаома» просит Аши помочь ему пленить туранца Франхрасъана (Афрасиаба) и привести его связанным в ставку к Хоасраву, на озеро Чайчаства. О том же молится и сам Хоасрава у озера Чайчаства [Авеста, с. 119—120].

Подведем некоторые итоги «географическому обзору» Арианам Вайджа и постараемся увидеть «страну ариев» такой, какой она предстает в древнейших дозаратуштровских Яштах, лишь обработанных пророком или его последователями. Равнина «Простора ариев» омывается двумя «благими и божественными реками», Ардви и Датъя, имеющими чрезвычайное значение для жизни арийских племен — им приносят жертвы боги и герои ариев, но также герои их врагов — туров и хьона. Обе реки стекают с одних и тех же гор, но лишь одна из них впадает в море Ворукаша, на берегах которого (или близ которого) живут и арии, и туры, и хьона. С Ардви связана и «страна Баври» («Бобровая»), и туранский герой, приносящий ей жертву на острове «в стремнине реки Ранха».

Хьона угрожали ариям и близ арийской реки Датъи, а туры — близ «Кангхи, высокой и священной» и близ ставки «героя арийских стран» Хоасравы на озере Чайчаства. Гора Хукаръя (также Харата, «высокая Хара») хорошо известна ариям, там истоки Ардви и Датъи, там обитель богов, прежде всего Митры. Но эти горы лежат за пределами центральных районов Арианам Вайджа — тех мест, где разыгрываются сцены сражений арийских героев.

В дальнейшем мы будем опираться на два достаточно обоснованных отождествления: Ранха, несомненно, древнейшее название Волги [Абаев, 1965, с. 122], а река Ардви, река богини Ардви Суры Анахигы, — Аму-Дарья, впадавшая в III—II тыс. до н. э. в Каспий через русло Узбоя. Море Ворукаша, куда впадает река Ардви, — Каспийское море, с которым связаны реки Ранха (Волга) и «Бобровая страна» (бассейн р. Камы) [Членова, 1984]. Тогда вторая река Арианам Вайджа, Датья, надежно отождествляется с Сыр-Дарьей, а о локализации Кангхи по среднему и нижнему течению Сыр-Дарьи мы писали достаточно подробно [Кляшторный, 1964]. Не без доли гипотетичности озеро Чайчаства отождествляется с Аральским морем. А Хукарья («высокая Хара») — горная страна Памиро-Алая и Тянь-Шаня.

Многовековая миграция андроновцев-ариев на юг и восток, как и типология их поселений в начальный период переселений нашли свое отражение в авестийских сказаниях. Во втором фрагменте «Видевдата» Ахура Мазда рассказывает Заратуштре о первом человеке, которого он «наставлял в вере». Им был Йима Прекрасный, «владелец добрых стад». Но Йима не смог стать проповедником наставлений Ахуры. Зато, по повелению и при помощи Ахуры, он стал «взрачивающим» и «защищающим» земной мир. И после того, как царство Йимы просуществовало «триста зим», не стало хватать места для живых существ — «мелкого и крупного скота и людей». И тогда Йима «выступил к свету в полдень на пути Солнца» и «эту землю раздвинул на одну треть больше прежнего, и нашли себе здесь пристанище мелкий и крупный скот и люди по своему желанию и воле, как им хотелось». Новый кризис наступил через «шестьсот зим». И вновь Йима идет «к свету в полдень на пути Солнца» и еще раз раздвигает землю «на две трети больше прежнего». И расселяет скот и людей на новых землях. Через «девятьсот зим» все повторяется в третий раз. Так в далеком и долгом прошлом по воле Ахуры и трудами Йимы Прекрасного была создана для народа ариев просторная страна, «славная Арианам Вайджа» [Авеста, с. 176—178].

И в этой стране, по воле Ахуры, Йима создал тот тип поселений для «людей и скота», который назван в Авесте «вар размером в бег на все четыре стороны». Выстроенный из глины и земли, вар состоял из трех концентрических кругов валов и жилищ, причем во внешнем круге было девять проходов, в среднем — шесть, во внутреннем — три [Авеста, с. 178—179; Steblin-Kamensky, с. 307—310].

Прошло почти четыре тысячи лет, и археологи, работавшие в степных просторах Южного Зауралья и вдоль восточных склонов Уральского хребта, обнаружили более двух десятков именно таких андроновских поселений XVII—XVI вв. до н. э. с тремя вписанными друг в друга окружностями валов и стен. Стены двух внутренних ок-

ружностей были образованы торцами жилищ, которые либо упирались в валы, либо сами составляли внешнюю стену. Жилища открывались на кольцевую улицу. Внешние и внутренние рвы дополняли оборонительную структуру, а радиально расположенные улицы выводили на центральную площадь. Наиболее известное из таких поселений, Аркаим, находится в Челябинской области [Древности Урало-Казахстанских степей; Памятники протогородской цивилизации; Аркаим]. В 67 жилищах двух его внутренних городов (диаметр 150 и 85 м), каждое из которых имело площадь от 190 до 300 м², жило от 2,5 до 4 тысяч человек [Зданович, Батанина, 2007, с. 45]. Сам поселок с мощными укреплениями был ставкой вождя и, в случае вражеского нападения, убежищем для людей и скота из близлежащих мелких поселений с их обычной для андроновских поселков линейной планировкой. Поселения с радиальной планировкой и с трех-, двухкольцевой системой оборонительных сооружений и были обозначены в Авесте термином *вар*. Их детальное описание в авестийском тексте, совпадающее с археологической реальностью, не выходящей по своим датировкам за пределы XVII—XVI вв. до н. э., в свою очередь, позволяет датировать тем же временем соответствующие разделы текста и подтвердить историчность тех реалий, которые сохранены в мифах арийской эпохи.

Бурная история межплеменных войн ариев, туров и хьона, почитающих одних и тех же богов и молящих их о победе на одном языке, разворачивается на границе Арианам Вайджи, на берегах Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, на Каспии и Арале, на Волге и в Прикамье. События, чей отзвук сохранили Яшты, происходили, возможно, задолго до времен Заратуштры, во второй половине II—начале I тыс. до н. э.

Сражения и молитвы богов и героев Яшт — это и есть мифы и эпос андроновской эпохи, мифы и эпос ариев и племен, которые названы вместе с ариями, — *туров, хьона, дана, сайрима, саина, даха*.

Воины Яштов — это колесничие (*ратаэитар* — «стоящие на колесницах»), обладатели быстрых коней и тучных стад, «просторных пастбищ» и «добрых повозок». Их бог-покровитель — Митра, солнечный бог, небесный колесничий. Ему возносят молитву:

Мы почитасм Митру,
Он правит колесницей
С высокими колесами.
...

Вывозит мощный Митра
Свою легкоковезомую, златую колесницу,
Красивую и прекрасную,
И колесницу эту
Везут четыре белых,
Взращенных духом, вечных

И быстрых скакуна,
И спереди копыта
Их золотом одеты,
А сзади серебром.
И впряжены все четверо
В одно ярмо с завязками
При палочках, а дышло
Прикреплено крюком.

...

Так дай же нам,
О Митра!
Чьи пастбища просторны,
Упряжкам нашим силу
И нам самим здоровье,
Дай нам способность видеть
Врагов издалека,
И чтоб мы побеждали
Врагов одним ударом,
Всех недругов враждебных
И каждого врага! [Авеста, с. 70, 83, 85]

Сохранился трактат о тренинге лошадей, обязательно высокорослых, описывающий правила выездки на длинные дистанции коней для боевых колесниц; выездка проводилась в шесть этапов и длилась пять месяцев. Трактат написал митанниец Киккули во второй половине XIV в. до н. э. Пять табличек с текстом трактата были найдены в архиве хеттских царей в Хаттусасе [Ковалевская, 1977, с. 51—58].

Основное оружие колесничего — лук с тетивой из оленьих жил, стрелы с орлиным оперением, дротики с длинным древком, металлические ножи, металлическая булава «из желтого металла».

В другом описании Митра выступает в облике царственного воина:

С копьем из серебра,
И в золотых доспехах
Кнутом он погоняет,
Широкоплечий ратник,
Когда в страну приходит,
Где почитают Митру,
Широкие долины
Дает он для пастьбы,
Где бродят скот и люди
Привольно на земле. [Авеста, с. 82]

Боевая колесница, изготовленная плотником (строители колесниц упомянуты в Авесте), была шедевром мастерства и совмещала прочность конструкции и маневренность на большой скорости. Ее основой является обтянутая кожей деревянная рама, укрепленная на длинной оси. Колеса диаметром 90 см с восьмью-двенадцатью спи-

цами были значительно легче сплошных колес повозок. К дышлу припрягали двух-четырех лошадей. Для достижения большей устойчивости при поворотах ось зачастую выносили в заднюю часть кузова.

Изображенные на скалах урочища Арпаузен в горах Каратау (Южный Казахстан) атакующие колесницы имеют ось в середине кузова [Медоев, табл. 29]. На колесницах такого типа рядом с воином мог расположиться и возница, который иногда упоминается в Яште, посвященном Митре. Когда воин-колесничий сражался один, он привязывал вожжи к поясу, используя на дальней дистанции лук, а на ближней — дротики (колчан с дротиками крепился на раме). Прорывая вражеский строй, колесничий использовал длинное копье, но главным поражающим оружием становилась секира. Вот описание атаки Митры:

Мы почитаем Митру,
Чьи яростные кони
С широкими копытами
К войскам мчат кровожадным
Сражающихся стран.
...

Он битву начинает,
Выстаивает в битве,
Выстаивая в битве,
Ломает войска строй...
В руке топор стоострый
Он держит стоударный,
Мужей валяющий вниз,
Из желтого металла
Отлитый, золоченый,
Сильнейшее оружие
И самое победное! [Авеста, с. 66]

Народ, над которым властвуют воины-колесничие, цари и боги, — народ скотоводов, чье имущество — быки, кони и верблюды, чья земля — пастбище, чья пища — молоко и мясо. Жертвы, которые они приносят богам, —

Сто жеребцов, и тысячу
Коров, и мириад овец. [Авеста, с. 44]

Против таких жертв решительно возражает Заратуштра, и в Яштах появляется описание иных, праведных, жертвоприношений:

Пусть благо будет мужу,
Который тебя чтит,
Возьмет дрова с барсманом
И молоко со ступкой,
Умытыми руками
Помоет пестик, ступку

И, простирая барсман
И хаому подняв,
Споет «Ахуна Варья». [Авеста, с. 76]

Но было божество, которому сам Ахура Мазда повелел приносить кровавые жертвы, божество бесконечно древнее и не избавившееся от своих звериных воплощений. Этот бог — Вэрэтрагна, бог Сражений и Победы, олицетворение ярости боя и торжества триумфа, бог, носящий дозаратуштровский эпитет «созданный ахурами»:

Еще спросил Ахуру
Спитама Заратуштра:
Скажи, Ахура Мазда,
Как следует молиться,
И жертву нам какую
По Истине, по лучшей,
Вэрэтрагне приносить?
Сказал Ахура Мазда:
Свершат пусть возлияния
Ему арийцев страны,
И пусть скотину варят
Ему арийцев страны,
Хоть светлую, хоть темную,
Но цвета одного! [Авеста, с. 103]

Вэрэтрагна — кумир «стоящих на колесницах», божество «десяти воплощений», верный спутник воинственного Митры, сражающийся рядом с ним в образе вепря — своим пятом воплощении:

Мы почитаем Митру...
Летит пред ним Вэрэтрагна,
Создание Ахуры,
Рассвирепевшим вепрем,
Злым, острыми зубами
И острыми клыками
Разящим наповал. [Авеста, с. 71]

Если для воинов Вэрэтрагна — свирепый вепрь, то для царей он проявляется в первом воплощении, ветре, несущем Хварно; для всех остальных ариев Вэрэтрагна предстает то быком, то конем, то верблюдом.

Пантеон и эпос ариев увековечен не только словесно, но и изобразительно. В древних горных капищах, где приносили жертвы и звучали гимны, обнаружены грандиозные «художественные галереи». Одно из таких святилищ находится в урочище Тамгалы в 170 км к северо-западу от Алма-Аты, в горах Анархай. Там древнейшие из множества изображений относятся к эпохе бронзы, к XIV—XIII вв. до н. э. [Рогожинский, 2001, с. 17], т. е. ко времени андроновцев, — эпические герои несутся на колесницах, натягивая луки, кочуют в повоз-

ках, запряженных верблюдами, кружатся в ритуальном танце. Главные фигуры святилища — возвышающиеся над смертными «солнце-головые существа» (так назвали их археологи, работавшие в Тамгалы). Огромные головы-диски окружены ямками-углублениями, символизирующими нимб, божественную благодать. В одних случаях головы имеют «расходящиеся по радиусу лучи», а в других — нет [Максимова и др., с. 9]. Основой сюжета является композиция из двух «солнцеголовых существ», окруженных домашним скотом и двенадцатью танцующими перед ликом богов человечками. Разгадка сцены отчасти содержится в «Хурхед-Яште» («Гимне Солнцу»):

Помолимся Митре,
Чьи нивы просторны...
Помолимся связи,
Из всех наилучшей,
Меж Солнцем и Луною! [Авеста, с. 51]

Божества Солнца и Луны благословляют скот и людей. А на другой каменной плоскости представлено огромное солнцеголовое божество — Митра, возвышающийся на спине быка. Бык — второе воплощение Вэрэтрагны, спутника верховного божества:

Явился Заратуштре
Второй раз так Вэрэтрагна,
Создание Ахуры:
Быком золоторогим,
Прекрасным и могучим,
Таким, что над рогами
Вздыхались Мощь и Сила! [Авеста, с. 95]

Так мифы и эпос ариев побуждали к зримому почитанию их богов. Запечатленные в гравюрах на вечных скалах, арийские боги сами становились частицей вечности, незыблемого космического порядка.

Структура авестийского скотоводческого социума, т. е. воплощение космического порядка среди людей, предельно проста: глава дома, глава рода, глава народа (племени) и глава страны (царь). Общественное устройство и его отличительные черты целиком совпадают с теми наблюдениями, которые сделаны археологами, исследующими андроновскую культуру. По гипотезе французского ученого Ж. Дюмезиля, общество индоариев составляют три иерархически соподчиненных группы: военная аристократия, жрецы и рядовые члены общины — пастухи и земледельцы [Dumezil].

Итак, арийские (иранские) и индоарийские (индийские) племена (их разделение обозначилось уже к концу III тыс. до н. э.) относились к той индоевропейской языковой и культурной общности, которая в начале II тыс. до н. э. обособилась в степной части Восточной Европы и Казахстана, где стала известна современной науке как носители

срубной и андроновской культур. Вторая четверть II тыс. до н. э. была временем наибольшей экспансии этих племен, а их общим самоназванием был этноним *арья*. Они говорили на родственных диалектах, к которым восходит язык Вед (цикл индийских священных текстов, сложившихся в Северной Индии около XII—X вв. до н. э.), и язык Авесты. Хотя основное направление их миграций было восточным и юго-восточным, много племен ушли за Гиндукуш, в Северную Индию, а немалая их часть проникла в Западный Иран и Месопотамию. Там следы языка индоариев зафиксированы на клинописных глиняных табличках в Хеттском и Митаннийском (Северная Месопотамия) царствах. Так, в договоре, который заключили между собой царь Митанни и царь хеттов около 1370 г. до н. э., упомянуты арийские боги Митра, Варуна и божества-близнецы Насатъя. В других хеттских документах обнаружены арийские коневодческие термины; их особенно много в трактате, составленном Киккули, «объездчиком лошадей из страны Митанни». Как полагают, вслед за первой арийской волной, ассимилированной в странах Передней Азии, сюда началось более значительное переселение ариев, точные даты которого установить трудно; возможно, что уже в начале I тыс. до н. э. произошла «ирианизация» страны, получившей имя переселенцев (Иран, Эраншахр) [Фрай, с. 19—20, 35—45].

Арии Урала, Казахстана и Средней Азии закончили свое существование под этим именем в начале I тыс. до н. э., когда завершилось формирование нового типа скотоводческого хозяйства — кочевнического, а на юге, в области оседлого земледелия и городского ремесленного производства, окончательно сложился тот способ обработки земли, который связан с созданием крупных ирригационных систем.

Преемниками ариев в Великой Степи стали их потомки — саки и савроматы.

ЗЕМЛЕПАШЦЫ И СТРОИТЕЛИ ГОРОДОВ

Мир почитателей Митры и Ахура Мазды, мир первых скотоводов евразийских степей, был неразрывно связан с югом Средней Азии и Восточного Ирана, Афганистана и Северной Индии, с миром земледельцев и строителей городов.

Оседлое земледельческое население впервые в Средней Азии появилось на юге нынешней Туркмении. Между северными склонами Копетдага и песками Каракумов тянется узкая равнина, орошаемая стекающими с гор речушками и ручьями. Ширина этой плодородной и обводненной полосы в среднем 10—20 км. Еще в эпоху неолита, в VI—V тыс. до н. э., здесь появились небольшие поселения. Знаковый

памятник той эпохи — холм Джейтун в 20 км к северо-западу от Ашхабада. Давние и новые исследования памятника показали, что основой хозяйства «джейтунцев» было возделывание земли под посевы пшеницы-однозернянки. Посевы обходились без сложных оросительных сооружений, так как сеяли в западинах, сохранявших влагу весенних разливов. Не пренебрегали «джейтунцы» разведением овец и коз. Жили они небольшими поселками, рассредоточенными на равнине, в однокомнатных глинобитных домах. «Джейтунцы» достигли совершенства в изготовлении кремневых орудий для уборки урожая и других дел. Ручной лепкой изготовлялась глиняная посуда, которую украшали несложными узорами и рисунками, нанесенными красной краской. Глиняные фигурки людей и животных были скорее символами религиозных верований, чем предметами для забавы и игры.

Резко изменило мир появление, наряду с кремневыми, медных орудий труда. На III тыс. до н. э. приходится демографическая революция — возникли относительно крупные поселения, где обитали по 5—6 тысяч человек. Они уже сооружали оросительные каналы, что позволило расширить посевные площади. Тогда ясно обозначились связи с территориями Северного и Центрального Ирана, откуда на подгорную равнину Копетдага мигрировали новые группы населения. Скорее всего с ними связано здесь появление металлургии бронзы в III тыс. до н. э. Основным строительным материалом стал сырцовый кирпич размером 50 на 25 см. Кучки глинобитных лачуг сменились четко спланированными поселениями, крупнейшие из которых — Намазгадепе и Алтындепе — имели площадь 50 и 26 га. Квартальные комплексы многокомнатных домов разделяли прямые улицы, сходившиеся к центральной площади. Там главным зданием было святилище с очагами-жертвенниками. Обособляются мастерские и жилища ремесленников — металлургов и гончаров. Крашеная керамика ручной лепки вытесняется керамикой разнообразных форм, изготовленной на гончарном круге. Массовым становится не только производство керамической посуды, развиваются художественные промыслы, прежде всего изготовление фигурок, связанных с культом. Главными божествами были женские, именно их изображения обнаруживаются во множестве — Великой богини-Матери, богини бегущей воды, украшенные зигзагом, богини небес с ее символом, многоконечной звездой [Массон, 1981].

Важным нововведением стало широкое использование в хозяйстве тягловой силы. При раскопках Алтындепе были обнаружены глиняные модели четырехколесных повозок, в передней части которых была изображена голова верблюда. Здесь, на среднеазиатском юге был, скорее всего, domestцирован двугорбый верблюд-бактриан. Верблюжья упряжка специфична именно для эпохи бронзы Южной

Туркмении, ведь в Передней Азии предпочитали ослов, а в Индии — волов.

Еще одним открытием на Алтындепе стало выявление монументального храмового комплекса. Его центром являлась двадцатиметровая трехступенчатая башня из сырцового кирпича. Рядом с башней, на платформе высотой в три метра, расположены дом жреца и несколько строений с очагами и алтарями. Тут же, в гробнице жрецов, найдены бусы и печати с изображениями быка и волка. Глаза быка переданы вставками из бирюзы, бирюзовая вставка в виде луны сделана и во лбу быка.

Образ быка-луны был особенно популярен в культах древней Месопотамии. И здесь необходимо отметить, что связи древнейших в Средней Азии поселений с городами Месопотамии и Иранского нагорья достаточно многообразны. Если контакты с переднеазиатскими цивилизациями были многоступенчаты и опосредованны, то изящная чернолощеная керамика из северо-восточного Ирана свидетельствует о непосредственных контактах носителей весьма близких культур. Скорее всего, столь необходимое для древней металлургии олово поступало из бассейна р. Хильменд и района севернее оз. Хамун (юго-западный Афганистан), где обнаружены древнейшие рудные разработки. Впрочем, был и более близкий источник олова — Саразм.

Саразм — самое северное земледельческое поселение той эпохи, открытое в Средней Азии. Оно находится в долине Зеравшана, в 15 км к западу от Пенджикента. Время существования поселения — около полутора тысячелетий (между 3400—2000 гг. до н. э.). Его основателями стали, скорее всего, выходцы из Юго-Восточной Туркмении, о чем свидетельствуют особенности изготовления местной керамики, но не исключены и связи с энеолитическими поселениями Белуджистана и Сеистана. Спецификой этого крупного земледельческого поселения являлось развитое здесь металлургическое производство и металлообработка. С конца IV тыс. до н. э. Саразм был одним из крупнейших центров древней металлургии Центральной Азии. Здесь, вверх по Зеравшану, расположены месторождения важнейших компонентов бронзы-меди, мышьяка, олова, а также свинца, золота, серебра. На поселении найдены плавильные тигли, глиняные литейные формочки, различные заготовки и более 150 готовых металлических изделий. Близ поселения обнаружен могильник, относящийся к периоду возникновения первых построек. Центральным там явилось захоронение женщины в богато расшитых одеяниях — сохранились украшавшие одежду бусы из золота, лазурита, бирюзы и других минералов. Однако, самой примечательной была находка двух массивных браслетов, изготовленных из панцирей морских раковин. И тут проступает другой путь связей — путь к южным морям.

Особенно тесными были связи с древнеиндийской цивилизацией Хараппы. В 1975 г. французские археологи, работавшие в северо-восточном Афганистане, открыли у слияния рек Пяндж и Кокча, близ селения Шортугай, древнее поселение площадью 2,5 га. В остатках зданий из сырцового кирпича была найдена типичная хараппская керамика с росписью черной краской по красному фону, а также печать с изображением носорога и знаками хараппского письма. Открыты следы металлургического производства и обработки меди, свинца, золота, камнерезных работ. Сложная ирригационная система высоко поднимала воду на речную террасу и распределяла по полям. Вероятно, Шортугай был одной из хараппских колоний близ источников металлургического сырья и месторождений бадахшанского лазурита, столь ценимого в древнем мире. Поселение индских земледельцев и металлургов, поддерживавших связи со своей метрополией, просуществовало не менее пятисот лет (2300—1800 гг. до н. э.). Через посредство таких колоний или более прямыми путями, прикопетдагские города III тыс. до н. э. осуществляли торговый обмен с городами долины Инда. В богатых погребениях «квартала знати» на Алтындепе найдены изделия из слоновой кости и индийские печати с надписями хараппским письмом. Таким образом, городская (протогородская) цивилизация Южной Туркмении в эпоху ранней бронзы была составной частью связанных между собой оазисных и речных цивилизаций Верхнего Инда, Северного Афганистана и Северо-Восточного Ирана.

Во всем том обширном регионе вплоть до начала II тыс. до н. э. отмечается рост и развитие очень близких земледельческих культур, перераставших в протогородские и городские цивилизации. Для всех этих местных культур характерны общие существенные признаки и основания: а) развитое ирригационное земледельческое хозяйство; б) дальняя межрегиональная торговля или многоконтактный обмен внутри этого ареала и за его пределами; в) многоотраслевое ремесло, включая металлургию и массовое керамическое производство на ножном гончарном круге, сменившее ручную лепку посуды; г) крупные поселения и центры городского типа, включавшие административно-хозяйственные дворцовые и храмовые комплексы; д) в одном случае (Хараппа) появляется своя письменность, следы появления которой фиксируются на юге Средней Азии.

Была ли наблюдаемая близость культур столь далеких друг от друга территориально только типологической? Были ли связи между ними только технологическими? Не имели ли фиксируемые сходения какой-либо этноязыковой фон?

Многочисленные попытки приписать все достижения эпохи ранней бронзы в Иране, Афганистане и на юге Средней Азии племенам индоариев, представлявшим совершенно иной хозяйственно-культур-

ный тип, ныне обоснованно отвергнуты [Грантовский, 1998]. Новую гипотезу и новый взгляд на проблемы этноязыкового родства на всем указанном пространстве, включая Северную Индию, стали возможны благодаря достижениям современной лингвистики.

В 1974 г. вышла в свет статья молодого американского лингвиста Д. Мак-Альпина [McAlpin, 1974], посвященная сопоставлению эламского языка, засвидетельствованного иероглифическими клинописными текстами, с дравидскими языками, точнее с реконструированным протодравидским, общим предком дравидских языков. Исследователь установил близкое родство эламского и протодравидского и показал, что в глубокой древности территории распространения обоих языков были общими или тесно соприкасались.

Элам — область в юго-западном Иране, где в аллювиальных долинах рек Карун и Кархи не позднее V тыс. до н. э. появились поселения земледельческой культуры крашеной керамики. В середине III тыс. до н. э. здесь возникло могущественное государство, соперничавшее с Ассирией и сломленное ею только в VII в. до н. э. Знаковыми поселениями древнеземледельческой культуры в Западном Иране, наряду с архаическими Сузами, стали Тепе-Сиалк и Тепе-Яхья. Вблизи этих мест и сейчас живут самые западные племенные группы дравидов-брагуи. Основная же часть брагуи, около 1 млн., живет в Пакистане (Белуджистан) и Афганистане, небольшие группы — в Туркмении.

Большинство народов, говорящих на дравидских языках, живет в Центральной и Южной Индии. Их появление на Индостанском субконтиненте произошло после распада протодравидской общности в IV тыс. до н. э. Не позднее III тыс. до н. э. они создали в долине Инда харапскую городскую цивилизацию. Другая ветвь дравидских племен, освоивших в непосредственном соседстве с Месопотамией навыки ведения земледельческого хозяйства, постепенно занимала пригодные для несложных форм ирригационного хозяйства оазисы и речные долины Иранского плато, продвинулось на юг Средней Азии, ассимилируя местное неолитическое население. На территориях от Персидского залива до Зеравшана и долины Инда возникла и просуществовала по крайней мере до второй четверти II тыс. до н. э. не только хозяйственно-культурная, но и, в определенной степени, этнолингвистическая общность. Слабым отголоском этой общности или ее поздней репликой является сохранившийся в мифологии дравидских народов Индии культ Великой Богини-Матери, археологически засвидетельствованный уже в энеолите среднеазиатского юга.

Упадок раннеземельческих культур в очередной зоне их распространения никак не связан с волнами миграций на юг индоариев и индоиранцев. Упадок начался много ранее, на рубеже III—II тыс. до

н. э. На среднеазиатском юге приходят в запустение прежние городские центры, площадь застройки там, где еще тлеет хозяйственная жизнь, сокращается с 50—26 га до 2—1 га. По всей вероятности, наступление в Евразии засушливого ксеротермического периода совпало тогда с превышением естественного лимита водо- и землепользования. Исправить положение при том уровне агротехники и ирригационного благоустройства стало невозможным. Для природной реабилитации истощенных и засоленных почв потребовались века. Население уходило на неистощенные земли в долине Мургаба и средней Аму-Дарьи (будущие Маргиана и западные территории Бактрии), там возникают в первой половине II тыс. до н. э. новые поселения и города. В отличие от покинутых эти новые города укреплены двумя-тремя рядами высоких кирпичных стен с мощными башнями.

Строятся прямоугольные и круглые крепости с обводными коридорами (Дашлы 3), храмовые постройки, на алтарях которых почитали огонь, дворцы с парадными залами (Гонур). В долине Мургаба формируется одна из самых высокоразвитых цивилизаций эпохи бронзы Средней Азии [Сарианиди, 2008].

Относительно спокойная эпоха освоения быстро заканчивалась — на юг наступали, волна за волной, племена степной бронзы. Йима Прекрасный завершал третий круг поселения ариев на Юге.

САКИ

Эпоху господства в азиатском ареале степей саков и савроматов принято обозначать либо археологическими терминами, либо термином, в который вкладывают скорее этнографическое, нежели историческое, содержание, — «раннежелезный век», «эпоха ранних кочевников», «скифская эпоха». В последнем случае на весь кочевой мир Евразийских степей перенесено самоназвание одного из племен иранских кочевников Причерноморья (*скуда* или *шкуда*, более поздняя форма с показателем множественного числа — *сколоты*). «Все вместе они назывались сколоты... Скифами же их назвали греки», — писал Геродот [Геродот, IV, 6; см. также: Дьяконов, 1956, с. 242—245]. Свойственный скифам тип вооружения и конского убора, характерная скифская одежда, «звериный стиль» в искусстве засвидетельствованы археологическими раскопками на пространстве от Хуанхэ до Дуная, что и стало основанием для общего названия той культурной общности, которая сложилась в степях не позднее IX—VIII вв. до н. э. и просуществовала по крайней мере до III в. до н. э.

Как же называли себя скифские племена, кочевавшие к востоку от Волги? Первый по времени ответ на этот вопрос содержится в

знаменитой скальной надписи Дария I (правил в 522—486 гг. до н. э.), относящейся к начальным годам его царствования, Бехистунской надписи; там племена, жившие за Сыр-Дарьей, названы *сака*. Мы еще вернемся к рассказу Дария. Пока же отметим, что Геродот, чья «История» была завершена между 430—424 гг. до н. э., утверждает: «персы всех скифов называют саками» [Геродот, VII, 64]. Действительно, не только среднеазиатских, но и причерноморских кочевников, тех самых, кого греки именуют скифами, царь Дарий в надписи из Накши Рустама называет *сака парадрайа*, т. е. «заморскими саками». Создатели могучей империи Ахеменидов (550—330 гг. до н. э.), сами себя именующие «персами» и «ариями из арийского племени», хорошо знали своих соседей и сородичей. Название народа, употреблявшееся Ахеменидами столь расширительно, они не выдумали. В письменных свидетельствах из Передней Азии имя *сака* появляется задолго до ахеменидских надписей.

В конце VIII—начале VII в. до н. э. ассирийские цари были очень обеспокоены опустошительными набегами на их владения неких конных воинов, которых они именовали *гиммири*. Без малого через триста лет Геродот рассказал об уходе в Азию под натиском преследовавших их скифов народа киммерийцев, живших в Причерноморье в незапамятные времена. И киммерийцы, и ушедшие за ними на юг скифы создали в Малой Азии и Северном Иране свои небольшие царства, ставшие грозой для соседей. Ныне предполагается, что название *киммерийцы* (ассиро-вавилонские *гиммири*) вовсе не племенное имя, а древнеиранское обозначение подвижного конного отряда, совершающего набег [Дьяконов, 1981, с. 90—100]. Для соседей киммерийцев оно стало названием воинственных племен конных лучников, по своей культуре и образу жизни, как установили археологи, неотличимых от скифов-сколотов [см.: Иванчик; Алексеев, Качалова, Тахтасьев].

Сами персы в аккадской версии Бехистунской надписи хорошо известных им саков называют «киммерийцы» [Дандамаев, 1977, с. 32]. К этому кругу племен принадлежали и гиммири-киммерийцы, и причерноморские скифы, которые, по словам Геродота, «пришли из Азии», и все кочевники Приаралья и Семиречья, которых, с большим или меньшим успехом, старались сделать подданными империи Ахеменидов [Грантовский, с. 84—85; Раевский, с. 143—144].

То, что сакские племена осознавали свою генеалогическую и культурную общность, выраженную единством самоназвания и языковой близостью, не только не исключает, а, наоборот, предполагает существование местных этнотерриториальных группировок, больших и малых племенных союзов. Названия некоторых из них были зафиксированы в немногих сохранившихся доныне письменных текстах их соседей.

Известны две группы древних текстов, содержащих сведения о саках: клинописные наскальные надписи ахеменидских царей и сочинения греко-римских авторов, начиная с Геродота. В сочинениях античных авторов нашла некоторое выражение ахеменидская политическая и историографическая традиция, но все же преобладала иная информация, полученная разными путями и через разных посредников. К примеру, информаторами Геродота были не только персы, но и причерноморские греки, хорошо знакомые с местными скифами, сами путешествовавшие по скифским землям и собиравшие сведения о дорогах на восток.

Весь этот информационный массив имеет как бы три «этажа». Самый нижний, т. е. самый ранний «этаж», построен на сведениях древнеперсидских надписей и «скифском рассказе» Геродота. Второй «этаж» — сведения, полученные и сохраненные эллинами во время и непосредственно после походов Александра Македонского и его политических наследников (диadoхов и эпигонов) в Среднюю Азию. Наконец, третий «этаж» — сведения греческих и латинских писателей, не только воспроизводивших прежние рассказы, но и передававших сообщения, полученные от своих современников, так или иначе соприкасавшихся с миром центральноазиатских народов и стран. Этому хронологическому уровню синхронны сведения о центральноазиатских «варварах», запечатленные на бумаге в совсем другом конце ойкумены, т. е. тогдашнего «обитаемого мира», — в государстве Хань (древнем Китае).

Главными для стран глубинной Азии политическими событиями, по крайней мере с точки зрения иноземных историографов, были в VI—IV вв. до н. э. отношения с Ахеменидской державой, а в IV—III вв. до н. э. — поход Александра Македонского на восток и возникновение в центре Азиатского материка эллинистических или эллинизированных государств. Главными событиями, обусловившими содержание третьего информационного «этажа», стали крушение среднеазиатского эллинизма под натиском кочевой периферии и установление Великого Шелкового пути, впервые соединившего через Среднюю Азию суперцивилизации Дальнего Востока и Средиземноморья.

Началом сакской эпопеи для исторической науки древности были киммерийские и скифские вторжения в VIII—VII вв. до н. э. в Переднюю Азию и Причерноморье. Ее продолжением стали военные операции ахеменидских царей, Кира и Дария, против саков за Оксом и Яксартом (соответственно, Аму-Дарья и Сыр-Дарья), против «заморских», т. е. причерноморских саков — скифов-сколотов Геродота. На фоне этих событий появилась первая, не всегда ясная и не вполне достоверная, информация о родине сакских племен, об их жизни на своей земле, об их обычаях и нравах, об их племенах, об их северных и восточных соседях.

В 558 г. до н. э. главой персидских племен на юго-западе Иранского плато стал Кир, внук Кира, царя страны Парсуаш из рода Ахеменидов. Соседями его небольшого царства были четыре самые могущественные державы того времени — Мидия (на Иранском плато), Лидия (в Малой Азии), Вавилония (в междуречье Тигра и Евфрата) и Египет. В 553 г. до н. э. Кир восстал против своего сюзерена, мидийского царя Астиага, а через три года он уже поселился во дворце прежнего владыки Ирана. В 547 г. до н. э. было сокрушено Лидийское царство Креза, а в 539 г. до н. э. настала очередь Вавилонии. Никто не мог устоять перед персидским войском.

Но еще до захвата Вавилонии, между 545—539 гг. до н. э. Кир повернул главные силы своей армии на восток. Сведений о первом походе Кира очень немного, и они не отличаются точностью. Однако благодаря Бехистунской надписи известно, что Дарий унаследовал от Кира земли до северо-западных границ Индии, в том числе и страну саков. А античные историографы сообщают, что на границы с саками, близ Яксарта (т. е. Сыр-Дарья), был сооружен город-крепость Куриштиш (вероятно, Курушката — «город Кира»). Впоследствии он был назван спутниками Александра Македонского Кирополем. Мощные стены Кирополя с трудом проломили осадные машины македонцев, и взятая ими крепость была переименована в Александрию Эсхагу — «Александрию Крайнюю».

Второй, роковой для него, поход на восток Кир предпринял в 530 г. до н. э. уже глубоким стариком (ему было тогда около 70 лет). Очевидно, ситуация на восточной границе требовала решительных действий. Противников Кира через сто лет Геродот назовет массагетами, «племенем большим и сильным». Жили массагеты, по Геродоту, на равнинах к востоку от Каспия и за рекой Аракс, сорок рукавов которого завершают свой путь в топях и болотах, а один впадает в Каспийское море. Здесь Араксом названа Аму-Дарья, а ее главным рукавом — полноводный тогда Узбой. Для того, чтобы достигнуть массагетов, Кир наводит мосты и «сооружает башни на судах для переправы через реку» [Геродот, I, 205].

Вокруг последнего похода Кира в античной литературе сложилось несколько «остросюжетных», но совершенно легендарных повествований, связанных с именем массагетской «царицы Томирис», которая будто бы после гибели Кира в проигранном им сражении приказала бросить его голову в бурдюк, наполненный человеческой кровью. Впрочем, сам Геродот называет эту версию одним из «многочисленных рассказов о смерти Кира». Достоверно известно лишь, что Кир погиб в сражении на берегах Узбоя (т. е. Аму-Дарья) в начале августа 530 г. до н. э. и что тело его вовсе не стало добычей врагов. Напротив того, оно было доставлено в Пасаргады и погребено, после чего там

была сооружена великолепная гробница, сохранившаяся до сих пор. Осталось неясным, была ли разбита персидская армия, потерявшая царя, и покинула ли она завоеванные земли на берегах Аму-Дарьи.

Противников Кира античная традиция именует по-разному. Геродот называет их массагетами; Ктесий Книдский — врач, вернувшийся в Элладу в 398 г. до н. э. после семнадцатилетнего пребывания при персидском дворе, — дербиками; Берос — вавилонский жрец, историк и астроном, писавший по-гречески в III в. до н. э. и знавший как эллинистическую, так и персидскую традиции, именует племя, сражавшееся с Киrom, даями (дахами).

В 522 г. до н. э. в охваченном смутой Иране к власти пришел дальний родственник Кира, Дарий. Завоеванные прежде страны, и среди них страна саков, спешили восстановить свою независимость. Дарий начал вновь собирать империю, жестоко карая мятежников. Особенно суровой была расправа с Маргианой (Мерв, совр. г. Мары в Туркменистане), разгромленной сатрапом Бактрии, персом Дадаршишем, оставшимся верным Дарию. Вместе с маргианцами, как полагает немецкий исследователь Ю. Юнге, были разгромлены и приведены к покорности и саки [Junge, с. 182].

Через одиннадцать лет после гибели Кира и на третьем году правления Дария (в 519 г. до н. э.) события на востоке обеспокоили царя: «Говорит Дарий царь: затем я с войском отправился против Страны саков. Затем саки, которые носят остроконечную шапку, выступили, чтобы дать битву. Когда я прибыл к реке, на ту сторону ее со всем войском перешел. Затем я наголову разбил часть саков, а другую (часть. — С. К.) захватил в плен... Вождя их по имени Скунха взяли в плен и привели ко мне. Тогда я другого назначил их вождем, как было на то мое желание. Затем страна стала моей» [цит. по: Дандамаев, 1985, с. 100—101]. Таков текст победной надписи Дария на Бехистунской скале о походе против «саков в остроконечных колпаках», *саков-тиграхауда*. Здесь впервые назван один из сакских племенных союзов, но назван он тем именем, которое ему дали персы, выделившие в одежде саков этого племени характерную особенность.

Завершение битвы царя с саками-тиграхауда выгравировано на одной из печатей Дария — поверженный враг лежит у ног владыки, а другого, в высоком колпаке, царь хватает левой рукой, готовясь нанести удар коротким мечом.

Саки-тиграхауда не были до этой битвы подчинены персам, так как Дарий не называет их мятежниками, а их вождя, Скунху, не обвиняет во «лжи», т. е. в мятеже против власти. Сам Скунха изображен на Бехистунском рельефе не с обнаженной головой, как прочие мятежники, а в остроконечном колпаке высотой в половину его роста. Ничего не говорится и о казни Скунхи; упомянута лишь его замена

другим вождем, саком, угодным Дарию. Следовательно, поход Дария против саков-тиграхауда был не карательной акцией, а подчинением ранее непокоренного народа [Дандамаев, 1985, с. 101].

Местоположение страны саков-тиграхауда определяется названием той большой реки (употреблено слово *драйа* — «море, большая река»), через которую переправился Дарий перед битвой. В надписи река не названа, однако же имеются косвенные свидетельства, указывающие, что большой рекой, разделявшей тогда персов и саков, была Сыр-Дарья. В нескольких надписях, выгравированных на золотых и серебряных пластинах (такие пластины закладывались в фундамент строящихся царских дворцов), Дарий, определяя пределы своей державы, на крайнем ее северо-востоке называет страну «саков, которые за Согдом», на крайнем юго-западе — Куш (Эфиопию). Как отмечает Б. А. Литвинский, «в этих надписях Дарий несомненно хотел продемонстрировать колоссальные размеры своих владений, показав, насколько удалены друг от друга их крайние пределы. При этом, как совершенно правильно указал В. В. Струве, географические определения даются с точки зрения западного иранца, для которого Согд лежал на северо-востоке, а Эфиопия — на юго-западе. Следовательно... надписи должны указывать на саков, живших на северо-востоке от Согда» [Литвинский, с. 169]. Центром Согда был Самарканд (греч. Мараканда), но на востоке Согд граничил с Ферганой и Чачем (область Ташкента). Страна саков, находившаяся к северо-востоку от Согда и подчиненная персам, была отделена от согдийских земель Сыр-Дарьей.

Но единственный поход Дария против заречных саков, упомянутый в Бехистунской надписи, был поход против саков-тиграхауда, западная граница которых — правобережье Сыр-Дарьи в ее среднем течении, к северо-востоку от Согда.

Дарий и его наследник Ксеркс (правил в 486—464 гг. до н. э.) называют в своих надписях еще один племенной союз среднеазиатских саков, подвластных персам. Они названы *саки-хаумаварга*, т. е. «почитающие Хаому». Хаомой назывался возбуждающий напиток, получаемый из сока эфедры (хвойника) и употреблявшийся в культовых целях. Но «Хаома золотоглазый» был одним из арийских божеств, первым совершивший обрядовое истолчение хаомы и приготовление ритуального напитка. Ему посвящены торжественные строки в «Михр-Яште»:

Мы почитаем Митру,
Которому молился
Лучистый, властный Хаома
Целебный, златоглазый,
На высочайшем пике

Высоких гор Харати...
Он первый жрец, что хаому
Расписанную звездами
И созданную духом
Вознес к высокой Харати. [Авеста, с. 75—76]

Обиталище Хаомы — высокая Харати, т. е. Памиро-Алайская горная страна и прилегающие к ней горные системы, где обильно произрастает эфедра. Именно в предгорьях Памиро-Алая, в долинах у подножий высокой Харати, прежде всего в Фергане и Восточном Туркестане, были основные земли саков-хаумаварга. Далеким потомком языка этих саков был так называемый «хотано-сакский язык», сохранившийся в рукописях VIII—X вв. в оазисах Восточного Туркестана. В тех случаях, когда в ахеменидских надписях упомянуты просто «сака», без сужающего значения термина имени или определения, там имелись в виду саки-хаумаварга [Дандамаев, 1963, с. 178—180].

Персепольская надпись Ксеркса, вместе с саками-тиграхауда и саками-хаумаварга, называет среди подвластных Ахеменидам народов еще и дахов, которым вавилонянин Берос приписывал победу над великим Киrom. Никаких других «скифских народов» к востоку от Ирана древнеперсидские источники не знают, но их во множестве называют греко-римские авторы.

Геродот упоминает *саков-ортокорибантиев*, т. е. «острошапочных», и *саков-амюргиев* (так же у нескольких авторов, «саки царя Аморга/Омарга»), которых достаточно уверенно отождествляют с саками-тиграхауда и саками-хаумаварга персов. Неоднократно упомянуты и дахи (даи). Все остальные этнонимы сакских племен, названные в античных источниках, отсутствуют в ахеменидских надписях.

Наиболее загадочным казалось отсутствие упоминаний о *массагетах*, главных врагах персов со времен Кира. Ведь узбойско-хорезмийский регион, где Кир сражался с массагетами, вошел в состав Персидской державы; для персидского сатрапа, управлявшего Хорезмом и Приаральем, был построен великолепный дворец (ныне развалины Калалыгыр I, раскопанные Хорезмской экспедицией С. П. Толстова в 50-х годах) [Ставиский, с. 157; Ставиский, Яценко, 2002, с. 90—92]. Было выдвинуто логичное предположение, что массагеты эллинских авторов в персидских надписях упомянуты под другим именем. Такого рода гипотезу первым выдвинул А. Херман, ныне поддержанный Б. А. Литвинским: «Массагеты античных источников идентичны саккам-тиграхауда... Мы принимаем их идентификацию с массагетами и помещаем в западную часть Средней Азии» [Литвинский, с. 172—173]. Такая локализация саков-тиграхауда очень расходится, однако, с показаниями надписей Дария и делает маловероятным их отождествление с массагетами.

Если массагеты действительно фигурируют в ахеменидских надписях под другим именем, то более всего на отождествление с ними мог бы претендовать могучий племенной союз *дахов* (*даев*). Упомянутые еще Авестой среди племен, которые, по выражению Дария, «не чтили Ахуру Мазду», дахи помещены в Персепольской надписи Ксеркса в перечне самых крупных стран и народов, подвластных этому грозному завоевателю. Коренные земли дахов в IV в. до н. э. находились «за Танаисом», т. е. за Сыр-Дарьей, и «по Танаису» [Арриан, III, 28], а также в Приаралье [Страбон, XI, 9]. Среди союзников Дария III Кадомана (336—331 гг. до н. э.) в его проигранной войне с Александром названы и дахи. В битве при Гавгамелах, открывшей Александру путь на восток, дахи вместе с бактрийской конницей противостояли лучшей части македонской армии — коннице «друзей», личного окружения Александра. Характерная черта вооружения сражающихся дахов, необычная в то время, отмечена Аррианом: «сами скифы (дахи) и лошади их были тщательно защищены броней» [Арриан, III, 13]. Эти «дахи с Танаиса» сражались с македонцами и после гибели Дария, но затем они стали союзниками Александра в его походе на Индию. Отряд дахов назван «конными лучниками» [Арриан, V, 12].

Следует обратить внимание на важную деталь вооружения дахов — броню, защищавшую всадников и коней. Такого рода двойной доспех столетием раньше Геродот отмечает только у массагетов: «лошадям на грудь они надевают медные панцири» [Геродот, I, 215]. Появление катафрактариев — конных воинов в тяжелых пластинчатых доспехах и на защищенных боевых конях — отмечено не только письменными источниками, но и документировано археологическими находками в стране дахов и массагетов. Еще в 50-х годах Хорезмская экспедиция С. П. Толстова вела раскопки на городище Чирик-рабат — «столице» приаральских саков, расположенном на левом берегу Сыр-Дарьи, в верховьях ее пересохшего русла Жана-Дарьи. Там, в одном из погребальных сооружений, датируемом IV в. до н. э., был обнаружен железный пластинчатый доспех [Толстов, с. 148—150]. Такого рода защитная броня сохранилась в последующие века у родственных дахам парфян и не отмечена у других степных племен.

В трех далеких по времени и независимых друг от друга сочинениях — Авесте, надписи Ксеркса, труде Арриана — племена дахов обозначены одним и тем же именем — их самоназванием. Иначе следовало бы предположить существование общего для трех названных сочинений источника, что нереально.

Между тем название *массагеты* сохранилось только в античной историографии, где оно объединяло разные по хозяйству, образу жизни и культуре племена — от кочевников-коневодов до охотников за тюленями и собирателей кореньев, одевающихся «в древесную ко-

ру» [Страбон, XI, 8]. Массагеты в сочинениях греческих авторов связаны только территориальной общностью — Приаралье, низовья Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, район Узбоя. Отмеченные у них общие обычаи: остатки группового брака, ритуальное убийство и поедание стариков, — невероятно архаичны и не могут свидетельствовать о каком-либо единстве. Скорее всего, название «массагеты» объединяло целую группу племенных союзов, связанных бесконечно древней генеалогической традицией, еще сохранившей значение в консервативной сфере родоплеменной мифологии и зависимой от нее этнонимии, но утратившей политическую актуальность в середине I тыс. до н. э.

Рассмотрим внимательнее сведения Арриана, который упоминает при описании одновременных событий и скифов-массагетов, и скифов-даев, что, казалось бы, противоречит их сближению. Его повествование опирается на свидетельства спутников македонского завоевателя, записанные во время и после похода. В отличие от экзотических, удивляющих, привлекающих и отталкивающих читателя рассказов Геродота и Страбона, зависимых от многих и разных по времени информаторов, Арриан не восхищается доблестью массагетов (Страбон) и не пишет о «несметном количестве золота и меди» в их стране (Геродот). Но вот случай из военной судьбы согдийца Спитамена, почти три года ведшего партизанскую войну против македонской армии, который привлек на свою сторону отряд массагетов:

«Скифы эти (массагеты) жили в крайней бедности, не было у них ни городов, ни оседлого жилья, бояться за свои блага им было нечего, и поэтому склонить их на любую войну ничего не стоило... Потерпев поражение, массагеты разграбили обоз бактрийцев и согдиан, воевавших с ними, и бежали вместе со Спитаменом в пустыню. Когда до них дошла весть о том, что Александр собирается вторгнуться в пустыню, они отрезали голову Спитамену и послали ее Александру, чтобы этим поступком отвратить его от этого намерения» [Арриан, IV, 17].

Для Арриана массагеты были обитателями страны, что располагалась по левому берегу Окса (Аму-Дарьи); она граничит с Согдианой с запада. Дахи же для него, напротив, северо-восточные соседи Согдианы, обитатели долины Танаиса (Сыр-Дарьи). По представлениям спутников Александра, массагеты были беднейшие из скифов, готовые на любую войну ради наживы, не брезгающие грабежом и предательством союзников. Напротив того, дахи — закованные в броню всадники на покрытых доспехом конях, элитарная конница Дария в битвах с Александром и кавалерийский авангард Александра в битвах с индийским царем Пором, — конечно же, резко отличались от других скифов, но очень походили на конных воинов-массагетов из повествования Геродота.

Ни Арриан, ни его информанты не знали, что у внешне различных племен задолго до похода Александра была общая территория, общие политические и культовые центры в Приаралье, где расположены города-ставки «царей», общие святыни, связанные с почитанием солнечного бога Митры. Оставленные ими могильники, укрепленные городища и поселения по древним руслу Сыр-Дарьи — Жана-Дарье, Куван-Дарье, Инкар-Дарье — стали объектом исследования Хорезмской экспедиции. Археологические находки ярко характеризуют повседневную жизнь скотоводческих и земледельческих племен Приаралья в VII—II вв. до н. э. и выявляют несомненную зависимость памятников этого времени от памятников эпохи бронзы, их генетическую связь. Особенно это было заметно при раскопках мавзолеев эпохи бронзы Тагискена и сакских могильников Тагискена и Уйгарака на левобережье Сыр-Дарьи. Преимущество в развитии культур здесь вполне очевидна, и она распространяется на все Приаралье к востоку от Хорезма.

Племена столь огромного объединения кочевников, и не только кочевников, не могли быть одинаковы, но могли носить общее название. Массагеты — общее древнее имя приаральских племен, имеющих общую генеалогическую традицию и, возможно, общий эпоним, т. е. общего предка, чаще всего мифического, по имени которого и назван народ. Древнее эпонимическое имя массагетов сохранилось в иранской ономастике и зафиксировано письменно — одного из полководцев Ксеркса звали «Массагет, сын Оариза» [Геродот, VII, 71]. Неизвестно, кто был подлинным героем-эпонимом массагетских племен, но он носил то же самое имя.

Дахи — военное ядро сырдарьинских и приаральских племен, чье имя было единственно значимым в том политическом аспекте, который проявился в надписи Ксеркса. Именно поэтому нельзя исключить корректность сведений Бероса, назвавшего врагов Кира дахами.

Нельзя исключить также то, что еще одним массагетским племенем были дербики, которых Ктесий назвал победителями Кира. Так считает крупнейший исследователь античных источников по Средней Азии И. В. Пьянков, который относит к массагетам еще и апасиаков (апасиев, абиев) [Пьянков, 2004, с. 219—220].

В III в. до н. э. имя дахов (даев) полностью вытесняет более древнее общее имя — массагетов. Этот процесс тогда завершился даже в Прикаспии, где со времен Геродота эллинистские историки любое «скифское» племя считали массагетами. В 238 г. до н. э. одно из племен даев, *парны* (*парфяне*), возглавленное родом Аршакидов, создало в Иране новую империю, сменившую наследников Александра. А на севере, в степях Западного Казахстана и Приуралья, дахо-массагетская экспансия III в. до н. э., повторив события полуторатысячелет-

ней давности, заставила уйти в Причерноморскую Скифию племена *сарматов*, потомков савроматов Геродота, близких сакам по языку, образу жизни и культуре.

Некоторые современные исследователи предполагают, что в III в. до н. э. дахи, продвинувшись с Сыр-Дарьи в прикаспийские степи, вытеснили с их земель массагетов. Но достоверно ответить на вопрос, куда делись и где появились «вытесненные» массагеты, невозможно. Массагеты окончательно стали дахами. Закончилась трехвековая история деградации их названия.

Мир заяксартских степей и гор был, по существу, закрытым миром для античных авторов. Древнейшие сведения, касающиеся его и приводимые Геродотом, основываются на поэме некоего Аристея из города Проконнес на Мраморном море, владельца сукновальной мастерской. Аристей, будто бы по внушению Аполлона, совершил шестилетнее путешествие через страну скифов на восток, стремясь достигнуть земель таинственных гипербореев. Он дошел до страны *исседов* или *исседонов*, а возвратившись, изложил свои впечатления в поэме. Жил Аристей в VII в. до н. э. [Пьянков, 1978, с. 184—190]. В VI—V вв. до н. э. Гекатей Милетский и сам Геродот передают немало сказочных рассказов, услышанных от скифов: «А скифы, которые к ним [эллинам] прибывают, договариваются с помощью семи переводчиков, на семи языках» [Геродот, IV, 24].

Большинство исследователей ныне локализуют исседонов в лесостепях Зауралья и в Казахстане. Некоторые обычаи исседонов схожи с обычаями массагетов. Крупнейший исследователь сакских археологических памятников Казахстана К. А. Акишев считает, что ранне-сакская культура Центрального Казахстана, названная «тасмолинской», принадлежит исседонам, которых он безусловно относит к кругу сакских племен. Более того, расцвет сакской культуры в Семиречье и Южном Казахстане, по мнению К. А. Акишева, «является результатом переселения центральноказахстанских исседонских племен с почти сформировавшейся культурой сакского типа на юг Казахстана и в Киргизию» [Акишев, Кушаев, с. 134—135].

Дальнейший рассказ Геродота носит откровенно легендарный характер, быть может, вследствие передачи через «семь языков» и «семь переводчиков»: «Выше исседонов живут одноглазые мужи — аримаспы. Над ними живут стерегущие золото грифы, а выше этих — гиперборей, достигающие моря. Кроме гипербореев, все эти племена, начиная с аримаспов, всегда нападали на соседей» [Геродот, IV, 13].

Здесь реальны не столько имена племен, сколько сообщения о бесконечных войнах между ними, о постоянных столкновениях, ведущих к переселениям целых народов: «И как аримаспами вытесняются из стран исседоны, так исседонами — скифы» [Геродот, IV, 13].

Вспоминаются слова скифа в передаче греческого поэта Лукиана: «У нас ведутся постоянные войны, мы или сами нападаем на других, или выдерживаем нападения, или вступаем в схватки из-за пастбищ и добычи» [Хазанов, с. 34].

Наиболее яркое впечатление о сакской культуре Средней Азии и Казахстана дают археологические памятники, прежде всего знаменитые Бешатырские курганы в долине р. Или и редкий по богатству находок Иссыкский курган. Большой Бешатырский курган диаметром 104 м и высотой 17 м, окруженный валом, представляется подлинным архитектурным сооружением. Внутри кургана построена погребальная камера из стволов тяньшаньских елей. К сожалению, эти «царские» усыпальницы были ограблены еще в древности. Случайно уцелело погребение «золотого человека» из кургана Иссык, датированное IV в. до н. э. Описанию погребения посвящена специальная монография [Акишев, 1978]. Среди находок наиболее важной представляется двухстрочная надпись из 26 знаков неизвестного руноподобного письма, процарапанная на серебряном сосуде; проблема ее расшифровки еще не решена¹. Погребенного юношу К. А. Акишев относит к числу вождей саков-тиграхауда.

Теперь может быть предложено дальнейшее развитие этого определения. Как уже отмечено, саки, жившие за Сыр-Дарьей в ее среднем течении, названы в персидских надписях «саками, носящими остроконечные колпаки». Парадным вариантом такого головного убора была тиара иссыкского юноши. Но название по одному этнографическому признаку, заметному только внешнему наблюдателю, обычно не может быть самоназванием народа. Разгадка этнонима — в последующих событиях сакской истории.

Во II в. до н. э. начались крупные подвижки степных племен, начатые формированием в Центральной Азии державы гуннов (см. ниже). Движение ушедших на запад после долгой и неудачной для них войны юэчжийских племен и вытесненных со своих пастбищ в Восточном Туркестане усуней обрушилось на семиреченских саков, которых китайская хроника именуется сз, «сак». Саки ушли в нескольких направлениях, в том числе к Сыр-Дарье. Между 141—128 гг. до н. э. они перешли Яксарт и сокрушили в Греко-Бактрии наследников Александра. В поле зрения античных авторов попали племена, до то-

¹ В настоящее время известно около 30 надписей, выполненных письмом этого типа. Все они, кроме надписи Иссыка, обнаружены на территории древней Бактрии (Южный Узбекистан, Южный Таджикистан, Северный Афганистан). В. В. Ветроградова предварительно выделила три разновидности этого неизвестного алфавита, причем ранняя разновидность представлена только двумя надписями (Иссык и Ай-Ханум) и датируется IV—II вв. до н. э. Две другие разновидности относятся к первым векам н. э. [Ветроградова, 2001, с. 129—131].

го неведомые им. Страбон (XI, 8) называет четыре племени, перешедшие Яксарт: асии, пасианы (иной вариант: «асии или асианы»; тогда число племен сокращается до трех), тохары и сакараулы. Другой автор, Юстин в пересказе сочинения римского историка I в. н. э. Помпея Трога называет два скифских племени — сакарауков и асианов, упоминая, впрочем, в другом месте тохар. В оглавлении несохранившейся 42-й книги «Истории» Помпея Трога имеется следующий отрывок: «ассиане, став царями тохар, погубили сакараваков» (вариант: «азиатские цари токаров и гибель сарауков») [Юстин, XI, 11].

Истории этих загадочных племен посвящено в научной литературе немало страниц, но достоверных выводов немного. Во всяком случае, до переправы через Яксарт племена жили восточнее. Собственно сакской группой племен в этом перечислении были *сарауки* (*сакараваки*, в более точной передаче — *сакарауки*). Их имя теперь объяснено на древнеиранском языковом материале: *сака раука* «светлые саки» [Грантовский, с. 79]. По другой этимологии этот этноним восстанавливается как «царские саки» [Bailey, с. 207]. Скорее всего, именно их называет саками китайская династийная история, когда повествует об изгнании усунями народа сэ из Семиречья. Судя по туманному сообщению автора IV в. Оросия, пользовавшегося ранними источниками о связи дахов и сакарауков с «рекой Ганг», ушедшие из Семиречья сакарауки обосновались первоначально в царстве Канг на средней Сыр-Дарье, именуемом в китайских источниках Кангюй. Лишь по прошествии многих лет сакарауки, вместе с асианами и тохарами, завоевали Бактрию и там были «погублены».

Если эта реконструкция событий верна, то сакарауки, «царские саки», были теми самыми племенами, которые в V—II вв. до н. э. владели Семиречьем.

Сакские племена Казахстана были прямыми потомками андроновского населения — ариев и туров, дахов и данов Авесты. Этот неоспоримый вывод подтверждают археологи, проводящие прямые линии связей между андроновской и сакской культурами, а также антропологи, установившие генетическую преемственность населения сакского времени от населения эпохи бронзы [Акишев, Кушаев, с. 121—136; Исмагулов, с. 33]. Вместе с тем было установлено, что с начала сакской эпохи у обитателей приаральских и приуральских степей появляются монголоидные примеси центральноазиатского происхождения, сказавшиеся на их облике. По словам В. П. Алексева, «широкий пояс евразийских степей... (на век-два раньше середины I тыс. до н. э.) заволновался. Через него потянул ветерок с востока, население стало впитывать этнические влияния центральноазиатского происхождения. Среди европеоидов появились люди какого-то чужого, мало знакомого облика — с жесткими черными волосами и раскосыми

глазами... Этих людей было мало, единицы, но потом, к началу нашей эры, их количество стало увеличиваться» [Алексеев, с. 255].

Главным прорывом века бронзы, из мира авестийских ариев, — в железный век, век скифо-сакских племен, был прорыв в образе хозяйственной деятельности и, соответственно, в образе жизни. Знаменем прорыва стало сложение кочевого скотоводческого хозяйства. Переход к кочевничеству вовлек в хозяйственный оборот огромные незаселенные и неиспользовавшиеся ранее междуречные степные пространства. Изменившееся в позднеандроновскую эпоху стадо, где крупный рогатый скот все более заменялся лошадьё, не требующей повседневного ухода и способной к тебеневке, позволило в начале I тыс. до н. э. резко удлинить маршруты перекочевок и сделать их сезонными. Однако вместе с ростом стада и специализацией хозяйства возросла зависимость населения степи от погодных и климатических колебаний и состояния пастбищ. Любой сбой в природных циклах создавал кризисную ситуацию, которая не могла полностью компенсироваться ослабленным земледелием на зимниках, в поймах рек и ручьев. Обусловленность миграций, завоевательных походов, набегов кризисными изменениями в кочевом хозяйстве смутно сознавали и сами кочевники (вспомним цитированные ранее слова Лукиана). Не исключался и временный возврат к оседлому или полуоседлому быту и даже к ирригационному земледелию части племен союза, что, например, наблюдается археологами у дахов нижней Сыр-Дарьи. Оседание стимулировалось и резким расслоением племени по уровню богатства, по величине стада, находившегося в собственности разных семей. Беднейшие семьи неизбежно оседали.

Кочевой быт в Евразийских степях полнее описан в других разделах книги. Пока же заметим, что появление кочевого хозяйства было наиболее рациональным ответом общества на изменение природной среды, резкий рост народонаселения в конце эпохи бронзы и на усилившуюся военную опасность. Последняя была обусловлена появлением всадничества и созданием войска конных лучников — подвижных, тактически пластичных, обладающих огромными возможностями быстрых и длительных перемещений и высокой поражающей силой оружия.

Высоким боевым качествам сакских воинов и удивительной резвости их коней античные авторы посвятили немало строк. Остановимся на одном, отнюдь не военном, а спортивном эпизоде, характеризующем еще и этические нормы саков. Ксенофонт (434—355 гг. до н. э.), долго живший при персидском дворе, рассказывает: «Персидский царь устроил конные ристалища для всадников, представлявших разные народы. Длина беговой дорожки была определена в пять стадиев (около одного километра. — С. К.). Когда начались бега, то какой-то

молодой сак вырвался вперед и достиг финиша, оставив всех остальных всадников почти на половине дорожки. Персидский царь предложил саку царство в обмен на коня, но тот отказался, заявив, что отдал бы коня лишь в обмен на благодарность храброго человека» (цит. в изложении И. В. Пьянкова: [Пьянков, 1975, с. 37]).

В суждениях о социальном устройстве сакского общества скудость письменных источников заставляет более полагаться на археологический материал. Действительно, различия между громадными погребальными сооружениями знати и рядовыми погребениями наглядны и впечатляюще убеждают в далеко зашедшей дифференциации общества. Имущественная поляризация внутри племени усиливала, конечно, и социальное расслоение всего общества, но далеко не всегда играла решающую роль для статуса его членов. Принадлежность к знатному роду или личная воинская слава были не менее престижны в сакских племенах.

Сакские цари, упоминаемые античными источниками, обладали немалой властью, они решали вопросы войны и мира, посылали послов и заключали союзы, возглавляли войско. Во времена Ктесия (конец V—IV в. до н. э.) страна саков не входила ни в одну из ахеменидских сатрапий, а царь саков считался не подданным, а союзником персидского царя [Пьянков, 1975, с. 32]. Однако пределы их власти внутри племен неясны. Царская власть сохранялась в одном роду. Арриан упоминает о случае, когда умершему царю наследовал его брат. Более неопределенны сообщения о наследовании власти царицами — все сведения о них содержатся в явно легендарных повествованиях или связаны с литературными сюжетами.

Роль народного собрания отмечена только единственным сообщением о переговорах Александра с «царем скифов» после неудачного для саков (вероятно, дахов) столкновения на Танаисе. Царь не считает этот бой войной, так как напала на македонцев, по его словам, сакская вольница, а «скифский народ в целом» войну Александру не объявлял. Возможно, этот случай свидетельствует об ограничении власти вождей решениями и властью народного собрания, т. е. всех взрослых мужчин племени.

В числе институций царской власти Арриан упоминает сатрапов, т. е. поставленных царем управителей в какой-либо местности или племени. На втором месте названы «могущественные мужи скифской земли», т. е. военно-племенная аристократия. Вообще же сведения о сословиях у саков отсутствуют, и их существование возможно предположить лишь по аналогиям. Так, упоминание у массагетов пехоты, может быть, свидетельствует о безлошадных членах сакской общины. Свидетельства греческих авторов о скифах Причерноморья, выделяющих кроме племенной знати и рядовых общинников еще и сословие жрецов, вполне допустимо распространить на саков.

Духовная культура и религия саков реконструируются скорее по памятникам искусства, чем по письменным памятникам. Близость представлений саков о мире богов с уже упомянутыми религиозными воззрениями ариев (в частности, общий для них культ Митры) позволяет опустить эту тему. Во всяком случае, скифская эпоха в евразийских степях была ознаменована такими шедеврами артистического мастерства, связанными с мифологией и пантеоном саков, представления о которых могут дать только специальные работы (см., например: [Акишев, 1984]).

Непосредственными продолжателями сакских традиций были в первые века н. э. усунь в Семиречье и царство Канг (Кангюй) в при-сырдарьинских оазисах и западной части Семиречья. Появление во II в. до н. э. на территории древней авестийской «Кангхи, высокой и священной» царства Канг, скорее всего, связано с переселением сюда части юэчжийских (тохарских) и сакараукских племен, поделивших с усунями прежние земли заяксартских и семиреченских саков. Однако подлинное изменение этнической, расовой и культурной обстановки связано с поистине эпохальным событием — великим переселением с Востока.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В I ТЫС. ДО Н. Э.

В начале I тыс. до н. э. завершилась иранизация населения в зоне оседло-земледельческой и городской культуры Средней Азии. Из Авесты известны названия первых государств этой огромной страны — Бахди (Бактрия), Гава Сугда (Согд), Харайва (Арея, область Герата и долины Герируда-Теджена), Вркана (Гиркания), Харахвати (Арахозия), Моуру (Маргиана). Если исключить мало достоверные рассказы Ктесия о походах сюда ассирийцев и мидян, иных сведений о начальных веках истории перечисленных стран нет. Судя по реминисценциям в источниках более позднего времени и результатам археологических исследований, крупнейшими государствами Средней Азии в VII—VI вв. до н. э. были Бактрия, возможно включавшая тогда в свой состав Маргиану, Согд и Хорезм, не упомянутый в Авесте.

Походы Кира и Дария, о которых уже рассказывалось, позволяет связать события этого региона с историей Передней Азии, а по существу — с тогдашней «мировой историей». Около двухсот лет страны Средней Азии и окружающие ее оазисы кочевые племена были частью Ахеменидской державы, контролируемые правителями четырех сатрапий (административно-податных провинций). Племена, обитавшие между Каспием и Аму-Дарьей, входили в состав XI сатрапии и ежегодно выплачивали подать в 200 вавилонских талантов (1 вавилонский талант был приближи-

тельно равен 30 кг серебра). Хорезм, Согд и Парфия, входившие в XVI сатрапию, платили 300 талантов; впрочем, уже в конце V в. до н. э. Хорезм был выделен в отдельную сатрапию, а в начале IV в. до н. э. обрел самостоятельность. Бактрия была XII-ой сатрапией и платила 360 талантов. Саки же, входившие в XV-ю сатрапию, платили 250 талантов. Для сравнения заметим, что подать Вавилонии, самой богатой провинции державы, составляла 1000 талантов.

Кроме уплаты податей из населения среднеазиатских сатрапий рекрутировалась немалая часть ахеменидского войска. Геродот упоминает, что в армии Ксеркса были отряды бактрийцев и саков-амюргиев, которыми командовал сын Дария Гистасп. Персидский военачальник Артабаз командовал отрядами парфян и хорезмийцев, а согдийцев возглавлял перс Азан. На персидских кораблях служили каспии, жители Ареи и саки. Все они участвовали в греко-персидских войнах, служили в отдаленных гарнизонах вне пределов своих сатрапий. Из документов персидского архива с острова Элефантина на Ниле известно, что там служил хорезмиец Даргаман, а в египетском городе Мемфисе стоял гарнизон из конников-саков.

Персидскую администрацию во владениях Ахеменидов возглавляли знатные персы, для которых, как это установили археологи в Хорезме, строились дворцы на манер дворцов персидских царей. И, тем не менее, в Средней Азии власть Ахеменидов опиралась на теснейший союз с местной аристократией, служившей царю не за страх, а за совесть. Вхождение в имперское пространство и имперскую структуру создало там для элитарных групп такие возможности обогащения и проявления себя на военно-административном поприще, что до самого конца Ахеменидов среднеазиатские воинские контингенты были их верной опорой.

Бактрийская аристократия не только не проявляла сепаратистских настроений, но, напротив того, активно пыталась укрепить свое влияние при царском дворе, зачастую поддерживая в частых династийных междоусобицах тех представителей рода Ахеменидов, кто был связан с Бактрией и ее знатью личными интересами и родственными узами. Даже после гибели разгромленного Александром Дария III Кадомана, его родственника (и убийцу) Бесса, по словам Диодора Сицилийского, «народ Бактрии» провозгласил царем.

Середина I тыс. до н. э. ознаменовалось для земледельческих стран Средней Азии новым подъемом ирригационного хозяйства. Как выявили археологические исследования, VI—IV вв. до н. э. стали временем усиленного строительства мощных магистральных каналов, подводивших воду на земли, лежавшие вне зоны естественных разливов рек. В сфере культивации оказались, наряду с издревле используемыми, значительные новые территории. Так, зафиксированы каналы и поселения этого времени в Кобадиянском оазисе и в долине Вахша. Вероятно, в ахеменидское

время начали строить первые крупные системы кяризов (подземных оросительных каналов). Их сооружение в немалой степени связано с хозяйственной политикой ахеменидских царей, всячески поощрявших освоение целинных залежных земель; недаром Полибий, писавший о «парфянской пустыне» во II в. до н. э. и упомянувший существование там подземных каналов, отметил, что все они построены «при персах». Геродот повествует о громадном водохранилище, контролируемом персидской администрацией, построенном в долине реки Акес (Теджен или Мургаб), вода из которого сбрасывалась на поля лишь за дополнительную к обычным податям оплату. Об обширной оросительной сети в долине Политимета (Зеравшана) пишет Страбон.

Освоение новых земель под пашню и вовлечение в международную торговлю и межрегиональные связи того времени предопределили быстрый рост городов и сельских поселений. Огромных размеров достигли часто упоминаемые в письменных источниках Бактры (ныне район Балха) и Мараканда (Самарканд). Самарканд ахеменидского времени занимал площадь в 200 га, был обнесен стеной, протяженность которой, по словам Квинта Курция Руфа, достигала 70 стадиев (12,0—12,5 км) и имел мощную цитадель, обнесенную рвом. Очень крупное поселение того времени выявлено археологами и в Хорезме. В Южной Туркмении выделяется своими огромными размерами городище древнего Мерва (Гяуркала), периметр которого достигает 7,5 км. В долине Кашка-дарьи археологами исследовано городище середины I в. до н. э., Еркурган, площадью в 35 га.

Хлынувшая после македонского завоевания (20-е гг. IV в. до н. э.) на земли среднеазиатского юга волна новых поселенцев, прежде всего эллинов и эллинизированных жителей Малой Азии и Сирии, хотя и строили новые городские поселения, практически оказались в достаточно урбанизированной стране со своими традициями городской и оседло-земледельческой жизни, структурно мало изменившимися за несколько столетий интенсивного воздействия эллинистической культуры.

В Согде и Бактрии было построено 8—12 городов, среди которых упоминаются Александрия Эсхата на Яксарте, Александрия Арейская (Герат), Александрия на Оксе (район Термеза), Александрия Бактрийская (возле Балха), Александрия Маргианская (ныне Байрам Али). В них было расположено македонское войско — 20 тыс. пехоты и 3 тыс. всадников.

Земли, завоеванные Александром в Средней Азии, унаследовало Греко-Бактрийское царство, отколовшееся в 246 г. до н. э. от державы ближайшего сподвижника Александра — Селевка и его наследников. Основателем царства стал наместник Бактрии Диодот, опиравшийся на многочисленные военные колонии эллинов — *катакии*. Но подлинным основателем могущества царства стал грек из Магнессии Евтидем, при-

шедший к власти между 235—230 гг. до н. э. и правивший до 200 г. до н. э. Он впервые распространил власть греческой администрации на Фергану и, возможно, часть Восточного Туркестана. В 209—206 гг. до н. э. Селевкид Антиох III Великий предпринял попытку вернуть власть над Бактрией. Десятитысячное конное войско Евтидема было разбито и селевкидская армия осадила Бактры. После двухлетней осады Антиох пошел на уступки, фактически признав Евтидема правителем Бактрии. Одним из доводов в пользу мирного соглашения стала «угроза Евтидема» — он напомнил Антиоху, что на севере полчища кочевников опасны им обоим: «...если только варвары перейдут границу, то страна, наверное, будет завоевана ими» (Полибий, XI, 34). Сын Евтидема, Деметрий, продвинул власть эллинов далеко на юг, в Индию. Господство эллинов в сердце Азии достигло своего апогея. Но уже в 170 г. до н. э. вернувшийся из Индии Деметрий был убит военачальником Евкратидом, после трагической гибели которого (он был убит собственным сыном около 155 г. до н. э.), начался неуклонный упадок Греко-Бактрии. Индийские владения отошли к сподвижнику Деметрия, Менандру, который принял буддизм и известен в индийской традиции как «мудрый царь Мелинда». Бактрия захлебнулась в кровавой междуусобице и в 128 г. до н. э. посол китайского императора Чжан Цянь застал страну уже покоренной кочевыми племенами. Они пришли с востока, из глубин Великой Степи. Каковы же истоки тех событий, которые изменили этническую карту и политический ландшафт Евразии?

ГЛАВА II ДРЕВНИЕ ИМПЕРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ВЕЛИКОЙ СТЕПИ В НАЧАЛЕ I ТЫС. Н. Э.

В течение I тыс. до н. э.—первой половине I тыс. н. э. оседлое население и кочевые племена в полосе степей и гор между Нижним Поволжьем и Алтаем были преимущественно носителями индоевропейских языков. Вместе с тем уже тогда в результате интенсивных и постоянных миграций населения в евразийских степях на территорию Казахстана и Средней Азии постоянно проникали более или менее компактные группы не только индоевропейских, но также протоугорских племен из Западной Сибири и Приуралья и так называемых «алтайских» племен из Восточной Сибири и восточной части Центральной Азии. *Алтайскими* эти племена названы условно; первоначально они формировались значительно восточнее Алтая, на огромной территории Южной Сибири, между Енисеем и Тихим океаном, в Монголии, Маньчжурии и на пространстве, занимаемом ныне провинциями Северного Китая. Во II—I тыс. до н. э. в среде «алтайских» племен постепенно сформировались пратюрко-монгольская и пратунгусо-маньчжурская языковые общности. Внутри первой из них в середине I тыс. до н. э. началось сложение прототюркских и протомонгольских

языков, причем племена — носители протомонгольских языков консолидировались в Северной Маньчжурии и Северо-Восточной Монголии, а племена — носители прототюркских языков расселялись главным образом в Центральной и Внутренней Монголии, от Байкала до Ордоса. Процессы языковой дифференциации были весьма сложными и протекали в разных областях неодинаково; на многих территориях прототюркские и протомонгольские племена жили смешанно; в Западной и Центральной Монголии, где до начала II в. до н. э. преобладали юэчжи, говорившие на языках индоевропейской семьи, прототюркские племена находились в непосредственном соседстве с ними.

Такова была, в самых общих чертах, этнолингвистическая карта Средней и Центральной Азии до образования той кочевнической империи в Центральной Азии, которая была создана племенным союзом хунну (*гуннов*), оттеснившим юэчжей и многочисленные сакские племена в Среднюю Азию.

Хотя сами гунны не относились к числу «алтайских» этносов, внутри гуннской конфедерации преобладали племена, говорившие, по-видимому, на древнейших тюркских языках; следует учесть, что в лингвистическом отношении кочевые племена, входившие в состав гуннской империи, не были однородны.

Проникновение прототюркских и протомонгольских племен на запад началось рано; уже у приуральских ираноязычных саков антропологи фиксируют монголоидную примесь. Именно «алтайские» племена были основными носителями монголоидного физического типа. Среднеазиатские и казахстанские степи в I тыс. н. э. были очагом постоянных языковых и культурных контактов иранских, угорских (приуральских) и «алтайских» племен. Однако, вероятно, лишь после начавшегося на рубеже н. э. движения на запад племен в степной зоне Средней Азии начинают складываться тюркоязычные общности [Пуллиблэнк, 1986; Дёрфер, 1986].

В IV—V вв. н. э. в Поволжье и Западном Казахстане консолидируются так называемые *огурские* племена, самым крупным из которых стали в V в. *болгары*. Они говорили на одном из архаичных тюркских языков. По отдельным словам и грамматическим формам, сохранившимся в письменных памятниках и отразившим язык волжских и дунайских болгар (до славянизации последних), установлено, что болгарское наречие было историческим предшественником современного чувашского языка; его элементы сохранены также у татар Поволжья, гагаузов, кумыков и некоторых других тюркоязычных народностей [Бенцинг, 1986].

Все эти этнолингвистические процессы связаны с изменениями, которые на протяжении многих столетий происходили в глубинах Центральной Азии и на Дальнем Востоке, с изменениями, которые

породили мощные миграционные потоки, сотрясавшие цивилизации Средней и Передней Азии, а затем Европы на протяжении более тысячелетия. Именно на востоке Великой Степи родилась кочевая государственность того типа, который был свойственен протогосударственным и государственным образованиям кочевников Средней Азии и Казахстана.

СРЕДИННОЕ ЦАРСТВО И «СТРАНА ДЕМОНОВ»

В середине II—начале I тыс. до н. э. на востоке Евразии окончательно сформировались два отличных друг от друга хозяйственно-культурных региона — собственно китайский, в среднем и нижнем течении Хуанхэ, и центральноазиатский, охватывающий огромную территорию от Восточного Туркестана на западе до Южной Маньчжурии на востоке, от Гоби и Ордоса в излучине Хуанхэ до Тувы и Забайкалья.

В долине Хуанхэ сложился мощный очаг земледельческой и урбанистической цивилизации (археологический комплекс Аньяна), породивший свою архаическую государственность. По традиционной китайской историографической периодизации к древней истории Китая относятся эпоха династии Инь (Шан, XIV—XII вв. до н. э.) и эпоха династии Чжоу (XII—III вв. до н. э.). В свою очередь, эпоха Чжоу подразделяется на периоды Западного Чжоу (1122—771 гг. до н. э.), Весны и Осени (771—464 гг. до н. э.) и Борющихся Царств (463—222 гг. до н. э.). В конце XI в. до н. э. в надписи на бронзовом сосуде впервые употреблено сочетание *Чжунго* «Срединное царство» [Васильев, 1995, с. 223].

На большей части центральноазиатского региона основной хозяйственной деятельностью стало полукочевое и кочевое скотоводство (кони, быки, овцы, верблюды), сочетавшееся с примитивными формами земледелия и охотой. Лишь в оазисах Восточного Туркестана, прежде всего в бассейне р. Тарим, сложилась на базе ирригационного земледелия оседлая культура. Племена, населявшие тогда Центральную Азию и Южную Сибирь, освоили металлургию бронзы и железа, металлообработку, колесные повозки, а затем и всадничество. Жилищем им служила полусферическая с коническим верхом войлочная кибитка, которую при перекочевке укрепляли на большой повозке, влекомой быками. Облик «предскифской» и «скифской» культур Центральной Азии, восстанавливаемый археологами, дополняется письменными текстами, созданными в древнем Китае.

В иньских гадательных надписях на панцирях черепах и лопаточных костях животных северо-западные соседи иньцев именуется *ця-*

нами, «лошадиными цянами» и «во множестве разводящими лошадей цянами». Позднее, в эпоху Чжоу, название *цян* исчезает и те же соседи именуются *жунами*. Северные и северо-восточные соседи названы *ди*, но они появляются в поле зрения китайской историографии лишь при описании событий VII—IV вв. до н. э. Возможно, часть племен *ди* относились к кочевникам «скифского» круга, что археологически засвидетельствовано находками бронзовых изделий — великолепными памятниками «скифского» искусства Ордоса и Внутренней Монголии.

Какие отношения сложились между обеими столь разными культурными общностями?

По словам крупнейшего американского исследователя древнекитайской цивилизации Хэрли Крила в «западночжоускую эпоху варвары играли в китайской истории в высшей степени важную роль. Они олицетворяли собой заклятого врага, противостояние которому требовало постоянного напряжения всех военных сил государства» [Крил, 2001, с. 135]. Особенно досаждали чжоуским правителям (*ванам*) племена жунов, обитавших к северо-западу от земель Чжоу, в *Гуйфан* «Стране демонов». О сражениях с ними и победах над ними многократно повествуют столь специфические для той эпохи тексты, как пространные надписи на ритуальных бронзовых сосудах, которые Х. Крил назвал «самыми важными источниками, дошедшими до нас из чжоуских времен» [Крил, с. 322].

Предоставим слово современникам и участникам тех событий, жившим в конце XI—X вв. до н. э. Жунское племя *сяньюней* не раз угрожало столичному горбду и ван отдал приказ полководцу Бо наказать беспокойных соседей. «[Полководец] Бо сказал [молодому] Буци: „...Я повелеваю тебе следовать в колеснице в направлении Ло. Во главе моих колесниц напади на сяньюней возле Гаоиня. Да побольше отруби голов и захвати пленных! Смотри, не ввергни мои колесницы в беду!“» В следующем сражении противник разбит, захвачены пленные и трофеи: «Ши-гун отрубал головы и пленял врагов. Добыл 5 боевых колесниц и 20 телег, 100 баранов, о чем и доложил вану. Захватил 30 металлических шлемов, 20 треножников, 50 котлов, 20 мечей“» [В. Крюков, 1985, с. 10].

Надпись на другом сосуде описывает более драматическую ситуацию — нападению подверглась столица. Более того, город был захвачен сяньюнями: «В 10-м месяце [предводитель] сяньюней Фансин напал на столицу. [Об этом] доложили вану. [Ван] приказал У-гуну: „Пошли своих доблестнейших воинов изгнать [сяньюней] из столицы“. В день гуй-вэй неприятель напал на Сюнь и многие жители были угнаны в плен. Дою, следуя по пятам сяньюней, устремился на запад. В день цзя-шэнь сразился у Чжу. Дою правой рукой рубил сплеча и

брал пленных. Всего, при поддержке колесниц У-гуна, сразил 205 человек, 23 человек захватил живыми, добыл 107 вражеских колесниц... освободил пленных, [захваченных сяньюнями в] Сюнь. Затем был бой при Гун. [Дою], обезглавив в сражении 35 человек, двух взял в плен, захватил 10 колесниц... Затем он настиг противника у Чанцзя. Колесницы У-гуна поразили 115 [сяньюней], трое были взяты живыми. Но вот колесницы [противника] захватить не удалось, потому как все они были сожжены в сражении, а кони перебиты. Дою освободил людей угнанных [сяньюнями] из столицы... И ван сказал У-гуну: „Ты очистил столицу. Жалую тебя землями и полями!“ Гун лично сказал Дою: „Ты очистил столицу. Жалую тебя яшмовым украшением и бронзовым колоколом“» [В. Крюков, с. 11—12].

Один из текстов на сосуде описывает триумф полководца Юя: «Еще не рассвело, когда правители царств по трое слева и справа вошли в храм... Занялась заря и ван взошел в храм Чжоу... Юй вошел через южные ворота и доложил вану: „Государь приказал Юю напасть на Гуйфан... [я сразился с неприятелем и] захватил 4800 отрезанных ушей, пленил вражеского населения 13 080 человек, добыл лошадей ... голов, 32 телеги, быков — 315, 38 баранов. В мою добычу вошли: 237 отрезанных ушей ... лошадей 104, телег 102“. Ван сказал: „Это славно!“ ... Юй отвесил земной поклон и ввел [пленного] вождя в зал... Вождя допросили о причинах [его неповиновения], после чего отсекли ему голову... Юй вводил пленных и вносил отрезанные уши через ворота, поднося [их вану] у западных ступеней храма» [Крюков, 1985, с. 10—11]. Затем, в качестве жертвы сожгли тысячи отрезанных ушей [Крил, 2001, с. 162].

А древнейшее собрание китайского фольклора, *Ши цзин* («Книги песен») описывает выступление в поход чжоуского войска:

«Мы выводим свои колесницы в предместье столицы. Здесь мы поднимаем знамя с черспахой и змеей! Там мы поднимаем флаг с хвостом буйвола! Флаг сокола и знамя черепахи и змеи рвет по ветру!» [Крил, с. 176—177].

Подобные повествования на бронзе, где совмещены рапорты о походах и сражениях, инвентарные списки трофеев, описания триумфа победителей и казни вражеских вождей, не единичны. Их информативность многократно возрастает при сопоставлении с результатами археологических исследований в Северном Китае и Монголии, в Туве и Забайкалье. Но прежде всего эти тексты бесценны для характеристики того «варварского» мира, который был совсем близок к стенам столицы царства: «Хаоцзин, столица Чжоу, была расположена вблизи районов расселения жунов и ди, между реками Цянь и Вэй, как раз на пути вторжения западных жунов» [Фань Вэнь-лань, 1959, с. 102].

Владения Чжоу граничили с жунами и ди прежде всего в излучине Хуанхэ (Ордос) и в примыкающих к излучине землях. Северо-западное направление уже в эпоху Инь считалось особенно опасным, недаром название «Страна (сторона) демонов» появилось в XIV—XIII вв. до н. э. [Крил, с. 161]. Там, в горностепной стране, простиравшейся в неведомую и страшную даль, по представлениям обитателей «великого города Шан» и земледельцев долины Желтой реки, могли обитать только «варвары с сердцами шакалов и волков». Следует оговорить, что собирательное название *жун* «поначалу видимо имело значение «военный» и лишь потом стало использоваться применительно к народу. И действительно, варвары-жуны славились своим боевым духом и воинственностью» [Крил, с. 138]. Вместе с тем, это название могло обозначать самые разные племена, некоторым из которых была свойственна оседлая жизнь [Крил, с. 138—139].

Но те племена Страны демонов, о войнах с которыми рассказано в надписях на сосудах, племена степей и гор, которые «ходят с распущенными волосами», «одеваются в шкуры», «не употребляют в пищу хлебных злаков» [Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978, с. 275], не были оседлым народом. Их богатство — тысячные табуны коней. Так, в походе Го-гуна против северных жунов была захвачена тысяча лошадей [Крил, с. 163]. И «коней древние китайцы получали в основном от своих северо-западных соседей, разводивших их... в степях современной Монголии» [Васильев, 1995, с. 288]. Необходимость в большом числе хороших лошадей, годных для колесничных упряжек, подвигла легендарного воителя Му-вана (947—928 гг. до н. э.) к постоянным походам на северо-запад [Там же].

Другим богатством северных жунов были отары овец, стада коров и быков. Именно быки были тягловой силой для повозок, с которыми связан весь житейский уклад жунов. В этом они не отличались от массагетов, обитавших в приаральских степях [Геродот, II, 216]. Повозки с водружаемыми на них войлочными жилищами, бронзовые котлы и треножники для очага были основой домашнего быта жунов.

Другие захваченные у жунов и упомянутые в надписях предметы относятся уже не к домашнему быту, а к военной культуре. Прежде всего это колесницы, боевые орудия знатных воинов, военной аристократии жунов. Существует весьма обоснованное мнение, что иньские колесницы, унаследованные потом чжоусцами, первоначально были заимствованы вместе со «звериным стилем» в искусстве и некоторыми бронзовыми орудиями именно у северо-западных варваров [Васильев, 1995, с. 147—155]. Колесницы сопровождалась многочисленными отрядами пехоты, основной боевой силы «варваров», действующей в условиях сильно пересеченной местности и при штурме городов. Вероятно на марше пехота передвигалась в повозках, о захвате

которых постоянно упоминают надписи. Из других предметов вооружения упоминаются металлические шлемы и мечи.

СЕВЕРНЫЕ НАРОДЫ В ПОВЕСТВОВАНИИ СЫМА ЦЯНЯ

Ранние рассказы о северных соседях Поднебесной собрал в своих «Исторических записках» создатель нормативной китайской историографии Сыма Цянь (135—67 гг. до н. э.). Все его сведения по этому сюжету отрывочны, не систематичны, предельно кратки и ничем не напоминают обширные повествования Геродота о причерноморских скифах.

Кочевники, населявшие Центральную Азию в VII—VI веках до н. э., именуются Сыма Цянем жунами или ди. Позднее их стали называть ху. В ту же эпоху в степях Внутренней Монголии, Южной Маньчжурии и в отрогах Большого Хингана жили *шаньэжуны* («горные жуны»), или *дунху* «восточные варвары». Северные племена были постоянными участниками политической жизни древнекитайских царств, то сражаясь с ними, то вступая в коалиции воюющих друг с другом государств и получая за это вознаграждение.

Сыма Цянь ярко описывает их «варварский» образ жизни и общественное устройство. Жуны и дунху не были политически объединены, «все они были рассеяны по горным долинам, имели собственных вождей, и хотя нередко собиралось свыше ста племен жунов, они не сумели объединиться в одно целое». Источники отмечают у жунов и дунху посевы проса, но главным их занятием было скотоводство:

«...переходят со скотом с места на место, смотря по достатку в траве и воде. Постоянного пребывания не знают. Живут в круглых юртах, из коих выход обращен к востоку. Питаются мясом, пьют кумыс, одежду делают из разноцветных шерстяных тканей... Кто храбр, силен и способен разбирать спорные дела, тех поставляют старейшинами. Наследственного преемства у них нет. Каждое стойбище имеет своего начальника. От ста до тысячи юрт составляют общину... От старейшины до последнего подчиненного каждый сам пасет свой скот и печется о своем имуществе, а не употребляют друг друга в услужение... В каждом деле следуют мнению женщин, одни военные дела сами решают... Войну ставят важным делом» [Бичурин, т. 1, с. 142—143].

Трудно нарисовать более выразительную картину-родоплеменного общества, еще не знавшего глубокого социального расслоения и насильственного авторитета. По словам китайского наблюдателя VII в. до н. э., у жунов «высшие сохраняют простоту в отношении низших, а низшие служат высшим (т. е. выборным старейшинам и

вождям. — С. К.), руководствуясь искренностью и преданностью» [Таскин, вып. 1, с. 123]. Война и набег с целью захвата добычи — важная сторона их жизни. По словам китайского сановника VI в. до н. э., северные варвары «ценят богатства и с пренебрежением относятся к земле»; слово «богатство» объясняется здесь как «золото, яшма, полотно и шелк». Однако даже во времена наибольшей слабости мелких китайских царств жуны никогда не угрожали им завоеванием. Набеги кочевников сдерживались или ограничивались военными мерами, дарами, подкупом вождей, торговлей. В ходе военных столкновений китайцы не раз убеждались в достоинствах варварской конницы, а иногда даже перенимали одежду и оружие своих противников. Правитель царства Чжао, Улинь-ван (правил в 325—299 гг. до н. э.), «изменив существовавшие обычаи, стал носить варварскую одежду, обучаться верховой езде и стрельбе из лука». Впрочем, Улинь-ван, как и другие правители, более полагался на строительство длинных стен и укреплений вдоль пограничной линии, чем на полевую армию. Вместе с тем сами китайцы не только сдерживали жунов у своих границ, но и захватывали их земли. Первое такое сообщение относится к 623 г. до н. э., когда правитель царства Цинь, Мугун, напал на жунов и захватил «двенадцать их владений» [Таскин, вып. 1, с. 122—123].

Радикальное изменение общей ситуации в Центральной Азии произошло, согласно Сыма Цяню, в период Борющихся Царств (463—222 гг. до н. э.). Вместо прежних жунов и ди на севере и западе появляются сильные объединения кочевых племен *сюнну* (*гуннов*) и *юэчжэй*, а про дунху сообщается, что они «достигли расцвета» и у них появился единый правитель. В IV в. до н. э. китайцы впервые называют гуннов среди своих противников.

Один из эпизодов этих войн похода упомянут в сборнике «Шо юань» («Сад высказываний»), составленном из текстов эпохи Борющихся Царств (463—222 гг. до н. э.) компилятором и писателем ханьского времени Лю Сяном (I в. до н. э.): «Яньский Чжао-ван, спрашивая Го Вэя, сказал: „Мои земли утеснены, населения мало. Цисцы отобрали и уничтожили восемь моих крепостей, сюнну мчатся во весь опор на лоуфаней“». Фоном события послужила война двух северокитайских царств Янь и Ци, о которой ведет беседу яньский государь с призванным ко двору мудрым советником Го Вэйем в 311 или 310 г. до н. э.¹ На рубеже IV—III вв. до н. э. жунское племя лоуфаней обитало в степях к востоку от излучины Хуанхэ и частично зависело от царства Янь [Ковалев, 2002, с. 155—156].

¹ Пер. с китайского и трактовка текста: [Ковалев, 2002, с. 153—154; 2008, с. 185]. О Лю Сяне см. также: [Васильев К., 2002, с. 7—9].

Позднее гунны начинают ожесточенную борьбу за Ордос с царством Чжао. Война шла с переменным успехом, но в составе гуннского объединения оказались за это время те жунские племена, которые прежде были независимы. На западе соседями гуннов были юэчжи — восточноскифские (тохарские, сакские и сарматские) племена, занимавшие вместе с родственными им усунями огромную территорию от Тянь-Шаня до Центральной Монголии. Тамги (геральдические знаки) вождей юэчжийских племен, недавно обнаруженные на черных скалах ущелья Цаган-гол в Гобийском Алтае, фиксируют южную границу юэчжийских земель.

Благодаря работам российских и монгольских археологов оказалось возможным проверить, дополнить и конкретизировать сообщения письменных источников. Раскопками обнаружены два типа культур скифского круга (I тыс. до н. э.). Один тип представлен культурой плиточных могил и «оленными камнями». Плиточные могилы сооружались из неглубоко погруженных в землю плоских каменных плит, образующих прямоугольный ящик. Погребаемых клали головой на восток, вместе с оружием, украшениями, сосудами. Специфическими предметами в захоронениях являются сосуды на трех полых ножках (триподы) и бронзовые ножи с выемчатыми фигурками людей и животных, бронзовые удила, часто — кости коня. Плиточные могилы располагаются на местности цепочками, образующими родовые кладбища. К сожалению, большинство погребений начисто ограблены. Но именно в плиточных могилах на территории Монголии были обнаружены два металлических шлема XI—X вв. до н. э., тех самых шлемов, о захвате которых часто упоминают надписи на чжоуских бронзовых сосудах [Худяков, с. 60—66.].

С плиточными могилами сопряжен другой тип памятников, «оленные камни» — каменные стелы, на которые нанесены изображения стилизованных оленей с вытянутыми вперед длинными ветвистыми рогами и подогнутыми в летучем галопе ногами. Вместе с ними на камень нанесены изображения других предметов — боевых топоров, кинжалов, зеркал, круто изогнутых луков. Большая часть этих предметов, сделанных из бронзы, и роговые обкладки луков найдены в плиточных могилах. Находки железных предметов там крайне редки.

Культура плиточных могил распространена на огромной территории от Забайкалья до Северного Тибета, охватывает степную часть Маньчжурии, всю Внутреннюю, Восточную и Центральную Монголию, резко обрываясь на западных склонах Хангайских гор. Там начинается область другой культуры скифского типа: каменные ящики сменяются курганами, такими же, как раскопанные на Алтае знаменитые гробницы Пазырыка. Эта область охватывает Западную Монголию, Туву, Алтай, Восточный Казахстан. Антропологически погре-

бенные различаются так же резко, как и тип захоронений. В плиточных могилах погребены монголоиды северной (палеосибирской) ветви этой расы, а в курганах — европеоиды. В III—II вв. до н. э. плиточные могилы и скифские курганы вытесняются иными по облику погребениями, в которых железный инвентарь сменяет бронзовый.

Теперь, накладывая сведения письменных источников на археологическую карту, логично заключить, что носителями культуры плиточных могил были племена жунов и дунху. Культура курганных захоронений Западномонгольского и Саяно-Алтайского регионов, датируемая V—III вв. до н. э., принадлежала тохарским, сакским и сарматским племенам — юэчжам и усуням.

Именно среди памятников близких, но не тождественных скифским, выделены теперь многочисленные погребальные комплексы VII—V вв. до н. э., несущие признаки, характерные для позднейших гуннских захоронений. Район распространения этих своеобразных памятников расположен к востоку и юго-востоку от нынешней Монголии и, частично, во Внутренней Монголии. Здесь и была, скорее всего, первоначальная родина или территория формирования тех кочевых скотоводческих племен ярко выраженного монголоидного облика, которые позднее, в IV—III вв. до н. э., сместившись к западу и овладев степями между Ордосом и Забайкальем, стали известны под именем гуннов [Миняев, с. 70—77].

ДЕРЖАВА ГУННСКИХ ШАНЬЮЕВ

В последние десятилетия III в. до н. э. союз гуннских племен, возглавлявшийся военным вождем — шаньюем, вместе с подчиненными племенами испытал небывалую ломку традиционных отношений, завершившуюся возникновением примитивного варварского государства. Сыма Цянь излагает события в степи, положившие начало гуннскому могуществу, скорее в стиле эпического сказания, чем исторической хроники, — его повествование сохранило отзвук легенд, рожденных в далеких кочевьях [Таскин, вып. 1, с. 37—39].

«В то время дунху были сильны, а юэчжи достигли расцвета. Шаньюем гуннов был Тоумань. Он имел двух сыновей от разных жен. Для того, чтобы сделать наследником младшего, шаньюй решил пожертвовать старшим, Маодунем, и отправил его заложником к юэчжам. Затем Тоумань напал на юэчжей. Маодунь не погиб, он украл коня и ускакал к своим. Отец дал ему под начало отряд. Маодунь, обучая воинов, приказал им стрелять туда, куда летит его „свистунка“ (боевые стрелы гуннов снабжались костяными шариками с отверстиями — сотни свистящих стрел наводили ужас на врагов и пугали их коней). Вскоре Маодунь пустил стрелу в своего

прекрасного коня. Тем из его отряда, кто не выстрелил, он приказал отрубить головы. Некоторое время спустя Маодунь пустил стрелу в свою любимую жену. Он отрубил головы тем, кто не последовал ему. На охоте Маодунь направил стрелу в коня своего отца и никто из его воинов не опоздал выстрелить. Тогда Маодунь понял, что время настало. И когда он пустил стрелу в отца, никто из его воинов не дрогнул — Тоумань был утыкан стрелами. Казнив младшего брата, мачеху и приближенных отца, Маодунь стал шаньюем.

Узнав о событиях в орде (так называли гунны военный лагерь и княжескую ставку), правитель дунху решил, что смута ослабила гуннов, и потребовал от Маодуня уступить пограничную территорию. Многие старейшины, опасаясь войны, советовали Маодуню отдать земли. Крайне разгневанный Маодунь ответил: „Земля — основа государства, разве можно отдавать ее!“ Всем, советовавшим уступить землю, он отрубил головы. Затем Маодунь сел на коня, приказал рубить головы каждому, кто опоздает явиться, двинулся на восток и внезапно напал на дунху... Он разгромил дунху наголову, убил их правителя, взял людей их народа и захватил домашний скот».

Так описал Сыма Цянь начало гуннских завоеваний.

В 203—202 гг. до н. э. Маодунь подчинил племена Саян, Алтая и Верхнего Енисея (в том числе древних кыргызов на территории, занимаемой современной Хакасией) и окончательно установил северные границы своей державы. Но оставались два главных противника — Китай и юэчжи.

В 202 г. до н. э. закончилась гражданская война в Китае. К власти пришла династия Хань. Ее основатель, Лю Бань (император Гаоди), стремясь обезопасить границу, зимой 200 г. до н. э. лично повел войска против гуннов. После первых столкновений Маодунь отступил, а ханьский авангард в преследовании противника оторвался от основных сил. С авангардом был сам император. Гунны сразу же прекратили отступление, и четыре их конных корпуса окружили императора в горах Байдэн. «В течение семи дней ханьские войска, находившиеся в горах и вне их, не могли оказать друг другу ни военной помощи, ни помощи продовольствием», — пишет Сыма Цянь. «Конники сюнну на западной стороне все сидели на белых конях, на восточной стороне — на серых с белым пятном на морде, на северной стороне — на вороных, а на южной — на рыжих лошадях» [Таскин, вып. 1, с. 41].

Спасло императора только обещание заключить с гуннами мирный договор, основанный на родстве, т. е. выдать за Маодуня принцессу из императорского дома. Маодунь снял окружение. Император выполнил обещание лишь после нескольких новых набегов гуннов и вместе с принцессой прислал богатые подарки, обязавшись возобновлять их ежегодно, — шелковые ткани и вату, вино и рис, украшения.

Фактически это была замаскированная дань. Между гуннами и Хань на 40 лет установились мирные отношения, лишь ненадолго прерванные гуннскими набегами в 166—163 гг. до н. э.; после них договор о мире и родстве был возобновлен.

Самую жестокую войну Маодуню и его наследнику, Лаошань-шаньюю (правил в 174—161 гг. до н. э.), пришлось выдержать с юэчжами. Борьба длилась четверть века, и лишь в 177—176 гг. до н. э. ценой величайшего напряжения гуннам удалось переломить борьбу в свою пользу. Окончательная победа была одержана между 174—165 гг. до н. э. Вождь юэчжей пал в бою, а из его черепа Лаошань-шаньюю сделал чашу для питья. Оттесненные в Среднюю Азию юэчжи завладели землями в верховьях Аму-Дарьи и впоследствии стали создателями Кушанской державы. А западная граница гуннов надолго стабилизировалась в Восточном Туркестане, где они не раз сражались с ханьцами за власть над богатыми городами-оазисами бассейна Тарима.

Юэчжи и гунны

Юэчжи (юечжи) — могущественный племенной союз центральноазиатских кочевников — известны под этим именем только из китайских источников, описывающих события, происходившие в степи, по периметру северокитайских государств, в III—II вв. до н. э. Но к этому времени юэчжи уже были давними обитателями Внутренней Азии — «данные об юечжах, усунях и сэ (саках) свидетельствуют о том, что эти племена продвинулись далеко на восток (юечжи до провинции Ганьсу) задолго до III в. до н. э., скорее всего, не позже VII—VI вв. до н. э.» [Грантовский, 1998, с. 80].

Хотя Сыма Цянь располагает коренную территорию юэчжей в конце III в. до н. э. «между Дуньхуаном и Циляншанем», т. е. севернее Нань-Шаня, в юго-западной части провинции Ганьсу, более широкий анализ источников позволил Кадзуо Еноки утверждать, что здесь находились лишь основные центры юэчжей, привязанные к древней трансзиатской торговой трассе. Реальная власть юэчжийских вождей и расселение их племен распространялись тогда на большую часть Монголии, Джунгарии, Тянь-Шань, где они соседствовали с усунями, а также на Таримский бассейн и верховья Хуанхэ.

Глухие и неясные сведения о юэчжах и их стране появились в Китае еще в доханьской литературно-историографической традиции. В несколько иной иероглифической транскрипции (*юйши*, *юйчжи*) этноним упоминается уже в трактате «Гуаньцзы» (V—IV вв. до н. э.) как название народа и страны, где в горах добывают нефрит. Позднее китайские комментаторы текста объясняют, что «юйши есть название

северо-западных варваров» [Haloun, с. 316]. Страна Юйчжи упоминается в другом древнекитайском трактате — «Повествование о Сыне Неба Му». Трактат, записанный на бамбуковых дощечках, был найден в 279 г. до н. э. в разграбленной княжеской могиле вместе с летописью «Бамбуковые анналы», доведенной до 299 г. до н. э. [Кравцова, с. 354—363]. Страна Юйчжи, согласно той реалистической части маршрута путешествия Сына Неба Му, которая в точности соответствует маршруту похода чжаоского государя Улинь-вана (правил в 325—299 гг. до н. э.), находилась в пяти днях его пути к западу от нынешнего горного прохода Яньмэньгуань, на севере Шаньси, восточнее излучины Хуанхэ. Упоминается она в связи с «Нефритовой горой». Китайские транскрипции *юйши*, *юйчжи* и *юэчжи* адекватно передают одну и ту же исходную форму этнонима¹.

В какой мере эти сопоставления подтверждаются археологическими материалами?

В 1992 г. были опубликованы результаты раскопок погребений древних кочевников в центральной части Ганьсу (могильник Хамадун). Там вскрыто двенадцать погребений в подбоях, датируемых VI—IV вв. до н. э. Китайские археологи атрибутировали их как захоронения юэчжей в соответствии с указаниями письменных источников о вхождении этой территории в зону коренных юэчжийских земель. Более надежной этнокультурная идентификация погребений Хамадуна стала после сопоставления их с аналогичными памятниками в Семиречье, на Тянь-Шане, в Фергане и Таджикистане. Особенно четко связь хамадунских подбоев с памятниками Средней Азии обосновал петербургский археолог Ю. А. Заднепровский [Заднепровский, 1997, с. 73—79].

Позднее, в 2002 г., китайский археолог Лу Эньго показал, что погребения в подбоях хамадунского типа достаточно многочисленны в Шаньси и в Ниньцзяне, но оговорил при этом, что погребения в подбоях сосуществуют с аналогичными по дате и инвентарю ямными погребениями, что указывает на наличие в зоне обитания юэчжей двух или нескольких погребальных традиций.

Другой аспект юэчжийской проблемы — этнолингвистическая идентичность носителей этого имени. Столь крупные исследователи древней Внутренней Азии, как Намио Эгами и Кадзуо Еноки, вслед за Г. Хэлоуном решительно связывают юэчжей со скифо-сакской этнокультурной общностью [Haloun, с. 316; Enoki, с. 227—232]. Не менее распространена и другая позиция, согласно которой юэчжи являются тем самым народом, который в античных и индийских источни-

¹ Консультация С. Е. Яхонтова, которому автор обязан подробным комментарием приводимых сведений китайских источников.

ках именуется *тохарами*. Такая идентификация серьезно подкреплена текстами середины и второй половины I тыс. н. э., обнаруженными в Восточном Туркестане, и связывает юэчжей с тохарами Таримского бассейна, говорившими и писавшими на диалектах архаичного индоевропейского языка (тохарский А и тохарский Б) [Иванов, 1967, с. 106—118]. Опыт реконструкции этапов продвижения тохаров на восток и возможных тохаро-китайских языковых связей, предложенный Э. Пул-либлэнком, основательно подкрепляет гипотезу о тождестве юэчжей с тохарами [Pulleyblank, 1966, с. 9—39; 1970, с. 154—160].

Более определенное суждение об этнолингвистической принадлежности юэчжей, казалось бы, возможно получить в результате анализа тех языковых материалов, которые представлены памятниками среднеазиатских потомков юэчжей, создателей Кушанской империи. Благодаря эпиграфическим и нумизматическим находкам выяснилось, что кроме греческого и санскрита в кушанской официальной языковой практике использовался иранский язык, несомненно связанный с территорией древней Бактрии и получивший название «бактрийского» [Лившиц, 1974, с. 312—313]. Какой же язык принесли в Бактрию предки кушан, юэчжи-тохары? По мнению В. А. Лившица, речь может идти только о «сакском диалекте кушан» [Лившиц, 1969, с. 48], прямо связанном с хотано-сакскими диалектами Восточного Туркестана. Сакский язык кушан, подобно языку парнов в Парфии, исчез в результате ассимиляции пришельцев местной иранской средой [Там же]. Напротив, В. В. Иванов не исключает тохарской принадлежности первоначального языка тохар-кушан, имея в виду тохарский диалект Кучи [Иванов, 1992, с. 19—20].

Вместе с тем именно В. В. Иванов сформулировал гипотезу об этнической неоднородности юэчжийского племенного союза, в который «на определенном этапе наряду с тохарами входили и восточно-иранские племена» [Иванов, 1992, с. 17]. Учитывая, что во II в. до н. э. отнюдь не все юэчжи покинули Внутреннюю Азию (согласно китайским источникам, в Ганьсу и Восточном Туркестане остались «малые юэчжи»), В. В. Иванов допускает «факт откочевки на запад, в Среднюю Азию, именно восточно-иранского компонента этого (юэчжийского. — С. К.) племенного объединения, пользовавшегося наряду с другими также этнонимом тохар» [Иванов, 1992, с. 17].

Тезис об этнополитической неоднородности юэчжийского племенного союза получил неожиданное подтверждение в результате петроглифических находок в Юго-Западной Монголии, где на скалах ущелья Цаган-гол (Гобиалтайский аймак) среди наскальных рисунков помещался комплекс тамговых знаков [Вайнберг, Новгородова, с. 69—73]. Б. И. Вайнберг исследовала возможные связи цагангольских тамг и показала их единство по начертанию и происхождению с весьма

специфической группой тамг Средней Азии и Причерноморья — с тамгами на монетах царей Хорезма, Согда и Бухары, а также с сарматскими тамгами [Там же]. Еще ранее ею было установлено, что родственные династии Согда, Бухары и Хорезма II—I вв. до н. э. вышли из среды кочевых племен, принимавших участие в разгроме Греко-Бактрии, но вместе с тем они никак не были связаны с кушанской династией [Вайнберг, 1972, с. 146—154]. Б. И. Вайнберг именует их «юэчжами дома Чжаову». Именно с этим «домом», согласно китайским источникам, связаны все правящие «дома», созданные юэчжами к северу от Бактрии.

Очевидно, что та ветвь юэчжийских племен, тамги которой зафиксированы в Гобийском Алтае, а позднее — в Согде, Бухаре и Хорезме, не была идентична южной кушанской группе юэчжей. По своим генетическим связям северные юэчжи тяготели к сарматским племенам Казахстана и Приуралья, аналогичные цагангольским, тамги которых зафиксированы для III—I вв. до н. э. (о сарматских связях юэчжей см. также: [Мандельштам, с. 194—195]). Цагангольский комплекс тамг свидетельствует о расселении в Юго-Западной Монголии, по крайней мере в пределах Монгольского и Гобийского Алтая, «во второй половине I тыс. до н. э. группы иранских племен» [Вайнберг, Новгородова, с. 71]. Тем самым именно цагангольские тамги надежно подтверждают гипотезу о юэчжийской принадлежности «пазырыкцев», выдвинутую С. И. Руденко, и, более того, об их сарматских (восточноиранских) связях.

Этнополитическое разделение юэчжийских племен и их «владельческих домов» во II—I вв. до н. э. на северную и южную группы отражает распад, после тяжелых военных поражений конца III в. до н. э., юэчжийского (тохарского) многоплеменного объединения, создавшего до того во Внутренней Монголии архаичную кочевническую империю, во главе которой стоял единый правитель и которая располагала войском до ста тысяч конных воинов [Hulsewe, с. 119—120]. Об этом периоде юэчжийской истории Сыма Цянь пишет: «В прежние времена (юэчжи) были могущественны и с презрением относились к сюнну» (цит. по пер.: [Крюков, 1988, с. 237]).

Очевидно, что еще в V—IV вв. до н. э. тенденция к интеграции в объединение имперского типа полилингвальной и полиэтничной массы скотоводческих племен восточного ареала Великой степи определялась военными потенциями юэчжийского племенного союза, чье господство или военное преимущество было неоспоримым на пространстве от Восточного Притяньшанья и Горного Алтая до Ордоса. Центры этого объединения («имперской конфедерации», по терминологии Т. Барфилда) располагались в центрально-западной части Ганьсу (Хэси), исключительно привлекательной для кочевников по своим

природным условиям. Все последующие «имперские конфедерации» формировались по образу и подобию юэчжийской, а эстафету их создания продолжил Маодунь, сын гуннского шаньюя, прошедший свои молодые годы в свите юэчжийского царя.

Гунны (хунны, сюнну) находились в политической зависимости от юэчжей, понуждавших их посылать ко двору правителя юэчжей заложниками сыновей шаньюя. Последним таким заложником был Маодунь, который, став шаньюем, нанес юэчжам первое военное поражение и вторгся на их коренные земли в Восточном Туркестане. Но лишь через несколько десятилетий наследник Маодуня «сюннуский шаньюй Лаошан убил правителя юэчжей и сделал из его головы чашу для питья» [Крюков, 1988, с. 237]. После 165 г. до н. э. начался великий исход большей части юэчжей на запад.

Таким образом, и прямо и косвенно китайская историография свидетельствует о долгой истории гунно-юэчжийских войн, двух периодов в истории гунно-юэчжийских отношений. До конца III в. до н. э. юэчжи имели явное военно-политическое превосходство над гуннами («с презрением относились к сюнну»), которого они лишились на грани III—II вв. до н. э.

Когда и где стали возможными первые контакты между юэчжами и гуннами? Сыма Цянь упоминает сюнну в связи с их набегами на царство Чжао (403—222 гг. до н. э.). Царство Чжао занимало южную часть провинции Хэбэй, восточную часть провинции Шаньси и земли к северу от Хуанхэ до Хэнани [Таскин, вып. 1, с. 124]. Под контролем Чжао находились земли севернее Ордоса, столь ценимые кочевниками монгольских степей. Для противодействия им было создано несколько военных округов. Главным противником Чжао на севере и стали гунны. В середине III в. до н. э. командовал этими округами самый опытный полководец Чжао, Ли Му. В течение многих лет он противостоял гуннам и даже нанес тяжелое поражение самому шаньюю. Лишь в 244 г. до н. э. он был отозван с границы [Сыма Цянь, с. 259—260].

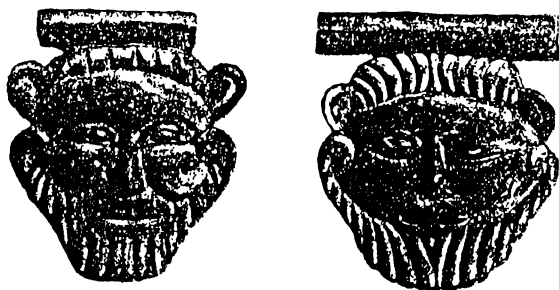
Много раньше на территории Внутренней Монголии, близкой к Ордосу, появились юэчжи, что засвидетельствовано и археологически. Как показала Эмма Банкер, только с юэчжами можно соотнести многочисленные находки во Внутренней Монголии блях с изображенными на них сценами борьбы мифических хищников, вполне пазырыцкого облика, хорошо датируемых IV в. до н. э. [Bunker, 1993, с. 99—116; 1997, с. 41—74]. Юэчжи вели активную военную политику не только на западе от Алтая, о чем свидетельствуют некоторые «трофеи» пазырыцких вождей, но и на далеком востоке Великой Степи. Здесь они встретились с очень несхожими по внешнему облику племенами.

Были ли гунны монголоидами? Антропологически подтверждаемая материалами из гуннских погребений Монголии эта монголоидность принималась с той оговоркой, что «ни изображений, ни описаний наружности гуннов и дунху мы не имеем» [Руденко, с. 177]. В отношении гуннов эта оговорка, однако, не вполне корректна. Имеется вполне убедительный иконографический материал, позволяющий найти изобразительный контекст ликам на подвесках пазырыкской узды.

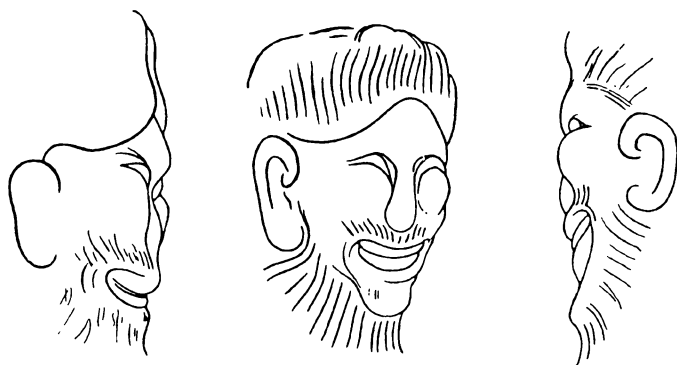
В 121 г. до н. э. император Уди назначил прославленного воина Хо Цюй-бина «военачальником сильной конницы», которая должна была подавить гуннов на их же территории. Действия Хо Цюй-бина были столь успешны, что, несмотря на скорую кончину (117 г. до н. э.), он сумел нанести гуннам невосполнимые потери. Особенно прославила его победа над гуннами у гор Цилянъ, на земле «малых юэчжи». Над могилой Хо Цюй-бина «был насыпан холм, по форме напоминающий гору Цилянъ» [Таскин, вып. 1, с. 94]. А у подножия могильного холма было установлено 16 скульптурных сцен, отличающихся монументальностью размеров и частично исполненных в технике рельефа [Кравцова, 2004, с. 175—180]. В 1936 г. венгерский антрополог Золтан Такач посетил погребальный комплекс Хо Цюй-бина и снял эстампажные копии той группы, которая носила название «Конь топчет сюнну» (высота 1,14 м, длина 2, 60 м). В 1938 г. эстампажи и прорисовки были опубликованы Такачем в Пекине [Такас, с. 275—277], но великолепный иконографический материал остался вне внимания исследователей. Между тем результаты работ Такача имеют эталонное значение, и мы пользуемся случаем использовать его рисунки именно в этой функции (см. рис. на с. 78).

Иконографическое изображение гунна гробницы Хо Цюй-бина наиболее близко к загадочным ликам на пазырыкской узде (см. таблицу) — те же признаки монголоидности: выдающиеся скулы, низкий лоб, толстые губы, короткий приплюснутый нос, борода и торчащие вверх прямые жесткие волосы. Таким образом, имеются все основания утверждать, что позолоченные головы на пазырыкской узде, украшавшие парадный убор коня одного из юэчжийских вождей, — это головы убитых им воинов-гуннов, из черепов которых были сделаны золоченые чаши — свидетельство жестоких гунно-юэчжийских войн IV—III вв. до н. э.

Не лишено символики то обстоятельство, что сам Хо Цюйбин, умерший в возрасте 24 лет, был по материнской линии юэчжийского происхождения (как и его дядя — знаменитый военачальник Вэй Цин), а свои главные победы над гуннами он одержал на коренных землях юэчжей [Кравцова, 2004].

1

2

3

1 — модели человеческих голов на пазырыкской узде (по С. И. Руденко);
 2, 3 — изображения гуннов из погребального комплекса Хо Цюй-бина
 (прорисовка и эстампаж по З. Такачу).

В ходе этих войн, надолго задержавших западную экспансию гуннов, юэчжи создали во Внутренней Азии свою кочевническую империю и, по оценке Сыма Цяня, «достигли расцвета». Свидетельством гегемонии юэчжей в Великой Степи, когда юэчжийские князья, похороненные на Алтае, сражались далеко на востоке ради власти «над народами, натягивающими лук» [Таскин, вып. 1, с. 43], и стала пазырыкская узда [Кляшторный, Савинов, 1998, с. 169—177]. Прошло менее двух веков, и на Алтае утвердились новые владыки Великой Степи, сделавшие золоченые чаши из черепов вождей своих прежних сюзеренов — юэчжей.

ХОЗЯЙСТВО, ОБЩЕСТВЕННОЕ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО ГУННОВ

Даров, которые получали шаньюи от ханьского двора, было совершенно недостаточно для удовлетворения потребностей значительного кочевого населения в продуктах оседлого хозяйства. Поэтому для гуннов более существенным было установление пограничной торговли, которую, однако, не разрешало императорское правительство, видевшее в торговле только инструмент давления на варваров. Позднее суть этой политики четко сформулировал один из китайских историографов: «Нет дани (от варваров) — нет и торговли с ними, есть дань — есть и вознаграждение (т. е. торговля)» [цит. по: Мартынов, с. 234].

Добиваясь открытия рынков на границе, шаньюй начал в 158 г. до н. э. новую серию набегов и опустошил несколько северных округов. «После этого (в 152 г. до н. э.) император Сяо-цзин снова заключил с гуннами мир, основанный на родстве, открыл рынки на пограничных пропускных пунктах, послал гуннам подарки и отправил принцессу, согласно прежнему договору». «Отличаясь алчностью, — добавляет Сыма Цянь, — гунны ценили рынки на пограничных пропускных пунктах и любили китайские изделия» [Таскин, вып. 1, с. 49—50].

Экономика гуннского общества, по описанию Сыма Цяня, весьма примитивна: «В мирное время они следуют за скотом и одновременно охотятся на птиц и зверей, поддерживая таким образом свое существование, а в тревожные годы каждый обучается военному делу для совершения нападений. Таковы их врожденные свойства... Начиная от правителей, все питаются мясом домашнего скота, одеваются в его шкуры и носят шубы из войлока» [Таскин, вып. 1, с. 34—35]. Столь же простой кажется и проистекающая из характера экономики программа отношений с Китаем, сформулированная одним из шаньюев:

«Я хочу открыть вместе с Хань большие заставы для торговли, взять в жены дочь из дома Хань, хочу, чтобы мне ежегодно посылали 10 тыс. даней рисового вина, 5 тыс. ху (мер) проса, 10 тыс. кусков различных шелковых тканей, а также все остальное, и в этом случае на границе не будет взаимных грабежей» [Там же].

Однако с представлениями о чисто кочевом характере гуннского общества никак не вяжутся неоднократные упоминания о городках в глубине гуннских земель, о хранимых там запасах зерна; сообщая о суровых для гуннов зиме и лете 89—88 гг. до н. э., летописец замечает: «В это время начался снегопад, длившийся несколько месяцев подряд, скот падал, среди населения начались болезни, хлеба не вызрели, напуганный шаньюй построил молельню» [Таскин, вып. 2, с. 28].

В Забайкалье археологи исследовали один из гуннских городков у впадения р. Иволги в Селенгу. Иволгинское городище, окруженное четырьмя рвами и четырьмя валами, имеет площадь в 75 гектаров, застроенных полуземлянками (открыто около 80 жилищ); там обнаружены следы железодельного и бронзолитейного производства, а главное — сошники из чугуна и литейные формы для них, железные серпы и каменные зернотерки. Судя по размерам сошников, плуги у гуннов были небольшие, деревянные, и земля вскапывалась неглубоко. Развитию земледелия, однако, препятствовали суровые природные условия страны гуннов, и собственное производство зерна (главным образом, проса и ячменя) никогда не удовлетворяло потребностей довольно многочисленного населения (по расчетам исследователей, около 1,5 миллиона человек).

Основным видом хозяйственной деятельности гуннов всегда было кочевое скотоводство, что подтверждают как сообщения письменных источников, так и результаты археологических раскопок. Первостепенную роль у гуннов играла лошадь. При экстенсивном скотоводческом хозяйстве, когда корма для скота на зиму не заготавливались, лошадь имела и то преимущество, что она могла круглый год находиться на подножном корму, тебеневать, добывая траву из-под неглубокого снега. Судя по костям, найденным в гуннских погребениях, лошади были типичными монгольскими — небольшого роста, грубого, но мускулистого сложения, с короткой и широкой мордой.

Кроме огромных табунов лошадей основным богатством гуннов были стада быков, яков и верблюдов, громадные отары овец и коз. По современным подсчетам, хотя и весьма приблизительным, гунны в пору расцвета имели на душу населения 19 голов скота, в пору упадка — 5—9 голов. Для сравнения заметим, что в предреволюционной Монголии (1918 г.) на душу населения приходилось около 17 голов всех видов домашнего скота. Скот находился в семейной собственно-

сти; каждая семья имела право на определенную часть родовой территории для выпаса скота и пользовалась защитой всего рода. Для сохранения численности и нераздельности имущества семьи гунны, как отмечает Сыма Цянь, «после смерти отца берут в жены мачех, после смерти старшего или младшего брата женятся на их женах» (у гуннов, как и у многих кочевников, существовало многоженство). Предусматривалась и семейная ответственность за кражу чужого имущества, прежде всего скота, — семья виновного могла быть обращена в рабство.

Социальное устройство гуннского общества и его государственная организация не могут быть реконструированы с достаточной полнотой, но социально развитой характер гуннской империи несомненен. Верхушку гуннского общества составляли четыре аристократических рода, связанных между собой брачными отношениями: мужчины любого из этих родов брали себе жен только из трех знатных родов. Глава государства, шаньюй, мог быть только из рода Люаньди, самого знатного из четырех. Позднейшие источники упоминают и другие знатные роды. Очевидно, что иерархия родов и племен играла в гуннском обществе немалую роль, причем на низшей ступени находились покоренные племена, адаптированные в гуннскую родоплеменную систему. Ниже них были покоренные племена, не включенные в состав гуннских; они подвергались особенно безжалостной эксплуатации. Так, подвластные гуннам дунху выплачивали постоянную дань тканями, овчиной и кожей. Если дань задерживалась, то гунны казнили родовых старейшин, отнимали и обращали в рабство женщин и детей данников, требуя особый выкуп за их освобождение.

Рабство у гуннов часто упоминается источниками. Рабами были пленные, но в рабство за различные преступления попадали и сами гунны. Рабы-иноплеменники использовались прежде всего в оседлом хозяйстве, они жили вместе с гуннами в укрепленных городах, копали оросительные каналы, пахали землю, участвовали в строительных и горных работах, в различных ремесленных промыслах. Положение рабов-гуннов неясно; возможно, они составляли низшую часть большой патриархальной семьи.

Устройство гуннского государства было столь же строго иерархично, как и их общественная структура. Держава гуннов, выросшая из племенных союзов жунских племен V—IV вв. до н. э., сложилась в борьбе не на жизнь, а на смерть с соседними племенными союзами и китайскими царствами. Основатели страны и их преемники видели свою главную цель в господстве над «всеми народами, натягивающими лук» (т. е. над кочевниками) и превосходстве над «людьми, живущими в земляных домах» (т. е. над оседлыми земледельцами); такое

государство могло существовать только как централизованная империя, организованная на военно-административных принципах. Не следует, по мнению Т. Барфилда, преуменьшать и сохранявшегося значения племенной аристократии, а саму гуннскую державу лучше обозначить термином «имперская конфедерация». Барфилд полагает, что для внутреннего развития кочевого общества государственные структуры не нужны и возникают они у кочевников только в результате воздействия внешних обстоятельств, исключительно для военного принуждения соседних оседлых государств к уплате дани (контрибуций) или открытию пограничных рынков [Barfield, с. 45—60]. Напротив, по мнению Е. И. Кычанова, государство гуннов, как и иные государства кочевников, возникло в результате внутренних процессов в самом кочевом обществе, процессов имущественного и классового расслоения, приведших к рождению государства со всеми его атрибутами [Кычанов, 1997, с. 36—37].

Во главе государства стоял шаньюй, чья власть была строго наследственной и освященной божественным авторитетом. Его называли «сыном Неба» и официально титуловали «Небом и Землей рожденный, Солнцем и Луной прославленный, великий гуннский шаньюй». Власть государя определялась его правами и функциями: а) правом распоряжаться всей территорией государства, всеми землями, принадлежавшими гуннам, и функцией охраны этой территории; б) правом объявления войны и заключения мира и функцией личного руководства войсками; в) правом концентрировать в своих руках все внешние сношения государства и функцией определения внешнеполитического курса; г) правом на жизнь и смерть каждого подданного и функцией верховного судьи. Вероятно, шаньюй был и средоточием сакральной власти; во всяком случае, все упомянутые источниками действия по защите и соблюдению культа исходили от шаньюя, который «утром выходил из ставки и совершал поклонения восходящему солнцу, а вечером совершал поклонение луне». Верховного владетеля окружала многочисленная группа помощников, советников и военачальников, однако решающее слово всегда оставалось за шаньюем, даже если он действовал вопреки единодушному мнению своего окружения.

Высшие после шаньюя лица в государстве — левый и правый (т. е. западный и восточный) «мудрые князья» были его сыновьями или ближайшими родственниками. Они управляли западными и восточными территориями империи и одновременно командовали левым и правым крыльями армии. Ниже их стояли другие сородичи шаньюя, управлявшие определенной территорией, — все они носили различные титулы и назывались «начальники над десятью тысячами всадников» (т. е. тёмниками). Их число было строго фиксировано —

24 высших военачальника, распределенных между левым и правым крыльями войска, западной и восточной частями империи. Назначение на тот или иной пост зависело от степени родства с шаньюем. Тёмников назначал сам государь. Он же выделял подвластную каждому тёмнику территорию вместе с населением, проживающим на этой территории. Какое-либо перемещение племен без приказа шаньюя строго возбранялось.

Наибольшее значение имел не размер удела, а именно численность его населения, которым и определялась власть и военная сила тёмника; число в 10 тысяч воинов, находившихся под командой последнего, было условным — Сыма Цянь замечает, что каждый из 24 начальников имел от десяти тысяч до нескольких тысяч войска.

В пределах своих владений тёмник, подобно шаньюю, назначал тысячников, сотников и десятников, наделяя их землей с кочующим на ней населением. Сместить и наказать тёмника мог только шаньюй. Тёмники же участвовали в возведении шаньюя на престол, но этот процесс был формальным: они не имели права выбора — власть переходила по строгой наследственной системе, которая утратила свое значение лишь в период полного ослабления гуннского государства.

Основной повинностью всего мужского населения государства была военная служба. Каждый гунн считался воином, и малейшее уклонение от исполнения военных обязанностей каралось смертью. Все мужчины с детства и до смерти были приписаны к строго определенному воинскому подразделению, и каждый сражался под командованием своего тёмника.

При Лаошань-шаньюе началось систематическое взимание податей, о размере и характере которых сведений нет. Трижды в год все начальники, как правило выходцы из четырех аристократических родов, съезжались в ставку шаньюя для «принесения жертв предкам, небу, земле, духам людей и небесным духам», для обсуждения государственных дел и один раз, осенью, — «для подсчета и проверки количества людей и домашнего скота». Эти совещания были не столько каким-либо правительственным органом, сколько семейным советом родственников — все их участники были родичами шаньюя.

Таким образом, правящий класс гуннской империи сложился из родоплеменной знати; отношения родства и свойства сохраняли решающее значение для определения социального положения и политической роли каждого, кто принадлежал к высшим слоям гуннского общества. В то же время вся эта знать, сохраняя внутривидовые и внутривидовые связи, выступала и как патриархальная верхушка племен, как их «естественные» вожди, кровно связанные с рядовыми соплеменниками.

Основу общественного влияния и политической силы знати составляла собственность на пастбищные земли, проявлявшаяся в форме права распоряжаться перекочевками и тем самым распределять кормовые угодья между родами. Степень реализации права собственности целиком зависела от места того или иного знатного лица в военно-административной системе, что, в свою очередь, предопределялось его местом в родоплеменной иерархии. Вся эта структура обладала достаточной устойчивостью, чтобы обеспечить гуннской империи более трех веков существования и еще несколько веков жизни мелким гуннским государствам.

РАСЦВЕТ И УПАДОК КОЧЕВОЙ ИМПЕРИИ

С образованием Гуннской империи и после окончания долгой гунно-юэчжуйской войны в степях наступил мир. Большая часть II в. до н. э. была временем подъема гуннского кочевого хозяйства. В ходе нескольких гунно-китайских войн кочевники вернули захваченные циньскими императорами пастбища к югу от Гоби и добились своей главной цели — постоянного поступления тканей и зерна из Китая через рыночную торговлю на границе и «даров» (замаскированной дани) шаньюям.

Новый цикл гунно-китайских войн был начат в 133 г. до н. э. по инициативе ханьцев. Император У-ди (140—87 гг. до н. э.) решил вновь захватить гуннские земли к югу от Гоби и навсегда сокрушить мощь северных кочевников. Наступление ханьцев привело к успеху в 127 г. до н. э.: «Гунны бежали далеко, и к югу от пустыни уже не было ставки их правителя. Ханьцы, перейдя Хуанхэ... построили оросительные каналы и, понемногу захватывая земли, стали граничить с гуннами...» В 124—123 гг. до н. э. война была перенесена на коренные земли гуннов, в монгольские степи, где шла с переменным успехом. В 119 г. до н. э. огромная китайская армия захватила северную ставку шаньюя и перебила около 90 тысяч гуннов, но сама понесла тяжелые потери [Таскин, вып. 1, с. 50—54].

Одновременно началось продвижение ханьских войск на запад, в Среднюю Азию, где в 101 г. до н. э. ими были разграблены ферганские города, а гунны отрезаны от восточнотуркестанских оазисов. В 99 и 97 гг. до н. э. ханьцы вновь предприняли два крупных наступления против гуннов, но успеха не добились. Наконец, в 90 г. до н. э. 70-тысячная китайская армия под командованием полководца Ли Гуань-ли вторглась в гуннские земли, разгромила передовые отряды гуннов и сошлась для генерального сражения с армией шаньюя. В это время Ли Гуань-ли узнал, что его семья арестована в столице по об-

винению в колдовстве и всем его родичам, а по возвращении и ему самому, грозит смерть. Он решил заслужить милость императора победой, но в первом же бою понес тяжелые потери. Тогда старшие командиры войска решили взять его под стражу. Однако Ли Гуань-ли, казнив участников заговора, начал генеральное сражение у горы Яньжинь. В тяжелом бою китайцы были окружены, а Ли Гуань-ли сдался в плен. У императора не осталось больше полевой армии для продолжения войны. Китай не сумел сломить гуннов своими силами, но через двадцать лет они понесли тяжелое поражение от других кочевых народов — в 72 г. до н. э. усунь с запада, ухуани (часть дунху) с востока и енисейские динлины с севера ворвались в гуннские земли; в жестокой войне гунны потеряли до трети населения. Начался кризис политического господства гуннов в Центральной Азии.

Внешним выражением этого кризиса был раскол гуннов в 56 г. до н. э. на южных и северных. Южные гунны во главе с Хуханье-шаньюем установили мирные отношения с Китаем, отказавшись от набегов, а Китай делал все для их умиротворения. Более пятидесяти лет на гунно-китайской границе не происходило крупных столкновений. Северные гунны во главе с Чжичжи-шаньюем ушли в Среднюю Азию, в союзное государство Кангюй (на средней Сыр-Дарье), но здесь были настигнуты китайским экспедиционным корпусом и уничтожены — ханьские власти опасались, что Чжичжи в союзе с кангюйцами будет угрожать их господству в Восточном Туркестане.

Вновь единство и могущество гуннской империи было восстановлено на короткий срок в начале I в. н. э. Уже в 48 г. н. э. происходит новый раскол гуннов на северных и южных. Вся дальнейшая судьба южных гуннов, вплоть до падения Ханьской империи, является, по существу, историей обычных варваров-федератов, целиком зависящих от правительства в имперской столице. Северяне же под ударами с юга и натиском бывших вассалов — древнекыргызских племен Енисея и в особенности потомков дунху, сяньби — протомонгольских племен Юго-Западной Маньчжурии с каждым десятилетием утрачивали свое могущество и территории. Их ставки сместились в Западную Монголию, в Юго-Западную Сибирь и Восточный Туркестан, где до середины II в. они продолжали сопротивляться ханьскому продвижению на запад. Наиболее тяжелые поражения гунны понесли в войнах с сяньби в 93—94 гг., когда десятки тысяч их семей были включены в состав сяньбийской племенной конфедерации, и в 151—155 гг., когда создатель эфемерной сяньбийской империи, Таньшихуай, вытеснил гуннов из их последних владений в Джунгарии. Именно в первой половине II в. началась миграция гуннских племен сначала в Восточный Казахстан и Семиречье, где они создали государство Юэбань, просуществовавшее до V в., а затем, вместе с угорскими

племенами Западной Сибири, — в Приуралье, в прикаспийские и за-волжские степи.

ГУННЫ У ГРАНИЦ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Идентификация «азиатских» и «европейских» гуннов зачастую вызвала сомнение, так как нет прямых указаний на их миграцию к западу от среднеазиатских степей. Достоверно неизвестен и язык гуннских племен Востока и Запада, хотя по косвенным указаниям можно предположить, что их основную массу составляли и там и тут прототюркские племена. Это, конечно, не исключает многоязычия гуннских объединений, куда входили предки монголов, тунгусов, угров, а в Средней Азии и на западе — ираноязычных племен и даже славян.

Наибольшее затруднение для историка вызывает то обстоятельство, что в степях Юго-Восточной Европы гунны появились внезапно, в 70-е годы IV в. Первой их жертвой стали приазовские аланы, лишь часть которых спаслась в горах Северного Кавказа. Вслед затем, овладев Прикубаньем, гунны зимой, по льду, переправились через Керченский пролив и разгромили богатые города Боспорского царства. Вся причерноморская периферия античного мира, вплоть до Днестра, сармато-аланские и готские племена были разгромлены в течение нескольких лет; частью они были включены в состав орд, частью бежали на Днестр. К 376 г. гунны продвинулись непосредственно к границам Римской империи.

«Невиданный дотоле род людей, — пишет автор V в. Аммиан Марцеллин, — поднявшийся как снег из укромного угла, потрясает и уничтожает все, что покажется навстречу, подобно вихрю, несущемуся с высоких гор». Для ромейского эрудита, изучавшего труды ранних авторов, гунны были новым племенем, «о котором мало знают древние памятники». В середине II в. автор стихотворного «Описания населенной земли» Дионисий размещает гуннов (уннов) где-то в Прикаспии. Во второй половине II в. их упоминает там и знаменитый александрийский географ Клавдий Птолемей. Но даже для образованного человека IV—V вв. эти краткие и невнятные сведения мало о чем говорили. Поэтому столкновение с невиданным дотоле народом казалось не только внезапным, но и ужасным. Классическое описание пришельцев и их воздействие на римский мир дал Аммиан Марцеллин. По его словам, гунны, «которые превосходят всякую меру дикости», были «семенем всех несчастий и корнем разнородных бедствий»; «все они отличаются... столь страшным и чудовищным видом, что можно принять их за двуногих зверей... кочуя по горам и лесам,

они с колыбели приучаются переносить холод, голод и жажду; на чужбине они не входят в жилище, за исключением разве крайней необходимости; ...они плохо действуют в пеших стычках, но зато как бы приросшие к своим выносливым, но безобразным на вид лошаденкам, и иногда, сидя на них по-женски, они исполняют на них все обычные свои дела; на них каждый их этого племени ночует и дноует, покупает и продает, ест и пьет и, пригнувшись к узкой шее своей скотины, погружается в глубокий сон... Если случится рассуждать о серьезных делах, они все сообща советуются в том же обычном порядке; они не подчиняются строгой власти царя, а довольствуются случайным предводительством знатнейших и сокрушают все, что попадает на пути... У них никто не занимается хлебопашеством и никогда не касается сохи. Все они, не имея определенного места жительства... кочуют по разным местам, как будто вечные беглецы, с кибитками, в которых они проводят жизнь. Здесь жены ткут им жалкую одежду, спят с мужьями, рожают детей и кормят их до возмужалости. Никто из них не может ответить на вопрос, где его родина; он зачат в одном месте, рожден далеко отсюда, вскормлен еще дальше» [Аммиан Марцеллин, XXXI, 2].

В своем ярком описании гуннов Аммиан Марцеллин допустил ряд преувеличений, наделив их традиционными чертами самых диких северных племен. Гунны имели достаточно развитую материальную культуру и такие навыки дела, вплоть до стенобитной техники, которые позволяли им сокрушать хорошо вооруженных противников, брать его укрепленные города. Но несомненно, что пришедшие в Европу племена утратили многое из достижений экономического, социального и культурного развития, которые были характерны для их предков в Центральной Азии. Собственные производительные силы европейских гуннов были ничтожны. Нападения на оседлые народы, захват продуктов их труда, пленение и обращение в рабство ремесленников сделались для них основным источником добывания жизненных благ, а гуннское общество стало полностью паразитическим. Все это с особой силой проявилось в последующий период, когда степняки прорвали пограничную линию Римской империи и их вождь Атилла создал Гуннскую империю в Европе.

ГУННЫ МЕЖДУ АЛТАЕМ И АРАЛОМ

Если память о гуннах в Европе сохранена многочисленными и яркими свидетельствами греческих и латинских авторов, то сведений о появлении новых кочевых завоевателей с Востока в Средней Азии почти нет. Крайне скудны и археологические материалы. Пове-

ствования сирийских и византийских летописцев о «белых гуннах» — хионитах и эфталитах (IV—VI вв.) — отнюдь не указывают на генетическое родство обоих народов с гуннами Центральной Азии. Тем не менее частичная реконструкция «гуннского периода» в истории кочевых народов, живших на территории между Алтаем и Аралом, возможна.

Продвижение гуннов на запад началось еще при шаньюе Маодуне, с войны за политическое преобладание в Восточном Туркестане. Письмо, отправленное Маодунем в 176 г. до н. э. ханьскому императору Вэньди, подробно рассказывает о разгроме юэчжей и покорении других племен на западе: «Благодаря милости Неба командиры и воины были в хорошем состоянии, лошади сильны, что позволило мне уничтожить юэчжей, которые были истреблены или сдались. Я усмирил лоуланей, усуней, хуцзе и двадцать шесть соседних с ними владений, которые все стали принадлежать сюнну (гуннам)» [Таскин, вып. 1, с. 43]. Маодунь явно преувеличивает свои успехи — ни юэчжи, ни усунь не были тогда разгромлены и покорены, хотя, возможно, понесли тяжкие поражения. Но в этом письме впервые упоминается о вторжении гуннов в Восточный Туркестан и выходе их к границам Казахстана. Политический авторитет гуннских шаньюев в Западном крае (так в Ханьской империи именовали Восточный Туркестан и Среднюю Азию) на протяжении почти столетия был очень велик. Ханьский летописец отмечает: «Всякий раз, как посланник сюнну (гуннов) с верительными знаками от шаньюя прибывал в одно из государств (Западного края), его сопровождали в пути из государства в государство, снабжали продуктами и никто не осмеливался задерживать его или чинить ему помехи» [Hulsewe, с. 37].

Зависимые от гуннов владения вскоре появились не только в бассейне р. Тарим, но и много западнее. Одно из них упомянуто китайским историографом в связи с событиями середины I в. до н. э. Сын наследника гуннского престола был женат на дочери владельца Учаньму, о котором рассказывается:

«Учаньму первоначально был правителем небольшого владения, лежавшего между землями усуней и владениями Кангюй. Он неоднократно подвергался нападениям и притеснениям соседей, а поэтому во главе своего народа (воинов?) в несколько тысяч человек перешел на сторону гуннов. Шаньюй Хулугу... приказал (ему) по-прежнему управлять его народом и жить на западных землях» [Бичурин, т. 1, с. 85].

Итак, в Северо-Западном Семиречье (между усунями и кангюйцами) существует небольшое княжество, владелец которого, вступив в брачные отношения с царским домом гуннов, обеспечил защиту и покровительство могучего родственника на условиях вассалитета.

Несколько позже зять владетеля Учаньму, принц Цзихоусянь, после неудачной попытки занять освободившийся трон, бежит со своей ордой во владения тестя. Это самое раннее упоминание о переселении гуннов на территорию нынешнего Казахстана.

Трепет, который внушала власть шаньюев их западным соседям, заставляет владетелей государств Западного края признавать сюзеренные права гуннских владык и блюсти их интересы. Такая ситуация сохранялась до распада Гуннской державы и подчинения шаньюя «ожных» гуннов, Хуханье, власти ханьского императора (53 г. до н. э.).

Младший брат Хуханье, Чжичжи-шаньюй, возглавив «северных» гуннов, вскоре перенес свою ставку в Джунгарию. Именно с ним связано первое отмеченное источниками вмешательство гуннов в войну между Кангюем и усунями, завершившееся переселением Чжичжи-шаньюя и части его войск в долину Таласа. В 42 г. до н. э. гунны и кангюйцы разгромили столицу усуней — город в Долине Красных Скал, на берегу Иссык-Куля. Вслед затем Чжичжи совершил поход в Фергану. Опасаясь за безопасность границы, командование китайских войск в Западном крае направило экспедиционный корпус в Кангюй. Крепость, где находилась ставка Чжичжи, была взята штурмом, а он сам и его спутники погибли.

В начале I в. н. э. «северные» гунны восстановили свое политическое влияние в Восточном Туркестане, но уже в 73—94 гг. им пришлось вести ожесточенную борьбу с ханьскими войсками. Особенно тяжелое поражение гунны понесли в 90—91 гг. на Восточном Тянь-Шане. Ставки «северян», возглавленных знатным родом Хоянь, находились между оз. Баркуль и Алтаем. Именно здесь на них обрушилась армия двух ханьских полководцев — Доу Сяня и Гэн Куя, после чего, по словам китайского историографа, «испуганный шаньюй, накинув на себя войлочные одежды и боясь от страха дышать, бежал в земли усуней. Земля к северу от пустыни обезлюдела» [Таскин, вып. 2, с. 98].

Итак, в конце I в. под влиянием поражений в борьбе за Джунгарию и Восточный Тянь-Шань масса «северных» гуннских племен откочевала в «земли усуней», т. е. в Семиречье и Восточный Казахстан, соседствующие с их прежними землями. Никаких сведений об их возвращении в Джунгарию в источниках нет, хотя неудачные попытки наладить дипломатические отношения с ханьским двором, например в 104—105 гг., предпринимались. Между 120—150 гг. гунны со своих новых земель совершали набеги на оазисы Таримского бассейна, но их военные успехи часто сменялись крупными поражениями. Так, в 137 г. правитель Дуньхуана изрубил гуннский отряд у оз. Баркуль, а в 151 г. гуннское нападение на Хами закончилось поспешным бегством перед войсками, посланными из Дуньхуана. Сяньбийское вторжение

в 70-х годах II в. окончательно вытеснило северян из Джунгарии и отбросило их за Тарбагатай. Началось постепенное овладение гуннами землями в степях между Тарбагатаем и Прикаспием.

Единственное государственное образование, созданное тогда гуннами к северу от оз. Балхаш, получило в китайских источниках название Юэбань. По словам авторов «Бэй ши», «северный» шаньюй, спасаясь от войск Доу Сяня, «перешел через хребет Гинь-вэй-шань (Тарбагатай)» и ушел на запад в Кангюй, в сторону Сыр-Дарьи и Арала. Однако часть его орды (200 тысяч душ) осталась за Тарбагатаем, будучи «малосильными». Они-то и создали новое гуннское государство, владетель которого принял традиционный титул шаньюй. Оно существовало еще в V в., обменивалось посольствами с одним из северокитайских государств и даже заключило с ним военный союз против жуань-жуаней. Отличительной чертой этих кочевников китайцы называют исключительную неопрятность, что будто бы и стало побудительным мотивом для вражды между юэбаньским шаньюем и жуань-жуаньским каганом. Источник передает следующий рассказ, услышанный от юэбаньского посла:

«(Юэбаньский) владетель был (раньше) в дружеских связях с жужаньцами (жуань-жуаньцами). Однажды он с несколькими тысячами человек вступил на жужаньские земли, желая увидеться с (каганом) Датанем (ум. в 429 г.). По вступлении в пределы его, еще не просхал ста ли (около 50 км), как увидел, что мужчины не моют платья, не связывают волос, не умывают рук, женщины языком обливают посуду. Он обратился к своим вельможам и сказал: „Вы смеетесь надо мною, что я предпринял путешествие в это собачье государство!“ И так он поскакал обратно в свое владение. Датань послал конницу в погоню за ним, но не догнал. С этого времени они сделались врагами и несколько раз ходили друг на друга войною» [Бичурин, т. 2, с. 258—259].

Самым знаменательным в сообщениях о Юэбань является упоминание об одинаковости языка населения этого государства, потомков «северных» гуннов, с языком гаогюйцев, т. е. с языком древних тюркских племен. Таким образом, вполне осведомленный письменный источник, информация которого почерпнута из отчетов о личном общении китайских чиновников династии Северная Вэй с юэбаньскими послами, впервые фиксирует совершенно определенную, а именно тюркскую языковую принадлежность населения одного из древних государств, существовавшего на территории Казахстана и Джунгарии во II—V вв. Можно с уверенностью утверждать, что с этого времени на огромном пространстве казахстанских степей вместе с племенами «северных» гуннов появляется население, говорившее на древнем языке (языках?) из тюркской языковой семьи.

КУШАНСКОЕ ЦАРСТВО В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Между 141 и 128 гг. до н. э. Бактрия перестала быть единым государством. Владычество эллинских базилевсов было сокрушено вторжением кочевых племен, пришедших из-за Яксарта. Китайские источники называют их юечжами, греческие, латинские авторы не знают общего названия, но перечисляют отдельные кочевые племена, игравшие главную роль: асианы, тохары и сакарауки. Иногда к ним добавляют еще одно племя — пасиан, но возможно, что здесь результат ошибочного написания, а имелись ввиду те же асианы (см. выше, с. 54).

Ход событий II в. до н. э. китайский источник описывает в следующей последовательности: «большие юечжи» двинулись на запад, где столкнулись с другими кочевниками — усунями. Усуни были побеждены, а их вождь (гуньмо) убит. Затем юечжи побеждают «царя сэ» (саков), обитавших в Семиречье, и побежденные саки уходят через «висячий проход» (очевидно район Памира) в Северную Индию. Около 160 г. до н. э. младший сын убитого усуньского вождя, поддержанный гуннами, разгромил юечжей в Семиречье, оттеснил их на запад, а сам, вместе со своим народом, занял Северное Притяньшанье. Пройдя через Фергану, юечжи вторглись в Бактрию. В 128 г. до н. э. посол Чжан Цянь застаёт в «стране Дахя», т. е. в Бактрии следующую ситуацию: «Дахя не имеют верховного главы, и каждый город управляется своим князем». Однако Чжан Цянь упоминает и главный город страны — город Ланьши (Бактры—Александрия—Балх), где пребывает главный из юечжийских князей. Позднее китайская династийная хроника *Хоуханьшу* сообщает, что после покорения Бактрии юечжи разделились на пять владений, одно из которых — Гуйшуань (Кушан) позднее подчинило себе все остальные. Согласно античной традиции (Помпей Трог — Юстин) «асиане, став царями тохар, погубили сакараваков». Убедительной трактовки этой неясной и не подтвержденной другими источниками фразы пока нет. На юго-западе, в нынешней Туркмении, сохранили свою власть Аршакиды — цари Парфии.

Новые завоеватели Бактрии, в немалой степени смешавшись по маршруту своих переселений с другими кочевыми племенами, довольно скоро перешли к оседлому образу жизни и освоили те формы управления и быта, которые сложились в Греко-Бактрии. Даже монеты первоначально они чеканили в подражание монетам Гелиокла и Евкратиды. Возможно, что в Согде в I в. до н. э. возникло отдельное владение сакараваков — на монетах двух правителей Согда того времени с греческими и согдийскими легендами встречается слово *сакаравак*.

Новое объединение Бактрии наметилось в начале нашего летоисчисления. Первым начал этот процесс, судя по монетам, правитель Герай из рода Кушан, и произошло это примерно через полтора века после появления юечжей к западу от Яксарта. Но создателем Кушанского царства в китайской хронике назван один из вероятных наследников Герая, Кудзула Кадфиз, имя которого запечатлено не только на монетах, но и многочисленными камнеписными надписями, где он именуется «великим царем». Вот как описывает его царствование Хоуханьшу: «По прошествии ста с небольшим лет (после вторжения юечжей в Бактрию. — С. К.) гуйшуанский (кушанский) ябгу Киоцзюкю (Кудзула Кадфиз) покорил прочих четырех ябгу и объявил себя государем. Его царство называлось гуйшуанским (кушанским). Он воевал с Аньси (Парфией), покорил Гаофу (Кабул) и затем победил и присоединил к своему царству Пуду (Арахозия) и Гибинь (Кашмир). Киоцзюкю умер в возрасте более 80 лет». Его наследник, Вима Кадфиз, судя по тому же источнику, вступив на престол, покорил Тяньчжу (Центральную Индию), управление которой поручил одному из своих полководцев. С этого времени юечжи сделались сильным и богатым государством [Бичурин, II, с. 227—228].

К сожалению, точные даты всех связанных с кушанами событий установить затруднительно, так как даты кушанских надписей ведут отсчет по неизвестной нам и несопоставленной с иными эре. Косвенно возможно датировать события по сопоставлению и связи с иными событиями, имеющими в китайских источниках прямую датировку.

В начале 90-х годов XX в. в Северном Афганистане близ селения Рабатак была обнаружена стела с надписью на бактрийском языке, установленная во времена царствования Канишки, где приводятся имена первых кушанских царей: «Он (Канишка) приказал сделать изображение этих царей: царя Кудзулы Кадфиза, [его] прадеда, и царя Вимы Такто, [его] деда, и царя Вимы Кадфиза, [его] отца, и также себя самого, царя Канишки» [Симс-Вильямс, 1997, с. 10]. Эта надпись, вкпе с другими источниками, позволила полагать, что начальной датой («эры Канишки», по которой велось летоисчисление последующие 98 лет, был 125 или 133 г. н. э. [Маршак, 2004, с. 49]. Впрочем, не исключена и более поздняя дата, в пределах первого десятилетия II в. н. э. [Захаров, 2004, с. 16]. Тогда правление основателя династии Кудзулы Кадфиза приходится на 30—78 гг. н. э. [Cribb, 1999, p. 188], а его сыном и наследником был не Вима Кадфиз, а Вима Такто, отец Вимы Кадфиза. В таком случае, кушанские монеты с легендой «Царь царей — великий спаситель» чеканили, скорее всего, от имени Вимы Такто.

Временем наивысшего расцвета кушан был период правления Канишки. Можно предположить, что он правил либо в 100—126 гг.,

либо в 120—145 гг. [Cribb, 1999, p. 188, 202]. При нем наибольшее значение приобрели индийские владения династии. Согласно буддийской традиции, Канишка сам принял буддизм, а также стал ревностным распространителем этого учения. Столицей царства был выбран город, на месте которого вырос современный Пешавар.

Однако, как видно из Рабатакской надписи, продолжали почитаться и древние зороастрийские божества и их индийские аналоги; в их честь воздвигали храмы, на каменных стелах высекали их изображения ради «сохранения в добром здравии» «царя царей Канишки Кушана» [Симс-Вильямс, 1997, с. 4, 10].

Еще до царствования Канишки кушаны предприняли попытку расширения своих владений на восток — в конце I в. н. э. они соперничали с империей Хань в Восточном Туркестане. Между 80-ми гг. I в. и до 130-х гг. н. э. кушаны контролировали часть территории Таримского бассейна и Кашгар, но постепенно утратили там свои позиции. Возможно, что власть кушан на севере распространялась до области Чача (Ташкент), но достоверных сведений на этот счет не имеется.

Время существования Кушанского царства было временем наивысшего расцвета античной городской культуры Средней Азии, ее теснейших экономических связей с переднеазиатским западом, ханьским востоком и индийским югом. Официальным языком империи становится бактрийский, вытеснивший из канцелярской сферы греческий. Впрочем, греческий алфавит, приспособленный к бактрийскому языку, остался наряду с индийским письмом кхарошти, официальным письмом Кушанского царства.

Сами бактрийцы именовали свой язык «арийским». Вот что сказано о языке царских эдиктов в Рабатакской надписи: «И он (Канишка) издал свой эдикт по-гречески и затем переложил его на арийский язык». Об этом «арийском», т. е. бактрийском языке пишет выдающийся английский иранист Н. Симс-Вильямс: «В первые века н. э. бактрийский мог быть с полным основанием одним из важнейших языков древнего мира. Будучи языком кушанских царей, он несомненно был понятен народам всей огромной Кушанской империи, включавшей территории современного Афганистана и Северной Индии, а также часть Средней Азии. Даже после распада Кушанской империи по-бактрийски продолжали писать по крайней мере еще шесть столетий» [Симс-Уильямс, 1997, с. 3].

Судя по монетам, несмотря на распространение буддизма, все местные древние культы Средней Азии не потеряли своего значения. Находки в Северном Афганистане, где Советско-афганская экспедиция обнаружила захоронения кушанских князей, показали высокий уровень кушанского искусства, впитавшего в себя и синтезировавшего как греческое наследие, так и индийские традиции, наложившиеся на местную среднеазиатскую основу.

Вскоре после своего возникновения (226 г.) опаснейшим противником Кушанского царства стала Сасанидская держава в Иране. Уже при первых сасанидских царях, Ардашире I и Шапуре I, кушаны понесли ряд поражений, и кушанский царь Васудева в 230 г. даже попытался получить поддержку царства Вэй в Северном Китае. Вероятно, в 260-х гг. кушаны частично утратили свои индийские владения. Впрочем, в III в. Кушанское царство еще сохраняло могущество и власть на покоренных землях в Бактрии. Лишь в IV в. войска Шапура II нанесли кушанам ряд тяжелейших поражений, приведшим к утрате ими приамударьинских земель и постепенному угасанию династии.

КАНГЮЙ

Древняя авестийская Кангха, упоминаний о которой не было на протяжении почти всего I тыс. до н. э. неожиданно возникла в конце тысячелетия на страницах китайских хроник. В то время, когда только начинала формироваться территория Кушанского царства, появились записки о могущественном государстве кочевников, которое китайцы именовали Кангюй; мусульманские авторы раннего средневековья все еще знали о нем, и среднее течение Сыр-Дарьи, где были основные центры Кангюя, именовали «рекой Канга» [Кляшторный, 1964, с. 161—176]. Китайские авторы ханьской эпохи пишут о Кангюе как о большом государстве, населенном кочевыми племенами, но имеющим и города; хотя оно и уступало юечжам и гуннам по силе, все же власть кангюйского владетеля простиралась до северных берегов Каспия, где от него зависело владение *Яньцай* — союз сарматоаланских племен, обитавших между Приаральем и низовьями Волги. На севере племена лесного Приуралья — *янь* — платили Кангюю дань пушниной. В Средней Азии, кроме основной территории Кангюя — страны Лоюень, «великому государю» Кангюя были подчинены пять «малых владетелей» по Сыр-Дарье и в Приаралье, возможно, включая Хорезм. Очевидно, в Кангюй входил весь север Среднеазиатского Междуречья.

Новая научная информация о Кангюе появилась в результате недавних открытий в Южном Казахстане. Казахстанский археолог А. Н. Подушкин в ходе раскопок на городище Куль-тобе (левый берег р. Арыси) обнаружил семь керамических плиток (кирпичей) с фрагментами надписей, выполненных, как было установлено, ранним вариантом согдийского письма [Подушкин, 2005, с. 133—139]¹.

¹ Я благодарен также А. К. Акишеву, снабдившему меня дополнительными сведениями об археологическом контексте открытия.

Годом позже Н. Симс-Вильямс опубликовал собственное чтение и перевод надписей с обширным комментарием, а Ф. Грене оценил их источниковедческую значимость [Sims-Williams, Grenet, 2006, p. 95—113]. Палеографически надписи были датированы II—III вв. Такой же датировки придерживается и В. А. Лившиц¹.

По мнению Н. Симс-Вильямса, надписи сделаны по случаю постройки города, а В. А. Лившиц не исключает их эпитафийного характера. Само городище Кюль-тобе и связанный с ним катакомбный могильник Кылыш-жар (в 2 км от городища, на другом берегу Арыси) датируются I в. до н. э.—III (IV) вв. н. э. (сообщение А. К. Акишева). Близлежащие катакомбные могильники и наземные склепы того же и более позднего времени теперь изданы и обстоятельно изучены [Байнаков, Сматулов, Ержигитова, 2005].

Наиболее полно сохранились надписи 2 и 4, согласно которым, некий «начальник войска чачского народа» (имя в тексте разрушено) воздвиг здесь город, которым и управлял. Его опорой были не только воины Чача, т. е. Ташкентского оазиса, но и союзные отряды владельцев Самарканда, Кеша, Нахшеба и Навак-метаны (Бухары). Территория, на которой построен город, стала частью фронта, идущего вдоль р. Арысь и достигавшего, по мнению Ф. Грене, Трарбанда, т. е. Огарского оазиса². Созданная после успешных военных действий и захвата добычи укрепленная линия была предназначена для защиты согдийского юга от кочевников севера. Возможно этими кочевниками были центральноазиатские гунны (сюнну), которые в III в. н. э. вторглись в Согд [Sims-Williams, Grenet, 2006, p. 106—107].

Некоторые сведения о кангюйско-согдийском пограничье возможно обнаружить в китайских источниках. В «Хоу Хань-шу», где изложение событий начинается с 125 г. н. э., приведен иной, нежели у Сыма Цяня, перечень зависимых от Кангюя иноземных владений: к двум ранее известным — Яньцай и Янь, добавлено еще одно — Су-и. Вот как описывает источник эту страну: «Владение Су-и состоит в зависимости от Кангюя. Отсюда выходят славные лошади, крупный и мелкий рогатый скот, виноград и разные плоды. Почва земли очень хорошая, почему делаемое здесь виноградное вино в славе» [Бичурин, II, с. 229].

Судя по упоминаниям винограда и виноделия, Су-и располагалось не к северу от Кангюя, как Яньцай и Янь, но близ его южных границ. Локализацию этого владения проясняет фонетическая реконструкция китайской транскрипции названия: Су-и надежно реконструируется как *Sukdok*, что передает название Согда [Sims-Williams, Grenet, 2004,

¹ Устная консультация.

² О Трарбанде см.: [Кляшторный, 1964, с. 155—161].

р. 106; de la Vaissière, 2004, p. 39]. Однако восстановленное звучание полностью соответствует согдийскому swghdyk «согдиец, согдийский» и его деривату — древнетюркскому soghdaq «согдиец», и, как очевидно, обозначает не сам Согд, а некую «согдийскую» страну или город. В сочетании с пограничным положением этой страны у южной границы Кангюя, скорее всего, владение Су-и — это кангюйско-согдийский кондоминиум на р. Арысь.

Политическая история Кангюя почти неизвестна; лишь немногие события нашли отражение в китайских источниках. В 101 г. до н. э., когда войска ханьского полководца Ли Гуанли овладели Даванью (Ферганская долина), Кангюй поддержал ферганцев. В 46—36 гг. до н. э. Кангюй вновь занял враждебную позицию по отношению к Китаю, оказав помощь шаньюю северных гуннов Чжичжи. В 78 г. н. э., когда ханьский полководец Бань Чао захватывал восточнотуркестанские города, Кангюй вначале выступает как союзник имперского наместника, но вскоре меняет позицию и в 85 г. посылает подмогу восставшему против ханьцев кашгарскому владетелю. Лишь дипломатическая поддержка, оказанная тогда Бань Чао царем кушан, заставила Кангюй, чей правящий дом «породнился посредством брака» с кушанским, вывести свои войска из Восточного Туркестана [Бичурин, II, с. 165—166]. К общим тенденциям восточной политики Кангюя следует отнести стремление сохранить влияние на южном торговом пути через Давань в Восточный Туркестан. Возможно, этим обусловлены частые войны с усунями и сложные военно-дипломатические маневры между гуннами и Китаем. Последние сведения о Кангюйском царстве, пережившем период распада, относятся к 287 г., когда в Китай прибыл посол кангюйского царя. В середине V в. о Кангюе, а точнее, о его преемнике, владении Чжэшэ, сообщается уже как о мелком владении, среди нескольких десятков других, подчинившихся эфталитам.

Еще более ограничены сведения о политике Кангюя на севере и западе. Ханьские историографы отмечают зависимость от Кангюя сармато-аланских племен Приаралья-Прикаспия. В первые века н. э. аланские племена приобрели господствующее положение в сарматском союзе племен — по сообщению *Хоуханьшу*, «владение Яньцай переименовалось в Аланья». Китайские наблюдатели постоянно отмечают, что и по обычаям, и по одежде кангюйцы не отличаются от сармат и алан. Как и во времена сложения авестийских сказаний, племена Кангхи-Кангюя еще ничем не выделялись из круга североиранских скотоводческих племен. Лишь под влиянием все усиливающейся инфильтрации тюркоязычных этнических групп с востока, не ранее середины I тыс. н. э., раздробленные и разделенные к тому времени кангюйские племена начали менять свой этнический облик.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В IV—VI ВВ.

Эпоха упадка Кушанского царства и появление новых завоевателей-кочевников в оазисах Средней Азии (IV—VI вв.) стала эпохой хозяйственного кризиса и распада сложившихся экономических связей, распада относительно устойчивой системы взаимодействия нескольких крупных государств на неустойчивые и несистемные взаимосвязи множества малых самостоятельных владений. Археологические исследования свидетельствуют о почти полном прекращении жизни ряда крупных городов, запустении целых оазисов, сокращении орошаемых земель. Особенно отчетливо этот процесс засвидетельствован в Согде, Ташкентском оазисе, Хорезме и Фергане.

Внешними факторами, способствовавшими политическому и экономическому кризису были вторжение Сасанидов при Шапуре II, в 60-е гг. IV в. и появление в Согде племен, которые в западных (византийских) источниках именуется хионитами (середина IV в.). Шапур II, нанеший сокрушительный удар Кушанскому царству, овладел Маргианой и Бактрией, продвинувшись на восток до Термеза, и создал пограничную провинцию Кушаншахр, наместник которой получил право чеканки монет (так называемый «кушано-сасанидский чекан»). Уже в 346 г. Шапур II, согласно Аммиану Марцеллину, ощутил угрозу восточным границам со стороны некоего племенного союза кочевников, выступивших совместно с кушанами. Название этих племен, *хиониты*, связывается с гуннской политической традицией, хотя, по словам того же Аммиана Марцеллина, они несколько не походили на столь выразительно изображенных в его труде гуннов. Более того, когда в 359 г. Шапур II привлек царя хионитов Грумбата в качестве союзника против римлян и сын царя пал под стенами сирийского города Амиды, этот юноша был назван Аммианом «красивым» (вспомним, как описывает Аммиан внешность гунном Аттилы!). Тем не менее, если верна догадка К. Еноки о том, что гуннами, которые, согласно китайским источникам, во второй половине IV в. завоевали страну Судэ (Согд) и были хиониты, политическое соотнесение и связь обоих племенных групп делается весьма вероятным.

Уже в начале V в. на среднеазиатской исторической арене вновь появляются юечжийские племена. Согласно китайской династийной истории *Бэйши* это были «малые» юечжи, возглавленные «храбрым государем Цидоло». Жившие до того в предгорьях Нань-Шаня, эти племена завоевали «пять царств» к югу от Гиндукуша, овладели Гандхарой и Тохаристаном, вытесняя оттуда Сасанидов и объединились с хионитами. Имеется несколько групп монет, чеканенных от имени их государей и легенды этих монет именуют правителя «Кидара Кушана ша». А византийский автор Приск Панийский пишет о войнах Саса-

ндидов в 450—460-х гг. с «гуннами, называемыми кидаритами». Возможно, что в ходе этих войн кидариты на какой-то срок овладели Балхом. Кидаритские цари считали себя продолжателями кушанской политической традиции, что не осталось незамеченным их противниками. Так, армянский автор Егише Вардапет, участник персидских войн с северными племенами, пишет, что сасанидский царь Йездигерд II (438—457 гг.) «внезапно напал на земли хонов, которые называются также кушанами, и воевал с ними два года, но не смог подчинить их». Очевидно, что кушанами здесь названы кидариты и хиониты. Но в те же годы решающей политической силой в Средней Азии становятся эфталиты, которых их современники — византийские, армянские и индийские авторы — также связали с гуннской политической традицией. В западных источниках они именуются «белые гунны», в армянских — хоны, в индийских — хуна. Название *эфталиты*, согласно византийским авторам, они получили по имени одного из их царей. Как же сами они себя называли?

Из надписей на монетах эфталитских царей это выясняется с полной достоверностью — сами себя эфталиты называли *хион*. Иначе говоря, эфталиты были одной из этнополитических групп хионитов. Сопоставление различных источников выявляет, что таких групп было по меньшей мере две: *стет хион* «белые хионы» и *кармир хион* «красные хионы». Проблема прародины хионов — эфталитов остается дискуссионной. Попытки связать их с Бадахшаном (К. Еноки) были подвергнуты основательной критике, но, почти несомненно, хионы были одной из древних групп ираноязычных кочевников, обитавших в горно-степной юго-восточной и южной полосе Центральной Азии.

Условность отнесения хионитов и эфталитов к гуннским племенам была отмечена еще Прокопием Кесарийским, который писал: «Хотя эфталиты народ гуннский и так называются, они, однако, не смешиваются и не общаются с теми гуннами, которых мы знаем, так как не имеют с ними пограничной области и не живут вблизи них... Они не кочевники, как прочие гуннские народы, но издавна обосновались на плодородной земле... Они одни из гуннов белы телами и не безобразны видом... и не живут какой-то звериной жизнью, как те, но управляются одним царем и имеют законную государственность, соблюдая между собой и соседями справедливость ничуть не хуже ромеев и персов» (Прокопий, I, 3).

Характеристика византийского автора относится к тому времени, когда эфталиты уже освоились в земледельческой и городской среде Средней Азии, восприняли на государственном уровне бактрийский язык и бактрийскую (кушанскую) письменность, созданную на основе греческого алфавита, и, по словам китайского путешественника

Сюань Цзана, «их литературные произведения постепенно увеличиваются и превзошли количество их у народа Согда». Таков был результат, но ему предшествовал длительный период политического становления государства.

Если их исходной территорией в 50-е гг. V в. был Тохаристан, то продвинувшись на север и стать подлинными наследниками Кушанского царства они смогли после войн с сасанидским царем Перозом (459—484 гг.), напавшем на них. Уже после первого похода Пероза и разгрома персов эфталиты овладели Хорасаном. Во время второго похода на эфталитов Пероз попадает в плен и платит за свое освобождение огромный выкуп. Третий поход Пероза (484 г.) окончился его гибелью и принуждением Ирана к выплате эфталитам ежегодной дани.

Еще до того, как эфталиты овладели Согдом, они в 479 г. начали продвижение на восток и подчинили Турфанский оазис; между 490—509 гг. они завершили подчинение большинства городов-государств Таримского бассейна, а возможно, всего Восточного Туркестана. К концу V в. эфталиты овладели и Северной Индией, где в 460—540 гг. правили эфталитские цари Хингила, Торамана и его сын Михиракула. По существу, эфталиты полностью овладели кушанским наследием.

ГЛАВА III

СТЕПНАЯ ИМПЕРИЯ ТЮРКОВ

«Когда вверху возникло Голубое Небо, а внизу — Бурая Земля, между ними обоими возник род людской. И воссели над людьми мои пращуры — Бумын-каган. Истеми-каган. Воссев на царство, они учредили Эль (Государство) и установили Тёрю (Закон) народа тюрков... Имеющих головы они заставили склонить головы, имеющих колени они заставили преклонить колени! На восток и на запад они расселили свой народ. Они были мудрые каганы, они были мужественные каганы!»

Так повествует о прошлых веках, о начале Тюркского эля и его первых каганах их далекий потомок Йоллыг-тегин, «Принц счастливой судьбы», первый тюркский летописец, имя и труд которого сохранились. Он начертал тюркским руническим письмом на «вечном камне», на двух стелах, увенчанных фигурами драконов, поминальные строки почившим родичам — Бильге-кагану и Кюль-тегину — и не забыл упомянуть основателей державы. Он повторил этот текст дважды — в 732 и 735 гг. Две каменные плиты с надписями, повествующими о бурной истории народа тюрков, и поныне лежат в одной из межгорных котловин Хангая, близ реки Орхон, там, где ставили юрты и строили дворцы властители могущественных империй.

Время сотворения мира совмещено в тексте со временем появления людей, а сотворение «сынов человеческих» предельно близко ко времени царствования первых тюркских каганов, покоривших «народы четырех углов света». Почти через двести лет после начала начал.

после возникновения Тюркского эля история совместилась с легендой, а величие прошлого было призвано возвышать настоящее.

Что же стояло в реальной истории за патетикой первого тюркского летописца?

В I тыс. н. э. началось постепенное изменение этнической среды в Евразийских степях. Преобладание здесь все более переходило к тюркоязычным племенам. Ускорение процессов социального развития и территориально-политической консолидации привело во второй половине I тыс. н. э. к созданию тюркоязычными племенами нескольких крупных государственных образований (каганатов) на территории Южной Сибири, Центральной Азии и Средней Азии, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа: первого Тюркского каганата, Восточнотюркского каганата, Западнотюркского каганата, Тюркешского каганата, Уйгурского каганата, а также государств енисейских кыргызов, карлуков, кимаков и приаральских огузов (гузов). Это время принято называть древнетюркской эпохой.

Ниже мы познакомимся в самых общих чертах с этнической, социальной и политической историей тюркских народов Центральной и Средней Азии во второй половине I тыс. н. э. Именно в это время возникли этнополитические объединения, ставшие прямыми предшественниками и предками современных тюркоязычных наций. Тогда же поднялась на новую ступень духовная культура степняков — возникла тюркская письменность, заимствованная и оригинальная, появилась запечатленная на письме тюркская литература, тюркские племена впервые приобщились к великим религиям того времени — буддизму, манихейству, христианству, исламу, широко освоили достижения иных цивилизаций. В условиях кочевого и полукочевого быта, а иногда — после перехода к оседлой и городской жизни, как, например, в Семиречье и Восточном Туркестане, была создана новая своеобразная и самобытная культура, занявшая свое место в мировой культуре того времени.

Все эти процессы невозможно расчленить на «истории» отдельных племен и народов Великой Степи и совместить их исключительно с прошлым какой-либо одной современной нации. Тюркоязычные народы Евразии, так же как и их предшественники, в течение многих веков имели общую историю и общую по происхождению культуру, ставшую их общим наследием. Смена на исторической арене одних племенных объединений другими вовсе не означает полного исчезновения первых — древние племена сохранялись во вновь возникших этнических и политических структурах, часто под другими названиями, и формировали новые народы, претерпевшие свои деформации. Судьба каждого из них неотделима от судьбы соседей и сородичей.

Единство и преемственность в истории и культуре евразийских степей, возникшие в начале бронзового века и достигшие расцвета в скифское время, не исчезли, а лишь окрасились в новые этнические цвета с наступлением древнетюркской эпохи.

СЛОЖЕНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО СОЮЗА ПЛЕМЕН

В 1968 г. в Монголии был открыт пока единственный эпиграфический памятник начального периода существования Тюркского каганата — стела с согдоязычной надписью из Бугута [Кляшторный, Лившиц; Klyashtornyi, Livšic, с. 69—102]. В навершии памятника изображена волчья фигура, которой приданы некоторые «драконьи» черты. Что знаменовал этот странный барельеф на каганской стеле?

Согласно тюркской легенде, записанной в VI в. китайскими историками, предки тюрков, «жившие на краю большого болота», были истреблены воинами соседнего племени. Уцелел лишь изуродованный врагами десятилетний мальчик (ему обрубили руки и ноги), которого выкормила волчица, ставшая впоследствии его женой. Скрываясь от врагов, в конце концов убивших мальчика, волчица бежит в горы севернее Турфана (Восточный Тянь-Шань). Там, в пещере, она рождает десятерых сыновей, отцом которых был спасенный ею мальчик. Сыновья волчицы женятся на женщинах из Турфана. Один из внуков волчицы, по имени Ашина, стал вождем нового племени и дал ему свое имя. Позднее вожди из рода Ашина выводят своих сородичей на Алтай, где они, возглавив местные племена, принимают имя *тюрк*.

Легенда связывает происхождение тюрков с Восточным Тянь-Шанем. О том же сообщают китайские исторические хроники, согласно которым группа позднегуннских племен в конце III—начале IV в., переселившаяся в местность севернее Нань-Шаня, была вытеснена в конце IV в. в район Турфана, где продержалась до 460 г. В том году на них напали монголоязычные жуань-жуани (авары), уничтожили созданное ими владение и переселили покорившихся гуннов на Алтай. В числе переселенцев было и племя потомков Ашина.

И тюркская легенда (она известна в двух вариантах), и китайская историография отмечают, что род ашина за время жизни в Восточном Туркестане воспринял в свой состав новую этническую группу — смешались с местными жителями. На территории, где жили ашина с конца III в. до 460 г., преобладало иранское (согдийское) и тохарское (индоевропейское) население, повлиявшее на язык и культурные традиции ашина. Именно здесь было положено начало тесным тюрко-согдийским связям, оказавшим огромное воздействие на всю культуру и государственность древних тюрков.

Само слово *ашина* имеет иранскую этимологию и означает «синий, темно-синий». В царской ономастике Восточного Туркестана, с которой связано это имя, обычны цветовые обозначения. Так, царский род Кучи именовался «белым», а царский род Хотана — «золотым, золотистым». Позднее, в 732—735 гг., в больших орхонских надписях, в том разделе, где повествуется о первых каганах, народ, населявший вновь созданную империю, именуется *кёк тюрк*, в обычном переводе — «голубые (синие) тюрки». Но первое слово здесь является просто калькой, тюркским переводом родового имени тюркской династии, и переводить это сочетание следует иначе: «кёки и тюрки», т. е. «ашина и тюрки» (подробнее см.: [Klyashtorny, 1994, с. 445—447]). Образ волчицы-прародительницы ашина и сохранила мемориальная Бугутская надпись.

На Алтае род ашина постепенно консолидировал вокруг себя местные племена. Новый племенной союз принял наименование *тюрк*. По легенде, это имя якобы совпадало с местным названием Алтайских гор. Последующие события начальной истории тюрков-ашина тесно связаны с историей нескольких северокитайских государств.

В Западной Вэй, одной из трех наследниц некогда единой империи Северная Вэй (386—534 гг.), шел 8-й год эры Датун. Восьмой год, как китайское царство Вэй, возглавленное правящим родом монгольского племени сяньби, распалось на два — восточное и западное. Бессильный и безвластный император Вэньди царствовал, но не правил. Его дворец в Чанъани, где он принимал иноземных послов, был лишь символом имперского величия. Послы подносили диковинные дары и рассказывали о своих странах, своей вере и своих календарях. Послы из Дацинь — Византии считали тот год 542-м со дня рождения Мессии, именуемого ими Христом.

Подлинным правителем царства был Юйвэнь Тай по прозвищу Черная Выдра. Сам из племени сяньби, он скромно именовал себя первым советником императора. Впрочем, жизнь в императорском дворце его не привлекала, и Черная Выдра учредил свою ставку в горном округе Хуа.

Год Собаки (Черная Выдра предпочитал степной календарь) был тревожен. Не прекращалась вражда с Восточной Вэй и южным царством Лян. Но более всего беспокоила Черную Выдру протяженная степная граница на севере. Там, за рекой Хуанхэ, жили родственные сяньбийцам монголоязычные жуань-жуани (жужане). Их еще недавно дружественный каган Анагуй вдруг начал переговоры с Восточной Вэй о брачном и военном союзе. А тут еще сообщение с западной границы — на округ Суйчжоу, что в излучине Хуанхэ, напало кочевое племя, называвшее себя *тюрк*.

Вот уже несколько зим, как только река замерзала, тюркские отряды переходили ее по льду. В этом году племянник Черной Выдры отразил набег одной лишь демонстрацией силы. Но ведь вчерашний враг мог стать завтрашним союзником, а опора в степи стала для Западной Вэй крайне нужна. И вэйский правитель приказал собрать и представить ему все сведения о тюрках. То, что он узнал, попало в анналы правящей династии и после нескольких редактур стало главным источником сведений о древнейшем периоде тюркской истории.

Раньше тюрки жили далеко на запад от китайской границы, в южных предгорьях Алтая. Восемь лет назад, в год Барса (534 г.), их вождем стал Бумын, унаследовавший от отца титул «великий ябгу», т. е. «великий князь». Формально он считался вассалом жужаньского кагана и посылал в его ставку дань железом из своих алтайских рудников и плавлен. В действительности же Бумын перестал считаться со своим сюзереном и продвинул владения тюрков далеко на восток. Тюрки появились на берегах Хуанхэ и поначалу вели себя мирно. На пограничных китайских рынках они выменивали лошадей на шелк и зерно. Пограничные чиновники не поощряли торговлю, шедшую мимо их рук, и чинили препоны. Тогда и начались зимние набеги.

В 542 г., когда тюрки распространили свои владения от Алтая до берегов Хуанхэ, Черной Выдре предстояло определить — кого из степных соседей он предпочтет для заключения военного союза. Альтернативой были многочисленные и многолюдные племена, которых китайцы именовали *гаогюй*, т. е. «высокие телеги», а монголоязычные жужане на своем наречии называли их *тегрэг* «тележники» (в китайской транскрипции *теле*). Сами себя они называли *огурами/огузами*. Позднее их племена возглавили уйгуры, но в VI в. огузы не имели лидера. Не отличаясь от тюрков ни по языку, ни по образу жизни, огузы в противоположность тюркам не были консолидированы властью одного вождя и часто враждовали друг с другом. Мятежные подданные кагана Анагуя, они регулярно восставали против жужан и каждый раз терпели неудачу. В 542 г. жужанами был подавлен очередной мятеж огузов. Вождь, возглавлявший восстание, бежал в столицу Восточной Вэй. Там он был обласкан и обнадежен. Для Западной Вэй союз с огузами стал невозможен.

Черная Выдра принял решение и стал готовить посольство к тюркам. Он учел информацию об иранских генеалогических связях царского рода ашина. Во главе посольства был поставлен согдиец из бухарских выходцев, живших на крайнем западе Китая, в одном из торговых центров на Шелковом пути. В год Быка, т. е. в 545 г. от Р. Х., посольство прибыло в ставку Бумына. С этого момента государство тюрков, получив признание одной из крупнейших держав того времени, обрело международный статус. Вот как описывает китай-

ский историограф состоявшееся событие: «Тюрки поздравляли друг друга и говорили: „Теперь наше государство будет процветать. Ведь к нам приехал посол великого царства!“» В следующем году тюркское посольство прибыло в Чанъань. Военный союз состоялся.

Обретя столь сильную опору на юге, Бумын начал покорение севера. Первыми были покорены 50 тысяч семей огузов. Объединенными силами Бумын обрушился на главного врага, на жужан. Их государство было уничтожено, Анагуй кончил жизнь самоубийством. В 551 г. Бумын был поднят на белой кошме и провозглашен каганом Тюркского эля. Начался отсчет дней новой империи Великой Степи.

Бумын умер в 552 г., вскоре после женитьбы на китайской принцессе из вэйского дома. Его брат и соправитель Истеми-каган начал завоевательный поход на запад, в Среднюю Азию, на Волгу, на Северный Кавказ. А сыновья Бумына, Муган-каган и затем Таспар-каган, утвердили господство династии в Центральной Азии и Южной Сибири. Оба северокитайских государства стали фактическими данниками Тюркского эля, и Таспар-каган насмешливо именовал их государей «сыночками», т. е. вассалами. Часть жуань-жуаней бежала в Корею и Северный Китай, другие — на запад, где они стали известны под именем аваров. Включив в состав своих орд многочисленные позднегуннские племена Поволжья, Приазовья и Северного Кавказа, эти авары в 558—568 гг. прорвались к границам Византии, создали в долине Дуная свое государство и не раз опустошали страны Центральной Европы.

Во второй половине VI в. термин *тюрк* получил широкое распространение. Согдийцы передавали его как *турк*, согдийское множественное число — *туркут*, «тюрки». Согдийскую форму (во множественном числе) заимствовали китайцы (*туцзюе* — *тюркюм*), так как первоначально дипломатические и письменные сношения между тюрками и Китаем осуществлялись при посредстве согдийцев и согдийского письма. Вслед за тем термин *тюрк* фиксируется византийцами, арабами, сирийцами, попадает в санскрит, различные иранские языки, в тибетский.

До создания каганата слово *тюрк* означало лишь название союза десяти (позднее двенадцати) племен, сложившихся вскоре после 460 г. на Алтае. Это значение сохранялось и в эпоху каганатов. Оно отражено древнейшими тюркскими текстами в выражении *тюрк бодун*; слово *бодун* как раз и означает совокупность, союз племен (из *бод*, «племя»), народ, состоящий из отдельных племен. Еще в середине VIII в. источники упоминают «двенадцатиплеменной тюркский народ». Этим же словом было обозначено и государство, созданное собственно тюркским племенным союзом, — Тюрк эль. Оба этих значения отражены в древнетюркских эпиграфических памятниках и

китайских источниках. В более широком смысле термин стал обозначать принадлежность различных кочевых племен к державе, созданной тюрками. Так его употребляли византийцы и иранцы, а иногда и сами тюрки.

Позднее значение термина получило дальнейшее развитие у арабских историков и географов в IX—XI вв., где слово *турк* появляется как название группы народов и языков, а не как название какого-либо одного народа или государства [Бартольд, т. 5, с. 584]. Именно в арабской литературе возникло общее понятие о генетическом родстве языков, на которых говорили тюркские племена, и генеалогическом родстве самих этих племен. Вне сферы мусульманской образованности столь широкая трактовка не проявлялась. Так, в русских летописях 985 г. упоминается племя торков (т. е. тюрков), но это лишь одно из многих кочевых объединений Дикого поля, называемое вместе с берендеями, печенегами, черными клоабуками, половцами.

Последовательному изложению политической и социальной истории древнетюркских государств теперь, после прояснения основных понятий, с ними связанных, предстоит предпослать хотя бы самый общий набросок этнической истории тех племен, которые, в сущности, сформировали мир древнетюркских кочевников I тыс. н. э. Мы сознаем, что такое забегание вперед не всегда легко воспринимается читателем, тем не менее считаем необходимым введение в текст некоторых генерализованных представлений.

ОБЩАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ПЛЕМЕН

Древнейшие очаги тюркского этно- и глоттогенеза (т. е. территории формирования этих этносов и языка) неразрывно связаны с восточной частью Евразийского континента — Центральной Азией и Южной Сибирью — от Алтая на западе, до Хингана на востоке. Этот огромный регион не был изолирован ни от соседних цивилизаций, ни от горно-таежных и степных племен иного этнического облика. Трассы миграционных процессов, то усиливаясь, то затихая, пронизывали Великую Степь. Отличительной чертой этногенетических процессов в Великой Степи был их дислокальный, т. е. не связанный с одной территорией характер, определяемый высокой степенью подвижности населявших ее племен. Общей особенностью тюркоязычных племенных объединений древности и средневековья была их неустойчивость, мобильность, способность легко адаптироваться в составе вновь возникающих племенных группировок. Только в рамках этнополитических объединений, созданных той или иной родоплемен-

ной группой (династией), казалось бы, хаотические миграции приобрели определенную направленность. И только в пределах обширных хронологических периодов заметно, что эти миграции подчинялись общей закономерности — смещению тюркоязычных групп с востока на запад.

Крайняя скудость письменных источников и трудности этнической интерпретации археологических материалов предопределяют реконструктивный характер рассматриваемых процессов в целом и известную гипотетичность частных выводов. Поэтому приходится ограничиться здесь рассмотрением наиболее общих и ярко очерченных периодов в границах древнетюркской эпохи, с которыми связаны качественно отличные этапы в формировании тюркоязычных этнических общностей.

Начало тюркского этногенеза привычно связывается с распадом государства гуннов и обособлением на территории Центральной Азии неизвестных ранее племенных групп. Однако связь последних с гуннами, несмотря на определенную тенденцию китайской историографической традиции, в этногенетическом отношении далеко не бесспорна. К настоящему времени достаточно определенно выявилось различие между «неалтайской» (в лингвистическом понимании) принадлежностью ранних гуннов, создавших империю, и явно конгломератным позднегуннским сообществом, где преобладали «алтайские» этнические группы. Именно на периферии империи гуннов обозначились в первые века новой эры прототюркские этнополитические образования.

Первым тюркским фольклорным памятником, зафиксированным письменно в VI в. и отразившим ранний этап тюркского этногенеза, являются генеалогические легенды о происхождении племени ашина и его превращении в господствующую группу внутри возникшего тогда племенного союза. Генеалогические легенды тюрков, трактуемые обычно весьма узко, позволяют тем не менее, кроме собственно тюркской генеалогии, обнаружить истоки еще трех племенных традиций, связанных, как оказывается, с начальными этапами этногенеза кыргызов, кипчаков и теле (огузов).

Обычно интерпретируются две записанные в *Чжоу шу* и *Бэй ши* легенды о происхождении тюрков. Обе они являются, скорее всего, разными записями одной легенды, отражающей последовательные этапы расселения тюрков-ашина в Центральной Азии. После переселения ашина на Алтай в их генеалогическую традицию включаются как равноправные участники тюркоязычные этнические группы севера Центральной Азии и Южной Сибири, создавшие обособленные племенные объединения по соседству с тюрками-ашина. Согласно записанной в Китае генеалогии — это группа *цигу*, т. е. енисейских

кыргызов, группа «белого лебедя», отождествляемая мною с кипчаками, и группа *теле*, отождествляемая с упоминаемыми в легенде родичами ашина, поселившимися на р. Чжучже.

Анализ версий легенды позволяет заметить два важных обстоятельства. Во-первых, четыре основные древнетюркские группировки племен, сохранившие в позднейшую эпоху историческую преемственность, сложились на весьма раннем этапе тюркского этногенеза, когда еще ощущалось и запечатлелось в повествовательной традиции их генеалогическое родство. Во-вторых, по счету поколений, сведения, сохранившиеся в записи VI в., отражают события V в. или, возможно, IV—V вв., происходившие на территории Восточного Тянь-Шаня и Саяно-Алтая (включая Монгольский Алтай). Последнее обстоятельство дает возможность обратиться к сохранившимся фрагментам описаний исторических событий и археологическим материалам того времени.

На территории Саяно-Алтая в III—V вв. выделяются несколько археологических культур, которые по некоторым характерным элементам могут быть с различной степенью достоверности атрибутированы как раннекыргызская, раннетелеская и раннекипчакская. Так, в таштыкской культуре III—V вв., сложившейся на территории Средне-енисейской низменности, четко прослеживается ряд элементов (обряд трупосожжения, некоторые конструктивные особенности погребальных склепов, отдельные виды украшений и керамики), получивших развитие в культуре енисейских кыргызов. Памятники берельского типа на Горном Алтае (III—V вв.) отличаются сопроводительными захоронениями коней и на этом основании справедливо трактуются как раннетелеские (раннеогузские). В синхронных памятниках Северного Алтая, входящих в круг конгломератной верхнеобской культуры, достаточно рано прослеживаются элементы, характерные впоследствии для культуры раннесредневековых кипчаков. Создатели перечисленных археологических комплексов явно связаны с этнокультурным субстратом гуннского времени, но в III—V вв. древнетюркские культуры уже обособились как проявления самостоятельных этнических общностей. Таким образом, анализ письменных традиций и археологических материалов позволяет наметить первый по глубине этап тюркского этногенеза, который может быть условно обозначен как **этап легендарных предков**.

В середине VI в. четыре основных группировки древнетюркских племен вошли в состав нового политического образования, созданного тюрками-ашинами, и тем самым было положено начало следующему этапу этнической и политической истории Центральной Азии — **этапу архаических империй (VI—IX вв.)**.

Новый этап тюркского этногенеза протекал на фоне изменившихся социальных условий (активизация процессов выделения господствующих и подчиненных групп населения), в иных территориальных пределах (распространение власти тюркских каганов на всю Великую Степь и проникновение их политического влияния в зону оседлой среднеазиатской цивилизации). Этот этап обусловил новый уровень этнических контактов и экономического симбиоза с восточноиранским миром. Образование тюркских и уйгурских каганатов, а также государств карлуков, тюргешей, кыргызов и кимаков, создавших аналогичные социально-политические структуры, предопределили постепенное смещение к западу центров тюркского этногенеза и одновременное ослабление прежних, связанных с тюрками, этнических процессов на территории Центральной Азии.

Внутри архаических империй родоплеменной партикуляризм, т. е. стремление к обособлению, впервые приобретает противовес — им становится общеимперская идеология. В рамках единой державы появляются и продолжают существовать даже после ее распада единый литературный язык и письменность, общеимперская мода в материальной культуре, единая социально-политическая номенклатура. Эти процессы отражали новое этническое мироощущение противопоставления себя как целого иному культурному миру. Вместе с тем в Семиречье, Восточном Туркестане и отчасти в Среднеазиатском Междуречье обозначились совершенно отличные от выше отмеченных процессы сравнительно узкой локализации устойчивых этнотерриториальных групп, внутри которых усилилось воздействие центростремительных сил, и окрепли прежде нестойкие межплеменные связи, формирующие будущие тюркские нации.

Центростремительные и центробежные процессы, сменяющие друг друга и сосуществующие в истории архаических империй, отразились в противоречивом характере развития археологических культур того времени. С одной стороны, происходит сложение общетюркского культурного комплекса, включающего широко распространенные по всему степному поясу во второй половине I тыс. н. э. формы предметов материальной культуры (седла со стременами, сложноставленные луки, трехперые стрелы, пряжки, украшения), идеологических представлений, отраженных в погребальном обряде, памятников изобразительного искусства. С другой — достаточно четко фиксируются культурно-дифференцирующие признаки археологических комплексов, имеющих конкретное этническое содержание. Так могут быть выделены три самостоятельные археологические культуры, различающиеся нормами погребального обряда, характерным оформлением предметов и их декором, — культура енисейских кыргызов, культура алтайских тюрков и сросткинская, т. е. кимакско-кипчацкая

культура Восточного Казахстана и Северного Алтая. Общая тенденция развития раннесредневековых культур прослеживается по характеру распространения инноваций — с юга на север, с востока на запад.

Таким образом, в течение всего I тыс. в Центральной Азии и степной части Юго-Западной Сибири, в Семиречье и на Тянь-Шане в рамках общих для тюркской этнической среды процессов происходило сопряженное формирование культурных традиций, связанных с собственно тюркским, огузским, киргизским и кипчакским этногенезом.

В границах архаических империй четыре разных группировки тюркоязычных племен консолидировались и превратились в очаги формирования новых этносов. Кимакско-кипчакская группа и некоторые огузские племена, покинувшие Центральную Азию, передвинулись в бассейн Иртыша, а затем стремительно распространились в западном направлении, оттеснив на юг многие другие тюркские племена. Киргизы, раздвинув границы своего енисейского государства, освоили малоудобные для кочевников, но обладавшие значительным хозяйственным потенциалом предгорные и лесостепные районы от Байкала до Восточного Казахстана, что находит отражение и в археологических материалах. Границы распространения киргизов в IX—X вв. маркируют на востоке погребения близ Читы, на западе — могильник Узун-Тал на Южном Алтае; киргизские элементы прослеживаются в инвентаре курганов Западного Алтая и Верхнего Иртыша. Западная граница распространения влияния енисейских киргизов отмечена материалами захоронения на р. Или.

Группа токуз-огузских племен в жестокой борьбе с северной экспансией Тибета все более смещалась в сторону западной части Ганьсу и в Восточный Туркестан, уже в середине VIII в. превратив Таримский бассейн в западную периферию своего государства. Тюрки, потерпевшие политическую катастрофу в 744 г. и утратившие свою центральноазиатскую прародину, концентрировались в Кашгарии и в Семиречье, где в X в. после принятия ислама и смешения с родственными карлукскими племенами создали Караханидское государство. Их семиреченская ветвь — потомки тюрко-огузских племен Западного каганата, теснимые карлуками, — тогда же формирует государство приаральских огузов, ассимилируя население присырдарьинских оазисов и приаральских степей. Динамика этнического развития, определившаяся в недрах архаических империй, отчетливо проявилась в этих государствах, формирование которых положило начало следующему этапу политической, социальной и этнической истории Великой Степи — **этапу варварских государств**, преобразующихся в раннефеодальные державы. Именно в рамках этих государств наиболее ясно обозначились нуклеарные компоненты, вокруг которых консолидировались этнические процессы, определившие языковую и

культурную специфику тюркских протонародностей раннего средневековья.

Вместе с тем резко изменилось соотношение внутренних и внешних факторов, определивших направленность этнокультурных процессов. Главным на следующем этапе этногенеза оказалось не столько саморазвитие древнетюркских компонентов, сколько воздействие теснейших контактов с окружающей этнической средой — иранской, кавказской, малоазийской, финно-угорской, славянской. Обе линии этнического развития — привнесенная центральноазиатская и местная субстратная — по-разному проявились в расогенезе, культурогенезе и в собственно этнической истории тюркоязычных народов.

ПЕРВЫЙ ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ (551—630 гг.)

Муган-каган (правил в 553—572 гг.), наследник Бумына и Каракагана, окончательно утвердил господство Тюркского эля в Центральной Азии и Южной Сибири, покорив монгольские племена киданей в Юго-Западной Маньчжурии и кыргызов на Енисее. По словам китайской летописи, он «привел в трепет все владения, лежащие за границей (Великой Стеной. — *С. К.*). С востока от Корейского залива на запад до Западного моря (Каспия. — *С. К.*) до десяти тысяч ли, с юга от Песчаной степи (пустыни Алашань и Гоби. — *С. К.*) на север от Северного моря (Байкала. — *С. К.*) от пяти до шести тысяч ли, все сие пространство земель находилось под его державой. Он сделался соперником Срединному царству» [Бичурин, т. 1, с. 229]. Последнее утверждение не вполне точно — каганат в эту эпоху фактически превратил оба северокитайских государства — Северное Ци и Северное Чжоу — в своих данников. Особенно усилилась их зависимость при наследнике Муган-кагана, Таспар-кагане (правил в 572—582 гг.).

Успешными для тюрков были их западные походы. К концу 60-х годов VI в. Тюркский каганат включается в систему политических и экономических отношений крупнейших государств того времени — Византии, Сасанидского Ирана, Китая и ведет борьбу за контроль на торговом пути, связывающем Дальний Восток со странами Средиземноморья.

Непрерывные завоевательные войны на время приглушили острые противоречия, возникшие в ходе социальной перестройки тюркского общества, но первые же неудачи быстро изменили обстановку. В 581—588 гг. раздробленный до того Китай был объединен под властью династии Суй (581—618 гг.); осуществленные там реформы привели к быстрому росту экономической и военной мощи империи.

Усиление Китая совпало с началом распрей внутри правящей группировки тюрков, прежде всего в самом династийном роду ашина, и со страшным голодом в степи. Китайский историк замечает: «Вместо хлеба употребляли растертые в порошок кости» [Бичурин, т. 1, с. 229]. Рост государства и влияния тюркской аристократии, стремившейся к автономному управлению захваченными территориями, обеднение массы рядовых кочевников, вынесших на своих плечах все тяготы непрерывных войн и лишившихся средств существования вследствие джута 581—583 гг., новая политическая обстановка, не давшая тюркским каганам возможности искать выход в набегах, — все это привело каганат к острейшему кризису и междоусобице.

В 582—603 гг. окончательно завершился распад каганата на восточную (центральноазиатскую) и западную (среднеазиатскую) части; между Восточнотюркским и Западнотюркским каганатами велись все это время изнурительные войны.

Лишь при Шиби-кагане (правил в 609—619 гг.) Восточнотюркский каганат на короткое время вышел из состояния кризиса; наметился новый подъем его политического могущества. Гражданская война в Китае (613—618 гг.) и падение династии Суй, которую сменил дом Тан (618—907 гг.), позволили Шиби и его младшему брату Эль-кагану (правил в 620—630 гг.) возобновить войны на южной границе. Однако к этому времени обстановка в каганате существенно изменилась.

Давно минули времена, когда весь тюркский племенной союз видел в набегах нормальный и доходный промысел. Восьмидесятилетний путь исторического развития созданного тюрками государства привел к глубоким качественным изменениям общества. Всевластный каган руководствовался в политике интересами аристократической верхушки, в значительной мере оторвавшейся от своих корней в роду и племени. Война становилась выгодной только для правящего слоя каганата, которому доставалась львиная доля добычи и дани. Основная масса населения жила доходами скотоводческого хозяйства. Большая часть тюрков была заинтересована не в походах за рабами и драгоценностями, не в дани шелком, а в мирной меновой торговле. Иногда каганы, считаясь с насущными проблемами своих подданных, обращались к императорскому правительству Китая с просьбой разрешить меновой торг. Но на протяжении почти тысячелетия пограничная торговля рассматривалась в Китае лишь как средство политического контроля над варварами, монополизировалась императорским двором и предельно ограничивалась.

За двести лет существования в Центральной Азии тюркских каганатов имеется только несколько сообщений об открытии меновых рынков на китайской границе. Поэтому на определенном этапе исто-

рии тюркской аристократии удавалось получать широкую поддержку рядовых общинников в ее военных предприятиях на юге. Алчность и борьба за господство над чужими землями были свойственны и императорскому двору, и каганской ставке, страдали от этого китайские землепашцы и тюркские скотоводы, стремившиеся к мирной торговле на пограничных рынках.

В течение 620—629 гг. Эль-каган и его военачальники организовали 67 нападений на границы. Непрерывные войны требовали бесперебойного снабжения огромной армии, постоянного ремонта конского состава и многих других затрат. В результате Эль-каган, не довольствуясь данью и добычей, усилил обложение податями и сборами собственный народ. Подати оказались особенно тяжелыми в годы джута, падежа скота и голода (627—629 гг.). Эль-каган, следуя по пути, проложенному его предшественниками, перешел к формам и методам осуществления власти, свойственным более развитым обществам. Не полагаясь на старые органы управления, связанные в какой-то степени родоплеменными традициями, он заместил должностных лиц, занимавших ключевые посты, китайцами и согдийцами.

В глазах народа обострение социального и имущественного неравенства было непосредственно связано с переходом реальной власти в руки чужаков. Недовольство обездоленных превратилось в ненависть к иноземцам. Внутренние противоречия в каганате казались столь очевидными, что стали темой докладных записок китайских пограничных чиновников, наблюдения которых резюмированы историографом:

«Тюрки имели простые обычаи и были по природе простодушны. Хели (Эль-каган. — С. К.) имел при себе одного китайского ученого, Чжао Дэ-яня. Он уважал его ради талантов и питал к нему полное доверие, так что Чжао Дэ-янь стал мало-помалу управлять государственными делами. Кроме того, Хели доверил правление ху (согдийцам), удалил от себя своих сородичей и не допускал их к службе. Он ежегодно посылал войска в поход... так что его народ не смог более переносить эти тяготы... Год за годом [в стране] был великий голод. Налоги и сборы стали невыносимо тяжелыми, и племена все более отвращались от Хели» [Бичурин, т. 1, с. 194].

Последствия не замедлили сказаться. В 629 г. Эль-каган потерпел поражение в Шаньси. Против него сразу же восстали огузские племена. Императорская армия, воспользовавшись обстановкой, вторглась на территорию каганата. Покинутый всеми Эль-каган попал в плен (630 г.). Так завершилась история первого Тюркского каганата.

ТЮРКИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Тюркский историограф VIII в., повествуя о державе своих предков и завоеваниях первых каганов, пишет: «Вперед (т. е. на восток) вплоть до Кадырканской черни, назад (т. е. на запад) вплоть до Железных ворот они расселили свой народ». Кадырканская чернь — это горы Большого Хингана, а Железные ворота — проход Бузгала в горах Байсунтау, по дороге из Самарканда в Балх, в 90 км к югу от Шахрисябза. В момент своей наибольшей территориальной экспансии (576 г.) Тюркский каганат простирался от Маньчжурии и Боспора Киммерийского (Керченского пролива), от верховьев Енисея до верховьев Аму-Дарьи. Таким образом, тюркские каганы стали создателями первой евразийской империи, политическое и культурное наследие которой оказало существенное влияние на историю Средней Азии и Юго-Восточной Европы.

Правителем западных территорий каганата стал брат Бумынкагана, Истеми (Сильзибул или Дизавул византийских и Синджибу арабских исторических сочинений); он носил титул *ябгу-кагана*, в дальнейшем традиционный для западной ветви тюркской династии Ашина. Военный титул *ябгу* (*явуга*) был заимствован тюрками из кушанской политической традиции, сохраненной эфталитами. Именно при Истеми, который умер в 575 г., тюрки достигли на западе пика своего военного могущества.

Уже в 555 г. тюркские племена, двигавшиеся на запад, овладели Семиречьем и всей степной зоной вплоть до Сыр-Дарьи и Приаралья. Возможно, тогда же сюзеренитет тюркского ябгу-кагана распространился на Хорезм. Движение тюрков на запад было не просто завоеванием, а крупной миграцией центральноазиатских тюркоязычных племен и заселением ими обширных горно-степных районов на севере и востоке Средней Азии, прежде всего в степи. Местные кочевые племена, по языку родственные тюркам, были либо включены в военно-административную систему, созданную тюрками, либо бежали вместе с аварами в степи Юго-Восточной Европы, приняв то же этническое имя и значительно усилив военный потенциал авар. Последнее обстоятельство дало повод византийскому автору Феофилакту Симокатте, писавшему в начале VII в., назвать этих беглецов «псевдоаварами». Однако сами тюрки, судя по свидетельству другого византийского историка, Менандра (конец VI в.), именовали бежавших врагов именно аварами.

Нет никаких сведений об изменении тюрками в завоеванных ими землях Средней Азии, с городами и оседлоземельческим населением, существовавшей там социальной, экономической или политической

систем. Напротив, отрывочные сведения источников позволяют предположить, что даже на ранних этапах завоевания Тюркский каганат ограничился утверждением здесь своего сюзеренитета и получением дани.

Кочевое же население было организовано в «десятистрельный племенной союз» (*он ок бодун*), вполне аналогичный в то время военно-административной системе, существовавшей у восточных тюрков. Сам Истеми-ябгу-каган назван в одном из китайских источников «каганом десяти племен». Однако «стрела», судя по позднейшим сообщениям, была формой военно-административной, а не родоплеменной организации. Возможно, что в состав «стрелы» входило несколько племен, принявших общее имя. Каждая «стрела» выставляла один *томен*, т. е. десятитысячное войско, во главе с «великим предводителем» (*шадом*) и имела свой боевой стяг. Все «десять стрел» были сгруппированы в восточный и западный союзы, по пять «стрел» в каждом. Китайский документ той эпохи свидетельствует:

«Восточная сторона называлась пять племен дулу, во главе которых были поставлены пять великих чоров. Западная сторона называлась пять племен нушиби. Во главе их стояло пять великих иркинов. Позднее каждая „стрела“ стала называться племенем, а великим вождям „стрел“ было дано звание великих предводителей. Пять племен дулу обитали к востоку от Суяба; пять племен нушиби обитали к западу от Суяба» [Chavannes, с. 27—28].

Разделение на два крыла было присуще многим крупным тюркским племенным объединениям древности и средневековья. Таков гуннский племенной союз с его восточной и западной сторонами, такова огузская конфедерация, полумифический прототип которой, улус Огуз-хана, делился на бузуков и учуков. Символом власти младшей ветви огузской конфедерации, учуков, была стрела. Отметим, что ябгу-каганы западной ветви династии Ашина считались младшей линией каганского рода и находились в том же отношении к каганам восточной ветви, что и учуки к бузукам в легендарных генеалогиях «Огуз-наме». В VII в. «десятистрельная» система в Восточно-тюркском каганате была заменена системой «двенадцати племен», делившихся на две конфедерации — *тэлисов* и *тардушей* (восточное и западное крылья). Эта последняя система в VIII в. была унаследована Уйгурским каганатом.

Таким образом, уже через три года после создания Тюркского каганата, в 555 г., на его западных (среднеазиатских) территориях сложилась военно-административная система, подобная той, которая существовала на востоке, но не объединенная с ней. Тем самым были созданы политические условия для последующего распада каганата.

Освоение новых территорий сделало тюрков соседями могущественного государства эфталитов, восточные владения которого (Хотан и вассальные княжества в Семиречье) были тюрками завоеваны. Враждебность, сразу же появившаяся в тюрко-эфталитских отношениях, сдерживалась, однако, не менее восьми лет. Эфталиты, связанные войной в Индии и опасностью, угрожавшей из Ирана, не решались на поход в степь. Тюркские же вожди считали своей главной целью докончить разгром аваров, ушедших за Волгу.

К 558 г. тюрки завершили покорение Поволжья и Приуралья. В том же году император Юстин принял в Константинополе послов аварского кагана Баяна, овладевшего Кавказом. Вскоре к аварам прибыло ответное византийское посольство. Все это не могло не встревожить Истеми, тем более что набеги авар на новые тюркские владения создавали на западной границе каганата напряженное положение.

Вместе с тем в конце 50-х годов VI в. перед Истеми открылась перспектива успешных военных действий против эфталитов. Шах Ирана, Хосров I Ануширван (правил в 531—579 гг.), прекративший выплату дани эфталитам и готовившийся к войне с ними, уже в 557 г. возобновил перемирие с Византией и тем самым развязал себе руки на западе. Хотя окончательная договоренность о прочном мире была достигнута только в 561—563 гг., Хосров предложил тюркам военный союз против эфталитов. Союз был заключен и скреплен договором — дочь Истеми стала женой Хосрова и впоследствии матерью наследника престола Хормизда.

Этот союз определил направление новых походов кочевников. В Константинополь было отправлено тюркское посольство во главе с вождем одного из племен нушиби, Эскиль Кюль-иркином, которое прибыло туда в 563 г. с целью добиться от императора прекращения помощи аварам. А армия кагана, поддержанная с запада наступлением иранских войск на Балх, в том же году вторглась в эфталитские земли с востока.

По «Шах-наме», решающая битва произошла под Бухарой. Войско эфталитского царя Гатифара было разгромлено. Лишь небольшое эфталитское владение в Тохаристане (на севере нынешнего Афганистана) сохраняло некоторое время независимость, но и оно вскоре оказалось под властью Хосрова, который распространил свое влияние на все бывшие эфталитские земли южнее Аму-Дарьи.

Трения между Хосровом и тюркским каганом, начавшиеся из-за раздела эфталитского наследства, вскоре переросли в открытый конфликт, причиной которого стали различные экономические интересы обеих держав.

ТЮРКСКИЙ КАГНАТ, САСАНИДСКИЙ ИРАН И ВИЗАНТИЯ. ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ

После завоевания Средней Азии тюрки стали хозяевами значительной части торгового пути из Китая в страны Средиземноморья — Великого Шелкового пути. Главными посредниками в торговле шелком были согдийцы (на центральноазиатском и среднеазиатском участках пути) и персы, контролировавшие путь от Пайкенда (близ Бухары) до Сирии. Основным покупателем шелковых тканей была Византия. Торговля шелком приносила согдийским купцам и тюркским ханам огромные доходы. Тюрки получали возможность сбывать через согдийцев военную добычу и дань, выплачиваемую им китайскими царствами. Согдийцы сосредоточили в своих руках небывалое количество дорогих шелковых тканей. Вместе с тем уже с конца IV в. в Согде существовало свое шелкоткацкое производство на местном сырье. Согдийские шелка высоко ценились не только на западе, их ввозили даже в Восточный Туркестан и Китай. Сбыт этих тканей в VI в. стал важной проблемой для согдийских городов. В Иране и Византийской империи, особенно в Сирии и Египте, также существовало развитое шелкоткацкое производство, но сырьем для него был шелк-сырец, ввозимый из Восточного Туркестана и Средней Азии. Однако в VI в. в Иране и Византии появляется свой шелк-сырец.

Первая попытка сбыть накопившийся у них шелк и договориться о регулярной торговле была предпринята согдийцами в Иране. Согдийский посол Маниах прибыл туда в 566-м или 567 г. как представитель тюркского кагана. Однако Хосров, опасавшийся свободного доступа тюрков в свою страну и незаинтересованный в резком увеличении количества импортного шелка на иранском рынке — что понизило бы доходы местного шелкоткацкого производства, — купил привезенный Маниахом шелк и тут же сжег привезенный товар. Тогда Маниах сделал попытку найти более выгодного покупателя — Византию. В 567 г. он возглавил посольство тюркского кагана в Константинополь. Византия, как и Иран, не испытывала острой нужды в согдийском шелке, но была заинтересована в союзе с тюрками против персов. Именно этот аспект внешней политики константинопольского двора и стремились использовать согдийцы для заключения торгового соглашения.

Тюркское посольство было с почетом принято при императорском дворе, и тюрки заключили с Византией военное соглашение против Ирана. Вместе с Маниахом в ставку кагана выехал византийский посол Земарх Киликиец, «стратег восточных городов» империи. Каган принял Земарха в своей ставке близ «Золотой горы», на Тянь-Шане. И сразу же предложил путешественнику сопровождать тюрк-

ское войско в походе на Иран. Попытка шаха дипломатическим путем остановить тюркское наступление не удалась, и тюрки захватили в Гургане несколько богатых городов. Впрочем, уже в 569 г. их войска вернулись в Согд.

Вслед за тем Истеми перенес военные действия на Волгу, к 571 г. завоевал Северный Кавказ и вскоре вышел на Боспор (Керчь), подчинив аланов и утигуров. Тем самым каган расчищал трудный обходной путь в Византию, путь через Хорезм, Поволжье и Кавказ или Крым. Византийский историк Менандр упоминает семь византийских посольств к тюркам между 568—576 гг. и сообщает, что к каждому посольству присоединялись тюрки, согдийцы и хорезмийцы. Число их было часто значительно — к посольству мечника Валентина, например, присоединилось в 576 г. 106 «тюрков», т. е. подданных кагана, в разное время прибывших в Константинополь. В большинстве своем это были купцы. Регулярные торговые связи с Византией подтверждаются и многочисленными находками в Средней Азии византийских монет VI в. Впрочем, в 575—576 гг. на короткий срок тюрко-византийские отношения внезапно обострились. После смерти Истеми-кагана один из его сыновей, Турксанф, получивший свой удел на крайнем западе каганата и чрезвычайно недовольный мирными переговорами, которые император Юстин II вел с аvaraми, обвинил Византию в нарушении союзных отношений, а затем захватил Боспор Киммерийский и вторгся в Крым (576 г.). Вскоре, однако, он был вынужден покинуть полуостров.

Второй поход тюрков в Иран относится к 588—589 гг. Войско, возглавленное «царем тюрков» Савэ (или Шаба), вторглось в Хорасан. Возле Герата его встретили иранские войска, которыми командовал прославленный полководец Бахрам Чобин. Он разгромил тюркское войско и застрелил из лука «царя тюрков». Попытка реванша оказалась безуспешной, и стороны заключили мир.

Вплоть до разгрома Сасанидов арабами граница между тюркскими владениями в Средней Азии и Ираном оставалась неизменной. Все эти годы, с большей или меньшей регулярностью, караваны с шелком и другими товарами шли на запад и через Иран, и через Хорезм, и через Поволжье.

ЗАПАДНОТЮРКСКИЙ КАГНАТ. СОГДИЙСКИЕ КОЛОНИИ СЕМИРЕЧЬЯ

Междоусобная война в Тюркском каганате, раздираемом сепаратистскими тенденциями и борьбой за уделы внутри правящего рода, длилась более 20 лет и завершилась в 603 г. окончательным распадом на два государства — Западнотюркский каганат в Средней

Азии, включая Джунгарию и часть Восточного Туркестана, и Восточно-тюркский каганат в Монголии. Кратковременный расцвет Западно-тюркского каганата при каганах Шегуе (правил в 611—618 гг.) и Тон-ябгу (правил в 618—630 гг.) стал временем максимальной территориальной экспансии нового государства, быстрого обогащения и роста влияния военно-племенной знати, объединившей силы племен под эгидой каганской власти для почти непрекращавшихся и всегда успешных походов. Уже Шегуй сделал Алтай восточной границей каганата и распространил свою власть на весь бассейн Тарима и восточное Припамирье. Его ставка располагалась в «Белых горах» севернее Кучи (кит. *Бэй-Шань*, у Менандры — *Эктам*). Тон-ябгу возродил активную прозападную политику каганата и перенес зимнюю резиденцию в Суяб — крупный торгово-ремесленный центр в долине р. Чу (ныне городище Ак-бешим близ г. Токмак), а летнюю ставку — в Минг-булак близ Исфиджаба (невдалеке от современного г. Туркестан). Новые походы раздвинули границы каганата до верховий Аму-Дарьи и Гиндукуша. Управление югом (Тохаристаном) Тон-ябгу передал своему сыну, Тарду-шаду, ставка которого находилась в Кундузе.

Реализуя договорные отношения с Византией, Тон-ябгу-каган принял личное участие в третьем походе императора Ираклия в Закавказье (627—628 гг.). Тюрки захватили огромную добычу во взятых ими Чоре (Дербенте) и Тбилиси. Апофеозом успехов Тон-ябгу-кагана была его встреча с Ираклием под стенами Тбилиси, во время которой византийский император возложил на голову тюркского хана свою собственную корону и пообещал выдать за него свою дочь, принцессу Евдокию.

При Тон-ябгу-кагане был установлен более строгий политический контроль каганата в практически независимых прежде среднеазиатских государствах, чей вассалитет всегда ограничивался лишь уплатой дани. Во все подвластные ему владения от Исфиджаба до Чача (Ташкентский оазис) на севере до территорий Южного Афганистана и Северо-Западного Пакистана были посланы уполномоченные кагана — *тудуны*, которым вменялся контроль над сбором податей и посылкой дани в каганскую ставку. Местным владетелям были « пожалованы » тюркские титулы, как бы включавшие их в административную иерархию каганата. Вместе с тем Тон-ябгу стремился укрепить с крупнейшими из местных владетелей личные связи; так, он выдал свою дочь за наиболее сильного в Средней Азии владетеля — правителя Самарканда. Подводя итоги правления Тон-ябгу, китайский хронист замечает: «Никогда еще западные варвары не были столь могущественны» [Chavannes, с. 24].

Деспотический характер власти Тон-ябгу, который, «полагаясь на свое могущество и богатство, стал немилостив к подданным» [Там

же], скоро оказался в противоречии с возросшим сепаратизмом разбогатевшей в ходе победоносных войн племенной знати. Пытаясь предотвратить междоусобицу, дядя Тон-ябгу, Кюль-багатур, убил племянника и провозгласил себя Кюль Эльбильге-каганом. Однако часть племен поддержала другого претендента, и межплеменная война началась. Уже в 630—634 гг. каганат утратил все свои среднеазиатские владения к западу от Сыр-Дарьи. Государство вступило в полосу затяжного политического кризиса, главной причиной которого была борьба за власть между знатью двух конфедераций, составлявших западнотюркский племенной союз, — *дулу* и *нушиби*.

В 634 г. к власти пришел Ышбара Эльтериш Шир-каган, опиравшийся на нушиби. Он сделал попытку возродить действенность военно-административной системы «десяти стрел». Новые реформы превратили племенных вождей (иркинов и чоров) в назначаемых или утверждаемых каганом «управляющих», зависимых лично от него. Кроме того, для осуществления действенного контроля в каждую «стрелу» был направлен член каганского рода — *шад*, никак не связанный с племенной знатью и руководствовавшийся интересами центральной власти. Тем самым политическая инициатива местных вождей была резко ограничена. Однако военно-политические ресурсы каганской власти оказались недостаточны для удержания племен в повиновении. Уже в 638 г. племена дулу провозгласили каганом одного из посланных к ним шадов. После кровопролитной и тяжелой войны между дулу и нушиби каганат распался на два царства, граница между которыми проходила по р. Или. Ышбара-каган был низложен и бежал в Фергану [Chavannes, с. 56].

Межплеменная война и династийная борьба, продолжавшиеся следующие 17 лет (640—657 гг.), привели в конце концов к вторжению в Семиречье китайских войск. Ополчение «десяти стрел» потерпело поражение, а их последний независимый правитель, Нивар Ышбара-ябгу-каган (Ашина Хэлу китайских источников), был захвачен в плен, где и умер через два года, в 659 г.

Танская империя пыталась управлять западнотюркскими племенами, опираясь на своих ставленников из каганского рода. Какое-то время эти методы были действенными, но непрекращавшаяся борьба тюрков за независимость в конце VII в. увенчалась успехом. Государство западных тюрков восстановил вождь племени *тюргешей* Уч-элиг, создавший новое государство — Тюргешский каганат. К этому времени в Центральной и Средней Азии сложилась новая политическая ситуация, определившаяся возрождением Восточнотюркского каганата и арабскими завоеваниями в Средней Азии.

Западнотюркский каганат (его самоназвание было *Он Ок эли* — «Государство десяти стрел») весьма значительно отличался от Тюрк-

ского каганата на востоке. Если там преобладала кочевая жизнь, то на западе большая часть населения была оседлой и занималась земледелием, ремеслом, торговлей. Социальная структура Западно-тюркского каганата была несравненно сложнее, и его с большим правом можно считать государством со сравнительно развитыми феодальными отношениями, чем Восточнотюркский каганат.

Раннесредневековая городская и земледельческая культура Западнотюркского каганата была создана с участием согдийцев, весьма рано начавших создавать свои торгово-земледельческие колонии на Великом Шелковом пути — в Семиречье, Джунгарии, Восточном Туркестане, Северном Китае. В V—VII вв. интенсивная согдийская колонизация в долинах рек Талас («страна Аргу» тюркских источников), Чу и Или привела к созданию там десятков городов и укрепленных поселков. Основной приток согдийцев в Семиречье, особенно в Чуйскую долину, приходится на VII—VIII вв.

Поселения этого времени частично вскрыты раскопками. Это были большие города, не уступавшие по размерам большинству раннесредневековых городов Средней Азии. Их центральная часть состояла из цитадели и плотно застроенного *шахристана*. К шахристану примыкал *рабад* (ремесленно-торговое предместье) и обнесенная стенами территория усадебной застройки; укрепленные усадьбы — *кёишки*, окруженные садами и виноградниками, отстояли друг от друга на 50—100 м. Прилегающая местность, составлявшая пахотные земли жителей города, также была обнесена валами.

Только в Чуйской долине в VI—VIII вв. существовало не менее 18 крупных городов и большое число мелких поселений, основанных и населенных согдийцами, тюрками, сирийцами, персами. Первое описание городов Семиречья и их населения принадлежит китайскому путешественнику Сюань Цзану, посетившему страну в 630 г.:

«Пройдя более 500 ли на северо-запад от Прозрачного озера (Иссык-Куль), прибыли в город Суй-е (Суяб). Этот город в окружности 6—7 ли. В нем смешанно живут торговцы из разных стран и ху (согдийцы). Земли пригодны для возделывания красного проса и винограда. Люди одеваются в тканые шерстяные одежды. Прямо на западе от Суй-е находятся несколько десятков одиночных городов, и в каждом из них свой старейшина. Хотя они не зависят один от другого, но все подчиняются тюркам» [Зусв].

Теми же словами характеризует путешественник другой крупный город — Талас. Сюань Цзан резюмирует свои наблюдения: «Страна от города Суяба до княжества Кушания называется Согд, ее население также носит это имя» [Там же]. Как очевидно, Сюань Цзан, показавший себя весьма тонким наблюдателем, не находил этнического

различия между частью населения семиреченских городов и собственно Согда.

Описав одежду, внешний вид и письменность согдийцев, Сюань Цзан не слишком лестно отзываясь об их обычаях — торговая предприимчивость, погоня за наживой претили буддийскому монаху, проповедовавшему отрешенность от мирской суеты. Однако паломник не преминул отметить одно чрезвычайно важное обстоятельство, сразу же вводящее его читателя в круг повседневной жизни согдийских поселенцев: «Тех, кто возделывает поля, и тех, кто преследует выгоду (т. е. ремесленников и купцов), — поровну» [Там же]. Это свидетельство явно указывает не только на торгово-ремесленный, но и на аграрный характер согдийских городов, что подтверждается и археологическими наблюдениями.

В Западнотюркском каганате VII—VIII вв. власть каганов не была столь сильна, как на востоке. Ожесточенная борьба различных группировок военно-племенной знати, в чьих руках была военная сила, часто делала каганов подставными фигурами, цеплявшимися за каждую возможность найти политическую и экономическую опору в своей стране. В этих условиях положение больших и богатых согдийских городов, обладавших мощными укреплениями, сильными военными отрядами и огромными торгово-дипломатическими связями, было исключительно выгодным. Они имели неизменную возможность выступать как «третья сила» во всяком крупном внутреннем или внешнем конфликте. Тюркские каганы называли своих согдийских подданных *татами*, т. е. зависимыми данниками. Однако есть все основания полагать, что роль согдийцев в Западном каганате была очень значительна — под их контролем находилась вся экономическая жизнь государства, включая денежную эмиссию. Все местные монеты VIII в., найденные при раскопках столицы тюркских и тюркешских каганов, Суяба, имеют легенды на согдийском языке и были отлиты в согдийских мастерских.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ВОСТОЧНОТЮРКСКОГО КАГАНАТА. ТЮРГЕШСКИЙ КАГАНАТ. БОРЬБА С АРАБАМИ

В 679—689 гг. восточные тюрки в результате упорной борьбы за независимость с Китаем восстановили свое государство. Первым каганом стал Кутлуг, принявший титул Эльтериш-каган. Его ближайшим помощником и советником был Тоньюкук, оставивший описание своих деяний запечатленным на каменной стеле древнетюркским руническим письмом. Центр каганата находился в Отюкене

(Хангайские горы), а его западной границей уже при Эльтерише был Алтай. В 691 г., после смерти Эльтериша, на престол сел его брат Капаган-каган (правил в 691—716 гг.), при котором отмечен наивысший подъем военно-политического могущества второго Восточнотюркского каганата. Несколько успешных кампаний против китайских армий в Северном Китае, разгром киданей (696—697 гг.), подчинение Тувы и разгром государства енисейских кыргызов (709—710 гг.) сделали Капагана господином Центральной Азии. Состояние дел в Западном каганате дало ему повод для военного вмешательства.

В 699 г. Уч-элиг, вождь тюргешей, вытеснил в Китай претендента на власть в Западном каганате, креатуру императорского двора, Хосрова Бёри-шада, и установил свою власть на всей территории от Чача (Ташкент) до Турфана и Бешбалыка. Вместе с Хосровом Бёри-шадом в Бешбалык ушло 60—70 тысяч человек из подвластных ему западнотюркских племен. Наместничество Бэйтин (Бешбалык), где кроме крупного китайского гарнизона сконцентрировались все подчиняющиеся Китаю вожди из рода Ашина, стало грозным врагом тюргешей. В 704 г. один из претендентов, Ашина Сянь, вместе с Бёри-шадом совершил глубокое вторжение в Семиречье. Тюргеши предприняли несколько ответных нападений и начали подготовку к большому походу в Восточный Туркестан.

В Чуйской и Илийской долинах Уч-элигом были учреждены каганские ставки, страна разделена на 20 областей (*тутукств*), каждая из которых выставляла 7 тысяч воинов. При наследнике Уч-элига, Сакале, которого китайские источники именуют Согэ, начались первые мятежи племенной аристократии, поддержанной китайскими войсками. Сакал нанес поражение восставшим и разбил армию китайского наместника в Куче.

Поход 708 г. на Кучу (Аньси) готовился еще Уч-элигом. Его задачей было заставить Танскую империю прекратить вторжения в Семиречье, постоянно организуемые китайскими властями. В полевом сражении китайские войска понесли сокрушительное поражение, погиб сам наместник Аньси, Нью Шицзян, а вместе с ним и многие другие военачальники. Остатки гарнизона Кучи отсиживались в крепостях. Для тюргешей угроза с юга на некоторое время исчезла. Однако вслед за этим поднял восстание младший брат Сакала, обратившийся за помощью к восточному соседу, Капаган-кагану.

В 711 г. восточнотюркское войско, во главе которого были сын Капагана, Инэль, и *ататаркан* (главнокомандующий) Тоньюкук, разбило армию Сакала на р. Болучу в Джунгарии. Оба враждовавших между собой брата были по приказу Капагана казнены, и на некоторое время (711—715 гг.) Тюргешский каганат перестал существовать. Остатки тюргешских войск, возглавленные полководцем и членом

каганского рода Сулуком Чабыш-чором, отступили за Сыр-Дарью и ушли на юг. Преследуя их, в 712—713 гг. отряды восточнотюркского войска, которыми командовали Тоньюкук и сыновья Эльтериш-кагана, будущий Бильге-каган и Кюль-тегин, оказались в Согде. Здесь они приняли участие в сражениях с арабами на стороне царя Согда Гурека, но, разбитые арабским полководцем Кутейбой б. Муслимом, отступили и в 714 г., преодолевая сопротивление восставших на Алтае племен, возвратились в Отюкен.

Сулук же вернулся в Семиречье и, провозгласив себя тюргеш-каганом, восстановил Тюргешское государство. Ему пришлось вести борьбу на два фронта. На западе стране серьезно угрожали победоносные арабские армии, в 714—715 гг. совершившие походы за Сыр-Дарью. На востоке китайский двор поддерживал реваншистски настроенных князей из рода западнотюркских каганов, обосновавшихся в Восточном Туркестане.

Сулук прежде всего попытался нейтрализовать восточную угрозу. В 717 г. он совершил успешную дипломатическую поездку в Чанъань, столицу Танской империи. Вслед за тем он заключил брачные союзы с тремя опасными для него владельцами: женился на дочери потомка западнотюркских каганов из рода Ашина и тем узаконил свою власть; второй женой сделал дочь Бильге-кагана, сменившего Капагана на троне Восточнотюркского каганата; третьей женой Сулука стала дочь царя Тибета. Своего сына Сулук женил на дочери Бильге-кагана, после чего дружественные отношения ни разу не нарушались. Попытки китайских наместников в Восточном Туркестане ограничить суверенитет Сулука решительно пресекались. В 726 и 727 гг. тюргешская армия (во второй раз — вместе с тибетцами) дважды осадила Кучу.

Однако основная военная активность Сулука была направлена на запад, где он решительно включился в антиарабскую борьбу государств Средней Азии. В 720—721 гг. полководец Сулука, вождь сары-тюргешей («желтых» тюргешей) Кули-чор (Курсуль арабских источников), вел успешные боевые действия против арабов в Согде¹.

В 728—729 гг., во время крупнейшего антиарабского восстания населения Самарканда и Бухары согдийцы обратились за помощью к кагану. Вторжение тюргешей привело на короткий срок к почти полному освобождению Согда от арабов, которые удерживали лишь Самарканд. В 730 г. арабы сумели достичь некоторых успехов, но в 731 или 732 гг. были вновь разбиты тюргешами в горах между Кешем и

¹ Тюргешские племена делились на группы «желтых» и «черных» тюргешей (о цветовых маркерах в тюркской этнонимии см. ниже).

Самаркандом, а затем под Кермине. Лишь в конце 732 г. арабский наместник Джунейд б. Абдаллах разбил тюргешей и вошел в Бухару.

Прошло около пяти лет после взятия Бухары, и тюргешская армия вновь появилась в верховьях Аму-Дарьи, откликнувшись на призыв о помощи осажденного там арабами ябгу Тохаристана (сам ябгу принадлежал к тюркской династии). В короткий срок тюргешаи вытеснили из Тохаристана армию арабского наместника Асада б. Абдаллаха, но вслед за тем рассеялись мелкими отрядами по стране. Каган с небольшими силами атаковал арабов и потерпел сокрушительное поражение. Эта неудача стоила Сулуку жизни. По возвращении в Невакет (737 г.) он был убит своим полководцем (китайцы именуют его по титулу — *бага таркан*). Новый арабский наместник в Хорасане, Наср б. Сейяр, в 739 г. вторгся в Семиречье, нанес тюргешам поражение и казнил захваченного в плен их вождя Кули-чора.

Арабы прозвали Сулука Абу Музахим (букв.: 'ударяющий, бодающийся') и видели в нем главную угрозу своей власти в Согде. В годы правления омейядского халифа Хишама (724—743 гг.) была сделана попытка решить дело дипломатическими средствами, обратив тюргешского кагана в ислам. Точная дата и обстоятельства арабского посольства в тюргешскую ставку (одна из них была на р. Или) неизвестны, но сохранился рассказ историка Ибн ал-Факиха (начало X в.), сокращенно изложенный в географическом труде Йакута «Муджам ал-булдан»:

«Посол рассказывает об этом: „Я получил аудиенцию (у кагана), когда тот своею рукой делал седло. Каган спросил толмача: кто это? Тот ответил: посол царя арабов. Каган спросил: мой подданный? Толмач ответил: да. Тогда он велел отвести меня в шатер, где было много мяса, но мало хлеба. Потом он велел позвать меня и спросил: что тебе нужно? Я ему стал льстить, говоря: мой господин видит, что ты находишься в заблуждении, и хочет дать тебе искренний совет — он желает тебе принять ислам. Каган спросил: а что такое ислам? Я рассказал ему о [религиозных] правилах, о том, что ислам запрещает и что поощряет, о религиозных обязанностях и о службе богу...“» [Йакут, т. I, с. 839]

В тексте Йакута здесь пропуск. В полном тексте Ибн ал-Факиха, сохранным мешхедской рукописью, каган спрашивает: кто мусульмане? И посол отвечает, что они — жители городов, и есть среди них банщики, портные, сапожники.

«Тогда каган велел мне подождать несколько дней. Однажды каган сел на коня, и его сопровождали 10 человек, каждый из которых держал знамя. Он велел мне ехать с ними. (Вскоре) мы достигли окруженного рощей холма. Как только взошло солнце, он приказал одному из десяти сопровождавших его людей развернуть свое знамя, и оно засверкало (в солнечных лучах)... И появились

десять тысяч вооруженных всадников, которые кричали: чах! чах! И они выстроились под холмом. Их командир выехал перед царем. Один за другим все знаменосцы разворачивали (на холме) свои знамена, и каждый раз под холмом выстраивалось десять тысяч всадников. И когда были развернуты все десять знамен, под холмом стояли сто тысяч вооруженных с головы до ног всадников.

Тогда (каган) приказал толмачу: скажи этому послу и пусть он передаст своему господину — среди (моих воинов) нет ни банщика, ни сапожника, ни портного. Если же они примут ислам и будут выполнять все его предписания, то что же они будут есть?» [цит. по: Marquart, с. 289—291].

Демонстрация войск «десяти стрел» выглядела достаточно убедительно, и арабы больше не пытались склонить кагана к принятию новой веры.

Мусульманские авторы, знавшие о тюрках от участников арабских походов в Туркестан, сохранили немало живых описаний нравов и обычаев кочевников, в особенности их военных качеств. Сочинением такого рода является трактат багдадского эрудита ал-Джахиза (ум. 869 г.). Вот что он пишет об образе жизни тюрков:

«Тюрки — народ, для которого оседлая жизнь, неподвижное состояние, длительность пребывания и нахождения в одном месте, малочисленность передвижений и перемен невыносимы. Сущность их сложения основана на движении, и нет у них предназначения к покою... Они не занимаются ремеслами, торговлей, медициной, земледелием, посадкой деревьев, строительством, проведением каналов и сбором урожая. И нет у них иных промыслов, кроме набега, грабежа, охоты, верховой езды, сражений витязей, поисков добычи и завоевания стран. Помыслы их направлены только на это, подчинены лишь этим целям и мотивам, ограничены ими и связаны только с ними. Они овладели этими делами в совершенстве и достигли в них предела. Это стало их ремеслом, торговлей, наслаждением, гордостью, предметом их разговоров и ночных бесед».

Главное оружие тюрков — лук и стрела, которыми они владеют необычайно искусно:

«Тюрок стреляет по диким животным, птицам, мишеням, людям... Он стреляет, гоня во весь опор назад и вперед, вправо и влево, вверх и вниз. Он выпускает десять стрел, прежде чем [араб]-хариджит положит одну стрелу на тетиву. И он скачет на своей лошади, спускаясь с горы, или в долине с большей скоростью, чем хариджит может скакать по ровной местности. У тюрка четыре глаза — два на лице, два на затылке».

Ибн ал-Факих, описывая встречу посла халифа с каганом тюргешей, отмечает поразительную для араба деталь — каган собственными руками мастерил себе седло. Джахиз подробно развивает эту тему.

Рассказывая об изготовлении меча у арабов, он перечисляет восемь-девять операций, каждую из которых выполняет особый мастер, а затем отмечает:

«Подобно этому происходит изготовление седла, стрел... колчана, копья и всего оружия... А тюрк делает все сам от начала до конца, не просит помощи у товарищей, не обращается за советом к другу. Он не ходит к мастеру, и не тревожится его отсрочками со дня на день, его лживыми обещаниями, и не думает об уплате ему вознаграждения» [Мандельштам, с. 230—241].

Джахиз, конечно, не избегает утрировки в своих рассказах и сам это признает: «Но не каждый тюрк на земле таков, как мы описали». Именно арабские историки и географы первыми, сравнивая тюрков со своими соотечественниками и другими известными им народами, не ограничились регистрацией политических и юридических установлений, а обратили внимание на человеческие качества, особенности психологии и характера тюрков и попытались связать эти особенности с образом жизни и жизненными устремлениями кочевников. В суждениях арабов не было пренебрежения к «варварам», столь свойственного иным источникам; их эмоциональные оценки, восхищение или осуждение, зиждились не на предвзятых установках, а на личном опыте общения в течение нескольких столетий.

Древнетюркское изваяние (VIII в.). Западная Монголия

Гибель Сулука и недолгое правление его сына Тухварсен Кут-чоркагана положили начало двадцатилетней борьбе за власть между «желтыми» и «черными» тюргешами и привели к распаду и деграда-

ции Тюргешского каганата. Междоусобица среди тюргешей дала возможность китайским наместникам в Восточном Туркестане для вмешательства в дела страны. Между тем второй Тюркский каганат, после гибели Капаган-кагана (716 г.) и возникшего из-за восстания огузов кризиса власти, был возрожден Бильге-каганом и его братом Кюль-тегином. Победой в войне с Китаем (721—723 гг.) Бильге добился выгодных условий мира — была расширена пограничная торговля, а в обмен на символическую дань в 30 лошадей император Сюань-цзун только в 727 г. прислал в тюркскую ставку 100 тысяч кип шелка. Это была щедрая плата за мир на северной границе, который Бильге-каган никогда не нарушал.

В 731 г. умер Кюль-тегин. Бильге не надолго пережил брата — в 734 г. он был отравлен одним из своих приближенных. Близ р. Орхон, в межгорной котловине, на месте стоянки караванов в память обоих братьев были воздвигнуты поминальные храмы и стелы с руническими надписями — летописью бурной истории второй Тюркской империи.

Наследники Бильге-кагана не изменили его политического курса, но удельные правители из рода Ашина стали все меньше считаться с центральной властью. В 741 г. малолетний Тенгри-каган был убит своим дядей Кутлугом-ябгу, захватившим престол. Началась война с прежними вассалами — огузами, басмылами и карлуками, в которой погибли Кутлуг-ябгу и его наследники. В 744 г. династия Ашина окончила свое существование. Каганом был провозглашен вождь басмылов, царствовавший, однако, немногим более двух лет.

Тюркские племена, сохранившие часть земель на западе бывшей империи, на Алтае и в Джунгарии, не играли заметной роли в событиях последующих лет. Последнее сообщение о них в китайских источниках относится к 941 г.; в эти годы часть тюрков была в числе племен, создавших Караханидский каганат.

ГЛАВА IV НАСЛЕДНИКИ ТЮРКСКОГО ЭЛЯ

УЙГУРСКИЙ КАГНАТ И КАРЛУКСКОЕ ГОСУДАРСТВО. КАРАХАНИДЫ

Падение Второго Тюркского каганата создало в степи политический вакуум. В борьбу за господство над тюркскими племенами, за титул кагана, вступили племена-победители, довершившие разгром империи Ашина, — *басмылы*, *уйгуры* и *карлуки*. Сильнейшими оказались уйгуры, отнявшие власть у басмылов.

Уйгуры, так же как и тюрки, кыргызы и кипчаки, принадлежали к числу древнейших племенных союзов Центральной Азии. В III—IV вв. уйгуры входили в объединение, которое в китайских династийных хрониках носило название *гаогюй* (букв.: 'высокие телеги'). В V в. в китайских источниках появляется новое название этого союза — *теле* (*тегрэг* — «тележники»). Значительная группа племен теле мигрировала на запад, в степи Казахстана и Юго-Восточной Европы. Оставшиеся в центральноазиатских степях были подчинены тюркам и вошли в состав их государства. Основные земли теле были тогда в Джунгарии и Семиречье. Но в 605 г., после предательского избиения западнотюркским Чурын-каганом нескольких сот вождей теле, предводитель уйгуров увел племена в Хангайские горы, где они создали обособленную группу, названную китайскими историографами «девятью племенами». В орхонских надписях племена этой группы названы *токуз-огузами*, т. е. «девятью огузскими (племенами)». С 630 г.,

после падения первого Тюркского каганата, токуз-огузы выступают как значительная политическая сила, лидерство внутри которой утвердилось за десятью племенами уйгуров во главе с родом Яглакар.

Вождь токуз-огузов, эльтебер Тумиду, создал свое государство в 647 г. в бассейне рек Тола и Орхон. Китайские хроники сообщают: «Тумиду все же самовольно именовал себя каганом, учредил должности чиновников, одинаковые с тюркскими должностями» [Chavannes, с. 91]. Танское правительство не признавало вновь созданное государство. Более того, с 630—663 гг. между токуз-огузами и Танской империей шла война, в которой китайские войска не смогли одержать победы. Однако в начале 80-х годов токуз-огузы потерпели поражение в боях с тюрками Эльтериш-кагана и утратили свою государственность.

Новое государство уйгуров возникло в ожесточенной борьбе не только с бывшими союзниками, басмылами и карлуками; ожесточенное сопротивление Яглакарской династии оказали многие племена токуз-огузов. Уйгурам удалось отстоять право рода Яглакаров на титул кагана, но окончательное умиротворение наступило лишь после крупных военных успехов в Китае, где после 755 г. вспыхнуло восстание северных пограничных войск под командованием выходца из знатного тюрко-согдийского рода Ань Лушаня, а затем последовала гражданская война. Элетмиш Бильге-каган (правил в 747—759 гг.) и его сын Бёгю-каган (правил в 759—779 гг.), оказав поддержку императорскому правительству, помогли подавить мятежи и получили громадные материальные выгоды за свою помощь. Добыча, дань и пограничная торговля обеспечили на некоторое время мир в каганате и авторитет династии.

Вместе с военной добычей и императорскими дарами Бёгю-каган увез из Китая в Ордубалык, свою столицу на Орхоне, проповедников нового учения — согдийских миссионеров-манихеев, чью веру он принял в Лояне, освобожденной им от мятежников столице Танов. После 763 г. и почти до конца столетия уйгуры стали решающей политической силой в делах Центральной Азии. Их соперниками были только тибетцы и карлуки.

С главенством карлуков связано возрождение государственности западнотюркских племен на новом витке истории тюркской Центральной Азии. Крупное племенное образование, неоднократно упоминаемое в рунических надписях под именем *уч карлук* («три карлука»), появляется в китайских источниках уже в связи с событиями первой половины VII в. Кочевья в Джунгарии, Восточном Казахстане и на Алтае (включая Монгольский Алтай) в течение нескольких столетий оставались главной территорией карлукских племен.

В середине VII в. карлуки активно проявляли себя в политической жизни Западнотюркского каганата, где они кроме Джунгаро-Алтайского региона контролировали Тохаристан. Согласно арабским источникам, владетель Тохаристана именовался то «ябгу тохаров», то «ябгу карлуков». В 710 г. арабский завоеватель Средней Азии Кутейба ибн Муслим арестовал карлукского ябгу Тохаристана, и тот провел долгие годы в Дамаске, что не помешало его сыну занять отцовский престол.

Восстание джунгарских карлуков на Черном Иртыше в 630 г. стало одной из причин гибели западнотюркского Тон-ябгу-кагана. Известна также попытка подчинить эту группу карлуков, предпринятая в 647—650 гг. восточнотюркским Чабыш-каганом, поднявшим восстание против Танской империи и обосновавшимся на Северном Алтае.

Предводитель карлуков впервые упоминается орхонскими надписями под титулом *эльтебер*, который носили вожди крупных племенных объединений. Китайский источник отмечает, что обычаи карлуков такие же, как у других западных тюрков, а язык мало отличается от языка большинства из них. Характерной чертой языка карлуков было «джекание»: они произносили, например, *джабгу*, вместо обычного для соседних тюркских племен *ябгу*.

Оставаясь в сфере политического влияния восточнотюркских каганов с конца VII в., карлуки не смирились с утратой независимости. Только в первой четверти VIII в. Бильге-каган и Кюль-тегин трижды участвовали в боях с мятежными карлуками, а в надписи тюркского полководца Кули-чора Тардушского рассказано о поражении тюрков в жестокой битве на р. Тез (в Северо-Западной Монголии).

Участвуя в коалиции с басмылами и уйгурами, а затем враждуя со своими бывшими союзниками, глава карлуков принял титул *ябгу*, который носили правители западного крыла тюркских каганатов. Потерпев поражение, карлуки, согласно надписи уйгурского Элетмиш Бильге-кагана, «в год Собаки (746 г.), замыслив измену, бежали. На запад, в страну Десяти стрел, они пришли» [Кляшторный, 1980, с. 94]. Элетмиш правильно оценил обстановку. Уже в следующем году карлуки в союзе с токуз-татарами вновь сражались с уйгурами. Однако быстрое изменение военно-политической ситуации между Сыр-Дарьей и Алтаем заставило карлуков на время забыть о соперниках на востоке и противостоять новому врагу.

Воспользовавшись фактическим распадом Тюркешского каганата после гибели Сулука, танская администрация Западного края постепенно подчинила своей власти Семиречье, а имперская армия продвинулась на рубеж Сыр-Дарьи. В 740 г. китайскими войсками был захвачен и разграблен Тараз, а правившая там тюркешская династия Кара-чоров физически истреблена. В Семиречье появляется китайский

ставленник «хан десяти стрел» Ашина Сянь, но в 742 г. он был убит в Кулане. В 748 г. китайский экспедиционный корпус захватил и разрушил столицу западнотюркских каганов Суяб, а в 749 г. китайская армия взяла Чач (Ташкент). Местный владетель был казнен. Танский губернатор в Куче, Гао Сяньчжи, казалось, мог считать завершённым полное подчинение еще недавно грозных соперников в Западном крае.

Между тем успехи Китая серьезно обеспокоили наместника аббасидских халифов в Хорасане Абу Муслима и вызвали все нараставшее противодействие карлуков. Арабский отряд Ибн Хумейда взял Тараз, но был осажден превосходящей китайской армией. Просьбы о помощи сына казненного владетеля Чача и опасение за судьбу своего отряда в Таразе заставили Абу Муслима отправить на выручку осажденным еще один отряд под командованием Зияда ибн Салиха.

Противодействующие армии сошлись на р. Талас в июле 751 г., несколько дней не решаясь вступать в битву. На пятый день противостояния в тыл китайцам внезапно ударили карлуки, и тогда атаку с фронта начали арабы. Танская армия, неся большие потери, дрогнула и обратилась в бегство. Конвой Гао Сяньчжи с трудом проложил ему дорогу среди охваченных паникой бегущих воинов.

Мусульмане и карлуки овладели огромной добычей, а обнаруженные среди пленных китайские ремесленники были доставлены в Самарканд и в Ирак, где занялись изготовлением бумаги и шелкоткачеством. Таласское сражение «положило конец попыткам танского Китая вмешиваться в среднеазиатские дела» [Большаков, с. 132].

Своим участием в Таласской битве карлуки не испортили отношений с танским двором. Уже в 752 г., после шестилетнего перерыва, в имперскую столицу Чанъань прибыло посольство карлукского ябгу. Причиной столь быстрого восстановления связей стало тревожившее обе стороны усиление уйгуров. В том же году карлуки возобновили войну с уйгурами. Ябгу все еще рассчитывал занять каганский престол в Отюкенской черни, захваченной Яглакарами традиционной ставке повелителей кочевых народов Центральной Азии. Надежды ябгу были небезосновательны — его союзниками стали енисейские кыргызы, басмылы и тюргеши, а оставшиеся в Хангайских горах после 744 г. карлукские племена были особенно опасны для Элетмиша.

Война с переменным успехом длилась более двух лет и велась в центре уйгурских земель. С огромным трудом уйгурскому кагану удалось одолеть своих противников, действовавших слишком разобщенно, чтобы победить.

Последствия войны имели немалое значение для будущего карлуков. Отюкенские карлуки подчинились Элетмишу и приняли поставленного им *тутука* (управителя). Карлукский ябгу окончательно оставил надежды на каганат и прекратил войну за тюркское наследство.

Отныне все его устремления были направлены на овладение Семиречьем и закрепление в Джунгарии и в городах Таримского бассейна. Впрочем, и здесь он потерпел неудачу — в 756 г. уйгуры принудили к подчинению джунгарскую группу карлукских племен.

О западном походе двух полководцев Элетмиша известно из Терхинской надписи кагана. Охваченный восстанием Ань Лушаня Китай уже не мог оказать поддержку отдаленным западным гарнизонам. Под контроль Уйгурского каганата попали не только основные городские центры Таримского бассейна, но и тюркские племена Восточного Туркестана. Среди них впервые упомянуто племя или племенной союз *ягма*.

О ягма было известно прежде всего по двум персидским географическим сочинениям — «Худуд ал-алам» («Граница мира», X в.) и «Зайн ал-ахбар» («Украшение известий») Гардизи (XI в.). Согласно этим сочинениям, ягма объединили многочисленные племена, обитающие между уйгурами на востоке, кочевьями карлуков на западе, притоками Тарима на юге, т. е. на большей части Восточного Тянь-Шаня. На западе ягма контролировали округ и город Кашгар. В X в. правящий род ягма происходил из токуз-огузов. Гардизи, чьи источники восходят к VIII в., называет ягма «богатыми людьми, владеющими большими табунами лошадей», живущими в стране протяженностью «в один месяц пути» [Бартольд, т. 8, с. 45—46]. Оба сочинения сообщают о непрерывных стычках ягма с карлуками и кимаками, об их зависимости от западнотюркских каганов.

Между тем в Семиречье карлуки встретили сопротивление не мелких тюркешских княжеств, ставших союзниками и вассалами ябгу, а ожесточенное сопротивление огузских племен, обитавших там со времен Тюркского каганата и обособившихся за несколько столетий от их восточной ветви (токуз-огузов).

Общий ход борьбы между карлуками и огузами плохо освещен источниками. Известно только, что во второй половине VIII в. огузы покинули Семиречье и ушли в низовья Сыр-Дарьи. Их глава также принял титул ябгу, претендуя тем самым на главенство над западнотюркскими племенами; вскоре в Приаралье сложилось государство огузов (мусульманские источники называли их *гуззами*) со столицей в Янгикенте, городе на Сыр-Дарье.

История государства огузов стала предысторией Сельджукской державы, владевшей в XI—XII вв. всем Средним и Ближним Востоком, от Туркмении до Малой Азии. История государства Сельджуков и его связи с сопредельными государствами и народами подробно изучены и сделаны достоянием самого широкого круга читателей [Агаджанов].

Власть карлуков окончательно утвердилась в Семиречье в 766 г., когда они заняли Тараз и Суяб. С той поры в соперничестве с уйгурами карлуки начали борьбу за Восточный Туркестан.

В 80-х годах VIII в. отношения между уйгурской династией и населением городов Тарима резко ухудшились. Недовольство и опасения там вызвал антиманихейский переворот в Ордубалыке, жертвой которого пал Бёгю-каган. Его убийца, провозгласивший себя Алп Кутлуг Бильге-каганом, санкционировал избиение согдийцев и манихейских вероучителей, живших в уйгурской столице. И в Семиречье, и в таримских оазисах манихейство было тогда господствующей религией. Именно согдийские и тюркские манихейские конгрегации были главными координаторами торговых операций на трассе от Семиречья до столичных центров Танской империи. Важным отрезком этой трассы был путь через Ордубалык, блокированный самозванным каганом сразу же после захвата власти в столице.

Договорные принципы, благодаря которым прежнему правителю Бёгю-кагану удалось утвердиться в таримских оазисах, были нарушены — узурпатор выгодам торговли предпочел ограбление согдийских и тюркских общин. Последствия не заставили себя ждать — города Притяньшанья восстали, а соседи — карлуки и тибетцы, заключив между собой союз, поддержали восставших. Как пишет китайский историограф, «тюрки в белых одеждах», т. е. манихеи, вместе с карлуками нанесли несколько серьезных поражений командующему уйгурской армией Иль Огеси; в 790 г. тибетцы и тюрки взяли Бешбалык, последний оплот уйгуров. Новая уйгурская армия в 50—60 тысяч воинов попыталась было изменить положение, но потерпела неудачу.

Поражение в Джунгарии и на Тариме не прошло бесследно для каганской ставки — начались распри, наследник Алп Кутлуга был свергнут и убит своим младшим братом, который не сумел удержаться у власти и сам погиб в ходе мятежа. Тяжелая война с карлуками и тибетцами продолжалась; ход ее почти не освещается источниками.

В смутное время к власти в Ордубалыке пришла новая династия из племени *эдиз*, «принявшая прозвание Яглакар» и тем самым отождествившая себя с легитимным каганским родом (795 г.). В столице была восстановлена «религия света», и туда прибыл манихейский пресвитер. После пятнадцатилетнего перерыва были возобновлены союзные и договорные отношения с манихейскими общинами Притяньшанья, а Шелковый путь по «уйгурской дороге», через Ордубалык, вновь открыт для караванов.

Карлуки лишились мощной опоры в Северном Притяньшанье, где города и кочевые племена (вероятно, ягма) признали протекторат кагана Отюкенской черни. В 803 г. уйгурское войско заняло Кочо (Тур-

фан) и, нанеся поражение карлукам, через Фергану вышло на Сыр-Дарью. Это был последний успех уйгуров на западной границе.

В первом десятилетии IX в. главным врагом уйгурского каганата стали енисейские кыргызы. Войны между ними, с переменным успехом, шли более двадцати лет. В 840 г. кыргызы, объединив усилия с мятежным уйгурским полководцем, взяли Ордубалык. Уйгурский каган пал в сражении.

Теряя по пути отставших и отчаявшихся, остатки токуз-огузов во главе с одним из яглакарских принцев, оставив родину кыргызам, пришли на свои прежние пограничные земли. Единство племен вскоре было утрачено. Беглецы укрепились в Куче и Бешбалыке. Вождь бешбалыкских уйгуров Буку Чин, разгромив тибетцев, стал господином положения во всем Таримском бассейне. Так было положено начало уйгурскому государству Кочо с центрами в Турфане и Бешбалыке.

Несмотря на неудачи в войнах начала IX в., положение Карлукского государства, опиравшегося на богатые семиреченские города, оставалось прочным. Обогащению ябгу способствовали выгодная торговля тюркскими рабами для гвардии аббасидских халифов на сыр-дарьинских невольничьих рынках и контроль за транзитом в Китай на участке от Тараза до Иссык-Куля. Укрепились позиции карлуков и в Фергане, несмотря на несколько попыток арабов вытеснить их оттуда. Самым опасным для ябгу оказался поход знаменитого сподвижника халифа ал-Мамуна (правил в 813—833 гг.), Фадла ибн Сахла, известного под титулом Зу-р-рийасатайн («Обладатель двух знамен»). Арабы предприняли поход между 812—817 гг. в район Отрара. Там был убит начальник карлукской пограничной охраны, а затем будто бы была захвачена в плен семья ябгу, а сам ябгу бежал к кимакам. Успех нападавших явно преувеличен в донесении Фадла, однако положение пограничного отряда карлуков действительно могло создать для ябгу напряженную ситуацию на западной границе.

Прошло четверть века, и крах последних каганов Отюкена, доминировавших на протяжении трех веков, создал во всей тюркской Центральной Азии совершенно новую геополитическую ситуацию: впервые за триста лет окончательно исчез мощный центр власти, определявший возможности экспансии или даже существования любого государства в Туркестане. Отныне тюркские племена признавали лишь высокий статус рода, унаследовавшего каганский титул, но уже никогда — его единую власть.

По свидетельству нескольких мусульманских историков, после утраты уйгурами их могущества верховный авторитет среди тюркских племен переходит к вождям карлуков. Связь с родом Ашина, правящим родом Тюркского каганата, позволила карлукской династии облечь эту власть в легитимное одеяние и, отбросив старый ти-

тул ябгу, принять новый — каган. «Ябгу, — пишет автор „Худуд ал-алам“ в X в., — это прежний титул царей карлуков».

Вряд ли можно говорить о реальной власти карлуков над тюркскими племенами в IX в. — старая традиция имела скорее морально-идеологическое значение. И все же ясна основная тенденция этих сообщений, лучше других отраженная у ал-Масуди: из среды карлуков происходит «каган каганов», он имеет власть над всеми тюркскими племенами, а его предками были Афрасиаб и Шана (т. е. Ашина!).

Так было положено начало новой тюркской империи в Средней Азии и Кашгарии, названной в русской науке государством Караханидов. Политические амбиции караханидского дома предельно ясно отражены в сообщении ал-Масуди.

Караханидское государство не оставило собственной историографической традиции, и все сведения о нем содержатся в трудах арабских и персидских авторов, живших за пределами каганата. Труд единственного караханидского историка, имя которого сохранилось — имам Абу-л-Футух ал-Гафир ал-Алмаи, — «Тарих Кашгар» известен лишь в небольших отрывках у Джамала Карши (XIII в.). Отсутствие своей историографии было отмечено уже поздними современниками Караханидов, один из которых, блестящий персидский литератор Низами Арузи, писал в 1156 г.: «Имена царей из дома хакана (т. е. Караханидов. — С. К.) сохранились только благодаря поэтам» [Бертельс, 1960, с. 458].

Известно семь гипотез о происхождении Караханидов. В. В. Бартольд ограничил круг поисков тремя племенами (карлуки, ягма, чигили). Теперь ясно, что чигили и ягма, а также одно из тюркешских племен, тухси, и остатки орхонских тюрков вошли в карлукский племенной союз и история этих племен, во всяком случае с IX в., неразрывна.

Собственно караханидское предание (кашгарская традиция у Джамала Карши) называет первым государем караханидской династии Бильге Кюль Кадыр-кагана, с которым вел войну один из саманидских эмиров, владетелей Самарканда и Бухары. Удалось установить, что этим эмиром был Нух ибн Асад, в 840 г. совершивший поход против семиреченских тюрков и завоевавший Исфиджаб. Именно в этом году, по сообщению Гардизи, ябгу карлуков принял титул *каган*. Круг источников замкнулся — единственным каганом в 840 г. был родоначальник караханидской династии и прежний ябгу карлуков Бильге Кюль Кадыр-каган.

Власть в Караханидском государстве была поделена между знатью двух племенных группировок, составивших в IX в. ядро карлукского племенного союза, — чигилей и ягма. Внешне это выражалось в разделении каганата на две части — восточную и западную со

своими каганами во главе. Верховным считался восточный каган, имевший ставку в Кашгаре и Баласагуне (городище Бурана, близ г. Токмак в Кыргызстане). Он был из чигилей и носил титул Арслан Кара-хакан. Западный, младший каган, из ягма, носил титул Богра Кара-каган и имел ставку в Таразе, а позднее — в Самарканде. Существовала сложная иерархия правителей, своя в обоих каганатах: Арслан-илек и Богра-илек, Арслан-тегин и Богра-тегин и другие. Впервые дуальная система власти была реализована при сыновьях первого кагана, Базыр Арслан-хане и Огулчак Кадыр-хане, но окончательный распад державы относится к середине XI в.

При Огулчаке успешным походом саманидского эмира Исмаила ибн Ахмада на Тараз в 893 г. начались длительные и жестокие войны между Караханидами и Саманидами за власть над всей Средней Азией. Войны длились более века и завершились полным крахом Саманидов и распространением власти их противников до Аму-Дарьи. На территории Средней Азии возникло множество караханидских владений, зависимость которых от каганов в Баласагуне была минимальной, а отношения друг с другом — далеки от дружественных.

Крупнейшим событием времени ранних Караханидов было принятие династией и зависимыми от нее племенами ислама. «Еще арабские географы X в. описывают тюрков как народ, совершенно чуждый исламу и находящийся во вражде с мусульманами», — замечает В. В. Бартольд [Бартольд, т. 5, с. 59]. Однако именно в X в. произошли решительные изменения. Арабский географ того времени Ибн Хаукаль сообщает о принятии ислама тысячами семей тюрков, кочевавших в местах между Исфиджабом и Шашем, т. е. в горно-степном районе, прилегающем к среднему течению Сыр-Дарьи. Но самое крупное событие такого рода произошло в 960 г., когда где-то во внутренних областях Караханидского государства, скорее всего в Семиречье, ислам приняли 200 тысяч шатров тюрков.

Этот факт связывается с именем караханидского кагана, сына Базыра и племянника Огулчака, Сатук Богра-хана, который сам, еще до массовой исламизации тюрков, принял новую веру и новое имя — Абд ал-Керим. Именно сын Сатука, Муса, унаследовавший престол в 955 г., объявил ислам государственной религией. Возможно, решение Мусы связано с деятельностью мусульманского богослова, нишапурца Абу-л-Хасана Мухаммада ибн Суфьяна Келимати, жившего при дворе Сатука и Мусы, однако достоверно о его роли в событиях ничего неизвестно [Бартольд, т. 2, ч. 1, с. 245—246].

Несомненно одно: исламизация караханидских тюрков не была следствием кратковременных усилий какого-либо миссионера, а, напротив, процессом постепенного проникновения ислама в тюркскую среду в силу тех экономических и политических выгод, которые про-

истекали из этого обращения. Уже Сатук, ведший длительную войну против своего дяди, великого кагана, использовал свой переход в новую веру для того, чтобы заручиться весьма существенной для него поддержкой Саманидов. Сын Сатука, Муса, под лозунгом борьбы с неверными и защиты ислама успешно осуществлял военную экспансию в направлении Хотана и в сторону Исфиджаба.

Оказавшись в зоне мощного воздействия оседлой цивилизации, тюркские племена были втянуты в новую систему экономических и социальных отношений, стали частью этой системы и нашли приемлемые пути вхождения в уже давно сложившиеся хозяйственно-культурные регионы Средней и Передней Азии. Внешним выражением такой интеграции, по крайней мере в ее идеологическом аспекте, была сравнительно быстрая исламизация тюрков в государствах Караханидов и Сельджукидов, создавшая предпосылки для политического приятия новых династий в мире абсолютного господства мусульманской религии.

Государства Караханидов и Сельджукидов, на первых порах продолжая традиции тюркских каганатов, не стали их повторением ни в экономическом, ни в социальном планах. Здесь возникла и оформилась иная, чем в Центральной Азии, политическая система, с иной, чем прежде, культурной ориентацией. Сложилась раннефеодальная военно-ленная структура (*икта*), породившая новую знать и получившая быстрое и полное развитие в тюркских империях Средней и Передней Азии.

Нашествие *кара-китаев* (*киданей*) — дальневосточных монгольских племен — и создание ими своего государства в Семиречье (1130—1210 гг.) надолго превратило часть караханидских владетелей в вассалов *гурхана*, главы киданей.

Кара-китаи, впрочем, ограничились лишь верховным сюзеренитетом и взиманием налогов, не затрагивая ни устройства, ни религии, ни культуры своих подданных. Даже небольшое карлукское княжество в Алмалыке — реликт докараханидского государства карлукских ябгу — не было уничтожено ими. Тем не менее кара-китайское владычество стало началом политической гибели Караханидов.

В 1210 г. в борьбе с найманами пресеклась восточнокараханидская династия. В 1212 г. в Самарканде был казнен хорезмшахом Мухаммадом последний представитель западнокараханидской династии. А вскоре исчезла и ферганская ветвь Караханидов.

К этому времени Средняя Азия, Семиречье, Кашгария приобрели новое этническое лицо, новую социальную и экономическую структуру, новый тип духовной культуры. По мере сложения здесь феодальной государственности и включения тюркских племен в сферу оседлой, прежде всего городской, цивилизации явно выдилось

оформление надплеменной этнической общности, с одним общеупотребительным языком и письменной культурой. Лишь потрясения монгольского завоевания прервали естественный процесс наметившегося развития.

КИПЧАКИ И ПОЛОВЦЫ

Ибн Хордадбех, иранский аристократ, выросший в Багдаде и близкий ко двору аббасидских халифов, еще в молодые годы получил назначение на важный пост в провинции Джибаль (Северо-Западный Иран) — он стал там начальником государственной осведомительной службы (разведки и контрразведки) и почтовой связи. Массу затруднений в его работе вызывало отсутствие служебных справочников. И вот, собрав отчеты чиновников и донесения осведомителей, в 846—847 гг. он написал «Книгу путей и провинций», впоследствии не раз дополнявшуюся или сокращавшуюся и ставшую образцом для немалого числа подобных сочинений.

Кроме названий провинций и городов, селений и почтовых станций, дорожных маршрутов и расстояний, информации о налоговых поступлениях и экономической жизни, Ибн Хордадбех приводит некоторые сведения о соседях халифата.

В частности, используя некий документ VIII в., он включил в «Книгу» перечень тюркских народов — и тех, кто жил «по эту сторону реки», т. е. Аму-Дарьи, и тех, кто жил «за рекой». «По эту сторону реки», к западу от Аму-Дарьи, названы лишь *тохаристанские карлуки* и *халаджи*.

Напротив, список «заречных» племен внушительен, и к тому же впервые в арабской географической литературе упомянуты шестнадцать городов тюрков. Четко обозначена граница стран ислама и стран тюрков — область Фараба, т. е. нынешнего г. Туркестана: «В области находятся одновременно отряды мусульман и отряды тюрк-карлуков» [МИТТ, т. 1, с. 144]. В 812 г. арабский отряд Зу-ррийасатайна напал на карлуков и убил «начальника пограничной стражи» [Кляшторный, 1964, с. 159].

Естественно, Ибн Хордадбех упоминает только самые значительные «страны тюрков», как, например, землю токузгузов (Уйгурский каганат), добавляя при этом: «Их область самая большая из тюркских стран, они граничат с Китаем, Тибетом и карлуками». Сразу после страны тогузгузов в списке значится «страна *кимаков*», а где-то в конце списка, перед малоизвестными арабам «кыргызами, у которых есть мускус», названы *кипчаки*.

Так впервые в мусульманских источниках появились упоминания двух крупнейших племенных союзов, едва ли не самых значимых для последующей этнической истории Евразийских степей¹.

В VIII—X вв. преобладание кимаков и кипчаков сначала на Алтае, в Прииртышье и Восточном Казахстане, а затем в Приуралье и Центральном Казахстане становится определяющим фактором в этом огромном степном регионе. Крах государства кимаков и смещение части кипчаков к западу, в Приаралье и Поволжье (вторая половина X—первая половина XI в.), составили основное содержание новой фазы кимакско-кипчацкого расселения. Наконец, в середине XI—начале XII в., на последней фазе миграций кипчаков в домонгольский период, окончательно формируются пять основных групп кипчацких и близких им половецких (команских) племен: 1) алтайско-сибирская; 2) казахстанско-приуральская (включая так называемую «саксинскую», т. е. итиль-яикскую группу); 3) подонская (включая предкавказскую подгруппу); 4) днепровская (включая крымскую подгруппу); 5) дунайская (включая балканскую подгруппу). Отдельные группы кипчаков известны также в Фергане и Восточном Туркестане. Так, Махмуд Кашгарский упоминает «местность кыпчаков (кипчаков)» близ Кашгара [Махмуд Кашгарский, т. 1, с. 474].

Итак, более тысячи двухсот лет назад в сочинениях разноязыких авторов появилось название племени кипчак. Мусульманские историографы знают кипчаков как племя многочисленное и сильное, именем которого стала называться вся Великая Степь. Нет, однако, ни одного повествования того времени, где рассказывалось бы о прошлом кипчаков². Даже легенды о происхождении кипчаков, призванные объяснить сам этноним, возникли, по словам В. В. Бартольда, «в более поздней народной и ученой этимологии» [Бартольд, т. 5, с. 550].

Отсутствие каких-либо упоминаний о кипчаках ранее VIII—IX вв. кажется загадочным и заставляет предположить, что такого рода информацию содержат в зашифрованной для нас форме уже известные источники. Для проверки этого предположения вернемся к самому раннему случаю фиксации этнонима *кипчак*.

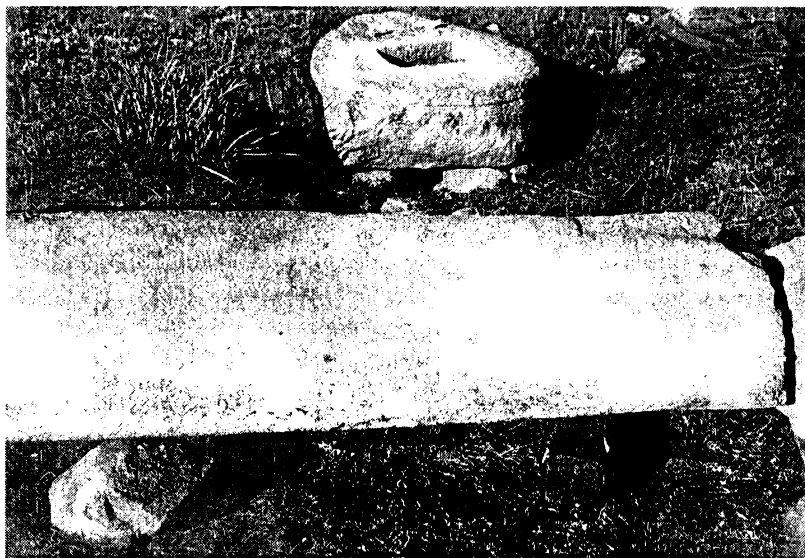
¹ Сообщение Ибн ал-Асира, арабского историка XII—XIII вв., об участии кипчаков на стороне хазар в их войне с арабами на территории Армении (722 г.) не подтверждается более подробным описанием этих событий в арабских исторических трудах IX в. (ат-Табари, Ибн Асама, ал-Йакуби, ал-Белазури) и является явным анахронизмом. Однако же появление в отмеченном контексте имени кипчаков вполне объяснимо их активным участием в закавказских делах XII—XIII вв., во времена, когда писал Ибн ал-Асир, который к тому же родился и вырос в Мосуле, близком к Закавказью.

² Попытка реконструировать название упомянутого Сыма Цянем (II в. до н. э.) этнонима *цуйше* как *кипчак* не оправдана фонетически.

В 1909 г. во время путешествия по Монголии финский ученый Г. Рамстедт обнаружил в котловине Могон Шине Усу, южнее р. Селенги, стелу с руническим текстом. Первооткрыватель назвал памятник «Надписью из Шине Усу» или, в другом месте — «Селенгинским камнем». Надпись оказалась частью погребального сооружения Элетмиш Бильге-кагана (правил в 747—759 гг.), одного из создателей Уйгурского каганата. Значительная часть надписи посвящена войнам уйгуров с тюркскими каганатами в 742—744 гг.

В полуразрушенной строке северной стороны стелы Рамстедт прочел: «Когда тюрки-кыбчаки властвовали [над нами] пятьдесят лет...» [Рамстедт, с. 40]. Действительно, в 691—742 гг. тюрки были сюзеренами тогуз-огузов, которых тогда возглавляли уйгуры.

Иное чтение этого места в памятнике, предложенное Т. Мориясу, лишено палеографического и грамматического обоснования [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 126—127].

Мемориальная надпись Элетмиш Бильге-кагана 760 г. («Селенгинский камень»)
Булганский аймак, Монголия

Хотя предложенное Рамстедтом слитное чтение «тюрки-кыбчаки» грамматически правомерно, оно вряд ли приемлемо. Надписи не знают случая слияния или отождествления в унитарном написании двух этнонимов. Более того, семантика (т. е. смысловое содержание) каждого этнического имени строго определена и не имеет расширительного значения. Поэтому следует предпочесть обычное для руни-

ческих текстов чтение стоящих подряд этнонимов как самостоятельных имен: «тюрки и кыбчаки (кывчаки)».

Совместное упоминание тюрков и кипчаков в контексте, указывающем на их политический союз и военное единство (вместе властвовали над уйгурами), никак не проясняется сведениями других источников. Для поиска объяснения обратимся к тем руническим надписям, где тюрки упомянуты совместно с другими племенами.

Надписи в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана (Кошоцайдамские памятники) называют рядом с *тюрк бодун*, «тюркским племенным союзом», лишь многочисленный и могущественный племенной союз токуз-огузов. Рассказывается о покорении токуз-огузов в 687—691 гг. и о войнах с ними в 714—715 гг. и 723—724 гг. В объединении токуз-огузов господствовали «десять уйгурских (племен)». Именно вождь «десяти уйгуров» и глава «деяти огузов» Элетмиш Бильге-каган называет время существования второго Тюркского каганата (681—744 гг.) пятидесятилетием господства над уйгурами «тюрков и кыбчаков».

Надпись Тоньюкука (VIII в.)

Надпись Тоньюкука, советника и родственника первых трех тюркских каганов, повествующая о тех же событиях, что и Кошоцайдамские тексты, совершенно иначе называет правящую племенную группу Тюркского эля. Пока Тоньюкук рассказывает о времени, предшествующем образованию каганата (подчинение Китаю), он, так же как автор Кошоцайдамских текстов, упоминает лишь «тюркский племенной союз». Но с момента восстания тюрков и последовавшего затем обра-

зования тюркского государства в земле Отюкен, т. е. после переселения в Хангай, Северную и Центральную Монголию, обозначение *тюрк бодун*, «тюркский племенной союз», заменяется на *тюрк сир бодун*, «тюркский и сирский племенной союз (племенные союзы)». Коренная территория второго Тюркского каганата, Отюкенская чернь, названа «страной племенного союза (племенных союзов) тюрков и сиров», но ее властелин именуется «тюркским каганом». Вождя сиров в полуразрушенном тексте упоминает памятник из Ихе Хушоту, близкий по времени Кошоцайдамским текстам. Там он назван *сир иркин*, «иркин сиров». В заключительной строке надписи Тоньюкука «племенной союз тюрков и сиров» и «племенной союз огузов» именованы как два отдельных объединения.

Однако племена сиров несколько иначе, чем надпись Тоньюкука, упоминает памятник в честь Бильге-кагана. Его преамбула содержит обращение кагана к подданным, сохранившееся не полностью: «...О, живущие в юртах беги и простой народ... (тюрков?), шести племен сиров, девяти племен огузов, двух племен эдизов!» Автор надписи в честь Бильге-кагана, Йоллыг-тегин, в обращении от имени своего покойного сюзерена воззвал к «бегам и простому народу» тех племен, чье отношение к династии определяло, по меньшей мере, целостность эля. Сирь здесь упомянуты раньше огузов, что фиксирует их приоритет в иерархии племен. Если Тоньюкук выделяет сиров как ближайших союзников тюрков, причастных к власти над страной и покоренными племенами, то Йоллыг-тегин, хотя и не столь отчетливо, выделяет высокое положение сиров в этнополитической структуре каганата.

Суммируем сведения рунических памятников о преобладающих в Тюркском эле племенных союзах:

Памятник	Перечень племенных союзов	Политический статус
Надпись Тоньюкука около 726 г.	тюрки и сирь огузы	господствующая группа племен подчиненная группа племен
Памятник Бильге-кагану 735 г.	тюрки шесть сиров девять огузов два эдиза	господствующее племя второе по иерархии племя подчиненные племена подчиненные племена
Памятник Элетмиш Бильге-кагана из Шине Усу, 760 г.	тюрки и кыбчаки уйгуры	господствующая в прошлом группа племен подчиненные в прошлом племена

Господствующая группа племен, которую собственно тюркские памятники именуют «тюрками и сирами», уйгурский (огузский) памятник из Шине Усу называет «тюрками и кыбчаками». Напрашивается вывод, что при обозначении одного и того же племенного союза, в какой-то мере делившего власть с тюрками, тюркские источники пользуются этнонимом *сир*, в то время как уйгурский — этнонимом *кыбчак* (*кывчак*). Иными словами, оба эти этнонима тождественны, а различия их употребления применительно к известному авторам надписей племени (племенному союзу) проистекают из политических или каких-то иных причин.

Представленный вывод требует проверки, т. е. ответа на вопросы: кто были сирь? Когда и где обитал этот племенной союз? Какие обстоятельства привели к слиянию тюрков и сиров в единую этнополитическую группу? Какова судьба сиров-кыбчаков в государствах тюрков и уйгуров?

Еще в 1899 г. немецкий китаист Ф. Хирт предположил, что известные по китайским источникам племена *се* и *яньто* составили конфедерацию Сеяньто. Вместе с теле и тюрками они часто упоминаются при описании событий первой половины VII в. Сеяньто по-тюркски, полагал Хирт, именовались *сирами* и *тардушами* (*сир-тардуши*). В 1923 г. владивостокский востоковед И. А. Клюкин доказал ошибочность отождествления этнонима *яньто* (*ямтар* орхонских надписей) с названием военно-административного объединения (крыла) западных племен каганата — *тардуш*. А вслед затем американский китаист П. Будберг, не отвергая уравнения *се/сир*, окончательно ликвидировал «сир-тардушский фантом» (выражение П. Будберга).

Таким образом, было установлено, что: а) этноним, обозначенный в китайской транскрипции как *се*, соответствует *сир* тюркского памятника; б) племя, именовавшееся в китайских источниках *сеяньто*, в надписи Тоньюкука названо *сир*.

Первые сведения о племенах *се* и *яньто* весьма фрагментарны. *Яньто* упомянуты среди гуннских племен, перекочевавших на территорию китайского государства Раннее Янь (337—370 гг.), т. е. в степь восточнее Ордоса. Шаньюй Халатоу, возглавивший перекочевку подвластных ему 35 тысяч семей, правил, по всей вероятности, в 356—358 гг. Несколько позднее яньто были покорены своими соседями, племенем *се* (*сир*), истребившим правящие роды яньто и подчинившим остальную часть племени. Новую конфедерацию возглавил правящий род сиров, Илиту (Ильтэр). В обозначении названия племенной группировки, существовавшей в IV—VII вв., китайские историографы механически соединили два этнонима, и название господствовавшего племени, сиров, слилось с названием подчиненного племени яньто. В тюркских памятниках, соответственно законам древнетюрк-

ской этнонимии, это механическое соединение двух имен отсутствует, там упомянуто лишь главенствующее племя — сиры.

После крушения империи жуань-жуаней (551 г.) сеяньто стали вассалами тюркских каганов. Значительная их часть жила в Хангае, другие переселились в горы Тяньшань (Восточный Тянь-Шань). В китайских исторических трудах упоминается, что «их (сеяньто) административная система, оружие и обычаи почти такие же, как у тюрков» [Chavannes, с. 35]. В конце VI в., после распада Тюркского каганата, тяньшаньские сеяньто оказались в подчинении у западнотюркских ябгу-каганов. Вместе с некоторыми племенами теле (огузов), к числу которых их относит источник, сеяньто кочевали между Восточным Тянь-Шанем и юго-западными отрогами Алтая. Хангайскую группу сеяньто около 600 г. потеснило телеское племя *сикер*.

В 605 г. западнотюркский Чурын-ябгу-каган, опасаясь мятежа тяньшаньских сеяньто, «собрал в большом количестве и казнил их вождей». Сразу же началось восстание и переселение на восток части племен теле, а вместе с ними и сеяньто. Несколько неудачных столкновений с западными тюрками понудили большую часть сеяньто покинуть Тянь-Шань. Семьдесят тысяч их семей во главе с вождем Инанчу-иркином откочевали на свои древние земли южнее р. Толы и подчинились восточнотюркским каганам. В 619 г. Эль-каган назначил для управления сеяньто своего младшего брата, получившего высший после кагана титул «шад».

После того, как наместник кагана собрал с новых подданных «беззаконные подати», те «вышли из повиновения ему». Сильная группировка телеских племен, возглавленная сеяньто и уйгурами, нанесла Эль-кагану столь серьезное поражение, что тот бежал в свои южные земли, к Иньшаню, оставив Хангай восставшим племенам (628 г.). Тюркские племена, бывшие в Хангае, влились в состав сеяньто. Так было положено начало «племенному союзу тюрков и сиров».

В 630 г. после неудачных сражений с танскими войсками Эль-каган попал в плен. Самостоятельное существование первого Тюркского каганата прекратилось. В Хангае соперничали за власть сеяньто и уйгуры. Уже в 629 г. и те и другие прислали ко двору императора Тайцзуна отдельные посольства. Поддержку танского двора получили сеяньто и их вождь, Инанчу-иркин, провозгласивший себя Йенчу Бильге-каганом. Именно в это время произошел раскол внутри союза десяти племен теле, сложившегося в Северной Монголии в начале VII в. Сеяньто, возглавлявшие племена, вышли из союза, и главенствующее положение там заняли уйгуры. Тем самым завершилось формирование могущественной племенной конфедерации токуз-огузов. После 630 г. токуз-огузы оказались скорее вассалами, чем союзниками сирского кагана и, очевидно, первоначально смирились с этой ро-

лю. Во всяком случае, в 630—640 гг. они уже не посылали самостоятельных посольств к танскому двору. Нет сообщений и о столкновениях между ними и сеяньто. В Северной Монголии появилось новое государство — Сирский каганат во главе с династией Ильтэр. Его границами стали Алтай и Хинган, Гоби и Керулен. На севере каган сеяньто подчинил страну енисейских кыргызов и держал там «для верховного надзора» своего наместника — эльтебера.

Йенчу Бильге-каган принял в своем государстве ту же административную структуру, которая существовала в Тюркском каганате. Возродились два территориальных объединения племен — «западное крыло» тардушей и «восточное крыло» тэлисов. Во главе тардушей и тэлисов были поставлены сыновья Йенчу, шады, получившие затем титулы «малых каганов». Сам Йенчу учредил свою ставку на северном берегу р. Толы. В центре Отюкенской черни сложился новый племенной союз — объединение сиров и тюрков, при главенствующем положении сирской династии.

Тайцзун был серьезно обеспокоен возникновением на северных рубежах империи сильного государства кочевников. Единственным приемлемым для него решением оказалось восстановление вассального и небольшого по размерам государства тюрков, способного прикрыть северную границу. Тюркские племена, переселенные в 630 г. на юг от Хуанхэ, были возвращены в горную область Иньшаня (*Чугай кузы* тюрков) и степи севернее Ордоса (*Каракум*), на южные земли Эль-кагана и в его южную ставку (*Хэйшачэн*, «город Черных песков» китайских источников). Тюрков возглавил близкий родственник Эль-кагана, Ашина Сымо, принявший каганский титул. Новый каган был предан Тайцзуну и пользовался его полным доверием, но не имел авторитета у своих сородичей.

Обеспокоенный появлением соперника и опасавшийся за судьбу союза с хангайскими тюрками, Йенчу Бильге-каган принял ответные меры. В декабре 641 г. войско сиров и токуз-огузов во главе с сыном Йенчу, Тардуш-шадом, пересекло Гоби. Ашина Сымо успел скрыться за Великой стеной, а сирсы оказались втянутыми в войну с империей и потерпели поражение. Начались переговоры о «мире и родстве», которые тянулись более трех лет.

После смерти Йенчу его младший сын Бачжо (Барс-чор) убил своего брата и захватил власть. В 646 г. огузские племена, страдавшие от притеснений Бачжо, обратились за помощью к Тайцзуну. Их послы жаловались, что Бачжо «жесток и незаконен, не способен быть нам господином». Против кагана сиров был заключен военный союз империи с токуз-огузами. В июне 646 г. токуз-огузы во главе с вождем уйгуров, «великим эльтебером» Тумиду, напали на сиров и нанесли им тяжелое поражение. Бачжо бежал, но был достигнут уй-

гурами. «Хойху (уйгуры) убили его и истребили весь его род». Поражение сиров в Хангае совершили китайское войско и действовавшие совместно с ним два тюмена уйгурской конницы. Государство сиров прекратило свое существование. Многие роды были уничтожены, многие угнаны в Китай.

Гибель могучего племенного союза оказалась столь внезапной и полной, что породила среди остатков сиров легенду о злом вмешательстве сверхъестественных сил. Легенда представлялась убедительным объяснением событий и в степи была общеизвестна. Во всяком случае, китайскими историографами она была зафиксирована в нескольких весьма близких вариантах. Приведем более короткий вариант.

«Прежде, перед тем, как сеяньто были уничтожены, некто просил еды в их племени. Отвели гостя в юрту. Жена посмотрела на гостя — оказывается, у него волчья голова (волк считался прародителем уйгуров. — С. К.). Хозяин не заметил. После того, как гость поел, жена сказала людям племени. Вместе погнались за ним, дошли до горы Юйдугюнь (Отюкенская чернь. — С. К.). Увидели там двух людей. Они сказали: „Мы духи (боги). Сеяньто будут уничтожены“. Преследовавшие испугались, отступив, убежали. Из-за этого потеряли их. И вот теперь [сеяньто] действительно разбиты под этой горой» [Синь Таншу, л. 2176].

Спасшиеся после разгрома племени сиров частью бежали в Западный край, на земли, покинутые двадцать лет назад. В 647—648 гг. там с ними сражался Ашина Шэр, тюркский царевич на танской службе, взявший тогда для Тайцзуна Кучу. Другая часть сиров осталась на прежних кочевьях в Хангае. В 668 г. их попытка возродить свою независимость была подавлена по приказу императора Гаоцзуна. Однако в 679—681 гг. сирсы поддержали восстание тюрков в Северном Китае. Вместе с тюрками они сражались с танскими войсками в «Черных песках» и несли тяжелые потери.

Дальнейшая история сиров — это история «племенного союза тюрков и сиров», в котором главенствующая роль принадлежала тюркам. Сирсы были верны союзу. Вместе с тюрками они восстали против помыкавших их племенами китайских правителей и стали грозными противниками Танской империи. В войске Эльтеришкагана и Тоньюкука они мстили уйгурам за гибель сородичей в резне 646 г. Вместе с тюрками они отвоевали Отюкенскую чернь, «страну тюрков и сиров», и разделили судьбу тюрков. Но судьба названий племен была различна. Этноним *тюрк* не только сохранился, но и возродился как политический термин, утратив прежнюю этническую определенность. Этноним *сир* после 735 г. не упоминает ни один известный источник, но уже во второй половине VIII в. в руническом

тексте и в первом арабском списке тюркских племен появляется этноним *кыбчак* (*кывчак*) — *кипчак*.

Ситуационная однозначность употребления этнонимов *сир* и *кывчак-кыбчак* в тюркских и уйгурских рунических памятниках, весьма близких по времени написания и полемизирующих друг с другом, свидетельствует, что оба этнонима, древний и новый, некоторое время сосуществовали и были понятны читателям текстов. Выбор названия авторами памятников, принадлежавших к двум враждебным племенным группировкам, мог быть, следовательно, либо случайным, либо мотивированным, но не зависел от хронологии памятников или разницы в этнической терминологии тюрков и уйгуров — во всех поддающихся проверке случаях такая терминология совпадает.

Очевидно, что появление нового этнического термина, связанного с примечательными и всем известными обстоятельствами, явилось ответом на событие, коренным образом повлиявшее на судьбу сирских племен. Таким событием, ближайшим по времени к эпохе рунических памятников, было массовое истребление сиров уйгурами и китайцами, гибель их государства и правящего рода. Естественным отражением этих событий была семантика, т. е. смысловое содержание нового племенного названия.

Нарицательное значение слова *кывчак-кыбчак* в языке древнетюркских памятников сомнений не вызывает: «неудачный», «злосчастный», «злополучный»; в устойчивом парном сочетании *кывчак ковы* — *кыбчак кобы* «пустой», «никчемный» (по значению второго компонента) [Древнетюркский словарь, с. 449, 451, 462; Clauson, с. 582, 583; Arat, с. 252].

Семантика этнонима прозрачна и не требует сложного анализа. Связано ли становление названия с изменением этнического самосознания племени, результатом чего и стало новое самоназвание? Или старый этноним постепенно вытесняется названием, полученным извне, из словарного обихода иной племенной группировки?

По-видимому, объяснение кроется в одной из самых универсальных особенностей религиозно-магического мышления — представлении о неразрывной связи между предметом (существом) и его названием (именем). В частности, у тюркских и монгольских народов и поныне существует некогда обширный класс имен-оберегов. Так, детям или взрослым, обычно после смерти предыдущего ребенка или члена семьи (рода), а также после тяжелой болезни или пережитой смертельной опасности, дают имя-оберег с уничижительным значением или новое охранительное имя, долженствующее ввести в заблуждение преследующие человека (семью, род) сверхъестественные силы, вызвавшие несчастье.

Совершенно та же ситуация применительно к целому племени сложилась у сиров после междоусобиц и резни 646—647 гг., когда остатки прежде богатых и могущественных сирских родов с трудом отстаивали право на жизнь. Сирская легенда приписала все несчастья злобе божеств (духов), решивших извести племя. И следовательно, надежным мог оказаться только тот путь спасения, который укрыл бы остатки сиров от мести кровожадных духов, отождествленных легендой с предками-прародителями враждебного племени — уйгуров. Средством спасения стала смена названия племени, принятие прозвища-оберега с уничижительным значением («злосчастные», «ничемные»), возникшего, скорее всего, как подмена этнонима в ритуальной практике.

Политическая оценка сосуществовавших какое-то время старого этнонима и воспринявшего этнонимические функции прозвища-оберега возникла не сразу. Очевидна зависимость такой оценки от меняющейся ситуации, от соотношения сил разных племенных союзов. В возрожденном Тюркском каганате имя сиров превалировало над прозвищем. С древним этнонимом было связано право на обладание коренной территорией («земли тюрков и сиров»), право на совластие. Пока сиры, знатнейшие из телеских (огузских) племен, хотя бы символически делили власть с тюрками, законность их господства над огузами не могла быть подвергнута сомнению.

Для уйгуров, давних соперников сиров, подмена древнего названия этого племени уничижительным прозвищем-оберегом была как нельзя более кстати. Победа над тюрками рисуется уйгурскими руническими памятниками торжеством исторической справедливости и генеалогического легитимизма. Но в сравнении с сирами, их правящим родом Ильтэр, никакого превосходства знатности князя из рода Яглакар не имели. Принятый вождем уйгуров каганский титул в правовых представлениях других огузских племен был по меньшей мере сомнительным. Недаром уже на самых первых порах существования Уйгурского эля разразилось грозное восстание огузов, отказавшихся признать яглакарских каганов. Предать забвению имя сиров, акцентировать их прозвище с уничижительным значением оказалось политически выгодным и необходимым, и вот в памятнике Элетмиш Бильге-кагана племя, делившее власть с тюрками, названо кыбчаками.

Прошло немалое время. Были забыты и причины появления имени *кыбчак* и его семантика, мало приемлемая для этнического самоназвания. Для объяснения этнонима родилась новая легенда. Ее запечатлел многократно перерабатывавшийся эпос огузов. Огуз-каган, именующий себя «уйгурским каганом», духом-покровителем которого был «сивый волк», мифический предок уйгуров, дарует своим близким бекам имена, ставшие, по легенде, эпонимами огузских пле-

мен. Один из беков назван Кывчак, и это имя связывается с деревом. Иной вариант той же легенды, приведенный Рашид ад-Дином и повторенный Абу-л-Гази, уточняет — имя Кывчак связано с дуплистым, пустым внутри деревом, называемым *кабук* (древнетюрк. *ковук*). Абу-л-Гази замечает: «На древнем тюркском языке дуплистое дерево называют *кипчак*». Так прежнее значение слова *кывчак-кыбчак* сужается и закрепляется в понятии «пустое, дуплистое дерево».

После победы уйгуров в 744 г. тюрки и их союзники были вытеснены из «Отюкенской страны». Северной и западной границами Уйгурского эля стали Саяны и Алтай. А за этими рубежами, на Северном Алтае и в Верхнем Прииртышье, археологически фиксируется появление во второй половине VIII—первой половине IX в. усложненных вариантов древнетюркских погребений с конем, представленных большим числом памятников. Позднее, в IX—X вв., этот тип погребений получает развитие в так называемой «сросткинской культуре», созданной кимаками и кипчаками (более подробно см.: [Ахинжанов, с. 66—71]).

Окончилась история сиров. Началась история кипчаков. Вначале одного из племен Кимацкого каганата, а впоследствии — главенствующего племенного союза в огромном объединении кочевых племен Великой Степи.

В то время как на Алтае вокруг сиров-кипчаков началось формирование нового племенного союза, на востоке казахстанских степей, в Прииртышье, сложилось сообщество тюркских племен, которых мусульманские источники именовали *кимаками*, а тюркский филолог XI в. Махмуд Кашгарский называл *йемеками*. То немногое, что известно о кимаках, сообщают несколько арабских и персидских источников, изученных видным казахстанским историком-востоковедом Б. Е. Кумеквым. Он впервые реконструировал по далеко не всегда ясным сообщениям генезис, состав и недолгую историческую жизнь племенного союза и государства кимаков [Кумеков, 1971].

Единственная генеалогическая легенда о происхождении кимаков, а точнее — о начале формирования их племенного союза, сохранена Гардизи (XI в.), который использовал здесь источники VIII—IX вв., т. е. того же времени, что и список тюркских племен Ибн Хордадбега. Легенда связывает возникновение кимацкого союза с племенем *татар*, что послужило поводом для поиска предков кимаков среди монголоязычных племен Центральной Азии. Однако Махмуд Кашгарский, основательно знакомый с языками тюрков, относит к этим языкам не только кимацкий (йемекский), но и наречие татар, оговаривая, впрочем, что у них свой диалект.

Здесь необходимы некоторые пояснения. Представления о древних татарах как о едином монголоязычном народе, жившем в VIII—

XIII вв. на востоке Монголии, далеко не точны. Орхонские надписи пишут сначала об *отуз татар* «тридцати татарах», а затем о *токуз татар* «девяти татарах», т. е. о громадных и неустойчивых племенных сообществах. Рашид ад-Дин вообще отрицает какое-либо единство татар в прошлом и настоящем (т. е. в XIII в.), рассказывает о вражде и постоянных войнах татарских племен между собой, упоминает, что до монгольских завоеваний было шесть отдельных татарских государств, а вообще же татарами тогда именовались многие тюркские племена (см. ниже).

Поэтому начальный этап формирования кимакской общности не следует обязательно связывать с монголоязычными племенами, а появление в Прииртышье татар в VIII—IX вв. вовсе не было свидетельством происходившей тогда их миграции из Восточной Монголии. Генеалогическая легенда кимаков и добавления к ней, заимствованные Гардизи из других источников, показывают лишь тот круг тюркских племен, из которых сформировался кимакский племенной союз. Этот процесс завершился не ранее середины IX в., когда после падения Уйгурского каганата в центре кимакских земель на Иртыше появились осколки токуз-огузских племен, бежавших сюда после разгрома. Но важнейшим событием для кимакского объединения стало вхождение в него кипчаков, что произошло, вероятно, не ранее конца VIII—начала IX в.

Именно после 840 г. глава кимакского племенного союза принял засвидетельствованный мусульманскими источниками титул кагана (хакана) и тем самым обозначил не только создание нового государства, но также, наравне с карлуками и енисейскими кыргызами, декларировал свою претензию на верховный авторитет в Степи.

Источники пишут об «одинадцати управителях» областями страны кимаков. Эти управители, именуемые также «царями», т. е. ханами, утверждают каганом и наследственно правят своими уделами — картина не очень далекая от способа политического управления и устройства Караханидского каганата. Внутренняя неустойчивость таких государственных образований, порождаемая сепаратизмом наследственных владетелей и в не меньшей степени племенным партикуляризмом, неизбежно предопределяла их крах при столкновении с более сильным противником уже через несколько поколений после их создания и, на первых порах, успешных набегов и завоеваний.

Если Прииртышье было коренной территорией кимаков, то очень скоро они распространили свои владения до Джунгарии, овладев Северо-Восточным Семиречьем, а кипчаки — и Приуральем. Арабский географ XII в. ал-Идриси, использовавший сведения из несохранившейся книги Джанаха ибн Хакана ал-Кимаки, т. е. «Джанаха, сына кагана кимаков», так пишет о политической значимости кимакского

государства: «Царь кимаков один из великих царей и один из славных своим достоинством... Тюркские цари опасаются власти хакана, боятся его мести, остерегаются его силы, берегутся его набегов, так как они уже знали это и испытали от него раньше подобные действия» [Кумеков, с. 120]. Несмотря на явную апологетику этой тирады, в ней совершенно реальный намек на войны и набеги, которыми обильна история кимаков.

На западе и юго-западе кимаки граничили с сыр-дарьинскими и приаральскими огузами, на юге — с карлуками, на востоке — с государством енисейских кыргызов. Наиболее спокойными были, очевидно, отношения с огузами. Во всяком случае, если между ними не было войны, кимаки и огузы, по взаимному согласию, пасли скот на пастбищах то одного, то другого племени. Соперничество с карлуками и кыргызами, владельцы которых тоже именовали себя каганами и также претендовали на «уйгурское наследство», было более острым. Ал-Идриси пишет, что кыргызы «особенно должны опасаться предприимчивости царя кимаков, воинственного государя, который находится почти всегда в состоянии войны со своими соседями» [Там же]. Впрочем, источники отмечают не только войны, но и тесные культурные связи кимаков и кыргызов. Согласно «Худуд ал-алем», одно из кыргызских племен по одежде не отличается от кимаков, а у кимаков многие следуют обычаям кыргызов. Чрезвычайно интересен рассказ ал-Идриси о шестнадцати кимакских городах, в одном из которых была резиденция царя. Оседлые поселения упоминает и арабский путешественник Тамим ибн Бахр, посетивший страну кимаков в начале IX в. Пашни и селения, а также резиденцию царя упоминает анонимный автор «Худуд ал-алем». Однако все источники свидетельствуют, что главным занятием кимаков было кочевое скотоводство.

Крушение Кимакского государства в конце X или начале XI в. связано с миграциями племен в Великой Степи. Наступило время господства кипчаков.

Насири Хосров, знаменитый персидский поэт, путешественник и проповедник исмаилитского шиизма, родившийся в 1004 г. в Кобадiane, на юге Таджикистана, носил, тем не менее, нисбу (прозвание по месту рождения) — ал-Марвази, т. е. «Мервский». В Мерве он поселился в 1045 г. и состоял там на государственной службе у сельджукского султана Чагры-бека: «Я был дабиром (чиновником) и принадлежал к числу тех, кому поручено имущество и земли султана», — писал он впоследствии [Бертельс, с. 175].

Тогда в Мерве Насири Хосров, побывавший к своим сорока двум годам в Иране, Индии и Аравии, впервые познакомился с «делами тюрков». Политическая обстановка на северо-восточной границе Сельджукской державы была тревожной и требовала от окружения

Чагры-бека постоянного внимания к бывшим огузским землям, прародине Сельджукидов, которую арабские географы X в. именовали Мафазат ал-гузз — «Степь огузов». Поэт и чиновник схватил главную суть изменений — первым и на века Насири Хосров назвал земли от Алтая до Итиля *Дешт-и Кипчак* «Степью кипчаков». Прошло полстолетия, и причерноморские степи стали «Подем половецким» русских летописей, а в начале XIV в. близкий Рашид ад-Дину персидский историк Хамдаллах Казвини разъяснил, что приволжские степные просторы, ранее называемые Хазарской степью, давно стали Степью кипчаков.

Какие события привели к столь существенным переменам в привычной географической номенклатуре?

Первая глухая информация о новых этнических волнах, тогда еще только омывавших запад Великой Степи, содержится в беглом упоминании ал-Масуди, великого арабского географа и историка первой половины X в. В одном из своих географических сочинений ал-Масуди в рассказе о печенегах и их уходе на запад пишет, отсылая читателя к другому своему труду, до нас не дошедшему: «...а мы упомянули... причины переселения этих четырех тюркских племен с востока и то, что было между ними, гузами, карлуками и кимаками из войн и набегов на Джурджанийском озере (Аральском море. — С. К.)» [МИТТ, т. 1, с. 166].

Сообщение ал-Масуди явно относится к IX в., когда огузы, вытеснив печенегов из Приаралья, создали там свое государство со стольным городом Янгикентом на нижней Сыр-Дарье. Тогда же карлуки контролировали Фараб, т. е. земли по средней Сыр-Дарье. Но об участии кимаков в приаральских событиях до того не было известно, и ал-Масуди первым упоминает их возле «Джурджанийского озера».

Несколько позднее другой арабский географ и путешественник, ал-Макдиси, писавший во второй половине X в., в географическом труде, созданном им по заказу Саманидов и представленном в 985 г. к их двору в Бухаре, вновь фиксирует кимаков там, где они упомянуты ал-Масуди, — в Приаралье и на Сыр-Дарье. Пользуясь информацией из саманидских источников, ал-Макдиси назвал сырдарьинский город Сауран «(саманидской) пограничной крепостью против гузов и кимаков» [МИТТ, т. 1, с. 185]. Те же сведения есть и у других географов — современников ал-Макдиси.

Правильную трактовку сообщению ал-Макдиси дал В. В. Бартольд — он заметил, что кимаками у ал-Макдиси названы кипчаки, западное крыло Кимакской державы. Между временем, которому принадлежит сообщение ал-Масуди (IX в.), и актуальной для конца X в. информацией ал-Макдиси прошло столетие. Кипчакские пастбища вплотную примыкали к приаральским и присырдарьинским

землям огузов, и, пользуясь миром, кипчаки пасли там свой скот. Ситуация взорвалась внезапно, но взрыв исподволь готовился с давнего времени.

В начале XII в. придворный врач сельджукского султана Маликшаха и его наследников, уроженец Мерва, Шараф аз-Заман Тахир Марвази написал трактат по зоологии «Таба'и ал-хайаван» («Природа животных») и дополнил свое сочинение сведениями по этнографии и истории. Основываясь на каких-то местных огузских повествованиях, он поместил в раздел о тюрках не очень ясный, с очевидным фольклорно-эпическим налетом, рассказ о давних и полузабытых событиях, имевших отношение к прошлой истории сельджукских, а вернее, огузских племен:

«Среди них (тюрков) есть группа племен, которые называются кун, они прибыли из земли Кытай, боясь Кыта-хана. Они были христиане-несториане. Свои округа они покинули из-за тесноты пастбищ. Из них был хорезмшах Икинджи ибн Кочкар. За кунами последовал (или: их преследовал) народ, который называется каи. Они многочисленнее и сильнее их. Они прогнали их с тех пастбищ. Куны переселились на землю шары, а шары переселились на землю туркменов. Туркмены переселились на восточные земли огузов, а огузы переселились на земли печенегов, поблизости от Армянского (Черного) моря» [Марвази, с. 29—30].

Туркменами, по словам Марвази, называются тюрки, пришедшие в страны ислама и принявшие мусульманство. Кто были туркмены, жившие на восточной границе огузских земель накануне начала их движения на печенегов, помогает понять текст ал-Макдиси: «Орду — маленький город, в нем живет царь туркменов, который постоянно посылает подарки владетелю Исфиджаба» [МИТТ, т. 1, с. 185]. Город Орду, в междуречье Таласа и Чу, еще в X в. был столицей семиреченских карлуков. Следовательно, туркменами у Марвази названы исламизированные в IX в. саманидами карлуки, до того исповедовавшие несторианский толк христианства. В 893 г. саманид Исмаил ибн Ахмед в походе на карлуков разрушил несторианскую церковь в Таразе, воздвиг на ее месте мечеть, а население этого небольшого западно-тюркского княжества обратил в ислам.

Итак, последний этап переселения, о котором кратко сообщил Марвази, особых трудностей не вызывает: просто события изложены им очень выборочно и неполно. Повторим последовательность событий: согласно Марвази, кытай, т. е. кидане, вытеснили из своих владений племя кунов. Из-за недостатка пастбищ и нападений племени каи куны вторглись в земли шары, те — в земли туркменов, которые, в свою очередь, захватили восточные земли огузов. Огузы ушли на запад, к Черному морю, в земли печенегов.

Западные земли туркмен-карлуков, по р. Талас и в предгорьях Каратау, граничили с восточными землями сыр-дарьинских огузов, и граница не была спокойной. Уже в IX в. здесь начались тогда еще эпизодические религиозные войны. В начале 40-х годов XI в. туркмены-сельджукиды и туркмены-карлуки окончательно сокрушили государство сыр-дарьинских огузов, и те ушли в приволжские степи. В 985 г. приволжские огузы, в союзе с князем Владимиром, совершают набег на камских болгар. В 1050 г. они появляются на берегах Дона и Днепра, где сражаются с печенегами и русами. Русские летописцы называли их торками, т. е. турками, а византийцы — узами, т. е. огузами. Таков конечный итог событий на западе Евразийских степей, сохраненных в изложении Марвази.

Что же произошло в азиатском ареале Великой Степи?

Независимо от того, были ли войны между перечисленными Марвази племенами или они двигались по «принципу снежного кома», западная миграция восточных тюркских племен была результатом неблагоприятных для них политических условий X—первой половины XI в., возникших вследствие создания в Северном Китае и Монголии киданьской империи Ляо, в Ганьсу — тангутского государства Си Ся, в Семиречье и Восточном Туркестане — Караханидского каганата.

В 1036 г. тангуты подчинили государство уйгуров в Ганьчжоу и окончательно закрыли для восточных тюрков, испытывавших киданьский натиск, Ганьсуйский коридор. Исламизированные караханидские карлуки, в недавнем прошлом — христиане-несториане, стали для «неверных» тюрков заслоном на пути к оазисам Семиречья и Мавераннахра. Относительно свободным оставался только один путь на запад — через верховья Оби и Иртыша, Северную Джунгарию и Северо-Восточное Семиречье, вдоль северных границ Караханидской державы.

В 1027 г. кидане, искавшие союзников против Караханидов, присылают посольство в Газну, к султану Махмуду. Через два года ал-Бируни, живший тогда при дворе Махмуда, упоминает в одном из своих сочинений два неизвестных дотоле восточнотюркских племени — кунов и каи. Еще до того, около 960 г., на северных рубежах Караханидов начинаются жестокие и длительные войны карлукских гази, борцов за веру, с тюрками-язычниками, войны, почти неизвестные мусульманским авторам. Отзвуки этих событий, запечатленные в караханидских эпических песнях, сохранились в записях Махмуда ал-Кашгари; к сожалению, в очень фрагментарных записях. Но там перечислены главные враги тюрков-мусульман, и среди них — ябаку, басмылы, чомулы, каи, йемеки. Самих мусульманизированных карлуков, создателей Караханидской державы, Махмуд ал-Кашгари, как и Мар-

вази, именуется туркменами, так же как и исламизированных в X—начале XI в. огузов-сельджукидов.

Главным героем тех эпических отрывков, которые записал Махмуд, был гази Арслан-тегин, иногда именуемый еще *бекеч*, «принц». Не исключено, что впоследствии он стал одним из первых караханидских каганов, но надежное отождествление вряд ли возможно. Впрочем, Б. Д. Кочнев считает, что «победителем Бука-Будрача наиболее правдоподобно считать караханидского князя Арслан-тегина Ахмада ибн Мухаммада ибн Хасана/Харуна, который совершил поход против неверных около 440/1048—1049 г.» [Кочнев, 2002, с. 178]. Иногда главным героем поэм выступает сам *хакан*, имя которого у Махмуда отсутствует. Впрочем, оно и не нужно было Махмуду, ведь приводимые им отрывки героических повествований были лишь стихотворными примерами, поясняющими употребление какого-либо слова.

Враги Караханидов, племена тюрков-язычников, несколько раз перечисляются. Это уйгуры-идолопоклонники, что жили за рекой Ила (Или), в стране Мынглак. Это ограки, пограничное племя, которое жило в местности Кара Йигач. Это прииртышские йемеки. Но самым страшным врагом Караханидов был союз трех племен: басмылов, чомулов и ябаку, а также соседи ябаку — каи. Названные три племени известны по китайским и древнетюркским источникам. Их земли еще в VII—VIII вв. протянулись от восточной части Семиречья, через Тарбагатай, Северную Джунгарию, Алтай до Оби. Новая мусульманская держава, с ее стремлением навязать свою власть и свою идеологию, отрезала эти племена от богатых городов и селений Семиречья и Восточного Туркестана, поставила под свой контроль часть привычных кочевий. Столкновения перерастали в войны, войны становились частью повседневной жизни и тянулись десятилетиями. Лишь иногда известие о прорыве язычников или обращении их в ислам мелькало в мусульманских хрониках. И только песни о героях-гази, попавшие на страницы грамматического труда почтенного филолога из Кашгара, отразили напряжение и непримиримость, предопределившие силу и глубину будущего прорыва мусульманского барьера, массовость и стремительность миграций к новым землям и новым границам.

В эпических отрывках инициаторами войн чаще всего изображаются ябаку, чомулы (остатки древнейших гунно-тюркских племен Семиречья, чуми китайских источников) и басмылы, которых уйгурская руническая надпись из Могон Шине Усу называет «сорокаплеменными басмылами». Именно басмылы после разгрома Тюркского каганата в 742 г. стали преемниками имперской традиции — ведь идикутами, т. е. августейшими государями, басмылов были князья из рода Ашина, но власть и титул были отняты у басмылов уйгурами и карлуками. Позднее басмылы входят как господствующее племя в

иную племенную группу, и это зафиксировано Марвази. Рассказывая о народе шары, он пишет: «...они [шары] известны по имени их вождя, а он — басмыл» [Марвази].

Особенно досаждал мусульманам бек басмылов и вождь ябаку Будрач, носивший прозвище Бёке, т. е. «большая змея, дракон». Сохранился отрывок сказания о решающей битве мусульман с «Великим Змеем» Будрачем. Тот пришел в страну мусульман с семисоттысячным (!) войском, но гази Арслан-тегин во главе сорока тысяч мусульман разгромил и пленил его. Вот отрывок из речи гази накануне битвы:

Припустим-ка мы коней на рассвете,
будем искать крови Будрача,
сождем-ка мы бека басмылов,
пусть теперь собираются йигиты¹. [Махмуд Кашгарский, т. 2, с. 330]

Было ли верховенство ябаку результатом военных событий, предшествовавших моменту, о котором пишет Махмуд ал-Кашгари, или же их связывали иные отношения, остается неясным. Но здесь уместно вспомнить одно вполне фольклорное повествование армянского историка XI в. Матфея Эдесского о нападении «народа змей» на «желтых». В исследовательской литературе принято отождествлять «желтых» или «рыжих» Матфея с шары, т. е. тоже с «желтыми», о которых писали Марвази и его компилятор Ауфи. Но упускается из виду, что только у ябаку вождь именовался «великим змеем» и «народ змей» явно коррелирует с ябаку. У Марвази народ, подчинивший на одном из этапов западной миграции шары, назван кунами. И это название, известное уже ал-Бируни в паре с именем каи, странным образом опущено Махмудом ал-Кашгари, отлично знавшим этническую ситуацию на караханидской границе и не забывшим каи. Если в ситуации с шары Махмуд называет их по имени главенствующего племени басмылами, то пропуск имени кунов может означать лишь их обозначение иным названием. В контексте описываемых событий таким другим названием кунов было ябаку, что, собственно, является несколько презрительным прозвищем — так называли людей или животных с длинными и взлохмаченными волосами или спутанной шерстью [Махмуд Кашгарский, т. 2, с. 166].

Куны — одно из древнейших тюркоязычных племен, занимавших почетное место в конфедерации теле. После разгрома в 840 г. Уйгурского каганата они бежали на восток Монголии и вскоре попали в сферу влияния киданей. Когда и в связи с какими событиями они были вытеснены киданями из Монголии, неясно, но уже у ал-Бируни

¹ Поэтический перевод: [Стеблева, с. 147].

куны и каи упоминаются рядом с енисейскими кыргызами. Каи принято отождествлять с монголоязычными *си* из племенного союза *шивэй*, но, по моему мнению, в эту гипотезу следует внести существенное уточнение. Кроме родственных киданям *си* из племен шивэй, китайские источники многократно упоминают «белых *си*», которые уже в начале VII в. входили в состав тюрко-язычного племенного союза теле. Недаром Махмуд Кашгарский пишет о каи как об одном из тюркоязычных племен, имевших, правда, свой диалект.

Несомненно, нуждается в объяснении появление этнонима *шары*. Здесь возможна связь с переселением басмылов в середине IX в. на территорию «желтых» тюргешей. Но возможны и другие гипотезы. Сами тюрки-туцзюе изначально подразделялись на группировки, обозначаемые цветовыми маркерами. Так, после распада первого Тюркского каганата в 630 г. китайцы выделяют среди покоренных и переселенных на юг племен кроме тюрков-ашина, т. е. кёк-тюрков, «синих» тюрков, еще и тюрков-шели, т. е. тюрков-шары, «желтых» тюрков. Это разделение на группы устойчиво сохранялось, и в 735 г. в донесении императорскому двору китайский пограничный чиновник пишет о мочжо-тюрках (здесь личное имя кагана — Мочжо — заменило его родовое имя — ашина) и «желтоголовых» тюрках.

В тюркской этнонимике более известно деление родственных племенных групп на «белых» (*ак*) и «черных» (*кара*). Эти обозначения никак не связаны с антропологическими различиями. Они лишь маркируют структурные подразделения внутри племенных союзов. Иногда возможны иные цветовые маркеры — «синие» и «желтые», «черноголовые (черношапочные)» и «красноголовые». Обозначения со словом *сары* ~ *шары* преобладают среди племен кыпчакской группы — казахов, каракалпаков, киргизов, алтайцев. Обозначение *кызыл* преобладает среди туркмен.

Первоначально цветовые ономастические маркеры всегда парные. Обособление одного из них и превращение структурного маркера в устойчивый этноним означает распад прежней племенной общности, рождение новой племенной группировки, цветовые обозначения которой утратили атрибутивную семантику.

Итак, в первой половине XI в. крупная группировка тюркских племен (куны и каи), некогда входивших в племенную конфедерацию теле, вытесненная из монгольских степей киданями, продвинулась в Западную Сибирь, Северную Джунгарию и Северо-Восточное Семиречье. Там она слилась с другой группой тюркских племен — шары и басмылами. Потерпев поражение в войнах с караханидскими карлуками, обе группировки продвинулись далее на запад, по традиционному пути центральноазиатских миграций. Контакт с кыпчаками, земли которых лежали на пути миграции, был неизбежен, но характер

этого контакта неясен. Очевидно, что в новом объединении племен сохранялись две основные группы: куны-команы и шары-половцы.

Б. Е. Кумековым, изучившим арабские источники о кипчаках, установлено, что в IX—X вв. между Северным Приаральем и Южным Уралом кочевала отдельная группа команов (куманов), которая в начале XI в. «попала под политическое влияние кыпчаков» [Кумеков, 1993, с. 66—67]. В середине XI в. именно команы составили авангард западной миграции степных племен, вероятнее всего политически стимулируемой кипчаками, но возглавленной команами-кунами-шары. Именно в этой группе, среди кунов-команов, существовало племя кытан, т. е. киданей, безусловно связанное с самым ранним и самым восточным этапом этой миграции.

Уже в 1055 г., вытесняя огузов-торков, шары-половцы закрепились на южных рубежах Киевской Руси. В их составе оказались и тюркский династийный род Ашина — хан Осень (Асень) был отцом Шарукана Старого, — и каи (каепичи), и йемеки (емякове). Судьба кунов-команов решалась к западу от кочевий половцев. А из дунайских половцев в 1187 г. выдвинулась династия основателей Второго Болгарского царства — Асений (Ашена).

В приаральской части Дешт-и Кипчака состав племен начал меняться в XII в.: появились многочисленные племена канглы, вошедшие в кипчакские объединения, но не слившиеся с ним. Главная ставка канглы была на нижней Сыр-Дарье, а значение их в степи столь велико, что в начале XIII в. монгольское повествование о Чингиз-хане «Сокровенное сказание» (1240 г.) называет степь к западу от Иртыша «страной канлийцев и кыпчаутов» [Сокровенное сказание, с. 151]. Но с приходом монголов в истории Великой Степи началась другая эпоха.

Основные результаты приведенного сопоставления событий и этнонимов из разных источников могут быть суммированы в следующей таблице:

Мусульманские источники		Матфэй	Китайские источники	Русские и западные источники
ал-Бируни Марвази	Махмуд ал-Кашгари			
кун	ябаку	«народ змей»	хунь	хынь, кун, коман
каи	каи		белые си	каепичи
шары, басмыл	басмыл	«рыжие»	басими, тузюе-шэли	половцы, плавцы, фалоны, паллидии

Мусульманские источники		Матфей	Китайские источники	Русские и западные источники
ал-Бируни Марвази	Махмуд ал-Кашгарн			
туркмены (карлуки)	туркмены (карлуки)			
гуззы	гуззы	узы		узы, торки
баджнаки	баджнаки	паченики		печенеги
кытай			цидань	кытань

Такова возможная реконструкция азиатского контекста половецкой истории, и, как мне представляется, этот контекст мало связан с историей сиров-кипчаков.

ТАТАРЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Едва ли не главный наш источник, освещающий историю народов Центральной Азии и предмонгольское и монгольское время, — труд Рашид ад-Дина «Джами ат-таварих». Основное место там, естественно, занимает история создателей Монгольской империи, но отдельными пятнами, более или менее яркими, высвечиваются иные времена и иные племена.

Вот сведения о татарах, тех татарах, племена которых, по версии «Сокровенного сказания», полностью истребил Чингиз:

«Их имя издревле было известно в мире. От них отделились и многочисленные ветви... Места их кочевий, стоянок и юртов были определены в отдельности по родам и ветвям вблизи границ областей Китая. Их же основное обитание (юрт) есть местность, называемая Буир-Наур. Они также враждовали и ссорились друг с другом, и долгие годы длилась война между этими племенами и происходили битвы» [Рашид ад-Дин, т. 1, с. 101].

Итак, основной юрт татар находился вблизи озера Буир-нур, в Восточной Монголии. Но ведь упомянуты и какие-то другие юрты и другие ветви татар, издавна враждовавшие друг с другом. Далее рассказывается об их власти над монголами в дочингизово время. И неожиданно появляется экскурс в далекое прошлое татар и окружающего их мира:

«Если бы при наличии их многочисленности они имели друг с другом единодушие, а не вражду, то другие народы из китайцев и прочих и (вообще) ни одна тварь не была бы в состоянии противо-

стоять им. И тем не менее, при всей вражде и раздоре, кои царили в их среде, — они уже в глубокой древности большую часть времени были покорителями и владыками большей части племен и областей, (выдаваясь) своим величием, могуществом и полным почетом (от других). Из-за (их) чрезвычайного величия и почетного положения другие тюркские роды, при различии их разрядов и названий, стали известны под их именем и все назывались татарами» [Там же].

Далее Рашид ад-Дин добавляет, что ныне, т. е. в XIV в., по тем же причинам тюркские племена именуют себя монголами, «хотя в древности они не признавали этого имени» [Рашид ад-Дин, т. 1, с. 102]. Наконец, еще одна знаменательная реминисценция из дочингизовой истории Центральной Азии: «Тех татарских племен, что известны и славны и каждое в отдельности имеет войско и [своего] государя, — шесть» [Рашид ад-Дин, т. 1, с. 103].

Рашид ад-Дин предлагает свою этнологическую схему предмонгольской Центральной Азии, точнее ее степной части, населенной преимущественно тюркскими племенами. Структурообразующими «конструкциями» схемы являются шесть татарских государств («каждое в отдельности имеет войско и [своего] государя»), главным из которых был Буир-нурский юрт. Уже в «глубокой древности» татары, несмотря на отсутствие единства и межплеменные распри, подчинили своей власти «до границ областей Китая» все племена и области. Подчинившимися племенами были — прежде других — тюркские роды. Они стали именоваться татарами по названию господствующего племени. События эти относятся к столь давнему времени, что монголам тут еще места нет, ибо они «стали известны» только около «трехсот лет тому назад», т. е. в IX—X вв. Впрочем, как замечает Рашид ад-Дин, «в древности монголы были [лишь] одним из племен из всей совокупности тюркских степных племен» [Рашид ад-Дин, т. 1, с. 103].

Как мы видим, Рашид ад-Дин разделяет этнополитическую историю степей Центральной Азии на три хронологических этапа: а) этап господства «тюркских степных племен», временные параметры которого не определены; б) этап подчинения тюркских племен татарами и превращения этнонима «татары» в общий политоним; временные границы — от «глубокой древности» до начала татаро-монгольских войн (XII в.); в) этап возвышения монголов и, после истребления татар, превращения этнонима «монголы» в общеимперский политоним (XII—XIII вв.).

Вместе с тем, как замечает Рашид ад-Дин, силы и могущество татар были в свое время столь велики, что и поныне, т. е. в начале XIV в., от Китая до Дашт-и Кипчака и Магриба все тюркские племена называют татарами [Рашид ад-Дин, т. 1, с. 103].

Если термины «тюркская эпоха (время)», «монгольская эпоха (период)» в исследовательской литературе уже давно стали привычными, то столь же генерализованное представление о «татарском периоде» в истории степей Центральной Азии не сложилось. Напротив, оно полностью интегрировалось в стереотипах: «монголо-татарская эпоха», «монголо-татарское нашествие». Между тем схема Рашид ад-Дина четко разделяет, противопоставляет и разводит во времени «татарский» и «монгольский» периоды.

Очевидно, что предложенная Рашид ад-Дином историографическая концепция нуждается в очень обстоятельной фактологической проверке. К сожалению, в его тексте много недосказанного или сказанного намеком, много трудностей возникает при прочтении тех этнических терминов, топонимов, собственных имен, которыми насыщен текст «Джами ат-таварих». Все это мешает историку оценить пространственно-временные параметры событий и ситуаций. Так, например, остается загадкой: где и когда существовали еще пять татарских владений-юртов, кроме буирнурского? Поэтому здесь бесполезно привлечение иных источников, содержащих ранние сведения о татарах.

В 1960 г. С. И. Вайнштейн обнаружил в местности Хербис-Баары (Тува) неизвестную дотопле кыргызскую стелу с рунической надписью. Впоследствии эту надпись дважды издавал А. М. Щербак. Памятник содержит эпитафию знатному воину по имени Кюлюг Йиге. Главным его подвигом, упомянутым в тексте, был поход на татар: «В свои двадцать семь лет, ради моего государства, я ходил на токуз-татар».

В 1976 г. Л. Р. Кызласовым была обнаружена в Хакасии, близ р. Уйбат, стела с рунической надписью (девятый памятник с Уйбата), изданной И. Л. Кызласовым, а затем повторно прочтенной и интерпретированной мною [Кызласов, с. 21—22; Кляшторный, 1987, с. 35—36]. В первой строке этой надписи упомянут «татарский враждебный эль» и сообщается о выплате татарами дани или контрибуции.

Когда и где енисейские кыргызы вели успешные войны с татарами?

Впервые упоминает татар (отуз-татар) самая крупная из известных рунических надписей — памятник в честь Кюль-тегина (732 г.). Один раз они названы там в связи с похоронами первых тюркских каганов, т. е. событиями второй половины VI в. (КТб, с. 4). Второй раз они упоминаются той же надписью и под тем же названием (отуз-татары) в качестве врагов отца Кюль-тегина, Ильтерес-кагана (ум. 691 г.). Тогда татары вместе с кыргызами поддержали токуз-огузов, воевавших с тюрками (КТб, с. 14). В 723—724 гг. татары (токуз-татары) вместе с токуз-огузами восстают против Бильге-кагана, как о

том свидетельствует другая руническая стела с эпитафией старшему брату Кюль-тегина (БКБ, с. 34). Последний раз в орхонской рунике татары (токуз-татары) упомянуты в надписи из Могон Шине Усу, эпитафии уйгурскому Элетмиш Бильге-кагану (760 г.) [Рамstedт, с. 17]. Вместе с огузскими племенами татары в конце 40-х годов VIII в. восстают против уйгурского кагана и терпят поражение. Таким образом, в конце VII—первой половине VIII в. татары придерживаются той же политической ориентации, что и кыргызы, и являются их прямыми или эвентуальными союзниками.

Заметим, что в ситуации VI—VII вв. союз татарских племен назван в орхонских надписях «тридцатью татарами» (отуз-татары), а в середине VIII в., как и в енисейской надписи из Хербис-Баары, они названы «девятью татарами» (токуз-татары). Не исключено, что в изменении названия отражен распад первоначальной группировки татарских племен, но для нас не менее примечательно, что упомянутые енисейской надписью события происходили не ранее второй половины VIII в. Впрочем, и по палеографическим особенностям обе кыргызские стелы не относятся к числу ранних енисейских памятников, датируемых первой половиной VIII в. [Кляшторный, 1976, с. 258—267].

Обратимся теперь к сообщениям китайских источников о татарах. Прежде всего отметим, что в составе Уйгурского каганата (744—840 гг.) татары были одним из вассальных племенных союзов; по словам китайского автора XII в. Ван Минцзи, тогда «татары были пастухами коров у уйгуров» [Кычанов, 1980, с. 143]. Кыргызы же, отброшенные уйгурами в 756 г. за Саяны, незадолго до 840 г. появились к югу от Танну-Ола. Тем самым определяется нижняя дата кыргызско-татарской войны. В связи с событиями 842 г. татары впервые упомянуты в китайском источнике — письме китайского чиновника Ли Дэюя — как враги кыргызов и союзники последнего уйгурского кагана [Pelliot, 1929, с. 125—126]. Главным направлением отступления уйгуров, разгромленных кыргызами в Северной Монголии, были Ганьсуй и Восточный Туркестан.

Именно в этом направлении их преследовали кыргызы. Ли Дэюй, который вел в 842 г. в пограничной крепости Тяньдэ переговоры с

Кюль-тегин

кыргызским посольством, сообщает, что, по словам главы посольства, кыргызского «генерала» Табу-хэцзу, кыргызы пришли на «старые уйгурские земли» на р. Хэлочуань, т. е. в верховья Эцзин-гола, и им подчинились Аньси (Куча), Бэйтин (Бешбалык) и дада (татары). Это первое и единственное упоминание о военном столкновении кыргызов и татар, случившемся где-то в Ганьсу или Восточном Туркестане и завершившемся признанием татарами кыргызского сюзеренитета, иначе говоря, выплатой дани [Цай Вэньшэнь, с. 148]. В следующем (843) году Табу-хэцзу (в ряде источников он именуется также Чжуу-хэсу) возглавил первое кыргызское посольство к императорскому двору [Супруненко, с. 67—69].

Памятник в честь Кюль-тегина

В 1915 г. в долине реки Тес (Северо-Западная Монголия) Б. Я. Владимирцов обнаружил наскальную руническую надпись, повторно исследованную и прочтенную нами в 1975 г. Надпись содержала имя, которое после нового просмотра текста в 1989 г. я читаю как *Törek Alp Sol* [ср. Кляшторный, 1987, с. 154]. По консультации С. Е. Яхонтова, китайская передача имени кыргызского военачальника Табухэцу есть несколько небрежная транскрипция тюркского *Törük Alp Sol*. Судя по содержанию надписи, которая теперь может быть датирована серединой IX в., она маркировала центр новых земельных владений кыргызского вельможи, полководца и дипломата, которые стали его юртом после изгнания уйгуров и овладения севером Монголии. Так совпали до мелочей сведения из отчета китайского дипломата и из эпитафий кыргызским участникам южного похода. Впрочем, кыргызам не было суждено удержать земли на «уйгурской дороге» в Таримский бассейн, важном участке Великого Шелкового пути. Еще до 875 г. ганьчжоуские уйгуры восстановили здесь свое господство.

Владение татар в Западном крае, столь далеко от их коренных земель в Восточной Монголии, появилось до падения Уйгурского каганата. Во всяком случае, в колофоне пехлевийского манихейского сочинения «Махр-намаг», переписанного в Турфане между 825—832 гг., среди местных вельмож упомянут и глава татар (*tatar ara tekin*). А много позднее, в конце X в., китайский посол к уйгурскому идикуту, Ван Яньдэ, узнает в Турфане о другом китайском чиновнике, побывавшем там, — посольству к уйгурам предшествовало посольство к татарам [Малявкин, с. 90]. Дипломатическая активность была не частой, но обоюдной. Между 958 и 1084 гг. упомянуты три посольства к различным китайским дворам, совместно отправленные государями ганьчжоуских уйгуров и ганьсуйских татар для заключения военного союза против тангутов [Малявкин, с. 63—86]. Важное дополнение к этим известиям содержится в двух китайских манускриптах 965 и 981 гг. из пещерной библиотеки в Дуньхуане. Там прямо сказано, что центр государства татар был в Сучжоу, т. е. на границе Ганьсу и Восточного Туркестана [Hamilton, с. 89—90]. Об этих же татарах сообщают хотано-сакские документы IX—X вв. [Bailey, 1949, с. 49]. В «Худуд ал-алам», анонимной персидской географии X в., татары упомянуты как соседи и союзники токузгузов, т. е. уйгуров, а Восточный Туркестан назван «страной тогузгузов и татар» [Худуд ал-алам, с. 47]. Весьма важны упоминания «чиновного лица (амга)», который «пришел от татар», в деловых письмах из Дуньхуана на тюркском и согдийском языках (конец IX—X вв.), интерпретированных Дж. Гамильтоном и Н. Симс-Вильямсом [Sims-Williams, Hamilton, с. 81].

Наряду со сведениями указанных источников о татарском государстве в Ганьсу — Восточном Туркестане имеется еще свидетельство эпистолярного источника XI в. Письмо тангутского государя Шань-хао, отправленное Сунскому двору в 1039 г., содержит декларацию о новых границах Тангутского государства, весьма мало соответствующую действительной ситуации. Юань-хао хвастливо заявляет о добровольном подчинении ему туфань (тибетцев), тата (татар), чжанъе (ганьчжоуских уйгур) и цзяохэ (турфанских уйгур), т. е. всех соседних Си Ся владений, расположенных в Ганьсу и Восточном Туркестане или обладавших там какими-либо землями [Кычанов, 1968, с. 134].

В домонгольскую эпоху, во всяком случае в X—XII вв., этноним «татары» был хорошо известен не только в Срединной империи, но также в Средней Азии и Иране. Так, наряду с караханидскими тюрками, татары достаточно часто упоминаются в стихах известнейших персидских поэтов. Газневийский поэт Абу-н-Наджм Манучихри (XI в.) пишет о красивом юноше с «тюрко-татарским обликом»; для других его современников обычной метафорой было «благоухание тысяч татарских мускусов», а имам Садр ад-дин Харрамабади (XI—XII вв.) в касыде, посвященной султану Искандеру, упоминает некоего «татарина» [Brown, с. 166, 169, 202; Ворожейкина, с. 26].

Относительно этнической принадлежности татар, упомянутых в орхонских надписях, П. Пеллио замечает: «Допустимо, что они уже тогда были монголоязычны; впрочем, титулатура и номенклатура татар в XII в. сохраняли следы тюркского влияния» [Pelliot, 1949, с. 232—233]. Вполне оправдан, однако, скепсис некоторых современных исследователей по поводу самой возможности достоверных этнических определений крупных племенных сообществ древней Центральной Азии [Мункуев, с. 91; Geley, с. 73].

Итак, в IX—XII вв. на территории Ганьсу и в Восточном Туркестане существовало государство татар, известное и китайским дипломатам, и мусульманским купцам. Все же сведения об этом государстве казались южносунскому ученому и чиновнику Ли Синчуаню (1166—1243 гг.) столь необъяснимыми, что вызвали следующее замечание: «Два государства жили на востоке и западе, и обе страны глядели друг на друга на расстоянии в несколько тысяч ли. Не знаем, по какой причине их объединяют и они получили единое наименование» [Кычанов, 1980, с. 143]. До сих пор эта сентенция Ли Синчуаня оставалась непонятой.

Вряд ли пока возможно столь же определенно локализовать другие татарские государства, упомянутые Рашид ад-Дином. Но его информированность о предмонгольской эпохе в истории татар, вопреки сомнениям В. В. Бартольда [Бартольд, т. 5, с. 559], ныне очевидна.

Недаром компетентный источник XI в. называет обширный регион между Северным Китаем и Восточным Туркестаном «Татарской степью» [Махмуд Кашгарский, с. 159], — точно так же южнорусские и казахстанские степи именовались тогда мусульманскими авторами *Даит-и Кипчак* («Кыпчакская степь»). Название «Татарская степь» хорошо согласуется с другими сведениями о расселении татар в IX—X вв. и объясняет, почему столетие спустя монголы, занявшие то же пространство, в тюркской и мусульманской среде, как и в Китае, именовались татарами. Это тюркское обозначение монголов привилось не только в Средней Азии и на Ближнем Востоке, но и на Руси, и в Западной Европе, вопреки тому, что сами монголы себя татарами не называли.

В китайской политической и историографической традиции, начиная с сунского времени, решительно преобладало поименование монголов татарами. Даже в тех случаях, когда для служащих сунских военных и дипломатических ведомств не было сомнений, как в самом деле надлежит именовать новых соседей империи, тексты редактировались желательным образом и этноним «монгол» заменялся либо на *да-да*, «татарин», либо на *мэн-да*, «монголо-татары». Очень показательен в этом смысле факт, приводимый Ли Синчуанем: «Когда монголы (*мэн-жэнь*) вторглись в государство Цзинь, [они] назвали себя Великим Монгольским государством (*да мэн-гу го*). Поэтому пограничные чиновники прозвали их Монголией (*мэн-гу*)». Позднее последнее название было заменено на *мэн-да* [Мункуев, с. 123]. Подобные замены были обязательны для официальных текстов даже при описании непосредственных контактов. Так, в отчете сунского посольства 1211—1212 гг., недавно опубликованном Г. Франке, монголов последовательно именуют татарами [Franke, с. 170 и сл.].

Еще более показателен случай, приводимый автором «Мэн-да бэй-лу». По его словам, Мухали, наместник Чингиз-хана в Северном Китае (*го-ван Мо-хоу*), каждый раз сам называл себя «мы, татары» [Мункуев, с. 53]. Ван Го-вэй, комментируя это место, замечает, что здесь просто употреблено то название монголов, которое было принято китайцами. Естественно, что Мухали, происходивший из племени джалаир, никак не мог называть себя татаринном [Мункуев, с. 135].

Кыргызско-татарская война 842 г., участником которой был герой енисейской рунической надписи Кюлюг Йиге, стала отражением новой ситуации в Центральной Азии, определявшейся в IX—X вв. взаимоотношениями кыргызов, татар и киданей, прежних аутсайдеров, занявших тогда политическую авансцену.

БОЛГАРЫ, ХАЗАРЫ И БЕРСИЛЫ В ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЯХ

Вопрос о первом появлении болгарских племен в степях Юго-Восточной Европы все еще остается предметом острых дискуссий. Столь же остро дискутируется вопрос об этническом и племенном составе ранних болгар (по терминологии современных болгарских ученых — праболгар).

В «Хронографе», составленном в 354 г. в Западной Римской империи и сохранившемся в рукописи V в. (предположительно, этот альманах, реконструированный Т. Моммзенем, восходит к сборнику римского писца Филокала), среди народов, обитавших на востоке и происходивших от библейского Сима, рядом со скифами и лазами, названы некие *vulgares*. Это имя обычно трактуется как несколько искаженная транскрипция названия болгар. Однако же источник прямо связывает названное племя с зихами, т. е. адыгскими этническими группами Западного Кавказа.

Достаточно уверенно фиксируется появление болгар в Причерноморье лишь после падения империи Аттилы. В 480 г. восточноримский император Зенон обратился к болгарам, уже жившим в Причерноморье, за помощью против остготов. По существу, это первая фиксация политической значимости болгарских племен в ареале византийских геополитических интересов, а вследствие этого и в сфере внимания византийского дипломатического делопроизводства и византийской придворной историографии.

Довольно часто имя болгар или племен, входивших в болгарское племенное объединение (оногуры—оногундуры—хайландуры), упоминается в армянской историографии, главным образом в связи с набегами этих племен на Закавказье. Но достоверность хронологии армянских историков сомнительна из-за нередких и несомненно установленных анахронизмов в их сочинениях, а также их позднейшей переработки. Сколько-нибудь достоверные сведения относятся к концу V в. Что касается первоначальной территории, занимаемой болгарскими племенами, то указания источников слишком неопределенны, хотя во всех случаях речь идет о Причерноморье. Если судить по сведениям «Армянской географии» Анания Ширакаци (конец VII в.), болгары обитали где-то в Западном Предкавказье. Позднее именно этот регион с центром в Фанагории византийские историки называли Великой Болгарией.

Хотя признание генетической связи болгар с тюркоязычными племенами преобладает в историографии, оно далеко не безоговорочно. Так, по мнению А. П. Новосельцева, «первоначально болгары

представляли собой тюркизированных (когда — неясно) угров и были одним из их племен, обитавших, скорее всего, где-то в северной части современного Казахстана и увлеченных на запад в период гуннского нашествия» [Новосельцев, с. 72]. Такая довольно распространенная точка зрения неверна прежде всего хронологически, так как болгары появились к западу от Волги только после краха Гуннской державы. Она совершенно необоснованна и этнографически, ибо опирается только на очень сомнительные этимологические трактовки этнонимов болгарских племен.

Более убедительна иная концепция ранней этнической истории болгар, основанная как на комплексе сведений письменных источников, так и на достижении современной тюркологии в области истории тюркских языков. Ключевая роль принадлежит здесь восточноримской (византийской) историографии, в особенности Приску Панийскому, историку, прославившемуся своим отчетом о миссии в ставку Аттилы. В его другом историческом труде, сохранившемся лишь во фрагментах, рассказывается (фрагмент 30), что около 463 г. откуда-то из глубин Азии в Причерноморье вторглись некие неизвестные дотолем племена. Приск приводит их названия — *огуры*, *сарагуры* и *оногуры*.

Далее следует описание цепочки столкновений и войн, столь типичной для истории кочевников Евразии в самые разные эпохи. Подобные «цепные реакции» всегда заканчивались появлением в степях Юго-Восточной Европы, а иногда и много западнее, очередной волны степняков-завоевателей. По Приску, огуров прогнали с их земель жившие восточнее *сабиры*, а тех, в свою очередь, *авары*. Все они, в установленной последовательности, появились у границ Византии или ее заморских фем. А началась вся эта подвижка на запад степных народов с того, что на тех напал некий неизвестный народ, живший на берегу Океана, т. е., по представлениям античного мира, на краю света. Этот неизвестный народ, живший в стране морских туманов, внезапно стал жертвой грифонов, пожирающих людей, и должен был оставить свою страну.

Если исключить идущий от Геродота и очень популярный в античной и византийской традициях мотив грифонов, явно призванный объяснять необъяснимое, речь у Приска идет о вполне исторических событиях. Все они подтверждаются позднейшими источниками — византийскими, армянскими, сирийскими. Но наибольший интерес представляют в этой связи сообщения китайских историков о событиях, имевших место в V в. где-то очень далеко на западе, в степях возле Западного моря. До Китая донесся лишь глухой отзвук этих событий.

В самом начале V в. в Центральной Азии, у северных границ китайского государства Тоба Вэй, сложилось могущественное кочевое

государство жуань-жуаней. Испытывая постоянное военное давление Вэйского государства, каган жуань-жуаней Шэлунь обрушил мощные удары на своих соседей, живших к западу и северо-западу от жуань-жуаней. Этими соседями были племена *гаоцзюй* (*уйгуров*). Их китайское название переводится как «высокие телеги». Гаоцзюй-уйгуры были лишь частью огромного племенного массива тюркоязычных степных племен, именовавшегося в китайских источниках иномычным для китайцев словом *теле*. Слово это является транскрипцией китайскими иероглифами тюрко-монгольского термина *тегрэг*, «телега, тележник». Очевидно, оно попало к китайцам от тех соседей теле, которые сами не входили в эту степную конфедерацию, хотя и принадлежали к тюрко-монгольскому миру. Позднее, в VI—VII вв., когда появились письменные тексты на тюркском языке, создатели этих текстов впервые письменно зафиксировали самоназвание тех племен, которых китайцы называли не именем, а прозвищем теле. Этим самоназванием оказалось имя *огуз*, происходившее, согласно древнетюркским (древнеогузским) легендам, из имени героя-эпонима (героя-первопредка?) Огуз-кагана. Более архаичной формой имени огуз является слово *огур*. В такой форме оно существовало в особой группе древнетюркских языков, наследником которых является современный чувашский.

В IV—V вв. огромный пласт тюркоязычных огурских племен теле («тележников»), занимавших территорию от Центральной Монголии до Северного Казахстана, не обладал никакой политической общностью и был разделен на многочисленные группировки, зачастую враждовавшие друг с другом. Во всяком случае, через триста лет, в надписи уйгурского Бёгю-кагана (уйгуры были частью огурского племенного сообщества), автор, вспоминая эти древние для него времена, сетует: «Тот мой народ затевал многие междоусобные распри и ссоры» (Тесинская надпись, стк. 10) [Кляшторный, 1983, с. 88]. Возникновение могущественного Жуань-жуаньского каганата и его неудержимая экспансия на запад в начале V в. оказали решающее влияние на неустойчивый силовой баланс кочевого мира Евразийских степей. Западная группировка огуров покинула казахско-джунгарские просторы и перешла Волгу; по представлению китайских историографов, несколько десятков племен теле ушли на запад от Западного моря.

Эти события случились в середине V в. Там, в волго-донских степях, в степных просторах Причерноморья, агонизировали остатки великой империи Аттилы. Новые пришельцы, огурские племена, оказались в политическом вакууме. Это очень быстро почувствовали за чертой старого римского лимеса, в пограничных фемах Византии. В 463 г. послы огуров, сарагуров и оногуров появились в Константинополе. А три года спустя, одержав победу над племенами гуннов-ака-

циров и утвердившись в Приазовье, они, исполняя условия договора с Константинополем, совершили набег на принадлежавшее персам Закавказье.

В дальнейшем все три племени — огуры, сарагуры (*сар огур*, «белые огуры»), оногуры (*он огур*, «десять [племен] огуров») редко действовали совместно, вступая в разные политические коалиции. Именно в этот период из нескольких огузских группировок, при решающей роли оногурских племен, где-то в Приазовье или на Западном Кавказе возник племенной союз болгар. Само их название (букв.: 'мятежники', 'отколовшиеся') указывает, что сложение этого нового союза явилось следствием распада или разделения более раннего объединения огузских племен. В течение нескольких десятков лет болгары были грозой окружающих стран. Если в битве под Сирмиумом в 480 г. болгары спасли Византию от грозного нашествия остготов, то в последующие времена они сами представляли немалую опасность для империи. В 493, 499, 502 гг. болгары вновь и вновь опустошали Иллирию, Мёзию и Фракию. В 514 г. они поддержали мятежного византийского военачальника Виталиана, двинувшегося на Константинополь с берегов Дона.

Во второй половине VI в. болгары подпадают под владычество аваров, ставших новыми завоевателями степей Юго-Восточной Европы. Однако ситуация в Причерноморье начала меняться уже в конце VI в., после появления тюрков, нанесших аварам ряд сокрушительных поражений. Авары были резко ослаблены, и только междоусобная война в Тюркском каганате и дипломатическая игра Византии на тюрко-аварской вражде позволили аварам удержать власть в Предкавказье. Вскоре наметившийся военный союз авар с Ираном, направленный против Византии, заставил Константинополь оказать решительную поддержку огуру-болгарским племенам Прикубанья, враждебным аварам. Для этого императору Ираклию представился очень удобный случай. В Константинополе провел свои юношеские годы племянник Органы, вождя болгар, Кубрат, принявший там в 619 г. святое крещение. Он с детства был дружен с Ираклием. Ираклий в течение многих лет проводил политику союза с теми степными властителями, которые были готовы к войне с Ираном и его союзниками. Еще в 627—628 гг., под стенами Тбилиси, осажденного тюрко-хазарским войском, он возложил корону на голову правителя западных тюрков Тон-ябгу-кагана и пообещал ему в жены свою дочь, принцессу Евдокию, за продолжение войны с Ираном. Ободрил он своей поддержкой и Кубрата.

Под предводительством Кубрата аварское могущество в Причерноморье было сокрушено в 635 г. болгарами. Возникло новое государство, Великая Болгария, со столицей в Фанагории, первое Болгар-

ское государство, просуществовавшее, однако, только до кончины своего основателя (642 г.)¹. Пять сыновей Кубрата поделили между собой болгарские племена и болгарские земли в Предкавказье и Приазовье. Однако, разделившись, они оказались не в силах сдерживать натиск хазар. Большая часть болгар, давно перешедшая к оседлому и полuosедлому образу жизни, подчинилась хазарам и составила самую значительную часть населения Хазарского каганата. Те, кто сохранял традиции кочевого быта, ушли на запад и на север. Наиболее известно племя Аспаруха, создавшего Болгарское царство на Дунае (679 г.), вскоре признанное Византией (681 г.).

Еще одно государство болгар возникло в Среднем Поволжье и Прикамье. Нет никаких сведений о времени и обстоятельствах его возникновения. Предположения на этот счет колеблются в пределах середины VII в. по середину VIII в. (или даже начало IX в.). Предпочтительнее, впрочем, разделять дату возможного переселения болгар в Поволжье (скорее всего, вторая половина VII в.) и дату возникновения там нового государства, находившегося в вассальной зависимости от хазар. На последнее, в частности, указывает титул государя болгар, зафиксированный мусульманскими источниками, — *ыьлтывар*, т. е. *эльтебер*, древнетюркский титул зависимого от хана главы племени или племенного союза. Этот титул государь болгар носил еще в начале X в.

Источники довольно единодушны в описании племенного состава болгарского государства. Кроме собственно болгар упоминаются еще два племени — *сувар* и *эсгель*, равноправные с болгарскими, хотя их князья и были вассалами эльтебера. В обоих этих этнонимах без труда прослеживаются уже знакомые *сабиры* (*савиры*) греческих источников и известное по древнетюркским и китайским источникам огузское (ретроsp. огурское) племя *изгиль/эзкель*. Наряду с болгарскими племенами в состав Болгарского царства входили *финно-угры*, прежде всего племена *югра* и *вепсов* (*юра* и *вису* мусульманских источников).

Именно мусульманские источники, наряду с древнерусскими летописями, сохранили наиболее подробные сведения о государстве болгар в Поволжье. В частности, подчеркнута отмечен такой важнейший в истории болгар фактор, как посредствующее положение между славянами и хазарами. Контроль на верхней части волжского торгового пути в страны Средней и Передней Азии и главная роль в торговле мехами предопределили относительно быстрое хозяйственное развитие Болгарского царства. Политические и экономические инте-

¹ О дате смерти Кубрата см.: [Оболенский, 72]. Однако по другому предположению, Курбат царствовал до 665 г. [Pritsak, 1995, p. 36, 37], а центр его державы находился в Южном Приднепровье [Rona-Tas, 2000, p. 1—22].

ресы государства подтолкнули одного из болгарских государей, Алмуша (по реконструкции имени О. И. Смирновой — Эль Алмыша), сына Шилки, к принятию ислама. С этой целью было инициировано прибытие в ставку болгарского царя посольства багдадского халифа (922 г.), секретарем и историографом которого был Ахмед ибн Фадлан.

Лишь монгольское завоевание насильственно прервало существование этого процветающего государства в Поволжье, хозяйственные и политические амбиции которого были унаследованы не столько Золотой Ордой, сколько позднейшим Казанским ханством, но в совершенно иной геополитической обстановке [Хузин].

Еще более неясна, чем в случае с болгарами, ранняя история хазар, создателей одного из самых могущественных государств на западе евразийских степей. Хазарская традиция в сохранившемся донныне виде почти не содержит воспоминаний о далеком прошлом. Во всяком случае, в письме царя хазарского Иосифа, кроме генеалогического древа потомков Тогармы, замечается, что предки хазар были малочисленны и «они вели войну за войной с многочисленными народами, которые были могущественнее и сильнее их» [Коковцев, с. 92].

Если не принимать во внимание анахроническое упоминание хазар у Мовсеса Дасхуранци, первая, достоверная фиксация этого этнонима, относящаяся к середине VI в., содержится у Псевдо-Захария Ритора в списке тринадцати народов «живущих в шатрах» [Пигулевская, с. 163; Czegledy, с. 239—246]. Список охватывает перечень народов, обитавших в степях, на Северном Кавказе и в Средней Азии, что не позволяет определить места обитания хазар, упомянутых там на седьмом месте. А. П. Новосельцев относит первые появления военной активности хазар к 90-м гг. VI в., но, по мнению М. И. Артамонова, самостоятельно хазары проявили себя лишь в середине VII в. [Новосельцев, с. 86, Артамонов, с. 171].

Все это, однако, сведения и соображения достаточно общего характера. Едва ли не единственными конкретными упоминаниями о начале хазарской истории в византийской и ближневосточной историографии остаются два взаимосвязанных сообщения в «Хронографии» Феофана и «Бревиарии» Никифора (начало IX в.). Вот сообщение Феофана: «...После того, как они (болгары) разделились таким образом на пять частей и стали малочисленны, из глубин Берзилии, первой Сарматии, вышел великий народ хазар и стал господствовать на всей земле по ту сторону вплоть до Понтийского моря» [Чичуров, с. 61]. Здесь, по крайней мере, определены исходные даты — вскоре после смерти Кубрата и исходная территория хазарской экспансии.

Местоположение Берзилии (Берзилии) не раз обсуждалось в специальной литературе. Наиболее полные сводки на этот предмет составлены П. Голденом [Golden, 1980, с. 143—147] и А. В. Гадло [Гад-

ло, с. 65—68]. Берсилию обычно локализуют на Северном Кавказе, но А. В. Гадло, опираясь главным образом на «Географию» Анания Ширакаци (конец VII в.), убедительно показал, что в начале VII в., когда барсилы были впервые упомянуты Феофилактом Симокаттой, их коренной территорией был так называемый «Чёрный остров», т. е. земли в междуречье Кумы и Волги, лучшие пастбища Северного Прикаспия. В то время хазары были частью барсильев, но к концу VII в. ситуация поменялась — хазары полностью подчинили барсильев, а старшей женой хазарского кагана была женщина «из народа барсильев» [Гадло, с. 62]. Представление об изначальной генеалогической близости барсильев и хазар сохранилось в мусульманской этногеографической традиции [Там же].

Еще более скудные сведения о хазарах содержит иная группа источников — китайская историография, а также один из текстов сериндийского круга. В перечнях уйгурских племен VII—VIII вв. сочинения, относящиеся к танскому своду источников, упоминают племенное название *коса*, надежно реконструируемое синологами как *касар/казар* [Hamilton, с. 3]. В среднеперсидском тексте из Турфана (Махрнамаг, 825 г.), упомянут один из вождей племени — Хазартегин [Golden, 2000, с. 292].

Выше была изложена самая общая схема событий V—VI вв., подтвердить которую какими-либо сведениями и конкретными указаниями источников еще недавно не представлялось возможным. Но теперь обозначился первый информационный просвет.

В 1969 и в 1976 гг. возглавляемый мною отряд Советско-монгольской историко-культурной экспедиции обнаружил в Северной Монголии в Хангайской горной стране две стелы с древнетюркскими руническими надписями. По названиям рек, в долинах которых были сооружены стелы, памятники были названы Терхинским и Тэсинским. Оба памятника были разбиты и сильно пострадали от эрозии. Тем не менее, сохранившиеся части текста донесли до нас крохи бесценной информации не только актуального, но и историографического характера [Klyashtorny, 1982, с. 335—366; Klyashtorny, 1985, с. 137—156]. Обе стелы были воздвигнуты по повелению первых государей возникшего в 744 г. Уйгурского каганата — Элетмиш Бильге-кагана и его сына Бёгю-кагана — 753 г. (Терхинская) и в 762 г. (Тэсинская).

Историографические разделы обеих надписей, насколько можно судить по сохранившимся фрагментам, достаточно близки по содержанию. Главная идея историографических разделов этих текстов, казалось бы, парадоксальна — уйгурские каганы VIII в., чьи владения находились в Монголии и Туве, считали себя наследниками и преемниками древних вождей, которые возглавляли огуро-огузские племена евразийских степей за сотни лет до них. И оба уйгурских государя,

именовавшие себя каганами «десяти уйгурских (племен)» и «девяти огузских (племен)», сочли нужным напомнить об этом своим соплеменникам и своим подданным в высеченных на камне надписях-декларациях. Они возвеличили тех, кто возглавлял племена и создавал Эль-кочевую империю, и осудили других, разрушавших Эль в междуусобицах и межплеменных войнах. Память уйгурских историографов охватила несколько эпох созидания и разрушений Элей, охватила более чем полутысячелетний период.

В начальных строках история сливалась с мифом о сотворении и легендами о каганах-основоположниках: «Когда в давние времена были сотворены [Голубое Небо вверху и Бурая Земля внизу, между ними обоими возникли сыны человеческие. Над сынами человеческими] уйгурские каганы на царство сели. [Они были] мудрые и великие каганы. [Триста лет] они на царстве сидели, триста лет тем своим Элем правили. Потом их народ погиб» (Тэс., стк. 7—8).

Легенда о начале сохранилась только в Тэсинской надписи и реконструируется с помощью совершенно идентичных тюркских повествований, высеченных на камне на тридцать лет раньше и воздвигнутых невдалеке, в долине р. Орхон. Но место тюркских каганов заняли уйгурские, а первый тюркский каган Бумын был выставлен как общий легитимный государь в список древних уйгурских каганов: «Йолыг-каган... Бумын-каган [эти] три кагана на царстве сидели, двести лет на царстве сидели. Их народ, придя в неистовство, погиб... из-за двух именитых истощился и погиб. Кадыр Касар и Беди Берсил, прославленные огузы... [тогда погибли]» (стк. 16—18). Так повествует о времени после Бумына Терхинская надпись. А вот сохранившиеся строки с повествованием о тех же событиях Тэсинской надписи (стк. 9—10): «...Из-за вождей бузуков [их народ], придя в неистовство, истощился и погиб. Из-за ничтожного Кюля, из-за двух именитых истощился и погиб... Беди Берсил и Кадыр Касар тогда погибли. Тот мой народ затевал многие [междуусобные] распри и ссоры».

Время и пространство междуусобных войн, в которых погибли «прославленные огузы», определяется упоминанием Бумына — это время и пространство Первого Тюркского каганата после смерти Бумына, т. е. вся евразийская степь до Боспора Киммерийского во второй половине VI в. Междуусобная война, длившаяся в Эле двадцать лет и приведшая к распаду царства, началась в 582 г. и завершилась в 603 г. Имена трех каганов, царствовавших после Бумына, либо не сохранились, либо скорее всего и не были упомянуты, ибо цель повествования — обозначить смену эпох и назвать виновников бед и несчастий, избавление от которых принесла следующая в повествовании собственно уйгурская династия, династия Яглакаров — ее Элетмиш Бильге-каган обозначает словами «мои предки» (Терхинская надпись, стк. 18).

Ключевое слово в цитированном отрывке Тэсинской надписи — термин *бузук*. Сохраненное позднейшей огузской традицией (легендами об Огуз-хане, предке-эпониме огузских племен) и зафиксированное мусульманской историографией (Захир ад-дин Нишапури, Ибн ал-Асир, Рашид ад-дин) устойчивое деление огузов на два крыла, два объединения племен — *бузуков* и *учуков*, как теперь ясно, восходит к глубокой древности. Бузуки, правое крыло, соотносимое с восточной ориентацией, в квазиимперских и имперских структурах огузов имели преимущества старшинства. Только из их среды выдвигался великий хан (каган), номинальный глава всех огузов, а иерархическое положение аристократии бузуков, их племенных вождей, было более высоким, чем статус учуков.

Ко времени, о котором говорится в надписях, времени Бумын-кагана и его первых наследников, в двусоставной тюрко-огузской структуре Тюркского эля место бузуков занимали десять тюркских племен, одно из которых, Ашина, было каганским племенем. После распада каганата на восточную и западную части, деление на *бузуков* и *учуков* в Восточнотюркском, а позднее и Уйгурском каганатах сменилось делением на *тёлисов* и *тардушей*, восточное и западное крылья, которые вместе с каганским центром-ставкой (*орду*) формировали военно-административную структуру Эля. В Западнотюркском каганате, в «народе десяти стрел» (как они сами себя называли), сложилась или проявилась иная древняя структура — деление на *дулу* и *нушиби*, восточное и западное объединения племен, соперничество между которыми часто приводило к междуусобным войнам.

В повествовании автора Тэсинской надписи вся вина за раскол и распрю возлагается на бузуков — вождей собственно тюркских племен, что совпадает с реальной событийной канвой, известной по другим источникам. Более всего в этой распре пострадали западные огузы-огуры, и авторы обеих надписей сочли нужным отметить гибель двоих, назвав их имена и их племена — вождя берсилы Беди и вождя хазар (касар) Кадыра. Оба упоминания позволяют оценить прежде всего место обоих племенных союзов в исторической памяти огузов, в той политической картине ушедшего мира, с которым было связано и имперское величие и крушение тюрко-огузского дуумвирата в евразийской степи.

Другое, не менее интересное наблюдение — и хазары, и берсилы косвенно причислены к учукам, т. е. к западному крылу огузо-огузских племен. Обстоятельство тем более важное, что в позднейшей огузской традиции конца I—первой половины II тысячелетий берсилы и хазары уже не фигурируют. Так же как сиры (сеяньто китайских хроник) они выпали из огузских объединений и создали собственные имперские структуры примерно в одно и то же время (сиры — в 630—647 гг.).

И, наконец, еще одна особенность цитированных фрагментов — в обоих случаях вождь берсилов и вождь хазар упомянуты вместе. В представлении уйгурского историографа взаимосвязь между этими племенами была столь же очевидна, насколько очевидна она и для западной, византийской и мусульманской историографических традиций.

Подводя краткий итог наших наблюдений и нашего анализа древнейгулурских рунических текстов, следует, очевидно, констатировать, что ранняя история хазар и *берсилов/барсилов* не только взаимосвязана, но и генетически привязана к огуро-огузским племенам и на раннем этапе политически обусловлена становлением и распадом тюрко-огузского дуумвирата в Центральной Азии.

ПРАСЛАВЯНЕ В ПОВОЛЖЬЕ

Три этнических блока в течение длительного времени определяют культурную палитру Поволжья, три блока, создавших здесь многообразное единство экологически обусловленных хозяйственно-культурных типов. Их симбиотическая связь и, в то же время, разнообразие цивилизационных устремлений в немалой степени были predeterminedены направленностью великого водного пути, теми возможностями, которые открывались и диктовались связующей ролью водной трассы. Эти три главных этнических массива — финно-угорский, тюркский и славянский. Иногда их слияние в бассейне Волги трактуется как относительно недавнее явление, результат исторических событий последнего полутысячелетия. Иногда, напротив, неправомерно преувеличиваются временные и территориальные параметры распространения той или иной этнической группы. Теперь возможно изложить здесь новые выводы о начальном этапе формирования нынешнего поволжского триединства.

Шел 119 г. х. или 737 г. от Р. Х. Наместник Кавказа и Джазиры, омейяд Марван ибн Мухаммад, окончательно завершивший подчинение Халифату Закавказья, готовился к большой войне с хазарами. В покоренной Грузии наместника прозвали Мурван Кру «Марван Глухой», так как, по мнению грузин, он не считался с голосом разума и отличался невероятной дерзостью своих замыслов и действий. Армянские нахарары во главе с Ашотом Багратуни присоединились к стодвадцатитысячной сирийской армии Марвана. Вслед за армянами в армию Марвана влились отряды «царей гор», т. е. ополчение северокавказских племен. Двумя отрядами армия формировала горные проходы, вышла на плоскость и штурмом взяла крупнейший хазарский город Самандар.

Дальнейшие перипетии похода относительно подробно изложены арабским историком начала X в. Ибн Асамом ал-Куфи и менее подробно у ат-Табари, ал-Балазури и ал-Йакуби. Разделы об арабско-хазарской войне 119 г. из сочинения ал-Куфи были впервые опубликованы А. З. В. Тоганом в 1939 г. и А. Н. Куратом в 1949 г. [Тоган, с. 296—298; Kurat, с. 258]. Согласно ал-Куфи, главной целью Марвана было принуждение хакана к принятию ислама, т. е. окончательное решение «хазарской проблемы» в контексте борьбы трех держав — Византии, Халифата и Хазарии — за Кавказ и Малую Азию. Поэтому, не удовлетворившись богатой добычей в Самандре, Марван повел войско в дальний поход к ставке хакана, городу ал-Байда, т. е. «Белому», и осадил его. По мнению Тогана, ал-Байда тождествен позднейшей столице хазар, Итилю, но скорее речь идет о другой хазарской ставке, Сарыгшине, как это уже предположили И. Маркварт и В. Ф. Минорский [Minorsky, с. 452—454]. Дело в том, что в языках болгарской группы слово *сарыгсарыг* означало белый цвет и арабы просто калькировали название хаканской ставки. Согласно позднейшим источникам, Сарыгшин был расположен в степи.

Вот что пишет ал-Куфи о дальнейших событиях: «Хакан бежал от Марвана и достиг гор. И упорно продвигался Марван с мусульманским [войском] по стране хазар, пока не прошел с ним [по этой стране] и не оставил [ее] позади. Потом он напал на славян (*ас-сакалиба*) и на соседних с ними неверных разного рода и захватил в плен из них двадцать тысяч семей. Затем подошел он к реке славян (*нахр ас-сакалиба*) и стал лагерем». Марван приказал одному из своих военачальников сразиться с выступившим против арабов хазарским войском, возглавляемым полководцем Хазар-тарханом. Этот военачальник, ал-Каусар б. ал-Асвад ал-Анбари, во главе сорока тысяч всадников ночью переправился через реку, внезапно напал на хазар и разгромил их. После поражения хакан отправил в Марвану послов с просьбой о мире, причем посол в ходе переговоров упомянул о хазарах и славянах, убитых и взятых в плен арабами.

После того как арабское войско подошло к ал-Байда, хакан бежал в сторону гор. А. З. В. Тоган считает, что Ибн Асам в данном случае имел в виду Общий Сырт, т. к. путь на юг, к Кавказу, был отрезан арабами. Других гор, по его мнению, поблизости не имеется. Такое толкование текста понадобилось А. З. В. Тогану для доказательства его гипотезы, согласно которой *сакалиба* — не славяне, а «тюркско-финская помесь» [Тоган, с. 296]. Какие именно горы, по мнению арабских и персидских географов, окружали хазарские города, можно ясно понять из сообщения анонимного автора «Худуд ал-Алам» (X в.) и карты ал-Идриси (XII в.). По «Худуд ал-Алам», горы опоясывают страну хазар от земель хазарских печенегов, кочевавших в Приазовье.

В разделе о хазарских печенегах эти горы названы «горами хазар». На современной карте им соответствуют Ергени. По карте ал-Идриси, «земля хазар» с востока ограничена Итилем (Волгой), а с юга, запада и северо-запада — Хазарским (Каспийским) морем и полукольцом гор (Кавказ, Ставропольская возвышенность, Ергени, Приволжская возвышенность) [Minorsky, с. 160; Miller, I, taf. 5].

Следующий этап, отмечающий в рассказе Ибн А'сама продвижение арабов, — «река славян», упоминаемая также Ибн Хордадбехом. Т. Левицкий убедительно показал, что «рекой славян» Ибн Хордадбех назвал Итиль (Волгу), которая, как пишет Ибн Хордадбех в другом месте своего сочинения, вытекает «из земель славян». А. З. В. Тоган также приходит к выводу, что «река славян», упомянутая Ибн Асамом, может быть только Волгой [Togan, с. 296; Lewicki, с. 76—77; 133—134]. Следовательно, преследуя кагана, бежавшего в сторону гор, арабское войско в то же самое время подошло к Волге.

Местом в «земле хазар», где горы сближаются с рекой, является район севернее излучины Волги. Там, по карте ал-Идриси, был расположен хазарский город Хамлидж, в котором, согласно сообщениям Ибн Хордадбега и ал-Масуди, находилось большое хазарское войско, взимавшее пошлину с купцов и закрывавшее путь по Волге для врагов. В этом месте отряд ал-Каусара переправился через реку и на восточном берегу разгромил хазарское войско. Сам Марван через реку не переправлялся. Но, двигаясь на север от ал-Байда в сторону гор, Марван покинул пределы Хазарии, напал на поселения *ас-сакалиба*, т. е. славян и их иноплеменных соседей, угнал в полон 20 тыс. семей. Речь идет не о сплошном славянском населении в районе боевых действий, не о 20 тыс. славянских семей (так у ал-Балазури), а о славянских поселениях, вкрапленных в разноплеменной массив севернее пределов Хазарии.

Эти выводы опубликованы еще в 1964 г. [Кляшторный, 1964а, с. 16—18]. Однако они были поставлены под сомнение только на одном основании — археологически ранние славяне ни в Среднем, ни тем более в Нижнем Поволжье не были тогда выявлены, а точнее, не были опознаны. Прошло два десятилетия и археологическая ситуация здесь существенно изменилась. Получила вполне определенную этническую атрибуцию открытая еще в 1953—1954 гг. казанскими археологами Н. Ф. Калининым и А. Х. Халиковым так называемая *именьковская культура*. После раскопок В. Ф. Генингом в 1956—1957 гг. именьковского могильника у с. Рождествено выявился характерный для этой культуры обряд трупосожжения, и возникла длительная дискуссия об этнической принадлежности именьковцев. Значительный вклад в дальнейшие исследования внес П. Н. Старостин, опубликовавший в 1967 г. свод памятников этой культуры [Старостин]. После

раскопок больших именьковских некрополей в 70—80-х годах и нескольких поселений в Ульяновской и Куйбышевской областях был, наконец, накоплен достаточный материал для уверенных выводов.

Именьковская культура IV—VIII вв. создана племенами, основу хозяйства которых составляло пашенное земледелие, до того в Среднем Поволжье не практиковавшееся, земледелие с очень широким набором зерновых культур. Оказалось, как это впервые показала самарский археолог Г. И. Матвеева, что именьковская культура генетически связана с праславянской зарубинецкой культурой Верхнего и Среднего Приднестровья (конец I тыс. до н. э.—начало I тыс. до н. э.) и ее вариантом — пшеворской культурой. По солидно аргументированному выводу Г. И. Матвеевой, поддержанному и развитому крупнейшим археологом славяноведом В. В. Седовым, племена именьковской культуры создали в Среднем Поволжье мощный пласт славянского земледельческого населения. Сейчас здесь известно более 600 памятников именьковской культуры, из которых исследованы в разной степени лишь несколько десятков. На рубеже VII—VIII вв. часть именьковцев ушла на запад, в Среднее Приднестровье. Между тем и Г. И. Матвеева, и В. В. Седов не сомневаются, что более широкие раскопки именьковских поселений позволят выявить материалы VIII—IX вв. [Смирнова, Скарбовенко; Седов].

Немаловажное значение для атрибуции языковой принадлежности «именьковцев» имеют выводы лингвистов. Ими установлено, что в финно-угорских языках Поволжья и Приуралья (удмуртском, коми, марийском, мордовском) ряд терминов, связанных с земледелием («рожь», «участок земли», «пахотная земля»), были заимствованы из языка балто-славянского круга не позднее середины I тыс. н. э. Но именно с именьковской культурой связано в ту эпоху распространение в Среднем Поволжье прогрессивных форм земледелия и новых зерновых культур, в частности ржи. Таким образом, есть основания полагать, что создатели именьковской культуры говорили на языке (языках) праславянского круга [Napolskich].

Теперь вопрос о несоответствии сведений письменных источников археологическим материалом снят. Более того, сняты и те сомнения, которые высказывались относительно этнической семантики термина *ас-сакалиба* в сообщениях арабских авторов о походе Марвана. В их повествованиях речь идет о масштабном историческом событии — первом и единственном вторжении войск Халифата не только в глубинные волжские земли Хазарии, но и на территории к северу от владений хакана, в Среднее Поволжье, где они нападали на поселения славян и других племен, захватывали в полон и переселяли массу полонян в пределы Халифата и, возможно, побуждали к бегству и уходу с насиженных мест немалое число людей.

Вместе с тем, речь идет также о важнейшем историографическом факте — первой письменной фиксации славянского населения в Среднем и Нижнем Поволжье, первой фиксации сосуществования на этой территории этнически смешанного населения, включающего в себя и значительный славянский массив.

В начале X в. Ибн Фадлан сообщает читателям его рисаля, как титулуется себя владетель Болгарии, носивший хорошее древнетюркское имя Эльалмыш. В наиболее полной форме титула, зафиксированной Ибн Фадланом и несомненно восходящей к болгарской традиции, он именуется «*ылтывар* (т. е. эльтебер), малик Болгар и амир Славии». Имя и титул царя Болгарии еще в 1981 г. восстановлены О. И. Смирновой, замечательной исследовательницей, текстологом и нумизматом, но ее статья на сей предмет еще не оценена должным образом [Смирнова, с. 249—255].

В начале X в. Эльалмыш именуется себя *ылтываром* (эльтебером), т. е. вождем, главой племенного союза, а также царем страны болгар и эмиром страны славян. Ясно, что в X в. титул «амир Славии» был уже таким же анахронизмом, таким же историческим воспоминанием, как упоминание царств Казанского, Астраханского и Сибирского в титуле российских императоров, но воспоминанием, имеющим свою политическую цену легитимности власти.

В XII в. багдадский проповедник и историограф Ибн ал-Джаузи, очень плодovitый сочинитель и собиратель сведений о прошлых событиях в Багдаде, рассказывает, что в июле 1042 г. в Багдад, по пути в Мекку, прибыл некий вельможа из Болгара в сопровождении 50 спутников. Халифский двор оказал ему внимание, его кормили продуктами из дворцовой кухни. В числе сопровождающих был хорезмиец Йала б. Исхак, которого опросили в диване в присутствии кади, т. е. как бы под присягой. В частности, его спросили о болгарях — что они за народ? И хорезмиец ответил: «Это народ по происхождению между тюрками и славянами (рожденный между тюрками и славянами) и страна их на окраине тюркских стран».

И это было последнее смутное воспоминание о древнейшем тюрко-славянском единении на берегах Волги.

ГЛАВА V ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО, КУЛЬТУРА И ВЕРОВАНИЯ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ НАРОДОВ

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИДЕАЛЫ И СОЦИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО В ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

Атрибуция социальной природы древнетюркских государств, обладавших одинаковыми институтами общественного устройства, до сих пор весьма разноречива. Их определяют и как военную демократию, и как родоплеменное государство, и как военно-рабовладельческие империи, и как феодальные или патриархально-феодальные государственные образования. Общеизвестная скудость источников побуждает многих исследователей руководствоваться скорее генерализованными представлениями, чем результатами анализа немногочисленных и не всегда ясных свидетельств.

Особое значение для выявления социальных связей и зависимостей имеют памятники, созданные в древнетюркской среде. Отсчет древнетюркских памятников начинается со стелы, получившей название Бугутской. Полтысячелетия воздвигались на поминальных курганах высшей знати тюрков, уйгуров и кыргызов каменные стелы с руническими надписями, где апология усопших вождей соседствовала с царским хрониконом и актуальной декларацией, а дидактика окрашивалась политическими эмоциями. Заупокойные эпитафии ста-

Бугутский памятник 582 г.
Архангайский аймак, Монголия

новились средством монументальной пропаганды. Они отражали, формулировали и формировали видение и картину мира, отстаивали и навязывали жизненные и нравственные идеалы, устремления, цели.

Через несколько столетий, в столице Караханидской державы, уже включившейся в систему развитых цивилизаций ислама, но еще сохранившей архаичные институты древнетюркского времени, была написана дидактическая поэма «Кутадгу билиг» («Благодатное знание»). Ее автор, государственный деятель и политический теоретик, хасхаджиб Юсуф Баласагунский, обрисовал идеальные формы общественного и политического устройства, во многом коррелирующие с

социальными реалиями, запечатленными руническими текстами. Общество, конструируемое Юсуфом, строго иерархично. Личность в нем, полностью лишенная индивидуальности, выступает только как воплощение сословных черт, ее поведение запрограммировано и определено исключительно сословными функциями. Все, что делает или может сделать человек в мире, воспетом Юсуфом, сводится к двум категориям — должного и недолжного. Конечно же должное и недолжное совершенно различны для людей из разных сословий и покушение на основные разграничения почитаются абсолютным злом, нарушением божественной воли и заветов предков. Вряд ли какой-либо из памятников тюркского средневековья столь же полно отражает образ мышления караханидской аристократии. И ни один из памятников не перекликается столь же живо с древнейшими тюркскими текстами — камнеписными памятниками Центральной Азии. И здесь и там на первом плане политическая доктрина, отражающая взгляд на мир тюркской военно-племенной знати, для которой абсолютным императивом было стремление к подчинению иноплеменников и господству над ними.

Война ради добычи, усердие в ее поиске и щедрость при распределении добытого среди войска представляются Юсуфу едва ли не главными добродетелями правителей:

О беки! Нам любо усердые элика.
 Да будет и Ваше раденье велико,
 Усердием беков усилится власть,
 От лености их ей назначено пасть!
 Всмсли, что сказал муж о рати своей:
 «Добудешь победу — наград не жалеи!
 Корми, награждай, не жалея отличий,
 Иссякнут дары — снова мчись за добычей»¹.

Те же мотивы звучат в декларациях тюркских каганов и полководцев VIII в., запечатленных орхонскими стелами в Монголии и таласскими эпитафиями на Тянь-Шане. «Я постоянно ходил походами на ближних и на дальних!» — повествует эпитафия Бег-чора, одного из таласских князей 30-х годов VIII в. Структура древнетюркской общины веками складывалась и приспособлялась к целям и задачам военного быта. Тюркский племенной союз (*тюрк кара камаг бодун*), состоявший из племен (*бод*) и родов (*огуш*), был политически организован в эль — имперскую структуру. Родоплеменная организация (*бодун*) и военно-административная организация (*эль*) взаимно дополняли друг друга, определяя плотность и прочность социальных связей. Хан «держал эль и возглавлял бодун» (Е 45, стк. 4). Он осу-

¹ Перевод С. Н. Иванова.

ществлял функции главы «гражданского» управления внутри своего собственного племенного союза (народа) по праву старшего в генеалогической иерархии родов и племен и выступал в роли вождя, верховного судьи и верховного жреца. Вместе с тем, возглавляя политическую организацию, созданную его племенным союзом, он выполнял функции военного руководителя, подчинявшего другие племена и вынуждавшего их к уплате дани и податей. Поддержание на должном уровне боевой мощи армии, ориентация походов и набегов, удержание в подчинении и послушании покоренных, использование их экономических и военных ресурсов — таковы функции древнетюркского эля, который возглавлялся каганом, в свою очередь опиравшимся на племенную аристократию, из которой комплектовалось «служивое сословие», т. е. военно-административное руководство и личное окружение кагана.

Обращаясь с надписями-манифестами к своим «слушателям» («Слушайте хорошенько мою речь!» — требует Бильге-каган, КТм 2), тюркские каганы и их приближенные выделяют среди «внимающих» им два сословия — знать и народ. В Бугутской надписи эти два сословия именуются: *куркапыны*, т. е. «обладающие саном», и стоящие ниже их «сородичи и народ» (стк. 12). В надписях второго Тюркского каганата равноценный стереотип обращения — беги и народ (*тюрк беглер бодун*) «тюркские беги и народ»). Беги и «простой народ» фигурируют в памятниках енисейских кыргызов. Наиболее резкое противопоставление знати и народа содержится в терминологии обоих древнейгульских памятников середины VIII в.: *атлыг*, «именитые», и *игиль кара бодун*, «простой народ».

В памятниках отчетливо проявляется двухступенчатый характер социальных оппозиций внутри регистрируемой текстами структуры «каган—беги—народ».

Фиксируемые в надписи ситуации выявляют различия поведения и интересов бегов и народа. Так, в Онгунской надписи рассказывается о битве, в ходе которой «простой народ» сражается и гибнет, а беги спасаются, покинув поле боя (Оа 1). Уйгурский каган Элетмиш Бильге, противопоставляя интересы изменивших ему «именитых» интересам «своего простого народа», призывает отколовшиеся племена вновь подчиниться (МШУ 19). В иной ситуации тюркский Бильге-каган требует от народа, чтобы тот «не отделялся» от своих бегов (БК, Хб 13). Здесь проявляется та же тенденция, что и в «аристократическом фольклоре», сохранным Махмудом Кашгарским (МК 1, 466):

Опора земли — гора,
Опора народа — бег!

Самая суть отношений знати к народу ясно выражена в эпитафии — завете одного из кыргызских бегов: «Простой народ, будь усерден (трудолюбив)! Не нарушай установлений эля!» (Е 10, стк. 7).

Другая оппозиция, напротив, объединяет бегов и народ, противопоставляя племенные интересы единству эля, олицетворяемому каганом. Попрекая бегов и народ за былые измены, за стремление откочевывать и выйти из-под руки кагана, Бильге обвиняет их в прежних несчастьях Тюркского эля, требует раскаяния в прошлых поступках и постоянной верности кагану (КТм 10—11, КТб 6—7). В некоторых вариантах политических сентенций упомянут только «тюркский народ», «провинившийся» перед каганом (Т 1—4), но контекст явно указывает, что беги не отделяются здесь от народа (КТб 6—7, 22—24). Призыв к покорности кагану бегов и народа, призыв к совместному противостоянию враждебному окружению выражен орхонскими надписями предельно эмоционально.

Обе позиции, столь отчетливые в древнетюркских памятниках, оставаясь социальными оппозициями, не стали зрелыми противоречиями. Фиксируя позиции традиционных сословий, составлявших общину, они скорее отражают борьбу этих сословий за свою долю материальных благ, получаемых общиной, нежели попытки изменения структуры. Показателен в этом отношении рассказ осведомленного иноземного историографа о возвышении и гибели тюркешского кагана Сулу (Сулука):

«В начале (своего правления. — С. К.) Сулу хорошо управлял людьми: был внимателен и бережлив. После каждого сражения добычу свою он отдавал подчиненным, почему роды были довольны и служили ему всеми силами... В последние годы он стал скардным, почему награбленные добычи начал мало-помалу удерживать без раздела. Тогда и подчиненные начали отдаляться от него... Мохэ Дагань и Думочжы неожиданно в ночи напали на Сулу и убили его».

Высшим сословием древнетюркской общины были беги, аристократия по крови, по праву происхождения из рода, особый статус которого в руководстве делами племени считался неоспоримым, освященным традицией. Элитой аристократии по крови был в Тюркском эле каганский род Ашина, в государстве уйгуров — род Яглакар. Вместе с несколькими другими знатными родами, иерархия которых была общеизвестна и общепризнанна, они составляли верхушку своих общин, особое, наиболее привилегированное сословие.

Положение знатных родов зиждилось как на праве руководства племенем и общиной, так и на обязанности заботиться о благосостоянии соплеменников. Каждую племенную группу — тюркскую, уйгурскую, кыргызскую — связывали идеология генеалогической общно-

сти, реальной материальной базой которой было право собственности на коренные и завоеванные земли, право на долю в доходах от военной добычи, эксплуатации побежденных и покоренных племен. Во всех надписях тюркских каганов и их сподвижников настойчиво повторяется, что только каган с помощью своих родичей и свойственников способен «вскормить народ». В уцелевших фрагментах текста Бугутской надписи эта формула повторена трижды: про Муган-кагана (правил в 553—572 гг.) сказано, что он «хорошо вскормил народ» (Б 11 4). Бильге-каган постоянно напоминает «слушателям», что он «одел нагой народ», накормил «голодный народ», сделал богатым «бедный народ»; благодаря ему «тюркский народ много приобрел». «ради тюркского народа» он и его младший брат Кюль-тегин «не сидели без дела днем и не спали ночью» (КТм 9—10, КТб 26—27, БК 33, 38, БК Ха 10, БК Хб 11—12). Бильге Тоньюкук напоминает о неустанных «приобретениях» ради тюркского народа, осуществлявшихся Эльтериш-каганом и им самим, сопровождая свои слова сентенцией: «Если бы у народа, имеющего кагана, [тот] оказался бы бездельником, что за горе бы у него [народа] было!» (Т 57).

Единство, которого требуют каганы, единство внутри общины, основанное не на равенстве соплеменников, а на многоступенчатой системе подчинения, означало отказ от сословных разногласий и принятия такой политической структуры и таких правовых норм, при которых власть, а следовательно, и богатство, добываемое путем внеэкономического принуждения, войной и угрозой войны, принадлежало бы аристократам по крови, выделявшей остальной общине установленную традицией долю добычи и дани. Свое социальное и правовое проявление единство находило в применении ко всем ее членам общего наименования *эр*, «муж-воин».

«Мужем-воином» становился по праву рождения любой юноша, достигший определенного возраста и получивший *эр аты*, «мужское (геройское, воинское) имя», будь он одним из сотен рядовых воинов или принцем крови. Так, в сочетании «начальник над пятью тысячами мужами-воинами» (Терхин, 7) термином *эр* обозначен каждый воин пятитысячного отряда. Но «мужем-воином» стал, по исполнению десяти лет, и сын Эльтериш-кагана, Кюль-тегин (КТб 30, 31).

Получение «мужского имени» было связано с обрядом инициации, которому предшествовало совершение юношей охотничьего или воинского подвига. Скорее всего, с этим обрядом связаны упоминаемые в надписи из Ихе Хушоту охотничьи подвиги ее героя: «В семь лет Кули-чор убил горную козу, а в десять лет — дикого кабана» (ИХ 18). Не исключено, что в знатных семьях обряд инициации происходил несколько раньше, чем в остальных, после первых же охотничьих успехов испытуемого. О более распространенном варианте

инициации упоминает сравнительно поздний рунический текст на бумаге (X в.) «Bipг битиг» («Книга гаданий»): «Рассказывают: сын героя-воина (*алт эр оглы*) пошел в поход. На поле боя Эрклиг сделал его своим посланцем. И говорят: когда он возвращается домой, то сам он приходит знаменитым и радостным, со славой [мужа], достойного зрелости. Так знайте — это очень хорошо!» (притча X). Лишь приняв участие в бою и проявив воинскую доблесть, юноша (огул) «достигает зрелости».

Подобная же ситуация, рисующая сам обряд инициации, описана в огузском эпосе «Книга моего деда Коркута»: сыну хана Бай-Бури исполнилось пятнадцать лет, он стал джигитом, но «в тот век юноше не давали имени, пока он не отрубил головы, не пролил крови». Речь идет не об отсутствии имени вообще — мальчика звали Басам, а об отсутствии «мужского имени». Басам убивает разбойников, напавших на купеческий караван. И тогда Бай-Бури созывает на пир беков огузов: вместе с беками «пришел мой дед Коркут; дал юноше имя: ты зовешь своего сына Басамом [теперь] пусть его имя будет Байси-Бейрек, владелец серого жеребца!»

Получив «мужское имя», воин мог присоединить к нему титулы, указывающие на его знатность или место в военно-административной иерархии каганата; однако во всех случаях он оставался прежде всего «мужем-воином», т. е. полноправным членом тюркской общины.

Вместе с тем Тюркский эль, как и любое из племен, входивших в него, был детально ранжированным сообществом, где положение каждого эра определялось прежде всего степенью привилегированности его рода и племени. Строгая иерархия родов и племен была в кочевнических государствах Центральной Азии основополагающим принципом общественного и государственного устройства.

Место эра в обществе определял его титул, сан, являющийся частью его «мужского имени» и неотделимый, а часто и неотличимый от имени. Титул был зачастую наследственным по праву майората при престолонаследии и минората при наследовании хозяйства и дома. Яркий пример наследования титула и положения содержит надпись из Ихе Хушоту, где рассказана судьба сразу трех поколений Кули-чоров, наследственных вождей и «бегов народа» тардушей. Именно титул указывал место эра в системе управления и подчинения. Большинство эпитафий, найденных в Монголии и на Енисее, в первых же строках сообщают имя и титул покойного, иногда указывают его родственные связи, но чаще просто воспроизводят его родовую тамгу с добавочными (диакритическими) знаками, фиксирующими место героя надписи в счете поколений. Вот пример сравнительно полной по указаниям на положение в эле надписи (памятник с Уюк-Тарлака, Е 1).

(1) С вами, мой эль, мои жены, мои сыновья, мой народ — о, жаль мне! — я расстался в свои шестьдесят лет.

(2) Мое имя Эль-Тоган-тутук. Я был правителем моего божественного эля. Я был бегом моему шестисоставному народу.

Для положения и престижа эра немалое значение имело его богатство, благосостояние его семьи. Понятие собственности в отношении движимого имущества, включая юрты (*эб керегию*) и постройки (*барк*), но прежде всего собственности на скот проявляется в орхон-енисейских надписях со всей определенностью. Имущественная дифференциация внутри тюркских племен, как и у других кочевников Центральной Азии, была весьма значительной. Богатство становилось предметом гордости и похвалы тюркской аристократии. Особенно яркие имущественные характеристики содержат киргизские надписи. «Я был богат. У меня было десять загонов для скота. Табунов у меня было бесчисленное [множество]!» — этими словами из эпитафии определяет свой социальный вес в мире, который он покинул, Кутлуг бага-таркан, знатный киргизский бег, живший в Северной Монголии во второй половине IX в. (Е 47, стк. 5). Другой киргизский бег упоминает шесть тысяч своих коней (Е 3, стк. 5), т. е. по обычному соотношению между лошадьми и другим скотом он владел более чем двадцатью тысячами голов. В других надписях упоминаются также верблюды и разный скот «в бесчисленном количестве». Счастье, которое просит человек у божества, оно дарует ему обычным благопожеланием — «Да будет у тебя скот в твоих загонах!» (ЫБ, X VII).

Богатым (*бай, байбар, йылсыг*) противопоставлены в надписях бедняки, неимущие (*чыгай, йок чыгай*). Для автора Кошоцайдамских надписей бедный люд, «не имеющий пищи внутри, не имеющий платья снаружи» — «жалкий, ничтожный, низкий народ» (*ябыз яблак бодун*) (КТб 26). Бедность не вызывала сочувствия, более того, была презираема. Настоящий «муж-воин» оружием добывал свое богатство: «В мои пятнадцать лет я пошел [походом] на китайского хана. Благодаря своему мужеству... я добыл [себе] в [китайском] государстве золото, серебро, одnogорбых верблюдов, людей (вар.: жен)!» (Е 11, стк. 9).

Как бы перекликаясь с древними текстами, впечатляющий образ добычливого «мужа-воина» рисует Юсуф Баласагунский:

У хваткого мужа казна не скудеет,
У птиц изобилие зерна не скудеет,
Пока муж с оружием, он смел и силен,
Бояться ль ему бездобычных времен!¹

¹ Перевод С. Н. Иванова.

Яркие примеры социальной и имущественной дифференциации древнетюркского общества дают результаты археологических исследований. По сравнению с великолепными погребальными сооружениями высшей знати, на строительстве которых работали сотни людей и для украшения которых приглашали иноземных мастеров, казались невзрачными курганы простых воинов, где рядом с хозяином, в полном вооружении, лежал его боевой конь под седлом. Но в погребениях беднейших общинников не было ни дорогого оружия, ни коня.

На границе Тувы и Монголии, в высокогорной долине р. Каргы в Монгун-Тайге, где раскопано несколько из множества тюркских курганов VI—IX вв., два захоронения привлекают особое внимание. Одно из них — захоронение богатого и знатного эра из далекого пограничного племени Тюркского каганата. Он похоронен по полному обряду, с конем, в одежде из дорогих китайских шелков. Такие шелка обозначались в древнетюркском языке словом *агы*, «драгоценность, сокровище». Рядом лежало китайское металлическое зеркало с иероглифической надписью и высокохудожественным орнаментом, из тех, что чрезвычайно ценились древними кочевниками Центральной Азии и иногда упоминались в эпитафии (Е 26). Десять золотых бляшек, украшающих конский убор, изготовлены из высокопробного золота. В соседнем кургане был погребен 30—35-летний мужчина, главным имуществом которого был берестяной колчан. Вместо боевого коня рядом был положен взнузданный и подпруженный баран.

Малоимущие эры неизбежно попадали в личную зависимость от бегов. Именно о них пишет Махмуд Кашгарский: «эр стал на колени перед бегом» [Махмуд Кашгарский, т. 2, с. 21]. Только у знатных и богатых бегов они могли получить в пользование скот за отработку и службу или стать пастухами громадных табунов и стад своих богатых сородичей. Из обедневших эров формировалась постоянная дружина бега и его челядь — люди, ходившие с ним в набег и поход, защищавшие его стада и имущество, прислуживавшие бегу в повседневном быту. Махмуд Кашгарский называет каждого из них *кулсыг эр* «эр, подобный рабу» [Махмуд Кашгарский, т. 3, с. 128].

Содержать большое количество зависимых сородичей могли только богатые беги. В свою очередь, от числа дружинников и челяди зависела способность бега приобрести и сохранить богатство, престиж и положение. Махмуд Кашгарский сохранил поговорку-двустигшие, бытовавшее в древнетюркской среде [Махмуд Кашгарский, т. 1, с. 362]:

У кого приумножается имущество, тому и подобает быть бегом.
Оставшись без богатства, бег страдает из-за отсутствия эров.

Бег не может сохранить свой престиж без зависимых от него эров. Лишившийся скота и обедневший эр не может прожить без материальной помощи и защиты бега. Но даже самый бедный из эров, не брезговавший подаянием, сохранял известную независимость и свободу по отношению к бегу-сородичу. И какими бы противоречиями ни характеризовались отношения между бедными и богатыми, между бегами и «простым людом», бодун в целом противостоял другой группе населения, входившей в древнетюркский эль, — полностью зависимым от эров невольникам, которые, даже влившись в семьи своих хозяев, не стали членами древнетюркской общины. Именно невольники были бесправной социальной периферией древнетюркского общества.

Семантический разбор терминов, которыми обозначены в древнетюркских рунических памятниках Монголии и Енисея несвободный мужчина (*кул*) и несвободная женщина (*кюн*), выявляются при анализе описанных текстами типических ситуаций, когда эти термины употреблены. Наиболее обычной из подобных ситуаций был захват людей во время набега, в ходе межплеменных войн. Сообщения о захвате полона обычны для рунических памятников. Рабы и рабыни в древнетюркской общине были людьми, насильственно увезенными с мест их обитания, вырванными из их племенной (этнической) среды, лишенными своего статуса, отданными во власть своих хозяев. Рабство становилось их пожизненным состоянием.

Характеристика экономической роли рабства в древнетюркском обществе неизбежно весьма неполна из-за отсутствия указаний на формы использования невольников. За пределами внимания исследователей еще остается тот немаловажный факт, что тексты фиксируют прежде всего, а зачастую исключительно, увод в неволю женщин и девушек, иногда мальчиков и юношей, но никогда — взрослых мужчин. Женщин и девушек упоминают как главную военную добычу, их требовали в качестве контрибуции, их отнимали у подвластных племен, если те поднимали мятеж или задерживали выплату дани. Стремление захватить в неволю прежде всего женщин явно указывает на преобладание домашнего рабства, которое является разновидностью патриархального рабства.

Попав в неволю, женщина тем самым оказывалась и в системе семейных отношений своего владельца, и в системе хозяйственной деятельности, осуществляемой его семьей, участвуя как в семейном, так и в общественном производстве. При этом не имело решающего значения, оказывалась ли она в положении одной из жен своего владельца или в положении рабыни-служанки. Этнографические наблюдения показывают, что у кочевников доля участия женщин в повседневной трудовой деятельности превышает трудовой вклад мужчин.

Эту особенность воинственного кочевого общества тонко подметил и несколько утрированно обрисовал незаурядный наблюдатель жизни монголов в эпоху первых Чингизидов Иоанн де Плано Карпини:

«Мужчины вовсе ничего не делают, за исключением стрел, а также имеют отчасти попечение о стадах. Но они охотятся и упражняются в стрельбе... Жены их все делают: полушубки, платье, башмаки, сапоги и все изделия из кожи, также они правят повозками и чинят их, вычат верблюдов и во всех своих делах очень проворны и споры».

Сведения Иоанна де Плано Карпини подтверждают и дополняют Вильгельм де Рубрук и Марко Поло, о том же свидетельствуют позднейшие этнографические материалы. Так, у монголов «дойкой скота, переработкой животноводческой продукции, пошивом одежды, приготовлением пищи и другими домашними работами целиком заняты женщины». Вместе с тем женщины активно участвуют в выпасе овец и коз.

В условиях патриархального натурального хозяйства, а любое кочевое и полукочевое хозяйство является таковым, благосостояние семьи зависело не только от количества скота, его сохранения и воспроизводства, но и в не меньшей степени от способности своевременно и полностью переработать, подготовить к использованию или хранению всю многообразную продукцию животноводства, охоты, собирательства, подсобного земледелия. Во всем этом женский труд играл основную роль. Поэтому и в многоженстве кочевников древней Центральной Азии, и в стойком сохранении у них левирата, и в захвате во время набегов преимущественно женщин очевидна экономическая обусловленность, стремление обеспечить дополнительной рабочей силой свое семейное хозяйство, основную производственную ячейку любого кочевого общества. И чем богаче скотом было это хозяйство, тем в большем количестве женских рук оно нуждалось.

Использование в кочевом хозяйстве подневольного женского труда вместо сколько-нибудь значительного числа рабов-мужчин настоятельно диктовалось прежде всего соображениями безопасности. Концентрация рабов, т. е. недавних воинов враждебных племен, в аилах, рассеянных по степи и горам, в ставках кочевой знати, передача на попечение рабов скота, домов и семей во время длительных отлучек ушедших в очередной поход воинов господствующего племени — все это было невозможно из-за простого самосохранения. Концентрация невольниц, часть которых становились женами и наложницами своих хозяев, не представляла для тех опасности, надзор за ними осуществлялся в рамках семейного быта. Вместе с тем интенсивное использование труда невольниц на всех работах, включая выпас скота, высвобождало для войны значительную часть мужчин.

Ведь, согласно Ясе Чингиз-хана, во время походов женщины «исполняли труды и обязанности мужчин».

Были у кочевников и рабы-мужчины. Если судить по примерам, относящимся к гуннской и монгольской эпохам, многие из них становились пастухами коров и овец (чабанами), но не табунщиками — коней рабам не доверяли. Лишь у енисейских кыргызов, практиковавших ирригационное земледелие и строивших укрепленные «городки», труд рабов-мужчин применялся сравнительно часто. Часть захваченных пленников тюрки освобождали за выкуп или продавали в Китай.

Таким образом, хотя личное хозяйство в тюркских государствах Центральной Азии не выходило в основном за пределы домашнего рабства, вся жизнедеятельность древнетюркской общины, а в какой-то мере и ее боевая сила были связаны с эксплуатацией невольников или, в еще большей степени, невольниц. Захват полона был одной из главных целей тех войн, которые вели тюрки.

Как очевидно из изложенного, сложившееся в степной зоне Центральной Азии общество обладало высоким потенциалом горизонтальной социальной мобильности, принимавшей зачастую форму инвазии и сопровождавшейся по мере осуществления сегментацией первоначальных социальных ячеек. Основными факторами горизонтальной мобильности были в этих условиях крайняя неустойчивость экстенсивной скотоводческой экономики и ее чрезмерная специализация, лишавшие кочевое общество возможности полного самообеспечения. Следует, конечно, оговорить экологическую обусловленность такого рода специализации.

Определяя формы вертикальной социальной мобильности, описываемое общество возможно с некоторыми оговорками отнести к социально открытым, чему, казалось бы, противоречит его строго иерархизованный характер. Однако роль богатства и личной воинской доблести создавали часто реализуемые предпосылки к продвижению или деградации, с последующей дифференциацией, не нарушавшей цельности системы. Лишь на самой высшей ступени власти изменение статуса неизбежно сопровождалось насильственной сменой всей правящей родоплеменной группировки и, строго говоря, одновременным изменением всего состава привилегированного сословия.

Вместе с тем допустимые формы вертикальной мобильности не носили регулярного и узаконенного характера. Они воспринимались обыденным сознанием, но не имели оправдания в политической доктрине в высших формах идеологии, что, по всей вероятности, следует связать с общей незрелостью социально-политической структуры или, точнее говоря, с безысходной внутренней противоречивостью структуры кочевого общества.

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ТЮРКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СИБИРИ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В VI—VII вв. тюркоязычные племена Центральной и Средней Азии, входившие в состав Тюркского каганата, а также западно-тюркские племена Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа, создавшие Хазарское государство, уже пользовались собственным письмом. Очевидно, необходимость в письме возникла из нужд административной и дипломатической практики, из нужды фиксации государственных актов и государственной традиции; определенную роль могли играть и религиозные мотивы.

Иноземные источники сообщают о деревянных дощечках, на которые у тюрков наносились резы (знаки?) при исчислении «количества требуемых людей, лошадей, податей и скота». Вместе с тем тюркские послы снабжались грамотами. Так, прибывший в 568 г. в Константинополь ко двору Юстина II тюркский посол, согдиец Маниах, привез послание от кагана, написанное, как рассказывает византийский историк Менандр, «скифскими письменами».

О том, что это были за письмена, можно судить по древнейшему сохранившемуся памятнику Тюркского каганата — Бугутской надписи из Центральной Монголии. Стела с надписью была водружена на кургане с захоронением праха одного из первых тюркских каганов Таспара (правил в 572—581 гг.), примерно через 15 лет после посольства Маниаха. Надпись сделана на согдийском языке; на другой стороне стелы имелась также короткая надпись на санскрите письмом брахми, почти полностью уничтоженная эрозией. Основной согдийский текст, к сожалению сохранившийся не полностью, рассказывает о событиях первых тридцати лет существования Тюркского каганата, особенно подробно описывая заслуги Таспар-кагана. Из обращений к читателям видно, что согдийский текст был понятен в каганате достаточно широкому кругу образованных людей из верхов тюркского общества. Большое число согдийцев жило при дворах тюркских каганов: они были дипломатами и чиновниками, придворными и наставниками в грамоте, о чем прямо сообщают иноземные источники; они строили оседлые поселения и водили торговые караваны в Китай, Иран и Византию с товарами, принадлежавшими тюркской знати. Их культурное влияние на тюрков было очень значительно; главным образом через согдийцев тюрки познакомились с достижениями древних цивилизаций Средней и Передней Азии.

Есть все основания полагать, что наряду с использованием согдийского языка тюрки использовали согдийский алфавит для фикса-

ции собственной речи. В те же годы, когда была воздвигнута Бугутская стела, в переводе на тюркский язык было впервые письменно зафиксировано буддийское сочинение («Нирвана-сутра») — с целью пропаганды буддизма среди тюрков. Оно не могло быть записано на бумаге иным алфавитом, кроме хорошо известного тюркам согдийского. Позднее этот алфавит, после некоторых модификаций, получил название уйгурского, так как уйгуры пользовались им особенно широко в IX—XV вв. Но для письма на камне (так называемого «монументального письма») курсивный согдийский алфавит использовали редко.

В начальный период истории Тюркского каганата, не позднее первой половины VII в., под влиянием согдийского письма, на основе фонда знаков идеографического характера, сходных с древнетюркскими тамгами (родовыми символами), в тюркской среде возникло новое письмо. Оно состояло из 38 не сливавшихся между собой на письме знаков геометризованных очертаний и, в отличие от согдийского, было хорошо приспособлено для фиксации на дереве или камне (процарапыванием и резьбой). Новая письменность очень точно передавала фонетические особенности тюркского языка; так, большая часть согласных знаков имела два варианта написания: в зависимости от того, с каким гласным этот согласный употреблялся, мягким или твердым. В отличие от согдийского, это письмо позволяло ясно различать между собой знаки (в согдийском многие знаки писались сходно) и было значительно проще в употреблении и заучивании.

Древнетюркское письмо было открыто в долине Енисея в 20-е годы XVIII в. немецким ученым Д. Мессершмидтом, состоявшим на службе у Петра I, и И. Страленбергом, сопровождавшим его пленным шведским офицером. Они назвали письмо руническим — по его сходству со скандинавским руническим письмом. Название, хотя и не совсем точное, оказалось удобным и закрепилось в науке. В 1889 г. русский ученый Н. М. Ядринцев открыл в Северной Монголии, в долине р. Орхон, огромные каменные стелы с надписями руническим письмом. Дешифровали и прочли найденные тексты датский ученый В. Томсен, который первым нашел ключ к алфавиту, и русский тюрколог В. В. Радлов, давший первое чтение надписей. По месту находки основных памятников письмо стали называть «орхоно-енисейским», а по другим признакам (язык и характер письма) его продолжают именовать древнетюркским руническим письмом.

Самыми крупными памятниками рунического письма из всех найденных остаются памятники Северной Монголии, сосредоточенные главным образом в бассейнах рек Орхона, Толы и Селенги. Все они были воздвигнуты в эпоху второго Тюркского каганата (689—744 гг.) и Уйгурского каганата в Монголии (745—840 гг.). Наиболее

известны памятники в честь Бильге-кагана и его брата, полководца Кюль-тегина, воздвигнутые в 732—735 гг., и памятник советника первых каганов второго Тюркского каганата, Тоньюкука, созданный вскоре после 716 г., еще при жизни Тоньюкука (памятник написан от его имени). Все крупные памятники орхонской группы довольно однообразны по форме. Они содержат рассказ о жизни и подвигах их героев, излагаемый на фоне общей истории Тюркского государства и сопровождаемый различного рода политическими декларациями. Надписи содержат очень богатый материал для изучения истории, идеологии и культуры древнетюркских племен и народностей, их языка и литературных приемов.

Более ста пятидесяти памятников с руническими надписями обнаружено в долине Енисея, на территории Тувы и Хакасии. Большую их часть составляют стелы при погребениях древнетюркской знати, воздвигнутые в VIII—XII вв. Енисейские тексты значительно короче орхонских и носят характер эпитафий, оплакивающих и восхваляющих погребенных кыргызских бегов; однако, в отличие от орхонских, здесь крайне мало историко-политических сведений и описаний. Написаны памятники тем же древнетюркским литературным языком.

Мелкие и плохо читаемые надписи найдены на скалах Прибайкалья и верхнего течения р. Лены, где жило древнетюркское племя кырыкан. Несколько десятков мелких надписей на скалах и отдельных камнях и надписей на сосудах обнаружено на Алтае. Достаточно крупные тексты на бумаге найдены в Восточном Туркестане, где рунический алфавит до X в. использовался в Уйгурском государстве (IX—XIII вв.), созданном бежавшими из Монголии, после военного поражения от кыргызов (840 г.), токуз-огузскими племенами (главным из них были уйгуры).

На территории Средней Азии и Казахстана следует выделить две группы рунических памятников — ферганскую (мелкие надписи на керамике, VIII в.) и семиреченскую (на территории Киргизии и Казахстана). Сюда относятся девять надписей на намогильных камнях-валунах и наскальные надписи в ущелье Терек-сай (долина р. Талас), надписи на керамике, обнаруженные близ г. Тараз, мелкие надписи или отдельные знаки на монетах и бытовых предметах, надпись на деревянной палочке (случайно обнаружена при горных работах в долине р. Талас), а также рунические надписи на двух бронзовых зеркалах из Восточного Казахстана, мелкая надпись на глиняном пряслице с Талгарского городища (близ Алма-Аты). В 1998—2000 гг. в Кочкорской долине Центрального Тянь-Шаня было открыто десять рунических надписей [Klyashtorny, 2002].

Все эти памятники созданы в Западнотюркском каганате и Карлукском государстве (VII—IX вв.); надписи на бронзовых зеркалах

принадлежат кимакам. Наиболее загадочна надпись на деревянной палочке. Тип письма на ней очень отличается от орхоно-енисейского, но совпадает с письмом мелких надписей, обнаруженных в небольшом количестве на древней территории Хазарского государства — в Поволжье, Подонье и на Северном Кавказе, а также с письмом так называемых «печенежских» надписей на золотых сосудах, открытых при раскопках в долине Дуная (надписи Надь-Сент-Миклоша). Этот западный вариант рунического письма, несмотря на все попытки, все еще остается не расшифрованным из-за отсутствия сколько-нибудь крупных текстов. Быть может, таласская палочка указывает на древние связи между хазарами и Западнотюркским каганатом.

Вряд ли древнетюркское руническое письмо употреблялось где-либо после XI—XII вв. В Центральной и Средней Азии его потеснили сначала уйгурский курсив, а затем арабское письмо, распространившееся среди тех тюркских племен, которые приняли ислам.

Большие рунические тексты Монголии и Енисея являются не только важными историческими документами, но и выдающимися литературными произведениями. Особенно показательны в этом отношении два самых больших рунических текста — надписи в честь Бильге-кагана и Кюль-тегина. Они написаны от имени самого Бильге-кагана, хотя, как написано в конце текстов, их автором было другое лицо. Во всей средневековой тюркоязычной литературе нет более блестящих образцов политической прозы, сохранившей традиционные формы ораторского искусства и обработанного веками устного повествования о деяниях богатыря.

Композиция обеих надписей совершенно аналогична; более того, значительные части надписей текстуально совпадают. Вводные строки памятников посвящены давним временам:

«Когда вверху возникло Голубое небо, а внизу — Бурая земля, между ними обоими возник род людской. Над сынами человеческими воссели мои пращуры... ..Четыре угла света все были им врагами. Выступая в поход с войском, народы четырех углов света они все покорили... Они правили... устанавливая порядок среди кёков и тюрков, не имевших до того господина. Они были мудрые каганы, они были мужественные каганы, и их приказные были, надо думать, мудрыми, были, надо думать, мужественными, и их правители и народ были единодушны. Поэтому-то, надо думать, они и правили столь долго государством... После них стали каганами их младшие братья, а потом стали каганами их сыновья. Так как младшие братья не были подобны старшим, а сыновья не были подобны отцам, то если сели на царство, надо думать, неразумные каганы, и их приказные были также неразумны, были трусливы. Вследствие неверности бегов и народа, вследствие обмана и подстрекательства обманщиков из Китая и их козней, из-за того, что они ссорили младших братьев со старшими, а народ — с бегами, тюрк-

ский народ привел в расстройство свое до того времени существовавшее государство и навлек гибель на царствовавшего кагана».

Так повествует Бильге-каган о создании и упадке, подъеме и крушении первого Тюркского каганата, время возникновения которого (середина VI в.) казалось в 731 г., когда писался текст надписи, легендарно далеким. Традицию, сохранившую через два столетия память о минувших событиях, можно было бы назвать скорее эпической, нежели исторической, если бы за лаконичным текстом памятника не чувствовался отзвук больших общественных потрясений, а в размерном ритме повествования не проступала столь отчетливо патетика политической декларации, прославляющей то новое социальное устройство, которое дали тюркам далекие предки царствующего кагана. В той же ритмике изложены далее события, связанные с созданием второго Тюркского каганата, рассказано о подвигах Бильге-кагана и Кюль-тегина.

Божественная воля, проявлением которой является власть кагана, верность кагану бегов и народа, подчинение народа бегам — таков лейтмотив идей, пронизывающих обе надписи. Как бы резюмируя преподанный своим слушателям и читателям урок истории, Бильге-каган подводит итог сказанному:

«Если ты, тюркский народ, не отделяешься от своего кагана, от своих бегов, от своей родины... ты сам будешь жить счастливо, будешь находиться в своих домах, будешь жить беспечально!»

В этих строках ясно выражена сущность идеологии аристократической верхушки Тюркского каганата; в надписи настойчиво звучит требование абсолютной покорности народа кагану и бегам — и вместе с тем весь текст памятников должен служить, по мысли автора, обоснованием и подтверждением этой идеи. Благополучие тюркского народа есть результат подчинения кагану, который вместе с бегами из своей ставки посылает войско в победоносные походы, награждая народ добычей и данью покоренных племен:

«Их золото и блестящее серебро, их хорошо тканые шелка, их напитки, изготовленные из зерна, их верховых лошадей и жеребцов, их черных соболей и голубых белок я добыл для моего тюркского народа!»

В памятниках подчеркивается, что все написанное — «сердечная речь» Бильге-кагана, его подлинные слова, высеченные по его приказу. Для того, чтобы тюркский народ помнил, как он, Бильге-каган, «неимущий народ сделал богатым, немногочисленный народ сделал многочисленным», чтобы тюркский народ знал, чего ему следует опасаться, а чему следовать, речь кагана запечатлена на «вечном камне»:

«О тюркские беги и народ, слушайте это! Я вырезал здесь, как вы, беги и народ... созидали свое государство, как вы, погрешая, делились, я все здесь вырезал на вечном камне. Смотри на него, знайте вы, теперешние беги и народ!»

Политическая декларация с немалой долей социальной демагогии, хвала и упрек прежним и нынешним поколениям, постоянные обращения и призывы к «слушателям», разнообразная палитра художественных приемов, речения и афоризмы эмоционально окрашивают и преобразуют стиль официального повествования, говорят о незаурядном литературном даровании автора текста, историографа и панегириста царствующей династии. Автором же, «начертавшим на вечном камне» «слово и речь» своего сюзерена, был Йоллыг-тегин, родич Бильге-кагана, первый названный по имени автор в истории тюркоязычных литератур.

Язык рунических надписей был в VII—X вв. единым и стандартным литературным языком, которым пользовались различные тюркские племена, говорившие на своих языках и диалектах, — огузы, уйгуры, кыргызы, кимаки и другие. Общий письменный литературный язык рунических надписей обладал стилистическим единообразием и устойчивостью образных средств, наиболее богато представленных в орхонских памятниках. Общность языка и литературного канона памятников указывает на тесные культурные связи древнетюркских племен и делает беспочвенными попытки рассмотрения памятников как языкового и литературного наследия какого-либо народа.

Древнеуйгурская письменность утвердилась, начиная с IX в., в городах Восточного Туркестана. Сами авторы называли язык, на котором они писали, «тюркским». И действительно, язык этих памятников явился прямым наследником языка рунических памятников, лишь незначительно отличаясь от него в грамматическом отношении. Однако, будучи широко использован в религиозных сочинениях, главным образом переводных, в юридической документации, отражающей новые формы быта тюркского населения Восточного Туркестана, этот язык получил дальнейшее развитие и представлен большим богатством лексики, грамматических и стилистических форм. На территории Средней Азии и Казахстана древнеуйгурская письменность имела меньшее распространение, чем в Восточном Туркестане. Во всяком случае, ее ранние памятники не сохранились, но известно об ее употреблении и на этой территории по упоминаниям в документах, происходящих из Турфанского оазиса. Так, в одном из них рассказывается о манихейских обителях в Таразе, где писались и переводились на тюркский язык сочинения духовного содержания. Известно, что манихейская разновидность древнеуйгурского письма — самая древняя и наиболее близкая к согдийскому прототипу. Вероятно, скриптории

манихейских монастырей в Таразе существовали в VIII—IX вв. Сохранилась переписка (два ярлыка) уйгурских и карлукских князей на древнеуйгурском языке, относящаяся к X в., о событиях в долине р. Или; там упомянуто тюркское племя басмылов и пленники-согдийцы. Важно заметить, что в ярлыке, написанном от имени «правителя государства Бильге-бека», упоминается полученное им послание на согдийском языке, которое он «соизволил понять». Это свидетельствует о продолжающемся бытовании согдийского языка и письма в тюркской среде.

Распространение согдийского письма в тюркской манихейской среде подтверждается двумя согдийскими надписями IX—X вв. на керамике, хранящимися в Джамбульском музее; в одной из них упомянут «архиерей Ширфарн», а в другой — «пресвитер Ильтаг». Еще большее значение для истории тюрко-согдийских контактов в Семиречье имеют наскальные надписи в ущелье Терек-сай. Они относятся к X—XI вв., написаны на согдийском языке и содержат длинные перечни тюркских князей, посетивших долину. Надписи свидетельствуют, что даже в эпоху начавшейся исламизации знати в государстве Караханидов она продолжала еще сохранять согдийскую образованность и «языческие» имена [Лившиц, 2008, с. 350—408].

Таким образом, в раннем средневековье на территории тюркских государств в Центральной и Средней Азии бытовало два вида древнетюркской письменности — руническая и курсивная (древнеуйгурская) и продолжала сохраняться появившаяся здесь ранее согдийская письменность. Несомненно, что письмом пользовались прежде всего верхние слои тюркского общества. Однако наличие непрофессиональных надписей, выполненных небрежно и без достаточных знаний орфографической традиции — как, например, надпись на бронзовом зеркале из женского погребения в Прииртышье или на пряслице с Талгарского городища, — показывает довольно широкое распространение рунического письма среди тюркоязычного населения Центральной и Средней Азии.

РЕЛИГИЯ И ВЕРОВАНИЯ

Три источника, близких по времени создания, но бесконечно далеких в пространстве и в культурной традиции, обнаруживают неожиданное сходжение в одном сюжете. Речь идет о верованиях трех кочевых народов — тюрков Центральной Азии, гуннов Кавказа и дунайских болгар. Рассказывают же нам о них рунические каменные стелы Монголии, греческая эпиграфика дунайской Мадары и Мовзес Каганкатваци, албанский историограф.

Памятники Мадары, крупнейшего культового центра праболгар, как бы связывают воедино культуры раннесредневековых кочевников оины Дуная, Северного Кавказа и Центральной Азии. Само святилище, величественный рельеф Мадарского всадника, эпитафические эксты из Мадары позволяют очертить контуры религиозной идеологии и литургических действий праболгарских племен, чьей далекой родиной были степи и горы Центральной Азии.

Одна из надписей Мадарского святилища упоминает имя верховного бога праболгар, которого «хан и полководец Омуртаг» почтил жертвоприношениями [Бешевлиев, с. 123]. Имя бога, ТАНГРА, сразуводит исследователя в мир древнейшей религии центральноазиатских кочевников, нашедшей свое самое раннее отражение в орхонских надписях — древнетюркских камнеписных текстах первой половины VIII в. Мифы о богах и божественных силах упомянуты в надписях лишь намеками; чаще всего названо имя божества с указанием на его действия или в связи с определенной ситуацией. В орхонских рунических текстах названы лишь три божества — Тенгри гюрк. «Небо»), Умай и Ыдук Йер-Суб («Священная Земля-Вода»). Такое выделение Тенгри и универсализм его функций побуждают некоторых исследователей к оценке древнетюркской религии как собой, близкой к монотеизму веры, которую можно обозначить термином «тенгриизм», оговаривая, впрочем, наличие в ней более древних напластований. Так, Г. Дёрфер полагает, что почитание Неба как верховного божества было присуще едва ли не всем древним кочевникам Центральной Азии, независимо от этнической принадлежности. Но этот факт сам по себе еще не предопределял единства их мифологии и верований. Поэтому терминологического совпадения в имени верховного божества праболгар и древних тюрков, указывающего на общие истоки обеих религий, еще недостаточно для более определенных выводов о степени их близости. Очевидно, лишь системные совпадения обоих пантеонов способны показать глубину их этнических связей и возможности взаимодополняющих интерполяций. А так как праболгарский пантеон, из-за крайней скудости сведений о самих дунайских болгарах, остается невыясненным, то его прослеживание по иным свидетельствам, относящимся к племенам праболгарского круга в Юго-Восточной Европе, становится предпосылкой реконструкции дохристианской религии основателей древней Болгарской державы на Дунае.

Исходным для такой реконструкции становится описание древнетюркской религии орхонскими памятниками. В них не содержится ярых указаний, классифицирующих пантеон. Однако в сибирско-центральноазиатской мифологии существовала своя органично приуроченная ей система классификации божеств, в основе которой лежало

трихотомическое деление макрокосма на Верхний, Средний и Нижний миры, между которыми распределены все живые существа, все боги и духи.

Трихотомическая концепция дополняла существовавшие горизонтальные модели мира вертикальной моделью, и ее создание отнесено теперь в глубочайшую древность, в эпоху верхнего палеолита Сибири. Противопоставление в древнетюркском пантеоне Неба (Тенгри) и Земли (Ыдук Йер-Суб) позволяет с относительной уверенностью постулировать существование в религиозной идеологии каганата двух групп божественных сил, соответственно связанных с Верхним и Средним мирами. Доказательством существования в древнетюркской мифологии полной трехчленной модели Вселенной стало недавнее выявление в рунических текстах Енисея и Восточного Туркестана наиболее важного и яркого персонажа Нижнего мира — его владыки Эрклиг-хана, «разлучающего» людей и посылающего к ним «вестников смерти» [Кляшторный, 1976, с. 261—264].

Владыкой Верхнего мира и верховным божеством древнетюркского пантеона является Тенгри (Небо). В отличие от неба — части космоса, оно никогда не именуется *кёк* («голубое небо», «небо») или *калык* («небесный свод», «ближнее небо»). Именно Тенгри, иногда вкупе с другими божествами, распоряжается всем происходящим в мире, и прежде всего судьбами людей: Тенгри «распределяет сроки [жизни]», но рожденьями «сынов человеческих» ведаёт богиня Умай, а их смертью — Эрклиг. Тенгри дарует каганам мудрость и власть, дарует каганов народу, наказывает согрешивших против каганов и даже, «приказывая» кагану, решает государственные и военные дела. Согдоязычная Бугутская надпись, эпитафия Таспар-кагана (ум. 581 г.), упоминает о постоянных вопросах кагана к богу (богам?) при решении государственных дел. Тенгри неявно антропоморфизован — он наделен некоторыми человеческими чувствами; выражает свою волю словесно, но свои решения осуществляет не прямым воздействием, а через природных или человеческих агентов.

Другим божеством Верхнего мира была Умай, богиня плодородия и новорожденных, она олицетворяет женское начало. Вместе с Тенгри она покровительствует воинам. Так же, как каган подобен (по своему образу) Тенгри, его супруга-царица подобна Умай («моя мать-царица, подобная Умай»). Здесь содержится явное указание на миф о божественной супружеской чете — Тенгри и Умай, земной ипостасью которой и является царская чета в мире людей.

Главным божеством Среднего мира была «Священная Земля-Вода». В орхонских надписях это божество нигде не упомянуто обособленно, но вместе с Тенгри и Умай (или только с Тенгри) оно покровительствует тюркам и наказывает согрешивших. В енисейских ру-

нических надписях герой эпитафии, ушедший в Нижний мир, вместе с атрибутами Верхнего мира, Солнцем и Луной, от которых он «удалился» и которыми «не наслаждался», называет также «мою Землю-Воду», т. е. покинутый им Средний мир. По сообщениям иноземных информаторов, божество Земли было объектом особого культа. Так, Феофилакт Симокатта пишет, что тюрки «поют гимны земле» [Феофилакт, с. 161]. В китайских источниках священная гора, почитаемая тюрками (VI в.), названа ими «бог Земли». Культ священных вершин был частью общего культа Земли-Воды у древнетюркских племен.

Кроме четырех главных божеств (Тенгри, Умай, Ыдук Йер-Суб и Эркилга) в древнетюркский пантеон входили многочисленные второстепенные божества или божества-помощники. В очень важном для анализа древнетюркского пантеона руническом тексте на бумаге из пещерной библиотеки Дуньхуана, именуемом «Книга гаданий» («Ырк битиг», первая половина X в.), упомянуты среди прочих два божества «второго плана»: «бог путей на пегом коне» и «бог путей на вороном коне».

Еще одно столь же древнее упоминание у тюрков «бога путей» имеется в древнетибетском «Каталоге княжеств», фрагмент которого был обнаружен также в пещерах Дуньхуана. Так, среди соседей Тибета названы «восемь северных земель», в столице которых, крепости Шу-балык, почитают «бога тюрков Йол-тенгри». Тибетская запись (или ее источник) надежно датируется VIII веком. Хотя представление тибетского автора о «северных землях» были весьма смутны, важно отметить, что для иноземного наблюдателя образ Йол-тенгри («бога путей») был непосредственно связан с государственным культом тюрков.

Судя по функции обоих йол-тенгри в древнетюркской «Книге гаданий», одно из которых дает человеку *кут*, «божественную благодать, душу», а другое восстанавливает и устраивает государство, оба они, скорее всего, посланцы небесного божества (Тенгри), непосредственные исполнители его воли. Рунические надписи дают много примеров того, что именно Тенгри ниспосылал благодать или «приказывал» и побуждал к созданию и воссозданию государства тюрков. Само государство именуется в енисейской рунике «божественный эль». Оба йол-тенгри являются, таким образом, младшими божествами, младшими родичами Тенгри, которые, выполняя его волю, постоянно находятся в пути и связывают Верхний и Средний миры, так же как каганы, обращаясь к Небу с вопросами и мольбами (ср. цитированную Бугутскую надпись), осуществляют обратную связь Среднего мира с Верхним.

Таков был, в его самых главных и известных ныне проявлениях, древнетюркский пантеон. Несмотря на некоторые модификации,

проникшие в древнетюркскую мифологию под влиянием меняющихся социально-политических условий, общий для самого широкого круга древнетюркских этнических групп характер всех основных персонажей этого архаичного центральноазиатского Олимпа не вызывает сомнений. О том свидетельствуют и орхонские стелы, и надписи енисейских кыргызов, и древнеуйгурские рунические и курсивные тексты, и сведения мусульманских авторов о верованиях кимаков, кыпчаков, гузов, карлуков, и сообщения китайских источников о племенах, живущих к северу от Великой стены. Сколь не были бы заметны те или иные различия племенных культов, они не нарушали общей структуры пантеона, сложившейся много раньше появления на исторической арене племени *тюрк* (460 г.). Само название этого пантеона как древнетюркского не может не быть условным, зависимым скорее от лингвистических и историографических факторов, чем от палеоэтнографической действительности. Тем не менее речь идет о реальной историко-культурной и религиозно-идеологической общности, сложившейся в среде кочевых племен Внутренней Азии, общности, сохраненной ими в ходе многих миграций I тыс. н. э.

Неожиданное и яркое подтверждение сказанного содержит источник, синхронный эпохе рунических памятников, но созданный далеко от Орхона и Енисея, — «История агван» Мовзеса Каганкатваци (X в.). Значительную часть второй книги этого сочинения составляет включенная в него хроника Михранидов, княжеской династии Кавказской Албании в VII в. [Мамедова, 2005, с. 357—376]. А частью хроники Михранидов стал текст жития епископа Исраэля, повествующий, между прочим, о пребывании христианской миссии во главе с Исраэлем в «стране гуннов» (682 г.), находившейся в предгорной равнине Дагестана [История агван, с. 193—194, 197—198].

Остается не вполне ясной племенная принадлежность гуннов Северного Дагестана. Эта группа родственных племен, весьма значительная численно, укрепилась в степях севернее Дербента еще в начале VI в., создав жизнестойкое государственное объединение, которое Ананий Ширакаци (VII в.) называет «царством гуннов». Не без влияния местного ираноязычного сельского и городского населения и начавшейся среди гуннов в первой четверти VI в. систематической миссионерской деятельности церкви (миссии Кардоста и Макария) часть гуннов перешла от «жизни в шатрах» к оседлому и даже городскому быту. Однако значительная масса гуннов, в том числе и их знать, продолжала жить «в лагерях», т. е. сохраняла кочевой быт и скотоводство, прежде всего коневодство, в качестве основного занятия. После утверждения здесь в 80-х годах VII в. власти хазар гунны сохранили свою автономию.

Большая часть современных исследователей истории Северного Кавказа придерживается мнения, что гунны Дагестана были частью авирских племен или частью савиров и барсиллов, в свою очередь принадлежавших к болгарским племенам. Тюркоязычные этнические группы, населявшие Прикавказье и Северный Кавказ в конце IV—V вв., к которым принадлежали гунны Дагестана, неотделимы от основной массы гунно-болгарских племен и надежно связываются с западной миграцией части союза племен *теле* (**tegre*), на основе которого в Центральной Азии сформировались в V—VII вв. новые племенные союзы «девяти огузов» (*токуз-огуз*) и «десяти уйгуров» (*он-йгур*), игравшие выдающуюся политическую и культурную роль вплоть до монгольской эпохи.

Имя князя северокавказских гуннов у Мовзеса Каганкатваци — Алп Илитвер (в буквальном переводе «герой-эльтебер»). Скорее всего, здесь не собственное имя, а титул. Тот же самый титул носили цари волжских болгар. Титул «эльтебер» не был «царским» (каганским, ханским), он обычен в Центральной Азии тюркского времени для вождей крупных племен и племенных союзов, зачастую сохранявших независимость. Так, среди вождей огузских племен, носивших титул «иркин», лишь самые могущественные, вожди уйгуров, были эльтеберами. То обстоятельство, что князь гуннов в Дагестане носил титул эльтебера, а не хана, указывает не только на его место в иерархии гунно-болгарских вождей Юго-Восточной Европы, но и на разницу им первенствующего положения иных, более значительных объединений племен — таких, как союз болгар-уногундулов при хане Кубрате (Великая Болгария) или Хазарский каганат.

Единственным источником, как-то рассказавшим о внутренней жизни «царства гуннов» на Кавказе в конце VII в., и поныне остается житие епископа Исраэля, сохраненное в труде Мовзеса Каганкатваци. Автор жития, участник албанской миссии, не постыжился на яркие характеристики «дьявольских заблуждений» и «скверных дел» идопоклонников, погруженных в «языческую грязную религию», чтобы еще более значительным выглядел подвиг его патрона, обратившего гуннов во главе с Алп Илитвером (алп-эльтебером) в христианскую веру. Именно в этих «разоблачениях» содержатся ценнейшие фактические детали, дающие известное представление о пантеоне, обрядах и обычаях гунно-болгарских племен.

Албанский клирик прямо не называет в гуннском пантеоне главную фигуру, но упоминает двух особо почитаемых богов — Куара, бога «молний и эфирных огней», и Тенгри-хана, «чудовищного громадного героя», «дикого исполина». Последнего автор жития именует а иранский манер Аспендиатом (среднеперс. «созданный святым

[духом]»), нигде, впрочем, не упоминая, что этим именем его называют и гунны.

В имени Куар, как уже отметил В. Хеннинг, очевидно среднеперсидское *x^war* «солнце». Поклонение богу-солнцу в скифо-сарматской и сармато-аланской среде хорошо известно. Унаследованный гуннами на Кавказе, бог Куар, вероятно, оставался богом местного иранского населения, а в пантеоне самих гуннов его образ слился с образом «громовержца» Тенгри-хана. Во всяком случае, все дальнейшие упоминания Тенгри-хана (Аспендиата) в тексте жития выделяют его культ как главное зло, с которым боролся христианский миссионер. Упомянуты два рода святилищ, где совершались обряды в честь Тенгри-хана, — капища, т. е. языческие храмы, в которых установлены идолы (изображения Тенгри-хана?), и священные рощи, где самые высокие деревья олицетворяют Тенгри-хана. В жертву божеству приносили коней, которых закалывали в священных рощах. Затем их кровью окропляли землю под деревьями, головы и шкуры вешали на ветви, а туши сжигали на жертвенном огне. Жертвы сопровождалась мольбами, обращенными к образу Тенгри-хана. Уничтожение священных деревьев, олицетворявших Тенгри-хана, и сооружение из их стволов гигантского креста стало кульминацией миссионерской деятельности Исаэля, символом его победы над язычеством.

Культ Тенгри-хана, владыки Верхнего мира, сопровождаемый поклонением его символам и ипостасям — Солнцу (Куар), Луне, «громам небесным», высоким деревьям, «кумирам», — и был центральным культом в царстве Алп Илитвера. Этот культ до деталей совпадает с тем, что известно о поклонении Тенгри (Небу) у древнетюркских народов Центральной Азии и Сибири. Так же как кавказские гунны, тюрки VI—VIII вв. совершали регулярные жертвоприношения Небу в священных горных лесах и «пещере предков». Вместе с Небом почитались небесные светила — Солнце и Луна. А Махмуд Кашгарский, правоверный мусульманин XI в., сокрушался о тюрках — «неверных», которые словом «Тенгри» называют «большие деревья». Этнографические свидетельства подтверждают и обряд сожжения туш жертвенных животных.

Наряду с Тенгри-ханом, в «царстве гуннов» почиталось, по словам христианского наблюдателя, женское божество, которое автор жития, не чуждый классической образованности, именует «Афродитой». Не вызывает сомнений связь гуннской богини с древнетюркской Умай.

Особо упоминаются как объекты почитания гуннами вода и земля, т. е. божества (божество) Среднего мира. Отмечается даже особый разряд гуннских «колдунов», «призывающих» Землю. В сущности, речь ведется о древнетюркском культе «священной Земли-Воды» с его «гимнами Земле», о которых пишет Феофилакт Симокатта.

Наиболее характерными персонажами гуннского пантеона, вскользь отмеченными житием, были «некие боги путей», в которых уверенно узнаются йол-тенгри, составляющие весьма специфический разряд древнетюркских божеств. Лишь о божествах Нижнего мира ничего не сказано в описании «языческих заблуждений» гуннов, но зато упомянутые там погребальные сооружения весьма схожи с теми, что известны у тюрков Центральной Азии. Христианина глубоко поразило то, что наряду с проявлениями скорби (плачи и царапание щек ножом) на кладбище устраивались конные скачки, игры «по демонскому их обычаю», а также «предавались разврату». Подобным же образом описывает китайский источник похороны знатного тюрка в VI в. Родственники умершего убивают жертвенных животных, надрезают себе в знак скорби щеки, после чего устраивают конные скачки и игры юношей и девушек, нарядившихся в лучшие одежды. Игры носят эротический характер, и после них родители молодых договариваются о браках.

Рассказывая о разрушении гуннских погребальных сооружений, христианский автор отмечает, что они были устроены на «высоком месте», состояли из «капищ» (заупокойных храмов), идолов (изваяний) и «скверных кож жертвенных чучел» (вывешенных при храмах шкур жертвенных животных). «Капища» названы «высокими», и о них сказано, что уничтожались они огнем, т. е. были построены из дерева. Возможно, из дерева изготовлялись «идолы» гуннов. Все эти элементы погребения упоминаются источником и у центральноазиатских тюрков: храм, построенный «при могиле», «изображения покойного» (древнетюркские каменные изваяния), вывешенные на шестах головы и шкуры жертвенных овец и лошадей. Еще один обычай, общий для гуннов и древнеуйгурских племен, заслуживает упоминания — и те, и другие почитали громовые удары и молнию и приносили жертвы на месте, куда молния ударяла.

Если кавказский гунно-болгарский пантеон обнаруживает генетическое родство с древнетюркской мифологией, то развитие культа Тенгри в политизированную религию раннефеодального государства более ясно показывают процессы, синхронно, хотя и независимо друг от друга, происходившие в VII—VIII вв. в Монголии и на Дунае. Орхонские надписи постоянно декларируют небесное происхождение каганского рода. Вместе с представлениями о Тенгри и Умай как божественной чете — покровительнице династии, этот поздний мифологический цикл носил явственный отпечаток его рождения в классовом обществе и являлся несомненной частью государственного культа Тюркского каганата. Отдельные составные части этого культа: ежегодные жертвоприношения в «пещере предков», где в роли первосвященника выступал сам каган, почитание умерших предков-каганов, освящение

Древнетюркское изваяние

каганских погребальных комплексов и стел — все это упомянуто в камнеписных памятниках или сообщениях иноземных наблюдателей.

Те же процессы, и прежде всего гиперболизация культа вождя, образ которого сакрализуется и заменяется образом царя-первосвященника, земной ипостаси небесного владыки, характерны и для истории Первого Болгарского царства. Отмеченное сходство не всегда поддается препарации с целью отделения типологических параллелей от генетических импульсов.

Общность пантеона, мифологии, обрядности, архаических верований и суеверий, установленная между тюрко-огузскими племенами Центральной Азии и гунно-болгарскими племенами Северного Кавказа, — эта общность в большей или меньшей степени распространялась на религиозные верования дунайских праболгар с их культом

АНГРА (Тенгри, Тенгри-хана). Поэтому экстраполяция характерных эрт древней центральноазиатской религии на религиозную идеологию праболгар так же обоснованна и закономерна, как выявление чалогов в других сферах культуры племен Внутренней Азии и «нада Аспаруха».

ГЛАВА VI ТЮРКСКИЕ ГОСУДАРСТВА И НАРОДЫ ПОСЛЕ МОНГОЛЬСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

МОНГОЛО-ТАТАРЫ И ЧИНГИЗ-ХАН

Термин «монголо-татары» — искусственный и достаточно древний. Название *монголы* под именем *мэнъу* или *мэнва* упоминается в старых и новых историях китайской династии Тан (618—908 гг.). Древние монголы были одним из племен шивэй. *Шивэй* — одна из этнических групп киданей — занимали с юга на север пространство от Великой Китайской стены и находились на различных ступенях культурного развития. Та часть племен шивэй, которая именовалась монголами, жила кочевой жизнью в степных районах к югу от нижнего течения Аргуна и верхнего течения Амура. После падения Уйгурского каганата (середина IX в.) древние монголы стали переселяться на запад, на территорию современной Монголии.

Слово *татары* (*отуз-татары*) впервые встречается в древнетюркских рунических надписях в 732 г., и с тех пор оно получает широкое распространение в Центральной Азии. В X—XII вв. термин «татары» был хорошо известен также в Средней Азии и Иране; название «татары» упоминается в «Худуд ал-алам» анонимного автора X в., «Диван лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгарского (XI в.) и достаточно часто — у ряда известных персидских поэтов XI—XII вв.

Название «татары», как полагают, было названием конкретных племен из совокупности племен шивэй. С древности, говорится в источниках, татары были покорителями и владыками большей части

центральноазиатских племен и выделялись своим величием и могуществом. Вследствие этого древнетюркская и мусульманская письменная традиция распространила название «татары» на все монголоязычные (и даже немонголоязычные) племена, обитавшие на территории, занимаемой современной Внешней и Внутренней Монголией, Западной и Южной Маньчжурией, превратив таким образом этноним «татары» в общий политоним. Термин «татары» через древних уйгуров попал в китайский язык и регулярно фиксируется в китайских текстах с 842 г. Для нашей темы важно отметить, что постепенно, начиная с сунского времени (960—1269 гг.), в китайской историографии и официальных текстах установилась традиция последовательно именовать монголов (*мэнью*) и все прочие монголоязычные племена татарами (*да-да*) либо монголо-татарами (*мэн-да*)¹.

Между тем известно, что сами монголы себя татарами никогда не называли. Более того, татары, основной йурт которых в XII в. находился около оз. Буир-Нур в Восточной Монголии, считались врагами собственно монгольских племен (меркиты, кереиты, кияты и т. д.). На рубеже 60—70-х годов XII в. при попустительстве китайских властей буирнурские татары учинили разгром монголов, и название «монгол» почти исчезло в самой Монголии, уступив место названию «татары». Однако в начале XIII в. Чингиз-хану удалось разгромить татарское воинство и истребить физически почти всех буирнурских татар. В «Сокровенном сказании», монгольской хронике 1240 г., устами самого Чингиз-хана об этом событии сказано следующее:

«...Мы сокрушили ненавистных врагов — татар, этих убийц дедов и отцов наших, когда мы, в справедливое возмездие за их злодеяния, поголовно истребили татарский народ, примсряя детей их к телжной оси» [Сокровенное сказание, с. 165].

Название «монгол» (в мусульманских источниках — *могол* или *могул*, без буквы *н*) было не только восстановлено, но со времени благоденствия Чингиз-хана и его рода оно стало употребляться в качестве официального названия династии и государства (Еке Монгол улус — «Великое Монгольское государство», с 1211 г.), а позднее — и как название народа.

Итак, в начале XIII в. буирнурские татары были истреблены монголами. Но название «татары» осталось, и благодаря исторической традиции одинаково и в Китае, и в мусульманском мире, и в Европе монголы даже после своего возвышения сделались известными прежде всего под нарицательным именем «татары». В этом отношении примечательно, что итальянец Иоанн де Плано Карпини, в 1246 г. по-

¹ О древних татарах Центральной Азии см.: [Кляшторный, 2005, с. 142—148].

бывавший в Монголии, свой отчет о путешествии начинает словами: «Начинается история Монгалов, именуемых нами Татарами» [Иоанн де Плано Карпини, с. 23].

Китайцы подразделяли татар, т. е. все монголоязычные (и даже немонголоязычные) племена, обитавшие севернее Великой Китайской стены, на три группы по степени культурности: белых, черных и диких татар. *Белые татары*, жившие в Южной Монголии, около Китайской стены, наиболее были проникнуты влиянием китайской цивилизации. *Черные татары*, занимавшие большую часть нынешней Монголии, не находились под непосредственным воздействием культурных народов и вели кочевую жизнь. *Дикие татары*, или «лесные народы», жили в самых северных частях современной Монголии и в лесах Забайкалья и большею частью вели бродячий образ жизни. По китайским источникам, Темучин, будущий Чингиз-хан, происходил из черных татар.

Темучин родился, по одним сведениям, в 1162 г., а по другим — в 1155 г. на берегах Онона, первым сыном у зажиточного нойона Есугея из монгольского племени кият. Мать Темучина была из племени кунграт. Есугей носил почетный титул «бахадур» («храбрец», «витель»), предводительствовал группой монгольских племен, принимал участие во многих походах и набегах на другие племена и нашел свою смерть в борьбе с буирнурскими татарами, когда Темучину, его старшему сыну, было лет около десяти. Сподвижники Есугей-бахадур после его смерти дружно покинули его семью, и в молодости Темучин пережил немало унижений и нужды, с тяжелой колодкой на шее скрываясь от своих врагов в зарослях заводи Онона и питаясь кореньями и сырой рыбой. Но причудливы зигзаги судьбы. Возмужав, Темучин, выделявшийся среди своих сверстников храбростью и умом, сумел сплотить вокруг себя преданную ему дружину нукеров, возвратить угнанные когда-то стада и рядом удачных набегов снискать себе славу отважного бахадура, к концу XII в. он стал одним из главных предводителей в Монгольских степях.

Известность его возросла в войнах хана кереитов с найманами, меркитами и татарами, в которых будущий повелитель мира выступил в качестве вассала кереитского хана. Но вассальные отношения продолжались недолго. Могущество Темучина все более возрастало: в 1203 г. он разгромил кереитов, а в следующем году его 45-тысячное войско выступило в поход на найманов и меркитов. Часть меркитов и найманов подчинилась Темучину, а другие, переправившись через Иртыш, бежали на запад, в Дешт-и Кипчак («Кипчакские степи»). Истребив в результате кампании 1204—1205 гг. буирнурских татар и покоров главных своих противников (кереитов, меркитов, найманов и

т. д.), Темучин завершил в целом объединение под своей властью всех главных племен Монгольских степей. Весной 1206 г. у истоков Онона состоялась *курултай* (собрание) монгольской знати — сторонников Темучина, на котором он торжественно, под реяние «белого священного знамени с девятью хвостами», был провозглашен верховным повелителем монголов. Одновременно курултай утвердил за Темучином титул Чингиз-хана, совершенно вытеснивший его личное имя.

Значение титула Чингиз (Чингис, Хингис)-хан до сих пор точно не установлено. По мнению ряда востоковедов, титул «чингиз» является палатализованной формой тюрко-монгольского слова *тенгиз* — «море, океан»; и композит чингиз-хан, соответственно, означает «хан-океан», т. е. «Владыка вселенной», «Всемирный хан».

Чингиз-хан отличался не только личной отвагой и острым умом, но также сильным характером и исключительной целеустремленностью: достигнув какой-либо одной поставленной цели, он всегда стремился к другой, более высокой. Сделавшись в 1206 г. ханом объединенной Монголии, свои военные таланты он использовал против внешних врагов. Судьба и тут благоволила к нему во всем. Оканчивая каждую войну доблестно и удачно, к 1224 г. Чингиз-хан распространил свою власть от Северного Китая до нынешнего Казахстана и Средней Азии включительно.

В основу созданного Чингиз-ханом государства был положен принцип военной организации. Вся территория и население Еке Монгол улуса («Великого Монгольского государства») делились на три военно-административных округа: правое крыло (*барунгар*), левое крыло (*джунгар*) и центр (*гол*). Каждый округ делился на тьмы (*тумены*), состоявшие из десяти тысяч человек, «тысячи» — из десяти «сотен», а «сотни» — из десяти «десятков». Как уверяет Джувайни, автор «Тарих-и Джахан-гушай» (закончена в 1260 г.), в Монгольском государстве не было человека, который был бы вне сотни, тысячи или тьмы, к которой он был приписан.

Сыновьям и другим родичам Чингиз-хана были розданы в управление уделы. Однако, несмотря на раздел, произведенный Чингиз-ханом, основанная им империя продолжала считаться единым государством. Единство государственной власти сохранялось и при первых преемниках Чингиз-хана на престоле — Угедей-хане (правил в 1229—1241 гг.), Гуюк-хане (правил в 1246—1248 гг.), Мунке(Менгу)-хане (правил в 1251—1259 гг.). Более того, политика завоевательных войн Чингиз-хана была успешно продолжена его преемниками. В результате череды военных побед Чингизидов (мужских потомков основателя монгольской династии Чингиз-хана) к 1260 г. образовалась самая обширная и могущественная из всех мировых империй, про-

стиравшаяся от Амура и Желтого моря — на востоке до Дуная и Евфрата — на западе.

Естественно, что империя, объединившая под своей властью многие разные племена и народы, страны и государства Дальнего Востока, Передней Азии и Восточной Европы, не могла просуществовать долго. Уже к концу 60-х годов XIII в. Монгольская империя распалась на четыре улуса-государства, каждое из которых возглавляли ханы — потомки Чингиз-хана. Этими независимыми и враждовавшими друг с другом государствами были:

1. Золотая Орда, в состав владений которой входила вся Великая Степь (в мусульманских источниках — Дешт-и Кипчак, с XI в.) от Иртыша — на востоке до Дуная — на западе и все русские княжества. Этим государством правили потомки Джучи (ум. 1227 г.), старшего сына Чингиз-хана.

2. Чагатайское государство, включавшее Мавераннахр (Среднеазиатское междуречье), Семиречье, Кашгарию и получившее свое название по имени второго сына Чингиз-хана — Чагатая (ум. 1242 г.).

3. Государство Хулагуидов, созданное в Иране Хулагу-ханом (ум. 1265 г.), сыном Тулуя, четвертого сына Чингиз-хана. Хулагу и его преемники на троне носили также титул «ильхана», поэтому в исследовательской литературе монгольских правителей Ирана нередко называют Ильханами (Ильханидами).

4. Государство в собственно Монголии и Китае с центром вначале в Кайпине, а затем в Ханбалыке (совр. Пекин), которым правила другая ветвь потомков Тулуя (ум. 1233 г.), а именно: потомки великого хана Хубилая (ум. 1294 г.), брата Хулагу. Это государство получило китайское официальное имя — империя Юань.

Историческая судьба этих четырех монгольских государств сложилась по-разному. Потомство Тулуя, правившее в Китае (династия Юань), китаизировалось. Потомки Тулуя сохраняли власть в собственно Монголии до XVII в., а в Китае они правили только до 1368 г., когда им на смену пришла династия Мин. Последний ильхан Абу Саид умер в 1335 г., и государство Хулагуидов в Иране распалось между 1336 и 1353 гг. Династия Чагатаидов прекратила свое существование в конце XVII в. Зато Джучиды, потомки старшего сына Чингиз-хана, сохраняли верховную власть в Дешт-и Кипчаке и смежных регионах очень долго — до середины XIX в.

Из названных четырех монгольских государств особое значение для политической и этнической истории тюрков имело государство Золотая Орда (Улус Джучи).

ЯСА И БИЛИКИ ЧИНГИЗ-ХАНА

Образование Еке Монгол улуса («Великого Монгольского государства») в начале XIII в. вызвало необходимость выработки общих, закрепленных письменно правовых норм и законодательных уложений для управления государством. Для этой цели было приспособлено обычное право кочевников, подвергшееся кодификации и изменениям, отвечавшим новым условиям и потребностям феодализирующегося монгольского общества. Свод законов и установлений получил название «Великая Яса» или просто Яса Чингиз-хана [Эгль, 2004, с. 491—530].

Яса (более полная форма *ясак*; монгольское — *дзасак*, *йосун*) означает «постановление», «закон». Яса Чингиз-хана — санкционированный Чингиз-ханом монгольский свод законов и установлений. Яса, как полагают, была принята на общемонгольском курултае 1206 г., пересмотрена в 1218 г. и утверждена в окончательной редакции в 1225 г.

Наиболее подробные сведения о постановлениях Ясы мы находим у персидского историка XIII в. Джувайни и египетского писателя XV в. Макризи (ум. 1441-м или 1442 г.).

По словам Джувайни, Яса Чингиз-хана была написана на монгольском языке уйгурским письмом на свитках (*тумар*) и называлась «Великою книгою ясы» («Йаса-наме-йи бузург»). Эти свитки хранились у наиболее авторитетных царевичей — знатоков Ясы; при вступлении нового хана на престол, при отправлении большого войска, при созыве собрания царевичей для обсуждения государственных дел и их решения эти листы приносились и на основании их вершились дела. Яса не сохранилась в подлиннике и известна лишь в отрывках и сокращенных изложениях у Джувайни, Григория Абу-л-Фараджа, Рашид ад-Дина, Вассафа, Ибн Батутты, Макризи, Иоанна де Плано Карпини и других.

Вот несколько статей Ясы в передаче названных авторов, чтобы иметь некоторое представление о постановлениях Чингиз-хана.

«— Царям и знати не надо давать многообразных цветистых имен, как то делают другие народы, в особенности мусульмане. Тому, кто на царском троне сидит, один только титул приличествует — Хан или Каан. Братья же его и родичи пусть зовутся каждый своим первоначальным, личным, именем.

— Всякого, кто, превозносясь в гордости, пожелает быть императором собственною властью без избрания князей, должно убивать без малейшего сожаления.

— Воины берутся не моложе 20 лет от роду. Да будет поставлен начальник над каждым десятком, сотней, тысячей и тьмой.

— Чтобы никто из тысяч, сотен или десятков, к которым он приписан, не смел уходить в другое место или укрываться у других, и никто того человека не должен к себе допускать, а если кто-либо поступит вопреки этому приказу, то того, кто перебежит, казнить всенародно, а того, кто его укрыл, ввергнуть в оковы и наказать.

— Когда хотят есть животное, должно связать ему ноги, распороть брюхо и сжать рукой сердце, пока животное умрет, и тогда можно есть мясо его; но если кто зарежет животное, как режут мусульмане, того зарезать самого».

Соблюдение постановлений Чингиз-хана было обязательно не только для всех жителей империи, но и для самих ханов. Но Яса, конечно, нарушалась как жителями империи, так и самими Чингизидами. Это и понятно. Яса Чингиз-хана регламентировала в основном нормы кочевой жизни. В большинстве покоренных монголами стран, в частности в Туркестане и Иране, где издревле существовала своя правовая традиция, подчинить население новому праву было чрезвычайно трудно. Правовая система монголов, выработанная на основе обычного права кочевников и преимущественно для кочевников, в иных условиях оказывалась крайне неудобной. Многие стороны социально-бытовой и общественной жизни оставались вовсе не регламентированными Ясой, а отдельные ее положения вступали в противоречие с мусульманским религиозным правом и обычаями местного населения. На этой почве возникали столкновения между блюстителями Ясы и местным населением, оборачивавшиеся, как правило, трагедией для последнего.

Вот как описывает, например, Джувайни действия Чагатая (ум. 1242 г.), главы туркестанских владений монголов:

«Своё окружение и подчиненных он так сдерживал страхом Ясы и своею расправою за ее нарушение, что в его правление кто бы ни проезжал поблизости его войска, не нуждался ни в каком авангарде, ни в конвое и, как гиперболически говорят, если бы какая-либо женщина поставила себе на голову поднос золота и пошла одипокою, она бы ничего не боялась. Он издавал мелкие постановления, которые были невыносимы, например, для мусульманского народа, вроде того, чтобы не резали скот на мясо, чтобы днем не входили в проточную воду и т. п. Было разослано во все области постановление, чтобы не резали баранов, и в Хорасане продолжительное время никто открыто не резал овец: он понуждал мусульман питаться падалью»... [Джувайни, изд., т. 1, с. 227].

Яса Чингиз-хана, которая возводила всякий проступок в ранг преступления и предусматривала за всё строгое наказание, вплоть до смертной казни, признается «чрезвычайно строгой» даже историком Монгольской империи Рашид ад-Дином (ум. 1318 г.).

Однако не для всех Яса стала законом, который должен был неукоснительно соблюдаться. Это касалось прежде всего, конечно, Чингизидов. В рассказах о биликах Чингиз-хана говорится, что он сказал:

«Если кто-нибудь из нашего уруга единожды нарушит Ясу, которая утверждена, пусть его наставят словом. Если он два раза ее нарушит, пусть его накажут согласно билику, а на третий раз пусть его сошлют в дальнюю местность Балджин-Кулджур. После того, как он сходит туда и вернется обратно, он образумится. Если бы он не исправился, то да определят ему оковы и темницу. Если он выйдет оттуда, усвоив адаб (нормы поведения), и станет разумным, тем лучше, в противном случае пусть все близкие и дальние его родичи соберутся, учинят совет и рассудят, как с ним поступить» [Рашид ал-Дин, т. 1, кн. 2, с. 263—264].

И еще. В империи было немало людей из военной аристократии, которым сам Чингиз-хан и последующие монгольские ханы даровали титулы, награды и привилегии за их особые заслуги перед государем и государством. Такие привилегированные люди назывались *тарханами*. По словам Джувайни (т. 1, с. 27), привилегии тарханов заключались в следующем: 1) они были освобождены от всяких податей; 2) вся добыча, захваченная ими на войне или на охоте, составляла их полную собственность; 3) во всякое время они могли входить во дворец без особого разрешения; 4) они привлекались к ответственности только за девятое совершенное ими преступление (при этом, однако, имелись в виду только те преступления, которые влекли за собой смертную казнь); 5) во время пира тарханы занимали почетные места и получали по чарке вина.

С течением времени Чингизиды и военно-кочевая знать в западных улусах Монгольской империи все более воспринимали традиции мусульманской культуры и государственности и все менее ограничивали свою жизнь предписаниями Ясы. По словам Хамдаллаха Казвини, «у монголов нет обычая обитать в городах, и это противно Ясаку Чингиз-хана». Между тем именно это требование наиболее часто нарушалось самими Чингизидами как в улусе Чагатая, так и в улусах Джучи и Хулагуидов.

Период действия Ясы во всех монгольских улусах нам в точности неизвестен. В государстве Тимура (правил в 1370—1405 гг.), связанное с именем Чингиз-хана право чаще обозначалось старотюркским словом *төрү*, переделанным в *тура*, чем монгольским *яса*. Тимура и *чагатаев* (так называлась кочевая часть населения государства Тимура) обвиняли в том, что для них тура, связанное с именем Чингиз-хана обычное право кочевников, стояло выше норм мусульманского

права — *шариата*; на этом основании богословскими авторитетами Сирии и Хорезма была издана даже *фетва* (решение, основанное на шариате), по которой Тимур и его подданные не признавались мусульманами. При царствовании сына Тимура Шахруха (правил в 1409—1447 гг.) в официальных документах объявлялось, что законы и постановления Чингиз-хана отменены и что действует только шариат. Однако для государственной и общественной жизни столь громкие заявления Шахруха не имели сколько-нибудь заметного значения. Более того, сын Шахруха, Улугбек (правил в Самарканде в 1409—1449 гг. в качестве наместника отца, фактически самостоятельно), очевидно считаясь с взглядами населения Мавераннахра, старался соблюдать все законы, связывавшиеся с именем Чингиз-хана.

Со временем, однако, в Западном Туркестане Яса стала терять свои позиции. Об отношении к Ясе Чингиз-хана в государстве Тимура при последних Тимуридах можно наглядно судить по следующим словам Бабур. «Прежде, — пишет он в своих знаменитых „Записках“, — наши отцы и родичи тщательно соблюдали постановления (*тура*) Чингиз-хана. В собрании, в диване, на свадьбах, за едой, сидя и вставая, они ничего не делали вопреки тура. Постановления Чингиз-хана не есть непреложное предписание (Бога), которому человек обязательно должен следовать. Кто бы ни оставил после себя хороший обычай, этот обычай надлежит соблюдать; если отец издал хороший закон, его надо сохранить; если он издал дурной закон, его надо заменить хорошим» [Бабур-наме, изд. Мано, с. 291—292].

В восточных областях Чагатайского улуса, в Моголистане, основные положения Ясы Чингиз-хана сохраняли свои действия еще в XV—начале XVI в. (Тарих-и Рашиди). И Джучиды Восточного Дешти и Кипчака XVI в. — предводители узбеков и узбеков-казаков, — согласно известиям источников, при решении многих важных дел поступали «по установлению Чингиз-хана»,... «по Ясе Чингиз-хана» (см. «Михман-наме-йи Бухара» Ибн Рузбихана, с. 59, 60, 94 и др.). Некоторые статьи, главным образом уголовного характера, перешли в кодифицированное обычное право последующих веков, в частности в «Степное уложение» ойратов 1640 г. и законы хана Тауке, известные под названием «Жети Жаргы», — памятник права казахов последней четверти XVII в.

Некоторые сведения теперь о биликах Чингиз-хана.

Монголы заимствовали у китайцев обычай, по которому записывались изречения ханов и после их смерти издавались. Некоторые из изречений Чингиз-хана, которые называются в источниках тюркским словом *билик* (*билиг* — «знание»), приведены Рашид ад-Дином в разделе «О качествах и обычаях Чингиз-хана».

Ряд исследователей XIX в. по ошибке смешивали билики Чингиз-хана с Ясой. Известный востоковед П. Мелиоранский в 1901 г. подверг билики Чингиз-хана специальному исследованию и установил, что разница между содержанием Ясы и биликами Чингиз-хана состояла в том, что в Ясе перечислялись и описывались разные проступки и преступления и указывались наказания, которым должно было подвергать виновных, а в биликах определялся самый порядок следствия и судопроизводства в монгольском суде.

Иными словами, Яса Чингиз-хана представляла собою узаконенное предписание, которому должны были следовать Чингизиды, следовательно и их подданные, а билики являлись своего рода процессуальным кодексом, согласно которому совершался суд над нарушителями Ясы — действующего закона.

Билики Чингиз-хана были предметом преподавания: Чингизиды и военная аристократия в начале и конце каждого года должны были приходить и внимать биликам Чингиз-хана. Вот как это положение оформлено в источнике:

«Еще он (Чингиз-хан) сказал: „Только те эмиры туманов, тысяч и сотен, которые в начале и конце года приходят и внимают биликам Чингиз-хана и возвращаются назад, могут стоять во главе войск. Те же, которые сидят в своем юрте и не внимают биликам, уподобляются камню, упавшему в глубокую воду, либо стреле, выпущенной в заросли тростника, и тот и другая бесследно исчезают. Такие люди не годятся в качестве начальников“... [Рашид ад-Дин, т. I, кн. 2, с. 260].

Знание биликов Чингиз-хана высоко ценилось: в Китае после смерти великого хана Хубилая в 1294 г. вопрос о престолонаследии был решен в пользу того претендента, который обнаружил более основательное знание этих биликов.

Со времени Чингиз-хана существовал обычай, говорится в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина, чтобы изо дня в день записывали слова хана, причем хан для этой цели часто говорил рифмованной прозой, «складно и со скрытым смыслом». Так что при каждом знатном Чингизиде был свой *хасс битикчи* (особый писец, секретарь): у великого хана Угедея (ум. 1241 г.) эту обязанность исполнял уйгур Чингкай, у улусного правителя Чагатая (ум. 1242 г.) — китаец по прозвищу «Везир». Однако о существовании записей биликов Угедея и Чагатая, насколько сейчас известно, нигде не говорится. О секретаре царевича Джучи Куркузе и старшем писце (улуг битикчи) при Бату мусульманине Ходжа Надм ад-Дине говорится в сочинении Джувайни [Джувайни, изд., т. 2, с. 225—227, 260].

НАЧАЛО ДИНАСТИИ ЧИНГИЗИДОВ

Рашид ад-Дин, автор знаменитого «Сборника летописей», главного труда по истории Монгольской империи, утверждает, что Чингиз-хан имел до пятисот жен и наложниц. Но только пять из них были главными женами: 1) Борте из племени конграт; 2) Кулан из племени меркит; 3) Есукат из племени татар; 4) Гунджу, дочь Алтан-хана, государя Хитая; 5) Есулун, сестра упомянутой выше Есукат, также из племени татар. Из их числа только одна, а именно Борте, «была самой почтенной и старшей».

Борте родила Темучину-Чингиз-хану четырех сыновей и пять дочерей. Имена ее сыновей: Джучи, Чагатай, Угедей, Тулуй. Согласно Рашид ад-Дину, от других жен у Чингиз-хана было еще четыре сына, а именно: Кулкан, Джаур, Джурчитай и Орчакан; последние три скончались в детстве и у них не было детей, а вот у Кулкана было четыре сына, сам же он погиб от боевых ран осенью 1237 г. (по другим данным, в январе 1238 г.) во время похода монголов на русские княжества при осаде Коломны. Чингиз-хан установил Кулкану «степень (*мартабе*) четырех упомянутых старших сыновей»; однако судьба детей Чингиз-хана сложилась так, что «людьми особо авторитетными» и наиболее известными стали именно четверо сыновей от конгратки Борте.

Правда, ни один из них не унаследовал высоких дарований отца, но все четверо были людьми небездарными, дельными, энергичными. «Эти четыре сына Чингиз-хана, — сообщает автор „Джами аттаварих“, — были умны, исполнены достоинств и совершенны, отважны и мужественны, ценимы отцом, войском и народом. Государству Чингиз-хана они служили как четыре основных столпа. Каждому из них он уготовил государство, и их называли „четырьмя кулуками“, а „кулуками“ называют тех из людей, коней и прочих, которые выделяются, превосходят других и стоят впереди» [Рашид ад-Дин, т. 1, кн. 2, с. 69—70]. Согласно «Муизз ал-ансаб», эти четыре сына от Борте были знамениты под титулом «Дарбан-шира» (букв.: ‘особо авторитетные люди’) [Муизз ал-ансаб, 2006, с. 29].

К концу жизни Чингиз-хана, т. е. к 1227 г., общее число всех его потомков достигало примерно ста человек — это пятеро сыновей, не менее 40—45 взрослых внуков и много дюжин подрастающих правнуков. История Монгольской империи после смерти ее основателя сложилась, однако, так, что только первые четыре сына Чингиз-хана от его старшей жены Борте, его «четыре кулука», стали родоначальниками царевичей и государей чингизидских улусов, т. е. прародителями членов *алтан уруга* («золотого рода»). Из потомства братьев Чингиз-хана лишь потомки Хасара (Джочи-Касара) получили права

царевичей; остальные вошли в состав аристократии. Известен случай, когда в 1336—1337 гг. на престол Табаристана (область вдоль южного побережья Каспийского моря) был возведен потомок Хасара по имени Тога-Тимур. Однако в действительности даже в самой Монголии на потомков Хасара смотрели косо, «как бы не совсем признавая порой их равноправными настоящими тайджи (царевичами)» [Владимирцов, с. 146]. Словом, с позиции политического сознания той эпохи настоящими членами *алтан уруга* были только Джучи, Чагатай, Угедей, Тулуй и их мужские потомки, рожденные как от законной жены, так и от наложницы или служанки.

В самой Монголии и в восточных областях Монгольской империи царевичей дома Чингиз-хана именовали *кобегун*, со времени Монгольской династии Юань (1271—1368 гг.) — *тайджи*, словом, взятым из китайского языка.

В западных улусах Чингизидов для обозначения принцев крови употреблялись совсем иные слова и титулы. В сочинениях мусульманских авторов XIII—начала XIV в. первые Чингизиды обычно именуется *шахзаде*, *падишахзаде* («царский сын») или просто персидским словом *несар* (букв.: 'сын'), а для обозначения представителей династии западных Чингизидов третьего-четвертого и последующих поколений употребляется уже тюркское слово *огул* или *оглан* (букв.: 'сын', 'ребенок'), которое обычно ставится только после собственных имен принцев. С XIV в. наиболее употребительным титулом каждого члена западных династий Чингизидов становится слово *султан*. Важно отметить, что в государствах Джучидов и Чагатаидов султаном называли и принцев крови, и принцесс; причем титул «султан» ставился как перед собственным именем его обладателя, так и после него.

По мере естественного роста численности царевичей, дробления *алтан уруга* и распада Монгольской империи образовалось несколько параллельных династий Чингизидов, а именно: династия Джучидов (потомков Джучи), правила в Дешт-и Кипчаке; династия Чагатаидов (потомков Чагатая), правила в Семиречье, Мавераннахре, Восточном Туркестане; династия Хулагуидов (потомков Хулагу, сына Тулуя), правила в Иране; династия Юань (потомков Тулуя), правила в Монголии и Китае.

КОНЦЕПЦИЯ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ У ДРЕВНИХ МОНГОЛОВ

Отец Чингиз-хана, Есугей, был только *бахадуром* («витязь», «герой»; древний тюрко-монгольский титул) и никогда не имел при жизни ханского титула. Его сын, Темучин, как уже упоминалось,

дважды избирался ханом, около 1189 г. и весной 1206 г. на всемонгольском курултае, который одновременно утвердил за Темучином титул Чингиз-хана. С целью обоснования прав на ханский титул Темучина, человека, не принадлежавшего к правящему дому, была придумана легенда, будто его отец, Есугей-бахадур, был племянником последнего из монгольских каганов — Хутула-кагана, сына Хабул-кагана. Тогда Чингиз-хана, надо думать, вполне удовлетворяло такое прозаическое, чисто земное обоснование его власти над монголами: он знал, он видел собственными глазами, что людьми посажен на всемонгольский престол. Но вскоре произошли величайшие события, которые предопределили совсем иное толкование вопроса о праве Темучина на власть, а именно — создание Чингиз-ханом мировой державы.

Победы над столькими государями и народами, быстрые и громадные завоевания Чингиз-хана дали ему уверенность в том, что сам он и его народ находятся под покровительством божественного Провидения. Да и «жители мира воочию убедились, что он был отмечен всяческой небесной поддержкой» [Рашид ад-Дин, т. 1, кн. 2, с. 64].

Связь Неба и Чингиз-хана требовала скорейшего и вразумительного толкования. Прежнее обоснование прав Чингиз-хана на власть — родословная связь по боковой линии его отца с прежними каганами — в новом положении уже было недостаточным. Теперь надо было освободить фактическую самодержавную власть Чингиз-хана от всякого земного юридического источника, поставить ее на более возвышенное основание. Им естественным образом стала идея о божественной предустановленности власти Чингиз-хана. Эта идея была мастерски воплощена в красочной легенде об Алан-Гоа, матери Бодончара, отдаленного предка Чингиз-хана.

Согласно легенде, Алан-Гоа, женщина красивая и очень знатного рода, была женой Добун-Мергена и имела от него двух сыновей — Белгунотай и Бугунотай. Добун-Мерген скончался в молодости. После того, как Алан-Гоа лишилась мужа, она без посредства брака и тесной связи с мужчиной произвела на свет трех сыновей — Бугу-Хадаги, Бухату-Салчжи и Бодончара; их мать забеременела от луча света, проникшего к ней с Небес через верхнее отверстие юрты. Белгунотай и Бугунотай, старшие сыновья, родившиеся еще от Добун-Мергена, стали втихомолку поговаривать про Алан-Гоа: «Вот наша мать родила трех сыновей, а между тем при ней нет ведь ни отцовских братьев, родных или двоюродных, ни мужа. Единственный мужчина в доме — это Маалих, Баяудаец. От него-то, должно быть, и эти три сына».

Однако яснее других написал об этом великий путешественник XIII в. Марко Поло: «И только тот, кто происходит по прямой линии

от Чингис-хана, может быть государем всех татар» [Марко Поло, 2004, с. 221].

Алан-Гоа узнала об этих их тайных пересудах. Тогда она посадила рядом всех своих пятерых сыновей и произнесла: «Вы двое сыновей моих, Белгунотай, Бугунотай, осуждали меня и говорили между собой: „Родила, мол, вот этих троих сыновей, а от кого эти дети?“ Подозрения ваши основательны. Но каждую ночь, бывало, через дымник юрты, в час, когда светило внутри погасло, входит, бывало, ко мне светло-русый человек; он поглаживает мне чрево, и свет его проникает мне в чрево. А уходит он так: в час, когда солнце с луной сходится, процарапываясь, уходит, словно желтый пес. Что же болтаете всякий вздор? Ведь если уразуметь все это, то и выходит, что эти сыновья отмечены печатью небесного происхождения. Как же вы могли болтать о них, как о таких, которые под стать простым смертным? Когда станут они царями царей, ханами над всеми, вот тогда только и уразумеют все это простые люди» [Сокровенное сказание, с. 80—82; Рашид ад-Дин, т. 1, кн. 1, с. 10—14].

И вот теперь, по прошествии многих и многих лет, когда в политической жизни монголов настал переломный период, когда история сделала свой исторический вызов, «Небо с Землей сговорились» и определили его, Темучина, «отмеченного печатью небесного происхождения» потомка Бодончара, быть единственно законным правителем мира, «царем царей». Таким образом, Чингиз-хан — государь божьей милостью. Он угоден Небу, его власть от Неба, и потому для утверждения в своих правах на верховное руководство народами и странами он не нуждается в человеческих санкциях и одобрении людей; более того, Чингиз-хан, как государь по велению Вечного Неба — сам источник права на власть.

Идея о небесном мандате Чингиз-хана на правление земной империей без границ стала официальной идеологией Еке Монгол улуса («Великого Монгольского государства»). И, как показывают материалы источников, деятельность всех четырех великих ханов Монгольской империи — Угедея, Гуюка, Мунке, Хубилая — осуществлялась согласно принципам именно этой официальной идеологической доктрины, отчетливо провозглашавшей незыблемость власти Чингиз-хана и Чингизидов над ойкуменой и руководящую роль монголов над всеми прочими народами. Это положение хорошо иллюстрирует следующая фраза из письма великого хана Гуюка Папе Римскому от 1246 г.: «Силою бога все земли, начиная от тех, где восходит солнце, и кончая теми, где заходит, пожалованы нам» (см.: [Иоанн де Плано Карпини, с. 221, примеч. 217]).

Итак, согласно официальной идеологической доктрине древних монголов, легитимация власти Чингиз-хана жалована Небом. Источ-

ник же политической власти членов «золотого рода» — генеалогия, а именно: их принадлежность к прямым потомкам Чингиз-хана по мужской линии. Понятие о наследственных правах потомков Чингиз-хана на верховную власть, по мнению академика В. В. Бартольда, ярче всего выражено в рассказе Рашид ад-Дина о вступлении Газан-хана в 1300 г. в Дамаск. Газан-хан будто бы обратился к жителям с вопросом: «Кто я?» Они воскликнули: «Царь Газан, сын Аргуна, сына Абага-хана, сына Хулагу-хана, сына Тулуй-хана, сына Чингиз-хана». Потом Газан-хан спросил: «Кто отец Насира?» Они ответили: «Альфи». Газан-хан спросил: «Кто был отцом Альфи?» Все промолчали. Всем стало ясно, что царствование этого рода случайно, а не по праву, и что все являются слугами знаменитого потомства предка государя ислама [Рашид ад-Дин, т. 3, с. 184].

Согласно древнемонгольской концепции власти, верховная власть в государстве сосредоточена в лице хана и является наследственной в роду Чингиз-хана. Исключительное право на царство признается только за первыми четырьмя сыновьями Чингиз-хана от его старшей жены Борте — Джучи, Чагатай, Угедей, Тулуй — и их прямыми потомками, которые, собственно, и составляют *алтан уруг* («золотой род») — правящую монгольскую династию. Единственный источник права на верховную власть — это воля «золотого рода»; высшим непосредственным выражением власти «золотого рода» является *курултай* — собрание царевичей и знати. Ханом может быть любой член алтан уруга, если он будет признан большинством «золотого рода» достойнейшим по своим качествам и утвержден на курултае царевичей и высшей аристократии. Хан, права которого не основаны на признании его со стороны большинства «золотого рода» и утверждении его на курултае, — узурпатор и подлежит наказанию. Одно из постановлений Чингиз-хана, по словам Иоанна де Плано Карпини, гласило: «Всякого, кто, превозносясь в гордости, пожелает быть императором собственной властью, без избрания князей, должно убивать без малейшего сожаления» [Иоанн де Плано Карпини, с. 43]. Любой нечингизид, претендующий на сан хана, признается мятежником против воли Неба, а не просто обычным государственным преступником.

Монголами было запрещено давать своим государям и знати многообразные цветистые титулы, как то делают другие народы, в особенности мусульмане. Согласно Ясе Чингиз-хана, как ее излагают Абу-л-Фарадж и Джувайни, «тому, кто на царском троне сидит, один только титул приличествует — *хан* или *каан*. Братья же его и родичи пусть зовутся каждый своим первоначальным, личным именем» [Вернадский, с. 43, 54].

Этот пункт Ясы соблюдался достаточно строго, и, насколько известно, все монгольские ханы до и после вступления на престол но-

сили одно и то же имя. Правда, есть отдельные случаи, когда уже царствующие Чингизиды принимали второе, мусульманское, имя. Так, например, Чагатаид Тармаширин (правил в 1330—1334 гг.), будучи ханом, принял ислам и стал называться Султан Ала ад-Дин; Джучид Узбек-хан (правил в 1313—1341 гг.) в 1321 г. принял ислам, а заодно и мусульманское имя — Султан Мухаммад. Кстати, именно с этого времени, с середины XIV в., арабское слово «султан» сделалось в улусах Джучи и Чагатая титулом каждого члена династии, происходившей от Чингиз-хана.

Итак, правовым основанием для получения сана хана служили принадлежность претендента к «золотому роду» и воля большинства Чингизидов и высшей аристократии. Царствующий род как бы делегировал одного из своих членов на исполнение определенных функций, наделив его известными правами. Ниже мы рассмотрим вопросы о прерогативах и функциях государя, но прежде всего для полноты сведений дадим описание церемонии интронизации хана у древних монголов.

Хотя по видимости все вопросы престолонаследия решались на курултае, однако в действительности обсуждение и признание прав соответствующего кандидата на престол происходили на сходках царевичей заранее, еще до начала работы собственно курултая. На всемонгольском курултае, как отметил В. В. Бартольд, происходил только акт провозглашения хана, торжественной присяги и торжественного восшествия его на престол. Все это сопровождалось определенной церемонией.

Всемонгольский курултай для торжественного утверждения нового суверена созывался старшим членом царствующего рода или временным правителем государства (регентом). Время его созыва определялось заранее и оповещалось по улусам через гонцов. В назначенный срок и в определенное место со всех концов обширной империи съезжались царевичи, дяди и двоюродные братья царевичей, царевны, зятья-гурганы, влиятельные нойоны и старшие эмиры, должностные лица, а также покорные монголам цари и правители; все они являлись туда в нарочитом множестве, со свитой и челядью, с большими дарами и приношениями.

Прибывшие на курултай высокие гости размещались в шатрах, число которых достигало тысячи, гости были заняты удовольствиями и развлечениями. А тем временем звездочеты делали свои астрологические наблюдения и по гороскопу выбирали благоприятный для интронизации хана день.

Царевичи же во главе с самым старшим по возрасту из присутствовавших членов царствующего рода и наиболее влиятельные эмиры (*нойоны*) и сановники собирались в отдельном шатре и вели разгово-

ры о делах государства и царствования. Курултай, на котором провозглашался новый суверен, длился по несколько недель (например, курултай 1229 г. — сорок дней, курултай 1246 г. — более четырех недель и т. д.). Участники такого курултая, согласно рассказу Джувайни (изд. т. 1, с. 147; пер., т. 1, с. 186), «каждый день надевали новую одежду другого цвета». По свидетельству Иоанна де Плано Карпини, в первый день курултая 1246 г., когда великим ханом провозгласили царевича Гуюка, «все одеты были в белый пурпур, на второй — в красный, и тогда к упомянутому шатру прибыл Куйюк; на третий день все были в голубом пурпуре, а на четвертый — в самых лучших балдахинах» [Иоанн де Плано Карпини, с. 74].

Церемония интронизации хана происходила в специально возведенном по такому случаю шатре, который, согласно Иоанну де Плано Карпини (с. 76), монголы называли «*Золотой Ордой*». После того, как завершались долгие словопрения (когда присутствовавшие хвалили кандидата на престол, а тот, «как обычно бывает», отказывался, перепоручая это каждому царевичу) и наступал выбранный звездочетами благоприятный день, совершался сам акт торжественного восшествия избранника на престол и торжественной присяги. Все присутствовавшие, по обычаю, обнажали головы, развязывали пояса и перекидывали их через плечо. Двое самых старших по возрасту членов ханского рода брали за руки избранника и усаживали на «престол верховной власти и подушку царствования».

По рассказу доминиканца Симона де Сен-Квентина, участника миссии брата Асцелина в ставку монгольского нойона в Малой Азии летом 1246 г., перед избранником, сидящим на троне, царевичи клали меч и говорили: «Мы желаем, мы просим, мы приказываем, чтобы ты владычествовал над всеми нами». А кандидат на престол верховной власти так обращался к присутствовавшим: «Если вы хотите, чтобы я царствовал над вами, то готовы ли все до одного делать то, что я прикажу, приходить, когда бы я ни позвал, идти туда, куда я пошлю вас, предать смерти всякого, кого я прикажу?» Присутствовавшие отвечали, что они готовы. Тогда избранник говорил: «Мой приказ будет мой меч». С этим они все соглашались. Затем кандидата на престол царствования сажали на белый войлок, говоря ему: «Смотри вверх и познай бога, и смотри вниз и увидишь войлок, на котором сидишь. Если ты будешь хорошо управлять своим царством, будешь щедр и будешь поступать справедливо и почитать каждого из князей соответственно его рангу, то будешь царствовать во славу, весь мир преклонится перед твоим правлением и господь пошлет тебе все, что ты пожелаешь в сердце своем. Но если ты будешь делать противное, то будешь несчастен, отвержен и беден так, что этот войлок, на котором ты сидишь, не будет оставлен тебе». После этих слов царевичи сажали на

войлок, также жену коронуемого принца и вместе с ними обоими, сидящими там, поднимали войлок вверх несколько раз и громогласными криками провозглашали: «Император и императрица всех татар» [цит. по: Путешествия в восточные страны, с. 219, примеч. 207].

Все собравшиеся, как внутри огромного шатра, так и вне ставки, вместе с царевичами девять раз (так по Рашид ад-Дину; по Джужвайни — три раза) преклоняли колени и вновь громогласно выкрикивали имя нового хана. Затем царевичи и высшая знать давали письменную присягу в верности новому суверену. По выходе из шатра совершали троекратное поклонение Солнцу. А после все принимались за чаши и неделю-другую пировали [Джужвайни, изд., т. 1, с. 147—148. 206—207; Рашид ад-Дин, т. 2, с. 19, 119, 132, 133].

Царствующий хан являлся верховным носителем светской власти в государстве. Ханская власть традиционно рассматривалась как гарант общего блага, стабильности и правопорядка в обществе. Эта идея выражена, например, у Хамдаллаха Мустауфи Казвини (1280—1350 гг.) такой максимой: «Если бы не султан, то люди съели бы друг друга». У Шараф ад-Дина Али Йазди (первая пол. XV в.) приводится целое рассуждение о государе, а затем — стих:

Мир без правителя подобен телу без головы,
Тело без головы — ниже праха с дороги.

В общих чертах характер ханской власти в обществе определяется в средневековых источниках так: хан обязан заботиться о своих подданных и войске, как мать о своих детях, а подданные и войско должны считать государя отцом для себя и искренне ему повиноваться, верно служить и жертвовать своими жизнями для поддержания его власти. Если же говорить конкретно, то власть хана определялась известными правами и была связана с исполнением ряда функций. Этих прав и функций было по меньшей мере пять. Вот их перечень.

1. Хан как глава царствующего рода и верховный сюзерен всех подданных государства имел верховное право распоряжаться всей территорией страны, всеми землями, принадлежавшими улусам, право, которое было следствием основной функции и главной обязанности — вооруженная охрана страны от внешних врагов.

2. Хану принадлежало право объявления войны и заключения мира, бывшее следствием его функции верховного руководителя войск.

3. Хану принадлежало верховное право переговоров с иностранными государствами, что являлось следствием его функции определять внешнеполитический курс государства.

4. Хану принадлежало право убить или оставить в живых своего подчиненного — право, бывшее следствием его функции верховного судьи.

5. Наконец, хану принадлежало право издавать законы и обязательные для всех членов общества приказания — право, бывшее следствием его функции сохранять существующее общественное устройство и порядок.

Приведем теперь примеры из источников, характеризующие единоличную верховную власть монгольского хана. «Было не в обычае, — пишет Рашид ад-Дин, — чтобы кто-либо переиначивал решение и указ каана, а тот, кто бы это совершил, являлся бы преступником...» [Рашид ад-Дин, т. 2, с. 12]. Более развернутую характеристику власти монгольского хана дает Иоанн де Плано Карпини: «Император же этих татар имеет изумительную власть над всеми. Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячники сотникам, сотники же десятникам. Сверх того, во всем том, что предписывает во всякое время, во всяком месте, по отношению ли к войне, или к смерти, или к жизни, они повинуются без всякого противоречия...» [Иоанн де Плано Карпини, с. 45].

Понятно, конечно, что власть хана лишь в редких случаях достигала описанной выше полноты. В ряде случаев хану приходилось делить верховную власть с какими-либо другими политическими силами внутри государства или отдельным, наиболее могущественным членом «золотого рода» (этой теме посвящена специальная работа: [Трепавлов, с. 249—278]). В истории чингизидских улусов были периоды, когда одновременно правило даже несколько соправителей. Так, после смерти золотоордынского хана Менгу-Тимура (по одним известиям, в 1280 г., по другим — в 1282-м), внука Батыея, на престол воссел его брат Туда-Менгу. Сыновья Менгу-Тимура и сыновья Тарбу, брата Менгу-Тимура, по словам Рашид ад-Дина, «свергли Туда-Менгу с престола под тем предлогом, что он помешанный, и сами совместно царствовали пять лет» [Рашид ад-Дин, т. 2, с. 83]. В 1620—1621 гг. Шибанид Хабаш-султан ослепил своего отца Араб-хана, государя Хивы, и один год и шесть месяцев «правил вдвоем в содружестве» со своим братом Ильбарс-султаном [МИКХ, с. 449].

Однако здесь следует особо подчеркнуть, что как приведенный пример «совместного царствования» четырех Чингизидов вместо здравствующего хана Туда-Менгу (ум. 1287 г.), так и известные исторические примеры двоевластия являются лишь следствием практического развития конкретных событий, каждого данного обстоятельства и не отражают таким образом норму политического порядка в Еке Монгол улусе и государствах Чингизидов (Золотой Орде, государстве Чагатаидов, Хулагуидов). Нормой политического порядка в Еке Монгол улусе и государствах Чингизидов было единовластие; все случаи

двоевластия и «совместного царствования» нескольких Чингизидов следует рассматривать как отступление от этого порядка.

СЛОЖЕНИЕ МОНГОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА С ЦЕНТРОМ В ПОВОЛЖЬЕ — ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (ДЖУЧИЕВ УЛУС)

Золотая Орда — государство, возникшее в XIII в. на юге Руси, в Великой Степи (Дешт-и Кипчак), и сыгравшее значительную роль в возникновении новых тюркских народностей на местах их современного расселения. История его образования связана с историей сложения удела-владения Джучи, старшего сына Чингиз-хана.

При Чингиз-хане и Чингизидах получил свое дальнейшее развитие родовой принцип, согласно которому государство считалось собственностью всей царствующей фамилии и распадалось на множество уделов-владений. Эта особенность государственного управления была подмечена еще Джувайни, который по меньшей мере три раза (в 1246—1247, 1249—1251, 1251—1253 гг.) сопровождал монгольского правителя Хорасана Аргун-ага в Монголию. «Хотя по видимости правление и страна вверены одному лицу, наделенному ханским достоинством, — писал он в своем „Тарих-и Джахан-гушай“ („История завоевателя мира“), — в действительности все потомки и дядя по отцу сообща владеют землей и общественным богатством» [Джувайни, изд., т. 1, с. 30—31].

Выше уже упоминалось, что Чингиз-хан подчинился народному обычаю и еще при жизни назначил уделы своим сыновьям и другим родичам. Насколько можно судить по имеющимся материалам, первым был выделен старший сын Чингиз-хана, Джучи. Когда в 1207—1208 гг. Джучи покорил енисейских кыргызов и прочие «лесные народы» юга Сибири, говорится в монгольской хронике 1240 г., отец подарил все эти народы ему. Впоследствии, после покорения Чингиз-ханом современного Казахстана и Средней Азии (1219—1224 гг.), в состав удела Джучи вошли обширные земли к западу от Иртыша и от границ Каялыка (в Семиречье) и Хорезма (нижняя Аму-Дарья) «вплоть до тех пределов, куда доходили копыта татарских коней», т. е. до границ царства волжских болгар.

После передвижения удела Джучи на запад страна киргизов на Енисее вошла в состав удела потомков младшего сына Чингиз-хана, Тулуя.

Завершив военную кампанию в Среднюю Азию, в 1224 г. Чингиз-хан вернулся в Монголию с сыновьями, кроме Джучи. Он остался в полюбившихся ему Кипчакских степях, чтобы заняться заботами

правления своего улуса-владения. Согласно Рашид ад-Дину, автору «Джами ат-таварих» («Сборник летописей»), главному источнику по истории Монгольской империи, орда (ставка) Джучи «была в пределах Иртыша» [Рашид ад-Дин, т. 2, с. 78]. По утверждению Абу-л-Гази, Чингизида и автора «Шаджара-йи тюрк» («Родословное древо тюрков»), «резиденция (*тахтгах*) Джучи располагалась в Дешт-и Кипчаке, и это место (*йер*) называлось Кок-Орда» [Абу-л-Гази, изд., т. 1, с. 172].

О событиях правления Джучи в источниках сведений нет. По рассказу Рашид ад-Дина, Чингиз-хан поручил Джучи покорить «северные страны, как-то: Келар, Башгирд, Урус, Черкес, [Западный] Дешт-и Кипчак и другие области тех краев». Сын не исполнил поручения отца. Чингиз-хан крайне рассердился и вызвал сына в свою орду (ставку). Тот ответил, что его постигла кручина болезни и он не может отправиться в Монголию. Между тем один монгол из племени мангыт, прибывший из западных границ империи, рассказал, что-де видел Джучи на охоте у «одной горы». «По этой причине воспламенился огонь ярости Чингиз-хана, и, вообразив, что Джучи, очевидно, взбунтовался, что не обращает внимания на слова отца», он послал против него Чагатая и Угедея с войском, намереваясь идти вслед за ними; в это время пришло роковое известие о кончине Джучи [Рашид ад-Дин, т. 2, с. 79].

Дата смерти Джучи у Рашид ад-Дина не указывается. Согласно известиям Махмуда ибн Вали, автора «Бахр ал-асрар» (т. 6, ч. 3, л. 96а), он умер в месяце раби ал-аввал 627 г. х. (19 февраля—20 марта 1227 г. по юлианскому календарю), за шесть месяцев до смерти своего отца, Чингиз-хана. В источнике XV в. «Шаджарат ал-атрак» («Родословие тюрков») содержится поэтический рассказ о том, как Улуг-Джирчи, который был приближенным и одним из великих эмиров двора, сообщил Чингиз-хану известие о смерти его старшего сына. Чингиз-хан в ответ Улуг-Джирчи будто бы произнес тюркский стих:

Кулун алган куландай кулунумдан айрылдым
Айрылышкан анкудай эр улумдан айрылдым.

То есть:

Подобно кулану, лишившемуся своего детеныша,
я разлучен со своим детенышем;
Подобно разлетевшейся в разные стороны стае уток,
я разлучен со своим героем-сыном.

Когда от Чингиз-хана изошли такие слова, все эмиры и нойоны, находившиеся в ставке, встали, выполнили обычай соблезнования и стали причитать. «Через шесть месяцев после смерти Джучи-хана, — пишет автор „Шаджарат ал-атрак“, — Чингиз-хан также распростил-

ся с миром» [СМИЗО, т. 2, с. 203—204; Шаджарат ал-атрак, с. 222—224].

По ранним источникам, Джучи был похоронен на верхнем Иртыше; по преданию, приведенному автором XVI в. Хафиз-и Танышем, гробница Джучи находилась в Центральном Казахстане, в бассейне Сары-Су, близ речки Сарайлы, несколько севернее речки Терс-Кендерлик.

Джучи имел много жен и наложниц. Как об этом передают достойные доверия повествования, читаем в источнике, у него было около 40 сыновей и от них «народилось несметное количество внуков». В «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина приводятся имена 14 сыновей Джучи в следующем порядке: первый сын — Орда, второй — Бату, третий — Берке, четвертый — Беркечар, пятый — Шибан, шестой — Тангут, седьмой — Бувал, восьмой — Чилаукун, девятый — Шингкур, десятый — Чимпай, одиннадцатый — Мухаммад, двенадцатый — Удур, тринадцатый — Тука-Тимур, четырнадцатый сын — Шингкум.

В «Муизз ал-ансаб», генеалогическом сочинении, составленном в 1426 г. при дворе Тимуридов, приводятся имена 18 сыновей Джучи. Вот начало этого списка: Орда, Бату, Берке, Эсен, Буре...

После смерти Джучи из всех его сыновей второй, Бату (Батый), был признан войсками на западе наследником отца, и этот выбор был утвержден Чингиз-ханом. Нарративные источники XIII—XIV вв. упоминают об этом лишь вскользь; некоторые подробности вопроса содержат более поздние источники. Так, у Абу-л-Гази (XVII в.) приводятся два рассказа. Согласно первому, Чингиз-хан, услышав о смерти Джучи, крайне опечалился. По окончании траурных дней он сказал своему младшему брату Отчигину: «Отправляйся в Дешт-и Кипчак и второго сына Джучи-хана, Бату, по прозвинию (*лакаб*) Саин-хан, возведи на отцовский престол». Когда Бату узнал о том, что к его орде (ставке) приближается Отчигин, выслал для встречи его своих сыновей и младших братьев, а вслед за ними и сам выехал для встречи высокого гостя. Встретились. По прошествии трех дней Отчигин, соблюдая все обычаи, посадил Бату на отцовский престол. По случаю коронации устроил большой пир (*той*). В это время из ставки Чингиз-хана прибыл нарочный с известием, что хан умер [Абу-л-Гази, изд., т. 1, с. 169—170]. Второй рассказ короткий. Когда Джучи заболел и умер, говорится в нем, Чингиз-хан был еще жив; он вызвал к себе в орду своего внука Бату, по прозвищу Саин-хан, и сказал ему: «Прими на себя власть отца и отправляйся в земли, в которые хотел идти он»; когда Саин-хан собирал войско для похода, умер и Чингиз-хан [Абу-л-Гази, изд., т. 1, с. 180].

Подробный рассказ о передаче верховной власти в Дешт-и Кипчаке царевичу Бату приводится в «Чингиз-наме», написанном в XVI в. в Хорезме Утемишом-хаджжи. Когда умер Джучи, пишет он, между двумя старшими его сыновьями — Орда и Бату — произошел спор, кому из них быть главой улуса; каждый хотел уступить престол другому. Для разрешения спора о власти два сына Джучи, родившиеся от одной матери, и 17 сыновей, родившихся от других матерей, все вместе отправились к Чингиз-хану. «Великий» дед, принимая царевичей, велел поставить три юрты: белую юрту с золотым порогом для Саин-хана (т. е. Бату), синюю юрту с серебряным порогом для Эджена (т. е. Орда-Эджена), серую юрту со стальным порогом для Шибана; для Тукай-Тимура он не поставил и крытой повозки [Бартольд, т. 8, с. 167—168, текст; Чингиз-наме, с. 92].

Таким вот образом Чингиз-хан отличил Бату от всех остальных своих внуков, и вопрос о наследнике Джучи был решен окончательно. Его братья подчинились ему, весь народ изъявил покорность ему.

Историческое значение правления Бату (1227—1255 гг.) определяется тем, что он был основателем Золотой Орды и именно под его верховным командованием было осуществлено завоевание монголами Болгара, Западного Дешт-и Кипчака, Руси, Восточной Европы. Бату (Батый) родился в первые годы XIII в. вторым сыном у царевича Джучи от его главной жены Уки-хатун, дочери Ильчи-нойона из племени кунграт. Как отметил еще академик В. В. Бартольд, Бату, которого русские знали только как жестокого завоевателя, получил от своих соплеменников прозвище Саин-хан — «Добрый хан». По словам францисканца Иоанна де Плано Карпини, который в 1245—1246 гг. совершил путешествие в ставку Бату, в Поволжье, и далее в Монголию, Бату «был весьма жесток» на войне, но для своих подданных он был милостивым господином. Бату характеризуется как справедливый, мягкий и мудрый правитель также в персидских и армянских источниках XIII в. Согласно рассказу Джувайни, Бату умер в 1255 г.

По словам Джузджани, автора всеобщей краткой истории «Табакат-и насири», завершенной в 1260 г. в Индии:

«Похоронили его (Бату) по обряду монгольскому. У этого народа принято, что если кто из них умирает, то под землей устраивают место вроде дома или ниши, сообразно сану того проклятого, который отправился в преисподнюю. Место это украшают ложем, ковром, сосудами и множеством вещей; там же хоронят его с оружием его и со всем его имуществом. Хоронят с ним в этом месте и некоторых жен и слуг его, да того человека, которого он любил более всех. Затем ночью зарывают это место и до тех пор гоняют лошадей над поверхностью могилы, пока не останется ни малейшего признака того погребения» [СМИЗО, т. 2, с. 16].

Как полагает известный исследователь Дж. Э. Бойл, эпитет «саин» означал не «добрый» или «умный», но просто «покойный», т. е. Саин-хан — это посмертный титул Бату, употреблявшийся с целью избежать упоминания настоящего имени, как и в случае с его дядей Тулуем и его отцом Джучи; первый из них имел титул *yeke noyan* «Великий нойон», а второй — *ulus idi* «Владыка улуса» [Бойл, 2002, с. 28—31].

О первых десяти годах правления Бату Улусом Джучи в источниках мало сведений. В 1229 г. он присутствовал на всемонгольском курултае, на котором Угедей, третий сын Чингиз-хана, был провозглашен великим ханом. На всемонгольском курултае 1235 г., на котором было принято решение о новом походе в западные страны, Бату был назначен начальником объединенного монгольского войска.

По ходу темы остановимся теперь в общих чертах на семилетнем походе (1236—1242 гг.) Бату в страну кипчаков, болгар, урусов и других соседних с ними народов. Но прежде для полноты сюжета изложим вкратце первую встречу монголов с соединенными силами кипчаков и русских в 1223 г. на р. Калке (у Азовского моря).

В 1220 г., после того как Чингиз-хан захватил Самарканд, правитель Средней Азии хорезмшах Мухаммад (правил в 1200—1220 гг.), ожидавший исхода битвы за город на берегу Аму-Дарьи, бежал в Табаристан (область в южной части Каспийского моря). Для его преследования Чингиз-хан отправил 30-тысячный корпус во главе с Джебе и Субедеем (Субудай). Хорезмшах Мухаммад нашел свой бесславный конец на одном из безлюдных островов Каспийского моря, а монгольские военачальники прошли огнем и мечом через Северный Иран, оттуда вошли на Кавказ, разбили военные силы Грузии и Азербайджана и двинулись через Ширванское ущелье на Северный Кавказ, осенью 1222 г. они оказались на земле аланов (иранская народность Северного Кавказа, предки современных осетин) и кипчаков (союз тюркских племен Великой Степи; см. выше раздел о кипчаках).

По рассказу арабского историка Ибн ал-Асира (ум. 1233 г.) и автора «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дин (ум. 1318 г.), аланы объединились с кипчаками и сразились с монголами, но ни одна сторона не одержала верха. Тогда монголы решили внести рознь в их среду и сообщили кипчакам следующее: «Мы и вы — одного племени и происходим из одного рода, а аланы нам чужие. Мы с вами заключим договор, что не причиним друг другу вреда, мы дадим вам из золота и одежды то, что вы пожелаете, вы же оставьте нам аланов». Одновременно они послали кипчакам много всякого добра. Кипчаки покинули своих союзников и ушли в степь. Монголы напали на аланов и одержали победу. Затем монголы, изменив своему слову, вторглись в западные области Дешт-и Кипчака и перебили всех, кого нашли.

Уцелевшие кипчаки бежали: «одни укрылись в болотах, другие в горах, а иные ушли в страну русских», т. е. за Днепр.

Монголы провели зиму в степях Предкавказья, а весной 1223 г. вторглись в Крым и захватили город-порт Судак. «Это, — пишет ал-Асир, — город кипчаков, из которого они получают свои товары, потому что он лежит на берегу Хазарского моря и к нему пристают корабли с одеждами; последние продаются, а на них покупаются девушки и невольники, буртасские меха, бобры, белки и другие предметы, находящиеся в земле их. Это море Хазарское есть то море, которое соединяется с Константинопольским проливом» [СМИЗО, т. 1, с. 26].

Предводители западных кипчаков попросили военной помощи у галицкого князя Мстислава Удалого. На призыв Мстислава Удалого отправиться на войну с монголами откликнулись еще несколько князей. После большого княжеского совета в Киеве было решено выступить против монголов и сразиться «с опасным неприятелем вне отечества», в Кипчакских степях. Русские войска выступили на юг и объединились с кипчакской ратью. На левом берегу Днепра произошла первая стычка с монголами. Русские полки разбили авангард неприятеля, и монголы начали отступать на восток. После нескольких дней преследования, 31 мая 1223 г., соединенные силы кипчаков и русских встретились с главными силами Джебе и Субедея близ реки Калки. Обе стороны бились с неслыханным упорством, и бой между ними длился несколько дней. Наконец монголы одержали верх. Кипчаки и русские обратились в бегство. О потерях монголов сведений нет. А вот русские потери были очень велики: по данным русских летописей, в битве погибло шесть князей, из простых воинов вернулся лишь каждый десятый; число одних убитых киевлян достигало 10 тысяч человек. Монгольская конница преследовала остатки русских дружин до Днепра.

В конце 620/1223 г. монголы повернули обратно на восток и направились в глубь Волжской Болгарии. По словам Ибн ал-Асира, болгары «в нескольких местах устроили им засады» и, заманив, напали на них с тыла и перебили множество воинов. Уцелевшие монголы через степи современного Казахстана двинулись быстрым маршем на юго-восток и летом 1224 г. достигли верхнего Иртыша. Там состоялась встреча возвращавшегося из Средней Азии Чингиз-хана с его любимыми полководцами Джебе и Субедеем. Воздавая долг их верности, мужеству и военному искусству, хан устроил курултай с пирами. Осенью того же 1224 г. повелитель монголов снялся со стоянки и последовал с войском, военачальниками и челядью на восток, в Монголию.

Вместе с Чингиз-ханом в Монголию вернулись все его сыновья, кроме Джучи. Согласно повелению отца, он должен был отправиться с войском, захватить «Ибир-Сибир, Булар, [Западный] Дешт-и Кипчак, Башгурд, Рус и Черкес до Дербенда» и включить их в свои владения. Но Джучи уклонился от выполнения воли Чингиз-хана, что явилось причиной столкновения между отцом и сыном. Выше уже излагалась версия Рашид ад-Дина на этот счет. А вот что сообщает по этому поводу перс Джузджани в своем «Табакат-и Насири» (написана в 1260 г.). Джучи настолько любил Кипчак, что решил избавить страну от разорения. «Мой отец, Чингиз-хан, потерял рассудок, — сказал он своим приближенным, — так как он губит столько земель и изводит столько народу»; потому он, Джучи, хочет убить Чингиз-хана во время охоты. Чагатай, младший брат Джучи, узнав об этом коварном плане, рассказал отцу, который велел тайно отравить Джучи [Джузджани, т. 2, с. 1101].

Но как мы уже знаем, дело до братоубийства не дошло. Джучи умер естественной смертью в месяце раби ал-аввал 627 г. х. (февраль—март 1227 г.). Преемником Джучи стал его сын Бату. Когда, после смерти Чингиз-хана (август 1227 г.), третий сын его, Угедей, воссел на царство (правил в 1229—1241 гг.), он повелел Бату сделать то, что было велено когда-то его отцу, Джучи, и отрядил ему в помощь войско во главе с Кукдаем и уже знакомым нам Субедеем (умер в 1248 г. в возрасте 73 лет).

Тридцатитысячный конный корпус Субедея и Кукдая и отряды Улуса Джучи отправились в прикаспийские степи. Русские летописи датируют этот поход 1229 г. и сообщают, что под натиском монголов половцы (кипчаки) и саксины (хазарское население на нижней Волге) бежали в пределы Волжской Болгарии. В 1230 г. войска Улуса Джучи вновь вторглись в степи между Яиком и Волгой. Военные действия в прикаспийских степях продолжались и в 1232—1235 гг., причем передовые отряды монголов проникали даже на правобережье Волги.

Однако отдельные успехи, достигнутые монголами в Поволжье путем рейдовых операций, не удовлетворяли Чингизидов. Становилось очевидным, что невозможно добиться ощутимых результатов в войне с западными соседями, используя военные силы только одного Улуса Джучи, хотя бы и усиленные конным корпусом, направленным центральной властью. Само собой напрашивалось решение сделать волю Чингиз-хана — завоевать северо-западные страны и включить их в состав владения Джучи — задачей общеимперской, и это решение было утверждено на всемонгольском курултае 1235 г.

Согласно Рашид ад-Дину, курултай 1235 г. состоялся после возвращения великого хана Угедея в Монголию из похода в Китай. На курултае съехались все царевичи, царевны, главные эмиры и санов-

ники империи. Целый месяц непрерывно они пировали с раннего утра до звезды, слушали Ясу Чингиз-хана (свод законов и постановлений основателя монгольской династии) и билики его (поучения Чингиз-хана). Когда закончились пиры и развлечения, великий хан Угедей обратился к устройению важных дел государства и войска. В частности, на курултае состоялось решение отправить многочисленное войско «в области кипчаков, русских, булар, мадзар, башгирд, асов, в Судак и в те края и все их завоевать». Поход рассматривался с точки зрения его значения для всей империи, а не какой-либо ее отдельной части. По «Сокровенному сказанию», все царевичи, а также царевны и зятья ханского рода (*гурганы*) обязаны были отправить на эту войну старших сыновей своих. При этом на царевича Бури, внука Чагатая, было возложено начальствование над всеми этими царевичами, отправленными в западный поход, а на Гуюка, старшего сына Угедей-хана, — начальствование над выступившими в поход частями из Центрального улуса. Верховное командование монгольской армией было поручено Бату. Царевичи и военачальники, которые были назначены на завоевание Кипчакской степи и тех краев, отправились каждый в свое местопребывание и занялись приготовлением к походу.

Весной 1236 г. царевичи и военачальники отправились в путь каждый из своего становища и осенью в пределах Волжского Болгара соединились «с родом Джучи», а именно: с Бату, Ордой, Шибаном, Тангутом, Тука-Тимуром, которые также были назначены в те края. По словам автора XIII в. Джувайни, от множества войск земля стонала и гудела, а от многочисленности и шума полчищ столбенели дикие звери и хищные животные. По подсчетам современных исследователей, численность войск Бату составляла 120—140 тысяч человек.

Началу похода предшествовали окончательный разгром чжурчжэней и гибель китайского государства Цзинь (1234 г.), а также обнесение стеной заново выстроенной столицы империи — города Каракорума и возведением в нем ханского дворца.

Армия, которую Бату вел на запад, была во многом обновленной армией. После начала в 1211 г. войны с империей Цзинь и за истекшие с тех пор десятилетия на сторону Чингиз-хана, а затем Угедей перешло много киданей, китайцев, чжурчжэней и тангутов. Армия монголов изменилась не только по этническому составу, но качественно: была освоена передовая для своего времени китайская военная техника, прежде всего камнеметная артиллерия, используемая для осады городов; стали применяться и использоваться зажигательные и взрывные свойства пороховых смесей. В походе на запад, по известиям «Юань ши», участвовали китайские генералы Гао Мин (он разрабатывал планы похода), Ян Вэй-чжун (дипломат, был послом в 13 западных государствах), Ши тянь-линь (исполнял во время похода обя-

занности судьи). На Восточную Европу шли не только татаро-монголы, но большая многонациональная армия, во многом составленная из ранее покоренных монголами народов. Армия была хорошо подготовлена и снаряжена. По «Юань ши», воины Бату получали на двоих такой же паек, который в остальных частях армии давался на десятерых [Кычанов, 2002, с. 36—38].

Поздней осенью 1236 г. объединенные монгольские силы начали завоевание Волжской Болгарии. Сначала монголы штурмом взяли столицу, город Болгар (на левом берегу Волги, несколько южнее того места, где Кама впадает в Волгу, на территории нынешнего Татарстана), жителей разрушенного города частью убили, частью пленили, а затем, к весне 1237 г., покорили и все другие области Волжской Болгарии.

После завоевания Волжской Болгарии, судя по рассказам Джувайни и Рашид ад-Дина, монголы разделили свои военные силы: одна часть «занялась войной с мокшей, буртасами и арджанами и в короткое время завладела ими», а другая — двинулась в просторы Западного Дешт-и Кипчака на войну с кипчаками и народами Северного Кавказа.

Западные кипчаки оказали отчаянное сопротивление монголам. Как в мусульманских, так и китайских источниках содержится рассказ о кипчакском военачальнике Бачмане из рода *олбурлик* (*ельборили*). Известно, что ельборили был каганским родом, из числа которых выходили ханы. Следовательно, Бачман, которого Джувайни называет просто кипчаком, а Рашид ад-Дин — «тамошним эмиром», был, скорее всего, кипчакским князем. В источниках Бачман предстает как бесстрашный рубака и удачливый военачальник. Когда весной (или летом) 1237 г. кипчаки потерпели поражение от монголов на берегу Каспийского моря, он спасся от меча и сплотил вокруг себя отряд «кипчакских удальцов». Бачман действовал умело и наверняка. «Мало-помалу зло от него усилилось, смута и беспорядки умножались. Где бы монгольские войска ни искали следов его, нигде не находили его, потому что он уходил в другое место и оставался невредимым», — пишет Джувайни [Джувайни, изд., т. 3, с. 10]. Узнав, что Бачман со своим отрядом скрывается где-то в лесах на берегу Итиля (Волги), монголы против него двинули 200 судов, на каждом из которых находилось по 100 воинов, а два отряда пошли облавой по обоим берегам Волги. В одном из итильских лесов они нашли следы откочевавшего утром стана: сломанные повозки, свежий навоз и прочее, а среди всего этого застали больную старуху. От нее узнали, что Бачман перебрался на один из островов, находящийся посреди реки. Немедленно был дан приказ войскам на судах отправиться на тот остров и захватить Бачмана. Раньше чем Бачман понял, что произошло,

его схватили и уничтожили его отряд. Пленного Бачмана привели к монгольскому царевичу Мунке (по-тюркски — Менгу), тот приказал брату своему Бучеку разрубить его на две части [Рашид ад-Дин, т. 2, с. 38].

Осенью 1237 г. все монгольские царевичи, участники западного похода, собрались в одном месте, устроили курултай и, по общему согласию, пошли войною на русских. Походы Бату (Батыея) на Русь и Восточную Европу известны нам только благодаря сообщениям русских и западноевропейских летописцев (из работ последних десятилетий см.: [Каргалов, с. 82—132; Черепнин, с. 179—203; Пашуто, с. 204—221]); мусульманские историки дают об этом крайне скудные сведения. Вот хронология событий тех военных лет.

В начале зимы 1237 г. монголы подошли к южной границе Рязанского княжества. Рязанское войско двинулось навстречу им к реке Воронежу. Разыгралось кровопролитное сражение. Разгромив русские дружины, монголы двинулись в глубь Рязанского княжества и захватили Проник, Белгород, Ижеславец и другие города. 21 декабря штурмом взяли Рязань, сожгли город, а жителей его частью перебили, частью увели в полон. В этой войне погиб и владетель Рязани князь Юрий Игоревич.

От Рязани монгольские отряды двинулись вверх по Оке и в конце 1237-го или в самом начале 1238 г. подошли к Коломне. Разбив под Коломной объединенную владимирскую рать и разграбив город, монголы направились к Москве, захватили город, сожгли его и выступили в направлении на Владимир. 7 февраля пал Владимир, а особый отряд, посланный Бату, одновременно занял Суздаль. Вскоре были завоеваны Ростов, Углич, Ярославль, Кашин, Тверь, Торжок, Юрьев, Вологда, Кострома и другие города верхней Волги и междуречья Клязьмы и Волги. Словом, к началу марта 1238 г. большая часть Северо-Восточной Руси оказалась под властью монголо-татар.

В середине марта монгольский отряд двинулся по направлению к Новгороду, но, не дойдя километров двухсот до этого города, круто повернул назад. Тогда же пал город Козельск, в течение семи недель оборонявшийся мужественно. Спротивление козельцев сломили только дополнительные силы монголов, подошедшие с Волги. По рассказу русских летописцев, Бату приказал предать смерти всех жителей Козельска, вплоть до грудных младенцев. Князь Василий, по преданию, утонул в крови.

В начале лета 1238 г. монгольские рати двинулись на юг и по дороге в Западный Дешт-и Кипчак захватили и разрушили город Курск. К середине лета армия Бату вышла в Кипчакские степи, и началась затяжная война с кипчаками, аланами и черкесами.

В начале 1239 г. монгольские отряды снова вторглись в область Мордвы и Муром, опустошили земли по нижней Клязьме и дошли до Нижнего Новгорода. Весной монголы захватили Переяславль, осенью Чернигов и другие города бассейна Десны и Северского Донца, а на исходе 1239 г. завоевали Крым, вытеснив оттуда кипчаков. Хан западных кипчаков Котан подался в Венгрию и попросил убежища у короля Бела IV. Король, желая создать венгеро-кипчакский военный союз, уважил эту просьбу и осенью 1239 г. лично торжественно встретил Котана и его 40-тысячную орду на границе и поручил высоким чиновникам расселить кипчаков в Венгрии. С Котаном было заключено соглашение. Однако намерение Бела IV использовать кипчаков в борьбе с монголами не осуществилось. В год монгольского вторжения в Венгрию (1241 г.) хан Котан и его ближайшее окружение пали жертвой заговора венгерских феодалов, а кипчакские воины с домочадцами и скотом подались на Балканы [Малышев, 2003, с. 76—83].

В 1240 г. монголы завершили покорение народов Кавказа и Северного Кавказа, завоевали Южную и Юго-Западную Русь (столица Древней Руси Киев пал, по одним данным — 19 ноября, по другим — 6 декабря 1240 г.).

В 1241—1242 гг. войска Бату опустошили Польшу, Венгрию, Словакию, Чехию, Боснию, Сербию, Болгарию и оттуда зимой 1242/43 г. через Валахию и Молдавию возвратились в Поволжье.

Войско Бату не потерпело ни одного поражения за всю эту семилетнюю западную кампанию (1236—1242). Возвращение монголов было вызвано отчасти известием о смерти великого хана Угедая, последовавшей в ночь с десятого на одиннадцатое декабря 1241 г., а отчасти разладами в лагере царевичей.

О произошедшей в конце 30-х годов смертельной ссоре Бату с Гуюком, старшим сыном великого хана Угедая (правил в 1229—1241 гг.), и царевичем Бури, внуком Чагатая, сыном Мутегена от служанки, мы знаем из «секретного донесения», присланного Бату из западного похода Угедая и составившего 275-й параграф (всего параграфов 282) монгольского сказания, законченного в 1240 г.

«Силою Вечного Неба и величием государя и дяди мы разрушили город Мегет и подчинили твоей праведной власти одиннадцать стран и народов и, собираясь повернуть к дому золотые поводыя, порешили устроить прощальный пир. Воздвигнув большой шатер, мы собрались пировать, и я как старший среди находившихся здесь царевичей первый поднял и выпил провозглашенную чару. За это на меня прогневались Бури с Гуюком и, не желая больше оставаться на пиршестве, стали собираться уезжать, причем Бури выразился так: „Как смеешь пить чару раньше всех Бату, который лезет рвануться с нами? Следовало бы протурить пяткой

да притоптать ступнюю этих бородатых баб, которые лезут равняться!» А Гуюк говорил: „Давай-ка мы поколем дров на грудях у этих баб, вооруженных луками! Задать бы им!“ Эльчжигидаев сын Аргасун добавил: „Давайте-ка мы вправим им деревянные хвосты!“ Что же касается нас, то мы стали приводить им всякие доводы об общем нашем деле среди чуждых и враждебных народов, но так все и разошлись непримиренные под влиянием подобных речей Бури с Гуюком. Об изложенном докладываю на усмотрение государя и дяди» [Сокровенное сказание, 2002, с. 148—149].

Эта пьяная ссора обошлась недругам Бату очень дорого: потомству Гуюка она стоила царства, а царевичу Бури — жизни; впоследствии, при великом хане Мунке (правил в 1251—1259 гг.), посаженном на трон царевичем Бату, Бури был выдан оскорбленному им Бату и по его приказу казнен.

Словом, по той или иной причине завоевательный поход монголов на Запад завершился в начале зимы 1242—1243 гг.

С 1243 г. Поволжье стало основным местом пребывания Бату. Главная ставка (орда) Улуса Джучи, которая прежде располагалась в районе верхнего Иртыша и оз. Ала-Куль, переместилась таким образом на нижнюю Волгу, где, вдали от собственно Монголии, образовался мощный центр власти, определивший возможности возникновения и долгого существования самостоятельного монгольского государства — Золотой Орды.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ УСТРОЙСТВА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Завоевания Бату в ходе семилетнего похода (1236—1242 гг.) изменили лик Евразии. Перестало существовать государство волжских болгар, погибла династия западных кипчаков, исчезли многие другие самостоятельные владения, царствующие фамилии, и впервые в истории все пространство Великой Степи от Иртыша на востоке до Дуная на западе целиком оказалось в составе владений одной династии — династии Джучидов, мужских потомков Джучи, старшего сына Чингиз-хана. Северными рубежами владений Джучидов теперь являлись г. Булгар и область Башгырд; южный рубеж на Кавказе составляли Железные Ворота (г. Дербент в Дагестане); юго-восточная территория Улуса Джучи включала всю местность от верхнего Иртыша к оз. Ала-Куль и дальше по югу оз. Балхаш (Кокче-Тенгиз) к Сыр-Дарье. Оттуда граница тянулась через район среднего течения Сыр-Дарьи южнее Аральского моря, захватывая Северный Хорезм с Ургенчем, плато Устюрт и Мангышлак [Бартольд, т. 5, с. 133—135; Якубовский, Греков, с. 61; Егоров, с. 28].

Бату, первый правитель Улуса Джучи, после смерти своих дядей Угедая (ум. в конце 1241 г.) и Чагатая (ум. в начале 1242 г.) считался, по выражению Джувайни, «всем царевичам старшой (*ака*)», пользовался наибольшим авторитетом и обладал даже некоторыми правами государя. Тем не менее он до конца своей жизни оставался вторым после великого хана человеком в Монгольской империи и не стал главой самостоятельного государства. Как при правлении Бату (ум. 1255 г.), так и при первых преемниках его (Сартак, Улагчи, Берке) Улус Джучи составлял лишь одну из частей обширной Монгольской империи с центральным правительством в Каракоруме (Монголия). Политическую самостоятельность Джучиды обрели только в годы правления внука Бату Менгу-Тимура (1267—1280 гг.): он первым из правителей Улуса Джучи стал чеканить монеты от своего имени с титулом «правосудный великий хан» и выдавать ярлыки (повеление), в частности русскому духовенству (ярлык датирован августом 1267 г.).

Таким образом, с конца 60-х годов XIII в. Улус Джучи отделяется от общеимперского центра и становится самостоятельным государством. Для обозначения этого нового монгольского государства в сочинениях мусульманских авторов и текстах официальных документов средневековья употребляются различные слова и словосочетания. Вот неполный их перечень: *Улус Джучи, Деит-и Кипчак, Кипчак, Дом Бату, Страна Берке, Дом Берке, Улуг улус, Северное царство, Токмак, Токмакский улус, Монгольское государство, Узбекова государство, Узбекский улус*. В исследовательской литературе оно известно под именем *Золотой Орды*.

Принято считать, что словосочетание «Золотая Орда» перешло в научную литературу из русских летописей и имеет позднее происхождение. На Руси новое монгольское государство с центром в Нижнем Поволжье долгое время не имело какого-либо специального названия, и вместо него в русских летописях употреблялись выражения типа: *в татары, из татар, к Батью* и т. п. С конца XIII в. на смену этим выражениям приходит наименование *Орда*, которое прочно утверждается во всех русских официальных документах и летописях в XIV в. Название *Золотая Орда* (формы *Златая Орда* и *Великая Орда Златая*) в русских источниках зафиксировано лишь во второй половине XVI в., когда основанное Джучидами в XIII в. с центром в Поволжье государство уже полностью распалось. Следует особо отметить, что в русских источниках выражение «Златая Орда» употребляется только в значении части Улуса Джучи; лишь в исследовательской литературе понятие «Золотая Орда» — синоним государства потомков Джучи в целом.

Происхождение названия «Золотая Орда», по мнению ряда исследователей (А. Г. Митрошкина, Г. А. Богатова, Г. А. Федоров-Давыдов,

В. Л. Егоров), находится в прямой связи с ханской ставкой, а точнее, с богато украшенной золотом и дорогими материалами парадной юртой монгольского правителя. Действительно, присвоение названия «Золотая Орда», «Золотой шатер» царской ставке было явлением ординарным в эпоху средневековья. Так, к примеру, у арабского путешественника IX в. Тамима ибн Бахра мы находим описание «золотого шатра» правителя страны древних уйгуров. А вот несколько случаев употребления термина «Золотая Орда» в мусульманских и европейских источниках XIII—XIV вв. при описании событий в Монгольской империи.

Рашид ад-Дин, рассказывая о возвращении Чингиз-хана в 1224 г. из Средней Азии в Монголию, указывает, что, когда он достиг местности Бука-Суджигу, приказал разбить (устроить) *Урду-и заррин-и бузург*, т. е. «Большую, или Великую, Золотую Орду» [Рашид ад-Дин, т. 1, кн. 2, с. 230]. В другом месте этого же труда Рашид ад-Дина (т. 2, с. 41) говорится о том, что в местности Карчаган, в одном дне пути от Каракорума, столицы Монгольской империи, для великого хана Угедея (правил в 1229—1241 гг.) «разбили такой большой шатер, что в нем помещалась тысяча человек, и этот шатер никогда не убирали. Скрепки его были золотые, внутренность его была обтянута тканями; его называли *Сира Урду* — „Золотая Орда“, „Золотая ставка“».

В этой связи интересен рассказ, содержащийся в отчете францисканца Иоанна де Плано Карпини при изложении процедуры выбора старшего сына Угедея Гуюка в великие ханы в 1246 г. Для возведения Гуюка на престол в степи был установлен большой шатер, «называемый у них Золотой Ордой... Шатер же этот был поставлен на столбах, покрытых золотыми листами и прибитых к дереву золотыми гвоздями, и сверху и внутри стен он был крыт балдакином, а снаружи были другие ткани» [Иоанн де Плано Карпини, с. 76]. Перед этим описанием брат Иоанн мельком замечает, что ставка монгольского хана «именуется ими Сыра Орда».

Не имеем ли мы во всех трех вышеприведенных рассказах упоминание и описание одного и того же большого парадного царского шатра, называемого у древних монголов Золотой Ордой и разбитого (устроенного) в первом случае в ставке Чингиз-хана, в другом — Угедей-хана, в третьем — в ставке Гуюк-хана?

Понятно, что монгольский улусный правитель, став самостоятельным государем независимого владения, стремился занять, как и великий хан в Каракоруме, свою Сыра Орду — «Золотую Орду», «Золотую ставку». И действительно, в источниках (Рашид ад-Дин, Вассаф, Ибн Баттута) мы находим упоминание и даже описание Золотой Орды (по-персидски *Урду-и заррин*) Чингизида Шаха, которая располагалась в долине Таласа (Юго-Западный Казахстан), Хулагуида Га-

зан-хана (правил в Иране в 1295—1304 гг.), Джучида Узбек-хана (правил в 1313—1341 гг.). Вот описание парадного шатра золотоордынского хана Мухаммада Узбека, которое дает арабский путешественник XIV в. Ибн Баттута. Когда Узбек-хан в пути и живет в кочевой ставке, пишет наш автор, «он садится в шатер, называемый Золотым шатром, разукрашенный и диковинный. Он состоит из деревянных прутьев, обтянутых золотыми листками. Посередине его деревянный престол, обложенный серебряными позолоченными листками; ножки его из чистого серебра, а верх усыпан драгоценными камнями» [СМИЗО, т. 1, с. 290]. Судьба диковинного Золотого шатра (Золотой Орды) Узбек-хана — несчастна: по словам хорезмийского сказителя XVI в. Утемиша-хаджи, при Хызр-хане (правил в Золотой Орде в 1360—1361 гг.) он был разломан и поделен между приближенными хана [Юдин, с. 132—133].

Замечательно, что государство Золотая Орда в китайских источниках именовалась *Цзинь чжан хань* — Ханство Золотая Юрта [Кычанов, 2000, с. 157].

Словом, термин «Золотая Орда» — достаточно древний: так называлась, в частности, у монголов царская кочевая ставка, а точнее, роскошный парадный шатер основателя монгольской династии Чингиз-хана (ум. 1227 г.), его первых преемников на каракорумском престоле, а затем и ставка (орда) улусных ханов — Чингизидов. Слово-сочетание «Золотая Орда» в значении части государства потомков Джучи, возникшее в 60-х годах XIII в. в результате распада Монгольской империи, фиксируется лишь в русских источниках и только начиная со второй половины XVI в., когда самого Золотоордынского государства уже не существовало.

Вполне вероятно, что словосочетания «Золотая Орда» и «Великая Орда Златая» поздних русских источников связаны с более ранними восточными терминами *Сыра Орда* («Золотая Орда») и *Урду-и Заррин-и бузург* («Большая, или Великая, Золотая Орда») или даже являются калькой этих восточных терминов. В связи с этим хочется напомнить, что в русских источниках XVI—XVII вв. выражение «Золотая Орда» встречается не только в значении части государства потомков Джучи, но также и — ханской резиденции. Насколько известно, понятие «Золотая Орда» как название Улуса Джучи в целом прочно утвердилось на страницах исторических трудов лишь с XIX столетия.

Первый правитель Улуса Джучи Бату (правил в 1227—1255 гг.) явился и первым его строителем; при нем и при его брате Берке (правил в 1257—1266 гг.) были заложены основные общегосударственные устои, сохранившиеся и при последующих правителях. В состав владений потомков Джучи входили и кочевые и оседлые народы,

к тому же говорившие на разных языках, находившиеся на разных ступенях культуры и исповедовавшие разные религии. Сближение с культурными народами и постепенное приобщение военно-кочевой знати во главе с Чингизидами к мусульманским традициям не изменили основных начал государственного строя Улуса Джучи. Государство потомков Джучи, несмотря на значительную пестроту экономических условий, по политическому устройству представляло собой типичное кочевое государство, разделенное на улусы, дробившиеся, в свою очередь, на более мелкие уделы-владения.

Улусная система — это известная норма родовых отношений. Поскольку государство кочевников рассматривалось в качестве собственности всей царствующей династии, то каждый достигший зрелого возраста царевич получал *эль* (*иль*) — определенное количество кочевых орд, обязанных поставлять военные отряды, а также достаточное для их кочевания пространство земли (*йурт*, *вилайет*). Наряду с этим каждый взрослый монгольский царевич претендовал на получение *инджу* (так в ранних источниках, в более поздних мусульманских источниках — *мал*) — определенное количество ремесленников и определенный земледельческий район из общей территории государства, доходы с которого служили для удовлетворения его двора и войска.

Обстоятельства выделения улусов (т. е. эля и йурта) первым Джучидам в Золотоордынском государстве в ранних мусульманских источниках не получили достаточно полного отражения. Сведения о выделении улусов потомкам Джучи мы находим у Махмуда ибн Вали и Абу-л-Гази, писавших в XVII в. и, по-видимому, пользовавшихся какими-то не дошедшими до нас или пока еще не обнаруженными источниками.

По словам Абу-л-Гази, Бату после возвращения из похода в Восточную Европу сказал своему брату Орде, по прозвищу Эджен (Ичен): «В этом походе ты содействовал окончанию нашего дела, поэтому тебе отдается народ, состоящий из десяти тысяч семейств, и земли в том месте, где жил отец твой», т. е. в районе верхнего Иртыша и оз. Ала-Куль [Абу-л-Гази, изд., т. 1, с. 181]. Замечательно, что известия Абу-л-Гази, мусульманского автора XVII в., находятся в согласии со словами современника Орды и Бату — францисканца Иоанна де Плано Карпини. Во время его путешествия в Монголию в 1246 г. старший сын Джучи, Орда, жил в районе верхнего Иртыша и оз. Ала-Куль.

Земли между владениями самого Бату и уделом Орды были пожалованы другому сыну Джучи, Шибану (Сыбану, как называет его Иоанн де Плано Карпини), с тем чтобы он проводил лето к востоку от Яика, на берегах Иргиза, Ори, Илека до гор Урала, зиму — в Каракуме, Аракуме, на берегах Сыр-Дарьи и при устьях Чу и Сары-Су. Под

власть Шибана Бату отдал народ, состоявший из 15 тысяч семейств (эв) [Абу-л-Гази, изд., т. 1, с. 181].

По Махмуду ибн Вали, автору капитального исторического труда под названием «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» («Море тайн относительно доблестей благородных»), Бату, особо отметив заслуги другого своего брата Тукай-Тимура во время семилетнего похода (1236—1242 гг.), выделил ему определенное количество кочевых орд, а в качестве йурта пожаловал вилайет (область) асов и Мангышлак; в другом месте «Бахр ал-асрар» сообщается о том, что потомки Тукай-Тимура, «согласно воле Бату», осуществляли власть также над Хаджжи-Тарханом (Астрахань) [Махмуд ибн Вали, т. 6, ч. 4, л. За, 256].

Из европейских источников самые подробные известия об улусных владениях в государстве Джучидов содержатся в описании путешествия Иоанна де Плано Карпини. Г. А. Федоров-Давыдов и В. Л. Егоров, основываясь на сообщении брата Иоанна и дополняя его данными других источников, реконструировали членение Золотоордынского государства в XIII в. на наиболее крупные улусы-владения [Федоров-Давыдов, 1973, с. 60—61, 66—67; Егоров, с. 163—164]. Вот их перечень с некоторыми дополнениями по материалам восточных источников.

1. Во время путешествия Иоанна де Плано Карпини в 1246 г. в самой восточной части Улуса Джучи, в верховьях Иртыша и оз. Ала-Куль, жил старший сын Джучи, Орда.

2. Область между реками Или и Сыр-Дарьей, а также территория нынешнего Центрального и Северного Казахстана принадлежали другому сыну Джучи, Шибану; после смерти Шибана улусом управлял его сын Бахадур. Очевидно, в годы его правления улусом, в любом случае в XIII в., область между Или и средним и нижним течением Сыр-Дарьи с городами Отрар, Сыгнак, Дженд, Сайрам перешла в руки потомков Орды и стала политическим центром их улуса.

3. Северный Хорезм с Ургенчем (нижняя Аму-Дарья) составлял особую территорию Улуса Джучи. Однако имена его первых владельцев неизвестны. При Узбек-хане (правил в 1313—1341 гг.), согласно известиям арабских авторов, там правил в качестве наместника золотоордынского хана «великий эмир» Кутлуг-Тимур, «сын тетки по матери» Узбек-хана.

4. Мангышлак, Хаджжи-Тархан (Астрахань) и область асов на Северном Кавказе входили в состав владений Тукай-Тимура, сына Джучи, и его потомков.

5. Вдоль левого берега р. Яика (Урал) располагался улус другого Джучида, имя которого неизвестно.

6. Земли по правому берегу Яика также являлись тогда отдельным улусом; имя его правителя осталось неизвестным.

7. Поволжские степи были территорией, составлявшей собственные кочевые владения правителя Улуса Джучи. При этом каждый раз царевич, провозглашенный ханом, сохранял в своих руках свой прежний улус.

8. При жизни Бату (ум. 1255 г.) в степях Северного Кавказа, вдоль западного побережья Каспия до Железных Ворот, находились владения его брата Берке.

9. В степях между Волгой и Доном располагался улус старшего сына Бату, Сартака.

10. Имя первого владетеля Крыма неизвестно. В начале 60-х годов XIII в., при правлении Берке (ум. 1266 г.), всем степным Крымом распоряжался темник Тук-Буга [СМИЗО, 2005, с. 150]. По словам Махмуда ибн Вали, Менгу-Тимур (правил в 1267—1280 гг.) в самом начале своего правления пожаловал вилайет Крым и Кафу сыну Тук-кай-Тимура, Узан(Уран)-Тимуру [Махмуд ибн Вали, т. 6, ч. 3, л. 108аб].

11. Территория вдоль правого берега Дона составляла улус Картана, мужа сестры Бату.

12. Земли вдоль левобережья Дона, согласно Иоанну де Плано Карпини, занимал Мауци; родословие его неизвестно (см.: [Султанов, 2006, с. 219—220]).

13. Земли к западу от Днепра в 1246 г. принадлежали Коренце. О его происхождении в известных источниках сведений нет; Иоанн де Плано Карпини лишь констатирует в своем отчете, что по положению Мауци «выше Коренцы».

14. Имя первого владетеля самого западного улуса, лежавшего за Днестром, неизвестно. В последней четверти XIII в. этой территорией владел царевич Ногай (Нокай), сын Татара, сына Бувала, седьмого сына Джучи от наложницы Карачин-хатун.

Границы между улусами были определены в самых общих чертах. В каждый данный исторический период, в зависимости от политической ситуации, они то суживались, то, наоборот, расширялись. Вопросы о распределении улусов, изменении границ улусов обычно решались на курултае царевичей и знати. Право ограничения территории улуса и даже право отчуждения и передачи улуса другому лицу принадлежало также государю, если, конечно, он был достаточно силен и авторитетен. Одним из ранних фиксаций этого права в Улусе Джучи является пример с Бату. По свидетельству Вильгельма де Рубрука, осенью 1253 г. Бату (тогда второй после великого хана человек в Монгольской империи) отобрал улус у своего младшего брата Берке, который находился в «направлении к Железным Воротам (Дербент), где лежит путь всех сарацинов (т. е. мусульман), едущих из Персии и из Турции», и «приказал ему, чтобы он передвинулся с того места за Этилию (Волгу) к востоку, не желая, чтобы послы сарацинов проез-

жали через его владения, так как это казалось Бату убыточным» [Вильгельм де Рубрук, с. 117].

Золотая Орда, как кочевническое государство, делилась на три военно-административных округа: правое крыло (*бараунгар*), левое крыло (*джунгар*) и центр (*гол, кул*). Территориально центр составлял личный домен правителя Улуса Джучи, а именно: Поволжье, а также степи вдоль западного побережья Каспийского моря до Железных Ворот, которые, как уже говорилось, в 1253 г. Бату отобрал у своего брата Берке и присоединил к своим личным владениям, т. е. к территории центра. По мнению ряда исследователей (М. П. Сафаргалиев, Г. А. Федоров-Давыдов, В. Л. Егоров и др.), именно с делением Улуса Джучи на правое и левое крыло связано образование широко известных в истории государства потомков Джучи орд Белой и Синей (по терминологии мусульманских источников, соответственно, Ак-Орда и Кок-Орда).

Правое крыло составляли владения младшего сводного брата Бату Шибана, а также других Джучидов, улусы которых находились к западу от Яика (р. Урал); территория Джучидов правого крыла простиралась, таким образом, от Дуная — на западе до среднего Иртыша — на востоке и получила название Ак-Орда, т. е. Белая Орда. Согласно Рашид ад-Дину, правым крылом Улуса Джучи ведал сам лично Бату; а после него, вероятно, другие правители Улуса Джучи.

Левое крыло составляли владения пяти сыновей Джучи — Орды, Удура, Тукай-Тимура, Шингкума, Сингкума; главой этого крыла был старший сын Джучи, Орда, а потом его потомки. Территория царевичей левого крыла Улуса Джучи простиралась от верховьев Иртыша и Тарбагатая — на востоке современного Казахстана (через Северное Семиречье, среднюю Сыр-Дарью и нижнюю Аму-Дарью) к Плато Мангышлак — на западе и называлась Кок-Ордой, т. е. Синей Ордой.

Здесь сразу обращает на себя внимание тот факт, что при номинации этих владений употреблены тюркские прилагательные *кок* (синий), *ак* (белый) и тюрко-монгольское слово *орда* (собственно: *урда, урду* — стан, лагерь, кочевая ставка предводителя, ханский шатер, двор хана, а также скопище кочевников). Факт любопытный, но не единичный. По словам историка XIII в. Джувайни, орда второго сына Чингиз-хана Чагатая (ум. 1242 г.) и его потомков находилась к югу от р. Или, в Кульджинском крае, в местности Куяш, и называлась *Улуг-Иф* (по-тюркски — «Большой, или Великий, Дом») [Джувайни, изд., т. 2, с. 241, 242, 272, 273].

Происхождение названий владений царевичей правого крыла (Ак-Орды) и левого крыла (Кок-Орды) Улуса Джучи, по мнению ряда исследователей, связано с символическими значениями прилагательных, обозначающих цвет. Часто цветовые эпитеты *ак* (белый), *кари*

(черный), *кок* (синий) и прочие означали на Востоке не только цвет; в результате метафорического употребления они нередко обозначали стороны света. В частности, *ак* означал запад, *кок* — восток. В применении же к административно-территориальному делению Улуса Джучи эпитеты *кок* и *ак*, как полагают, служили, соответственно, для обозначения Восточной Орды (Кок-Орды) — владения Джучидов левого крыла и Западной Орды (Ак-Орды) — владения царевичей правого крыла Улуса Джучи.

По мнению других исследователей, происхождение названий орд — Западной — Ак-Орды и Восточной — Кок-Орды — вполне могло быть связано с названиями кочевых резиденций (*орд*) первых предводителей правого и левого крыльев Улуса Джучи — царевича Бату и его старшего брата Орда-Эджена (=Ичена). Согласно Рашид ад-Дину, орда Джучи (ум. 1227 г.) располагалась «в пределах Иртыша», а точнее, в верховьях Иртыша, в районе оз. Ала-Куль. По Абу-л-Гази, кочевая резиденция Джучи (букв: 'местонахождение орды-двора Джучи') называлась Кок-Ордой. При перераспределении улусов Джучидами после обширных завоеваний в ходе семилетнего похода Бату на запад (1236—1242 гг.), как уже говорилось выше, именно эта, самая восточная часть владений Джучидов перешла к старшему сыну Джучи, Орде, что засвидетельствовано современником Орды и Бату францисканцем Иоанном де Плано Карпини. Известно, что войска и владения царевичей левого крыла Улуса Джучи (Восточной Орды) находились под ведением Орды, а после него — его потомков. Во второй половине XIII в. резиденция левого крыла была перенесена в район Сыр-Дарьи. Судя по всему, уже при Орде (ум. между 1246—1251 гг.) или первых его преемниках термин Кок-Орда стал обозначением владений всех царевичей левого крыла Джучиева Улуса, т. е. Восточной Орды. Очень показателен в этом смысле факт, приводимый автором генеалогического сочинения «Муизз ал-ансаб» (об этом сочинении и его письменных источниках см.: [Султанов, 1994, с. 81—87]). По его словам, «сыновей и поколение (*фарзандан ва урук*) Орды называют [царевичами] Синею Орды (Кок-Орда)» [Муизз ал-ансаб, л. 186].

Очевидно, орда-ставка царевича Бату (ум. 1255 г.) в приволжских степях также имела свое особое название. Скорее всего, она называлась Ак-Ордой (Белой Ордой), что, однако, не зафиксировано средневековыми авторами, как, впрочем, и многие другие факты жизни Золотоордынского государства; уже при Бату или при его первых преемниках словосочетание «Ак-Орда» стало обозначением владений царевичей правого крыла Улуса Джучи, т. е. Западной Орды.

Ныне, после исследований Г. А. Федорова-Давыдова [Федоров-Давыдов, 1966, с. 224—230; 1973, с. 55—60, 141—144], можно счи-

тать установленным, что в Золотой Орде было несколько бараунгаров и джунгаров. В частности, правое крыло Улуса Джучи (Ак-Орда), в свою очередь, имело внутреннее деление на правое и левое крыло. По арабским источникам, при Менгу-Тимуре (правил в 1267—1280 гг.) начальником левого крыла Ак-Орды был Маву, начальником правого крыла — Тайра; в начале XV в. старшим эмиром правого крыла был Текина, а левого крыла — Едиге (Идику) [СМИЗО, т. 1, с. 67, 553]. Примерные границы между двумя крыльями Западной Орды, по мнению Г. А. Федорова-Давыдова [Федоров-Давыдов, 1973, с. 60], проходили «в районе Дона», а по мнению В. Л. Егорова [Егоров, с. 161], «скорее всего», в районе р. Яика (Урал).

В XIV в. вся территория Золотой Орды была разделена на четыре крупные административные единицы — улусы (Поволжье, Хорезм, Крым, Дешт-и Кипчак), во главе которых стояли наместники хана — улусбеки, и на 70 областей — мелких орд, во главе которых находились эмиры-тёмники. Особые административные единицы представляли золотоордынские города во главе с градоначальниками; согласно исследованию В. Л. Егорова, к середине XIV в., когда государство потомков Джучи достигло наивысшего расцвета, число только крупных золотоордынских городов было более двадцати [Егоров, с. 75—141].

Главу Золотоордынского государства представлял в себе хан, избиравшийся на курултае из потомков Джучи, старшего сына Чингизхана; но никакого голосования не было. Как неоднократно отмечал академик В. В. Бартольд, правильные выборы с собиранием голосов и т. п. совершенно неизвестны кочевникам. Обсуждение и признание прав соответствующего кандидата на престол осуществлялось на сходках царевичей заранее, еще до начала работы курултая. На курултае царевичей и высшей знати происходил только акт провозглашения хана, торжественной присяги и торжественного восшествия его на престол. Все это сопровождалось определенной церемонией. Интересен в этом смысле факт, сообщаемый немцем И. Шильтбергером, который в начале XV в. волею судьбы некоторое время жил в самом сердце Золотоордынского государства — Поволжье.

Судьба Иоганна Шильтбергера — удивительна вообще. Он был родом из Мюнхена и служил оруженосцем у одного из немецких рыцарей, участвовавших в битве при Никополисе (на правом берегу Дуная) в сентябре 1396 г., в которой турецкий султан Баязид (правил в 1389—1402 гг.) разбил наголову Сигизмунда Венгерского. Турки-османы изрубили большую часть своих пленников. И. Шильтбергера спасли его молодость и физические данные. Он оказался в свите турецкого султана, был при нем в анкарском сражении в июле 1402 г. и вместе с султаном попал в плен к эмиру Тимуру (правил в Средней

Азии в 1370—1405 гг.). Он пережил Баязида и Тимура, служил потомкам последнего в бывшем Чагатайском улусе, потом продавал свою службу разным владельцам Улуса Джучи и возвратился в Европу после многолетнего скитания по Востоку. И. Шильтбергер составил книгу; в ней в разделе, посвященном Улусу Джучи (по терминологии автора, «Великая Татария»), есть следующий рассказ. В этой стране, пишет И. Шильтбергер, при избрании хана «сажают его на белый войлок и поднимают три раза. Затем носят его вокруг палатки, сажают на престол и дают ему в руки золотой меч; после чего он должен присягать по их обыкновению» [Шильтбергер, с. 55].

В системе внутреннего управления Золотой Ордой важное место занимал административно-чиновничий аппарат, представленный служилыми людьми, а также военно-кочевой знатью [Якубовский, Греков, с. 128—140; Федоров-Давыдов, 1973, с. 89—103; Егоров, с. 168—173]. Для непосредственного руководства армией и внутренними делами государства были учреждены особые должности, и хан из потомков Джучи обычно, «не входя в подробности обстоятельств», «довольствовался тем, что ему доносили, но не доискивался частных относительно взимания и расходования» [СМИЗО, т. 1, с. 230]. Всеми военными делами от имени хана заведовал *беклярбек* (бек над беками), а главой гражданской власти являлся *везир*.

Центральный орган исполнительной власти — диван — имел в своем подчинении финансовые, налоговые и другие ведомства; в диване были секретари, которые назывались *битикчи*.

Появление развитого чиновничьего аппарата, приобщение военно-кочевой знати к государственным и административным делам содействовали оттеснению некоторых потерявших свое значение в новых условиях кочевнических обычаев и традиций, но не изменили в целом военно-кочевую характеру Золотоордынского государства. Очень показателен в этом смысле факт существования в государстве потомков Джучи системы двух резиденций.

Первоначально столицей Золотой Орды являлся город, основанный царевичем Бату в начале 50-х годов XIII в. на левом берегу Ахтубы, на нижней Волге, и носивший имя Сарай (букв. 'Дворец'; перс.). В начале 30-х годов XIV в. ханом Узбеком был основан Сарай ал-Джадид (букв.: 'Новый Сарай'; араб.), куда и была перенесена столица Золотоордынского государства (в 1395 г. город был разрушен войсками Тимура; остатки города можно найти у села Царев Волгоградской области). Однако Сарай и Сарай ал-Джадид не являлись постоянными резиденциями золотоордынских ханов. В Золотой Орде со времени первых ее правителей — Бату и его брата Берке — утвердилась система двух резиденций: город Сарай (а затем Сарай ал-Джадид) служил центром городской жизни и торговли, а центром политической

жизни страны была Орда — кочевая резиденция хана, куда приезжали за инвеститурой, где выдавались ярлыки и где было сосредоточено управление государством [Федоров-Давыдов, 1973, с. 63—67, 79—80, 107]. Такое положение сохранялось вплоть до распада Золотой Орды в XV в. Вот что сообщает о стране Золотая Орда, например, И. Шильтбергер в своем «Путешествии по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год»: «Был я также в Великой Татарии... Нужно заметить, что в этой стране король и вельможи кочуют летом и зимой с женами, детьми и стадами своими, возя с собою все свое прочее добро, странствуя от одного пастбища к другому в этой совершенно ровной стране» [Шильтбергер, с. 55].

ТЮРКСКИЕ ПЛЕМЕНА В СОСТАВЕ ДЖУЧИЕВА УЛУСА, ИХ МИГРАЦИИ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Монгольские завоевания не только полностью изменили политическую карту Евразии, но также внесли определенные коррективы и в этническую карту расселения кочевых племен Восточной Европы и Азии. В начале XIII в. на степных просторах от Иртыша дальше на запад располагались кочевья тюркоязычных кочевых племен, известных на Востоке под общим названием *кипчаков*, на Руси — *половцев*, в Центральной Европе — *команов*. Значение племен кипчаков в степи было столь велико, что всю Великую Степь от Иртыша — на востоке до Днестра — на западе стали называть, начиная с XI в., Дешт-и Кипчаком (букв.: 'Кипчакская степь'; перс.), Подем половецким (на Руси), Команией (в Европе). Дешт-и Кипчак делился обычно на две части: Западный Дешт-и Кипчак и Восточный Дешт-и Кипчак. Западный Кипчак простирался с востока на запад от р. Яика (Урал) до Днестра, а с юга на север от Черного и Каспийского морей до г. Укека (остатки его находятся в окрестностях современного Саратова). Границу Восточного Кипчака составляли на востоке — Иртыш, на западе — р. Яик, на севере — р. Тобол, на юге — оз. Балхаш и местности, примыкавшие к среднему течению Сыр-Дарьи.

По замечанию В. В. Бартольда, были отдельные кипчакские ханы, но хана всех кипчаков никогда не было; и в каждой части Кипчакской степи (Западной и Восточной) одновременно владычествовали несколько кипчакских ханов. В начале XIII в. в Восточном Дешт-и Кипчаке одним из кипчакских ханов был Кунджек. Согласно известиям «Сборника летописей» Рашид ад-Дина, когда Восточный Кипчак был покорен монголами, Кунджек вместе со своим сыном по имени Кумурбиш-Кунджи, искусным охотником, попал в плен и состоял на службе у Чингиз-хана в качестве старейшины зонтикодержав-

телей (особого рода зонт, который держат над государем, являлся на Востоке одним из важнейших знаков монаршего достоинства). О дальнейшей судьбе последнего государя восточных кипчаков ничего неизвестно.

Одним из последних государей западных кипчаков был Котан. Как уже говорилось, во время нашествия Бату (1236—1242 гг.) он несколько раз потерпел поражение от монголов, осенью 1239 г. вместе с 40-тысячной ордой подался в Венгрию и в 1241 г. пал в Пеште, став жертвой интриг придворных венгерского монарха Бела IV (правил в 1235—1270 гг.).

Вопрос о племенном составе кипчаков XII—начала XIII в. рассматривался на страницах научной печати многократно. Последнее по времени исследование такого рода принадлежит перу видного казахстанского арабиста Б. Е. Кумекова. Согласно его данным, в состав Восточного Кипчака входили следующие шестнадцать племен: *борилу, токсоба, иетиоба, дуртоба, ал-арс (ал-ас), бурджоглу, манкуроглу, йимак, таг, башкурт, куманлу, базанак (баджанак), баджна, карбориклу, уз, джортан*.

Западные кипчаки делились на одиннадцать племен: *токсоба, иетиоба, бурджоглы, ельборили, кангароглы, анджоглы, дурутоба, кулабаоглы, джортан, карборикли, котан*.

В результате нашествия монголов какая-то часть кипчаков погибла, какая-то часть — бежала на запад, а какая-то часть — была пленена и продана в рабство. Но в массе своей кипчаки остались кочевать в своих степях и составляли главную часть кочевых тюркских подданных потомков Джучи [Юрченко, 2003, с. 397—399]. Несколько позднее, вероятно во второй половине XIII в., имя Кипчак даже было перенесено и на монгольское государство Золотой Орды. Тем не менее Дешт-и Кипчак периода Золотой Орды, как мы увидим, резко отличалось по племенному составу от Дешт-и Кипчака домонгольских времен.

Оно, конечно, и понятно. С приходом в Кипчакскую степь центральноазиатских (монголо-татарских) племен наступил новый этап этнической интеграции. Главными результатами этого сложного по характеру и продолжительного по времени многоаспектного процесса были:

1) смешение родов и племен, смена многих прежних местных тюркских (кипчакских) этнонимов на монголо-татарские, формирование ряда новых родоплеменных групп с ранее неизвестными или парными наименованиями;

2) тюркизация монголо-татарских племен и принятие ими ислама;

3) формирование из конгломерата родов и племен, находившихся на различных стадиях своего развития, каким было население Дешт-и

Кипчака в период распада Золотой Орды, целого ряда тюркских народностей, в том числе и с монгольскими названиями.

Здесь как раз к месту и ко времени отметить некоторые моменты, связанные с употреблением слов «род» и «племя» в настоящей работе. Эти этнические категории для рассматриваемого периода имеют условный характер. Дело в том, что выяснение родоплеменной структуры азиатских кочевников затрудняется неопределенностью и расплывчатостью этнической терминологии, употребляемой средневековыми авторами. Понятие о термине предполагает, как известно, существование устойчивой связи между словом и понятием, когда одно и то же слово употребляется в том же значении постоянно, коль речь заходит об известном понятии. Между тем мусульманские историки средневековья употребляют для обозначения различных социально-этнических групп одни и те же слова или, наоборот, одну и ту же социально-этническую группу называют в аналогичных контекстах различными словами. Подобная подмена одного понятия другим ведет к терминологической путанице и лишает таким образом понятие термина его собственного специфического содержания.

В. В. Радлов в своей работе «Опыт словаря тюркских наречий», опубликованной в 1893 г., предложил (со ссылкой на Ахмад-Вефика) следующую классификацию этнической терминологии: *бой* и *уруг* — это самые малочисленные ячейки родоплеменной организации тюрков и монголов; некоторое их число составляло *оймак*; а некоторое число оймаков — *ил*; объединение последнего составляло *улус* — народ. Здесь же отмечу, что эта классификация количественно охватывает очень незначительную часть употребляемой в средневековой мусульманской литературе этнической терминологии.

Из работ современных исследователей, разрабатывающих указанную тему, упомяну публикации известной петербургской иранистки Е. И. Васильевой. Ею была предпринята попытка систематизировать употребление терминов для обозначения курдских кочевых родоплеменных единиц. На основе учета всех случаев упоминания этнических терминов Бидлиси, автором «Шараф-наме» (XVI в.), она приходит к заключению, что термин *тауфа* означает племя, независимо от его количественной и иной характеристики, *кабше* — небольшое племя, *ашират* — большое племя или союз племен.

Как показывают подобные работы, в принципе существует возможность наметить семантические особенности терминов, употребляемых одним каким-либо мусульманским автором средневековья. Однако, если мы обратимся к ираноязычной и тюркоязычной исторической литературе в целом, то общепринятой этнической терминологии, которая соблюдалась бы всеми средневековыми авторами, не наблюдается.

Обычно средневековый мусульманский историк описывал родоплеменную структуру любой этнической общности известными ему из литературы понятиями, чаще всего общеупотребительными арабскими словами *таифа*, *кабиле*, *ашират*, *фирке*. Восточномусульманские авторы добавляли к этому набору еще *туман* (*тюмень*), *оймак* (*умак*), *уруг*, *бой*, *бёлук* и другие слова-понятия тюрко-монгольского происхождения, опять же употребляя их без определенной системы и без приведения их в соответствие с арабскими словами-понятиями. Проблема семантической адекватности разноязычных этнических терминов и понятий не стояла перед средневековыми авторами, и, опираясь только на их сообщения, трудно сказать, какой именно арабский термин и когда соответствует, например, тюркскому *уруг*. Впрочем, не вполне ясно и что такое *уруг* у восточномусульманских авторов.

Ряд историков, как, например, Бабур (1483—1530 гг.), Мирза Хайдар Дуглат (1500—1551 гг.), Абу-л-Гази (1603—1664 гг.), хорошо знали родоплеменную структуру кочевых народов Средней Азии и сопредельных регионов, а также местные термины для обозначения родоплеменных делений и, казалось бы, могли внести ясность в подобные вопросы. Но практические знания не получили, к сожалению, сколько-нибудь четкого отражения в их литературных трудах. Терминологическая лексика указанных авторов не отличается особо от лексики историков, которые были мало знакомы с кочевой частью населения.

Разнобой в употреблении этнической терминологии в трудах средневековых мусульманских авторов можно объяснить многими причинами. Здесь, очевидно, сказались:

1) отсутствие единой научной доктрины, взявшей бы на себя труд построения теории общества. Средневековую мусульманскую историографию не занимала сама по себе проблема типологии этнических общностей;

2) широкая вариантность средств выражения, которая была вообще характерна для средневековых мусульманских авторов, стремившихся к безграничному расширению лексики;

3) неопределенность родоплеменной номенклатуры во многом была обусловлена также и отсутствием стабильности в самих родоплеменных подразделениях, которое не давало возможности даже образованным современникам установить границы различных социально-этнических групп и определить конкретное содержание, свойственное подроду, роду, племени. Соответственно, каждый средневековый автор вкладывал в употребляемые им обозначения свое личное понимание или разумения своих информаторов.

Приведем теперь общие данные о родоплеменном составе кочевников Джучиева Улуса в XIII—XV вв., а по ходу темы и некоторые

известия о времени и путях проникновения отдельных центральноазиатских (монголо-татарских) родов и племен на территорию Дешт-и Кипчака.

Из собственно монгольских племен одними из первых оказались на территории Кипчака меркиты. А произошло это так.

Меркиты (мекриты) — одно из крупных монгольских племен, обитавших в бассейне р. Селенги, согласно как монгольским, так и мусульманским источникам, много воевали с Чингиз-ханом, но часто терпели поражение. В очередном сражении, разыгравшемся в 1208 г., Чингиз-хан вновь разбил меркитов и действовавших с ними сообща найманов. Вытесненные сначала из окрестностей Байкала, а затем и с берегов Иртыша, группы меркитов и найманов были разбиты в 1209 г. уйгурским правителем при попытке пройти через его владения в Восточном Туркестане. В результате они разделились: найманы во главе с Кучлуком направились в Семиречье, во владения каракитаев, а меркиты во главе с Култуганом (Туктуган) подались к кипчакам в теперешние Казахские степи.

В 1216 г., после завершения очередной военной кампании в Китае, Чингиз-хан поручил Джучи, своему старшему сыну, добить бежавших на запад меркитов. Давние противники сошлись в ближнем бою около Иргиза, в степных просторах современного Центрального Казахстана. Меркиты потерпели полное поражение, а их предводитель Култуган был схвачен и доставлен в ставку Джучи. Так как царевич Джучи, говорится в источнике, слышал о меткости его стрельбы, то, поставив мишень, приказал ему пустить в нее стрелу. Култуган-мерген (*мерген* — «меткий стрелок»), выстрелив, попал в цель, а вслед пустил другую, попал в самую зарубку, где оперенье первой стрелы, и расколол ее. Джучи это чрезвычайно понравилось; он отправил к Чингиз-хану посланца с просьбой сохранить жизнь Култугану. Чингиз-хан не одобрил это и сказал: «Нет ни одного племени хуже племени меркитов: сколько раз мы воевали с ними, много беспокойств и затруднений видели от них, — каким же образом возможно оставить его в живых, чтобы он опять возбудил мятеж?! Я приобрел для вас все эти области, войско и племена; какая же нужда в этом человеке?! Врагу государства нет лучшего места, чем могила!» По этой причине Джучи казнил Култугана [Ранид ад-Дин, т. 1, кн. 1, с. 114—116; Бартольд, т. 1, с. 426, 434—436].

Оставшиеся в живых и на свободе меркиты рассеялись по всей стране кипчаков. Со временем они вобрали в свой состав немало тюркского элемента, тюркизировались, но сохранили свое монгольское название; в эпоху Казахского ханства меркиты входили в племенное объединение *абак* казахского *Орты жуза* (Средней Орды).

По словам Рашид ад-Дина и анонимного автора «Муизз ал-ансаб», Чингиз-хан (ум. 1227 г.) еще при жизни выделил своему старшему сыну Джучи четырех эмиров с четырьмя тысячами войска — тысячу Мунгура, бывшего из племени *сиджиут* (*сихиут*); тысячу Кингитая Кутан-нойона, бывшего из племени *кингит*; тысячу Хушитая, бывшего из племени *хушин*; тысячу Бауку, также бывшего из племени хушин. Эти четыре личные тысячи воинов царевича Джучи, пишет персидский историк Вассаф (ум. 1335 г.), после его смерти перешли в ведение его старшего сына, Орды, и уже при жизни Орды (ум. между 1246—1251 гг.) составляли вместе с прямыми потомками более одного тумана живого войска, т. е. более 10 тысяч наличных воинов.

По сообщению Махмуда ибн Вали, автора многотомной всеобщей истории «Бахр ал-асрар», в составе войска Бату, в частности, были ополчения племен *аргун*, *огуз*, *найман*, *буйрак*, *ойрат*, *карлук*, *кушчи*, *усун*, *минг*, *конграт*, *кереит*, *барлас*. Источники, откуда Махмуд ибн Вали черпал свои сведения о племенном составе войска Бату, нам неизвестны.

После завершения военной кампании 1236—1242 гг. бóльшая часть центральноазиатских племен вместе со своими вождами возвратилась к себе на историческую родину. Но какое-то количество из этих родов и племен было распределено после похода между Джучидами в качестве эля; они стали таким образом «дештскими». Так, по словам Абу-л-Гази и автора «Зубдат ал-асар» (XVI в.), Бату после возвращения из похода в Восточную Европу (1242 г.) отдал под власть своего брата, Шибана, народ, состоявший из 15 тысяч семейств, выделив ему из «древних родов» (*байри элинден*) четыре главных племени: *кушчи*, *найман*, *карлук*, *буйрак*. Другому своему брату, Тукай-Тимуру, Бату выделил «из *каучинов*» (т. е. из привилегированной части войска) *минг*, *тархан*, *ушун*, *ойрат*.

Определенное количество кочевых орд, а также достаточное для их кочевания пространство земли получили в Дешт-и Кипчаке и другие братья и родичи Бату и, конечно, сам Бату; но список названий этих племен неизвестен.

Судя по отрывочным сведениям мусульманских источников, некоторое количество новых монголо-татарских племен прибыло в Дешт-и Кипчак как из самой Монголии, так и других монгольских улусов за период, прошедший от Бату (ум. 1255 г.) до воцарения Узбека (1313 г.).

В составе войска золотоордынских ханов XIII—начала XV в. в источниках называются части из племен *кунграт*, *кыят*, *сарай*, *бахрин*, *найман*, *джалаир*, *уйшун*, *кипчак*, *курлаут*, *алчин*, *буруджоглы*, *йисут*, *курдер*.

По словам ал-Хаджжи Абд ал-Гаффара Кирими, автора «Умдат ат-таварих» («Опора историй»), личная гвардия золотоордынского хана Токтамыша (правил в 1379—1395 гг.) состояла из представителей четырех племен: *ширин*, *барин*, *аргын*, *кипчак*. В XV—XVI вв. эти четыре племени были главными племенами Крымского ханства [Manz, 1978, p. 281—307].

В связи с событиями в Дешт-и Кипчаке в 30—90-е годы XV в. в мусульманских источниках перечисляются еще несколько десятков названий дештских родов и племен [см.: Султанов, 1982, с. 8—16].

Сведя воедино наличный материал, мы получаем следующий сводный Список названий родов и племен Улуса Джучи XIII—XV вв. (для удобства пользования этнические названия приводятся в алфавитном порядке):

алтын, *аргун*, *ас*, *барак*, *барин*, *барлас*, *бахрин*, *башигырд*, *буйрак*, *буркут*, *буруджоглы*, *джалаир*, *джуркун*, *дурман*, *ички*, *ички-байри*, *йиджан*, *йисут*, *йети-минг*, *каанбайлы*, *карлук*, *кенегес*, *кереит*, *кингит*, *кипчак*, *кунграт*, *кыят*, *куйун*, *курдер*, *курлаут*, *кушчи*, *маджар*, *мангыт*, *масит*, *меркит* (*мекрит*), *минг*, *найман*, *огуз*, *ойрат*, *салор*, *сарай*, *сихиут* (*сиджиут*), *таймас*, *табгут* (*тангут*), *тархан*, *татар*, *тили-минг*, *тубай*, *тубай-туман*, *туман*, *туман-минг*, *уйгур*, *уйсун*, *украи-найман*, *утарчи*, *хитай*, *хушин*, *чат*, *чинбай*, *чубурган*, *шадбаклы*, *шункарлы*.

Наблюдаемое обилие монгольских названий племен в составе Джучиева Улуса не должно смущать или удивлять нас. Оно объясняется, конечно, прежде всего тем, что монголы среди тюркского мира Кипчакской степи были господствующим слоем и составляли привилегированную часть войска Улуса Джучи. Своеобразие рассматриваемой исторической ситуации заключается как раз в другом, а именно: все эти многочисленные племена и роды Джучиева Улуса, носившие монгольские наименования, представляли собою в XIV—XV вв. тюркоязычную этническую общность. Дело в том, что удельный вес собственно монгольского населения в Золотой Орде с самого начала ее образования был сравнительно небольшим. В XIV в. и эти монголы были полностью тюркизированы. Процесс ассимиляции монголов, пришедших в Дешт-и Кипчак, с жившими здесь тюркскими кочевниками замечательно метко и живо описал еще в XIV в. арабский автор ал-Омари (ум. 1349 г.). «В древности это государство было страной кипчаков, — писал он, — но когда им завладели татары, то кипчаки сделались их подданными. Потом татары смешались и породнились с кипчаками, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами татар, и все они стали точно кипчаки, как будто они одного с ними рода, оттого, что монголы и татары поселились на земле кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле

кипчаков. Таким образом, долгое пребывание в какой-либо стране и земле заставляет натуру человеческую уподобляться ей и изменяет прирожденные черты согласно ее природе...» [СМИЗО, т. 1, с. 235].

Государство потомков Джучи с центром в Поволжье, по общей оценке известного татарского ученого М. А. Усманова [Усманов, 1979, с. 100], было «монгольским государством» лишь в династийном отношении, являясь на самом деле тюркской страной по культуре, хозяйству и этнической основе.

В источниках при освещении событий XIII—первой половины XIV в. для обозначения кочевого населения Улуса Джучи одинаково употребляются слова «татары», «монголы», «тюрки», «кипчаки». Из этих названий долгие всего удержалось слово «татар»: в частности, в русских источниках кочевое население Золотой Орды продолжали называть татарами и после XV в., так что для русских «татарскими» были все тюркские государства монгольской династии, с которыми они имели непосредственный контакт в XV—XVI вв., — ханство Казанское, Астраханское, Крымское и Сибирское (на Иртыше, около современного Тобольска). Постепенно центральноазиатское слово «татар» превратилось в самоназвание тюркоязычного населения Поволжья (от Казани до Астрахани), Крыма и части Западной Сибири. Этническую основу татар Поволжья, Крыма и Западной Сибири составили тюркские племена и общности, исконно жившие на этих территориях; происхождение современных татар Российской Федерации не определяется этнической историей древних татар Центральной Азии и прямо не связано с ними; это следует четко помнить и различать.

Со второй половины XIV в. кочевое население Улуса Джучи известно нам под общим собирательным словом *узбеки*. Происхождение названия «узбек» окончательно не выяснено. Как имя собственное это слово встречается и для периода ранее XIV в. Как имя части кочевых племен Улуса Джучи слово «узбеки», насколько сейчас известно, впервые встречается у персидского историка и географа XIV в. Хамдаллаха Мустауфи Казвини (ум. 1350 г.). Описывая военный поход золотоордынцев на Азербайджан в 1335 г., он называет воинство Узбек-хана (правил в 1313—1341 гг.) *узбекцами (узбекий-ан)*, а государство потомков Джучи — «Государством узбекцев» (*Мамлакат-и Узбеки*) [СМИЗО, т. 2, с. 93, 221, 222].

Более поздние ираноязычные и тюркоязычные авторы, писавшие об Улусе Джучи, распространили имя Узбек-хана (при котором в Золотой Орде окончательно установилось господство ислама и укрепились ее культурные и экономические связи с мусульманскими странами, особенно с Египтом) на все разноплеменное кочевое население Золотой Орды и на само государство потомков Джучи. С XV сто-

летия, по мере распада Золотой Орды и приобретения политического суверенитета отдельными ее частями, слово «узбек», как этническое и государственное название, постепенно исчезло из употребления в западных областях Великой Степи и осталось только за кочевыми тюркскими и тюркизированными племенами Восточного Дешт-и Кипчака, хотя ханы этой области не происходили от хана Узбека (ум. 1341 г.). Для обозначения территории их обитания мусульманские авторы стали употреблять исключительно термин *Узбекский улус* или просто *Узбекистан* («Страна узбеков»). Таким образом, тогдашний средневековый Узбекистан включал в свой состав, в частности, территорию современного Центрального, Северного, Северо-Восточного и Западного Казахстана.

В 1500 г. потомки Шибана, сына Джучи, сводные братья Мухаммад Шейбани (так!) и Махмуд-султан, пользуясь политической раздробленностью государства Тимуридов в Средней Азии, выступили из Узбекского улуса (Восточного Дешт-и Кипчака) со своими приверженцами, захватили Бухару, а в следующем году Самарканд и основали там, в Мавераннахре (Среднеазиатское междуречье Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи), независимое ханство династии Шибанидов. Именно Шибанидов, т. е. потомков Шибана, сына Джучи, сына Чингиз-хана, а не Шейбанидов, как это часто пишется в исторической литературе. Дело в том, что прямые наследники самого основателя государства Шибанидов в Средней Азии Абу-л-Фатха Мухаммада Шейбани-хана (таково было его полное имя) никогда и нигде не правили. Господство этой ветви дома Шибана в Мавераннахре длилось по 1601 г. [Алексеев, 2004, с. 22].

Около 1511 г. из Восточного Дешт-и Кипчака (Узбекского улуса) выступила еще группа оставшихся в Великой Степи Шибанидов (потомков Шибана, сына Джучи, сына Чингиз-хана) во главе с Илбарс-султаном и Билбарс-султаном, тоже братьями. Они со своими приверженцами овладели Ургенчем, Хивой и прочими областями Хорезма и там, в низовьях Аму-Дарьи, основали другое независимое государство Шибанидов, впоследствии получившее в литературе название *Хивинское ханство*. Господство этой особой ветви потомков Шибана, сына Джучи, в Хорезме длилось до 1106/1694—1695 гг. Кстати, знаменитый историк хаи Абу-л-Г'ази, на сочинение которого столь часто делались ссылки в настоящей работе, из этой династии: он правил в Хорезме в 1645—1663 гг. и сам написал историю своих предков и страны.

Анализ данных письменных источников показывает, что общее число ушедших из степи тогда, в начале XVI столетия, в Мавераннахр кочевников Дешт-и Кипчака достигало 360 тысяч человек [Султанов, 1982, с. 20—21]. Уход Шибанидов со значительной частью ко-

чевых племен Узбекского улуса с территории, занимаемой современными Казахскими степями, послужил причиной переноса термина «узбек» в покоренные ими области Средней Азии. Однако еще долгое время в Мавераннахре название «узбек» оставалось только за теми родами и племенами Узбекского улуса, которые вместе с Шибанидами перешли в Мавераннахр. Даже в XIX столетии в самих среднеазиатских ханствах термин «узбек» употреблялся редко, обычно только в тех случаях, когда узбека (т. е. «дештикипчака» по происхождению) нужно было противопоставить представителю иной этнической или социальной группы, например таджику, *сарту* (так называли тогда в большинстве районов Средней Азии говорившее по-тюркски городское население) или *чагатаю* (так, по имени Чагатая, второго сына Чингиз-хана, сама себя называла в то время часть населения Средней Азии). Объединяющим этнонимом на территории в границах современного Узбекистана термин «узбек» стал лишь в XX в., после формального разделения Туркестана (Средней Азии) на национальные республики. Так что история современного узбекского народа не тождественна с историей его имени. И это следует помнить.

В начале второй половины XV в. от узбеков Узбекского улуса отделились *казаки* (*казахи*). Однако этому обстоятельству предшествовал целый ряд важных событий. Вот их ход.

В 20-е годы XV столетия в Узбекском улусе повсюду лютовала война. В одном сражении, имевшем место в 1428 г., погиб хан кочевых узбеков Великой Степи Барак-султан, внук Урус-хана, потомка Орда Эджена (Ичена), старшего сына Джучи. В том же 1428 г. (или в начале 1429 г.) в Восточном Дешт-и Кипчаке, в области Тара (бассейн р. Тобола) воцарился Абу-л-Хайр-султан, представитель дома Шибана, другого сына Джучи. В 864/1459—1460 гг. Гирей-султан, Джанибек-султан и некоторые другие потомки Урус-хана, недовольные властью Шибанида Абу-л-Хайр-хана (правил в Узбекском улусе в 1428—1469 гг.), покинули Узбекский улус с подвластными им родами и племенами и прикочевали в соседний Моголистан.

Моголистаном назывались тогда, в XV в., обширные пространства между Таласом и Чу на западе, Иртышом и Эмилем на северо-востоке; на севере граница Моголистана с Узбекским улусом проходила по Кокче-Тенгиз (переименовано в оз. Балхаш с начала XVIII в.), а на юге страна Моголистан включала в свой состав Кашгарию. Моголистан — персидское название, означающее «Страна моголов». Оно образовано от слова *могол* — так, без буквы *н*, произносилось и писалось народное название монголов в Средней Азии; моголами назывались составившие военную силу местных Чагатаидов кочевники восточной части Чагатайского улуса. Верховным правителем Могольского государства в те годы был Есен-Буга-хан (правил в 1434—1462 гг.).

Он благосклонно и с почестями принял Гирея, Джанибека и других ултанов из рода Джучи и предоставил им для кочевания западную асть Моголистана.

В ту эпоху для обозначения временного состояния вольных людей, оторвавшихся по разным причинам и разными путями от своей социальной среды и принужденных обстоятельствами вести жизнь скитателей приключений, употреблялось тюркское слово *казак*, известное еще с первой половины XIII в. Кстати, отсюда слово «казак» в русском языке. В XIV в. казаками на Руси звали людей без определенных занятий и постоянного местожительства, вольных, гулящих людей, а также вольнонаемных батраков и т. д. С середины XV в. имеются уже сведения об отрядах русских казаков, участвовавших в военных действиях против «татар». Родиной русского казачества историки признают южные окраины Руси, смежные с Кипчакской степью, условия которых придавали этой вольнице характер военного бшества.

Так как Гирей, Джанибек и их приверженцы были людьми, шедшими от своих и скитавшимися по окраинам государства кочевых узбеков, к которому они принадлежали и с которым находились в состоянии войны, то их прозвали *узбеками-казаками*, т. е. узбекскими казаками, или просто казаками. Имя это за ними закрепилось.

В 1468/1469 г. умер Абу-л-Хайр-хан. В Узбекском улусе началась борьба за верховную власть. В этой обстановке Гирей, Джанибек и их азачья вольница вернулись в Узбекский улус и в 875/1470—1471 гг. захватили верховную власть в стране и основали династию собственно казахских султанов (*даулат-и салатин-и казак*). Имя «казак» сначала перешло к ханству, а затем стало названием народности; с первых десятилетий XVI в. за страной закрепилось название Казакстан.

С тех пор и доныне коренные жители этой огромной страны себя не называют, как *казаками*, а точнее *қазақами*; исходная форма того тюркского слова именно такая — два увулярных *қ*: начальный и конечный, — *қазақ*. Между тем в русскоязычной литературе долгое время (начиная с XVIII в. и до 30-х годов нашего столетия) для обозначения коренного населения Казахстана употреблялись слова *кайкаки*, *киргизы*, *киргиз-кайсаки*, *казак-киргизы*, *казак-буруты*, *киргиз-азаки*. Каждый случай перенесения ошибочного названия на казаков (казахов) имеет свое объяснение и потому требует специального рассмотрения. Слово же *казах* представляет собою русский вариант тюркского «казак».

С образованием в 875/1470—1471 гг. Казахского ханства Узбекский улус окончательно распался. С тех пор, по словам информированного историка Мирзы Хайдара Дуглата (1500—1551 гг.), казахи сецело «владычествовали в большей части Узбекистана». Степи за-

падной части Узбекского улуса, с центром в местности по нижнему течению Яика, служили для кочевков объединения племен, известных в восточных источниках как *мангыты*, по имени одного из тюркизированных монгольских племен, некогда живших в Восточной Азии. В русских источниках мангыты называются *ногайцами*, по имени известного в истории Золотой Орды монгольского царевича Ногай (ум. 1300 г.). В XV—XVI вв. мангыты (ногайцы) составляли не только этнографическую, но и политическую единицу (Мангытский йурт — восточных, мусульманских источников; Ногайская Орда — русских источников) и имели своих властителей (*бий*, *мурзы*). В XVII в. объединение окончательно распалось, бóльшая часть составлявших его население родов и племен откочевала на запад. Русский термин «ногайцы» полностью заменил восточное название «мангыты», а впоследствии стал самоназванием ныне живущего в Дагестане и Ставропольском крае тюркоязычного ногайского народа. Ногайцы (самоназвание — *ногай*) — мусульмане-сунниты. Здесь же отметим, что истории ногаев (мангытов) посвящено объемное, хорошо фундированное и талантливо исполненное исследование известного российского историка В. В. Трепалова (2001).

Итак, этнический состав населения Золотой Орды был пестрым: какую-то его часть составляли покоренные монголами оседлые народы; но основную массу населения государства потомков Джучи составляли много разных тюркских и тюркизированных кочевых родов и племен, еще не сложившихся в народности. После распада Золотой Орды в XV в. на их основе стали формироваться отдельные народности, которые говорили по-тюркски и исповедовали ислам. Часть родов и племен западных областей Джучиева Улуса составила этническую основу крымских татар; какие-то родоплеменные группы вошли в состав башкир, казанских татар, а также тюркских народов Северного Кавказа. Кочевые роды и племена Восточного Кипчака составили ядро казахского и ногайского народов. Роды и племена Дешт-и Кипчака, переместившиеся в Мавераннахр, Хорезм и Притяньшанье, вошли в состав современного узбекского, каракалпакского и киргызского народов.

РАСПАД ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОВЫХ ТЮРКСКИХ ГОСУДАРСТВ

По обширности территории Золотая Орда была крупнейшим государственным образованием средневековья. Напомним, что в состав государства потомков Джучи входила вся Великая Степь от Дуная — на западе до Иртыша — на востоке; все государство (Улуг

Улус, т. е. «Великий Улус») делилось на два крыла — левое (Кок-Орда) и правое (Ак-Орда) и на множество более мелких уделов-иладений, также называвшихся улусами или ордами. Управленчески золотоордынскому хану подчинялись владения всех царевичей из дома Джучи; но это подчинение не всегда имело действительное значение. В частности, потомки Орды, старшего сына Джучи, правители Кок-Орды (Восточной Орды) лишь номинально признавали над собою власть хана, сидевшего в Сарае. «С самого начала не бывало случая, — говорится в „Сборнике летописей“ Рашид ад-Дина (сочинение написано между 1300—1307 гг.), — чтобы кто-либо из рода Орды, занимавший его место, поехал к ханам рода Бату, так как они отдалены друг от друга, а также являются независимыми государями своего улуса. Но у них было такое обыкновение, чтобы своим государем и правителем считать того, кто является заместителем Бату, и имена их они пишут вверху своих ярлыков» [Рашид ад-Дин, т. 2, с. 66].

Номинально правители Кок-Орды с центром в г. Сыгнаке, на Сыр-Дарье, сохраняли по отношению к ханам Золотой Орды политическую зависимость и в первой половине XIV в. Насколько известно, за это время лишь однажды, при Мубарак-Ходже, правителем Кок-Орды была предпринята попытка сделаться государем самостоятельного государства: он позволил себе чеканить монеты в 728/1327—1328 гг., 729/1328—1329 гг. в Сыгнаке с титулом: «Султан правосудный Мубарак Хо[джа], да продлит Бог царство его» [Савельев, 1858, с. 162—163; Марков, 1896, с. 528].

Чеканка монеты, являвшейся в ту эпоху прерогативой суверенного правителя, не могла не встретить протеста со стороны хана Золотой Орды, считавшегося верховным главой всего Джучиева Улуса. Стремление золотоордынского хана Узбека (правил в 1313—1341 гг.) вернуть потомков Орды к прежней вассальной зависимости и желание последних полной политической самостоятельности вызвали смуту (*булгак*), которая, по словам Муин ад-Дина Натанзи, тимуридского автора начала XV в., «до сих пор известна в Дешт-и Кипчаке». В этой борьбе правитель Кок-Орды Мубарак-Ходжа потерпел поражение от золотоордынского хана, бежал и несколько лет бездомно скитался в краях и странах кыргызов и Алтая, пока не погиб там.

Здесь следует сделать несколько замечаний о Джучиде Узбек-хане. Г. А. Федоров-Давыдов, В. П. Юдин, В. Л. Егоров говорят о незаконном захвате верховной власти Узбек-ханом и прямо называют его «узурпатором». Определение, конечно, очень эффективное, однако оно не только неверно по сути, но даже постановка подобного вопроса по отношению к Чингизиду неправомерна.

Дело в том, что, согласно концепции верховной власти древних монголов, право на царство имел любой член «золотого рода»

Чингиз-хана, если он будет признан большинством *алтан уруга* достойнейшим по своим качествам и утвержден на курултае царевичей и высшей аристократии. Далее. Как в самой Монгольской империи (Еке Монгол улус), так и в улусах-государствах, образованных после ее распада, существовало несколько (4—5) порядков преемства верховной власти, причем каждый порядок признавался политической традицией правильным и вопрос о предпочтении того или иного из порядков решался всякий раз с учетом конкретных обстоятельств (см.: [Султанов, 2002, с. 83—86]). Поэтому, как справедливо заметил В. В. Бартольд, выдающийся знаток истории Востока, обсуждение вопроса о том, который из Чингизидов в том или другом случае имел больше права на престол и было ли избрание того или другого хана законным, не является корректным [Бартольд, т. 1, с. 109].

В. П. Юдин, интерпретируя легендарного характера известия из «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи, хивинского сказителя XVI в., называет Узбек-хана «лжечингизидом» (так!). Однако такое утверждение противоречит всей поныне установленной научной истории Золотой Орды. По древнемонгольской концепции власти, любой нечингизид, претендующий на сан хана, признавался не просто обычным государственным преступником, а мятежником против воли Вечного Неба и подлежал немедленной казни; и это правило действовало неукоснительно во времена Узбек-хана. Далее. Генеалогия Узбек-хана хорошо известна нам по надежному источнику — «Сборнику летописей» Рашид ад-Дина (ум. 1318 г.); причем она подтверждается как известиями арабских послов в Золотую Орду и путешественников XIV в., так и тимуридских авторов XV столетия. Вот родословие Узбек-хана в передаче Рашид ад-Дина, современника хана: Узбек-хан — сын Тог-рылча, девятого сына Мунка-Тимура, второго сына Тукана, второго сына Бату, второго сына Джучи, первого сына Чингиз-хана [Рашид ад-Дин, т. 2, с. 72—73].

Узбек-хан владел монгольским и тюркским языками. Мусульманские авторы характеризуют его как человека красивой наружности, прекрасного нрава, отличавшегося доблестью и отвагой, соединенными с пронизательностью, почтительным отношением к законам и постановлениям Чингиз-хана (*йаса ва йусун*).

Приход к власти молодого царевича Узбека был подготовлен теми кругами Чингизидов и тюрко-монгольской кочевой аристократии, которые стояли за исламизацию и централизацию государства. Узбек-хан оправдал их надежды и чаяния вполне. Не вдаваясь в подробности, отметим здесь лишь три обстоятельства времени правления Узбек-хана.

1. В 1321 г. Узбек-хан принял ислам, а заодно мусульманское имя — Мухаммад, стал именоваться Султаном Мухаммадом Узбек-

ханом и сделал ислам официальной религией Золотоордынского государства (подробнее см. дальше).

2. Именно в годы правления Узбек-хана при описании событий 1335 г. в Золотой Орде в мусульманских источниках в первые появляются слово *узбекиан* (узбекцы, узбековцы) и словосочетание *мамлакат-и узбеки* (государство узбековцев). Постепенно имя мусульманского правителя Золотой Орды Узбек-хана становится собирательным названием разноплеменного населения Джучиева Улуса (подробнее см. выше).

3. При правлении Узбек-хана происходит усиление ханской власти, рост политической централизации, возникновение новых городов, одним из которых был Сарай ал-Джадид (остатки его находятся у с. Царев Волгоградской обл.), ставший второй столицей Золотоордынского государства. Узбек-хан, мусульманин-суннит, был похоронен как раз в Сарае ал-Джадиде, разрушенном в 1395 г. войсками эмира Тимура (правил в Средней Азии в 1370—1405 гг.).

В Золотой Орде ханская власть была достаточно сильной и при правлении сына Узбека Джанибек-хане (1342—1357 гг.). После Джанибека на престоле утвердился его сын Бердибек (правил в 1357—1359 гг.). Он был властолюбцем и отличался крайней жестокостью. По словам автора «Мунтахаб ат-таварих-и Муини» (написано в 1413 г.) и «Муизз ал-ансаб» (написано в 1426 г.), Бердибек, сделавшись ханом, умертвил большинство царевичей Джучиева Улуса, которые приходились ему близкими родственниками [Муизз ал-ансаб, л. 22а]. Рассказывается, что одного его единокровного брата, которому было всего 8 месяцев, принесла на руках ханша (царица) Тайдула-хатун и просила, чтобы он пощадил это невинное дитя. Бердибек взял его из ее рук, ударил об землю и убил [СМИЗО, т. 2, с. 129].

Политика физического изведения султанов (с XIV в. в Улусе Джучи и в Чагатайском улусе слово *султан* стало титулом каждого члена династии, происходившей от Чингиз-хана) привела к тому, что после гибели в 1359 г. Бердибека не осталось представителя ветви Джучидов, ведущих свое родство по прямой линии от Бату (ум. 1255 г.). В Золотой Орде начинается полоса смут и дворцовых переворотов: в 60—70-е годы XIV в. власть в государстве потомков Джучи захватывали, вырывая друг у друга, многие, и одни из них правили полгода, другие — год, лишь некоторые — два, самое большее — три года. В этой борьбе за верховную власть в Улусе Джучи активное участие приняли потомки Орды и Тукай-Тимура, т. е. султаны Кок-Орды (Восточной Орды), постепенно захватывая Сарай, столицу Золотой Орды, все на больший и больший срок.

В ходе этих политических неурядиц на территории Джучиева Улуса начал образовываться ряд независимых владений, во главе ко-

торых стояли местные правители, властвовавшие одновременно с ханом, сидевшим в Сарае. Так, около 1359 г. на территории Пруто-Днестровского междуречья, представлявшей собою окраинный западный улус Золотой Орды, образовалась новая политическая единица — Молдавское княжество. Политическая ситуация в стране привела к территориальным потерям и на юго-востоке. В частности, в 1361 г. в Хорезме (нижняя Аму-Дарья) возникла независимая от Золотой Орды династия, называвшаяся Суфи, по имени основателя династии Хусайна Суфи из тюркизированного монгольского племени кунграт; эти правители чеканили монеты без своих имен, с одной лишь арабской надписью: *ал-мулк ли-ллахи* («власть принадлежит Богу»). Дальнейшая судьба Хорезма сложилась так. В 1379 г. он был завоеван эмиром Тимуром, но в начале 80-х годов XIV в. Токтамышхан воссоединил Хорезм с Поволжьем. Однако в 1388 г. Тимур снова завоевал Хорезм. В XV в. Хорезм находился то во владении ханов Золотой Орды, то во владении Тимуридов, то во владении местной династии Суфи. В начале XVI в. страна перешла во владение Шибанидов, потомков Шибана, сына Джучи, и там образовалось Хивинское ханство.

После смерти Бердибека, последнего золотоордынского хана из дома Бату, от Золотой Орды отделились и султаны Кок-Орды, власть которых распространялась на все юго-восточные пределы Джучиева Улуса. Западная Орда (Ак-Орда) раскололась на несколько самостоятельных частей: Нижнее Поволжье контролировалось сарайскими ханами, Причерноморье и Крым — эмиром Мамаем, Волжская Болгария — царевичем Булат-Тимуром, а затем Асаном и т. д.

В середине 70-х годов XIV в. глава Кок-Орды (Восточной Орды) Урус-хан (ум. 1377 г.) выступил в качестве объединителя всего Джучиева Улуса. Хотя ему удалось захватить столицу Золотой Орды, город Сарай, удержать верховную власть он не сумел и в 777/1375—1376 гг. вновь вернулся на берега Сыр-Дарьи, в свои коренные владения. То, что не сумел сделать Урус-хан, потомок Орды, осуществил в 80-х годах XIV в. другой представитель Кок-Орды — молодой мангышлакский царевич Токтамыш, потомок Тукай-Тимура, сына Джучи.

В 1378 г. Токтамыш-султан при поддержке властелина Средней Азии эмира Тимура был возведен на ханский престол в г. Сыгнаке (на Сыр-Дарье), столице царевичей Кок-Орды (левого крыла Джучиева Улуса). Оттуда Токтамыш выступил на войну с претендентами на золотоордынский престол (и опять при поддержке эмира Тимура), завладел столицей Золотой Орды. Вскоре он сумел объединить в одно целое все владения Джучидов и восстановить в стране сильную ханскую власть. Токтамыш имел неосторожность вступить в войну с бывшим своим протеже — эмиром Тимуром, и эта война, длившаяся

несколько лет, закончилась в 1395 г. полным поражением и низложением золотоордынского хана. Токтамыш больше никогда уже не возвращался на престол всего Улуса Джучи, и погиб он, по одним известиям — в 1404 г., по другим — в 1406 г., около Тюмени («низина», тюрк.; так называлась в то время также местность в низовьях р. Терека), во время сражения с войсками золотоордынского хана Шадибека.

Начало XV в. выдвинуло еще несколько объединителей Джучиева Улуса. Однако после Токтамыша больше никому не удалось добиться власти, которая признавалась бы во всем Улусе Джучи. Более того, после 30-х годов XV в. Золотоордынское государство с центром на нижней Волге окончательно распалось и на его развалинах образовалось несколько новых тюркских государств: Крымское ханство, Казанское ханство, Астраханское ханство, Сибирское ханство, Казахское ханство, а также ряд других политических единиц — Большая Орда (в степях между Волгой и Днепром), Ногайская Орда (с центром в местности по нижнему течению Яика).

Историческая судьба всех вышеперечисленных политических образований оказалась тесно связанной с судьбой Руси—России, которая, во второй половине XV в. полностью освободившись от монголо-татарского ига, в XVI столетии превратилась в сильное государство с центром в Москве. Взаимодействие России с политическими наследниками Золотоордынского государства привело к тому, что все они (каждый в свое время) были включены в состав Русского государства. Вот основная хронология этого включения и постепенного превращения Московского царства в многонациональную и поликонфессиональную Российскую державу с обширными азиатскими владениями к востоку, югу и юго-востоку от ядра собственно Русского государства.

2 октября 1552 г. после двухмесячной осады русские войска во главе с Иваном Грозным заняли Казань, и закончилось самостоятельное существование Казанского ханства, основателем которого считается Джучид Улуг-Мухаммад-хан (ум. 1446 г.). Ликвидация Казанского ханства, стоявшего у самых восточных границ Московского царства, предопределила судьбу Астраханского ханства — страны, управляемой потомками Тукай-Тимура, сына Джучи. В августе 1556 г. Астрахань (собственно — Хаджи-Гархан) была завоевана русскими войсками, и Астраханское ханство перестало существовать.

Так в 1552—1556 гг. все Среднее и Нижнее Поволжье было присоединено к России и для управления этой новой территорией создан так называемый Казанский дворец (приказ) — учреждение, ведавшее всеми вопросами административного, военного, финансового, а также судебного характера в присоединенных владениях.

20 августа 1598 г. русские нанесли решающее поражение потомку Шибана, сына Джучи, Кучуму — последнему «татарскому» хану Сибири, и включили Сибирское ханство со столицей в Искере (недалеко от места впадения Тобола в Иртыш) в состав Московского государства. Новая территория — Западная Сибирь — управленчески также была подчинена Казанскому дворцу. В начале XVII в. был положен конец политическому значению ногайцев, центром которых был город Сарайчик (букв.: 'Малый Сарай'), основанный Джучидами во второй половине XIII в. при устье Яика (приблизительно в 60 км выше современного Гурьева). Непосредственным соседом Русского государства на юго-востоке теперь стало Казахское ханство, основанное в 875/1470—1471 гг. двумя султанами, Гиреем и Джанибеком, потомками Орды, старшего сына Джучи.

Из всех этнополитических образований Джучидов постзолотоордынского периода дольше всего просуществовало именно государство казахских султанов, а также Крымское ханство. Конец владычеству в Крыму династии Гиреев (названной так по имени ее основателя Хаджи-Гирея, потомка Тукай-Тимура, сына Джучи) и присоединение полуострова к Российской империи относятся к 1783 г.; последний из Гиреев, носивший титул хана, Шагин-Гирей, удалился из страны и умер на чужбине. Присоединение Казахстана к России, начавшееся в 30-е годы XVIII в., по ряду причин затянулось на многие и многие десятилетия и закончилось лишь в 60-х годах XIX столетия.

Примечательно, что расширение сферы Российского государства на юг (до Черного моря и Кавказа включительно), восток (до Тихого океана) и юго-восток (до Средней Азии и Казахстана включительно) сопровождалось мощным миграционным потоком русского населения на новые земли. Так что со второй половины XVI в. начинается эпоха российской многонациональной и поликонфессиональной государственности, а заодно и новый опыт военно-политической, социально-экономической и т. п. интеграции евразийского пространства — русско-тюркского (XVI—XX вв.), вместо прежнего монголо-тюркского (XIII—XV вв.).

ИСЛАМИЗАЦИЯ КОЧЕВНИКОВ ДЕШТ-И КИПЧАКА

Э тот раздел работы основывается на достаточно традиционных восточных текстах, которые, однако, интерпретированы нами в контексте новых источниковедческих исследований. Предпринятые в последнее время попытки (Юдин, De Weese) использования для освещения данной темы текста «Чингиз-наме», составленного в XVI в. хорезмийским знатоком преданий Утемишем-хаджи, не кажутся

ам удачными ввиду откровенного религиозно-апологетического характера этого чисто фольклорного текста, что, впрочем, очевидно из ризнания самого автора сочинения [Чингиз-наме, с. 90—91; Бар-льдь, т. 8, с. 164—165].

Выше уже отмечалось, что в Золотой Орде не было единого народа; в государстве потомков Джучи не было также единой культуры, елигии и т. д. В ряде оседлых областей, вошедших в состав Золотой Орды, как, например, Хорезм (нижняя Аму-Дарья) и Волжская Болария, еще до монголов господствовавшей религией был ислам, и там меллись мусульманские школы и мечети. Население городов Крыма аходилось под влиянием Византийской церкви. Иначе обстояло дело основных — степных, кочевнических районах Золотоордынского осударства, заселенных преимущественно тюрками-кипчаками (повцами) и пришельцами-монголами, их завоевателями.

В домонгольский период кипчаки Великой Степи были почти не атронуты исламом и его культурой. Правда, согласно легендарному звестию, изложенному арабским историком XIII в. Ибн ал-Асиром, 1043 г. ислам приняло кочевое население (всего около 10 тысяч кибиток), жившее зимою по соседству с Чуйской долиной в Сепиречье, летом — в степях близ страны волжских болгар. Тем не менее Кипчакская степь до монгольских завоеваний оставалась вне пределов мусульманского мира, и еще в начале XIII в. мусульманский ладетель Средней Азии хорезмшах Мухаммад (правил в 1200—220 гг.) воевал с немусульманскими кипчаками на Сыр-Дарье и в 'ургайских степях (современный Центральный Казахстан).

Такая же обстановка была и на Западном Дешт-и Кипчаке. У повцев существовали мусульманские проповедники. Несмотря на это, а Кавказе кипчаки в XII в. в союзе с грузинами принимали участие в абегах на мусульманские земли, а кипчаки, кочевавшие в степях у Эжной Руси и полуострова Крым, даже находились под влиянием ристианства и частью были христианами. Причем пропаганда хриггианства среди кипчаков из Южной Руси и Западной Европы проолжалась и в монгольский период, что видно из относящегося к онцу XIII в. кипчакского словаря, где приводятся, по замечанию). В. Бартольда, в удачном переводе на тюркский язык кипчаков текты Евангелия и католические гимны (так называемый *Codex Comanicus*).

Судя по известиям источников, господствовавшей религией у ипчаков в то время был шаманизм, выразившийся в преклонении еред силами природы, особенно — в культе Тенгри (Небо). Замечательно, что и древние монголы, завосаввшие Кипчакскую степь, также были язычниками, причем и у них был распространен шаманизм. Однако история сложилась таким образом, что широкое распростра-

нение и укрепление ислама среди кочевников Дешт-и Кипчака, которые до того не были мусульманами, относятся именно к эпохе монгольского владычества (XIII—XV вв.).

Государство Золотой Орды с самого начала своего образования подвергалось воздействию мусульманской религии и культуры как изнутри — мусульманское население болгарских городов Поволжья и Прикамья, а также мусульмане Хорезма, так и извне — из близкой Бухары и далекого Египта. Последнему обстоятельству способствовал военный союз, заключенный между ханами Золотой Орды и мамлюкскими правителями Египта и направленный против персидских монголов, т. е. Ильханов, с которыми Джучиды находились во враждебных отношениях. Это мощное воздействие мусульманского мира привело в конце концов к принятию династией Джучидов ислама в качестве официальной религии государства Золотой Орды.

Давно замечено, что в истории внедрения мусульманства в Золотой Орде четко выделяются три этапа: при хане Берке (правил в 1257—1266 гг.), при хане Узбеке (правил в 1313—1341 гг.) и при эмире Едиге (ум. 1419 г.), являвшемся в начале XV в. фактически правителем большей части Золотой Орды.

Как сообщает Джувайни, автор «Истории завоевателя мира» (закончена в 1260 г.), Бату, первый правитель Золотой Орды, не оказывал предпочтения ни одной из религий и придерживался веры предков — культа Вечного Синего Неба (Тенгри). Известно, что тогда многие Чингизиды были враждебны исламу, так как мусульмане во главе с халифом Мустасимом (убит в 1258 г. Чингизидом Хулагу при взятии им Багдада) в то время были главными внешними врагами Монгольской империи. Тем не менее еще при жизни Бату (ум. 1255 г.) несколько его младших братьев почувствовали склонность к религии ислама и сделали мусульманами. В их числе был и царевич Берке — будущий хан Золотой Орды.

Мы не имеем точных и достоверных известий о том, когда именно Берке принял ислам. Из рассказа посла французского короля Людовика IX в Монголию Вильгельма де Рубрука, в 1253 г. посетившего Золотую Орду, видно, что Берке был мусульманином до указанного года: «Берке, — пишет брат Вильгельм, — выдает себя за сарацина (т. е. мусульманина) и не позволяет есть при своем дворе свиное мясо».

Царевича Берке, по словам его современника Джузджани, еще в юности в Ходженте (город в Таджикистане, расположен на левом берегу р. Сыр-Дарья) один из ученых этого города обучал Корану. Берке посещал в Бухаре мусульманских ученых-богословов и неоднократно беседовал с ними. Там же, в Бухаре, по словам арабских авторов, произошло и принятие им ислама от знаменитого суфийского шейха Сайф ад-Дина Бахарзи (ум. 1261 г.). По сведениям ал-Омари,

это событие имело место в то время, когда царевич Берке возвращался в Поволжье из Монголии с курултая, на котором Мунке (Менгу) был провозглашен великим ханом, т. е. в 1251 г. Рассказывается, что после своего восшествия на престол в 1257 г. Берке посетил Бухару, чтобы оказать почет выдающимся *улемам* (ученым-богословам) этого города.

В сочинении арабского летописца XIV в. ал-Муфаддала, сведения которого почерпнуты из трудов более ранних арабских авторов, о Берке говорится, что в 1263 г. ему было 56 лет.

«Описание его: жидкая борода; большое лицо желтого цвета; волосы зачесаны за оба уха; в одном ухе золотое кольцо с ценным камнем; на нем (Берке) шелковый кафтан; на голове его колпак и золотой пояс с дорогими камнями на зеленой болгарской коже; на обеих ногах башмаки из красной шагреновой кожи. Он не был опоясан мечом, но на кушаке его черные рога витые, усыпанные золотом» [СМИЗО, 2005, с. 151].

По известиям египетских авторов, очевидно тенденциозно сильно преувеличенным, мусульманином был не только сам Берке, но и его жены, а также часть эмиров со своими воинами. Каждая из его жен и каждый из эмиров, принявшие религию ислама, будто бы имели при себе *имама* (духовный наставник) и *муаззина* (человек, провозглашавший *азан* — призыв на молитву); мечети свои, состоящие из шатров, они возили с собою. Говорится также о мусульманских школах, где детей сановников учили читать Коран; в орде (кочевая ставка) Берке-хана постоянно находились ученые-богословы, при участии которых происходили частые вечера-диспуты по вопросам науки *шариат* (правила, которыми должен руководствоваться правоверный мусульманин).

Принятие ислама ханом Берке, его женами и приближенными, представленное мусульманскими авторами как победа «правоверия» в Золотой Орде, хотя и было для своего времени фактом огромной политической значимости, однако в действительности оно не привело ни к массовой исламизации основного населения государства потомков Джучи, ни к заметной исламизации государственной жизни и общественного быта. Известно, что в Джучиевом Улусе и при хане-мусульманине Берке (правил в 1257—1266 гг.) языческие обычаи соблюдались с такой же строгостью, как в самой Монголии, в том числе и обычаи, более всего находящийся в противоречии с требованиями ислама: не употреблять речной воды для мытья. Когда в 1263 г. египетские послы прибыли в Поволжье, в ставку Берке-хана, то их благовоременно предупредили, чтобы они «не ели снега, не мыли платья в орде, а если уж случится мыть его, то делать это тайком». Как факт слабого распространения ислама среди Джучидов и кочевой

феодалной знати Дешт-и Кипчака следует также рассматривать то обстоятельство, что последовавшие за Берке (ум. 1266 г.) ханы Золотой Орды были язычниками; они, как замечает ал-Калькашанди, «не исповедовали ислама до тех пор, пока между ними не явился Узбек-хан».

Действительно, в деле распространения и укрепления ислама в Золотой Орде царствование Узбек-хана (1313—1341 гг.) было золотым периодом: при нем ислам был объявлен официальной религией государства потомков Джучи и золотоордынская культура получила определенный мусульманский отпечаток.

Принятие Узбеком ислама арабские (египетские) авторы связывают с обстоятельствами его восшествия на престол. Предшественник Узбека на троне Токта-хан (правил в 1290—1312 гг.), говорится в сочинении шейха ал-Бирзали (ум. 1338 г.), был идолопоклонником, любил «лам и волшебников и оказывал им большой почет». У Токта-хана был сын; он был привержен к исламу, любил слушать чтение Корана, хотя и не понимал его, и предполагал, когда сделается царем этой страны, не оставить в царстве своем никакой другой религии, кроме мусульманской. Но он умер еще при жизни отца, оставив сына. Когда он умер, то отец его, Токта, назначил наследником внука своего, однако же ему не привелось повелевать, так как после Токты царством овладел сын брата его, Узбек [СМИЗО, 2005, с. 143—144].

Согласно летописи ал-Айни (ум. 1451 г.) и «Книге назидательных примеров» Ибн Халдуна (написана в 1406 г.), царевича Узбека возвел на ханство старший эмир страны Кутлук-Тимур со своими сторонниками. Причем когда захват власти еще только готовился, Кутлук-Тимур будто бы взял с царевича Узбека слово, что если он вступит на престол, то сделается мусульманином и будет строго придерживаться правил ислама. Сев на престол, Узбек действительно умертвил большое количество шаманов и буддийских лам, принял магометанство и «провозгласил исповедание ислама». Сделавшись мусульманином, Узбек-хан устроил себе соборную мечеть, в которой совершал все пять молитв, не надевал более монгольских колпаков, стал надевать булатный пояс и говорил: «Мужчинам неприлично носить золото» [СМИЗО, 2005, с. 380—381].

В анонимном сочинении под названием «Шаджарат ал-атрак» («Родословие тюрков»), составленном на персидском языке в XV в., есть рассказ, по которому Узбека обращал в ислам и дал ему имя Султан Мухаммад Узбек-хан туркестанский шейх Саййид-Ата; это событие будто бы произошло в 720 г. хиджры (12 февраля 1320 г.—2 января 1321 г.). Примечательно, что и на монетах Узбек-хана, чеканенных с 721/1321—1322 гг., его полное имя пишется в форме «Султан Мухаммад Узбек-хан», а монеты, чеканенные в более раннее время, обычно содержат легенду: «Верховный Султан Узбек».

Начиная с Узбек-хана, все золотоордынские ханы были мусульманами и имели кроме личного тюркского имени еще мусульманское имя. Так, судя по монетам, у Джанибек-хана (правил в 1342—1357 гг.) мусульманское имя было Султан Джалал ад-Дин Махмуд, у Бердибек-хана II (правил в 1357—1359 гг.) — Султан Мухаммад, у Токтамыш-хана (правил в 1379—1395 гг.) — Султан Насир ад-Дин и т. д.

По утверждению хорезмийского историка Муниса, во время ханствования Узбека, в связи с окончательным утверждением в Золотой Орде ислама, тюркским словом *бек* (*бий*) было вытеснено монгольское *нойон*.

В связи с принятием династией Джучидов ислама заслуживает быть особо отмеченным тот факт, что во второй четверти XIV в. и в государстве Чагатаидов ислам был объявлен официальной религией. Таким образом, уже в XIV в. ислам сделался государственной религией на всем пространстве, завоеванном монголами на западе, от Южной Руси до границ собственно Монголии и Китая.

Властная элита Золотой Орды поддерживала не только магометанскую религию. Во многих городах Крыма, Поволжья и т. д. мечети соседствовали с церквями и монастырями. В частности, в столице государства Сарая при Узбек-хане, по свидетельству великого арабского путешественника Ибн Баттуты, который посетил его в 1333—1334 гг., было «13 мечетей для соборной службы; одна из них шафийская. Кроме того, чрезвычайно много других мечетей. В нем (Сарае) живут разные народы, как-то: монголы — это настоящие жители страны и владыки ее; некоторые из них мусульмане; асы, которые мусульмане; кипчаки, черкесы, русские и византийцы, которые христиане. Каждый народ живет в своем участке отдельно» [СМИЗО, т. 1, с. 306].

В другом источнике XIV в. говорится, что население Золотой Орды многочисленно и разношерстно по составу, что наряду с христианами между ними «есть и мусульмане и неверные». Судя по всему, в XIII—XIV вв. властелины Золотой Орды проявляли полную толерантность в делах веры своих подданных.

О природе веротерпимости Джучидов замечательно метко говорится в письме брата Ордена Миноритов, Иоганки Венгра, в 1320 г. побывавшего в Золотой Орде. «Ведь татары, — писал он главе Ордена, барону Михаилу, — военной мощью подчинили себе разные племена из народов христианских, но позволяют им по-прежнему сохранять свой закон и веру, не заботясь или мало заботясь о том, кто какой веры держится, — с тем, чтобы в мирской службе, в уплате податей и сборов и в военных походах они (подданные) делали для господ своих то, что обязаны по изданному закону» [Аннинский, с. 90—91].

Подводя итог исламизации Джучиева Улуса в XIV в., следует сказать, что распространение магометанства успешнее всего шло в среде властной элиты и городского населения Золотоордынского государства. Кочевая степь — Дешт-и Кипчак — в XIV в. в целом была очень поверхностно затронута мусульманством, и жители степи в массе своей оставались еще во власти старых шаманистских воззрений, о чем свидетельствует сохранение древних языческих обрядов погребения.

В начале XV в. эмиром Едиге (Идики, Идику) была предпринята попытка насильственного внедрения ислама среди кочевого населения Золотой Орды.

Едиге — вообще легендарная личность. «О нем сообщают длинные рассказы, — пишет неизвестный продолжатель „Летописи ислама“ аз-Захаби (ум. 1449 г.). — Я встретился с человеком, который видел его (Едиге), знал дела его и провел с ним несколько лет. Он рассказывал мне про него удивительные и необыкновенные вещи относительно его отваги, познаний, обходительности, умения начальствовать и величия его» [СМИЗО, т. 1, с. 553—554]. А вот что сообщает о Едиге Ибн Арабшах (ум. 1450 г.), долгие годы живший в Мавераннахре и на рубеже 20—30-х годов XV в. побывавший в Золотой Орде: «Был он очень смугл лицом, среднего роста, плотного телосложения, отважен, страшен на вид, высокого ума, щедр, с приятной улыбкой, меткой пронизательности и сообразительности, любитель ученых и достойных людей, сблизился с благочестивцами и факирами, беседовал (шутил) с ними в самых ласковых выражениях и шутливых намеках, постился и по ночам вставал на молитву, держался за полы шариаата, сделав Коран и сунну да изречения мудрецов посредниками между собою и Аллахом Всевышним. Было у него около 20 сыновей, из которых каждый был царь владычный, имевший свой особый удел, войска и сторонников. Правил он всеми делами Дештскими около 20 лет. Дни его [правления] были светлым пятном на челе веков, и ночи владычества его — яркою полосой на лике времени» [СМИЗО, т. 1, с. 473—474].

Эмир Едиге происходил из тюркизированной монгольской племени *мангыт* и сделался легендарным богатырем еще во времена правления золотоордынского хана Токтамыша (1379—1395 гг.). Однако его фактическое вхождение во власть состоялось лишь после полного поражения Токтамыша от эмира Тимура в 1395 г. События развернулись таким образом, что с тех пор и до самой своей кончины в 1419 г. он был полновластным правителем большей части Золотой Орды. Но Едиге, не будучи Чингизидом (потомком Чингиз-хана по мужской линии), не принимал титул хана, а носил только титул «эмир» (в значении монгольского *нойон* и тюркского *бек* или *бий*;

этими титулами в государстве потомков Джучи и в Чагатайском улусе именовались представители военно-кочевой аристократии) и возводил на престол подставных ханов из потомков Чингиз-хана, оставаясь при них *амиром ал-умара* («эмиром эмиров»).

Едиге в короткое время привел в порядок государство, расстроенное двумя (1391 г. и 1395 г.) опустошительными нашествиями эмира Тимура и, по словам автора «Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини», положил начало в Улусе Джучи «тонким правилам и великим законам». В частности, он, как замечает арабский автор Макризи (ум. 1441 г.), запретил «татарам» продавать детей своих в неволю, вследствие чего значительно уменьшился привоз их в Сирию и Египет. В другой раз всемогущий «эмир эмиров» обратил свой высокий взор на состояние религии ислама в государстве потомков Джучи. Вот что сообщает в этой связи Иосафат Барбаро, итальянский купец, проживший много лет (1436—1452 гг.) в Тане, венецианской колонии при устье Дона:

«Магометанская вера стала обычным явлением среди татар уже около ста десяти лет тому назад. Правда, раньше только немногие из них были магометанами, а вообще каждый мог свободно придерживаться той веры, которая ему нравилась. Поэтому были и такие, которые поклонялись деревянным или тряпочным иступанам и возили их на своих телегах. Принуждение же принять магометанскую веру относится ко времени Едигея, военачальника татарского хана, которого звали Сидахамет-хан» [Барбаро, с. 140].

О конкретных мерах принуждения не сообщается.

Примечательно, что одновременно с Едиге усердно заботился о распространении ислама в своих владениях хан Моголистана Чагатаид Мухаммад (правил в 1408—1416 гг.). Как передает Мирза Хайдар, автор официальной истории могольских ханов, согласно повелению этого государя, все моголы (т. е. кочевое население страны) должны были носить чалму; непослушным вбивали в голову подковные гвозди. Такими вот жестокими мерами Мухаммад-хан, по словам сочинителя «Тарих-и Рашиди», добился того, что большинство кочевых племен и родов Моголистана стало мусульманами.

План Едиге — насильственно обратить в мусульманство всех кочевников Дешт-и Кипчака — в какой-то степени, возможно, и укрепил религиозный принцип. Однако эти силовые методы решения религиозных задач не привели все же к полной победе ислама над всей Кипчакской степью. Во всяком случае, по свидетельству И. Шильтбергера и Ибн Арабшаха, побывавших в Золотой Орде в 20—30-е годы XV в., а также по рассказам ряда других авторов, в XV в. в Дешт-и Кипчаке было много язычников, т. е. многие придерживались шаманизма. Такая обстановка сохранялась в части Дешт-и Кипчака и в XVI, и в XVII вв.

В этой связи следует особо отметить, что казахи, этническое ядро которых составили роды и племена именно кипчакского объединения, в XVI в. считались мусульманами-суннитами ханифитского толка. Но наряду с этим среди них распространены были некоторые «обычаи язычества», которые, по словам Ибн Рузбихана, участника похода Мухаммада Шейбани-хана на казахов зимой 1509 г., выражались в трех видах. Во-первых, у казахов встречались изображения идолов, которым они земно поклонялись. Во-вторых, казахи захваченных в плен мусульман превращали в рабов, не делая никакого различия между ними и рабами-неверными. В-третьих, когда наступает весна и появляется кумыс, казахи, прежде чем налить кумыс в сосуд и выпить, «обращают свое лицо к Солнцу и выплескивают из сосуда небольшое количество напитка в сторону востока, а затем совершают земной поклон Солнцу. Наверное, это есть проявление благодарности Солнцу за то, что оно выращивает травы, которыми питается лошадь, и появляется кумыс» [Ибн Рузбихан, с. 105—108].

Новый этап в деле распространения и укрепления ислама среди кочевников Кипчакской степи связан с деятельностью русского правительства.

Когда во второй половине XVI в. Россия включила в свой состав Казанское, Астраханское и Сибирское (Тобольское) ханства, то русские познакомились с татарами Поволжья и башкирами как с народами, принявшими мусульманство. В России сложился предвзятый взгляд, согласно которому все население бывшего Джучиева Улуса — правоверные магометане, а ислам — единственный источник их мировоззрения, их государственного строя и обще-ственного быта. Примечательно, что еще в первой половине XVIII в. с этой ошибочной точки зрения обсуждалось в правительстве России прошлое, настоящее и будущее тюркоязычных кочевых народов Великой Степи, в частности казахов. Именно поэтому посол императрицы Анны Иоанновны А. И. Тевкелев, отправленный в 1731 г. в Казахские степи, к хану Абу-л-Хайру, для принятия казахов Киши жуза (Младшей Орды) в российское подданство, имел строгую инструкцию. Согласно этой инструкции, составленной в стенах Коллегии Иностранных дел, А. И. Тевкелев должен был стараться, «яко о наиглавнейшем деле, дабы в верности к ее и. в. оный Абу-л-Хайр-хан со всеми другими ханами и с старшиною, и с прочими всеми киргиз-кайсаки присягу по своей вере на алк о р а н е (разрядка моя. — Т. С.) учинили, и тое руками своими подписали, и ему, Тевкелеву, отдали».

А между тем в степях Казахстана и в первой половине XVIII в. ислам был религией народа только лишь по имени. Насколько мы знаем, среди основной массы казахов и в то время требования ислама (т. е. пять основ ислама: 1) исповедание единого Бога, Аллаха, и его

посланника, Мухаммада; 2) пятикратная молитва; 3) пост в месяце рамазан; 4) уплата налога в пользу бедных; 5) паломничество в Мекку, к Каабе — главной святыне всех мусульман) были мало известны, религиозные обряды выполнялись далеко не всеми, зато пережитки домусульманских верований были весьма сильны. В этой связи интересен следующий факт. Известный казахский хан Абу-л-Хайр погиб летом 1748 г. и был погребен по мусульманскому обряду. Однако, согласно «Дневным запискам» капитана Н. П. Рычкова (ум. 1784 г.), Абу-л-Хайр-хана положили в могилу «в одежде обыкновенной и с некоторыми военными снарядами, как-то: саблею, копьем и со стрелами». Со слов Н. П. Рычкова понятно, что, несмотря на соблюдение основного ритуала мусульманской погребальной обрядности, были сохранены также и элементы древнего домусульманского погребального обычая кочевников Центральной Азии: похороны в парадном одеянии и с оружием. Мусульманский же обряд требовал погребения в саване и без каких-либо обиходных предметов.

Сержант царской армии Филипп Ефремов, в 1774 г. оказавшийся в плену у казахов, затем долго живший в Мавераннахре и через Индию и Англию вернувшийся в Россию в 1782 г., о вероисповедании казахов писал так: «Киргизцы вероисповедания магометанского, но понятие об оном они имеют, по-видимому, весьма слабое, так что кажется, будто бы совсем не имеют никакой веры» [Путешествия по Востоку, с. 194].

Словом, несмотря на официальный переход к магометанству, в жизни казахов-кочевников ислам имел номинальное значение и на государственное устройство и общественный быт народа не оказывал почти никакого влияния. Как это ни парадоксально, но окончательная победа ислама в степях Казахстана (т. е. в восточной части прежнего Дешт-и Кипчака) произошла именно после принятия казахами российского протектората и при энергичном содействии русских — последователей христианства.

Отношение русского правительства к исламу в разные исторические периоды было различно. Изначально русское правительство при покорении новых земель на Азиатском материке не покровительствовало исламу, но и не прибегало к прямому насилию над совестью своих азиатских подданных-мусульман и страхом их к крещению не приводило. Правда, затем правительство стало совершать гонения на ислам. Особенно ожесточенными гонения на ислам были в Российской империи в 40-х годах XVIII в., когда именным указом предписывалось распространять среди мусульман христианство, освобождать новокрещеных от податей и рекрутчины, возлагая то и другое на некрещеных; когда сенатским указом в бассейне Волги и Камы уничтожались мечети. Но поскольку религиозные гонения вызывали вос-

стания «восточных инородцев», а насаждение среди них христианства давало ничтожные результаты, то правительство во второй половине XVIII столетия изменило свое отношение к исламу. Теперь русское правительство сознательно стало содействовать распространению ислама и укреплению его позиций в своих азиатских владениях. Специальным указом царское правительство предписывало строить мечети; в частности, в 1755 г. было разрешено основание недалеко от Оренбурга так называемого Сеитовского посада с великолепной мечетью, который вместе со своей религиозной колонией в Стерлибаше, в Уфимской губернии, стал новым центром мусульманской науки на границе с Казахской степью. Отсюда, с ведома российских властей, посылались в Казахские степи мусульманские проповедники для насаждения ислама и муллы для организации мусульманских религиозных школ и обучения детей. Об успехах ислама на официальном уровне свидетельствует и тот факт, что в 80-х годах XVIII в., согласно материалам М. Вяткина и И. Ерофеевой, в Казахских степях официально действовал некий ходжа Абу-л-Джалил, носивший почетный титул «*Пир* (духовный наставник. — Т. С.) всего киргиз-кайсацкого журта», т. е. своеобразный степной *шейх ул-ислам*.

Таким образом, отныне мусульманская культура и ислам распространяются в Казахстане не только с юга, как это было первоначально, но и с севера. Это обстоятельство в конечном счете привело к тому, что бывшая Кипчакская степь теперь полностью и окончательно сделалась мусульманской страной (*дар ал-ислам*).

КУЛЬТУРА ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ

С самого начала центром жизни властителей Золотой Орды был бассейн Волги; причем город Болгар, бывшая столица Волжской Болгарии (остатки его находятся в Татарстане), был первым городом, в котором Джучиды чеканили свою монету. При монголах возникли в бассейне Волги и другие города. Возник Укек (на правом берегу Волги близ современного Саратова), затем Джучиды построили на левом берегу Ахтубы (Астраханская область) свою столицу, получившую название Сарай («Дворец»; перс.), а на правом берегу реки Яика — город Сарайчик («Малый Сарай») и т. п. Города являлись не только средоточием ремесла, торговли, но и важными административными и культурными центрами страны.

Правда, в каждом крупном городе, от Ургенча на Аму-Дарье, Сарая в Поволжье и до Солхата (ныне г. Старый Крым), была своя жизнь и свои культурные традиции, отражавшиеся на типе монет, на художественных изделиях, на архитектуре и т. п. Тем не менее мы можем говорить об общей культуре Золотоордынского ханства —

мусульманской. Принятие ислама династией Джучидов, как уже отмечалось, не создало общегосударственной идеологии, однако культура Золотоордынского государства со времени правления Узбек-хана (1313—1341 гг.) приняла определенный мусульманский отпечаток. «В силу ориентации ханов на мусульманство и городской быт среднеазиатско-иранского типа, — пишет крупнейший знаток истории и культуры Золотой Орды, профессор Г. А. Федоров-Давыдов, — в южнорусской степи, далекой от ислама, вдруг пышно распускается совершенно чуждаяномадам яркая урбанистская восточная средневековая культура, культура поливных чаш и мозаичных панно на мечетях, арабских звездочетов, персидских стихов и мусульманской духовной учености, толкователей Корана и математиков-алгебраистов, изысканно тонкого орнамента и каллиграфии» [Федоров-Давыдов, 1976, с. 118].

В жизни государства Золотой Орды были в ходу два языка: монгольский, тюркский — и два алфавита: уйгурский, арабский. Соотношение между этими двумя языками и алфавитами было различным в разные периоды истории государства потомков Джучи.

Монгольские кочевники, пришедшие в Дешт-и Кипчак, по численности значительно уступали местным тюркам, и потомки монгольских завоевателей скоро утратили свой язык и приняли тюркский язык кипчаков. В этом смысле замечательно, что арабский путешественник Ибн Баттута, в 1333—1334 гг. посетивший ставку монгольского эмира Туглук-Тимура и орду золотоордынского хана Узбека, слышал и там и тут только тюркские слова; во время пира проповедь, произнесенная по-арабски, была переведена на тюркский язык.

Однако в первой половине XIV в. в среде Чингизидов и монгольской кочевой знати Дешт-и Кипчака монгольский язык еще не вполне вышел из употребления. В этом отношении интересен пример с Узбек-ханом. Зимой 718/1318—1319 гг. во время похода Узбек-хана в Арран (область от Дербента до берега Куры), согласно рассказу историка Вассафа, современника золотоордынского хана, дештцы захватили двух монголов из армии Хулагуида Абу Саида, монгольского правителя Ирана, и привели к Узбек-хану, который лично стал допрашивать их о положении военачальника Ильханов эмира Чупана. Они ответили: «Чупан с 10 туманами войска, для устройства засады, через Карчага зашел вам в тыл». Узбек-хан по-монгольски сказал Кутлук-Тимуру и Иса-Гургану: «Тот человек, которого мы ищем, у нас в тылу; куда же нам направиться?» Замечательно, что и Хулагуид Абу Саид (правил в Иране в 1317—1335 гг.), по словам автора «Тарих-и Шейх Увайс» Абу Бакра ал-Кутби ал-Ахари, «хорошо знал монгольское и персидское письмо и хорошо писал» [Тарих-и Шейх Увейс, с. 102].

Во время Чингиз-хана (ум. 1227 г.) в Монголии был принят и широко распространен уйгурский алфавит. Уйгурской письменности, по приказанию Чингиз-хана, обучалось все молодое поколение монгольской знати, в том числе и сыновья самого государя. То же письмо послужило для записи «Великой Ясы» (собрание законов и приказов Чингиз-хана) и для составления «Алтан-дафтара» — «Золотого свитка» (официальная история ханского рода Чингизидов). Вместе с монголами уйгурская письменность пришла на запад, в страну кипчаков, где до того она не была известна.

Правда, письменных памятников, написанных уйгурским шрифтом на монгольском языке, на территории Джучиева Улуса пока найдено всего несколько: это четыре пайцзы (*пайцза* — золотая, серебряная, бронзовая или деревянная пластинка с определенной надписью, выдаваемая от имени монгольского хана как мандат), относящиеся к XIII—XIV вв. (о пайцзах Джучидов Тохты (1290—1312), Узбека (1313—1341), Кельдибека (1361) и Абдаллаха (1362—1369) см.: [Крамаровский, 2001, с. 75—76]), и фрагменты рукописи на бересте, содержащей тексты уйгурским шрифтом на двух языках — монгольском и тюркском. Есть золотоордынские монеты, где уйгурскими буквами написано имя хана; однако монет с монгольскими надписями в Золотой Орде, насколько известно, нет; тогда как встречаются монеты с тюркской надписью арабскими буквами *кутлуг болсун*. Имеются золотоордынские документы, в том числе ханские ярлыки, написанные уйгурским шрифтом на тюркском языке. Известна версия «Мухаббат-наме», тюркоязычной поэмы золотоордынского поэта середины XIV в. Хорезми, записанная уйгурским письмом.

Но все же в Золотой Орде в большом ходу было арабское письмо. С самого начала золотоордынские монеты чеканились с арабскими буквами и с арабскими надписями. Большое количество документов (жалованные ярлыки, письма ханов и т. п.), а также целый ряд художественных произведений, вышедших из Золотой Орды и дошедших до наших дней, написаны на тюркском языке арабским письмом. В числе последних, в частности:

1) поэма Кутба «Хусрау и Ширин», крупнейший памятник тюркоязычной золотоордынской литературы, составленный в 1340—1342 гг. и посвященный Тыныбеку, старшему сыну хана Узбека;

2) «Мухаббат-наме» золотоордынского поэта по прозвищу Хорезми («Хорезмиец»), второй из двух списков которой написан арабским письмом; это поэтическое сочинение было составлено на тюркском языке в 1353 г. на берегах Сыр-Дарьи;

3) в конце XIV в. золотоордынский поэт Сайфи Сараи перевел на тюркский язык «Гулистан» знаменитого персидского поэта XIII в. Саади.

Известно, что золотоордынские поэты XIV в. имели литературного предшественника. Так, в городе Барчкенде (на нижнем течении Сыр-Дарьи), входившем в состав владений Джучидов, во второй половине XIII в. жил ученый Хусам ад-Дин Асими, писавший сочинения на трех литературных языках мусульманского мира — арабском, персидском, тюркском. По словам другого туркестанского ученого, Джамала Карши (родился в 628/1230—1231 гг. в городе Алмалыке, бассейн р. Или), который познакомился с Хусам ад-Дином Асими в Барчкенде в 672/1273—1274 гг., его арабские произведения отличались красноречием, персидские — остроумием, тюркские — правдивостью и простотой слога.

Замечательно, что произведения золотоордынских литераторов XIV в. написаны на языке, близком к тому литературному тюркскому языку, который потом, в эпоху Тимуридов, был назван чагатайским. Образование в XV в. центральноазиатского литературного *тюрки*, т. е. так называемого чагатайского языка, впервые открыто вступившего в соперничество с персидским, тесно связано с интенсивной умственной жизнью и мощным литературным движением в XIV в. в Золотой Орде, особенно в Поволжье, а также в Хорезме и в соседних с ним местностях по нижнему и среднему течению Сыр-Дарьи [Бартольд, т. 5, с. 121].

Словом, вся поныне установленная — прежде всего трудом российских исследователей — история государства потомков Джучи свидетельствует о том, что Золотая Орда была культурным государством; и жаль, что культура Золотой Орды до сих пор изучена слабо. Однако отрадно отметить, что наблюдаемый теперь рост интереса к истории Джучиева Улуса в российском востоковедении, особенно в Татарстане и Башкирии, пробуждает все возрастающее внимание и к проблемам материальной и духовной культуры Золотой Орды (см.: [Тюркологический сборник 2001; Дашт-и Кипчак и Золотая Орда, 2003]).

ГЛАВА VII «МУИЗЗ АЛ-АНСАБ» И ЧИНГИЗИДЫ «КИЖЕ»

«Полковой писарь встал раньше времени, но испортил приказ и теперь делал другой список. В первом списке сделал он две ошибки: поручика Синохаева написал умершим, так как Синохаев шел сразу же после умершего майора Соколова, и допустил нелепое написание — вместо „Подпоручики же Стивен, Рыбин и Азанчеев назначаются“ написал: „Подпоручик Кижэ, Стивен, Рыбин и Азанчеев назначаются“.

...Так началась жизнь подпоручика Кижэ».

Юрий Тынянов. Подпоручик Кижэ

В востоковедении, как и в любой отрасли науки, существует немало ловушек, попав в которые научный работник может потерпеть полное фиаско. Одна из таких ловушек — эта власть прежних и нынешних авторитетов востоковедения. Во втором томе «Сборника материалов, относящихся к истории Золотой Орды» В. Г. Тизенгаузена (1825—1902), крупнейшего российского востоковеда, помещены обширные переводы-извлечения из «Муизз ал-ансаб» — важнейшего источника для генеалогической истории Чингизидов и Тимуридов XIII—XV вв. При сверке мною текста переводов с персидским оригиналом, хранящимся в Национальной библиотеке в Париже, оказалось, что в опубликованных в «Сборнике» В. Г. Тизенгаузена переводах-извлечениях содержатся грубейшие ошибки, искажающие генеалогическую историю Чингизидов, а также картину внутрдинастийных и внутривнутриполитических отношений в чингизидских улусах.

Общее количество Чингизидов — «подпоручиков Кижэ» угрожающе велико. Но не буду более интриговать читателя, а перейду непосредственно к теме.

«КНИГА, ПРОСЛАВЛЯЮЩАЯ ГЕНЕАЛОГИИ»

Для изучения истории Монгольской империи как в эпоху ее единства, так и после ее распада на независимые государства исключительное значение имеют мусульманские источники. Они написаны на разных языках (арабском, персидском, тюркском), различны по форме и виду, структуре и содержанию. В частности, среди этих исторических сочинений мусульманских авторов есть специальные родословные книги («Насаб-наме»), содержащие генеалогическую историю «Золотого рода» Чингиз-хана. В их числе находится и «Муизз ал-ансаб» («Книга, прославляющая генеалогии») — предмет нашего исследования.

Автор «Муизз ал-ансаб» неизвестен. Турецкий ученый Ахмед Зеки Валиди Тоган высказал предположение, что автором этой генеалогической истории, возможно, был известный придворный историк Тимиридов Хафиз-и Абру (ум. в 1430 г.) [Тоган, 1962, с. 68—69]. Однако фактов, которые могли бы безусловно доказать справедливость такого допущения, пока обнаружить не удалось.

«Муизз ал-ансаб» написана на персидском языке в 830/1426—1427 г. при дворе Тимурида Шахруха (ум. в 1447 гг.), в Герате. О мотивах, побудивших взяться за такой специфический исторический труд, анонимный автор в предисловии к книге, которое, кстати сказать, написано прозой, перемежающейся со стихами, сообщает следующее: «В эти дни 830 года хиджры (1426—1427 г.)¹ Шахрух-Бахадур-хан (так! — Т. С.), да увековечит Аллах его царствование и власть его, повелел составить, найдя удобопонятную форму изложения материала, родословную книгу (*насаб-наме*), заново проверив генеалогическую историю «Шаджара-йи ансаб-и салатин-и мугул», содержащую имена и его предков, и дополнив ее потомками, которые родились в последующие времена». В соответствии со своим содержанием настоящая рукопись (*ин нуха*) получила название Муизз ал-ансаб («Книга, прославляющая генеалогии»). Вслед за генеалогической историей монгольских султанов следует родословие предка эмира Тимура Карачар-нойона из племени барлас. Если в будущем по

¹ Дата приведена прописью по-персидски. Однако в другом месте (л. 236) говорится о 829 г. х. (1425—1426) как о текущем годе: здесь дата также приведена прописью, но по-арабски.

этой теме обнаружатся еще материалы, то пусть ими дополняют настоящие генеалогические таблицы, добавляет автор [Муизз ал-ансаб, л. 16—26; Султанов, 1994, с. 81—87].

Этот призыв историка двора Шахруха нашел отклик у некоего лица (имя также неизвестно), который продолжил генеалогии Тимуридов до начала XVI в., т. е. до конца этой династии.

Таким образом, перед нами редкая книга, в которой под одним переплетом собраны материалы о более чем одной тысяче потомков Чингиз-хана и сотнях Тимуридов.

В известном справочнике Ч. А. Стори и Ю. Э. Брегеля говорится о трех рукописях «Муизз ал-ансаб», которые хранятся в Париже, Лондоне и Стамбуле [Стори-Брегель, ч. 2, № 684, с. 818—819]. Однако, как установил американский ученый Дж. Е. Вудс в 1990 г., рукопись, хранящаяся в Музее Топкапы в Стамбуле, в действительности является списком другой, более ранней, генеалогической истории, принадлежащей перу некоего Хусайна, сына Али-Шаха. Таким образом, отмечает проф. Дж. Е. Вудс, мы располагаем только двумя рукописями «Муизз ал-ансаб» [Woods, 1990, p. 2]. Но ныне и эти сведения уже устарели. Молодому японскому исследователю Широ Андо удалось выявить в Алигархе (Индия) еще две рукописи «Муизз ал-ансаб» [Ando, 1992, s. 14, 17—19].

Итак, сейчас обнаружены четыре рукописи «Муизз ал-ансаб»:

1. Париж, Национальная библиотека; рукопись отличается прекрасным исполнением и хорошей сохранностью. Я пользовался именно этой рукописью (микрофильм который был получен мною благодаря содействию проф. Beatrice Forbes Manz за что приношу ей свою искреннюю благодарность). Привожу описание рукописи. Как указано на форзаце, рукопись содержит 161 лист. Однако в действительности в ней 164 листа, так как листы 5, 116 и 137 имеют по дополнительному листу. Листы 276, 536, 54а, 566, 58а, 114а, 124а, 144а, 149а — пустые. Почерк — четкий красивый *насталик*. Многие этнонимы и имена собственные написаны весьма неуверенно. По-видимому, переписчик, судя по всему имевший туманное представление о названиях тюркомонгольских кочевых племен, а также о монгольских и тюркских собственных именах, не разобрал их в оригинале и поэтому только воспроизвел начертание (часто без диакритических знаков).

Место переписки хранящейся ныне в Париже рукописи «Муизз ал-ансаб» неизвестно. Она была переписана неизвестным писцом в первые десятилетия XVI в. и сменила за годы своего существования нескольких владельцев. Одним из них был, судя по владельческим записям, некий ал-Рийази, живший в первой половине XVI в. и купивший эту прекрасно оформленную рукопись в Стамбуле. Другого владельца звали Исмаил ал-Шахид би-Фидаи. Его запись датируется

десять шаввал 1007 г. х. (май 1599 г.). На листе 1а имеется еще запись, в которой читается имя Абу Бакр Рустам ибн Ахмад ал-Ширвани. Он был известным библиофилом в Османской империи (ум. в 722/23 г.). В 1142/1729—1730 г. рукопись была куплена в Стамбуле ббатом Севеном. Затем она оказалась в Париже, в Национальной библиотеке [Муизз ал-ансаб, л. 1а—161а; Ando, 1992, s. 15].

2. Лондон, Британский музей; рукопись, вероятно, XVIII в., декоративная; почерк — трудночитаемый индийский *шикасте* [Rieu, 1879, . 183; Woods, 1990, p. 2].

3. Алигарх, Алигархский Мусульманский университет; листы биты, пагинация поздняя; рукопись датируется временем правления Могольского императора Бахадур-шаха I (1707—1712) [Ando, 1992, . 17—18].

4. Алигарх, Алигархский Мусульманский университет; рукопись состоит из двух томов; второй том — генеалогия дома Тимура — заголовок начинается с первой страницы [Ando, 1992, s. 18—19].

Ни в одной из этих четырех рукописей «Муизз ал-ансаб» не указаны ни имя переписчика, ни место и точная дата переписки.

Анонимный автор «Муизз ал-ансаб» не называет конкретно свои литературные источники. Обычное его выражение: «Вот что повествуют правдивые тюркские историки...» («монгольские историки», историки ханского рода»). Лишь однажды, при рассказе об отце Чингиз-хана Есугей-бахадуре, автор ссылается на сочинение знаменитого историка Ильханов Рашид ад-Дина «Джами ат-таварих» [Муизз ал-ансаб, л. 56].

Как показали исследования А. З. Тогана, Дж. Е. Вудса, Широ Анно, Ш. А. Квинна и других ученых, часть «Муизз ал-ансаб», посвященная Чингизидам, заимствована из «Шуаб-и панджгана» («Генеалогия пяти народов») Рашид ад-Дина. «Шуаб-и панджгана» была составлена Рашид ад-Дином между 1306 и 1310 гг. Книга посвящена генеалогии царствующих династий «пяти народов»: 1) арабов, 2) монголов, 3) евреев, 4) христиан-франков, 5) китайцев — и представляет обою, в основном, извлечения из второго тома «Джами ат-таварих» того же автора, но с некоторыми дополнительными историческими сведениями. Анонимный автор «Муизз ал-ансаб» опустил генеалогии арабов, евреев, китайцев и франков, но заимствовал из «Шуаб-и панджгана» генеалогические таблицы дома Чингиз-хана и добавил генеалогии Чингизидов до начала XV в., а также Тимура и первых Тимуридов [Togan, 1962, p. 68—70; Jahn, 1964, p. 113—122; Quinn, 1989, . 229—253; Woods, 1990, p. 7; Ando, 1992, s. 19—20].

Другим литературным источником для автора «Муизз ал-ансаб», как полагают, послужила генеалогическая история Хусайна ибн Али Шаха, посвященная дому Чингиз-хана и Тимура и составленная так-

же в среде Тимуридов, но несколько ранее, чем «Муизз ал-ансаб», по всей вероятности, в годы правления Халил-султана (1405—1409). Генеалогия не имеет заглавия. Рукопись этой генеалогической истории хранится в Музее Топкапы в Стамбуле и исследована проф. Дж. Е. Вудсом.

«Муизз ал-ансаб» была введена в научный оборот еще в 20-х годах XIX в. знаменитым ориенталистом К. Д'Оссоном. С тех пор к «Муизз ал-ансаб» обращались многие и многие наши западные коллеги, но все они в основном только читали и использовали в своих поисковых работах материалы из этого ценнейшего источника. Объектом специального исследования и перевода «Муизз ал-ансаб» стала для западных ученых лишь в последние годы. Особо отмечу здесь две работы. Дж. Е. Вудс переработал и в 1990 году издал на английском языке вторую часть «Муизз ал-ансаб» — генеалогию дома Тимура [Woods, 1990, p. 1—61]. В 1992 году вышла в свет объемистая монография японского ориенталиста Широ Андо, также специально посвященная «Муизз ал-ансаб» [Ando, 1992, p. 1—337].

РОКОВАЯ ОШИБКА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Из отечественных исследователей непосредственно с персидским оригиналом «Муизз ал-ансаб» были знакомы, кажется, только В. Г. Тизенгаузен (1825—1902) и В. В. Бартольд (1869—1930). В частности, в 1898 г. В. В. Бартольд опубликовал отрывок текста из рукописи «Муизз ал-ансаб», хранящейся в Парижской Национальной библиотеке [Бартольд, 1898, с. 158—159]. В. Г. Тизенгаузен во время своего путешествия по Европе, совершенном в 1880 г. специально с целью извлечения из рукописных собраний сведений о Золотой Орде, сделал обширные выписки из сочинений многих средневековых мусульманских авторов, в том числе и из «Муизз ал-ансаб», хранящейся в Парижской Национальной библиотеке. Извлечения из последнего источника были им обработаны, переведены и по соображениям удобства помещены в примечаниях и дополнениях к переводу из более раннего автора Рашид ад-Дина (ум. 1318 г.). Но В. Г. Тизенгаузен при своей жизни не успел издать эти материалы. Извлечения и переводы из персидских сочинений, сделанные им, были изданы лишь в 1941 году под редакцией А. А. Ромаскевича и С. Л. Волина [СМИЗО, т. 2, с. 7, 29, 60—63 и др.]. Но при этом произошел достойный самого глубокого сожаления казус. То ли по недосмотру самого В. Г. Тизенгаузена, то ли издателей его материалов по истории Золотой Орды, в извлечениях из «Муизз ал-ансаб» содержатся досадные ошибки.

Чтобы стала понятной природа их происхождения, обращусь снова к персидскому оригиналу «Муизз ал-ансаб».

В вводной части своего труда анонимный автор «Муизз ал-ансаб» подробно объясняет читателю принципы организации генеалогического материала основного текста. Для наглядности, пишет он, в настоящей родословной книге используются таблицы и другие графические фигуры и построения. Так, имена лиц мужского пола (т. е. каждое имя принца крови в отдельности) выделены кружком, а имена лиц женского пола (т. е. каждое имя принцесс крови в отдельности) вписаны в прямоугольник-квадрат. Имена тех принцев, которые достигли верховной власти и царствовали, вписаны в прямоугольник с двойной линией, под которым — соединенный с ним линией — большой очерченный двойной линией круг для изображения их портретов (в парижской рукописи «Муизз ал-ансаб» «портретов» ханов нет и все большие круги — пустые). На правой стороне от имен и изображений государей указаны имена их эмиров и вельмож (часто со сведениями, из какого они рода и племени), а на левой стороне перечислены имена их жен и наложниц (также часто со сведениями, из какого они рода и племени). Около имени помещена памятка, где по возможности приводятся даты рождения и смерти, годы царствования и другие исторические сведения. Мужское потомство и женское потомство государей указаны в середине листа и их имена, т. е. имена детей (*фарзандан*), вписаны внутри мелких кружков и прямоугольников-квадратов, а имена тех из принцев, которые впоследствии стали правителями, отмечены двойной линией [Муизз ал-ансаб, л. 2аб].

В опубликованных в «Сборнике» В. Г. Тизенгаузена извлечениях из «Муизз ал-ансаб» почему-то оказался несоблюденным главный принцип организации генеалогического материала источника, а именно: в персидском оригинале имена принцев крови (по терминологии источника — *оулад*) отмечены кругом (малым или большим, очерченным одной или двойной линией), а имена принцесс крови (по терминологии источника — *унас*) заключены в малый прямоугольник-квадрат. Результат такого вольного перевода оказался плачевным: многие десятки принцесс дома Чингиз-хаана, словно по мановению волшебной палочки, превратились в принцев. Именно их, этих «принцев» из «Сборника» В. Г. Тизенгаузена, которые в действительности принцессы и которые явились в историю в результате ошибочного действия переводчика, я и называю в настоящей работе *Чингизидами* — «подпоручиками Кижэ».

Пишущий эти строки не мог, конечно, взять на себя труд сличить с персидским подлинником все переводы-извлечения из «Муизз ал-ансаб», опубликованные в «Сборнике В. Г. Тизенгаузена. Я взял лишь некоторые места из тех страниц «Сборника», на которые в исследова-

тельской литературе ссылки делаются чаще всего. Мой перевод-расшифровка, как увидит читатель, сильно отличается от перевода В. Г. Тизенгаузена. Но эта разница объясняется просто: у В. Г. Тизенгаузена не только не расшифрованы графические фигуры и построения в «Муизз ал-ансаб», но в ряде случаев оказались перепутанными линии, которые, часто переходя с одного листа на другой, соединяют графические фигуры, на которых обозначены имена детей, с графической фигурой, на которой обозначено имя их отца. Имена Чингизидов — «подпоручиков Кижэ» в переводе В. Г. Тизенгаузена выделены мною курсивом.

Переводы-извлечения

*Из «Сборника» В. Г. Тизенгаузена
(т. 2, с. 62—63)*

*Из «Муизз ал-ансаб»
(л. 26а—27а)*

Родословие Урус-хана разделено на три отдела: А. потомство сына его Токтакия, Б. потомство другого его сына Тимур-Мелика и В. третьего его сына Коюрчака или Койричака.

А. У Токтакии было 6 сыновей: 1) *Бахши-бий*; 2) *Севди*; 3) *Татли*; 4) *Аникэ-Булад*; 5) *Бугучак* и 6) *Тенгриберди*. Из них *Бугучак* был отец 4 сыновей: 1) *Мухаммеда*; 2) *Ахмеда*; 3) *Алия* и 4) *Имен-бия*. Остальные пять показаны бездетными.

Б. У Тимур-Мелика значится 12 сыновей¹: 1) *Сейид-Али*; 2) *Сейид-Ахмед*; 3) *Токта-Пулад*; 4) *Туглук-Пулад*; 5) *Шукур*; 6) *Туглу-бий*; 7) *Иран-бий*; 8) *Суду-бий*; 9) *Менглик-Туркан*; 10) *Оглан-бий*; 11) *Менгли-бий* и 12) *Кутлу-Бука*². Из них у 3-го (*Тукта-Пулада*)

У Урус-хана было 15 детей: 8 сыновей и 7 дочерей.

Имена его дочерей (каждое имя в отдельности вписано в квадрат; в общем перечне детей Урус-хана они соответственно значатся: 6-м, 7-м, 8-м, 9-м, 10-м, 11-м, 12-м ребенком): 1) *Шукур* (или *Шекер*), 2) *Туглу-бий*, 3) *Ирен-бий*, 4) *Суду-бий*, 5) *Менглик-Туркан*, 6) *Оглан-бий*, 7) *Менгли-бий*.

Имена его сыновей (они отмечены кругом или двойным кругом; в общем перечне детей Урус-хана они соответственно значатся: 1-м, 2-м, 3-м, 4-м, 5-м, 13-м, 14-м, 15-м ребенком).

Первый сын Урус-хана — Токтакия; он царствовал (его имя вписано в прямоугольник с двойной линией, который соединен с большим кругом с двойной

¹ Указанные здесь «12 сыновей» Тимур-Малика в действительности — дети Урус-хана. В Парижской рукописи «Муизз ал-ансаб» (л. 27а) Тимур-Малик показан бездетным. Это отчасти и понятно. По характеристике Натанзи, автора «Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини» (написано в 1413 г.), Тимур-Малик-хан был большим любителем наслаждений, постоянно предавался пьянству и разгулу, «спал до полудня», что укрепило расположение людей к его политическому сопернику, и «большая часть улуса, отряд за отрядом, перешла к Токтамышу». Тимур-Малик потерял свою власть, а заодно и жизнь [Кляшторный, Султанов, 1992, с. 201—202].

² Здесь В. Г. Тизенгаузенем или издателями его материалов сделано такое примечание: «Расположение имен в рукописи *Муизза* неясное и возможно, что не-

было 2 сына: 1) Тогай-Пулад и 2) Сагай-Пулад; у 4-го (Туглук-Пулада) также 2 сына: 1) Ак-Пулад и 2) Берди-Пулад; у 12-го (Кутлу-Буки) 4 сына: 1) Джинг-Пулад; 2) Кутучак; 3) Ядгар и 4) Нусрет.

В. Коюрчак был отец 3 сыновей: 1) Борак-хана; 2) *Ракыя* и 3) *Паенде-ултана*; последние два бездетны, а у первого (Борак-хана) было 4 сына: 1) *Сеадат-бек*; 2) Абу-Саид; 3) Мир-Касим и 4) Мир-Сейид.

линией). У него было три дочери: 1) Яхши-бий, 2) Севди, 3) Татлы (каждое имя в отдельности вписано в квадрат) и три сына (имена вписаны в круг): 1) Анике-Булад, 2) Бугучак, а этот Бугучак имел трех сыновей и одну дочь: а) Мухаммад, б) Ахмад, в) Али, г) Именбий (первые три имени вписаны в круг, а последнее — в квадрат); 3) Генгриберди.

Второй сын Урус-хана — Сайид-Али.

Третий сын Урус-хана — Сайид-Ахмад.

Четвертый сын Урус-хана — Токта-Пулад. У него было два сына: а) Тагай-Пулад, б) Сарай-Пулад (каждое имя вписано в круг).

Пятый сын Урус-хана — Туглук-Пулад. У него было два сына: а) Ак-Пулад, б) Берди-Пулад (каждое имя заключено в круг).

Шестой сын Урус-хана — Кутлу-Бука. У него было три сына: а) Джинг-Пулад, б) Кутучак, в) Ядгар (каждое из этих имен вписано в круг) и одна дочь по имени Нусрет (имя вписано в квадрат).

Седьмой сын Урус-хана — Тимур-Малик; он царствовал (его имя вписано в прямоугольник, очерченный двойной линией и соединенный с большим кругом с двойной линией).

Восьмой сын Урус-хана — Куйурчук. У него было две дочери: а) Пайанде-султан, 2) Рукийа (каждое имя вписано в квадрат) и один сын по имени Барак. Барак царствовал (его имя вписано в прямоугольник, очерченный двойной линией и соединенный с большим кругом с двойной линией).

У этого Барака было 4 детей: дочь Сеадет-бик (имя вписано в квадрат) и три сына: Абу Са'ид, Мир-Касим и Мир Сайид (каждое имя вписано в круг).

Итак, в результате крупного недоразумения в один из популярнейших в ученых кругах послевоенных лет сборников материалов,

которых из перечисленных 12 сыновей Тимур-Мелика следует считать сыновьями Урус-хана» [СМИЗО, т. 2, с. 63, примеч. 1].

посвященных истории Золотой Орды, были впущены «вирусы» — носители дезинформации, которые, проникнув оттуда, из источниковой базы, в исследовательскую литературу, оказали пагубное влияние на научные построения многих медиевистов, пользовавшихся этим сборником. Таким образом, в целом направлении отечественного востоковедения создалась тупиковая ситуация. Выход из тупика ясен — надо повернуть обратно. В данной тупиковой ситуации это означает — назад к первоисточнику, т. е. к персидскому оригиналу «Муизз ал-ансаб». В Санкт-Петербурге в Институте восточных рукописей РАН имеется микрофильм прекрасной по исполнению и сохранности парижской рукописи этого замечательного письменного памятника. Остается лишь надеяться, что в недалеком будущем найдется востоковед, имеющий опыт работы с рукописным материалом, и возьмет на себя тяжкий, но, при создавшемся положении дел, необходимый труд по переводу-расшифровке и подготовке к изданию первой части «Муизз ал-ансаб», содержащей генеалогии Чингизидов XIII—начала XV вв.

К сказанному выше добавлю следующее. В рукописном фонде Института восточных рукописей РАН хранится рукопись редкого тюркского сочинения под названием «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» (написано около 1504 г. в Средней Азии). Это произведение интересно во многих отношениях. В частности, оно содержит разделы, в которых приводятся подробные родословные Джучидов и Чагатаидов XIII—начала XVI вв., которые могут быть, а точнее — непременно должны быть, использованы при работе над соответствующими разделами «Муизз ал-ансаб». Генеалогию Чингизидов анонимный автор «Нусрат-наме» завершает такими словами: «В настоящей родословной упомянуто то, что стало известно из разных хроник, а также то, что содержит изустное предание. Каждому, кто узнает дополнительные сведения об их потомках, надлежит внести это в данный перечень имен» [Нусрат-наме, л. 128а]. Была ли в числе литературных источников составителя «Нусрат-наме» также и «Муизз ал-ансаб», остается вопросом, не имеющим пока решения.

Весьма отраднo, что долгие ожидания наконец оправдались. За последние годы в Республике Казахстан вышла из печати серия книг по государственной программе «Культурное наследие», в их числе и «Му'изз ал-ансаб». Перевод с персидского языка, примечания, факсимильный текст этого важнейшего источника подготовлены профессором Ш. Х. Вохидовым, крупным знатоком мусульманских рукописных книг [Му'изз ал-ансаб, 2006].

ГЛАВА VIII СУДЬБА ВЛАСТНОЙ ЭЛИТЫ ВОСТОЧНОГО ДЕШТ-И КИПЧАКА И СТЕПНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

История складывается непредсказуемо: порою громкое событие, будоражившее общество, может скоро забыться и стать рядовым фактом прошлого, а порою, наоборот — казалось бы, самое ординарное событие, казалось бы, самое обыденное явление может при стечении обстоятельств иметь поразительные последствия в жизни страны и судьбе ее населения. Этот тезис хорошо иллюстрирует история образования Казахского ханства.

Джучиды дольше всего правили в Казахских степях; в Казахском ханстве дольше всего сохранялись традиции кочевой государственности; казахские жузы впоследствии также были присоединены к Российской империи, как и все основные части Джучиева Улуса. Поэтому эта глава настоящей книги специально посвящена вопросам казахской государственности и общества ханского периода.

ВРЕМЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАЗАХСКОГО ХАНСТВА

В XV в. на территории, занимаемой нынешним Казахстаном, появилось новое государственное образование, возглавленное султанами Гиреем и Джанибеком, потомками Джучида Урус-хана (ум. 1377 г.). Та часть кочевников Восточного Дешт-и Кипчака, которая примкнула к ним, носила название *казаки* (*казахи*). Сложилась новая

ветвь Чингизидской династии, правившая более 350 лет вновь образовавшейся этнополитической общностью — казахским народом.

Однако в отечественной исторической науке до недавнего времени проблему собственно казахской государственности не выделяли, поставив в один ряд с иными событиями политической истории казахского общества. Между тем именно эту дату, т. е. время возникновения национальной государственности, следует считать переломной не только в политической, но и этнической истории казахского народа. Ибо становление и развитие нации невозможно без сохранения исторической памяти народа, а к числу наиболее значительных вех в историческом прошлом всегда и везде относится время возникновения национальной государственности, независимо от того, каков был социальный облик этой государственности и какая форма государственного устройства была приемлема и возможна в те времена [Султанов, 1971, с. 54—57].

Ныне в суверенной Республике Казахстан проблемами предыстории и истории первой казахской национальной государственности занимается немало молодых и талантливых исследователей. Это, вне всякого сомнения, отрадное явление. Однако все же следует отметить, что не всем молодым коллегам с моей исторической родины в равной мере свойственны научная корректность и беспристрастность. В науке безнравственны не только фальсификация и карьеризм, но также и любая форма плагиата, нетерпимость к инакомыслию, ослепление учеными степенями и званиями. Вступившему в мир большой науки следует помнить слова великого российского востоковеда Василия Владимировича Бартольда (1869—1930), который еще в конце XIX столетия писал: «Печально, когда... представитель науки, которому даны все возможности выдвинуться при помощи ума и таланта, ищет скандального успеха, бесцеремонно выступая против живых и мертвых коллег» [Бартольд, т. 5, с. 311].

В литературе, посвященной средневековой истории Казахстана, время образования Казахского ханства относится к 870 г. хиджры (1465—1466 гг.) со ссылкой на сведения «Тарих-и Рашиди» Мирзы (Мухаммада) Хайдара Дуглата (1500—1551 гг.). Об этом сочинении и его тюркских версиях см.: [Султанов, 1982, с. 116—135; 1997, с. 356—383].

Можно ли безоговорочно доверять этой дате?

Обратимся к тексту Мирзы Хайдара, сочинение которого содержит единственное в средневековой мусульманской историографии связанное изложение предыстории и ранней истории Казахского ханства. Я основываюсь на четырех списках персидского оригинала «Тарих-и Рашиди», хранящихся в Санкт-Петербурге, в Институте вос-

точных рукописей РАН. Вот что пишет о начале казахской государственности первый историк первого казахского государства:

«Когда Абу-л-Хайр-хан полностью подчинил себе Дешт-и Кипчак, некоторые султаны джучидского рода обонянием предусмотрительности почуяли веяние надвигающейся беды с его стороны и решили предотвратить ее. И с этой целью несколько султанов — Гирей-хан, Джанибек-султан и им подобные с немногочисленным количеством людей, бежав от Абу-л-Хайр-хана, прибыли в Моголистан.

В то время в Моголистане очередь ханствования была за Есен-Буга-ханом. Есен-буга-хан проявил к ним особую заботу и уважение, и местом их пребывания определил один из уголков Моголистана, где они обрели надежную безопасность, и жизнь их проходила в благополучии.

После смерти Абу-л-Хайр-хана (выделено мною. — Т. С.) в Узбекском улусе начались междоусобицы; всякий, кто только мог, ища безопасности и благополучия, уходил к Гирей-хану и Джанибек-хану. Вследствие этого они значительно усилились.

Так как они (т. е. Гирей, Джанибек и их приверженцы. — Т. С.) сперва, бежав и отделившись от своего многочисленного народа, некоторое время пребывали в беспомощности и скитаниях, их и прозвали казаками, и прозвище это закрепилось за ними».

В другой главе Мирза Хайдар описывает эти же события так:

«В то время в Дешт-и Кипчаке владычествовал Абу-л-Хайр-хан. Он причинял много беспокойства султанам джучидского происхождения. Джанибек и Гирей-хан бежали от него и прибыли в Джеге, то есть в Моголистан. Есен-Буга-хан охотно их принял и предоставил им округ Чу и Козы-Баши, который составляет западную окраину Моголистана. В то время, как они пребывали там, Узбекский улус после смерти Абу-л-Хайр-хана (выделено мною. — Т. С.) пришел в расстройство; в нем начались большие неурядицы. Большая часть подданных Абу-л-Хайр-хана откочевала к Гирей-хану и Джанибек-хану, так что число собравшихся около них людей достигло двухсот тысяч человек. За ними утвердилось название *узбеки-казаки*. Начало государства казахских султанов (*ибтида'-ий даулат-и салатин-и казак*) — с восьмисот семидесятого года (1465—1466 гг.). Впрочем, Аллах лучше знает».

После выхода в свет в 1864 г. второй части книги «Исследование о Касимовских царях и царевичах» В. В. Вельяминова-Зернова, где впервые в историографии Казахстана приводятся эти сведения Мирзы Хайдара Дуглата (в персидском тексте и в русском переводе без комментариев), в исторической литературе утвердилось мнение считать 870 г. хиджры (1465—1466 гг.) — годом смерти Абу-л-Хайр-хана и

основания Казахского ханства (Н. А. Аристов, А. П. Чулошников, М. П. Вяткин и другие). Поскольку дата переломная в истории современного казахского народа, подвергнем известия автора «Тарих-и Рашиди» Мирзы Хайдару критическому анализу.

Как видим из приведенных выше цитат, Мирза Хайдар дважды перечисляет ряд событий, которые предшествовали и в конечном счете привели к образованию Казахского ханства, но в котором году имели место все эти события он не говорит, ограничиваясь лишь одной датой. Однако 870 г. х., приводимый им как год начала власти собственно казахских султанов, на поверку оказывается ошибочным.

Согласно Мирза Хайдару, Казахское ханство возникло после смерти Абу-л-Хайр-хана, что, кстати сказать, подтверждается многими другими источниками. Из контекста «Тарих-и Рашиди» совершенно ясно, что Мирза Хайдар полагал, что Абу-л-Хайр-хан умер в 870 г. Хиджры. Но в действительности Абу-л-Хайр-хан умер не в 870 г. х., а на три-четыре года позднее — в 873/1468—1469 гг. (так по «Тарих-и джахан-ара» Кази Ахмада Гаффари Казвини) или в 874/1469—1470 гг. (так по «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» и «Бахр ал-асрар»). Следовательно, образование Казахского ханства не может быть датировано раньше 1468—1469 гг.; для данного события указанный год (873 г. х.) есть, таким образом, *terminus ante quem* pop.

Путаница в хронологии ранней истории Казахского ханства, которую допускает Мирза Хайдар Дуглат, не должна нас удивлять или смущать. Автор «Тарих-и Рашиди» вообще дает годы по памяти, приблизительно. На этот факт неоднократно указывалось в востоковедной литературе, особенно академиком В. В. Бартольдом. К счастью, мы, современные исследователи-востоковеды, располагаем о предыстории и ранней истории Казахского ханства большим материалом, чем Мирза Хайдар, который писал свой «Тарих-и Рашиди» в Кашмире по памяти спустя семьдесят с лишним лет после интересующих нас событий. Теперь мы можем существенно уточнить хронологию. Учитывая то обстоятельство, что любой год мусульманского календаря, равно как и двенадцатилетнего циклического календаря, разными своими частями приходится на два года европейского календаря, нижеследующие события датируются двойным годом.

Воцарение Абу-л-Хайр-хана в Восточном Дешт-и Кипчаке — 1428—1429 гг.

Отложение Гирея и Джанибека с частью племен и родов от главы кочевых узбеков Восточного Дешт-и Кипчака Абу-л-Хайр-хана и их перекочевка в западные пределы Моголистана — 1459—1460 гг.

Смерть могольского хана Есен-Буги — 1461—1462 гг.

Смерть Шибанида Абу-л-Хайр-хана — 1468—1469 гг.

Усиление Гирея и Джанибека за счет новых беглецов из Дешт-и Кипчака и возвращение их казачьей вольницы из Моголистана в Узбекский улус — 1469—1470 гг.

Образование Казахского ханства — 1470—1471 гг.

С 1470—1471 гг. и до ликвидации ханской власти царским правительством в XIX столетии на просторах Казахских степей одни потомки Джучида Урус-хана сменяли других, но политическое господство уже не переходило больше к представителям другой ветви Чингизидов.

Политическая и общественная значимость этого события заключается прежде всего в том, что Казахское ханство, возникшее в 1470—1471 гг. — **первое** по времени в Средней Азии национальное государство, созданное ныне существующим народом, а не его предшественниками или историческими предками.

Определенных комментариев требуют и некоторые другие сообщения Мирзы Хайдара Дуглата; вот, к примеру, одно из них, которое имеет непосредственное отношение к нашей теме.

В «Тарих-и Рашиди» говорится, что в 930/1523—1524 гг. казахов было миллион человек, а после 944/1537—1538 гг. (в результате сражения с моголами) «от этого сообщества племен на земле не осталось и следа» [Тарих-и Рашиди, рук. В 648, л. 154а; МИКХ, с. 223]. Замечательно, что в сочинении Махмуда ибн Вали «Бахр ал-асрар», где соответствующие сведения о казахах излагаются по «Тарих-и Рашиди», эта фраза опущена. Оно и понятно. Махмуд ибн Вали писал свой многотомный труд по поручению Аштарханида Надир-Мухаммада в 30—40-х годах XVII в. Он знал и видел сам, что казахи не исчезли, даже, напротив, весьма усилились: в его время казахи, кроме огромных степных пространств, владели множеством присырдарьинских городов и крепостей. Словом, Мирза Хайдар Дуглат заблуждался. У каждого заблуждения своя причина. Причина заблуждения автора «Тарих-и Рашиди» легко устанавливается. Судьба Мирзы Хайдара сложилась таким образом, что в 1533 г. он вынужденно покинул родину и переселился в Кашмир, где и написал свою знаменитую историю. Так что автор «Тарих-и Рашиди» наблюдал события в Туркестане после 1533 г. издали, часто пользуясь информацией из вторых и третьих рук, а подчас и просто передавал слухи. К такому роду слухов относится и его сообщение о якобы полном исчезновении казахов после 944/1537—1538 гг. Вот и вся история другого ошибочного утверждения Мухаммада Хайдара Дуглата — в целом добросовестного историка, к которому автор настоящих строк душевно привязан — давно и неизменно.

КАЗАК: ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ И ЭТНИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ТЕРМИНА

Казак — тюркское слово. Его исходная форма именно такая: два вулярных *к*, начальный и конечный, — *казақ*. Со времени выхода известной книги А. Левшина о казахах (1832 г.) в трудах некоторых ученых распространено утверждение о том, что в «Шах-наме» великого персидского поэта Фирдауси (рубеж X—XI в.), в разделе о Рустаме, якобы говорится о народе казахах и ханах казахских. Однако это основано на каком-то недоразумении. Содержание бессмертного творения гениального Фирдауси достаточно хорошо известно ориенталистам, и там нет ни слова о слове «казак». Как показали многолетние исследования ведущего востоковеда Республики Казахстан Б. Е. Кумекова, нет упоминания термина «казак» и в сочинениях ранних арабских авторов. Одно из первых упоминаний слова «казак» в мусульманских письменных источниках встречаем в анонимном тюрко-арабском словаре, составленном, вероятно, в Египте, известном по рукописи 1245 г. и изданном М. Хоутсмом в Лейдене в 1894 г., со значением «бездомный», «бесприютный», «скиталец», «изгнанник».

В исторической литературе существуют самые разнообразные толкования происхождения слова «казак». Одни выводили его из тюркских глаголов *каз* — «рыть», *кез* — «скитаться», *кач* — «бежать, спасаться»; другие создали невероятную этимологию этого слова от *каз* — «гусь» и *ак* — «белый»; есть исследователи, которые считают возможным выводить слово «казак» из монгольского термина *касактэргэн*, обозначающего род повозки. Некоторые авторы связывают термин «казак» с названием древнего кавказского племени или объединения племен *касог*; однако такого рода гипотеза, по мнению В. В. Бартольда, «едва ли приемлема для историка».

Таким образом, надежного этимологического объяснения слова «казак» пока еще нет. Но каково бы ни было происхождение слова «казак», несомненно то, что первоначально оно имело нарицательное значение, в смысле — свободный, бездомный, скиталец, изгнанник, а также человек удалой, храбрый.

Не имея, таким образом, ни политического значения, ни этнического содержания, слово «казак» обозначало всякого вольного человека, отколовшегося от своего народа и племени, своего сеньора и законного государя и принужденного вести жизнь искателя приключений. Кстати сказать, отсюда это тюркское слово и в русском языке. Казаками на Руси звали людей без определенных занятий, а также вольнонаемных батраков и т. д. Хотя слово «казак» зарегистрировано

на севере Руси с конца XIV в., все же первоначальной родиной русского казачества историки признают южные окраины Руси, смежные с Кипчакской степью, условия которых придавали этой вольнице характер военного общества.

Иными словами, исходное значение термина *казак* — социальное: это состояние, положение, статус некоего лица, известного коллектива в каждый данный момент по отношению к правителю, обществу, государству. Так, изгой, который бродит по разным местам, прокармливая себя мечом своим, — казак; человек, который пускается в дальний и опасный путь один, без товарищей, — казак; удалой молодец, по выражению Бабура, «неутомимо, с отвагой угоняющий табуны врага» — тоже казак. Людей, ведших какое-то время образ жизни казака, по необходимости или по доброй воле, всегда было немало. Этому способствовали как тогдашние будничные условия жизни, так, в частности, и то обстоятельство, что, по понятиям того времени, как передает автор «Тарих-и Рашиди», считалось даже похвальным, чтобы мужчины в своей молодости провели некоторое время, подвергая себя опасности, в уединении, в пустыне, в горах или лесах, на расстоянии одного или двух месяцев пути от обитаемых мест, питаясь мясом дичи и одеваясь в шкуры убитых ими зверей.

Казакom мог стать любой человек, будь он тюрк или перс, рядовой кочевник-скотовод или принц крови в десятом поколении. Некоторое время казаками были, например, старший сын Токтамыш-хана Джалал ад-Дин, основатель государства «кочевых узбеков» Шибанид Абу-л-Хайр-хан, его внук Мухаммад Шейбани, Чагатаиды Вайс и Саид; Султан Хусайн, владевший саблей как никто другой из Тимуридов, провел в «казачестве» не один месяц; Бабур вспоминает в своих знаменитых «Записках», как он «во время казачества» решил направиться из горной страны Масча к Султан Махмуд-хану. Здесь важно отметить, что человек, сделавшийся казакom, мог перестать быть таковым и вернуться в прежнее состояние, в свое общество, как это и произошло со всеми перечисленными выше казаками из тогдашнего высшего света. Султан Хусайн и Султан Саид позднее стали государями каждый в своей стране; Мухаммад Шейбани и Захир ад-Дин Бабур — каждый из них основал новое государство.

Таким образом, в те далекие времена казакom становились, делались. Для обозначения образа жизни казака в ираноязычных и тюркоязычных источниках образовано существительное *казаклык* — «казакование», «казачество», «скитальчество», «вольность», а также глагол *казакламак* — «скитаться», «вольничать». Понятие «во времена казачества» обычно передается, соответственно: *казаклыкда*, *казаклыкларда* (в тюркоязычных источниках) и *дар айтам-и казак(и)*, *муддат-и казак* (в ираноязычных источниках).

Понятно, что образ жизни казака скромный. Отсюда и слово *казакане*, т. е. «по-казацки», «скромно», образованное от тюркского *казак* с присоединением персидского окончания *-ане*. Вот пример употребления этого редкого слова в тексте средневекового источника. Чагатаид Султан Ахмад был настоящий сын степей, вел суровый образ жизни. Бабур описывает «жилище» Султана Ахмада во время похода против эмира Танбала в 1502 г. так. Когда наш автор прибыл к Султану, тот взял его за руку и ввел в свой «маленький шатер». «Так как Султан Ахмад вырос на окраинных землях, — замечает Бабур, — то палатка и обстановка, в которой он жил, были скромными, казацкими (казакане). Дыни, виноград, принадлежности конской сбруи — все лежало тут же в палатке, где он жил» [Бабур-наме, изд. Ильминского, с. 133; Бабар-нама, факс., л. 1086; Бабур-наме, изд. Мано, с. 163].

Казак не всегда проводил свое «казакование» в полном одиночестве. Человек, пожелавший разделить с вольным казаком его непредсказуемую судьбу, становился ему *казакдашем*. Слово *казакдаш* (образовано по известному образцу: *йолдаш* — «спутник», *аркадаш* — «товарищ», *аулдаш* — «земляк», *ватандаш* — «соотечественник») встретилось мне только в сочинении ал-Хаджжа Абд ал-Гаффара Кирими «Умдат ат-таварих» и в «Книге путешествии» османского автора XVII в. Эвлия Челеби при описании им Крымского ханства. Казакдаш. Любопытное слово! Но я не знаю, как толково перевести его на русский язык.

Существовали даже «общества казаков», *джама'ат-и казак*, по выражению средневековых мусульманских авторов. Подобные коллективы возникали в разное время, в разных местах и по разным причинам. Временами, пишет историк XV в. Абд ар-Раззак Самарканди, «некоторые из войска узбекского, сделавшись казаками», приходили в Мазандеран (в 1440—1444 гг.) и, устроив везде грабеж, опять уходили назад. Иногда «общество казаков» состояло из спасшегося бегством претендента на престол и его преданных сторонников, которые вдали от городов и сел вели жизнь искателей приключений. Слово «казак» служило также для обозначения группы, части кочевников, отделившихся по разным причинам и разными путями от того государства, к которому они принадлежали, и находившегося с ним в состоянии войны.

Вот таким-то коллективом и были кочевники государства Абу-л-Хайр-хана, восставшие против него и в 1459—1460 гг. ушедшие из-под его власти, чтобы во главе с потомками Урус-хана Гиреем и Джанибеком искать счастья в другом месте. Не будем останавливаться здесь на вопросе о причинах откочевки части подданных Абу-л-Хайр-хана из Узбекского улуса — во всей той истории гораздо важнее происшедшее потом, после 1459—1460 гг.

Выше, при изложении истории образования Казахского ханства уже говорилось, что эта группа людей из Узбекского улуса какое-то время скиталась в степях Семиречья и получила название *узбеки-казаки*.

Парное название не должно нас удивлять. В рассматриваемую нами эпоху случаи, когда слово «казак» с нарицательным значением прилагалось к названию отдельных этнических, политических и т. п. групп и даже к собственному имени отдельных лиц, были чрезвычайно распространены. В частности, были могольские казаки, ногайские казаки, дештские казаки, кызылбашские казаки, а также «казаки эмира Танбала», «наши казаки» (слова Бабура), «шибан-казаки» и т. п.

Надо полагать, что употребление автором «Тарих-и Рашиди» парного термина «узбеки-казаки» связано именно с этим обстоятельством, т. е. ему было хорошо известно значение слова «казак», которое служило и для обозначения казаков (казахов) как уже вполне обособившейся к его времени (начало 30-х годов XVI в. — время его удаления в Кашмир) этнической общности, и для обозначения разного рода вольниц, к какой бы народности они ни принадлежали. Так что, употребляя парный термин, Мирза Хайдар как бы подчеркивал, напоминая своим читателям, что казаки Гирея и Джанибека и их потомство являются выходцами именно из Узбекского улуса.

Замечательно, что память об этих событиях сохранялась долго среди казахов. Так, согласно записям известного этнографа XIX в. А. Хорошхина, когда речь заходила об исторических предках, казах обычно говорил: «Предки мои, начало мое — узбеки» [Туркестанские ведомости, 1876, № 9].

Итак, узбекское происхождение казаков Гирея и Джанибека несомненно: они формировались из беглецов из Узбекского улуса, что и получило отражение в их первоначальном названии: «узбеки-казаки». Ясно и появление «узбеков-казаков» в западных пределах соседнего Моголистана: оно связано с бегством из своей страны, поиском вольности на ее окраинах. Но естественно возникает вопрос: какова роль откочевки Гирея и Джанибека в этногенезе казахского народа? Что представляло собой общество казаков Гирея и Джанибека в политическом, этническом отношениях?

Откочевка Гирея и Джанибека из Узбекского улуса в Семиречье, несомненно, сыграла решающую роль в этногенезе казахского народа. Но не в образовании самого народа, а в определении его современного названия, т. е. откочевка 1459—1460 гг. не определила возникновения казахской народности, а лишь ускорила уже шедший процесс ее сложения. Переходный характер этого процесса хорошо подтверждается парным термином «узбек-казак». В связи с этим можно сказать, что завершающий этап формирования казахской на-

родности — это процесс выделения, обособления определенной группы племен под влиянием целого комплекса факторов, в особенности политических, из конгломерата родов, племен и формирующихся народностей, находившихся на различных стадиях своего развития, каким было население Восточного Дешт-и Кипчака к началу второй половины XV в. — государства Шибанида Абу-л-Хайр-хана, Ногайской орды и других политических образований. Это уже не были просто разобщенные племена или союзы племен. Среди этого разрозненного населения, известного соседям под общим собирательным названием **узбеки**, шел процесс консолидации нескольких народностей, в том числе и той, которая получила чуть позднее название казахской. Иными словами, из Узбекского улуса выделилась и прикочевала в Семиречье не просто группа разрозненных племен, недовольных политикой Абу-л-Хайр-хана, а объединение родов и племен, составлявших там, в Дешт-и Кипчаке, население (*эль*) улуса потомков Джучида Урус-хана. Более того, это объединение племен представляло собой не просто политическую группировку, связанную общим вассалитетом по отношению к одной из ветвей Чингизидов (потомков Орда-Ичена, старшего сына Джучи-хана, старшего сына Чингиз-хана), а субэтническую общность конгломератного типа, обособившуюся еще до откочевки 1459—1460 гг. в результате осуществления политики сепаратизма возглавлявших ее потомков Урус-хана.

Словом, названная откочевка не была ни началом, ни венцом формирования казахской народности. Но она была одним из главных моментов этого разноаспектного процесса: в степных просторах Семиречья произошла историческая встреча формирующейся народности с будущим своим именем. И отныне слились в нерасторжимое единство история людей, приверженцев потомков Урус-хана, и история слова «казак». Так что откочевка Гирея и Джанибека — это судьбоносное событие и в истории самого слова «казак».

И в самом деле. Вспомним события тех десятилетий XV в. Вот потомки Урус-хана со своими улусными людьми откочевали из государства Шибанида Абу-л-Хайр-хана и обосновались в Западном Семиречье. Образование по соседству с владениями Абу-л-Хайр-хана довольно крупной группировки, состоявшей из враждебно настроенных бывших его подданных, вызвало военный поход предводителя «кочевых узбеков» Восточного Дешт-и Кипчака, прерванный скоростижной смертью этого хана в 1468/1469 г. С кончиной Шибанида Абу-л-Хайра путь в родные края для Гирея, Джанибека и их приверженцев был открыт, и они, вернувшись в Узбекский улус, вскоре захватили там верховную власть, частью истребив, частью прогнав своих соперников. Этими событиями было положено начало собственно казахской государственности.

Замена правящей династии в Узбекском улусе другой ветвью Джучидов не привела к сколько-нибудь существенным переменам в экономической и социальной структуре государства кочевых узбеков. Однако это событие в конечном счете привело к изменению названия государства, страны и к приобретению словом «казак» этнического содержания. В лице потомков Урус-хана, возглавивших «узбеков-казakov» (казахов), а затем ставших и во главе большинства узбеков Узбекского улуса, возникла победоносная конкуренция прежней знати потомков Шибана (сына Джучи, сына Чингиз-хана), которые были рассеяны теперь в разные стороны и оказались непригодными к роли объединителей. Отныне безраздельному господству термина «узбек» в Восточном Дешт-и Кипчаке был положен конец. Если прежде племена, обитавшие в Узбекском улусе, характеризовались общим собирательным названием «узбеки», то теперь их стали разделять на собственно узбеков (шибанитов), казаков (казахов) и мангытов (ногаев).

Вот как характеризует этнополитическую ситуацию на территории Восточного Дешт-и Кипчака того времени Ибн Рузбихан, один из самых осведомленных придворных историков Мухаммада Шейбани-хана (ум. 1510 г.): «Три племени относят к узбекам, кои суть славнейшие во владениях Чингиз-хана. Ныне одно из них — шибаниты, и его ханское величество (т. е. Шейбани-хан. — *Т. С.*) после ряда предков был и есть их повелитель. Второе племя — казаки, которые славны во всем мире силою и неустрашимостью, и третье племя — мангыты, а из них правители астраханские. Один край владений узбеков граничит с океаном (т. е. с Каспийским морем. — *Т. С.*); другой — с Туркестаном; третий — с Дербентом; четвертый — с Хорезмом и пятый — с Астрабадом. И все эти земли целиком являются местами летних и зимних кочевий узбеков. Ханы этих трех племен находятся постоянно в распре друг с другом и каждый из них посягает на другого» [Ибн Рузбихан, с. 62].

Словом, процессы политического и этнического разграничения населения бывшего Узбекского улуса приняли в 70—90-е годы XV в. поистине глубинный, необратимый характер. Тем не менее сами процессы шли медленно, так сказать пешим шагом; и неизвестно, как бы долго все это продолжалось и чем бы оно закончилось. Но тут колесо Истории сделало вдруг неожиданный поворот.

В начале нового, XVI столетия развернулись такие события, которые привели к большим политическим, этническим и иным переменам в истории Центральной Азии. Предводитель Шибанидов Мухаммад Шейбани, пользуясь политической раздробленностью соседней страны, выступил из Восточного Дешт-и Кипчака и в 1500 г. захватил Бухару, а в мае следующего года Самарканд, изгнав оттуда потомка Тимура Бабура. Военные успехи Шибанидов привели к тому,

что вскоре Бабур вынужден был искать убежище у своего дяди, могольского хана Махмуда, а после его поражения от Шейбани-хана в сражении под Ахси в 1503 г. удалился в Кабул. Тем временем победное шествие Шибанидов по раздробленным на мелкие уделы владениям Тимуридов продолжалось. В 1505 г. Шейбани-хан завоевал Хорезм (Хиву) — область в нижнем течении Аму-Дарьи. В мае 1507 г. Шейбани-хан со своими военными силами выступил в пределы Хорасана и захватил Герат, Астрабад, Гурган и другие города. Тимурид Бади аз-Заман, сын и преемник Султана Хусайна и последняя надежда в борьбе с кочевыми узбеками Дешт-и Кипчака, бежал в Азербайджан, оттуда в Турцию и кончил жизнь свою в Стамбуле. Власть Тимуридов в Средней Азии пала, и на большей части ее территории воцарилась новая династия, возводившая свой род к внуку Чингиз-хана Шибану (Сыбану), сыну Джучи-хана.

В 1510 г., когда Мухаммад Шейбани-хан пал в битве под Мервом с кызылбашами, Хорезм перешел во власть персидского шаха Исмаила I, но ненадолго. В 1511 г. братья Илбарс и Билбарс, сыновья Бурек-султана, тоже Шибанида, но политического соперника дома Абул-Хайр-хана, деда Мухаммада Шейбани-хана, выступили со своими приверженцами-узбеками из Восточного Дешт-и Кипчака, изгнали наместника иранского шаха и утвердились в Хорезме, основав там независимое государство, известное в науке как Хивинское ханство. Господство этой ветви династии (особой ветви потомков Шибана, сына Джучи-хана) в Хорезме длилось до 1610/1694—1695 гг.

Завоевание государства Тимуридов кочевыми племенами Дешт-и Кипчака, известными под общим собирательным названием «узбеки», и основание в Мавераннахре (среднеазиатское междуречье Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи) двух независимых узбекских ханств — Бухарского (с главным городом Самаркандом, а затем Бухарой) и Хивинского (с центром вначале в Ургенче, а затем в Хиве) — явились выдающимися событиями в этнополитической истории современного узбекского и казахского народов. Отмечу здесь два момента. Во-первых, последствием ухода двух главных ветвей династии Шибанидов из степи было определенное передвижение части кочевых племен Дешт-и Кипчака в покоренные области Мавераннахра, где они обрели вторую родину. Анализ данных источников по этому вопросу показывает, что общее число ушедших из степи в Мавераннахр кочевников Дешт-и Кипчака достигало 240—360 тысяч человек [Султанов, 1982, с. 19—21]. Во-вторых, окончательный уход Шибанидов с достаточно большой массой людей с территории, занимаемой современными Казахскими степями, в конечном счете привел к различиям в быту, нравах и обычаях, в культуре и т. д. между узбеками Мавераннахра и узбеками-казаками (казахами) Восточного Дешт-и Кипчака.

Вот это-то событие — территориально-этническое, социально-экономическое и культурно-бытовое разграничение населения Восточного Дешт-и Кипчака, вызванное передвижением значительной части кочевых племен в Мавераннахр во главе с Шибанидами, — и сыграло решающую роль в окончательном сложении новой этнической общности — казахской народности. Просторы Восточного Дешт-и Кипчака перестали быть местом исторического перепутья терминов «узбек» и «казак». Слово «узбек» стало обозначением группы племен, передвинувшихся вместе с Шибанидами на территорию Мавераннахра. За оставшимися кочевать в степях Восточного Дешт-и Кипчака и Семиречья тюркоязычными родами и племенами, объединенными под властью потомков Джучида Урус-хана, окончательно закрепилось название *казаки*, за страной — название *Казахстан*.

С тех пор и доньше коренные жители этой огромной евразийской страны себя иначе не называют, как только казаками (қазақ). Между тем в русскоязычной литературе и документах долгое время (начиная с XVIII в. и до 30-х годов XX столетия) для обозначения коренного населения Казахстана употреблялись слова «киргизы» (имя соседнего тюркского народа, который фигурировал в русских документах как «кара-киргизы» или «дикокаменные киргизы»), либо «киргиз-казаки», либо «киргиз-кайсаки» (причем здесь слово «кайсак» являлось только искажением тюркского слова «казак»). Каждый случай перенесения ошибочного названия на казаков (казахов) имеет свое объяснение и потому требует специального рассмотрения. Слово же **казах** — современное официальное русское название многомиллионного народа, занимающего по пространству своих земель первое место среди современных тюрков, — представляет собой русский вариант тюркского «казак». Как установила Г. Ф. Благова, одна из первых фиксаций слова «казах» в русских источниках относится к 1822 г., в словарях это слово появляется в 1865 г. Официальное утверждение русского варианта тюркского слова связано с административно-хозяйственным переустройством Казахстана, происшедшим в 1936 г.

ХОЗЯЙСТВО И БЫТ КОЧЕВНИКОВ

Основным занятием кочевников Дешт-и Кипчака было пастбищное скотоводство. Здесь, пожалуй, к месту напомнить, что русское слово «кочевник» — ориентализм. Оно происходит от тюркского *кӧч* (*кӧш*) — переезд, переселение, кочевка, а также стоянка лагеря во время военных действий и переход с одной стоянки на другую, т. е. суточная норма походного движения. *Кӧчетмек*, *кӧчмек* — переселиться, перекочевать. Соответственно *кӧчебе* — кочевник, номад (а тако-

во древнегреческое название кочевников). Как показал в своих исследованиях ведущий петербургский русист Анатолий Алексеевич Алексеев (СПбГУ), образования типа «скотовод», «скотоводство» и т. п. впервые появляются в русском языке лишь в XVIII в. у Тредиаковского и Радищева [Алексеев, 1977, с. 104, примеч. 22].

Превращение тюркского слова *көчөбө* в русское «кочевник» несколько не должно удивлять нас. Многовековое взаимодействие восточных славян и тюрков Великой Степи оставило заметный след в жизни этих народов. Обилие общей тюрко-славянской, а точнее, мусульманско-славянской лексики — факт, хорошо известный в науке. Я напомню лишь с десятков общих слов и ряд русских фамилий восточного происхождения.

Арбуз, атаман, аркан, балык, беркут, арба, болван, вахта, казна, караул, кафтан, кинжал, купол, курган, деньги, магазин, каторга, кабала, кибитка, киоск, карандаш, кисет, кистень, очаг, папаха, кепка, табун, тариф, телега, топор, тесьма, товар, карта, куртка, торба, тир, туман, халат, шаль, шатёр, чулки, диван, капкан, лачуга, серьга, тулуп, шалаш, утюг, чек и, наконец, молодежное слово кайф; кайф — по происхождению персидское слово, которое означает «самочувствие», «веселое настроение», иначе одним словом уже и не скажешь — кайф!

А вот несколько знаменитых русских фамилий восточного происхождения: Булгаков, Бухарин, Шеремет, Апраксин, Салтыков, Тургенев, Карамзин, Шарапов, Тимирязев, Чапаев, Колчак и другие. В частности, тюркское слово *калчак* (сокращенная форма — *калча*) означает «бедро».

Однако вернемся в Дешт-и Кипчак.

Скот, главное богатство кочевников, доставлял им продукт питания, материал для одежды и жилища, а также служил транспортом. Он был и средством обмена на предметы первой необходимости с соседними народами. Кажется, нельзя вернее указать на важность скота в жизни кочевников, чем это сделал Ч. Ч. Валиханов, который писал, что «кочевой степняк ест, и пьет, и одевается скотом, для него скот дороже своего спокойствия. Первое приветствие киргиз, как известно, начинается следующей фразой: здоров ли твой скот и твое семейство? Эта забота, с какой наперед семейства осведомляются о скоте, характеризует быт кочевников более, нежели целые страницы описаний» [Валиханов, т. 2, с. 28]. А вот что мы читаем о стране «узбеков-казаков» в сочинении наблюдательного и рассудительного Ибн Рубихана. Описав прелести Кипчакской степи и отметив многочисленность там скота, автор «Записок бухарского гостя» пускается в такое рассуждение. «Кажется, — пишет он, — корм этой местности при небольшой переработке превращается в жизнь, а жизнь еще скорей пре-

вращается в зверя. Должно быть, это одна из особенностей стран севера — быстрый переход одного сложного соединения в другое, потому что растительный корм их быстро переходит в животное, животное — в человека, а почва и вода тоже как будто быстро переходят в корм» [Ибн Рузбихан, с. 94].

Казахи разводили в основном овец, лошадей и верблюдов; крупный рогатый скот занимал в хозяйстве казахов незначительное место, так как он не приспособлен к условиям круглогодичного выпаса и особенно к добыванию корма зимой из-под снега. При этом ведущее место по хозяйственному значению у казахов занимали овцы. Мясо и молоко овец служили пищей, кожа и шерсть шли на изготовление одежды, обуви, посуды и многих других предметов хозяйственного обихода. Из бараньего сала и золы пахучих трав казахи изготавливали хозяйственное мыло, которое имело черноватый цвет и свойство чисто выводить с белья всякого рода пятна.

Степные кипчакские овцы, по свидетельству очевидцев, отличались выносливостью, крупными размерами и хорошими мясомолочными качествами. Так, И. Барбаро, венецианский купец XV в., несколько лет проживший в Тане, об основных видах скота, разводимого дештскими кочевниками, писал: «Четвертый вид животных, которых разводит этот народ, — огромнейшие бараны на высоких ногах, с длинной шерстью и с такими хвостами, что некоторые весят до двенадцати фунтов каждый. Я видел подобных баранов, которые тащили за собой колесо, а к нему был привязан их хвост. Салом из этих хвостов татары заправляют свою пищу; оно служит им вместо масла и не застывает во рту» [Барбаро и Контарини, с. 149]. Посетивший в середине XVI в. степные просторы Приаралья англичанин А. Дженкинсон также отмечал, что тамошние бараны очень крупные, с большими курдюками, весом в 60—80 фунтов. В начале XIX в. А. Левшин, который, будучи чиновником, провел несколько лет в Казахских степях, тоже отмечал особенность казахских овец — курдюк — и писал: овца иногда весит от 4 до 5 пудов и дает сала до 2 пудов; они вообще так крепки, сильны и высоки, что 10—12-летние дети могут ездить на них для забавы верхом.

В связи с последним сообщением А. Левшина о казахских овцах вспоминаются прелюбопытнейшие рассказы Мирзы Хайдара Дуглата о Тибете и тибетцах. В 1532—1533 гг. он лично посетил Западный Тибет, а спустя десять лет в своем «Тарих-и Рашиди» писал так. Население Тибета делится на две части: одну из них называют *йулла*, т. е. «житель деревни», другую *джаппа*, т. е. «житель степи». Образ жизни у кочевников Тибета удивительный, такой, какого нет ни у одного народа. Первое: мясо и любую другую пищу они едят сырой и никогда ее не варят. Второе: они дают лошадям вместо зерна мясо.

Третье: тяжести и ноши они грузят на баранов, и баран поднимает примерно двенадцать шариатских маннов груза (около 3—3,5 кг). Они шьют переметные сумы, привязывают к ним шлею, нагрудный ремень и кладут на барана, и до тех пор, пока не понадобится, они не снимают груз с них, так что зимой и летом он находится у барана на спине. Зимой джанпа направляются в Индию и привозят туда тибетские, китайские товары. А из Индии они нагружают на баранов индийские товары и весной направляются в Тибет. Не спеша, постоянно паяя по пути баранов, к зиме они достигают Китая. Так, товар, который они грузят на баранов в Китае, они снимают с них в Индии, а то, что грузят в Индии, снимают в Китае [Султанов, 1977, с. 140—142].

Однако «вернемся к нашим баранам». В письменных источниках постоянно отмечается, что у кочевников Кипчакской степи «много баранов». Тем не менее число людей, занятых выпасом и охраной мелкого рогатого скота на пастбищах, было весьма незначительно. Для обозначения пастухов мусульманские авторы средневековья обычно употребляют персидско-тюркское слово *чупан* или *чобан* (у казахов более употребительно слово *койшы*). Основной контингент пастухов овец составляли невольники из числа пленников, дети-сироты и дети-калеки. Пастухи овец традиционно были самым низшим слоем в кочевом обществе.

Надо ли говорить, что значила в жизни кочевников лошадь. Как заметил еще ал-Джахиз, знаменитый арабский автор IX в., «если бы ты изучил длительность жизни тюрка и сосчитал дни ее, то нашел бы, что он сидел на спине своей лошади больше, чем на поверхности земли». Действительно, кочевник от лошади неотделим; он не пойдет пешком даже на малое расстояние. Лошадь, по понятию кочевника, возвышает человека. Отсюда установилось правило, отмеченное востоковедом Н. И. Веселовским, согласно которому тот, кто желает оказать уважение при встрече другому лицу, должен сойти с лошади на землю; только равный с равным могут приветствовать друг друга, оставаясь на лошадях.

Кочевники не только использовали лошадь для верховой езды и гужевой перевозки, ею они питались и одевались. Без конных состязаний не обходился ни один праздник; на досуге жители степи любили табуном свободных лошадей с несущимся впереди долгогривым красавцем-жеребцом. В этом отношении весьма примечательны слова, которые автор «Тарих-и Рашиди» вкладывает в уста казахского хана Касима (ум. 1518 г.). «Мы — жители степи; у нас нет ни редких, ни дорогих вещей, ни товаров, — говорил он предводителю моголов Султану Саиду, — главное наше богатство состоит в лошадях; мясо и кожи их служат нам лучшей пищей и одеждой, а приятнейший напиток для нас — молоко их и то, что из него готовится, в земле

нашей нет ни садов, ни зданий; место наших развлечений — пастбища скота и табуны лошадей, и мы ходим к табунам любоваться зрелищем коней» [МИКХ, с. 226].

Слова казахского хана подтверждают уже установленное в науке положение о том, что главным богатством кочевников являлся не столько скот вообще, сколько имеющееся в этом государстве количество лошадей.

Степные лошади отличались большой выносливостью, неприхотливостью и сравнительно легко переносили суровые условия круглогодичной добычи подножного корма из-под снега или ледяной коры. По свидетельству И. Барбаро, дештских лошадей не подковывают, они низкорослы, с большим брюхом и не сдят овса. Примерно такими же словами описывает лошадей казахов и А. Левшин: ростом они невелики, статуями редко красивы, шерстей бывают различных, но более светлых. При этом, по его словам, в северной части Казахских степей лошади крепче и многочисленнее, нежели в южной.

Лошади разделялись на вьючных (упряжные, рабочие), верховых и скакунов-аргамаков. В источниках подчеркивается, что страна Дешт-и Кипчак не производит очень породистых лошадей, и чистокровные скакуны с длинной шеей всегда были редкостью в Кипчакских степях. Могольский хан Саид так рассказывал о своей поездке в ставку казахского Касим-хана в 1513 г. будущему автору «Тарих-и Рашиди». Когда мы приехали, хан показал нам весь свой скот и лошадей и сказал: «У меня есть два коня, которые одни стоят всего табуна». Их привели, и Султан Саид-хан неоднократно изволил рассказывать Мирзе Хайдару, что никогда в жизни не видел коней, подобных этим двум. Касим, когда привели лошадей, обратился к Саид-хану и сказал: «Людям степей без коня и жизнь не в жизнь; эти два коня для меня — самые надежные и достойные. Обоих подарить не могу; но так как вы гость дорогой, выберите себе любого, который вам по душе, — я буду доволен, только другого оставьте мне». Касим-хан описал достоинства обоих коней. Султан Саид-хан взял себе одного. И этого коня звали Оглан-Торук. По признанию Мухаммада Хайдара Дуглата, и ему также никогда не приходилось видеть подобного коня.

Для кочевого скотоводства характерно табунное содержание лошадей. Табунная лошадь называется *джылыкы*, в отличие от *ат* — лошадь верховая, вьючная и вообще лошадь. Гурт кобылиц (обычно числом 12—15) непременно с одним жеребцом составляет косяк (*уй-ир*). Жеребец служит в гурте кобыл вместо строгого пастуха и сгоняет их вместе. Если какая-либо кобыла отделится от него и поймется с другим жеребцом, то прежний уже больше не подпускает ее к своему косяку. Несколько косяков (обычно три, т. е. три жеребца и 40—

50 кобылиц) составляют конский табун. (Здесь кстати заметить, что тюрко-монгольское слово *табун* или *табын* обозначает вообще любую группу численностью 40—50 единиц.) При перегоне из нескольких (обычно трех) малых конских табунов формируется большой табун. Для каждого малого табуна выделяется один пастух. Табуны бывают трех родов. В одних держат жеребят, в других — меринов, в третьих — маток, которых охраняют вместо пастухов жеребцы. Судя по письменным источникам, пастуха коней (табунщика) называли разными словами, а именно: *келебан*, *улакши*, *ахтачи*, *йамши*; в современном казахском языке пастух при конском табуне называется *джылыкшы*.

Значительное место в хозяйстве казахов занимало верблюдоводство: верблюды были незаменимы при перекочевках и перевозках грузов. По свидетельству Ибн Рузбихана, эти животные, равно как и быки, использовались казахами для перевозки домов-кибиток, поставленных на колеса. Кроме того, с верблюдов снимали шерсть, а калорийный и вкусный напиток из верблюжьего молока (*шубат*) ценился наравне с кумысом. Казахи, как и все кочевники Дешт-и Кипчака, разводили мохнатых двугорбых верблюдов. Одногорбых верблюдов (*нар*) редко держат казахи потому, писал А. Левшин, что климат свой полагают для них слишком суровым, да и двугорбых в жесткие холода обшивают войлоками. Больше всего их разводили в песчаных районах южной полосы Казахстана.

Верблюд являлся символом мира. В этой стране, писал о Дешт-и Кипчаке А. Дженкинсон в своем «Путешествии в Среднюю Азию», мирные люди путешествуют только караванами, в которых много верблюдов, а поэтому свежие следы лошадей без верблюдов внушают опасение. Кстати, о караване. *Караван*, (собственно *карван*) — это цепь, ряд, вереница (*катар*) верблюдов. Каждый малый караван имеет строго один колокольчик. Иными словами, караван — это вереница верблюдов, в ряду которой слышен звон металлического колокольчика; обычно это вереница в 7—8 верблюдов. Большой караван мог состоять как из нескольких десятков, так из 400—500 и даже в одну-две тысячи верблюдов. Погонщики верблюдов (*туйекеш*, *деведжи*) подчинялись главе, старшине каравана (по-тюркски: *карванбаши*; по-персидски: *карвансалар*). Каравановожатые выбирались из числа людей известных своей честностью и влиятельных; они представляли купцам ручательство в добросовестности погонщиков. Карванбаши, обычно следующий впереди каравана с первым верблюдом, отвечал за правильность пути, выбор места и времени привала и ночлега, за распорядок кормления и водопоя животных при остановках каравана; споры между погонщиками верблюдов также решались карванбашием.

Наряду с овцеводством, коневодством и верблюдоводством казахи занимались также разведением крупного рогатого скота и коз. Но разведение этих животных имело наименьшее значение в хозяйстве.

Скот был частно-семейной собственностью. Зато право общинного пользования пастбищами (*отлаг*) принадлежало всем свободным членам кочевого общества. Однако общинное пользование территориями выпасов не нарушало обычаев потомственного владения пастбищами родов и племен, составлявших население улуса, и каждый улусный султан «со своим народом пребывал — по словам источника XVI в. — в какой-либо местности, старинном йурте», располагаясь и занимая места на территории ханства «согласно Ясе Чингиз-хана». Перекочевывали только владельцы стад, а бедняки, у которых почти нет скота, отказывались от перекочевков и оставались круглый год обычно на берегах рек. Правила перекочевков, выработанные многовековым опытом, основывались на учете травяного покрова в том или ином районе в соответствии с сезонами года. Вся территория выпасов делилась на четыре типа сезонных пастбищ: зимние (*кыстау*), весенние (*коктеу*), летние (*джайлау*) и осенние (*кузеу*). Так что жители Кипчакской степи не были скитальцами, в течение круглого года пассивно следовавшие за своими табунами и стадами с одного поля на другое в поисках свежей травы и воды, как их представляли себе иные мужи науки. Тогдашние жители Казахских степей, в сущности, вели полукочевой образ жизни: они были скотоводами, которые, соблюдая выработанную веками скотоводческую культуру, перекочевывали с известной летовки на знакомую зимовку.

Места для зимовок чаще всего выбирались возле рек. Это объясняется преимущественно тем, что на их берегах были густые заросли камыша и кустарника, служившие в суровую зимнюю пору кормом для скота и хорошо защищавшие его от снежных метелей и пурги, к тому же они давали кочевникам топливо. Чем богаче пастбищами было побережье реки, тем большее число кочевников располагалось на нем и тем дольше они оставались на берегах реки. По сведениям Ибн Рузбихана, некоторые реки пользовались особенной привязанностью кочевников. Такой рекой у казахов была Сыр-Дарья, особенно богатая зимними пастбищами долины и степи ее среднего и нижнего течения. «Местом их (т. е. казахов) зимовья является побережье реки Сейхун, которую называют рекой Сыр, — пишег он. — Как мы объяснили выше, все окрестности Сейхуна покрыты зарослями най [тростника], который по-тюркски называется камыш, богаты кормами для скота и топливом... Когда казахи прибывают в места зимовья, то располагаются на протяжении реки Сейхун, и, может быть, длина берегов Сейхуна, на которых они оседают, превышает триста фарсахов». Зимовки казахов в XVI в. располагались также в Кара-Кумах, на берегах оз. Балхаш, реки Урал и т. д.

Зимой кочевники размещались как можно более просторно, чтобы около каждой зимовки была достаточно обширная кормовая площадь для выпаса скота. Поэтому общение между улусами было сопряжено со многими трудностями. «Между стоянками и зимними их стойбищами иногда бывают далекие расстояния, — говорится в источнике. — Вследствие снегопада, леда и сильной стужи они совершенно не имеют никаких сведений и известий о положении друг друга». Зимние стойбища кочевников Кипчака бывали всякого рода. Но обычно — это поставленные на небольшие углубления-ямы и занесенные снежными сугробами юрты и кибитки, в которых непрерывно разводится огонь. Для скота заранее строились загоны (в источниках употребляется термин *агыл*; в современном казахском языке — *кора*), чаще всего из камыша, кый, бараньего помета.

В декабре кочевники занимались *согумом* — забой скота, делаемый раз в год для снабжения себя продовольствием на зиму. Надобно здесь особо отметить, что при этом разделка скота у тюрков (кстати, и по сей день) идет строго по суставам, кости не рубят. Каждую половину туши — левую и правую — обычно членят на шесть частей. Наричательное название части — *жилик*, а отдельную часть каждой половины туши казахи именуют так: 1) *кари жилик*, 2) *кун жилик*, 3) *жауырын*, 4) *асыкты жилик*, 5) *ортан жилик*, 6) *жамбас*.

Величина согума зависела от состояния, и человек хорошего достатка забивал на зиму десять лошадей и более, не считая баранов. Дни согума были днями зимних игр и развлечений, пиров и взаимных угощений. Но, все кончается. Наступали самые трудные для хозяйства и самые тревожные для кочевников месяцы — январь и февраль: скотина спала с тела, ослабела и требует большего присмотра, а морозы усилились и достигли апогея, начался сезон бурана — степной метелицы. Зима с ее хмурым лицом и крутым нравом была не только трудным для хозяйства кочевников временем года, но и в военном отношении самым опасным: насколько можно судить по сведениям источников, походы против кочевников обычно предпринимались именно зимой, когда улусы размещались, по выражению Ибн Рузбихана, «вразброс» и расстояние между зимними стойбищами составляло, «должно быть, дней пятнадцать пути».

С наступлением весны, которую кочевники всегда встречали с восхищением, казахи откочевывали на весенние пастбища. Здесь, в отличие от зимних стойбищ, юрты и кибитки разбивались большей частью на сопках и возвышенностях; здесь весь световой день кочевники проводили вне жилых помещений, под открытым небом; здесь отощавший за зиму скот набирал вес, приносили приплод овцы, кобылицы и верблюдицы. Производилась весенняя стрижка овец, верблюдов, двух- и трехлетних холостых кобылиц.

В летние дни, «когда наступает зной *таммуза* (июльская жара) и время множества пожаров и сгорания, — пишет Ибн Рузбихан, — казахский народ занимает места по окраинам, по сторонам и рубежам степи». На летовках жили более сплоченно, чем зимой, и жизнь на джайлау была самым привольным временем. Тут справлялись свадьбы, проводились игры, конные скачки на приз (*байгу*), устраивалось состязание борцов, певцов, музыкантов и сказителей.

С наступлением осени скотоводы уходили на осенние пастбища, которые в большинстве случаев совпадали с весенними. Здесь производилась осенняя стрижка овец; тут, писал А. Левшин, бывают празднества; тут же по большей части производятся и баранты, коим способствуют темнота ночей и то обстоятельство, что лошади тогда в теле и способны выдерживать быстрые и большие перегоны. С осенних пастбищ кочевники обычно совершали и отдаленнейшие набеги на соседей. Осенью же проходили народные собрания с участием всех взрослых мужчин казахского общества, на которых решались важные для страны дела.

Расстояния между зимовками и местами сезонной кочевки исчислялись сотнями километров и составляли путь длиною в несколько месяцев. Столь большая длина пути определяла и некоторые особенности быта жителей Дешт-и Кипчака, заключающиеся, в частности, в том, что тогда кочевали не отдельными аулами (как в XVIII—XIX вв., навьючив все имущество и войлочный дом на верблюдов и делая привалы через каждые 25—30 км), но целыми улусами, т. е. одновременно по степи медленно двигались десятки и сотни тысяч людей и животных. Поскольку и народу было много и животных огромное количество, приходилось двигаться широким фронтом, чтобы идущие впереди не уничтожили всю траву и кустарники, необходимые для тех, которые шли сзади. Промежуток между фалангами «движущегося народа» составлял, по свидетельству И. Барбаро, до 120 миль (190 км и даже больше).

Другая особенность быта кочевого населения Дешт-и Кипчака заключалась в том, что их перекочевка — это было передвижение на колесах целыми домами. У нас нет недостатка в примерах, описывающих это необыкновенное зрелище. «Итак, — пишет Вильгельм де Рубрук, описывая свое путешествие через „Команию“ в Монголию в 1253—1255 гг., — утром мы встретили повозки Скатая (одного из родственников Бату), нагруженные домами, и мне казалось, что навстречу мне движется большой город. Я также изумился количеству стад быков и лошадей и отар овец» [Вильгельм де Рубрук, с. 104]. Отъехав от «Переволки» и двигаясь по степи дальше на юг, в Среднюю Азию, писал английский путешественник XVI в. А. Дженкинсон, мы увидели большое скопление ногайцев, пасших свои стада; «тут бы-

ло примерно свыше 1000 верблюдов, впряженных в повозки с жилищами на них в виде палаток странного вида, казавшихся издали городом» [Дженкинсон, с. 171].

А вот что писал о способе передвижения казахов в XVI в. Ибн Рузбихан. Так как на пути следования казахов к зимовкам иногда не бывает достаточно воды для их огромных стад, они по необходимости пускаются в путь тогда, когда дороги покрываются снегом; их жилища построены в форме арб и поставлены на колеса, а верблюды и лошади перевозят их от стоянки к стоянке, вытягиваясь наподобие каравана; «если они идут непрерывно один за другим, то растягиваются на расстояние ста монгольских фарсахов, а промежуток между ними будет не более шага»; их арбы вполне пригодны для передвижения по степям и даже для того, чтобы пройти по снежному насту, без которого казахам угрожала бы опасность погибнуть от жажды и безводья.

Раз уж речь зашла о повозках, то приведу здесь некоторые сведения из источников об этом виде транспорта и жилищах кочевников Дешт-и Кипчака.

В книге знаменитого арабского путешественника XIV в. Ибн Батуты, озаглавленной им «Подарок наблюдателям по части диковин стран и чудес путешествий», есть целый рассказ о повозках кочевников Дешт-и Кипчака. Учитывая важность сообщаемых им сведений, привожу отрывок почти целиком.

«Местность эта, в которой мы остановились, принадлежит к степи, известной под именем *Дешт-Кипчака*. Дешт — (пишется это слово через *ш* и *т*) — на тюркском языке значит „степь“. Степь эта зеленая, цветущая, но нет на ней ни дерева, ни горы, ни холма, ни подъема. Нет на ней и дров, а жгут они (жители ее) только сухой помет, который называют *тезек* — пишется через *з* (=кизык, кизяк). Видишь, как даже старейшины их подбирают его и кладут в полы одежды своей. Ездят по этой степи не иначе как на телегах...

О телегах, на которых ездят по этой стране. Телегу называют они *араба* (=арба), пишется через *а*, *ра* и *ба*. У каждой из телег 4 больших колеса; есть между ними арбы, которые везут только две лошади, но есть и такие, в которые впрягают больше этого. Возят их также волы и верблюды, смотря по тяжести или легкости арбы. Тот, который управляет арбой, садится верхом на одну из везущих ее лошадей, на которой находится седло. В руке его плеть, которую он приводит в движение для погонки, и большой шест, которым он направляет ее (арбу), когда она сворачивает с пути. На арбу ставится нечто вроде свода, сделанного из прутьев дерева, привязанных один к другому тонкими кожаными ремнями. Это легкая ноша; ее обтягивают войлоком или попоной; в ней бывают окна решетчатые, и тот, кто сидит в ней, видит людей, они же его не видят; он поворачивается в ней как угодно, спит и ест; читает и

пишет по время езды. На тех из таких арб, на которых возят тяжести дорожные и съестные припасы, находится подобная же кибитка, о какой мы говорили, но с замком.

...Подошла ставка султана, которую они называют *Урду* — с у — (=Орда), и мы увидели большой город, движущийся со своими жителями; в нем мечети и базары да дым от кухонь, взвивающийся по воздуху; они варят пищу во время самой езды своей и лошади везут арбы с ними. Когда достигают места привала, то палатки снимают с арб и ставят на землю, так как они легко переносятся. Таким же образом они устраивают мечети и лавки.

О хатунях и порядках их. Каждая хатунь (т. е. царица) их ездит в арбе; в кибитке, в которой она находится, навес из позолоченного серебра либо из разукрашенного дерева. Лошади, которые везут арбу ее, убраны шелковыми позолоченными покрывалами. Возница арбы, который сидит верхом на одном из коней, молодой парень, называемый *улакши*. ...Позади арбы хатуня следует около 100 других арб. В каждой арбе три или четыре прислужницы, большие и малые, в шелковых одеждах и с шапочками на голове. За этими арбами едут до 300 арб, в которые выражены верблюды и волы. Они везут казну хатуня, ее имущество, одежды, пожитки и съестные припасы.

...Всякий человек спит и ест только в своей арбе во время езды» [СМИЗО, т. 1, с. 279, 281, 289, 292, 308].

Араба (=арба) — тюркское слово; по наблюдениям В. В. Бартольда, оно не встречается в литературе до монголов. В других источниках для обозначения повозки, крытой телеги употребляются также слова *телеген*, *гардунэ*.

Арбы кочевого населения Дешт-и Кипчака были двух родов: двуколка и телега на четырех больших колесах. Смотря по тяжести или легкости арбы возили лошади, волы и верблюды. Остов и колесо арб были сделаны обычно из березы; арбы изготовлялись в апреле и мае, когда дерево легко гнется. Сама же постройка производилась летом. Прочные и крепкие арбы имели по меньшей мере двоякое назначение: при обороне кочевники образовывали укрепление, окружив свой лагерь поставленными в ряд арбами; такая баррикада, делавшаяся из повозок, называлась *араба-тура*; на арбах помещалось само жилище степняков — «шатры», которые в сочинении Шараф ад-Дина Али Йазди названы тюркским словом *кутарме*. Жилищем степняков в этой безграничной пустыне, сообщал он, описывая поход Тимура в Дешт-и Кипчак в 1391 г., являются «шатры *кутарме*», которые делают так, что их не разбирают, а ставят и снимают целиком, а во время передвижения и перекочевков едут, ставя их на телеги. Вот еще пример. Зимой 1509 г. предводитель кочевых узбеков Шейбани-хан повел рать против казахов, читаем в «Михман-наме-йи Бухара» Ибн Рузбихана; когда войска хана дошли до окрестности улуса Джаниш-

султана, то «стали видны кибитки, которые казахи устанавливают на колесах при передвижении».

Эти «дома на колесах», крытые повозки жителей Дешт-и Кипчака, описывали многие авторы средневековья. «Ах, какие шатры! — восклицает, например, Ибн Рузбихан. — Замки, воздвигнутые высоко, дома, построенные из дерева в воздушном пространстве». Согласно описанию И. Барбаро, остов таких домов-повозок строили следующим образом. Брели деревянный обруч диаметром в полтора шага и на нем устанавливали несколько полуобручей, пересекающихся в центре; промежутки застилали камышовыми циновками, которые покрывали либо войлоком, либо сукнами, в зависимости от достатка. Когда кочевники Кипчака хотят остановиться на привал, пишет далее И. Барбаро, они снимают эти дома с повозки и живут в них.

Спереди и сзади этих «подвижных домов», как их называет Ибн Рузбихан, делали решетчатые оконца; окошечки зашторивались «войлочными занавесками, очень красивыми и искусными». Величина, обстановка «домов-повозок» и их количество отражали знатность и богатство хозяев. «Дома-повозки», принадлежавшие султанам и знати, были искусно и красиво обставлены и могли вместить одновременно человек двадцать и более. Такой большой шатер укрепляли на повозке, в повозку впрягали несколько верблюдов и везли. «Дома-повозки» простых казахов «делали продолговатой формы». Они также были сработаны с подлинным мастерством, но отличались значительно меньшими размерами, их вез один, иногда несколько верблюдов. Эти подвижные, «стоящие на высоком основании дома» были до того превосходны, что «разум поражается и кружится голова от красоты, мастерства и изящества».

По утверждению очевидцев, кочевники Кипчакской степи ездили на своих телегах «с уверенностью, не знающей страха», хотя обитателями шатра на колесах были в основном женщины. Тот, кто заправлял большой арбой, садился верхом на одну из везущих ее лошадей (верблюдов), на которой находилось седло. В руках у него были плеть для погонки и большой шест, которым он управлял арбой, когда необходимо было сворачивать с пути. Арбы обычно сопровождали верховые, которые, в частности, при подъеме, привязав веревки к оглоблям арб, помогали тащить их на гору, а при спуске — тормозили колеса, обеспечивая таким образом безопасность и покой обитателей шатров. Они же обеспечивали переправу через реки. Это было, по словам путешественника А. Контарини, красивое и быстрое предприятие, но, конечно, весьма опасное, заключает он. А вот как выглядит в записи И. Барбаро переправа через Дон орды золотоордынского хана Улуг-Мухаммада, имя которого неоднократно упоминалось выше, при изложении военно-политических событий, имевших место в 20-х гг. XV в.

Улуг-Мухаммад пришел к Дону в июне 1436 г. и переправлялся через реку в течение двух дней со своим многочисленным народом, с телегами, со скотом и со всем имуществом. «Поверить этому удивительно, но еще более удивительно самому видеть это! — восклицает И. Барбаро. — Они переправлялись без всякого шума, с такой уверенностью, будто шли по земле. Способ переправы таков: начальники посылают своих людей вперед и приказывают им сделать плоты из сухого леса, которого очень много вдоль рек. Затем им велят делать связки из камыша, которые прилаживают под плоты и под телеги. Таким образом они и переправляются, причем лошади плывут, таща за собой эти плоты и телеги, а обнаженные люди помогают лошадям» [Барбаро и Контарини, с. 150—151].

Дома-повозки, как основной вид жилища и транспорта, исчезли у кочевников Дешт-и Кипчака в XVII в.: к началу XVII в. относятся последние по времени известные нам сообщения об использовании жителями Кипчака домов-повозок, а в более поздних источниках упоминаются только двухколесные арбы и содержатся лишь описания, хотя нередко и больших по размерам, но разборных юрт и переносных кибиток. Повсеместный переход от кочевания в кибитках на колесах к разборным юртам был крупным изменением быта кочевого населения Дешт-и Кипчака, и можно полагать, что причины этого изменения надо искать в социально-экономических процессах. Экономический упадок в условиях кочевого хозяйства может быть вызван прежде всего уменьшением пастбищ и количества скота. В истории казахов этот период падает как раз на XVII столетие и связан в первую очередь с ожесточенной борьбой их с ойратами из-за обладания пастбищами.

Представляется целесообразным завершить раздел об арбах и домах-повозках кочевников кратким описанием *юрты* — до сих пор наиболее распространенного вида жилища скотоводов. Это удобное, простое сооружение, которое быстро разбирается, чинится и перевозится на вьючных животных. О ее величине и тяжести можно судить по тому, что разобранный юрта может поместиться на одном верблюде. Деревянный остов юрты состоит из трех частей: *кереге* — решетки из тальника, звенья которых — *канат* (числом от 4 до 12) — составляют окружность юрты; *ууки* — выгнутые прутья-стрелы, составляющие свод юрты; *чангарак* — деревянный круг для прохода дыма и света. Деревянный остов юрты покрывается сверху войлоками и обвязывается веревками. Зимой, для сохранения тепла, юрта обкладывается двойным слоем войлока, снизу присыпается землей или снегом, а кереге одеваются снаружи между ним и кошмою еще *чием* — тонким степным тростником, обмотанным разною цветною шерстью. Пол юрты обычно покрыт войлоком, шкурами, коврами. В центре

войлочного дома кочевника располагается очаг — оазис тепла и уюта в осеннее ненастье и зимнюю стужу.

По свидетельству Ч. Ч. Валиханова (1835—1865), в его время у казахов существовало еще два рода юрты. Одна называлась *кос*, или *жолым-уй* (дорожный дом). Кос отличался от стандартной юрты прямыми ууками, отсутствием чангарака и конической формой; кос редко бывал больше двух звеньев решеток. Этот небольшой и легкий, но хорошо защищавший от холода и зноя войлочный шатер использовался табунщиками лошадей, воинами во время дальнего похода и торговцами во время хода каравана. Третий род юрты назывался *калмак-уй* или *торгоут-уй* и отличался от традиционной казахской юрты тем, что имел более коническую форму.

Отдельные сообщения источников говорят о том, что казахи занимались и земледелием. Но развитие земледелия в разных районах территории Казахского ханства было крайне неравномерно: в подавляющем большинстве районов земледельческое хозяйство по-прежнему оставалось слабо развитым или вовсе отсутствовало. Однако в некоторых районах оно имело важное хозяйственное значение, и это в первую очередь относится к тем районам территории казахских владений, где издавна существовали очаги земледельческой культуры, а именно в Семиречье и Южном Казахстане. Но оседлым земледелием в этих районах занимались люди, издавна освоившие земледельческое хозяйство. Что касается собственно казахов, кочевавших на этой территории, то они, по словам русского посла Ф. Скибина, «все живут для пашенных земель по кочевьям, а пахоти-де их скудны, коней и овец много, а коров мало; кормятся мясом и молоком». «А хлеб-де у них стоялых нет, — дополняет В. Кобяков, — и держут у себя, только чем бы было пропитатца год».

Казахи в основном выращивали просо (*тары*). О традиционности этой культуры в хозяйстве кочевников Дешт-и Кипчака свидетельствуют следующие сообщения источников. Ал-Омари (XIV в.), отметив, что большая часть подданных золотоордынского хана — «обитатели шатров, живущие в степях», писал: «Посевов у них мало, и меньше всего пшеницы и ячменя, бобов же почти нельзя отыскать. Чаще всего встречаются у них посевы проса; им они питаются». О посевах проса писал и И. Барбаро. При этом он отмечал, что когда дештский кочевник собирается в долгую дорогу, он берет с собой «небольшой мешок из шкуры козленка», наполненный просеянной мукой из проса, размятой в тесто с небольшим количеством меда. Запасы этой еды позволяли как отдельным наездникам, так и сторожевым отрядам удаляться от «своих людей на расстояние добрых десяти, шестнадцати, а то и двадцати дней пути». По словам А. Левшина, побывавшего

в казахских степях, зерно проса, по собственным уверениям казахов, «при хорошем урожае дает им от 50 до 60 зерен».

В науке считается установленным, что переход кочевников к земледелию совершается везде под давлением экономической необходимости и что к оседлости переходили прежде всего бедняки, не имевшие возможности кочевать. Для обозначения оседлых, лишившихся своих стад скотоводов в источниках употребляется тюркское слово *джатак* (букв.: 'лежащий') или *отурак* (букв.: 'сидящий'). Характерно при этом, что обедневшие кочевники при первой же возможности обзавестись необходимым количеством скота легко оставляли вынужденное землепашество и охотно принимались за привычное им скотоводство. Возможность кочевать всегда считалась у кочевников признаком благополучия, и это сугубо степное представление о богатстве замечательно просто выражено устами кочевника-казаха, сказавшего в беседе с представителем науки: «Мама-аке имеет столько скота, что может и кочевать».

Необъятные просторы Дешт-и Кипчака с разнообразным животным миром давали кочевникам большие возможности для индивидуальной и коллективной охоты. Хорошо знавшие эту страну средневековые авторы отмечают, что дештские кочевники «прекрасно умеют охотиться, употребляя преимущественно луки». Об этом же пишет и Ибн Рувзихан в разделе «Описание отрады страны Туркестан»:

«Все пустынные степи той многоблагословенной страны полны дичи. Сайгаки от изобилия луговых пастбищ в той степи, подобно жирным коровам, не в силах бегать, и охотник в той области, преследуя дичь, никогда не погонял коня старания. От многих надежных людей, которые были вестниками, заслуживающими доверия, пошел слух в тех местах, что в этой области бывает, когда у кого-либо в доме уважаемый гость делается кунаком и хозяин дома по отношению к нему исполняет правила соблюдения гостеприимства и угощения, — что является обычаем жителей Туркестана, — то, если возникла пужда в мясе, хозяин тотчас же, закинув за плечо могучий лук с несколькими стрелами, выходил на охоту, чтобы приготовить ужин для гостя. Он отправлялся в степь и сразу же искусным большим пальцем делал жирного кулана мишенью своей охотничьей стрелы. Из жира и мяса его достойным образом приготовив дозволенную пиццу для угощения гостя, он с обильной дичью возвращался домой».

Там же говорится о пасущихся на степных просторах стадах джейранов, на которых охотились кочевники.

Существовало несколько видов охоты: с ловчими птицами, с борзыми собаками, охота загоном и т. п. Из охотничьих птиц использовались ястребы, беркуты, кречеты, соколы и др. Охота с ловчими птицами широко практиковалась в Казахстане вплоть до начала XX в.

Описание охоты казахов загоном на сайгаков мы находим у А. Левшина. На местах водопоя сайгаков охотники устраивали полукруглую изгородь из камыша, втыкая камышины так, что часть их была направлена острием внутрь изгороди. Охотники прятались в засаду. Как только сайгаки приходили на водопой, их пугали. Животные бросались в оставленный со стороны водопоя в изгороди проход и, пытаясь перескочить ограду, натыкались на заостренные камышины. Раненых сайгаков добивали ножами.

У кочевников Дешт-и Кипчака охота не составляла, однако, самостоятельного занятия, а была лишь подспорьем скотоводству, хотя в натуральном хозяйстве степняков она имела, видимо, немалое значение. По словам автора XIV в. ал-Омари, у кочевников Кипчака мясо не продается и не покупается.

«Большая часть их еды состоит из мяса, добываемого посредством охоты, из молока, сала и проса. Когда у одного из них начинает хиреть скотина, как-то: лошадь, или корова, или овца, то он закалывает ее и вместе с домочадцами своими съедает часть ее и часть дарит своим соседям, а когда у соседей также попортится овца или корова, или лошадь, то они закалывают ее и дарят ее тем, кто их одарил. По этой причине в домах их никогда не бывает недостатка в мясе. Это обыкновение так установилось между ними, как будто дарение мяса обязательное постановление» [СМИЗО, т. 1, с. 230—231].

Путешествовавший в XVIII в. П. Паллас также отмечает, что у обитателей прикаспийских и приаральских степей недостатка в мясе не бывает, ибо они ходят на охоту, также «убивают поврежденной или охрамелой скот, и потому довольно имеют мяса». Собственный скот без нужды убивать, «включая токмо пиршество, почитается за необыкновенное дело», пишет он.

Значительное место в хозяйстве казахов занимали различные ремесла и домашние промыслы, большинство из которых было связано с обработкой продуктов скотоводства. Казахи издавна умели выделывать кожу и войлок и окрашивать их в разные цвета, искусно владели они техникой тиснения, аппликации и узорного шитья. По свидетельству Ибн Рузбихана, казахи «производили разноцветные войлоки с необыкновенными узорами и нарезные ремни, очень красивые и изящные». То, что домашнее ремесло казахов XVI в. (как, например, выделка кожи) стояло на высокой ступени развития, подтверждают, в частности, данные османского автора XVI в. Сейфи Челеби, которые впервые были привлечены к рассмотрению академиком В. В. Бартольд. Однако в печатном тексте его «Очерка истории Семиречья» допущены неточности и имеются некоторые пропуски в переводе источника, которые объясняются тем, что он не имел возможности кор-

ректировать наборный текст своего «Очерка». Поскольку большинство авторов современных историко-этнографических исследований о казахах ссылаются на это место из сочинения В. В. Бартольда: столь важны сообщаемые в нем сведения, — представляется необходимым привести перевод, выполненный по микрофильму оригинала, хранящегося в Лейденской университетской библиотеке.

«У них (казахов. — Т. С.) много баранов, лошадей и верблюдов, их жилища помещаются на арбах. Их кафтаны сделаны из овечьей кожи, они окрашиваются в разные цвета и становятся похожими на атлас. Их привозят в Бухару, где продают по той же цене, что и кафтаны из атласа, настолько они изящны и красивы. У них есть также удивительные накидки, сделанные из той же овечьей кожи. Они совершенно непромокаемы и не боятся сырости; это происходит от свойства некоторых растущих там трав, которые служат для обработки кожи» [Сейфи, л. 23аб].

Описание технологии изготовления мягких кожаных накидок, столь удивлявших османского автора XVI в. своими свойствами, мы находим у П. Палласа (ч. 1, с. 569—571), летом 1769 г. побывавшего у казахов, кочевавших тогда по Яику, и в сочинении А. Левшина, российского чиновника пограничной комиссии и великого энтузиаста науки, справедливо названного за свои основательные исследования о кочевниках Приаралья «Геродотом казахского народа». Вот что писал, в частности, А. Левшин:

«Кожи бараньи и козы, употребляемые для одежды, называемой *даха* или *джаха*, готовятся так: остригши шерсть, спрыскивают их теплою водою, свертывают в трубку и кладут в теплое место, где держат до тех пор, пока волосные корни отпреют и станут вылезать. Тут скоблят шерсть ножами, просушивают кожу на воздухе и потом кладут в кислое молоко дня на три или четыре. Вынув из молока, сушат в тени, мнут руками, коптят в дыму, опять мнут руками, пока дадут надлежащую мягкость, и наконец красят в темно-желтый цвет краскою, составляемою из кореньев ревеня или из каменного чая, с квасцами и бараньим салом. Состав сей густ, как каша, и кожи, с обеих сторон намазываемые оным в течение двух или трех дней, после каждого раза просушиваются и мнутся, от чего получают свойство не пропускать сквозь себя влаги и мыться как полотно, не теряя цвета» [Левшин, ч. 3, с. 210—211].

Все эти трудоемкие и физически тяжелые работы: катание войлока, обработка шкур, выделка кож, шитье кожаных изделий и т. п. — в кочевом обществе от начала до конца выполнялись женщинами. Вместе с тем женщины участвовали в выпасе овец и коз, ставили и разбирали юрты, занимались дойкой скота, переработкой животноводческой продукции, приготовлением пищи и другими домашними дела-

ми; на женщинах также лежала и забота о малолетних детях. Словом, у кочевников доля участия женщин в хозяйственной деятельности значительно превышала трудовой вклад мужчин. Такое соотношение мужского и женского труда в быту объясняется тем, что у кочевников, как правило, физический труд, связанный с обработкой продуктов скотоводства и ведением домашнего хозяйства, считался недостойным свободного мужчины и потому полностью возлагался на женщин, а по возможности и на рабов. Однако сказанное не означает, конечно, что в быту мужчины вовсе ничего не делали. Свободные мужчины кочевого общества изготавливали предметы вооружения, сбрую, седла, арбы, строили дома, шили сапоги и для самих себя, и для женщин, «имели отчасти попечение о стадах», упражнялись в стрельбе, охотились на зверя и птицу. Наиглавнейшая обязанность мужчин состояла в охране семьи и имущества, в ведении войны.

ВОЕННОЕ ДЕЛО

Военные традиции имели большое значение в жизни кочевников; воинская повинность являлась одной из самых важных и общих повинностей в степи. Население степей, по существу, представляло собой вооруженную массу людей. Кочевники Приаралья, пишет английский путешественник и дипломат XVI в. Антоний Дженкинсон, никогда не выезжают без лука, стрел и меча, «будь то на охоту или для какого-нибудь другого увеселения». Ношение оружия было не только законным правом свободного скотовода, но даже обязанностью, и, к примеру, на народном собрании безоружный мужчина не имел права голоса, а младшие могли не уступать ему места [Султанов, 2001, с. 239, статья 32].

У казахов-кочевников постоянное войско отсутствовало, а было только родоплеменное ополчение, собиравшееся по мере необходимости. Родоплеменной отряд представлял собой самостоятельную войсковую единицу: во главе его стоял предводитель рода, каждое ополчение имело свой боевой стяг и свой особый *уран* — пароль, т. е. условное слово для опознания своих от чужих. Некоторое число таких автономных отрядов составляло улусное войско. Глава улуса одновременно являлся и главой улусного войска; улусное войско имело свое главное знамя, свой единый уран. По словам Бабур (ум. 1530), военачальника и знатока войны, на войне ураном войска устанавливались обычно два слова: скажут первое условное слово, в ответ: говори второе условное слово. Например, скажут: «Ташкент», говори: «Сайрам» [Бабур-наме, изд. Мано, с. 158; Султанов, 1976, с. 259—260]. Верховным руководителем объединенных войск являлся хан; он

лично возглавлял воинов в сражении, делил с ними тяготы и опасности. Вспомним здесь ранение во время сечи Бурундук-хана и Касима, гибель в бою Буйдаш-хана и смерть Таваккул-хана от полученной в одном из сражений раны во время похода на Шибанидов в 1598 г.

Боевой клич войска при атаке, а также восклицание, выражающее воодушевление, восторженное одобрение, вроде современного «ура», центральноазиатские кочевники называли тюркским словом **сурен**. *Сурен салмак* — значит «кричать диким голосом», «поднять страшный крик, шум» и т. д. [Будагов, т. 1, с. 642; СМИЗО, т. 2, с. 304; Султанов, 2004, с. 158—163, 171].

Независимые друг от друга источники показывают, что верховный повелитель казахов мог выставить в случае всеобщей мобилизации 300—400 тысяч человек. Так, по словам Ибн Рузбихана, когда старший хан казахов, Бурундук, во все стороны улуса казахов посылал приказ: «Садитесь на коней для набега», то в тот же час являлись «четыреста тысяч колчанов (т. е. богатырей)». По свидетельству Бабур (1483—1530 гг.), в армии преемника Бурундука, Касим-хана, современники «насчитывали около трехсот тысяч человек». В действительности, конечно, ни один казахский хан никогда не имел под своим командованием такого числа ополченцев. В этой связи заметим, что в сочинениях мусульманских авторов число 300 000 повторяется довольно часто. Так, например, говорится, что численность войск Шейбани-хана во время третьего похода на казахов составляла 300 тысяч человек. Между тем известно, что Шейбани-хан никогда не обладал такой огромной армией. Есть еще и другие примеры. Число 300 тысяч, похоже, применялось мусульманскими авторами средневековья тогда, когда они хотели подчеркнуть, что тот или иной военачальник предводительствовал многочисленным войском. По-видимому, цифру 300 тысяч следует признать стереотипом. Анализ данных источников показывает, что численность конных бойцов казахских владетелей в среднем составляла 30—50 тысяч всадников. Лишь в тех редких случаях, когда предпринимался военный поход, а не рядовой набег, казахские ханы для усиления своего воинства привлекали ополчение, собранное в близлежащих к владениям казахов районах. Так, по сообщению Бинаи, потерпевший поражение от Шейбани-хана казахский султан Махмуд направился к Бурундук-хану и попросил его помощи. Бурундук-хан удовлетворил его просьбу и с войском в сопровождении Махмуд-султана направился в вилайет Сузак. Собрав «пешие и конные войска» из людей Сузака и окрестностей Кара-Куруна, соединил их в одно большое войско и выступил навстречу Шейбани-хану. В другом сочинении говорится о том, что во время похода Таваккул-хана на Мавераннахр в 1598 г. в составе его войска кроме собственно казахов также были «султаны Ташкента

и Туркестана, кыргызы и кипчаки». Общее число войска казахского хана во время этого похода составляло 90—100 тысяч человек. Согласно Махмуду ибн Вали, казахский хан Турсун-Мухаммад (ум. 1627 г.) водил против Аштарханида Имамкули-хана 100-тысячное войско, из числа которого около 10 тысяч составляло ополчение кыргызских племен.

Основным оружием казахов рассматриваемого периода были сабля и лук. Из других видов боевого оружия упоминаются: секира, кистень, одноручная булава, двуручная палица, длинные копья, украшенные кистью из конских волос и снабженные крюком для стаскивания противника с седла. В источниках шейбанидского круга, например, сражающийся султан из Дешт-и Кипчака описывается так: на груди у него — синяя, как небо, кольчуга, на голове сверкающий шлем с подшлемником, а талия перепоясана перевязью, на которой висит меч. Казахи сами изготовляли основные предметы вооружения. Стрелы они делали из березового дерева, тетиву для лука — из кишок овцы, а «из желудка ее делали обертку для наконечников стрел». Огнестрельное оружие было распространено мало, но казахи умели делать «доброй порох», а также плавить свинцовую и медную руду, которую добывали в районе Улу-Тау и других регионах страны.

Непременной принадлежностью военного снаряжения кочевников были боевые знамена (*туз*, *бунчук*). Знамена выполняли по меньшей мере две функции: они были важным священным символом и одним из эффективных средств управления войсками на марше и в бою. Знамя имел каждый род, каждый улусный султан и, разумеется, хан. По установившейся традиции, высшее число знамен, которое могло быть у одного хана, было девять. Когда говорили о «хане с девятью знаменами» (*токуз тузлуг хан*), то это вызывало представление о могущественных правителях. По свидетельству средневековых авторов, первые казахские владетели были «ханами с девятью знаменами». Знамя являлось не только внешним знаком власти, но оно также было символом воинской славы и чести военачальника и войска. Главное знамя, как государственная святыня, тщательно хранилось в мирное время и выносилось только на войну. Хранителем войскового знамени в походах обычно назначался один из султанов или влиятельных биев, который после верховного руководителя воинства являлся первым лицом в войске. Знамя охранял особый отряд. Во время боя шла настоящая охота за знаменами противника. Смерть воина-знаменосца (*тузчи*) всегда производила смятение в рядах воинов, а падение, исчезновение главного знамени означало поражение войска.

О маневре со знаменем и значении главного знамени как ритуального центра войска смотри исследование С. В. Дмитриева [Дмитриев, 2004, с. 368—371].

В сочинении среднеазиатского историка XVII в. Махмуда ибн Вали «Море тайн относительно высоких качеств добродетельных людей» приводится рассказ, который непосредственно касается занимающей нас темы — военное знамя казахов — и любопытен во многих отношениях, поэтому приводим его полностью.

«В то время, как сам Абд ар-Рашид [1533—1560] правил в Яркенде на троне владычества, а сыновей назначил управлять различными областями государства, Абд ал-Латиф-султан из Аксу совершил пабег на казахов, кыргызов и калмаков. Все достояние того племени он пустил по ветру грабежа и расхищения. Так как такое обращение достигло границ чрезмерности, казахи и кыргызы объединились между собой, и когда в пятый раз Абд ал-Латиф-султан нанес их объединенным силам огромный урон, они во время его возвращения пустились преследовать его во главе с Буйдаш-султаном, казахом, а нагнав, внезапно обрушились на Абд ал-Латиф-султана. После того, как он отправил в небытие некоторое число врагов, от раны, нанесенной стрелой одного из противников, погиб и он сам. И дело его выпало из рук его. Когда эта прискорбная весть дошла до Абд ар-Рашид-хана, то

Настроение его стало настолько удручающе тревожным,
Что ты сказал бы: „Весна его жизни попраша“.
Повелел он, чтоб войско выступило в путь,
Так как судьба нуждается в кровопролитии..

Короче говоря, Абд ар-Рашид-хан шел так быстро, что Буйдаш-султан находился еще в окрестностях Иссык Куля, когда передовой отряд победоносной армии хана постиг тыл его войска. Так как у Буйдаш-султана не было силы противостоять войску яркендского двора, он волей-неволей бросил все свое унаследованное имущество и достояние и обратил лицо в долину бегства.

Хан назначил своих известных эмиров преследовать войско Буйдаша, а сам также быстро направился вслед за ним. После двадцати дней стремительной погони за тем племенем - - а за все это время у казахов и кыргызов нигде не нашлось удобного момента для остановки — они постигли их в местности Кильма-Калджура. Вынужденные остановиться казахи и кыргызы убрали руку от подола жизни, и враги смешались в схватке.

Словом, огонь возмущения воспылал на той земле настолько, что гупна жизни большей части злодеев сторели в той битве. И в тот же день в руки войска яркендского двора попало девять казахских знамен. Воспользовавшись своей постыдно сохраненной жизнью, Буйдаш-султан с немногочисленными остатками войска спасся благодаря быстроте ног скакуна. И с того дня у казахов исчез обычай поднимать бунчук и возвышать знамя. До сих пор их приметой служит то, что у них нет знамени и у них в обычае — формировать свое войско без всякого знамени» [МИКХ, с. 330—331].

Военный быт кочевников имел свои специфические особенности. Скотоводы-кочевники совершали свои отдаленнейшие походы на соседней-земледельцев с пастбищ обычно осенью, т. е. тогда, когда их боевые кони в теле и способны выдержать быстрые и большие перегоны, а дикане собрали весь свой урожай. Но вот приближался *День Касима* (8 ноября — начало зимнего сезона по народному календарю): сбор и построение войска прекращались, ибо, как сказано в источнике, «жители степи в это время должны подумать о зимовках».

При мобилизации каждый воин обязан был выступать в поход минимум с двумя боевыми конями и со своим военным снаряжением. Легкая конница степняков-кочевников отличалась огромной подвижностью, и в любой момент в любом месте они могли сосредоточить крупную силу для нападения. К бою готовились тщательно: кормили коней, расчесывали им гривы, точили сабли и копья, проверяли луки и стрелы, готовили боевые значки. Перед битвой воины надевали на боевых коней латы, сами облачались в кольчуги, повязывали на руки одинакового цвета со своим воинским знаменем повязки, чтобы отличать своих от чужих. В назначенный час воин-знаменосец поднимал главное знамя, и армия в боевом порядке выступала навстречу врагу. Вот ряды неприятелей сблизилась. С обеих сторон поднимался такой громкий клич (*сурен*), что земля и небо содрогались. Первыми выступали на «ристаллище доблести» славные витязи, вызывая друг друга на бой. Затем с обеих сторон выступали вперед конные воины (*чанкун*), которые, выступив вперед, кружили, гарцевали и тем давали знак, что готовы начать бой. В конце концов два моря войск в ненависти обрушивались друг на друга, и всё живое становилось добычей для рубящих мечей и мишенью для летящих стрел.

По рассказам очевидцев, среди кочевников Дешт-и Кипчака «есть много таких, которые в случаях военных схваток не ценят жизни, не страшатся опасности, но мчатся вперед и, не раздумывая, избивают врагов, так что даже робкие при этом воодушевляются и превращаются в храбрецов» [Барбаро и Контарини, с. 146]. А вот что пишет о кочевниках Дешт-и Кипчака И. Шильтбергер, в 20-х годах XV в. оказавшийся там и некоторое время находившийся на службе у владетель Золотой Орды:

«Между язычниками нет народа столь храброго, как обитатели Великой Татарии (т. е. Дешт-и Кипчака), и который мог бы столько переносить лишений в походах и путешествиях, как они. Сам я видел, что они, когда терпели недостаток в съестных припасах, пускали кровь у лошадей и, собравши ее, варили и ели. Подобным образом, когда нужно наскоро отправиться в путь, они берут кусок мяса и разрезают его на тонкие пласты, которые кладут под седло. Посоливши предварительно это мясо, они едят его, когда бывают

голодны, воображая, что они хорошо приготовили себе пищу, так как мясо от теплоты лошади высыхает и делается мягким под седлом от езды, во время которой сок вытекает. Они прибегают к этому средству, когда у них нет времени готовить себе кушанье иначе» [Шильтбергер, с. 55].

Источники сообщают немало сведений о военном искусстве тюрко-монгольских кочевых племен и народностей. Вот несколько примеров. Если военачальники не считали разумным в данной конкретной ситуации сражаться с противником в конном строю, то воинство спешивалось по необходимости и, привязав поводья лошадей к своим поясам и пустив по врагам дождь стрел, ударами копий преграждало им путь. Если люди неприятеля напали врасплох и выстроить ряды войска было невозможно, то старались сомкнуть фланги и образовать круг, а затем, сражаясь, кружились круг в круге «по монгольскому обычаю». При нападении кочевники Дешт-и Кипчака использовали способ, который имеет особое название — *тулгاما* (так по Бабуре) или *тулгамыш* (так по Абд ал-Гаффару Кирими). Обе эти формы образованы от тюркского глагола *тулгамак* — «окружить, обвернуть, обратить, кружить, крутить». Тулгاما как способ ведения боя, соответственно, — оборот, фланкирование, нападение во фланг или в тыл противника. Бабур в своих записках характеризует способ ведения тулгاما как «великое искусство в бою» кочевых узбеков Дешт-и Кипчака и подробно описывает его. Вот отрывок из описания боя Бабур с Шейбани-ханом в 1501 г. Когда ряды двух враждующих армий приблизились один к другому, пишет Бабур, край правого фланга войска Шейбани-хана обогнул мой левый фланг и зашел к нам в тыл. «Тут я повернулся к ним фронтом, и наш авангард... оказался на правой руке». «Так как наш авангард остался на правой руке, то наш фронт оказался оголенным. Люди неприятеля теперь напали на нас спереди и сзади и начали пускать стрелы». По словам Бабура, у жителей Кипчакской степи ни одного боя не бывает без тулгاما. Здесь же Бабур сообщает еще о другом приеме боя кочевников Дешт-и Кипчака. Этот способ нападения заключается в следующем: беки и нукеры все вместе несутся в неистовом галопе в сторону неприятеля, пускают стрелы, резко осаживают коней; отходя, скачут врассыпную, опустив поводья.

Воинская доблесть высоко ценилась, и тот, кто на поле брани больше других «рубил голов, проливал кровь», пользовался общим уважением в кочевническом государстве. За личную храбрость в сражении и за умелое руководство военными действиями присваивался почетный титул *батыр* (*бахадур*, *багатур*). Особо выдающиеся рубачи, многократные герои поля брани получали, как свидетельствует источник XV в., титул или прозвание *толубатыр* (*толубахадур*) —

«полный богатырь», т. е. человек безмерной отваги, стойкости, силы [Барбаро, 1971, с. 146]. Как титул слово «батыр» прибавлялось к имени храбреца. Этот почетный титул мог получить за свои воинские качества любой свободный член кочевого общества, будь он рядовым воином или принцем крови. В частности, титул батыра носил, судя по личной печати, казахский хан Тауке [Международные отношения. с. 219]. Подвиги батыров прославляли степные певцы-импровизаторы — *акыны*.

Подведем некоторые итоги. Скотоводство было основным источником богатства и любимейшим занятием казахов. Оно было неразрывно связано с перекочевкой и перегоним скота через обширные пространства, в зависимости от времени года. Соответственно, кочевой быт был сопряжен с большими трудностями и требовал огромных усилий для сохранения и увеличения поголовья скота в условиях круглогодичного выпаса. Тем не менее казахи-кочевники были убеждены, что их жизнь лучше жизни горожан и земледельцев, запертых в тесном пространстве домов, кварталов и наделов, и это своеобразное настроение прекрасно выражено у Ибн Рузбихана, который писал в 1509 г.:

«В настоящее время они (казахи. — Т. С.) ничего не знают о радостной жизни, благоденствии и довольстве узбеков. Суровый и грубый образ жизни, который они ведут, они представляют себе основой спокойствия и досуга, а узбеков считают поселившимися в тесных владениях и домах и не имеющими достоинства. Кроме своего полного недостатков образа жизни, они не признают ничего более благородного и приятного» [Ибн Рузбихан, пер., с. 102].

Люди «БЕЛОЙ КОСТИ» И ЛЮДИ «ЧЕРНОЙ КОСТИ»

Традиционное казахское общество имело строго иерархическое устройство. Идея наследственной аристократии выражалась резко, так что аристократия и представители так называемых «святых родов» были четко отделены от простонародья.

Высший аристократический слой и самую влиятельную политическую силу казахского общества в рассматриваемое время представляли *султаны*. Этим арабским словом сирийского происхождения первоначально обозначалось собирательное понятие о верховной власти — владычество, господство, а также власть, правительство. Не позднее второй половины IX в. термин «султан» стали употреблять и для обозначения персонального носителя светской власти, в противоположность имаму, представителю религиозного авторитета. Первыми, кто ввел это слово в официальный обиход и надписи на монетах,

были Великие Сельджуки (1038—1194 гг.). В Османской империи султаном называли государя. Однако слово «султан» применялось не только к падишаху, но и ко всем принцам и принцессам династии Османов (1299—1922 гг.). В Малой Азии слово «султан» употреблялось также в среде членов суфийского братства и указывало на высокий ранг его носителя. В Улусе Джучи и Чагатайском улусе с XIV в. слово «султан» обозначало титул каждого члена династии, происшедшей от Чингиз-хана.

Султаны-Чингизиды составляли высшее сословие социальной иерархии — *ак-суйек* («белая кость»). Дети Чингизидов по праву рождения приобретали титул султана и вместе с ним все права, потомственно принадлежавшие этой социальной группе, независимо от экономических обстоятельств, а также нравственных, умственных и физических качеств того или иного лица. Султаном надо было только родиться. Родство по женской линии с «золотым родом» султанов не делегировало зятю никаких прав и привилегий Чингизидов. Монопольное право на ханский престол сохранялось только за Чингизидами, для которых право правления в силу происхождения превращалось как бы в естественно присущий им атрибут. При этом сфера действия этого права Чингизидов не зависела от существовавших этнических или государственных границ: каждый Чингизид, к какой бы именно династии потомков Чингиз-хана он ни относился, мог претендовать на ханский престол в любом месте, где только еще сохранялись в какой-то мере традиции Монгольской империи. Поэтому Чингизиды казахских улусов, например, оказывались то в роли падишаха каракалпаков и кыргызов, то в роли подставных ханов Хивы и Бухары.

Султаны не несли никаких (кроме военных) повинностей. Все Чингизиды казахских улусов имели единую *тамгу* (клеймо) и один особый *уран* (пароль), выражаемый словом *аркар*, которого уже простой народ не мог употреблять. Привилегии султанов перед другими членами общества состояли также в том, что они были избавлены от телесного наказания и не подлежали суду биев. Творить суд над Чингизидами мог только старший султан или сам хан. Простые люди в разговорах не могли называть их по имени, но вместо имени должны были употреблять слово *таксыр* (господин). При встрече с султаном всякий простолюдин сходил с лошади и, становясь на одно колено, приветствовал его. Султан в ответ на приветствие клал ему на плечо свою руку и отвечал: *аманба* (здоров ли [твой скот и твое семейство]?). Таким же образом поступали и в юртах. Одним из внешних признаков султанского достоинства считалась белая кошма. В общих собраниях и во всех остальных торжественных случаях все представители «белой кости» садились только на белые кошмы. Султаны не-

пременно должны были иметь шапки, «опушенные чернобурою лисицею и покрытые белой материею». Если простолюдин присваивал себе из тщеславия титул султана, то подвергался наказанию — от 15 до 30 ударов нагайкою. Если же человек «черной кости» (простолюдин), выдавая себя за носителя султанской крови, женился на султанской дочери или его родственнице, его подвергали наказанию, выражавшемуся в выплате полного *куна*, т. е. оплаты за убийство мужчины.

Важно отметить здесь, что при всем этом султаны казахских улусов не относили себя ни к одному из тюрко-монгольских племен, ни к одному из казахских жузов, не разделялись на колена. Они были только представителями правящей династии и продолжали составлять замкнутую сословную организацию еще в начале XX в.

Словом, султаны своим юридическим положением резко выделялись среди населения ханства, причем права, отличавшие их от других, издавна были наследственными. Политическими правами султанов, осуществляемыми ими *in corpore*, были: 1) участие в общегосударственном управлении; 2) участие в местном управлении; 3) улусновотчинное управление.

Многие стороны внутренней жизни населения Казахского ханства остаются, к сожалению, нам неизвестными. Мы не знаем, например, ни о воспитании султанов, ни о том, где и какое они получали образование. То, что по крайней мере часть казахских султанов и степных вельмож были людьми образованными, показывают сведения источников. По утверждению автора «Михман-наме-йи Бухара» (написано в 1509 г.), какая-то часть казахской знати «отдает детей своих в школу». Казахский хан Шигай (ум. ок. 1582 г.), «выросший в степи и пустыне», по словам автора XVI в. Хафиз-и Таниша, сочинял стихи. Его сын Таваккул-султан (впоследствии хан), славившийся в Дешт-и Кипчаке своей храбростью и воинской удачью, сочинял *маснави*. Казахский султан Мухаммад-Мумин, в течение пяти лет занимавший должность *аталыка* («попечитель» — один из высших чинов при дворе) при монгольском хане, «был мужем знающим и даровитым, — пишет Шах-Махмуд Чурас, — большую часть „Шах-наме“ Фирдауси знал наизусть и книги читал приятно [на слух]». Здесь необходимо упомянуть и Кадыр Али-бия, сына Хошум-бия, представителя племени джалаир, автора начала XVII в. Выходец из Казахских степей и приближенный казахского Ораз-Мухаммад-султана, он сделал сокращенный пересказ на тюркский язык известного сочинения персидского историка Рашид ад-Дина «Джами ат-таварих» и составил свод сведений о родословиях и деятельности казахских ханов и султанов XV—XVI вв.

Условия кочевого быта и постоянные феодальные распри, раздиравшие и разорявшие ханство, не благоприятствовали распростране-

нию среди казахов письменности и книжного образования. Однако, как видно из приведенных примеров, верхушка казахского общества, по крайней мере в части своей, была достаточно хорошо образованной, что можно рассматривать как одно из следствий привилегированного положения этого социального слоя.

К ак-суйек относились также сайиды и ходжи, которых Чингизиды признали «первенствующим сословием» еще в XIV в., когда в Улусе Джучи и Чагатайском улусе ислам сделался официальной религией.

Сайид (букв.: 'вождь', 'господин', 'глава'). Сайидами называют в мусульманском мире потомков пророка Мухаммада (570—632 гг.) от его дочери Фатимы и четвертого халифа Али (правил в 656—662 гг.). К женщинам прилагается термин *сайида* или *ситти* («моя госпожа»). Сайиды составляли обособленную группу в социальной иерархии мусульманского общества и искони пользовались у верующих не только почетом, но и многими привилегиями. В сознании мусульман сайиды часто отождествлялись со святыми (*аулийа*). Сайиды считались главными представителями религиозных идей мусульманства и не подлежали смертной казни. Только они одни могли безнаказанно говорить всю правду мусульманским государям и даже укорять их за несправедный образ жизни. В «Мунтахаб ат-таварих-и Муини» (нач. XV в.) рассказывается, что государь Золотой Орды Азиз-хан (правил в Сарае в 1360-х гг.) вел развратный образ жизни, за что подвергся упрекам сайида Махмуда. Хан послушался сайида, даже выдал за него свою дочь и выразил раскаяние, но через некоторое время вновь вернулся к прежнему образу жизни и был убит своими приближенными.

В государстве Аштарханидов с центром в Бухаре верховные *сადры*, отвечавшие за состояние вакфов в масштабе всей страны, и войсковые судьи назначались исключительно из числа сайидов [Ахмедов, 1982, с. 152]. В Хивинском ханстве *накиб*, «духовный владыка», всегда должен был быть из сайидов [Вамбери, 2003, с. 248].

Сайиды брали себе жену из любого слоя, без различия, но неохотно выдавали своих дочерей за людей из другого слоя, так как потомки от такого брака, каково бы ни было их происхождение по мужской линии, приобретали все права и привилегии сайидов, потомков пророка Мухаммада. Честь быть сайидом ценилась так высоко и сайиды так мало были склонны допустить в свое сословие путем браков посторонних лиц, что бывали случаи, когда, например, среднеазиатские государи-нечингизиды XVIII—XIX вв. даже насильственно брали себе в жены девушек из потомков пророка Мухаммада, чтобы уже их потомки могли присоединить к своим титулам и почетным эпитетам высокое звание «сайид».

Рассказывается, что основатель династии кунгратов в Хиве *иначе* (высшее должностное лицо в стране) Ильтузер (в 1804 г. принял ханский титул, в 1806 г. погиб в войне с бухарцами), сознавая, что по происхождению он ничем не отличается от других главарей дештских племен Хорезма и не имеет наследственных прав на престол, для упорочения своей династии решил взять за себя дочь одного из ургенчских сайидов, Ахта-ходжи. Сайид, узнав об ожидавшей его участи, поспешил выдать свою дочь за своего племянника; тем не менее Ильтузер **насильно** перевез ее в свой гарем, отняв у молодого мужа [см.: Бартольд, т. 2, ч. 1, с. 284].

Ходжа (букв.: 'хозяин', 'господин'). В Туркестане ходжа — почетное прозвание людей, которые, по одной версии, считаются потомками ближайших сподвижников пророка Мухаммада, а именно: четырех праведных халифов — Абу Бакра, Омара, Османа и Али (за исключением потомков последнего от брака с дочерью пророка Мухаммада Фатимой); а по другой версии — потомками первых арабов, завоевателей среднеазиатского Междуречья Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи и Южного Казахстана (VIII в.). Таким образом, в отличие от чингизидов и сайидов, ходжи не имеют единой генеалогии. Согласно данным письменных источников, к ходжам как к представителям «святых родов» нельзя было применять физические воздействия. Среди ходжей особенно много было образованных людей, ученых мужей, служителей религии и государственных чиновников. Ходжи стояли вне родовых и племенных общин, а также не причисляли себя ни к казахам, ни к узбекам, ни к таджикам и т. д. Они, как и султаны, и сайиды, составляли замкнутое аристократическое сословие, занимали место на вершине социальной пирамиды и пользовались привилегированным положением. Помимо долговременного господства династий ходжей в Кашгарии, ходжам удавалось на короткое время отнимать власть в Туркестане у узбеков и казахов, например, в Фергане и Ташкенте.

В противоположность «белой кости» остальной народ назывался *кара-суйек* («черная кость»). Для обозначения различных категорий простолюдинов, в отличие от султанов, сайидов и ходжей, употреблялось несколько терминов: *карачу* (*караджы*), *карахапк*, *каракиши*, *кулкутаны*, *шаруа*, *пукара*.

Согласно сведениям источников, рядовой кочевник — юридически свободное лицо, обладавшее личными и имущественными правами. Лично свободный скотовод-кочевник (глава семьи) мог завещать по своему усмотрению имущество, давать свидетельские показания, участвовать в ежегодном «народном собрании» и т. д. В отличие от аристократического сословия у представителей кара-суйек прочно сохранялось деление на отдельные роды и племена. Соответственно, общественное положение каждого отдельного представителя кара-

суйек, будь то потомственный родоначальник или рядовой скотовод-кочевник, определялось степенью привилегированности его рода и племени. Убийство рядового кочевника наказывалось, хотя закон и наделял неодинаковыми юридическими правами лиц, различавшихся социальным и общественным положением. Но защита личности и имущественных прав свободных лиц обеспечивалась не государственным аппаратом, а исключительно солидарностью членов рода; государство в лице бия-родоначальника только гарантировало родственникам убитого осуществление права кровомщения, ограбленного — права на баранту и т. д. Таким образом, отдельная личность имела смысл только как часть рода и только род был юридической единицей. Этот характерный для кочевого быта способ осуществления прав приводил к тому, что человек, от которого отступился его род, тем самым оказывался абсолютно беззащитным, оставался как бы вне закона.

Старинной по времени и главной по важности у казахов-кочевников была воинская повинность, возложенная на всех свободных лиц в возрасте, дающем возможность нести ее. Мы не знаем, какие именно права вытекали из военных обязанностей (право участия в «народном собрании»?), хотя нам понятен экономический стимул к участию в военных операциях; но уже одна физическая способность нести эту повинность налагала на простых кочевников еще ряд дополнительных обязанностей. Так, по «Жети Жаргы», памятнику права казахов XVII в., всякий «могущий носить оружие» (кроме султанов и биев) должен был платить хану и биям двадцатую часть своего имущества ежегодно (ст. 33). Как называлась эта подать, в источнике указания нет. Также неизвестно, как отбывалась эта повинность. Можно думать, что поскольку характерной чертой экономики ханства являлось кочевое скотоводство, то и налоговая система для кочевой части населения определялась натуральными видами поставок и взаимных расчетов, а также основывалась на отработочных рентах.

Другой повинностью кочевников-скотоводов была постоянная повинность, которую они несли в натуральной форме: население должно было продукты питания, нужные на содержание государя, его семьи и многочисленной свиты, отдавать во время объезда ханом улусов.

Из социальной группы кара-суйек особыми правами обладали только бии — предводители родов и племен. Слово *бий* представляет собой позднее видоизменение старого *бек* (*бег*) и не встречается в источниках раньше XV в., а тюркское слово *бек* соответствует монгольскому *нойон* и арабо-персидскому *эмир*.

Влияние биев (беков) определялось как многочисленностью и силой, так и древностью происхождения и старшинством возглавляемых ими родов. Бии казахских улусов пользовались некоторыми осо-

быми правами: в пределах подвластных им родов только биям (кроме хана) принадлежала и судебная, и административная, и военная власть. Эта власть придавала биям определенный политический вес, который выражался в том, что бии наряду с султанами участвовали в решении общегосударственных дел, сообщаясь на ежегодно собираемое «народное собрание». Наиболее влиятельные родоначальники входили в «совет биев» при хане. Во время военных походов бии предводительствовали ополчениями своего рода или племени.

Бий, являясь важным звеном в системе управления ханством, сочетал в себе, таким образом, по меньшей мере четыре качества: военачальник, административное лицо, судья и представитель степной аристократии. Бии — наследники далекого прошлого, поэтому они так органично усвоили все функции управления. Ведь и впрямь бии (беки, беги) Центральной Азии и Дешт-и Кипчака древнее Чингизидов. Бии, в противоположность Чингизидам — «денациональному» сословию, составляли, так сказать, «национальную» аристократию, элиту социальной группы кара-суйек.

Кроме аристократии и простых людей, богатых и бедных, но лично свободных, в обществе казахов-кочевников было какое-то количество лично несвободных мужчин (*кул*) и лично несвободных женщин (*кюн*) — рабов. Основными источниками пополнения рабов были: плен, работорговля, долговая несостоятельность. Юридически рабы представляли собой самую бесправную социальную группу общества. Само состояние неволи лишало раба преимуществ правоспособного человека, ставило его наравне с вещью, скотом. Раб не мог выступать в качестве свидетеля, не мог жаловаться на хозяина, даже если тот обходился с ним крайне жестоко. Рабы не несли ответственности за свои преступления. Ответственность за преступления рабов несли их владельцы, которые обязаны были вознаграждать потерпевшую сторону за убытки, причиненные рабом. В свою очередь, дела, касавшиеся рабов, не принадлежали суду биев. За все виды проступков невольника меры наказания определялись хозяином провинившегося. Рабы не несли никаких государственных повинностей. Общая характерная черта всех рабов, которая отличала их от других слоев общества, — личная зависимость от хозяина. Причем зависимость эта была полной и, согласно ст. 16 «Жети Жаргы», лишь владелец раба был властен над его жизнью и смертью. Составляя, таким образом, собственность владельца, которым могло быть любое свободное лицо ханства, раб служил только своему господину и получал от него известное вознаграждение в виде питания, одежды.

В казахском обществе существовало, конечно, и деление лиц по имущественному положению: богатый (*бай*) — бедный (*кедей*). *Бай* (богатый) — слово тюркского происхождения; именно в этом значе-

нии оно встречается в древнетюркских надписях и в позднесредневековых мусульманских источниках. Самым ранним мусульманским источником, где слово «бай» употреблено в составе имени как показатель социального положения, является, как полагает В. В. Бартольд, рассказ Джувайни о мусульманине Махмуд-бае, везире языческого кара-китайского гурхана (XIII в.). По мнению ряда исследователей, этнонимы *байындыр* и *байат* восходят к словам *бай* и *байан*. В 1934 г. в Турции предприняли попытку придать слову «бай» новое значение: правительственным указом было предписано, чтобы турецкие граждане при обращении с речью к собранию и отдельному лицу, в беседе и при частной переписке употребляли перед собственным именем мужчин слово «бай», перед именем женщин — «байан».

Баем, согласно сообщению Ибн Рузбихана, назывался в степи всякий «влиятельный богач», владевший большим количеством скота и движимого имущества, включая «дома-повозки». Богатство представлялось тогда неотделимым от власти, и «люди степи», по рассказу чингизида Мухаммада Шейбани-хана (ум. 1510 г.), «прилагают большие усилия и заботы, чтобы в короткое время от размножения овец собрать огромные богатства и чтобы от разведения мелкого рогатого скота добыть в этой бескрайней степи большое состояние». Богатейшие из казахов имели десятки домов-повозок, сотни верблюдов, помногу десятков тысяч овец и насчитывали в табунах своих по 15, 18 и даже по 26 тысяч лошадей. Для скотовладельцев богатство служило предметом тщеславия. «Однажды спросил я одного владельца 8000 лошадей, — пишет А. И. Левшин, — почему он не продает ежегодно по некоторой части табунов своих. Он отвечал мне: „Для чего стану я продавать мое удовольствие? Деньги мне не нужны; я должен запереть их в сундук, где никто не увидит их. Но теперь, когда табуны мои ходят по степям, всякий смотрит на них, всякий знает, что они мои, и всякий говорит, что я богат“» [Левшин, с. 327].

У казахов-кочевников бай составляли довольно многочисленную прослойку общества. Однако здесь следует строго оговорить, что бай не являлись особым сословием: бай были и среди султанов, и среди биев, и среди рядовых кочевников. Иными словами, бай представляли собой социально неоднородную группу кочевого общества. Богатство, материальное благополучие несомненно давали огромные выгоды и определяли престиж в обществе. Тем не менее с большим состоянием не соединялись особые права. Значение отдельных баев в обществе определялось значением сословия, к которому они принадлежали. Какой-нибудь султан, например, в экономическом отношении мог быть даже бедным, но он пользовался всеми правами и привилегиями, даваемыми законом этой социальной группе общества в постоянное совместное обладание.

Звание бая совмещало в себе, таким образом, два признака — экономический и политический. Экономическое значение бая в обществе определялось размерами его богатства, а богатство, являвшееся основой «благополучной и покойной жизни», придавало ему, в свою очередь, известное политическое значение и вес.

Согласно «Жети Жаргы», бай, если он не был султаном или бием, платил хану, как и всякий «могущий носить оружие», «20-ю часть своего имущества ежегодно» [Султанов, 1982, с. 101—102].

Воинская повинность, как упоминалось выше, была возложена на всех свободных лиц в возрасте, дающем возможность нести ее. Население степей, по существу, представляло собой вооруженную массу людей. Причем ношение оружия было не только законным правом свободного скотовода, но даже обязанностью, и, к примеру, на «народном собрании» — курултае безоружный мужчина не имел права голоса, а младшие могли не уступать ему места.

Значение *батыров* — профессиональных военных определялось их ролью в военной жизни, а также близостью ко двору хана или влиятельного султана. Батыры (титул которых не передавался по наследству) в большинстве своем не имели иной власти в обществе, кроме той, которую давали им их личные качества, и потому чаще других выступали в роли узурпаторов права на управление родами. Слава батыров при этом зависела во многом от степных певцов-импровизаторов. В памятнике средневекового тюркского эпоса, например, говорится: «С кобзой в руке, от народа к народу, от бека к беку идет певец; кто из мужей отважен, кто негоден, знает певец» [Бартольд, т. 5, с. 479].

По своему статусу батыры относились к группе привилегированных особ казахского общества.

Определенное место в социальной стратификации казахского общества принадлежало *аксакалам* (букв.: 'белобородые'; по-персидски — *ришсафидан*). Коль речь зашла об аксакалах, изложим заодно обозначение возраста людей в средневековых литературных памятниках.

В тюркских средневековых литературных памятниках принято выделять в жизни человека семь основных возрастных периодов. Шесть из этих семи возрастов относятся к ранней стадии жизни человека (детству, юношескому и зрелому возрасту) и имеют два основных обозначения: *бала* (букв.: 'дитя') и *йигит* (букв.: 'мóлодец'). Так, *емчек бала* означает — грудной младенец; *кичик бала* — маленький ребенок до отрочества; *боз бала* — отрок; *йаш йигит* — юноша; *йигит* — мужчина в расцвете сил; *йигит агасы* — мужчина лет пятидесяти или женщина около 35 лет; *аксакал* или *карт* — человек в возрасте, старик, или *кари* и *шал* (букв.: 'седой', метафорически — 'старик').

Грудной возраст — самый короткий период в жизни человека; его длительность — примерно 10—12 месяцев. Судя по тому, что в гареме мальчики находились при матерях лишь до 7—8 лет, а потом их отделяли, переход к следующему возрастному классу, к *боз бала*, соответствовал возрасту после 8 лет. Когда отрок достигал возраста *йаши йигита*, т. е. совершеннолетия, то ему, если он был Чингизидом, по словам хивинского хана историка Абу-л-Гази (1603—1664), требовались *вилайет* (т. е. владение), *иль* (т. е. подданные) и *мали* (т. е. определенное количество скота и имущества). Насколько можно судить по материалам источников, совершеннолетие наступало в возрасте 16—18 лет. После 20 лет начинался возраст *йигита*, т. е. зрелый возраст, а около сорока лет — средний возраст.

Точное определение средней продолжительности жизни в средневековой Средней Азии вряд ли возможно. Продолжительность жизни, несомненно, была меньшей для людей, занимавших нижнюю ступень общественной лестницы. Тем не менее в текстах средневековых письменных памятников неоднократно встречается упоминание людей весьма почтенного возраста — 70—80-летних и даже лиц достигших ста лет. В эпоху Саманидов (875—999 гг.), согласно известиям Низам ал-Мулька, существовало правило, согласно которому в наместники областей не назначались лица моложе 35 лет. Интересно здесь то, что верхний предел возрастного ценза для молодежи составлял и тогда, в конце I тысячелетия, 35 лет. Учитывая, что для 50-летних существовало основное обозначение — *йигит агасы*, переход к следующему возрастному классу, *аксакалам*, соответствовал возрасту после 60 лет. Впрочем, точная граница, очевидно, не устанавливалась и была скорее интуитивной.

Замечательно, что и средневековые авторы в один голос говорят о юности как о безрассудном, полном притяжения жизни периоде, когда буквально все: и неудача в любви, и обиды ближнего, и личные сомнения, и возможная опасность, — все благодать. Отмечается, что возраст безжалостно отнимает у нас что-то очень важное, существенное и с ураганной скоростью уносит это в невозвратную даль. Вместе с тем, уверяют они, возраст одаривает людей кое-каким опытом и толковой мудрости.

По сведениям источников, аксакалы имели определенное значение в политической жизни: в частности, они выполняли роль парламентаров и ходатаев при заключении мирных соглашений между враждующими сторонами, иногда заменяли на время должностных лиц и т. д. Однако мусульманские авторы, как правило, не конкретизируют, что за люди эти аксакалы. По определению В. В. Бартольда, аксакалы — это лица фактически без определенных юридических полномочий, пользовавшиеся почетом по своему возрасту, богатству и преж-

ним заслугам. Согласно правилу местничества с подразделениями правой и левой сторон, аксакалы (*карты*), по словам автора «Бахр ал-асрар» Махмуда ибн Вали, располагались при дворе Аштарханидов в XVII в. по левую, почетную, сторону. Такое же почетное место аксакалы занимали и в обществе казахов.

Не все из описанного нами о людях «белой кости» и людях «черной кости» утрачено в нынешней жизни. Сословные предрассудки, как и предрассудки жузовые и родовые, давят над многими умами в нашем народе. Но новая жизнь берет свое. И все то, что кажется существенным для людей все еще сохраняющих некоторые стереотипы традиционного мышления, слабо воспринимается современной по-европейски образованной казахской молодежью. И в этом залог переустройства обновленного казахского общества.

УЛУСЫ И ЖУЗЫ

Казахское общество рассматриваемого периода представляло собой иерархически организованную социальную структуру сословных групп и прослоек, находившихся между собой в тесных и неоднозначных связях. Это во-первых.

Во-вторых, при изучении социальной структуры казахского общества ханского периода можно четко выделить два главных принципа. Один из них — разделение казахского общества на две основные противопоставленные друг другу социальные группы — ак-суйек («белая кость») и кара-суйек («черная кость»), — различавшиеся не столько экономическими, сколько политическими и правовыми признаками. Причем принцип разделения общества на группы по сословному признаку и соединенные с этим признаком различия прав проводились строго последовательно. Известно, что чем проще было построенное на неравенстве прав и обязанностей деление общества на группы, тем резче было сословное неравенство. По словам В. В. Бартольда, казахское представление о «черной» и «белой» кости ясно показывает, «с какой резкостью идея наследственной аристократии иногда выражалась у тюрков» [Бартольд, т. 5, с. 243].

Другим основополагающим принципом общественного устройства в казахском ханстве была иерархия родов и племен. Соответственно, общественное положение каждого отдельного представителя кара-суйек, будь он потомственным бием или рядовым кочевником, определялось степенью привилегированности его рода и племени. Наличие же трех жузов, т. е. трех объединений племен, принадлежавших к единой казахской народности и населявших фиксированную традицией часть общеказахской территории — Улу жуза, Орта жуза, Киши

жуза (о них подробнее см. дальше), делало сообщество казахов крайне строго и глубоко ранжированным. Дело в том, что существовало старшинство не только между родами внутри каждого жуза, но и между самими тремя жузами. При этом старшинство между родами и жузами считалось по прямой линии: «самый последний род» Улу жуза имел преимущество перед «самым старшим родом» Орта жуза и т. д. Оправдывается это тем, что предок старше (*атасы улкен*). Согласно этнографическим наблюдениям, порядок старшинства соблюдался: 1) при определении места в боевом порядке; 2) при разделении военной добычи; 3) при вступлении в дом и рассаживании по местам; 4) при открытии торжества; 5) при дегустации предлагаемого в гостях и на пирах кушанья.

Вершину феодальной иерархии, верховного главу всего казахского общества представлял собой облеченный титулом хана султан. Однако власть степного хана лишь в редких случаях достигала той полноты, которая не допускает разделения ее с какими-либо другими политическими силами внутри государства. В условиях кочевого общества, где кочевники в силу их исключительной подвижности находятся к хану в отношениях, при необходимости легко прерываемых, хан чувствовал известную зависимость от представителей степной аристократии, как от каждого наиболее влиятельного в отдельности, так и от всех в целом. Словом, реальная власть каждого степного хана была персональна и в значительной степени зависела от его личностных качеств и индивидуального обаяния.

Итак, высшая власть в государстве была сосредоточена в руках хана. Однако единству верховной власти не соответствовало единство управления. Как все государства кочевников, государство казахов рассматривалось в качестве собственности всей царствующей фамилии и распадалось на ряд крупных и мелких владений — улусов. Улус представлял собой основную форму административно-политической организации казахов-кочевников в XV—XVI вв. В пределах улуса были представлены все социальные группы и категории, начиная с Чингизидов и кончая рабами. Первичную социальную ячейку улуса составляла семья-кибитка (в источнике: *ханевар*), куда кроме членов семьи входили также слуги и рабы. Некоторое число семей-кибиток составляло колено (в источнике: *фирке*), а некоторое число колен — род или племя (в источнике: *таифа*), объединение которых и являлось населением улуса.

Для обозначения людей всего улуса обычно применялся тюркский термин *эль* (*ул*, *иль*). Эль был основой улуса: уход, потеря людей означали развал, гибель улуса.

Улус имел свою территорию, которая называлась тюркским словом *йурт*. Как свидетельствуют источники, территории улусов были

относительно стабильны и, видимо, хорошо известны даже за пределами собственно Казахского ханства. «В каждом известном улусе есть свой полновластный султан из потомков Чингиз-хана», — говорится в источнике. Власть султана над народом-элем распространялась на весь йурт.

Таким образом, улус казахов представлял собой сложившееся в условиях кочевого быта автономное административно-политическое образование: фиксированные йурты придавали улусу территориально-географическую стабильность, «полновластие» султанов сообщало ему политическое содержание, а размещенные в определенной местности роды и племена, составлявшие эль улуса, являлись объектом политической власти, субъектом социально-экономических отношений и вместе с тем составляли вооруженную охрану улуса.

Каждый улус насчитывал в своем составе в среднем около 10 тысяч семей-кибиток, т. е. приблизительно 60 тысяч человек. Однако в условиях, когда только сила обеспечивала безопасность эля и йурта от внешних врагов, самостоятельное существование в степи относительно немногочисленного по количеству населения политико-экономического образования было сопряжено с большими трудностями или даже вообще невозможно. Поэтому улусы, состоявшие приблизительно из 10 тысяч «домов-повозок», объединялись в более крупные. Принцип объединения был основан на близкородственных связях султанов-правителей, и, например, улусы султанов одного семейства составляли улусное объединение, во главе которого стоял самый старший по возрасту. Султаны мелких улусов после смерти своих старших родственников переходили в более крупные. Существовали, видимо, и другие принципы объединения.

Улусное объединение не имело своего собственного названия, и оно определялось в источниках через имя крупноулусного султана. Численность населения каждого укрупненного улуса приблизительно составляла 300—400 тысяч человек, а число воинов одного такого улуса колебалось от 30 до 50 тысяч. В XVI в. Казахское ханство включало в свой состав около 20 обычных, или 3 укрупненных, улуса.

Улусная система являлась, однако, не единственной формой организации казахского общества. По крайней мере с начала XVII столетия все казахские роды и племена были объединены в три группы, именуемые самими казахами *Улу жуз* (Большой или Старший жуз), *Орта жуз* (Средний или Серединный жуз) и *Кishi жуз* (Малый или Младший жуз). В дореволюционной исторической литературе вместо «жуз» употреблялся вошедший в русский язык термин «орда».

Мы не имеем точных сведений о том, когда и как именно образовались жузы. Немногочисленные восточные источники о казахах единодушны в своем молчании, и попытки найти в них сведения о

жузах пока не приносят положительных результатов. Что касается русских источников, то содержащиеся в них сведения лишь констатируют наличие жузов у казахов, не давая каких-либо объяснений их происхождению.

В специальной литературе нет единого мнения о времени образования казахских жузов. В. В. Вельяминов-Зернов исходил из существования первоначально единого казахского владения, разделившегося в конце XVI—начале XVII в. на три орды (жуза). Такого же мнения придерживается и западноевропейский ученый Л. Крадер, но образование жузов он относит ко времени «вскоре после смерти их [казахов] первого хана Касыма» (ум. 1518 г.). Иное понимание процесса образования и времени возникновения жузов было высказано М. Красовским. Он полагает, что Казахское ханство сложилось из трех прежде самостоятельных орд, составивших основу трех жузов. Такими ордами, по его мнению, были, во-первых, владения Гирея (ум. в 70-х годах XV в.), Касима, Тахира (ум. в начале 30-х годов XVI в.), во-вторых, Хакк-Назар-хана (ум. 1580 г.) и, наконец, — Шигая (ум. 1583 г.). Так же объясняет образование казахских жузов турецкий историк Р. Арат, но, по его мнению, основу жузов составили самостоятельные владения Бурундука (ум. после 1511 г.), Касима (ум. 1518 г.) и Таваккуля (ум. 1598 г.).

Гипотеза о сложении жузов в XV—XVI вв. была отвергнута некоторыми казахстанскими учеными старшего поколения. Так, С. А. Аманжолов и Х. М. Адильгиреев считают, что деление казахских племен на три жуза, начавшись в VII в., завершилось к X в.

Образование трех казахских жузов отнесено к VII—X вв. на основании отрывка из сочинения арабского географа ал-Мас'уди (X в.) «Промывальни золота и рудники самоцветов». Описывая тюркские племена Приаралья и Сыр-Дарьи, он писал: «Преобладают среди тюрок в этом месте гузы, (частью) кочевые, (частью) оседлые. Это племя из тюрок, оно делится на три группы: нижние (гузы), верхние и средние...» [МИТТ, т. 1, с. 166]. В устаревшем французском переводе XIX в. и в вольном пересказе этого отрывка П. Лерхом употреблено отсутствующее в арабском подлиннике выражение: «подразделяются на три орды: Большую, Малую и Среднюю». Эта интерпретация текста и явилась основанием для ошибочного утверждения о существовании казахских жузов еще в X в. или ранее. В свою очередь, допущение о существовании казахских жузов (орд) в VII—X вв. позволило указанным авторам утверждать, что поскольку жузы являются специфической формой социально-политической организации казахской народности, то, следовательно, эта народность сложилась на тысячелетие раньше, чем то зафиксировано в ранее привлекавшихся письменных источниках.

В казахском народе жузами называют союзы племен, осознающих свою принадлежность к единой казахской народности и населяющих фиксированную традицией часть общеказахской территории. Такое понимание термина «жуз» общепринято. Появление группы племен с названием «казахи» — как это ныне достоверно установлено — может быть отнесено лишь ко времени не ранее этно-территориального разграничения населения Восточного Дешт-и Кипчака (Узбекского улуса) — узбеков, ногаев (мангытов), «узбеков-казаков», т. е. не раньше 10-х годов XVI в.

И вполне закономерно, что первое упоминание одного из жузов зафиксировано в документе, датированном 1616 г. Мы имеем в виду «Распросные речи в посольском приказе служилых людей Т. Петрова и Н. Куницына о поездке в Калмыцкую землю», где наряду с упоминанием о собственно киргизском объединении говорится о «Большой орде» казахов. «И будучи проведали, — читаем в этом документе, — что в Колматцкой земле ныне в поданстве и в их послушанье Казачья Большая орда да Киргизская орда, и тем обеим ордам колмаки сильны» [Материалы по истории русско-монгольских отношений, с. 53; Русско-китайские отношения, с. 49]. Естественно, что в названии Казачья Большая орда заложено, как справедливо отметил В. П. Юдин [МИКХ, с. 242—243], косвенное указание на существование и другого объединения, известного нам по более поздним документам как Казачья Малая орда.

При хане Тауке (начал править после 1652 г.; умер, по одним известиям, в 1715 г., по другим — в 1717/1718 г.), согласно материалам А. Левшина, для управления тремя жузами «были избраны и подчинены ему три частных начальника»: в Улу жузе — Тюля-бий, в Орта жузе — Казбек-бий, в Киши жузе — Айтек-бий.

То обстоятельство, что во главе казахских улусов стояли непременно султаны (XV—XVI вв.), а во главе жузов — бии (XVII—начало XVIII в.), представляется нам небезынтересным. Не имеем ли мы здесь дело действительно с двумя различными формами социально-политической организации казахского общества? Если да, то следовало бы поставить вопрос о соотношении этих двух форм. К сожалению, ощущающийся ныне недостаток историко-этнографического материала, по времени относящегося к XVI—XVII вв., не позволяет осветить эту тему. Очень важен также вопрос о том, существовали ли в XVI—XVII вв. улусы и жузы одновременно друг с другом или же одна из этих форм исторически предшествовала другой. Не обладая фактами, могущими безусловно доказать справедливость нашего вывода, мы, тем не менее, полагаем, что тут речь идет о последовательной смене одной формы организации казахского общества другой, а именно улусной системы жузами. Смена форм, причины которой нам

неясны, могла, вероятно, произойти в течение второй половины XVI в. и была, скорее всего, закреплена на рубеже XVI—XVII вв., чему в значительной степени способствовал переход в этот период в руки казахских владетелей значительного числа туркестанских городов и крепостей. Во главе этих городов (их количество было не менее 20), по сообщениям историков, стояли казахские султаны. Султаны-градоправители XVII в. в таком случае соответствуют, видимо, улусным султанам XV—XVI вв. Очень показательно в этом отношении, что и жузы претерпели определенные изменения: к 20-м годам XVIII в. во всех трех казахских жузах появились вместо биев свои ханы-Чингизиды, родословная которых очень запутана. С тех пор жузы превратились фактически в самостоятельные ханства, которые, однако, не имели особых названий, и хан каждого жуза соответственно именовался ханом Улу жуза, ханом Орта жуза, ханом Киши жуза.

Киши жуз занимал территорию нынешнего Западного Казахстана. Его кочевья располагались по просторам Устюрта, также по притокам рек Ори, Урала, Илека, Эмбы, в районе Мугоджарских гор, а зимние стоянки — в районе реки Иргиза, по низовьям Сыр-Дарьи, к западу от Аральского моря, на полуострове Мангышлак, у восточной части Прикаспийской низменности. Орта жуз занимал территорию Центрального, Северного и Восточного Казахстана. Его летние кочевья и зимние стоянки находились по реке Сарысу, в верховьях Ишима, по притокам Тобола, Тургая, в регионе Улутауских гор и прилегающих к ним озер. Улу жуз располагался в Юго-Восточном Казахстане.

В заключение раздела о жузах попытаемся более подробно осветить вопрос: какие жизненные процессы и исторические обстоятельства XVI в. предопределили возникновение именно тогда, а не ранее и не позднее, совершенно нового принципа самоорганизации племен, объединенных самоназванием «казак»?

С момента возникновения Казахского ханства (Казахского улуса) в 1470—1471 гг. и вплоть до начала XVII в. господствовал только один принцип объединения и управления страной — улусный принцип, при котором отдельные роды и племена, сложившиеся в Восточном Дешт-и Кипчаке в XIII—XIV вв. часто из осколков более древних племен, включались в политическую структуру малых и больших улусов, возглавляемых султанами — представителями правящей династии Чингизидов. Малые улусы, т. е. уделы-владения отдельных именитых султанов (как, например, улус Джаниш-султана, Таниш-султана, Турсун-султана и т. д.), во главе с ханом и формировали один большой улус — государство, которое в одном случае называли по имени хана (например, Чагатайский улус, Узбекский улус и т. д.) или, как в нашем случае, обозначали скорее социальным, чем политическим термином, до того не имевшим этнографического значения, — государство казаков.

Первоначально Казахский улус (Казахское ханство) был военно-политическим союзом группы племен Восточного Дешт-и Кипчака, отколовшимся от массы родственных племен и возглавленным одной из ветвей династии Чингизидов. Этническая консолидация этих племен в рамках одного государства и под управлением одной династии (потомков Джучида Урус-хана) и стала тем процессом, в ходе и в результате которого обозначались новые, уже не политические, а этно-территориальные структуры — жузы.

Каковы были те факторы, которые направляли и стимулировали появление новых структур?

Первым фактором была территориальная лимитация Казахского ханства в условиях достаточно длительной военно-политической стабильности. Оставаясь сообществом кочевых племен, Казахское ханство на рубеже XVI—XVII вв. включило в свой состав территории с древними центрами городской и оседло-земледельческой культуры, создавшими определенные зоны хозяйственного и культурного притяжения для населения окружающих их степей.

Вторым фактором, в известной мере являвшимся следствием первого, было формирование аульной системы расселения, хозяйствования и быта. Именно этот процесс особенно очевиден при анализе источников XVII в.

Напомню, что в XIII—XVI вв. в Дешт-и Кипчаке господствовала система улусного кочевания, когда огромная масса людей, возглавленная ханом и султанами, практически непрерывно перемещалась в своих кибитках, смонтированных на арбах, влекаемых верблюдами и лошадьми по тысячекилометровым маршрутам тогдашних кочевий. Не сразу и не повсеместно этот образ жизни заменялся иным — перекочевками небольших семейных групп (*аулов*), связанных между собой не только родственными, но и соседскими и иными отношениями, на ограниченных территориях с относительно короткими маршрутами передвижения. Кибитки на арбах, «шатры на колесах» сменяет разборная юрта, навьючиваемая на верблюдов: к началу XVII в. относятся последние по времени известные сообщения об использовании жителями Кипчакской степи четырехколесных домов-повозок, а в более поздних источниках упоминаются только двухколесные арбы и содержатся лишь описания разборных юрт и переносных кибиток, хотя нередко и больших по размерам.

Переход от кочевания в кибитках на колесах к разборным юртам был крупным изменением быта кочевого населения Дешт-и Кипчака, и этот фактор предопределил, наряду с родственными и генеалогическими связями племен и родов, внутри единой политической общности еще и связи территориальные в границах относительно устойчивых зон постоянных перекочевок. Такого рода зоны никак не совпа-

дали с улусным (административным) или тюменным (военным) дроблением общегосударственной территории, и отношения внутри этих зон не могли регулироваться возглавлявшими улусы царевичами-чингизидами. Новые территориально-родовые связи требовали иных регуляторов, и ими стали «большие люди» пастбищных общин — *бии*, «национальная аристократия», элита социальной группы карасуйек, — почитаемые за знания и умение интерпретировать многовековое народное право, многовековые обычаи, только и позволяющие сохранять в степи присущее кочевым скотоводам мироустройство. Именно вокруг биев начала формироваться та паутина межродовых и внутритерриториальных связей, постепенно превращавшая стихию кочевых племен в хозяйственное и культурное сообщество, агрегация которого осуществлялась единственно возможным тогда способом — через установление генеалогических и иерархических взаимоотношений между родами и племенами, между аульными пастбищными общинами, представлявшими вечный круг степного бытия.

Новые структуры и их главы — бии отнюдь не стремились разрушить или нарушить уже установившуюся политическую и административную структуру Казахского ханства с ее улусами, но для обозначения сформировавшихся зональных сообществ они должны были использовать какие-то термины, выходявшие за рамки родоплеменных обозначений и никак не задевавшие обозначения, связанные с высшим военно-политическим управлением. Очевидно, таким термином стал *жуз* (букв.: 'сотня', 'сто').

Впервые этот термин как административный зафиксирован в сочинении балхского историка Махмуда ибн Вали «Бахр ал-асрар». Согласно сообщению этого автора, Ак-Орда, одно из административных подразделений Джучиева Улуса (Золотой Орды), была также известна под названием *Иуз-Орда*.

Мы практически ничего не знаем о бытовании этого термина в последующее время — придворные историографы не опускались, как правило, до таких низов народной жизни. Вряд ли сейчас или в ближайшем будущем станет возможным однозначно ответить на вопрос, каким образом произошло превращение одного из рядовых военно-административных терминов в обозначение крупных племенных (аульных) сообществ.

Становление жузов происходило неодновременно; скорее всего, этот процесс начался в Семиречье, распространившись оттуда на центральную, а вслед за тем и западную часть Казахского ханства. Отсюда, возможно, и иерархия жузов, когда старшим и наиболее влиятельным стал именно Семиреченский жуз, а Орта жуз и Киши жуз (хотя и не уступали по численности племен и территориям Старшему) оказались генеалогически на более низких ступенях.

Предложенная гипотеза отнюдь не все объясняет и не во всем может быть доказана в настоящее время. Отмечу только, что постепенное возвышение жузовых структур столь же постепенно, но неуклонно вело к упадку прежней социально-политической организации казахского общества — улусов. И вот что здесь еще важно. Прежняя правящая верхушка ханства (султаны) неожиданно быстро нашла свое место в новой социально-политической организации: она стала с XVIII столетия если не полновластной, то достаточно влиятельной верхушкой всех трех жузов, при этом сохранив генеалогическую, а значит, и политическую обособленность — султаны не относили себя ни к одному из тюрко-монгольских племен, ни к одному из казахских жузов, не разделялись на колена и по-прежнему составляли замкнутое высшее аристократическое сословие страны.

Четырехвековое существование жузовой структуры оказало столь сильное воздействие на этническое самосознание казахского народа, что и сейчас не только сохраняется в памяти каждой казахской семьи, но и влияет на повседневную жизнь казахов. Несомненно, однако, что в недалеком будущем определяющая роль останется только за общенациональной идентификацией, а клановые и жузовые привязки постепенно станут достоянием исторического прошлого.

ГЛАВА IX ДЖУЧИДЫ НА ТРОНАХ ИСКЕРА, БУХАРЫ И ХИВЫ

Мусульманских авторов XIII века, писавших о монголах, больше занимал феномен внезапного появления на исторической арене ранее не известных монголов, их быстрого и обширного завоевания, а вопросы генеалогии монгольских ханов не получили у них достаточного освещения. Сказанное в полной мере относится к современникам монгольского нашествия на мусульманские страны и писавшими по-арабски Ибн ал-Асиру и ан-Насави. Много путаницы в этом вопросе и у персоязычных историков XIII века. Так, например, Джузджани в своем «Табакат-и Насири» (составлено в Индии в 1260 г.) **ошибочно** утверждает, что у Туши (т. е. Джучи, старшего сына Чингиз-хана) было четыре сына: старший по имени Бату, второй Чагата (так!), третий Шибан, четвертый Берке [The *Tabaqat-i Nasiri*, vol. 1, p. 379]. Иранский историк Джувайни, составивший между 1253—1260 гг. свой знаменитый «Тарих-и джахангушай», также приводит **неточные и неполные** сведения: у Туши (т. е. Джучи), пишет он, были следующие семь сыновей — Бамхал, Хорду, Бату, Шибакан (так!), Тангут, Берке и Беркечар [Джувайни, изд., т. 1, с. 221—222]. Кстати, и у Джузджани, и у Джувайни перепутаны также имена главных и старших жен Чингиз-хана, действительное количество детей, порядок рождения его внуков и т. п.

Во время западной кампании монголов (1236—1242 гг.) Русь вошла в состав Монгольской империи. Русские князья и их послы,

представители духовенства и русские купцы совершали путешествия в Монголию, в Каракорум, ко двору великих ханов, а отдельные русские военнопленные долгое время жили в монгольской столице [Полубояринова, 1978]. Тем не менее, как отметил В. В. Бартольд еще в 1911 году, в русской литературе нет ни одного описания путей в Монголию и Китай, никаких сведений о дворе монгольских великих ханов, об устройстве Монгольской империи и т. п. В Золотой Орде русские часто бывали в обеих столицах, Сараях, и в ханских ставках, сопровождая владыку при перекочевках; однако в аутентичных русских источниках сведения даже о Джучиевом Улусе и Джучидах крайне скудны и «не могут выдержать никакого сравнения со сведениями западноевропейских и мусульманских путешественников» [Бартольд, т. 9, с. 363—364].

Как показывает исследовательский опыт, наиболее полные и достоверные известия о генеалогии Чингиз-хана и Чингизидов содержатся в главном источнике по истории Монгольской империи — «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина. Эта всеобщая история была написана между 1300—1307 гг. в Персии. Перед автором этой книги стояли иные задачи. Образование Монгольской империи и четырех ее улусов были уже свершившимися фактами, которые не нуждались более в идеологическом обосновании. Задача Рашид ад-Дина заключалась главным образом в том, чтобы дать возможно полное описание тех событий, оценку тем историческим фактам и включить их во всемирную историю. И он объявляет в предисловии, что монгольская эпоха — новая эра в мировой истории и ее надобно подобающим образом зафиксировать письменно. Начинает он книгу свою с описания истории тюрко-монгольских племен, кстати, представляющую богатую сокровищницу материала о религии и верованиях, нравах и обычаях центральноазиатских кочевников, а затем прослеживает хронологию создания Монгольской империи и ее распада на четыре улуса-государства. В этом труде впервые в значительном объеме использована официальная история ханского рода Чингизидов — «Алтан дэптэр», хранившаяся в сокровищнице ильхана, а также Рашид ад-Дин черпал сведения о монголах из уст лучшего знатока монгольских преданий и истории Пулад-чэнсяна, представителя великого хана при персидском дворе, и из уст монгольского правителя Ирана Газан-хана (1295—1304), уступавшего в знании истории центральноазиатских кочевников только одному Пуладу.

В политическом сознании той эпохи большое место занимала генеалогия. Поэтому вовсе не случайно Рашид ад-Дином около 1310 г. на основе материала «Сборника летописей» была составлена (с привлечением дополнительных сведений) «Шуаб-и панджгана», генеалогия царствующих династий «пяти народов»: тюрков и монголов, ара-

бов, евреев, франков и китайцев. Рукопись этого труда хранится в Стамбуле. Частично «Шуаб-и панджгана» вошло также в «Муизз ал-ансаб»¹, генеалогическое сочинение, написанное при дворе Тимурида Шахруха в 1426 г. и дополненное анонимным автором начала XVI в.

Разделы о генеалогии монгольских ханов (в частности, Джучидов и Чагатаидов) содержатся в официальной истории завоевателя государства Тимуридов Шейбани-хана «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» (составлено ок. 1504 г.), «Шаджара-йи турк» Абу-л-Гази, а также в разных объемах и в связи с определенными сюжетами в «Тарих-и Рашиди» Мирза Хайдара, «Бахр ал-асрар» Махмуда ибн Вали и т. д. Однако материалы этих сочинений требуют проверки и сопоставления с показаниями других источников.

Джучи, старший сын Чингиз-хана, имел много жен и наложниц. Как об этом передают достойные доверия повествования, читаем в источнике, у него было около 40 сыновей и от них «народилось несметное количество внуков». В «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина приводятся имена 14 сыновей Джучи. В «Муизз ал-ансаб» (л. 186) приводятся имена 18 сыновей Джучи. Вот начало этого списка: Орда, Бату, Берке, Эсен, Буре. При этом говорится, что Берке, Буре и Беркечар (десятый сын), все трое, родились от одной матери по имени Султан-хатун, а матерью Орды и Эсена была женщина из племени конграт.

После распада Золотой Орды (Джучиева Улуса) в XV в. потомки нескольких сыновей Джучи (ум. 1227 г.) основали свои династии, правившие (одни долго, другие коротко) как в пределах бывшего государства Джучидов с центром в Поволжье, так и за его пределами. Так, Крымское ханство, Казанское ханство и Астраханское ханство возглавили потомки 13-го сына Джучи, Тукай-Тимура; впоследствии Тукайтимуриды продолжительное время правили также в Бухаре.

Тукай-Тимур (Тука-Тимур). По Рашид ад-Дину, Тукай-Тимур был тринадцатым сыном Джучи; согласно анонимному автору генеалогического сочинения «Муизз ал-ансаб» его матерью была наложница по имени Кагри из племени мекрит [Муизз ал-ансаб, л. 18а]. В другом источнике утверждается, что в 1229 г. Бату при отъезде в Каракорум, в Монголию, на коронацию Угедея «поручил свое царство младшему брату Тукай-Тимуру». Тукай-Тимур вместе с другими своими братьями принимал участие в походе монголов на Запад в 1236—1242 гг. После завершения этой кампании Бату выделил ему из *каучинов* (т. е. привилегированной части войска) *минг*, *тархан*, *ушун*, *ойрат* и передал их в подчинение брату. В качестве удела он пожаловал ему область асов (на Северном Кавказе) и Мангышлак. Согласно

¹ Подробно об этом сочинении см. выше, гл. VII.

воле Бату и его первых преемников, Тукай-Тимур и его потомки осуществляли власть также над Хаджжи-Тарханом (Аштархан, Астрахань), вилайетами Кафа и Крым [Бахр ал-асрар, т. 6, ч. 3, л. 98а—101б, л. 108аб; т. 6, ч. 4, л. 3а, 25б]. Тукай-Тимур присутствовал на всемонгольских курултаях 1246 г. (возведение на престол Гуюка) и 1251 г. (возведение на престол Мунке). По рассказу Абу-л-Гази, Тукай-Тимур, следуя примеру своего старшего брата Берке, сделался мусульманином. Истории потомков Тукай-Тимура, к числу которых принадлежали также и бухарские ханы Астраханской династии (Аштарханиды, или Джаниды, правили в 1599—1785), посвящена четвертая часть шестого тома «Бахр ал-асрар» балхского историка XVII в. Махмуда ибн Вали. Согласно утверждению этого авторитетного автора, потомки Тукай-Тимура получили прозвание *Хан-оглы* («Ханских сыновей»). А дом Тукайтимуридов Махмуд ибн Вали называет *Ханедан-и Тукайтимурийан*.

Потомки другого сына Джучи, Орды, в 70-х годах XV в. создали Казахское ханство.

Орда (Орда-Эджен, Хорду, Ичен). Согласно Рашид ад-Дину и «Муизз ал-ансаб» — первый сын Джучи от его старшей жены по имени Сартак (или Саркаду) из племени конграт — давних брачных партнеров рода Чингиз-хана. Францисканец Иоанн де Плано Карпини, побывавший в 1246 г. в Монголии, пишет о нем так: «Орду, он старший из всех вождей» [Путешествия, с. 44], т. е. самый старший по возрасту из всех наличных тогда монгольских царевичей. Впрочем, в другом месте своего труда (с. 73) брат Иоанн прямо называет, что Орду «древнее всех князей татарских».

При жизни Джучи и после него, говорится в источнике, он был весьма уважаем и почитаем. Орда способствовал приходу к власти царевича Бату в Джучиевом Улусе: «Орда, — читаем мы в «Сборнике летописей», — был согласен на воцарение Бату, и на престол на место отца именно он его возвел. Таким образом, хотя заместителем Джучи-хана стал его второй сын, Бату, великий хан Менгу в ярлыках, которые он писал на их имя по поводу решений и постановлений, имя Орды ставил впереди» [Рашид ад-Дин, т. 2, с. 66]. После смерти отца в 1227 г. главная ставка Джучи, которая располагалась в верховьях Иртыша, в районе озера Ала-Куль, и называлась Кок-Ордой перешла к Орде. В «Муизз ал-ансаб» содержится следующий текст, который сразу обращает на себя внимание: «Орду называли также **Иченом**, он и брат его Эсен, оба, родились от одной матери. У Орды были три главные жены из племени конграт; сыновей (*фарзандан*) и род (*уруг*) его называют [царевичами] *Кок Орды* (Синей Орды)» [Муизз ал-ансаб, л. 18б]. В этой связи, как курьез, отмечу, что османский автор XVII вв. Мунаджжим-баши в своем сочинении называет старшего

сына Джучи так: «Кок Орда ибн Джучи» [Сахаиф ал ахбар, т. 2, с. 690].

Во власть Орды перешли также четыре тысячи воинов Джучи (три племени: *сихиут* (*сиджсиут*), *кингит*, *хушин*), которые выделил Джучи еще его отец Чингиз-хан; эти четыре личных тысячи воинов Джучи, по словам историка XIV в. Вассафа, при жизни Орды составляли уже более одного тумана «живого войска», т. е. более 10 000 наличных воинов. Как передает Рашид ад-Дин, в его время (т. е. к началу XIV в.) к личному туману потомков Орды прибавилось, особенно «за последнее время — из войск русских, черкесских, кипчакских, маджарских и прочих, которые присоединились к ним» [Рашид ад-Дин, т. 1, кн. 2, с. 275].

Итак, Орду называли еще Эдженом. По-монгольски «*эджен*» означает «хозяин, владыка»; так древние монголы величали младшего из своих сыновей [Владиомироцов, 1934, с. 54]; или, как доказывает петербургский тюрколог А. П. Григорьев, — четвертого сына [Григорьев, 1972, с. 60—62]. Эджен, по обычаю, всегда находился при отце и наследовал его основное имущество. Переход к Орде коренного йурта Джучи, если он был старшим сыном Джучи, находится как бы в полном противоречии с обычаем монголов, согласно которому коренные владения отца переходили к младшему (или четвертому) сыну и степень удаленности удела каждого сына соответствовала их возрасту.

Но это не должно удивлять нас, и в этой связи надобно сделать некоторые пояснения.

Во-первых, понятно, что титул «эджен» сыновья получали не по рождению, а спустя какое-то время. А главное — существовало несколько порядков передачи имущества, войска, коренного йурта отца к сыну, и причем каждый из этих порядков был законным, неоспоримым. Дело в том, что эджен семьи мог умереть раньше своего отца, мог оказаться недееспособным и т. д.; да и степень старшинства детей, как показывают материалы источников, рассматривалась соответственно степени их матери, а у отдельных монгольских аристократов количество сыновей от разных женщин бывало внушительным (так, например, у младшего брата Чингиз-хана, Отчигина, было 80 сыновей). И еще. То было время, когда война была обычной практикой людей, и нередко случалось так, что уже у пожилого отца оставался в живых только единственный сын и вовсе не младший (и вовсе не четвертый) из всех детей.

Другими словами, Чингизидом надо было только родиться, а вот эдженом можно было стать. Всё или почти всё в этом вопросе зависело от личной воли отца и, конечно, от сложившихся обстоятельств. Избрав в качестве руководства один из действующих порядков, отец

объявлял в нужных случаях своего эджена. По неизвестным нам пока причинам в нашем случае эдженом оказался не младший (и не четвертый), а старший сын Джучи, Орда. Назначение отца (или самого Чингиз-хана, который умер на шесть месяцев позже Джучи) не вызвало никаких возражений, поскольку оно, очевидно, соответствовало одному из действовавших тогда порядков передачи власти, наследства и т. д.

Орда вместе с другими своими братьями принимал участие в семилетнем походе монгольского войска на Запад в 1236—1242 гг. В 1246 г. он участвовал в работе всемонгольского курултая, на котором Гуюк был возведен на ханский престол в Монголии. В известных справочниках Стэнли Лэн-Пуля «Мусульманские династии» (1899 г.), К. Э. Босворта под тем же названием (1967 г., на русский язык переведен П. Я. Грязневичем в 1971 г.) датой смерти Орды неверно указан 1280 год. Оттуда эта ошибка перешла во многие исторические труды. В действительности Орда умер между 1246—1251 гг.: в 1246 году, когда Иоанн де Плано Карпини со своими спутниками проехал через территорию Джучиева Улуса, Орда был еще жив, но уже в 1251 году его уделом правил его четвертый сын Кункиран. Во второй половине XIII в., т. е. при первых преемниках Орды, центр улуса Орды (а заодно и его название *Кок-Орда*) был перенесен с района оз. Ала-Куль, где находился вначале, на берега Сыр-Дарьи. После Кункирана, сына Орды, там правил Куйинчи (Кониичи), сын Сартактая, сына Орды. После смерти Куйинчи вместо него утвердился его старший сын с поэтическим именем Баян, очень известный в Туркестане и Иране правитель.

Некоторыми исследователями было высказано мнение, что потомки Орды к середине XIV в. уже сошли с исторической арены и их место занял род 13-го сына Джучи, Тукай-Тимура. Однако эти субъективные мнения, высказанные вскользь и по случаю, хотя и вошли в некоторые советские и европейские книги, но не подтверждаются безусловно осведомленными мусульманскими авторами. Исследователи, высказывающие подобные мнения, в частности, полагают, что глава царевичей левого крыла Джучиева Улуса с центром в Сыгнаке (на правом берегу Сыр-Дарьи) Урус-хан (правил в 1374—1377 гг.), который почти в течение года владел также столицей Золотой Орды Сараем, был потомком Тукай-Тимура. Действительно родословная Урус-хана очень запутана. Однако исчерпывающее рассмотрение всех доступных ныне материалов по генеалогии Урус-хана вполне позволяет сделать допущение, что он был потомком Орды (сводку сведений о генеалогии Урус-хана см.: [Султанов, 2001, с. 140—142]). А основатели Казахского ханства Гирей-султан и Джанибек-султан,

ба они, были потомками Урус-хана. Казахская ветвь Джучидов праила очень долго — до середины XIX столетия (см. выше: Глава VI).

Потомки другого сына Джучи, Шибана, возглавили в XV в. Сирское ханство, а в XVI в. овладели Мавераннахром (среднеазиатское междуречье Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи) и Хорезмом (низовья Аму-Дарьи) и создали там два самостоятельных ханства. Известно, что после пресечения потомства Бату (середина XIV в.) Шибаниды некоторое время находились на золотоордынском престоле. Учитывая роль Шибанидов в политической жизни Евразии, остановимся на истории той династии и основанных ими государствах более подробно.

Род ШИБАНА, СЫНА ДЖУЧИ

Шибаниды (*ханедан-и Шибаниан*) — потомки монгольского царевича Шибана, по Рашид ад-Дину, пятого сына Джучи, старшего сына Чингиз-хана. Согласно «Муизз ал-ансаб» (л. 18аб), матерью Шибана (11-ый сын) и Чилавуна (8-й сын) была Несер (чтение предположительное: в источнике отсутствуют диакретические знаки). В описаниях францисканцев XIII в., брата Иоанна де Плано Карпини и рата Бенедикта Поляка, младший брат Бату назван Сибан (лат. *Siban*; юнг. *Šiban*) [Carpine, V. 20; Ц. де Бридиа, § 23]. Имя Шибан (Сибан) тусульманская традиция превратила в «Шейбан» («Шайбан») по аналогии с названием арабского племени и арабского имени, с которым но на самом деле не имеет ничего общего.

Дата рождения Шибана неизвестна. В 1229 г. вместе со своими братьями (Бату, Берке, Беркечар и Ураде) он присутствовал на курултае в Монголии, на котором Угедей был провозглашен великим ханом. В 1236—1242 гг. вместе с другими Чингизидами Шибан участвовал в семилетнем походе монголов в западные страны. Его десяти-тысячный отряд находился в авангарде войска монголов во время охода осенью 1236 года против болгар и башкирдов; по Джувайни и ашид ад-Дину, Шибан лично вступал в сражение и в короткое время юнголы захватили Болгар и Башкирд. В 635/1237—1238 гг. Шибан, учек и Бури выступили в поход в страну Крым и захватили ее.

В «Нусрат-наме» (XV в.) говорится о том, что за полководческий алант, выказанный во время этих военных действий, царевич Шибан ыл особо отличён и поставлен во главе 40-тысячной армии [Нусрат-аме, изд., с. 115].

В 1246 г. Шибан вместе со своими братьями (Ордой, Берке, Беркечаром, Тангутом и Тукай-Тимуром) присутствовал по заданию Бау, главы Джучиева Улуса, на курултае в Монголии, на котором Гуяук ыл провозглашен великим ханом. Последний раз имя Шибана упоми-

нается в источниках под 1248 годом. Дата смерти Шибана также неизвестна.

Согласно Абу-л-Гази, Бату, глава Джучиева Улуса, после возвращения из похода в Восточную Европу пожаловал своим братьям и другим родичам уделы. В частности, Шибан получил земли между владениями самого Бату и владениями Орды, с тем чтобы он проводил лето на берегах Иргиза, Ори, Илека и вообще к востоку от Яика и Уральских гор, зиму — в Кара-куме, Ара-куме, на берегах Сыр-Дарьи, в устьях Чу и Сары-су. При этом под власть Шибана Бату отдал народ (*иль*) в количестве 15-ти тысяч семейств (*ев*), состоящий из представителей четырех племен: *кушчи*, *найман*, *буйрак*, *карлук* [Абу-л-Гази, изд., т. 1, с. 181; Зубдат ал-асар, л. 88а, 119б].

У Шибана было много жен и наложниц, пишет Рашид ад-Дин, и приводит имена двенадцати сыновей Шибана и их первых потомков. Подробная генеалогия Шибана приводится в «Муизз ал-ансаб» (л. 226—236), «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» (МИКХ, с. 34—43) и других сочинениях. В 60—70-х годах XIV в., когда в Золотой Орде началась полоса смут и в столице государства Сарае бывало сменялось по несколько ханов в год, на сарайском престоле пребывало немало царевичей из рода Шибана, сына Джучи. Эта тема — политическая ситуация в Золотой Орде в 50—70-х годах XIV в. — подробно рассмотрена в ряде работ известного российского востоковеда Аркадия Павловича Григорьева [Григорьев, 1983, с. 43—46; Григорьев, 1985, с. 160—182; Григорьев, 2000, с. 102—103].

Согласно Махмуду ибн Вали и Абу-л-Гази, власть в роде Шибанидов в течение нескольких поколений постоянно передавалась от отца к сыну, т. е. по прямой линии [Бахр ал-асар, т. 6, ч. 3, л. 1226—123а; Абу-л-Гази, изд., т. 1, с. 181—182]. Имена соответствующих царевичей были: Бахадур (второй сын Шибана), Джучи-Буга (старший сын Бахадура), Бадакул (старший сын Джучи-Буга; согласно «Муизз ал-ансаб» — 3-й сын), Минг-Тимур (старший сын Бадакуля), Пулад (третий сын Минг-Тимура; согласно «Муизз ал-ансаб» — 5-й сын). После смерти последнего его наследство было разделено между его двумя сыновьями — старшим сыном Ибрахимом, который был известен также под именем Аба-оглан, и вторым сыном Арабшахом; причем каждый из них имел свою *орду* (ставку).

Потомки Ибрахима и Арабшаха постепенно обособились, образуя особые ветви рода Шибана, и когда в начале XVI столетия в Мавераннахре и Хорезме возникли два самостоятельных ханства под главенством Шибанидов, то во главе так называемого Бухарского ханства стояли Шибаниды из потомков Ибрахима, а во главе Хивинского ханства — Шибаниды из потомков Арабшаха.

Об обстоятельствах образования Бухарского ханства, Хивинского ханства и об основных вехах биографии их основателей и т. п. достаточно подробно речь пойдет дальше. А здесь мы рассмотрим вкратце лишь некоторые обстоятельства, связанные с Сибирским ханством.

Образование Сибирского ханства связано с именем Шибанида **Ибак** (Абак, Ивак)-хана. Вот что сообщает об его происхождении историк Абу-л-Гази: Ибак был сыном Махмудек-хана, сына Хадджи-Лухаммад-хана, сына Али-оглана, сына Бик-Кунди-оглана, сына Лунга-Тимура, сына Бадакуля, сына Джуджи-Буга, сына Бахадура, сына **Шибана**, сына Джучи, сына Чингиз-хана [Абу-л-Гази, изд., изд., т. 1, с. 177].

После смерти в 1468 г. объединителя Узбекского улуса Шибанида Абу-л-Хайр-хана (внука Ибрахима) часть территории Западной Сибири перешла к Ибаку, политическому сопернику Абу-л-Хайра и его дома в борьбе за власть. Имя Ибак-хана часто встречается в среднеазиатских нарративных источниках, освещающих события 60—90-х годов XV в. [МИКХ, 1968, указатель]. Основным ядром Сибирского ханства Шибанидов, образование которого относится к началу 70-х годов XV в., вначале были земли по среднему течению Иртыша и рекам Гары, Тобол, Ишим и Тура. Границы ханства то расширялись, то сужались в зависимости от политических обстоятельств. Упрочив свои позиции в Тюменской земле, Ибак сделал своей ставкой старинное укрепленное село угров на берегу Иртыша, носившее название «Сибирь», или (по-тюркски) «Кашлык». По имени главной ставки ханство и стало называться «Сибирским», утверждается в «Истории Сибири» (1969, т. 1, с. 364).

Владения Шибанидов в Западной Сибири Абу-л-Гази называет «Туран вилайети» («Туранским краем»), а в сочинении османского автора конца XVI в. Сейфи Челеби государство и столица сибирских Шибанидов названы «Тура» [Сейфи Челеби, л. 186, 236—246].

Здесь кстати заметить, что название Тура встречается и в более ранних мусульманских источниках. Так, согласно утверждению Махмуда ибн Усмана Кухистани, Шибанид Абу-л-Хайр был провозглашен ханом в 1429 г. в городе Тура, который и «стал местопребыванием трона государства» [Тарих-и Абу-л-Хайр-хани, л. 221а]. В таких источниках начала XVI века, как, например, «Нусрат-наме» анонимного автора и «Шейбани-наме» Бинаи упоминаются «город и вилайет» Инги-Тура. Как полагает В. П. Юдин, в мусульманских источниках тот городом Чинги (Чимги)-Тура имеется в виду город на месте нынешней Тюмени. Очевидно, у Шибанидов Сибирского ханства было несколько временных столиц. В этой связи обращает на себя особое внимание тот факт, что главным городом Кучум-хана был город **Искер**, недалеко от впадения Тобола в Иртыш [Бартольд, т. 5, с. 554].

Ибак (Абак)-хан погиб в междоусобной борьбе около 1495 года. Преемником Ибака стал его брат Мамук. Напоследок и он перешел из сего мира в другой, и правителем в Сибирском ханстве сделался Тулук (Кулук)-султан, сын Ибак-хана. Однако он не сумел передать власть в стране по прямой линии и в XVI в. Сибирским ханством правили представители разных семейств из рода Шибана.

Последним правителем Сибирского ханства из рода Шибана был Кучум-хан, сын Муртазы и потомок Ибак-хана, основателя Сибирского ханства. Родословная Кучум-хана приводится только в сочинении Абу-л-Гази (изд., т. 1, с. 177). Как и Тулук (Кулук)-хан, Кучум не получил свое царство в наследство от отца, а захватил власть в Сибирском ханстве в 1563 году с помощью ногайских правителей, изгнав оттуда своего предшественника Йадгара (Ядгар). К 1572 г. Кучум-хан, сломив сопротивление местной знати, сильно упрочил свою позицию в Сибирском ханстве: он обложил данью в свою пользу башкирские и угорские племена, завоевал угорские группы по нижнему течению Иртыша и протоку Конде и тюркоязычное население Барабинской степи. Кучум полностью ликвидировал прежние отношения вассалитета Сибирского ханства к русскому царю и даже стал торговаться в вотчины Строгановых в бассейне р. Чусовой. Набеги на район Прикамья продолжались. В этой обстановке Строгановы сформировали наемный казачий отряд во главе с атаманом Ермаком [История Сибири, 1968, т. 2, с. 26—27].

Относительно личности атамана Ермака нет никакой ясности. Существует множество версий о его происхождении — летописных, художественных и фольклорных. Кстати, Ермак (Ермек) — тюркское слово и означает «забава», «утешение». Так вот, согласно одной фольклорной версии, Ермак происходил из Ногайской орды и был вхож в дворцовое окружение ногайцев (мангытов) и умудрился вступить в связь с ногайской княжной. Спасаясь от гнева ее брата, он вынужден был бежать на Волгу, оттуда на Каму и благодаря своим выдающимся личностным качествам скоро следался атаманом русской «казачьей дружины» [Зуев, Кадырбаев, 2000, с. 53].

Вот эта дружина, снаряженная огнестрельным оружием, порохом, продовольствием и слугами торгово-промышленным домом русских купцов Строгановых, двинулась вверх по реке Чусовой и через Камень (Уральские горы) — в Сибирь, положив начало завоеванию края.

В 1581 г. Искер, главный город Кучум-хана, был завоеван русскими казаками во главе с атаманом Ермаком. Своей победой Ермак был обязан исключительно применению огнестрельного оружия, еще неизвестного тогда в Сибири. Но война продолжалась долго и с переменным успехом. В 1003/1593 г. Кучум-хан потерпел очередное поражение от русских казаков и бежал к мангытам (ногайцам). В ав-

усте 1598 г. Кучум-хан еще раз сразился с русскими казаками на левобережье средней Оби, но вновь потерпел поражение и опять бежал: «малыми людьми» к мангытам. Сообщается, что на этот раз мангыты убили его в отместку за набеги его отца Муртазы в их йурт.

«Потомство этой (т. е. сибирской) ветви Шибанидов пресеклось на Кучум-хане», — заключает Абу-л-Гази, тоже Шибанид, хан Хивы и автор основательной книги под названием «Родословное древо тюрков» [Абу-л-Гази, изд., т. 1, с. 177].

БУХАРСКОЕ ХАНСТВО

Важным политическим последствием раскола в роде Шибана после смерти Пулад-султана явилось то, что уже в 20-х годах XV в. на коренной территории Шибанидов одновременно правило несколько независимых правителей. Одним из них был Джумадук-хан (правил в 1425—1428 гг.), правнук Тонга (или Тунка), младшего брата Тулада, несмотря на то, что его отец Суфи-оглан еще был жив. Владения Джумадука находились к северу от Аральского моря, между реками Эмбой и Сары-су. На левом берегу Атбасара, правого притока Ташима, самостоятельно правил Шибанид Мустафа-хан. Другого правителя улуса Шибана звали Махмуд-Ходжа; он был сыном Каанбая, четвертого сына Эльбека, сына Минг-Тимура [Ахмедов, 1965, с. 42—44].

У названного Джумадук-хана наряду с другими Шибанидами лужил и Абу-л-Хайр-оглан, сын Даулет-Шейха, сына **Ибрахима**. Около 1427—1428 гг. часть населения соседнего с владениями Джумадука Мангытского улуса (Ногайской Орды — русских источников) восстала; Джумадук-хан выступил против повстанцев, но потерпел поражение, попал в плен и был казнен. В плен попал и юный Абу-л-Хайр-оглан. Но ему не только была сохранена жизнь, но и оказана поддержка при переходе власти во владениях Джумадука.

Так, при поддержке некоторых представителей мангытов и большинства представителей кочевых племен и родов улуса Шибана 17-летний Абу-л-Хайр был провозглашен ханом в начале весны 1429 г. год Обезьяны = 1428—1429; 834 г. х. = 1429—1430). После победы над другими Джучидами тех краев ему подчинилась большая часть Восточного Дешт-и Кипчака (Узбекского улуса) [Тарих-и Абу-л-Хайр-хани, л. 218а—220б].

Население Восточного Дешт-и Кипчака, которым управлял Абу-л-Хайр (правил в 1429—1468 гг.), называлось *узбеками*, по-видимому, по имени известного государя Золотой Орды Узбек-хана (правил в 1313—1341 гг.), хотя ханы этой области, как было изложено выше,

не происходили от хана Узбека; Узбек-хан был потомком Бату, старшего брата Шибана, сына Джучи.

Историческое значение ханствования Шибанида Абу-л-Хайра определяется тем, что он был основателем могущества кочевых узбеков Восточного Дешт-и Кичака и именно при его царствовании среди населения Восточного Дешт-и Кипчака, носивший тогда название Узбекский улус, около 1459 года произошел раскол, в результате которого часть обитателей степи откочевала в соседний Моголистан (Семиречье) и получила название *узбеки-казаки*, или просто *казаки*. Во главе отделившейся части населения Узбекского улуса стояли два родственника — Гирей-султан и Джанибек-султан, потомки Орды, старшего сына Джучи, сына Чингиз-хана.

В качестве даты смерти Абу-л-Хайра приводится год Мыши, 1468 г., в одних источниках приравненный к 874 г. х./1469—1470 г. («Тарих-и Абу-л-Хайр-хани», «Бахр ал-асрар») в других — к 873 г. х./1468—1469 г. («Тарих-и джаханара»).

Сразу же после смерти предводителя кочевых узбеков в Узбекском улусе началась борьба за верховную власть. В этой обстановке султаны Гирей и Джанибек и их большая казачья вольница вернулись из Моголистана в Узбекский улус и в 875/1470—1471 гг., захватили верховную власть в стране и основали династию собственно казахских султанов (*даулат-и салатин-и казак*). Имя казак сначала передалось ханству, а затем стало и названием народности.

Преемник и сын Абу-л-Хайра, Шейх-Хайдар-хан, и люди его окружения были убиты, большая часть Шибанидов со своими приближенными подалась во владения астраханского хана Тукайтимурида Касима, но противники осадили Астрахань и Шибаниды бежали из города в родные степи и рассеялись по краям и углам обширного улуса.

Так в 1470—1471 гг. Шибаниды потеряли верховную власть в Узбекском улусе (Восточном Дешт-и Кипчаке), рассеялись в разные стороны, но не отказались от политической борьбы. Во главе такой группы Шибанидов стали молодой энергичный и воинственный царевич Мухаммад Шейбани (род. в 1451 г.) и его младший брат Махмуд-султан (род. в 1454 г.). Юные султаны, которые после гибели Шейх-Хайдара (около 1470 г.), сына и преемника Абу-л-Хайр-хана, были увезены в Астрахань, вернулись в Присырдарьинские степи и, образовав там небольшой отряд, начали борьбу с казахскими правителями за восстановление власти семьи Абу-л-Хайра в Восточном Дешт-и Кипчаке [Кляшторный, Султанов, 1992, с. 224—250].

В процессе этой борьбы, длившейся много лет, молодой царевич, то вступал в союз с мангытскими мурзами, то обращался за помощью к правителям моголов. Однако ему так и не удалось одолеть владельцев Казахского ханства и восстановить в Восточном Дешт-и Кипчаке

власть дома Абу-л-Хайра: слишком сильны были казахские владетели (они водили 30—70-ти тысячное войско), а около Мухаммада Шейбани была лишь небольшая кучка людей (от нескольких десятков до 300—400 человек). Тогда Шейбани и его ближайшее окружение, получив поддержку у могольского хана Махмуда, направили свои усилия на овладение территорией, принадлежащей Тимуридам. Предприятие это в силу ряда объективных причин — раздробленность страны Тимуридов, ослабление ее политической и военной мощи и т. д. — оказалось удачным, и Шейбани с поддерживавшей его частью кочевых узбеков Восточного Дешт-и Кипчака завоевал сначала центральный Мавераннахр, а несколько позже и другие части государства Тимуридов (до сих пор лучшей работой, посвященной истории завоевания государства Тимуридов кочевыми узбеками Дешт-и Кипчака остается публикация проф. А. А. Семенова 1954 года).

Вот краткая хронология военно-политических событий тех лет.

1500 год — Шейбани при поддержке могольского хана Махмуда во главе небольшого отряда захватил Бухару и передал ее в удел своему младшему брату Махмуд-султану, а зять Самарканда без боя сдала ему город, но вскоре Шейбани был вынужден покинуть город.

1501 год — Шейбани отвоевал у Тимурида Бабура Самарканд и сделал его столицей государства Шибанидов в Мавераннахре, а заодно захватил еще ряд городов и крепостей междуречья Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи.

1503 год, конец весны — Шейбани нанес поражение объединенным силам моголов и их союзников во главе с Махмуд-ханом, его братом Ахмад-султаном и Бабуром, разбив их на голову в бою под Ахси, у г. Архиан, захватил Ташкент, Сайрам, Шахрухийе, Ура-Тепе, Дизак и другие города и крепости Туркестана.

1504 год, весна — кочевые узбеки Восточного Дешт-и Кипчака во главе с Шибанидами завоевали Фергану, совершили поход на Хорезм.

1505 год, август — после десятидневной осады был взят Ургенч, который защищал Чин Суфи, в качестве наместника Тимурида Султана Хусайна; особенно выдающееся участие в десятидневной обороне города принимало туркменское племя адак. Самое подробное описание завоевания Шейбани-ханом Хорезма принадлежит перу Мухаммада Салиха, участника похода, хорезмийца по происхождению [Шейбани-наме, изд. Мелиоранского].

1506 год, 4 мая — скончался Султан Хусайн, номинальный глава Тимуридов, его сын и преемник Бади аз-Заман не сумел организовать отпор Шибанидам и осенью того же года Балх сдался Шейбани-хану.

В мае 1507 года гератское войско было разбито и, согласно современнику тех событий Хондамиру, утром в пятницу 23 мая Шейба-

ни вошел в Герат — другую столицу Тимуридов и потребовал от простых жителей города уплаты контрибуции в 100 тыс. и отдельно от знати — 35 тысяч тенгече (сумма огромная по тем временам). Город подвергся двухдневному грабежу. Кочевые узбеки во главе с Шибанидами захватили еще несколько городов Хорасана. Шейбани-хан все лето провел в Герате и лишь осенью 1507 г. направился оттуда на зимовку в Мавераннахр.

1508 год, весна — новый поход Шибанидов на Хорасан. Последний тимуридский правитель Средней Азии Бади аз-Заман бежал на запад, в Азербайджан, и после долгих лет скитаний на чужбине, наконец, скончался в Стамбуле в 1517 году.

Так Шейбани-хан стал владельцем обширного государства, простиравшегося от Сыр-Дарьи и низовьев Аму-Дарьи до Центрального Афганистана.

Завоевание государства Тимуридов Шейбани-ханом привело к окончательному уходу потомков Абу-л-Хайр-хана с частью племен и родов Узбекского улуса с территории Восточного Дешт-и Кипчака и к перенесению термина *узбек* в покоренные ими области Мавераннахра. С этого времени оба термина — *казак* и *узбек* — приобрели такое значение, что служили не только для обозначения приверженцев старой знати Шибанидов или Гирея, Джанибека и их потомков, но и для разделения сородичей по месту их обитания, ограниченного теперь рамками определенных политических и государственных границ.

Известно, что при распределении Чингиз-ханом уделов своим сыновьям Семиречье, Кашгар и Мавераннахр вошли в состав владений его второго сына Чагатая (ум. в 1242 г.), а в последние годы жизни Бату (ум. в 1255 г.), главы Джучиева Улуса, Мавераннахр входил в сферу влияния Джучидов. В этой связи небезынтересно отметить, что Тимур (правил в 1370—1405 гг.), происходивший из отюреченного монгольского племени барлас и создавший свое государство на территории Мавераннахра, представлен в официальной истории Шейбани-хана как безродный узурпатор, даже имена предков которого толком неизвестны. В источнике обыгрывается имя отца Тимура — Тарагай и созвучное этому имени тюркское слово *тариғ* (просо). Некто, сообщает придворный историограф Шейбани-хана, состоял на службе у Чагатай-хана, второго сына Чингиз-хана. «Он сеял просо (*тариғ*) для дома Чагатая и был хранителем его амбаров в городе Алмалыке (тогдашняя столица Чагатайского улуса в долине р. Или. — Т. С.). Отец Тимура, Тарагай, — потомок того самого *тариғбагчи*» («работника по уходу за просом») [Нусрат-наме, л. 116а].

Сам факт завоевания Шейбани-ханом государства Тимуридов в источниках шейбанидского круга обосновывается так. Мавераннахр — владение Чингизидов. Но случилось так, что эта область ока-

залась в руках эмира Тимура и его потомков, «совершенно вышла из повиновения потомкам Чингиз-хана и имеет намерение быть независимым и полновластным в управлении государством...». «Если некоторые области мы и отняли из рук потомков Тимур-бека, — говорил Шейбани-хан историку Ибн Рузбихану, — то не из жадности царствовать и не из-за недовольствования малой страной, а скорее в силу божественного предопределения, которое требует, чтобы наследственное владение вновь вернулось в руки нашей власти и воли» [Ибн Рузбихан, с. 95—96].

Завоевание Мавераннахра и Хорасана кочевыми узбеками Восточного Дешт-и Кипчака под главенством Шибанидов подготавливалось по мере ослабления политической и военной мощи потомков эмира Тимура. Однако немаловажную роль сыграла здесь и личность самого Шейбани-хана.

Завоеватель государства Тимуридов был внуком Абу-л-Хайр-хана и старшим сыном Шах-Будаг-султана. Он родился в 1451 году. По Бинаи и Хондамиру, родительницу его звали Аккозы-бегим, она была «из рода Алтан-хана». Собственное имя Шейбани — **Мухаммад**. Но, как известно, знатное происхождение создавало на мусульманском Востоке сложную систему имен, и полное имя взрослого знатного человека может включать в себе 3—5 и более компонентов. По Бинаи, Хафиз-и Танышу и Юсуфу Мунши, еще при рождении Мухаммада, его дедом Абу-л-Хайром ему было дано почетное прозвание (*лакаб*) *Шахбахт* («Счастливый государь»); другие его прозвания, которые он получил позже — *Абу-л-Фатх*, *Шахибек-хан*, *Шайбек-хан*, *Шидак-хан*.

Бабур, в глазах которого Шейбани был вождем варварских орд и разрушителем культуры, зло высмеивает Шейбани, называя его «не выдавшим света деревенщиной» и «безграмотным писакой, сочинившим несколько безвкусных стихов» [Бабур-наме, изд. Мано, с. 323]. Однако тут — явное пристрастие.

Мы знаем, что внук Абу-л-Хайр-хана получил домашнее образование, два года обучался в Бухаре науке чтения и был одним из образованных людей своего времени и известным в литературных кругах поэтом, в творческом наследии которого значатся (1) объемистое поэтическое произведение под названием «Бахр ал-худа» (рукопись хранится в библиотеке Британского Музея), (2) многочисленные стихи (образцы см. в «Шейбани-наме» Мухаммада Салиха, «Михман-наме-йи Бухара» Ибн Рузбихана и др.), а также (3) прозаическое сочинение под названием «Рисале-йи маариф-и Шейбани», написанное на чагатайском языке в 913/1507 г., вскоре после захвата им Хорасана и посвященное его сыну Мухаммаду Тимуру (рукопись хранится в Стамбуле).

В своих стихах внук Абу-л-Хайр-хана называет себя **Шахбахт** («Счастливым государь»). Как поэт он пользовался литературным псевдонимом (*тахаллус*) **Шейбани**. Вот что пишет о нем Абу-л-Гази, хан Хивы и тоже Шибанид: «Имя старшего сына Абу-л-Хайр-хана — Шах-Будаг-султан; у него было два сына: имя старшего было Мухаммад, прозвание (*лакаб*) — Шахбахт, да будет на нем милость божия! Он был поэтом, и так как он происходил из потомков Шибан-хана [сына Джучи, сына Чингиз-хана], то принял тахаллус Шейбани, да помилует его Бог!» [Абу-л-Гази, изд., т. 1, с. 183].

По мнению В. В. Бартольда, «очень вероятно», что причиной переделки имени Шибан (Сибан) в Шейбан (Шайбан) и появление имени Шейбани (Шайбани) было популярное в мусульманском мире прозвище, совпадающее с названием арабского племени, знаменитого богослова-законоведа аш-Шайбани, полное имя которого — Абу Абдаллах Мухаммад бин ал-Хасан (годы жизни: 749—805) [Бартольд, т. 5, с. 134]. В источниках шейбанидского круга полное имя этого внука Абу-л-Хайр-хана пишется в форме — Абу-л-Фатх Мухаммад Шейбани-хан.

После своих побед над Тимуридами в Мавераннахре Мухаммад Шейбани стал называть себя «*имамом эпохи, халифом Милосердного*». Как полагали проф. Н. Веселовский и А. Болдырев, этот религиозный титул Шейбани-хан принял в 1507 году, после завоевания им Герата. Однако Мухаммад Шейбани так титулуется уже в «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме», которое было составлено около 1504 года, т. е. за три года до перехода Герата в руки Шибанидов. Кроме названного у первого хана государства Шибанидов в Мавераннахре было еще много других разных титулов и почетных эпитетов. Наиболее полный их перечень мы находим в «Михман-наме-йи Бухара» Ибн Рузбихана и в сочинении Васифи «Бадаи ал-вакаи».

До наших дней дошла великолепная миниатюра (хранится в США, в частном собрании) с изображением Мухаммада Шейбани, исполненная в красках кистью знаменитого художника Бехзада, как полагают в 1507 году, когда Шейбани-хан пребывал в Герате. Завоеватель империи Тимуридов, в костюме гератской эпохи, сидит, прислонившись спиной к большой круглой подушке-валику (так называемой «*мутакка*»). На голове — чалма, на левой руке — четки, на большом пальце правой руки — кольцо для стрельбы из лука, на полу, перед ханом — камча и атрибуты письма: чернильница, книжка, перо. Полное, охваченное узкой полоской бороды лицо его с плотно сжатыми губами и пристальный взгляд слегка раскосых глаз из-под густых бровей выражают большое властолюбие. Копия портрета Шейбани-хана опубликована в нескольких зарубежных и отечественных изданиях (см. к примеру: [Пугаченкова, 1963, с. 221 — цветное воспроизведение миниатюры]).

Этот Мухаммад Шейбани был человеком не только большой воли, но также глубокого ума, незаурядной личной храбрости и отваги, искусный организатор и военачальник. Об этом сообщают как историографы самого Шейбани-хана (Мухаммад Салих, Шади, Бинаи, Ибн Рузбихан), так и независимые авторы (Абу-л-Гази) и даже его политический и династийный противник — Бабур.

Замечательно, что волевая натура и властолюбивый характер Мухаммада Шейбани, ярко запечатленные кистью великого Бехзада, подтверждаются и свидетельствами *мюрида* (духовный наставник) Шейбани шейха Джалал ад-Дина Азизана. Вот рассказ суфийского сочинения XVI в. «Ламахат мин нафахат ал-унс» шейха Алим-Азизана.

В молодости Мухаммад Шейбани, будучи *мюридом* (последователем, учеником) шейха Джалал ад-Дина Азизана, находился у Мир Абдулали-тархана, гражданского правителя Самарканда, и страшно завидовал его положению. Снедаемый властолюбием и честолюбием, он неоднократно говорил: «Этот Абдулали — не эмир родом, а правит, почему же я, природный принц, лишен права правления?»

Высказал он это и своему наставнику шейху Азизану, но тот вместо поддержки сделал ему выговор: «У тебя, я вижу, в мыслях свергнуть Абдулали и сделаться государем, прошу тебя больше ко мне не приходите с подобными замыслами!»

Шейбани обиделся и, выходя от шейха, заметил: «Ну, что же, в этих местах найдется и другой не менее славный и уважаемый шейх!»

Кто-то указал Шейбани на бухарского шейха Мансура, ученика шейха Тадж ад-Дина Гиджувани, и Шейбани стал его *мюридом*. Однажды Шейбани посетил шейха Мансура и тот заметил ему: «Смотрю я на тебя, узбек, и вижу, что очень тебе хочется стать государем!» И затем повелел подать кушать. Когда все было съедено и убрали скатерть, шейх Мансур как бы между прочим заметил: «Как скатерть собирают с краев, так и ты начни с окраин государства».

Шейбани принял во внимание этот весьма недвусмысленный совет своего нового наставника и в конце концов завоевал государство Тимуридов [Семенов, 1940, с. 12—13].

Победное шествие Шейбани-хана по обширным владениям Тимуридов было остановлено войсками иранского шаха Исмаила I, нового противника Шибанидов на юге.

Исмаил I — первый шах из династии Сефевидов, правил в Иране в 1501—1524 гг. Главной опорой Сефевидов были тюркские кочевые племена разного происхождения, обитавшие в Южном Азербайджане. Эти кочевые племена имели общее прозвание — *кызылбаши* (по-тюркски: «красноголовые»).

Немецкий арабист XIX в. Август Мюллер в своей «Истории ислама» утверждает, что эти племена назывались кызылбашами, так как

чалмы их, состоявшие из белой материи, заложенной в двенадцать складок по числу двенадцати имамов, имели красные серединки; и что уже этот внешний знак, введенный еще Хайдаром, обличал в них шиитов.

Это объяснение поддержал проф. И. П. Петрушевский (1898—1977), писавший, что кызылбаши получили свое прозвание, потому что носили как отличительный знак чалму с двенадцатью пурпурными полосками в честь двенадцати шиитских имамов. Большинство современных авторов, объясняя происхождение прозвания «кызылбаш», ссылаются именно на И. П. Петрушевского.

Между тем существует другая точка зрения на эту тему, изложенная О. Ф. Акимушкиным еще несколько десятилетий тому назад на английском языке в одном из западных изданий. Поскольку это издание оказалось мне недоступным, я обратился непосредственно к самому проф. О. Ф. Акимушкину, крупнейшему российскому иранисту. Олег Федорович любезно согласился изложить письменно в краткой форме свою точку зрения, за что я приношу ему искреннюю благодарность. Далее привожу текст О. Ф. Акимушкина без каких-либо поправок, изменений и взяв его в кавычки.

«*Кызылбаш* („красноголовые“) так в исторических источниках назывались семь туркменских племен, обитавших на территории Малой Азии и исторического Азербайджана. Эти племена входили в число мюридов и приверженцев суфийского братства Сафавийа. Вскоре после того, как в 1460 г. братство возглавил шайх Хайдар, он, чтобы отличать в сражении своих воинов, создал особый головной убор, получивший название Тадж-и Хайдари („корона/венец Хайдара“). Сторонники Сафавийа носили, плотно натягивая на голову, войлочную или фетровую шапку красного цвета (по преимуществу, но иногда черного) с тонким высоким столбиком, венчавшим шапку того же цвета. Они либо обвивали этот столбик белым шелком в 12 складок по числу шиитских имамов, либо наматывали поверх шапки чалму также в 12 складок, доводя ее до середины столбика. Именно о таком уборе сообщает Гийас ад-Дин Хвандамир (ум. в 942/1535—1536 гг.) и Хасан-бек Румлу (был жив в 986/1578 г.). Их сообщения подтверждаются всеми персидскими миниатюрами с начала и по 80-е гг. XVI в. В начале 70-х гг. XVI в. при Сафавидском дворе появился новый головной убор, произошла смена моды: широкая пышная чалма в 12 складок с одной красной (или черной) полоской на каждой складке» [О. Ф. Акимушкин, СПб.].

Вновь созданное государство со столицей в Тебризе стали называть Сефевидской или Кызылбашской державой (*даулат-и кызылбаш*). Сделавшись шахом, Исмаил I объявил шиизм официальной религией созданного им государства и подчинив себе в короткий срок

Западный Иран, Азербайджан и Ширван, стал непосредственным соседом государства Тимуридов (1370—1506) и Шибанидов Мавераннахра (1501—1601) на юго-западе.

Мухаммад Шейбани, как уже говорилось, был человеком властолюбивым и имел большие честолюбивые замыслы, в частности, наказать шаха Исмаила за его шиитскую ересь и подчинить себе Персию, что совершенно очевидно из содержания его письма шаху Исмаилу [Веселовский, 1897, с. 3—11]. Молодой шах Исмаил был не менее честолюбив: он ответил Шейбани-хану письмом, полным грубых выражений и угроз, и в ответ на подарок Шейбани-хана («посох и нищенскую суму») шах отправил прялку и веретено и сказал: «Я скажу тебе то же, что ты написал мне.

Если кто прижимает к груди невесту царства,
То он целует острие сверкающего клинка.

Теперь я подпоясался поясом борьбы с тобой и поставил ногу поспешности на стремя битвы. Если ты выступишь навстречу мне, то мои и твои притязания друг к другу разрешатся на поле брани, а если нет, то сиди за делом, которое я послал» [Тарих-и Рашиди, пер., с. 310—311].

Вскоре они встретились на поле брани. Случилось это так.

В ноябре 1510 г. оба соперника оказались в пределах Хорасана. Шейбани, у которого было немного войска, решил укрыться в Мерве в ожидании подкрепления из Мавераннахра. Войска Исмаил-шаха осадили Мерв, но осада грозила затянуться. Тогда кызылбаши прибегли к военной хитрости: они отступили из-под стен Мерва и подались вглубь своей страны. Шейбани-хан, не дожидаясь подкрепления, бросился преследовать шаха. Этого то как раз и ждал Исмаил. Когда Шейбани-хан со своим отрядом пересек Мургаб, кызылбаши разрушили мост и 17-тысячное войско шаха Исмаила окружило узбеков. Последовало побоище, почти все узбекские военачальники пали в битве, в их числе и сам Мухаммад Шейбани-хан. Труп хана был отыскан кызылбашами, голова Шейбани-хана была отрублена и принесена к шаху Исмаилу; по приказу Исмаила кожа с нее была содрана, набита соломой и послана другому сопернику шаха Исмаила — турецкому султану Баязиду II (правил в 1481—1512 гг.), а череп был опрavlен в золото и превращен в кубок.

Изуродованный труп Шейбани-хана все же был отбит узбеками и перевезен в Самарканд. Там тело Шейбани было похоронено в заложенном им медресе, в особой *суфе* (т. е. возвышении), сложенной из серого камня и помещавшейся посреди двора медресе. Строительство здания было продолжено старшим сыном Шейбани-хана Мухаммадом Тимур-султаном (ум. в 1514 г.) и завершено женою последнего Михр-Султан-ханым, дочерью казахского хана Бурундука.

О сражении узбеков и кызылбашей под Мервом и гибели Шейбани-хана рассказывается во многих источниках, как, например, «Зубдат ал-асар» Абдаллаха ибн Мухаммада, «Хабиб ас-сийар» Хондамира, «Шараф-наме» Шараф-хана, «Шараф-наме-йи шахи» Хафиз-и Таныша, «Ахсан ат-таварих» Хасан-бека Румлу и других. Относительно года описываемого события согласны все мусульманские историографы без исключения — 916 г. х./1510 год, что вполне согласуется с надписью на надгробном камне Шейбани-хана, открытом в 1868 г. кадровым военным, участником войны в Туркестане М. Л. Терентьевым в самаркандской цитадели и перевезенном в Санкт-Петербург (в Эрмитаж). Однако при указании дня недели и числа месяца мы наблюдаем в источниках полное расхождение. Так, согласно «Зубдат ал-асар» (л. 936—94а), битва под Мервом и гибель Шейбани-хана имели место 27 шабана 916/29 ноября, пятница, 1510 года; в других источниках называются другие числа — 26 шабана, 28 шабана (28 ноября, 30 ноября) или 1 рамазана 916 г. х. (2 декабря 1510 г.). Противоречивые показания ряда ираноязычных источников сведены К. Н. Сэддоном, издателем и переводчиком «Ахсан ат-таварих»; наиболее вероятной датой мервского сражения он считает 1 рамазана 916 г. х. (2 декабря 1510 г.) [Ахсан ат-таварих, т. 2, с. 239, примеч. 3]. Этот же вопрос с разной степенью полноты рассмотрен в исследованиях А. А. Семенова (1954 г.), А. Н. Болдырева (1989 г.) и некоторых других отечественных востоковедов. Однако ни одну из предлагаемых дат нельзя считать доказанной вполне. Так что вопрос о дате (т. е. точном обозначении дня недели, числа месяца и года) гибели Шейбани-хана остается пока открытым.

У Шейбани-хана было три сына в таком порядке.

1. *Мухаммад-Тимур-султан*. Он умер в 1514 г., некоторые сведения о нем будут приведены дальше.

2. *Хуррамшах-султан*. Самые подробные сведения о нем мы находим в «Бабур-наме». По словам Бабура, в 1501 г. после его поражения от узбеков в битве при Сари-Пуле его старшая сестра Ханзадебиким (род. в 1478 г.) досталась Шейбани-хану. У нее родился от него сын, которого нарекли Хуррамшах-султаном; это был «приятный» мальчик, замечает Бабур. Покорив Балх в 1506 г., Шейбани-хан отдал город с округами четырехлетнему Хуррамшах-султану, но «через год-два после смерти своего отца он тоже отправился к милости Аллаха» [Бабур-наме, изд. Мано, с. 13—14].

3. *Суйундж(ч)-Мухаммад-султан*. Согласно Ибн Рузбихану, третьего сына Шейбани-хана звали Абу-л-Хайр-султан и в 1509 году, когда Ибн Рузбихан пребывал при дворе Шейбани-хана, тот был еще «грудным ребенком» [Ибн Рузбихан, с. 58]. В более поздних источниках, как, например, «Шараф-наме-йи шахи», «Бахр ал-асрар», «Тарих-и

Муким-хани», «Таварих-и кесире» и т. д. имя третьего сына Шейбани-хана (часто его **ошибочно** называют вторым сыном) пишется как Суйундж-Мухаммад-султан и указывается, что он имел одного сына по имени Йар-Мухаммад-султан, а тот имел сына по имени Пулад-султан, у последнего был сын Кучик-султан, после которого род Мухаммада Шейбани-хана пресекался [Махмуд ибн Вали, л. 159а].

Прямые потомки Мухаммада Шейбани-хана никогда и нигде официально не правили. Поэтому правильное написание династии, правившей в XVI в. в Мавераннахре с центром вначале в Самарканде, затем в Бухаре, — не Шейбаниды, как потомки Мухаммада Шейбани-хана, а **Шибаниды** (Сибаниды), как потомки Шибана (Сибана), сына Джучи, сына Чингиз-хана, или, как пишет, например, английский историк XIX в. Ховорс — *Абулхайриды*, как потомки Шибанида Абу-л-Хайр-хана (ум. в 1468—1469 г.).

После завоевания Хорасана в 1507 году Шейбани-хан назначил своим наследником (*вали'ахд*) своего старшего сына Мухаммад-Тимур-султана и пожаловал ему титул хана. Однако после гибели Шейбани-хана под Мервом в 1510 г. его воля не была выполнена, и старшим ханом узбеков в спешке был провозглашен правитель Ташкента сын Абу-л-Хайр-хана Суйундж-Ходжа-султан [Зубдат ал-асар, л. 94а; Бартольд, т. 8, с. 138]. Тогда сын Шейбани-хана Тимур-султан вступил в переговоры с шахом Исмаилом и своими действиями возбудил негодование новоизбранного хана Суйундж-Ходжи, не допуская возможности примирения с человеком, которому Шибаниды были обязаны мстить за кровь своего родственника и который к тому же являлся «врагом веры», т. е. шиитом.

Эти раздоры между Шибанидами облегчили Бабуру в союзе с шахом Ирана на короткое время установить власть Тимуридов в Мавераннахре: осенью 1511 г. он захватил Фергану, Самарканд, Бухару и ряд других городов и крепостей Мавераннахра; и, по словам младшего современника Бабура и участника некоторых событий тех лет, Бабуру «правил Самаркандом месяцев восемь».

Потомки Абу-л-Хайр-хана удалились в г. Ясы (Туркестан). Однако в апреле 1512 г. племянник Шейбани-хана Убайдулла-султан вторгся в Мавераннахр и нанес поражение Бабуру при Кули Мелике, между Хайрабадом и Кара-Кулем. Бухара, Самарканд и ряд других городов Мавераннахра вновь перешли в руки Шибанидов. Новой главой династии Шибанидов был утвержден султанами и биями старший брат Суйундж-Ходжа-хана Кучкунджи (Кучум)-султан (правил в 1512—1529/30 гг.), но он, по словам источника, по-прежнему — «султан и хан только по имени». Фактически вся власть находилась в руках племянника Шейбани-хана и победителя Бабура Убайдуллы, который весной 1512 г. «с согласия знатных лиц» Самарканда также принял

ханский титул, но по-прежнему оставался правителем Бухары, своего удела. Таким образом, в рассматриваемый период в государстве Шибанидов Мавераннахра ханский титул носили одновременно **четыре** султана: Суйундж-Ходжа, Кучкунджи (Кучум), Мухаммад-Тимур и Убайдулла. Но старшим ханом являлся Кучкунджи-хан.

Осенью того же 1512 г. объединенное войско чагатаев, моголов и кызылбашей (сефевидов) во главе с Бабуром и Наджм-и Сани, военачальником иранского шаха Исмаила, вновь вторглось в Мавераннахр. В середине ноября 1512 г. под стенами крепости Гидждуван (около Бухары) разыгралось кровопролитное сражение за обладание Мавераннахром. Войско чагатаев, моголов и кызылбашей (сефевидов) было разгромлено; сам Наджм-и Сани убит, голова его отделена от тела и доставлена в Самарканд, а Бабур отступил в Хисар, затем в Кундзу. Результатом гидждуванской победы Шибанидов явилась полная ликвидация угрозы распространения сефевидский (кызылбашской) экспансии на Мавераннахр.

Бабур после поражения при Гидждуване навсегда покинул пределы родной страны и вернулся в Кабул. Отделившиеся от него по пути моголы разграбили Хисар, но были вытеснены оттуда узбеками во главе с Убайдуллой.

Во время одного из таких походов заболел и умер сын Шейбанихана Мухаммад-Тимур; согласно данным шибанидской эпиграфики, он умер 17 марта 1514 г. в области Хутгалан. Тело его отвезли в Самарканд и похоронили в медресе Шейбани-хана.

У Мухаммад-Тимур-султана было два сына: одного звали Абдулшах, матерью его была Михр-Султан-ханым, дочь казахского хана Бурундук-султана, у него был сын по имени Мухаммад-Амин; второго сына Тимура звали Пулад-султан, которого Шейбани-хан назначил правителем Хорезма; осенью 1512 г. он принимал участие в гидждуванском сражении; согласно «Мусаххир ал-билад», он умер в 935/1528—1529 г. У этого Пулад-султана был сын, прозванный Кёк-Бури-султан; от него не осталось потомства.

Кучкунджи-хан умер, по одним известиям, в 936/1529—1530 г., по другим — в 937/1530—1531 г., и дела ханства перешли к его сыну Абу Саиду. Когда и он переселился в загробный мир в 1533 году, на ханский трон взошел Убайдулла-султан, сын младшего брата Шейбани-хана Махмуд-султана, который умер в Кундузе в 910/1504 г. и был похоронен в Самарканде. Бухара с округой, объявленная Шейбаниханом уделом Махмуд-султана еще в 1500 г. и вторично в 1502 г., после его смерти перешла к Убайдулле. Он получил хорошее образование, свободно владел арабским и персидским языками, на которых писал стихи и прозаические трактаты, равно как и на своем родном тюркí. До нас дошел список его стихотворения на тюркí «Диван-и

Убайди» (рукопись хранится в Лондоне, в Британском Музее), переписанный по его указанию знаменитым гератским каллиграфом Султан-Али Машхади. Перу Убайдуллы принадлежит тафсир на тюрки «Кашшаф-и фазаил» («Толкователь мудрости»), а в рукописном фонде ИВ Республики Узбекистан хранится список «Куллийат-и Убайди», содержащий стихи Убайдуллы на арабском, персидском и тюркском языках.

Убайдулла был страстным поклонником рукописной книжности и при его дворе была богатая библиотека, которая служила не только культурным центром, но в стенах которой первоклассные мастера-книжники создавали подлинные шедевры [Акимускин, 1992, с. 14—23]. Заодно отметим здесь, что с 1512 г. при дворе Убайдуллы в Бухаре жил известный ученый Фазлаллах ибн Рузбихан Исфакхани, который в 1514 г. написал для Убайдуллы книгу «Сулук ал-мулук» («Правила поведения государей»); автограф этого интересного во многих отношениях произведения хранится в Рукописном отделе ИВР РАН. Ибн Рузбихан утверждает, что Убайдулла с упорством занимался изучением «разного рода наук и знаний, соблюдая религиозные обязанности и царственное послушание. В Бухаре он читал у меня, бедняка, книгу «Хисн-и хасин» [Ибн Рузбихан, с. 68].

А вот как характеризует Убайдуллу Мирза Хайдар Дуглат, который хорошо знал его. Старшая сестра Мирзы Хайдара, Хабиба-Султан-ханум, была замужем за Убайдулла-султаном, и Мирза Хайдар, когда ему было лет 7—8, некоторое время даже жил при дворе Убайдуллы в Бухаре. Убайдулла, пишет в своем «Тарих-и Рашиди» Мирза Хайдар, «был набожным мусульманином, богобоязненным и воздержанным. Все дела веры, страны, государства, войска и подданных он решал согласно закону шариата и не отступал от него ни на волос. В лесу храбрости он был отважным львом, а его ладонь была жемчужной раковиной в море щедрости. Его счастливая особа была украшена разными достоинствами. Он писал семью почерками, но лучше всего писал почерком *насх*. Он переписал несколько списков Корана и послал благословенным городам (в Мекку и Медину), да возвысит их Аллах. Он хорошо писал и *насталиком*. У него есть диван тюркских, арабских и персидских стихов. Он занимался музыкой и пением. И сейчас музыканты исполняют некоторые из его произведений. Одним словом, он был одаренным правителем, вобравшим в себя все похвальные качества. Бухара — его стольный город — была местом сбора ученых людей, и в течение его жизни достигла такой степени, что напоминал Герат времени Мирза Султан Хусайна» [Тарих-и Рашиди, пер., с. 357—358].

Из вышеизложенного материала о Шейбани-хане и Убайдулла-султане не должно, однако, создаваться впечатление, будто бы Ши-

баниды Мавераннахра сплошь отличались литературным талантом и другими высокими природными дарованиями. Конечно, нет. Были среди них и неграмотные султаны, и слабоумные царевичи, и жалкие пропойцы и т. д. У проф. А. А. Семенова есть статья, специально посвященная культурному уровню Шибанидов Мавераннахра [Семенов, 1956, с. 51—59]. Этой же темы касается и проф. А. Н. Болдырев в разных частях своей монографии [Болдырев, 1989].

По словам Хафиз-и Таныша, во время господства Убайдуллы, в пору его верховной власти Мавераннахр, в особенности Бухарский вилайет, обрел красоту и блеск. Именно при нем и его преемниках политическое первенство постепенно перешло от бывшей столицы Тимура и Шейбани-хана, Самарканда, к Бухаре.

Вскоре после смерти Убайдуллы в 1539 г. государство Шибанидов в Мавераннахре распалось. Абдулла I, сын Кучкунджи-хана, правил всего шесть месяцев в 1539—1540 гг., и наступила эпоха двоевластия: в Бухаре воцарился сын Убайдуллы — Абд ал-Азиз (правил в 1540—1550 гг.), а в Самарканде, столице Шибанидов, с правами старшего хана узбеков стал править Абд ал-Латиф (правил в 1540—1551 гг.), третий сын Кучкунджи-хана. Начались длительные междоусобные войны между шибанидскими удельными правителями.

Создавшейся политической ситуацией в стране выгодно воспользовался молодой энергичный и честолюбивый Абдулла II (Абдаллах), сын Искандер-султана, владетеля Кермине и Шахрисябза. В 1557 г. он захватил Бухару и там в 968/1560—1561 г. при содействии Ходжи Ислама провозгласил своего отца ханом всех узбеков Мавераннахра, чтобы править страной от его имени. В 1583 году, после смерти своего отца, Абдулла занимает ханский престол, остававшийся за ним до самой его смерти в начале 1598 года.

Все правление Абдулла-хана II прошло в борьбе за объединение отдельных уделов Шибанидов и за усиление в стране центральной власти. Особой непокорностью отличались сыновья Шибанида Барак-хана, Баба-султан и Дервиш-султан, властвовавшие более двух десятилетий в Ташкенте и степных пространствах вилайета Туркестан (Ясы). Но все же Абдулла-хану удалось объединить под своей властью не только владения Шибанидов в Мавераннахре, но также в Хорезме и Хорасане, а также создать сильную ханскую власть.

Ни один из последующих ханов Бухары не объединял под своей властью такого числа областей, как Абдулла II. Но сильная ханская власть и эти победы были достигнуты «морем» крови: физически истреблялись не только враждебные члены ханского рода, члены враждебных кочевых родов, до грудных младенцев включительно, но и народные массы.

Абдулла II одновременно вел активную внешнюю политику: он поддерживал, например, сибирского хана Кучума и старался наладить дружеские отношения с правителями Османской империи. В османских источниках, в частности, в «Тарих-и Саланики» Мустафы Саланики (ум. в 1599—1600 г.), рассказывается о нескольких посольствах Абдулла-хана II к турецкому султану, подробно перечисляются подарки хана султану, описывается церемония приема послов, а также передается краткое содержание послания хана к султану [Тарих-и Саланики, л. 163а—164а, 329а]. В частности, посольство, прибывшее из Бухары в январе 1594 года в Стамбул, ко двору Мурада III (правил в 1574—1595 гг.), известило султана и его окружение, что Абдуллахан захватил Хорезм, а хивинский хан Хаджим-султан, спасая свою душу, с несколькими приближенными подался к шаху кызылбашей Аббасу (правил в Иране в 1587—1629 гг.) и нашел убежище в Казвине (л. 163б).

Последним шибанидским правителем Мавераннахра среднеазиатские источники обычно называют сына и преемника Абдуллы II, Абд ал-Мумина, который погиб в результате заговора эмиров в конце лета 1598 года после шести месяцев правления. Этим именем заканчивают правление Шибанидов в Мавераннахре и многие современные ученые. Между тем в «Тарих-и аламара-йи Аббаси» Искандара Мунши в качестве преемника Абд ал-Мумина назван еще Пир-Мухаммад-султан, «родственник Абдуллы и царевич из рода Джанибека». Однако и его правление было недолгим; Пир-Мухаммад был побежден Баки-Мухаммадом, потомком Тукай-Тимура, сына Джучи, захвачен в плен и убит в конце 1007/июнь—июль 1599 года. Вследствие этого в известных справочниках Стэнли Лэн-Пуля (СПб., 1899) и К. У. Босворта (М., 1971) история Шибанидов в Мавераннахре заканчивается не Абд ал-Мумином (1598 г.), а Пир-Мухаммадом, т. е. 1599 годом.

Вопросу о смене династии в Мавераннахре в конце XVI в. посвящена значительная литература на разных языках (В. В. Вельяминов-Зернов, Б. А. Ахмедов, А. Burton и др.).

Во владениях Шибанидов Мавераннахра в основу государственной жизни были положены степные традиции, согласно которым государство считалось собственностью всей царствующей фамилии, члены которой назывались *султанами* и одного из своей среды как главу рода провозглашали ханом. Государство было разделено на уделы, которые находились в управлении и владении султанов и отдельных знатных беков. Самарканд считался столичным городом. Но провозглашенный государем всех узбеков Мавераннахра султан не всегда переезжал в Самарканд, а продолжал жить в своем уделе, например, в Ташкенте (Барак-хан, правил в 1551—1556 гг.) и в особенности в Бухаре (Убайдулла-хан, Абдулла-хан II).

Государство Шибанидов, основанное Мухаммадом Шейбаниханом в Мавераннахре, в мемуарах придворного литератора первых Шибанидов Зайн ад-Дина Васифи «Удивительные события» называется «узбекским государством» [Болдырев, 1989, с. 225]. Замечательно, что и Сефевид шах Тахмасп I (правил в Иране в 1524—1576 гг.) в беседе с турецким сановником Сейди Али Реисом, в 1553—1557 гг. путешествовавшим по странам Азии и в 1556 г. побывавшем в Иране, называл государство Шибанидов в Мавераннахре «Узбекистаном» [The Travels; Кушева, 1963, с. 184—185]. Кочевые узбекские племена и роды Восточного Дешт-и Кипчака, переселившиеся вместе с Шибанидами, занимали господствующее положение в Мавераннахре как при Шибанидах, так и их политических преемниках — Аштарханидах (Джанидах). Очевидно поэтому потомок Бабура Великий Могол Аурангзеб (правил в Индии в 1658—1707 гг.) называл Мавераннахр, по свидетельству Ф. Бернье, «Узбекистаном», «Узбекией».

Однако в научной литературе за государством Шибанидов в Мавераннахре и их политических преемников — Аштарханидов — утвердилось название «Бухарское ханство». Оно, конечно, вполне понятно. Хотя столицей Шибанидов считался Самарканд, но деятельность самых могущественных и авторитетных ханов из этой династии (Убайдулла-хана, который с 1504 г. до своей смерти в 1539 г. пребывал в Бухаре и Абдулла-хана II, в мае 1557 г. захватившего Бухару, которая с тех пор и стала его столицей) были связаны с Бухарой, и постепенно уже во второй половине XVI в. значение столицы в Мавераннахре перешло к Бухаре. Деятельность ханов XVII в., происшедших из династии Аштарханидов, также была тесно связана с Бухарой.

Здесь кстати заметить, что с именем новой столицы узбекского ханства в Мавераннахре — Бухарой связаны также происхождение терминов «*Великая*» и «*Малая Бухария*». Бухара стала хорошо известна России и Западной Европе именно с XVI в. — со времени Шибанидов. В XVII и XVIII вв. русские и по их примеру западные европейцы называли «бухарцами» всех купцов и выходцев из Мавераннахра, а их страну «*Бухарией*». Тот же термин был произвольно распространен и на Кашгарию (Восточный Туркестан), которую в противоположность территории узбекского ханства — «*Великая Бухария*» — стали называть «*Малой Бухарией*».

Термины «*Великая*» и «*Малая Бухария*» употреблялись в русской научной литературе еще в первой трети XIX века. Но в конце концов под влиянием трудов английских исследователей «*Великая*» и «*Малая Бухария*» были заменены в середине XIX в. терминами «*Западный*» и «*Восточный Туркестан*». При этом под «*Восточным Туркестаном*» в западноевропейской и русской научной литературе имелось

в виду «*Китайский Туркестан*» (Синьцзян), а под «Западным Туркестаном» — по преимуществу владения туркмен и территорий трех существовавших тогда узбекских государств — Хивинского ханства, Кокандского ханства и Бухарского эмирата.

ХИВИНСКОЕ ХАНСТВО

Хорезм, или Хива, — область в нижнем течении Аму-Дарьи. Хивинское ханство было создано в 1511 году совместной деятельностью двух братьев, Илбарса и Билбарса, сыновей Буреке-султана, потомка Шибанида Арабшаха. Эта ветвь династии Шибанидов была враждебна Шибанидам Мавераннахра, которые были потомками Ибрахима, брата Арабшаха. Сыновья Буреке-султана и их ближайшие родственники, по родовой вражде к потомкам Абу-л-Хайра, не принимали никакого участия в походах Мухаммада Шейбани и его ближайших родственников на Мавераннахр и Хорасан, по-прежнему оставались на территории Дешт-и Кипчака.

В 1510 г., после поражения и гибели Шейбани-хана под Мервом, Хорезм, который он завоевал еще в августе 1505 г., перешел во власть персидского шаха Исмаила. Местные суфийские шейхи, не желавшие примириться с господством в стране шиитов, обратились за помощью к оставшимся еще в Восточном Дешт-и Кипчаке Шибанидам, и в 1511 году султан Илбарс прибыл в Хорезм в сопровождении своего брата Билбарса (Байбарса) и небольшого числа кочевых узбеков. Братьям удалось подчинить сначала г. Везир, потом г. Ургенч, наконец и южную часть Хорезма и образовать здесь, в области нижнего течения Аму-Дарьи, самостоятельное ханство.

Образование и упорядочение нового ханства были достигнуты, как обычно, после долгой и кровавой борьбы. Оба брата лично возглавляли воинов в сражении, делили с ними тяготы и опасности. Но вот что здесь удивительно. Билбарс, который в народе более был известен под прозвищем *Бишикич* (здесь — «*Меченый*»), когда еще был грудным ребенком, заболел и сделался калекою: у него высохли обе ноги ниже колен и он сидел на бедрах. Поэтому он не мог сидеть на коне и ездил на *арбе*. Устроив на тележке место для удобного размещения одного человека, он велел оковать железом ободья колес своей арбы. Запрягая в нее самых быстроногих аргамаков, он в сопровождении цепкоруких удалцов постоянно ездил в Абулхан и Мангышлак и устраивал там погромы. Он был очень меткий и искусный стрелок, отменный воин. Стоя на коленях в колеснице, в которой он, как казалось, будто лежал, Билбарс прямо несся вперед напролом, не обращая никакого внимания на обстрелы с правой и с левой сторон. Во

время жаркого побоища, предводительствуя славными батырами, он всегда находился впереди. Наклонившись на переднюю сторону колесницы, он отдавал приказ своим джигитам: «Так держать! Туда! Вперед! Назад!». На арбе Билбарс сражался на равных со всадниками. Его боевая колесница, запряженная лучшими аргамаками и предельно облегченная, не отставала от конных бойцов [Абу-л-Гази, изд., т. 1, с. 194—202].

Вот именно так, сидя на коне и на арбе, приобретали свою империю азиатские кочевники средневековья.

Сначала столицей нового ханства был г. Ургенч, и государство Шибанидов в Хорезме, по установившейся издавна традиции, согласно которой страна обычно называется по столице, называлось «*Ургенчским ханством*»; по русской терминологии «*Юргенское ханство*»: образование «юргенский хан» употреблялось в русских грамотах еще в начале XVIII века [Веселовский, 1877, с. 161, примеч. 2]. С начала XVII столетия средоточием политической и духовной жизни делаются южные города страны и резиденцией хана и столицей государства становится г. Хива (Хивак). Так Ургенчское («Юргенское») ханство превратилось в «*Хивинское ханство*».

Таким образом, начало XVI века было одновременно окончательным укреплением в Мавераннахре и Хорезме кочевых узбеков Восточного Дешт-и Кипчака. Под главенством двух враждующих между собою ветвей династии Шибанидов они образовали здесь два крупных самостоятельных государства: Бухарское ханство в Мавераннахре с центром вначале в Самарканде, затем в Бухаре, и Ургенчское (Хивинское) ханство в Хорезме. При этом история династии потомков Шибана в Мавераннахре, как уже излагалось, оказалась недолговечной, и государство дома Абу-л-Хайра прекратилось в конце XVI века. Шибаниды Хорезма сохранили свое господство до конца XVII в., несмотря на ряд военно-политических потрясений.

Еще в начале 20-х годов XVI в. Илбарс и Билбарс призвали в Хорезм из Восточного Дешт-и Кипчака остававшихся еще там своих родственников, двоюродных братьев, потомков Аминека и Абулека, которые не замедлили явиться со своими улусными людьми. С появлением новой группы кочевых узбеков, составивших основную военную силу Шибанидов, дело завоевания Хорезма и ближайших областей пошло очень быстро.

Однако эти действия потомков Буреке имели и свои отрицательные последствия. Уже в 20-х годах XVI в. в среде Шибанидов Хорезма четко определилось три династических группы. Первую династическую группу составляли потомки Буреке; они занимали вначале первенствующее положение в Хорезме, так как к ней принадлежали первые завоеватели Хорезма и основатели «Ургенчского» (Хивинско-

го) ханства братья Илбарс и Билбарс. Представители этой группы утвердились в западной части страны: им принадлежали г. Везир и Ургенч, Тисак, Янгишахр и др.

Другую династическую группу составили прибывшие на призыв Илбарса и Билбарса — потомки Аминека. Это была наиболее многочисленная и сильная династическая группа; они в короткий срок захватили г. Хиву, Хазарасп, Кят, подчинив себе таким образом юго-восточную часть Хорезма.

Наиболее малочисленной и слабой была третья династическая группа — потомки Абулека. К ней принадлежала практически только семья Шибанида Хасан-Кули, который тем не менее был избран ханом Хорезма, согласно принципу старшинства, и получил столичный город Ургенч после смерти Илбарса. Но вскоре он был низложен и убит вместе со своим сыном, а оставшиеся члены его семьи были высланы к их родственникам в Бухару. Таким образом, третья династическая группа Шибанидов Хорезма была устранена с политической арены, и вся страна поделена между потомками Буреке-султана и Аминек-султана.

Соперничество между этими двумя династическими группами Шибанидов окончилось победой потомков Аминека. В 1525 г. старшим ханом был избран Суфийан-султан (правил в 1525—1535 гг.), происходивший из династической группы Аминека. С тех пор и до пресечения династии верховная власть в Хорезме оставалась в руках потомков Аминек-султана. Уцелевшие в династической схватке потомки Буреке нашли убежище в Мавераннахре, у потомков Шибанида Абу-л-Хайр-хана.

Кровавые междоусобия происходили не только между династическими группами Шибанидов Хорезма, но и между Шибанидами Хорезма и Мавераннахра вообще, и в XVI веке Хорезм три раза на короткое время подчинялся бухарским ханам.

Первый раз это произошло так. В 1538 г. в Хорезме разгорелись вновь смуты, которыми воспользовался глава мавераннахрских Шибанидов Убайдулла-хан, чтобы захватить Хорезм.

В поход на Хивинское ханство, по словам Абу-л-Гази, кроме самого Убайдуллы приняли участие многие другие Шибаниды из Ташкента, Самарканда, Хисара и т. д. Аванеш-хан, не смея оставаться в своей столице, покинул Ургенч и спешно удалился в степь. Шибаниды Мавераннахра заняли Ургенч, и Убайдулла-хан отрядил вслед за Аванеш-ханом войско, которое настигло его на северной стороне г. Везира и разбило хивинцев; Аванеш-хан попал в плен и был предан смерти. Захватив почти без сопротивления Хорезм, Убайдулла разделил узбеков Хорезма, т. е. дештские роды и племена, на четыре отдела: один из них взял сам Убайдулла-хан, другой — правители Хисара,

третий — правители Самарканда, четвертый — правители Ташкента. Разделенные таким образом на четыре группы кочевые племена Дешт-и Кипчака, составлявшие военную силу страны, являвшийся основной и единственной опорой династии, были выведены из ханства в области новых владетелей [Абу-л-Гази, т. 1, с. 222—223; Очерки, 1954, с. 195—196].

Спасшиеся в ханстве члены династии хорезмийских Шибанидов бежали и нашли убежище в Дуруне, у Дин-Мухаммада, члена семьи Аванеш-хана. Дин-Мухаммад в сопровождении уцелевших султанов и с войском всего в 2000 человек устремился из Дуруна, расположенного между Кызыл-Арватом и Геок-Тепе, в Хорезм. На Узбое султаны Хорезма обратились за помощью к предводителям туркменского племени адаклы-хызр. Они обещали в случае своей победы в Хорезме «сделать их тарханами», лучших из них назначить своими нукерами и уравнивать их в положении и правах с узбеками, которые, являясь военной опорой династии, пользовались совершенно исключительным по сравнению с местным населением положением. В результате этих переговоров адаклы дали Дин-Мухаммаду 1000 всадников.

Дин-Мухаммад вторгся в Хорезм, захватил Хиву и убил правившего там от имени Убайдуллы даругу и с ним человек десять его помощников. Посаженный в качестве наместника в Хорезме сын Убайдуллы, абд ал-Азиз, бежал из Ургенча в Бухару. Узнав о случившемся, Убайдулла-хан вновь выступил в поход и направился в Ургенч. Прибыв в местность Тиве-Буин, он остановился там сам, а все войско во главе с одним из военачальников послал против Дин-Мухаммад-султана. Последний, прослышав об этом, решительно выступил с войском из Хивы.

Все нукеры стали отговаривать Дин-Мухаммад-султана от боя: «Нас только десять тысяч, а неприятелей сорок тысяч: битва не будет для нас счастлива; воротимся в Дарун». Дин-Мухаммад не обращал внимания на их слова, устремившись вперед. Тут явились к Дин-Мухаммаду все беки в числе до трехсот человек, сошли с коней, пали перед ним на колени и говорили: «Умоляем тебя, воротись!» Но Дин-Мухаммад, ничего не отвечая, проехал между ними; они во второй раз приступили к нему и говорили те же слова, но и на этот раз он не дал им ответа и проехал между ними. Они сделали то же в третий раз. Тогда Дин-Мухаммад подъехал к ним, сошел с лошади, взял в руку горсть земли и молвил: «Боже! Моя душа в твоей руке, а мое тело — достояние земли!» Затем он засыпал землю за пазуху, встал и, оглядев беков, сказал: «Я обрек себя на смерть; если вы своею жизнью дорожите больше, нежели я, то удалитесь от битвы, если же вы, подобно мне, готовы жертвовать собою, не отставайте от меня». Сел на коня и пустился в путь. В войске поднялся столь сильный вопль, что

земля и небо наполнились им. Все со слезами ехали вслед за Дин-Мухаммад-султаном.

Неприятели встретились недалеко от Хазараспа. Войско, посланное Убайдуллой, было разбито на голову Дин-Мухаммадом. По словам Абу-л-Гази, в результате этой победы были возвращены в Хорезм все увезенные Шибанидами Мавераннахра узбекские племена, все уцелевшие представители династии. После этого все султаны по общему согласию возвели на ханство в Ургенче Кал-хана [Абу-л-Гази, т. 1, с. 225—229].

Своей победой над войском Убайдуллы Дин-Мухаммад-султан положил начало новому прочному владению, включавшему в свой состав Мерв, Абиверд и Нису. Абиверд и Ниса после смерти Дин-Мухаммада не были сохранены его потомками, но Мервом владел его сын Абу-л-Мухаммад, а затем побочный сын последнего — Нурум [Очерки, 1954, с. 196—197].

После ухода бухарцев в Хорезме возобновились смуты, продолжавшиеся много лет и окончившиеся в 1558 году возведением на престол Хаджжим-хана (собственно: Хаджжи-Мухаммад-хан). Хаджжим-хан правил долго: с 1558 по 1602 гг. В годы его царствования бухарский хан Абдулла II дважды завоевывал Хорезм. Сперва в 1002/1593 г. Об этом походе Абдуллы подробнее чем у Абу-л-Гази говорится в «Бахр ал-асрар» Махмуда ибн Вали, на что впервые обратил внимание ученых В. В. Бартольд еще в 1903 году [Бартольд, т. 3, с. 257—259]; однако пока еще этот сюжет не стал объектом специального рассмотрения. Затем в Хорезме произошло восстание, и в 1004/1595 г. Абдулла вновь завоевал Хорезм.

Хивинский хан Хаджжим с ближайшими родственниками еще после первого завоевания Хорезма Абдуллой бежал сначала к туркменам, а затем в Иран, где и вынужден был находиться до самой смерти Абдулла-хана в начале 1598 года. Сын и преемник Абдуллы, Абд ал-Мумин, был убит своими подданными уже спустя шесть месяцев; и завоевания Абдуллы в Хорасане и Хорезме были потеряны; Ташкент, г. Туркестан (Ясы) и еще ряд присырдарьинских городов и крепостей перешли в руки казахских владетелей, а в Мавераннахре власть перешла к другой династии — династии Аштарханидов.

Так смерть бухарского хана, Шибанида Абдуллы II, и последовавшие затем события вернули Хорезму самостоятельное политическое бытие.

После освобождения страны от бухарского ига в 1598 г. Хаджжим-хан оставил за собой г. Ургенч и Везир, а сыновьям своим и родичам раздал уделы: г. Хиву (Хивак) и Кят — Араб-Мухаммаду, Хазарасп — Исфандийару и т. д. Хорезмийские узбеки-дештцы, уведенные ханом Абдуллою в Мавераннахр, почти все вернулись в Хорезм. В 1600 го-

ду, когда старший сын Хаджжим-хана, Суйундж-султан, вернулся из Турции, куда он бежал во время похода Абдуллы на Хорезм, отец уступил ему Ургенч и Везир, а сам отправился в Хиву, к своему другому сыну Араб-Мухаммаду. Однако в следующем году Суйундж-султан умер.

Есть ряд источников, свидетельствующих о слабости ханской власти правителя Хорезма. Вот что пишет, к примеру, османский автор конца XVI в. Сейфи Челеби: «Хотя Хаджжим-хан и не достоин именоваться падишахом, но поскольку с его именем читается *хутба* (пятничные и праздничные молитвы. — Т. С.) и чеканятся монеты, то он числится ханом» [Сейфи Челеби, рук., л. 546].

Хаджжим-хан скончался в 1011/1602—1603 г., год Барса, на 84-м году жизни. Ханом Хорезма был провозглашен сын его Араб-Мухаммад-султан, который остался в Хиве. Его старший сын и преемник на престоле Исфандийар-хан (правил в 1623—1642 гг.) также жил в Хиве. Его младший брат Абу-л-Гази, сочинение которого является главным источником по истории Хивинского ханства XVI—первой половины XVII вв., в 1643 году был провозглашен ханом в Арале, а в 1645 г. занял г. Хиву. Так с начала XVII века и по начало XX столетия г. Хива оставался столичным городом ханства.

Абу-л-Гази-хан (правил в 1643—1663) был ханом-историком, ханом-реформатором и первым хорезмийским ханом из династии Шибанидов, который сумел не только примирить враждовавшие между собой отдельные группировки среди султанов и узбеков, но стал совершать набеги на Бухару и соседние земли.

Воцарившись в Хиве, Абу-л-Гази организовал вновь весь государственный аппарат: на различные государственные должности, по рассказу хиванского историка Муниса, он назначил 360 человек из числа узбекской знати, а «тридцати двум из них он дал место около себя». Узбекские племена он разделил на четыре части (*гурух*), которые называют «тупе», а именно: одно тупе составляли племенные объединения уйгуров и найман, другое — кунгратов и киятов, третье — нукузов и мангытов, четвертое — канглы и кипчаков. В эти четыре крупных племенных объединения узбеков было влито 14 мелких родов (*уруг*), так называемых «онторт уруг» (т. е. четырнадцать родов). Все земли по каналам, выведенным из Аму-Дарьи, были поделены между этими четырьмя группами. Таким образом, все доходы от земледелия благодаря этому мероприятию были переданы узбекской знати [МИТТ, т. 2, с. 327—328; Очерки, 1954, с. 229—230].

Ургенч после высыхания левого рукава Аму-Дарьи понемногу запустел. В правлении Абу-л-Гази в 1645 г. был построен Новый Ургенч, примерно в 33 км северо-восточнее Хивы; туда были переселены жители старого торгового города, потомки которых и Новый Ур-

генч превратили в важнейший торговый центр Хивы. Новый Ургенч, говорится в источнике, «чрезвычайно благоустроен и находится в цветущем состоянии. Он является главным торговым местом в Хорезме» [МИТТ, т. 2, с. 328; Бартольд, т. 3. с. 550].

В 1649 г. Хивинское ханство подверглось нападению калмаков. Они разграбили область Кят и с добычей возвращались в свои кочевья, но были настигнуты Абу-л-Гази-ханом и разбиты. Второй поход калмаки совершили в 1653 г. на окрестности Хазараспа, затем на Дарган. Захватив награбленное, калмаки переправились через Аму-Дарью и направились в свои кочевья, но снова были настигнуты Абу-л-Гази-ханом и разбиты [Очерки, 1954, с. 23].

Абу-л-Гази провел десять лет в Персии и потому был гораздо образованнее своих соплеменников. Он высоко ставил ханскую власть и для оправдания идеи деспотизма проводил такую же теорию, как его английский современник Гоббс: для сохранения порядка в обществе необходимо, чтобы все члены общества отказались от своей воли в пользу одного лица [Бартольд, т. 5, с. 187 —188].

Действительно идея Абу-л-Гази особенно интересна тем, что в ней происхождение верховной власти объясняется не теологическими соображениями, но волею народа. Вот подлинные слова самого хивинского хана-историка: «Древний народ был благоразумнее, чем народ нынешний. Если бы народ, собравшись воедино, мог убить человека или изгнать грешника, или если бы он мог сам возглавить какое-нибудь дело, то почему же он одного человека из своей среды провозгласил падишахом? Посадив его на почетное место в доме, народ отдает ему в руки свою волю (ихтийар)» [Абу-л-Гази, т. 1, с. 276; Султанов, 2001, с. 64—65].

В 1663 г. Абу-л-Гази, будучи нездоровым, передал верховную власть в стране своему сыну Ануша-султану, а сам целиком предался литературным занятиям. В «Фирдаус ал-икбал», официальной истории Хивинского ханства, об Абу-л-Гази говорится так: он был человеком ученым и умным и написал историю, которая называется «Родословное древо тюрков» [Фирдаус ал-икбал, изд. Брегеля, с. 138].

А вот рассказ самого Абу-л-Гази о том, как он работал над своей «Шаджара-йи турк». Он пишет: «Задумав эту историю, я предполагал подробно изложить генеалогию знатных государей и мудрых биев монголов и узбеков; описать по порядку все деяния, ими совершенные; передать слова, ими сказанные, и написать таким образом большое произведение. Но в то время, когда я собрался было осуществить задуманное, я заболел. Болезнь моя затянулась, и я подумал: „Если умру, то книга останется ненаписанной. Человека, знающего, как я, [данный предмет] и особенно историю нашего дома от Йадгар-хана до меня, ничтожного, нет. Этого не знает ни один человек из чужого

йурта, да и в нашем народе никто не знает про это. Если я унесу мои знания в могилу, то какая будет польза?» Поразмыслив так, я посадил четырех писцов и стал диктовать им события со времен Адама до Джучи-хана, иногда заглядывая, а иногда и не заглядывая в древние исторические сочинения, потому что все те события я помнил наизусть. [При изложении исторических событий] от Шибан-хана до моего времени я ни разу не заглядывал в книги, а поведал то, что было у меня в памяти. Но поскольку [из-за болезни] ум мой утомлялся и диктовал я иногда сидя, иногда лежа, то и сократил рассказы. Изложение их хотя и краткое, но значение их немалое» [Абу-л-Гази, изд., т. 1, с. 72].

Политику Абу-л-Гази-хана продолжил его сын и преемник на престоле Ануша (правил в 1663—1687 гг.), при котором Бухара даже находилась короткое время во власти Шибанидов Хорезма.

Кровавые войны между Шибанидами Хорезма и Аштарханидами Мавераннахра закончились для Ануша-хана весьма плачевно. Во время очередной стычки с войсками бухарского хана Субхан-Кули, пишет автор «Тарих-и Муким-хани», Ануша потерпел поражение и бежал; недовольные его политикой хорезмийские эмиры, воспользовавшись тем, что в декабре 1687 года Ануша-хан выехал на охоту, набросились на него, схватили его и ослепили на оба глаза. На ханский престол посадили его сына Эрнек-султана, заявляет дальше сочинитель «Муким-ханской истории» Мухаммад Юсуф Мунши [Тарих-и Муким-хани, с. 147—148].

Согласно известиям хорезмийского историка Муниса, после Ануша-хана по завещанию своего отца на трон правления воссел его сын Худайдад-султан; но срок его жизни был семнадцать лет, а срок правления — два года [Фирдаус ал-икбал, изд. Брегеля, с. 142].

После смерти Худайдад-хана (правил в 1687—1689 гг.) на трон вззошел другой сын Ануша-хана, Эрнек-султан (правил в 1689—1695 гг.). Поскольку со смертью Эрнека пресеклась династия Шибанидов в Хорезме, приведем подробнее обстоятельства его кончины.

По словам хорезмийского историка Муниса, Эрнек-хан был дерзким мужчиной красивой наружности, любителем увеселений и имел пламенную страсть — волочиться за хорошенькими женщинами. «Всякую ночь после вечерней молитвы он верхом на ветроногом скакуне с двумя *махрамами* (близкими друзьями) скакал из Ак-Сарая в Хивак, развлекался и наслаждался там с розоликими девами и еще до рассвета возвращался в Ак-Сарай». При возвращении с одного из таких любовных походов он был сброшен лошадью и разбился насмерть. Его мать, Тохта-ханым, которая происходила из туркмен, живших на южной окраине Хорезма, около Даргана, узнав о смерти хана, поспешила его похоронить, прежде чем известие о его смерти

успело распространиться, и отправилась в Дарган, в дом своего отца. У ее старшего брата был сын, который был сверстником Эрнек-хану и очень походил на него наружностью. Выдав своего племянника за Эрнек-хана, Тохта-ханым распространила слух, что хан ездил навещать своих туркменских родственников и теперь возвращается домой. Посредством такой хитрости молодому туркмену удалось привести в Хиву тысячу своих соплеменников и овладеть городом, после чего он стал подвергаться преследованию узбеков Хивы. Некоторые узбеки ушли на Арал, собрали там войско из кунгратов, мангытов, кипчаков и ходжа-эли и пошли походом на Хиву. Самозванец был убит; Тохта-ханым казнена: ее привязали к коням, которые волочили ее; из дарганских туркмен спаслась одна сотая часть. Это событие, согласно Мунису, произошло в 1106/1694—1695 гг. [Фирдаус ал-икбал, изд. Брегеля, с. 142—148].

С 1694—1695 гг. и до основания нечингизидской династии Кунгратов в Хорезме не было никакой династии, и вся власть в стране перешла в руки главарей узбекских кочевых родов-дештцев, самым влиятельным из которых был *инак* (глава и военачальник, затем — высшее должностное лицо в Хивинском ханстве) узбекского племени кунграт. Однако в государственной жизни сохранялся принцип, что только потомки Чингиз-хана могут быть законными ханами. Для удовлетворения требования этой формальной законности местная хорезмийская аристократия, в руках которой была фактическая власть в стране, засылала приглашение султанам принять ханское звание то туда, то сюда, чаще всего в Казахские степи, так что в течение XVIII века на престоле Хивы пребывало немалое число казахских Чингизидов. Наиболее подробные известия о казахских султанах — ханах Хивы содержатся в сочинениях хивинских историков Муниса и Агахи, а также в различных русских источниках XVIII—начала XIX вв. [Фирдаус ал-икбал, изд., Брегеля; Веселовский, 1877; Ерофеева, 1997].

Подставные ханы Хивы занимали престол (за редким исключением) только короткое время: одни уходили сами, а иных главы местных родов отсылали обратно на родину, в Казахские степи, и заменяли другими ханами. Персидский историк начала XIX века Абд ал-Карим Бухари метко называет этот политический обычай «игрой в ханы» — *ханбази*.

ГОСУДАРСТВО АШТАРХАНИДОВ

После смерти бухарского хана Шибанида Абдуллы II (1598 г.) созданное им государство распалось, вскоре прекратилось и господство династии Шибанидов в Мавераннахре; к власти в Бухаре пришла новая династия — династия Аштарханидов, или Джанидов. Вопрос о

том, кто был первым государем новой династии дискутировался на страницах научной печати многократно, но до сих пор остается не совсем ясным (В. Вельяминов-Зернов, М. Абдураимов, Б. Гафуров, Б. Ахмедов, J. A. Burton и др.).

Название новой династии связано с именем султана Джани-Мухаммада и его происхождением. Джани-Мухаммад-султан (Джанибек-султан) был из потомков Тукай-Тимура, сына Джучи, сына Чингизхана, которые правили в Астрахани (*Хаджжэ-Тархан*, *Аштархан* — мусульманских источников). Когда в 1556 г. Астраханское ханство (образовано в середине XV в.) было присоединено к Московскому государству, Джани-Мухаммад-султан с некоторыми своими родичами бежал (а возможно, даже еще раньше) к Шибанидам Мавераннахра и нашел убежище у отца Абдуллы, Искандара, который радушно принял Джучида-изгоя и даже выдал замуж за него свою дочь; от этого брака у Джани-Мухаммада было несколько сыновей.

Согласно известиям одних источников, после гибели Абд ал-Мумина в 1598 г. верховным главой всех узбеков Мавераннахра был объявлен Пир-Мухаммад-султан, родственник покойного Абдуллахана II. Он был низложен и убит в 1601 г. и к власти пришла новая династия, первым их ханом был Джани-Мухаммад.

Есть известия, согласно которым Пир-Мухаммад-султан был побежден Баки-Мухаммадом, сыном Тукайтимурида Джани-Мухаммада, захвачен в плен и убит в конце 1007/июне—июле 1599 года и как раз Баки-Мухаммад-то и является первым ханом новой династии.

Согласно известиям других источников, когда преемник Шибанида Абдуллы, Абд-ал-Мумин-хан, был убит, трон был предложен Тукайтимуриду Джани-Мухаммаду. Он отказался в пользу своего сына Дин-Мухаммада, в жилах которого текла кровь и Тукайтимуридов и Шибанидов. Однако Дин-Мухаммад не сумел установить власть над страной и в 1599 г. погиб в сражении с войсками шаха Ирана Аббаса I. Дин-Мухаммаду наследовал один из его братьев — Баки-Мухаммад-султан, которому удалось стабилизировать положение в стране и установить контроль над значительной частью бывшего обширного государства Шибанида Абдаллах-хана II и укрепиться в Бухаре.

Как бы то ни было, когда в Бухаре произошла эта смена династии, то новая династия получила название *Джанидов* (по имени династа Джани-Мухаммад-султана), или *Аштарханидов* (по месту происхождения — из Астрахани-Аштархана). Династия Аштарханидов, или Джанидов, правила в Мавераннахре до 1200/1785 г.

Вопросы о том, когда именно завершилась история династии Шибанидов Мавераннахра и кто был первым государем новой, Аштарханидской династии дискутировались на страницах научной печати многократно [Вельяминов-Зернов, 1864, ч. 2, с. 345—362; Абду-

раимов, 1966, с. 56—57; Гафуров, 1972, с. 560—561; Ахмедов, 1994, с. 161—171; Burton, 1988, p. 482—488].

Между тем время и обстоятельства падения господства династии Шибанидов в Мавераннахре и прихода к власти в Бухаре новой династии и имя первого хана Аштарханидов Мавераннахра четко сформулированы и подробно описаны у Махмуда б. Вали в его сочинении «Бахр ал-асрар». Чтобы понять, почему этот исторический факт, письменно зафиксированный в одном из важнейших источников по истории Средней Азии, до последнего времени не был введен в научный оборот, следует сказать несколько слов о структуре и литературной судьбе памятника.

Труд Махмуда б. Вали на персидском языке, носящий название «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» («Море тайн относительно доблестей благородных»), был начат 14 сентября 1634 г. по поручению тогдашнего правителя Балха Аштарханида Надир-Мухаммада, брата и впоследствии преемника бухарского хана Имам-Кули (правил в 1611—1642) и окончен после 1050/1640—1641 гг. Сочинение состояло из семи томов по четыре отдела в каждом и являлось компендиумом по космографии, астрологии, географии и всеобщей истории. Истории посвящен шестой том, разделенный на следующие четыре части: в первой излагается история Чингиз-хана и его потомков, правивших в Китае и Персии; во второй — история потомков Чагатая (второго сына Чингиз-хана), правивших в Средней Азии; в третьей — история потомков Джучи (старшего сына Чингиз-хана), правивших в Золотой Орде; в четвертой — о потомках Тукай-Тимура, одного из сыновей Джучи, правивших в Астрахани, а затем в Бухаре в XVII—XVIII вв.

Знакомство с «Бахр ал-асрар» затрудняется не только тем, что сочинение до сих пор не издано, но и тем, что в различных рукописных собраниях находятся лишь отдельные тома и части этого ценного труда. Так, например, единственно известный список четвертой части шестого тома хранится в библиотеке India Office в Лондоне. До недавнего времени академик В. В. Бартольд (1869—1930) был единственным из отечественных востоковедов, кто смог познакомиться с текстом лондонской рукописи «Бахр ал-асрар». Ныне микрофильмы заключительной части шестого тома «Бахр ал-асрар», являющегося важнейшим источником для истории Средней Азии в конце XVI—первой половине XVII в., имеются в Санкт-Петербурге и Ташкенте.

К тексту «Бахр ал-асрар» обращались многие востоковеды, но до последнего времени никто не ставил перед собой задачи сделать сочинение Махмуда б. Вали темой отдельного исследования. Лишь в 2001 г. энергичный и талантливый выпускник магистратуры Восточного факультета СПбГУ А. К. Алексеев взял на себя труд написать

историю Средней Азии при Аштарханидах по сочинению Махмуда б. Вали «Бахр ал-асрар».

Известно, что уроженец Балха Махмуд б. Вали был не только современником падения династии Шибанидов Мавераннахра и прихода к власти в Бухаре новой династии, но также — это очень важно здесь — дворцовым библиотекарем и историографом двора первых Аштарханидов. Именно в четвертой части шестого тома «Бахр ал-асрар», специально посвященной потомкам Джучида Тукай-Тимура, от которого вели свой род бухарские ханы так называемой Астраханской династии (Аштарханиды), следовало ожидать найти ответ на те спорные вопросы. Ожидания оправдались. Действительно в четвертой части шестого тома «Бахр ал-асрар» подробно освещаются обстоятельства создания Тукайтимуридами собственного государства в Мавераннахре и Северном Афганистане.

Согласно известиям Махмуда б. Вали, династические распри продолжались несколько лет. Наконец, и Шибаниды и Тукайтимуриды Мавераннахра собрали все наличные силы и в последний раз сразились в местности Баг-и Шимал в окрестностях Самарканда в 1601 г. Предводитель войска Аштарханидов Баки-Мухаммад опрокинул центр армии противника и «айаты победы и триумфа появились на скрижалях счастливых царевичей из рода Тукай-Тимура». Предводитель Шибанидов Пир-Мухаммад был ранен и захвачен в плен; через некоторое время он был казнен по приказу Баки-Мухаммада. Аштарханиды преследовали беспорядочно отступавших бухарцев и захватили большую добычу. Шибаниды Мавераннахра рассеялись кто куда и уже не представляли военной угрозы.

Столь полный разгром Шибанидов под Самаркандом Махмуд б. Вали заключает памятной фразой: «Поскольку дела Шибанидов в Мавераннахре на этом закончились, заботами управления (страной) занялись Тукай-Тимуриды».

После судьбоносной победы 1601 г. старшим ханом был объявлен Аштарханид Йар-Мухаммад, но он отказался ханствовать, сославшись на пожилой возраст, и добровольно передал власть своему старшему сыну Джани-Мухаммад-султану [Алексеев, 2004, с. 127—130; Алексеев, 2004а, с. 21—22].

Таким образом, отныне мы можем вполне обоснованно утверждать, что переход власти от Шибанидов Мавераннахра к Аштарханидов имел место в 1601 г., а первым ханом новой династии был Джани-Мухаммад-султан (правил в 1601—1603).

За первые 50 лет существования государства Аштарханидов на престоле сменилось 5 ханов в следующей последовательности: Джани-Мухаммад, Баки-Мухаммад (правил в 1603—1606), Вали-Мухаммад (правил в 1606—1611), Имам-Кули (правил в 1611—1642), Надир-Мухаммад (правил в 1642—1645) [Алексеев, 2004а, с. 23].

В связи с падением династии Шибанидов и приходом Аштарханидов значительно сократились пределы Бухарского ханства. Согласно автору «Бахр ал-асрар», при воцарении Аштарханидов государство было разделено всего лишь на шесть уделов: Бухара, Самарканд, Сагардж, Ура-Тюбе, Шахрисябз и Хузар. В XVII в. Ташкент, г. Туркестан, Сайрам, Андижан и ряд других культурных областей Западного Туркестана бóльшей частью находились под властью казахских ханов и султанов.

Власть первых Аштарханидов, не имевших в государстве прочной опоры на узбекские племена, была незначительна, к тому же она ослаблялась борьбой представителей этой династии между собой, отличавшейся большим ожесточением. Казахские ханы и султаны, пользуясь упадком политической мощи Бухары, не упускали случая извлечь для себя из этого выгоду. Они вторгались во владения Аштарханидов, опустошая своими набегами пограничные и центральные районы Мавераннахра, а иногда принимали участие в борьбе партий, то выступая против «бунтовщиков», то примыкая к последним и идя против «законного правителя». Порою ханы Казахских степей и ханы Бухары заключали союз между собой и, объединив военные силы, выступали против общего врага — ойратов (джунгаров), экспансия которых на запад несла уже серьезную угрозу суверенитету и Казахского ханства, и государства Аштарханидов в Мавераннахре.

Столицей государства Аштарханидов, как и при Шибаниде Абдулле II, была Бухара; довольно велико было значение г. Балха, который являлся резиденцией наследного принца, а иногда вместе с округой становился независимым от Бухары княжеством [Ахмедов, 1982, с. 75—121].

После смерти в 1605 г. Баки-Мухаммад-хана на бухарский престол был возведен его брат, балхский наместник Вали-Мухаммад-султан (правил в 1605—1611 гг.). Вскоре в Бухаре был составлен заговор против Вали-Мухаммада; хан обратился за помощью к Сефевиду Шаху Аббасу, получил от него помощь, но был разбит, захвачен в плен и казнен. Бухарская знать посадила на трон племянника казненного хана Имам-Кули-султана (правил в 1611—1642 гг.).

В борьбе с Вали-Мухаммад-ханом и кызылбашами Ирана Имам-Кули-хану существенную помощь оказали казахские владетели. Но вскоре бухарский хан направил свое оружие против недавних своих военных союзников — казахов — и пошел войною на Ташкент — владение казахов, захватил город и посадил там наместником своего сына Искандара. Однако вскоре Ташкент с округами вновь перешел в руки казахов и там утвердился старший хан казахов Турсун-Мухаммад-султан (правил в 1613—1627 гг.) [Кляшторный, Султанов, 1992, с. 296—302].

Продолжительное, более чем тридцатилетнее, правление Имам-Кули-хана было временем сравнительного усиления ханской власти и относительного благоденствия страны. Но у Имам-Кули приключилась болезнь глаз, лечение результатов не дало и в конце концов он ослеп и был вынужден передать верховную власть своему брату Надир-Мухаммад-султану (правил в 1642—1645 гг.). Новый хан был человеком весьма надменным и алчным и своими отрицательными качествами государя вызвал всеобщее недовольство. Случилось так, что в 1645 году казахи в своем набеге на территорию Бухарского ханства дошли до Ходжента. Надир-Мухаммад для изгнания их оттуда отрядил войско под начальством своего старшего сына Абд ал-Азиз-султана. Во время этого похода недовольные политикой Надир-Мухаммада эмиры провозгласили ханом Абд ал-Азиз-султана. Царствующий государь получил это известие, когда он находился на территории Карши. Узнав о происшедшем Надир-Мухаммад-хан поспешил отправиться в Балх, а Абд ал-Азиз — в Бухару, где его избрание ханом было окончательно санкционировано на курултае султанов, эмиров и сановников страны (правил в 1645—1680 гг.).

Согласно рассказу балхского историка XVIII в. Юсуфа Мунши, низложенный хан обратился за военной помощью к потомку Бабура Великому Моголу Шах-Джахану (правил в Индии в 1627—1658 гг.). Но заподозрив Шах-Джахана в неблагожелательности, Надир-Мухаммад подался на запад и нашел приют у иранского шаха Аббаса II и борьба продолжилась, но в конце концов победу одержал Абд ал-Азиз [Тарих-и Муким-хани, с. 97—98].

Все эти смуты значительно разорили страну и ослабили ханскую власть. Этими обстоятельствами воспользовались хорезмийские Шибаниды и несколько раз совершили грабительские набеги на территорию Бухарского ханства при Абу-л-Гази-хане и его сыне Ануша-хане. В частности, по словам хорезмийского историка Муниса, Абу-л-Гази-хан шесть раз водил войска в Бухару, дважды брал Кара-Куль, один раз — Кермине, один раз — Бухару и возвращался с бесчисленной добычей. «Дважды он встречался лицом к лицу с Абд ал-Азиз-ханом и в последний раз в битве нанес ему поражение» [МИКС, с. 453—454; Тарих-и Муким-хани, с. 103—111].

Престарелый и больной бухарский хан Абд ал-Азиз не сумел организовать ни надежную оборону, ни дать достойный отпор хорезмийцам. В стране нарастало недовольство, и все более возрастал авторитет его брата Субхан-Кули-султана. В такой обстановке Абд ал-Азиз нашел целесообразным отречься от престола и направиться в *хаджж* (паломничество) в Мекку, где и умер. Ханом сделался Субхан-Кули-султан (правил в 1680—1702 гг.).

Со второй половины XVII века в Бухарском ханстве наблюдается ослабление ханской власти и чрезвычайное усиление власти глав узбекских-дештских племен и родов. Правительственная власть все больше сосредоточивалась в Бухаре, а отдельные местности перешли во власть главарей отдельных узбекских родов, и главари этих кочевых родов из ханских наместников сделались наследственными удельными хакимами. Так постепенно в Бухарском ханстве установилась та удельная система, которая была в Западном Туркестане в XIV веке до Тимура (правил в 1370—1405 гг.), когда распределение областей-уделов в стране происходило не между представителями правящего рода, а между главами сильных кочевых родов [Бартольд, т. 5, с. 187—188]¹.

Главы узбекских родов и племен, представлявшие военную аристократию страны, с аталыком во главе, нередко пользовались членами ханского рода Аштарханидов, как орудием для достижения своих политических целей. Борьба с такими удельными правителями-биями заставила Надир-Мухаммада (правил в 1642—1645 гг.) уступить место своему наследнику, а воля Субхан-Кули-хана (правил в 1680—1702 гг.), который назначил своим преемником Мухаммад-Муким-султана, не была выполнена вообще и эмиры, вопреки завещанию хана, возвели на престол Убайдулла-султана (правил в 1702—1711 гг.).

Убайдулла-хан был последним Аштарханидом, пытавшимся поставить предел своеволию главарей узбекских родов и усилить ханскую власть; поэтому все правление этого хана прошло в непрерывных войнах с главарями узбекских родов и племен — кунратов, найман, кенегесов, мангытов, хитай-кипчаков и т. п. В результате против Убайдуллы составилась заговор, хан был схвачен и убит. На престол Бухары был возведен его брат Абу-л-Файз-султан (правил в 1711—1747 гг.), который стал игрушкой в руках военной аристократии. Центральная власть окончательно потеряла свое значение, управление страной почти полностью перешло в руки аталыка Мухаммад-Хаким-бия из племени мангыт. Ханство распалось на отдельные самостоятельные области.

Таким положением Бухары воспользовался завоеватель из Ирана Надир-шах (правил в 1736—1747 гг.), который в 1740 году захватил Бухару и оттуда выступил в поход на Хорезм.

После превращения Бухары в вассальное владение персидского шаха вся государственная власть фактически была сосредоточена в руках ставленника Надир-шаха, аталыка Мухаммад-Хакима из племени мангыт, который на персидский манер принял титул *амир-и ка-*

¹ Эта удельная система была введена в Западном Туркестане Чагатаидом Кебекханом (правил в 1318—1326 гг.).

бир («Великий эмир»). После смерти Мухаммад-Хахим-бия выделился его сын Мухаммад-Рахим, которому был присвоен титул *амир ал-умара* («Эмир эмиров»).

В 1747 году Надир-шах был убит; в том же году по указанию Мухаммад-Рахима умертвили и Абу-л-Файз-хана. Всем в стране распорядился Мухаммад-Рахим. В 1753 г., заручившись согласием знати и мусульманских авторитетов, аталык Мухаммад-Рахим вступил на бухарский трон с титулом эмира, а затем, женившись на дочери Абу-л-Файз-хана, объявил себя ханом в 1756 году, но умер в 1759 году.

Его ближайший преемник Данияр-бек удовлетворился титулом аталыка, а ханский титул предоставил одному из потомков Чингиз-хана, Абу-л-Гази-султану, так что формально династия Аштарханидов продолжала существовать. Лишь его сын Шах-Мурад снова присвоил себе в 1785 году все привилегии государя. Однако он и его преемники не принимали титул хана, а называли себя эмирами [Бартольд, т. 3, с. 390—391; Алексеев, 2006, с. 208—209].

Так в 1785 году закончилась история династии Джанидов (Аштарханидов), потомков Тукай-Тимура, сына Джучи, и началось правление новой династии в Бухаре — Мангытской (представителей отюреченного монгольского племени мангыт), свергнутой лишь в 1920 году.

Только в январе 2008 г. мне стало доступно обстоятельное исследование профессора Анке фон Кюгельген, специально посвященное истории и историографии Мангытской династии. Согласно мнению А. Кюгельген, начало правления мангытов в Бухаре следует относить не к 1785 г., но к более раннему времени. Приводимый ею список первых четырех правителей Мангытской династии, соответственно, выглядит так: 1) Мухаммад Рахим (правил в 1756—1759); 2) Мухаммад Данийал Бий Аталык (правил в 1759—1785); 3) Шах Мурад (правил в 1785—1800); 4) Эмир Хайдар (правил в 1800—1826) [Кюгельген, 2004, с. 74—92].

ГЛАВА X РОССИЯ И КАЗАХСТАН

ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ КАЗАХСТАНА И РОССИИ

В историческом труде Мухаммада Хайдара Дуглаата (1500 – 1551 гг.), хорошо знавшего казахские улусы, трижды говорится о том, что в первой четверти XVI в. «казахов было миллион человек» [Тарих-и Рашиди, В 648, л. 154а, 200а]. В первые десятилетия XVI в. казахи окончательно утвердили свое господство над обширными степными пространствами Туркестана от Сыр-Дарьи — на западе до Тарбагатай — на востоке, от Ала-Тау — на юге до Янка — на севере. Естественно, что такое огромное и сильное государство не могло оставаться не втянутым в международные отношения того времени. Одним из первых европейских государств, проявивших политический интерес к Казахскому ханству, было Московское государство в правление великого князя Василия III (1505– 1533 гг.), что явствует из описи царского архива.

Государство казахов в России в XVI – XVII вв. называли Казачьей ордой; однако в дальнейшем, с XVIII столетия, в русских источниках, а затем и в научной литературе казаков (казахов) ошибочно стали называть киргизами, киргиз-казаками и киргиз-кайсаками, а их государство — Киргиз-Кайсацкой ордой; причем слово «кайсак» являлось лишь искажением тюркского слова «казак». В 20-х годах XX в., после национального размежевания в Центральной (Средней) Азии и образования союзных и автономных республик по этническому признаку, было восстановлено самоназвание народа — «казак». Широко рас-

пространенное ныне слово «казах» представляет собой поздний (XIX в.) русский вариант тюркского «казак» и было введено в официальное обращение с 1936 г.

В первой половине XVI в. Московское государство не имело общей границы с Казахстаном, а было отделено от него Ногайской ордой, а также Казанским и Астраханским ханствами. Однако в 1552 г. под напором русских пало Казанское ханство, а в 1556 г. — Астраханское ханство. В результате присоединения Поволжья к России связь между тюрками Восточного Дешт-и Кипчака и их соплеменниками на западе была прервана и могла быть восстановлена лишь на короткий срок, когда западные берега Каспийского моря попали под власть турков-османов (1578—1603 гг.). Во второй половине XVI—начале XVII в. к России были присоединены башкиры и Сибирское ханство, Ногайская орда распалась, и ближайшими соседями России на юго-востоке стали Казахское и Хивинское ханства.

Таким образом, в последние десятилетия XVI в. сношения Руси с Казахским ханством становятся непосредственными и принимают более или менее регулярный характер. До этого периода известия о делах Казахских степей доходили до московского правительства исключительно через посредство ногайских князей, с которыми русские имели оживленные сношения. Статейные списки ногайских дел, хранившиеся в архиве Московской коллегии иностранных дел (впоследствии Центральный государственный архив древних актов, г. Москва), составляли двенадцать объемистых томов; в этих документах упоминаются имена многих казахских владетелей и содержится краткое описание ряда военно-политических событий в Казахском ханстве, начиная с 30-х годов XVI в. В Архиве древних актов также хранятся обширные (более 60 000 листов) «Киргиз-Кайсацкие дела», охватывающие период с конца XVI в. по 90-е годы XVIII в.; материалы фонда «Киргиз-Кайсацких дел» частично изданы Академией наук Казахстана.

Согласно архивным документам, началом официальных дипломатических сношений между первым Казахским государством и Россией было посольство казахского хана Таваккула в Москву в 1594 г. Через своего посла Кул-Мухаммада Таваккул-хан послал в Москву грамоту; оригинал грамоты пока не обнаружен, и даже неизвестно, сохранился ли он. Судя по записи беседы находившегося тогда в плену в Москве казахского султана Ораз-Мухаммада с послом Таваккул-хана и по ответной царской грамоте, официальной целью посольства было освободить из русского плена Ораз-Мухаммада, племянника казахского хана, и получить от русского царя «огненного боя» (огнестрельное оружие) для войны с бухарским ханом Абдуллой.

Обращение казахского хана Таваккула в поисках возможного военно-политического союзника к русскому царю, который тогда воевал с сибирским ханом Кучумом, военным союзником бухарского Абдуллы-хана, было истолковано московской дипломатией весьма своеобразно, а именно как просьба о приеме под высокую «царскую руку», т. е. как обращение к протектору. В частности, в ответной грамоте царя Федора Иоанновича казахскому хану Таваккулу содержится обещание отпустить султана-пленника Ораз-Мухаммада, если хан пришлет в аманаты (в заложники) своего сына «Усеина-царевича», а также послать в будущем на помощь хану «многой рати с огненным боем» и оберегать казахов «ото всех их недругов». «А вы, — обращается далее русский царь к казахскому хану, будучи под нашею царскою рукою и по нашему царскому повелению, будете воевати бухарского царя и изменника нашего Кучума царя сибирского, изымав, к нашему царскому величества порогу пришлете» [КРО, с. 8—9].

Грамоту царя и его подарки хану (панцири и сукна) повез из Москвы посол Таваккула Кул-Мухаммад в сопровождении царского переводчика Вельямина Степанова, «служилых тотар и стрельцов». В «Докладе переводчика Вельямина Степанова царю Федору Иоанновичу о поездке его к хану Тевеккелю» (1595 г., не позднее октября) нет никаких сведений о содержании и характере переговоров Вельямина Степанова с Таваккул-ханом. Зато там приводятся интересные историко-этнографического характера известия о приеме в ставке казахского хана и отпуске русского посла.

Посольство выступило из Москвы не позднее начала апреля 1595 г. и через Казань направилось на Иргиз; идя «день и ночь», спустя девять недель достигло «Пегих гор» (букв.: 'Ала-Тау') и наконец в начале лета прибыло в кочевую ставку (орду) Таваккул-хана. В орде хана «стояли шесть шатров, а в царевых шатрах сидели царевы ближние люди, а назади шатров стояли избы полотняные, а царь сидел на заднем шатре, а у него не было никого, один при нем был Сутемген князь». Вельямин Степанов «сел с коня, не доезжая маленько переднего шатра, и пришел к цареву шатру и встречал Вельямина царев ближней человек Исмаил-баатыр». Вельямин Степанов вошел в шатер, где «царь сидит», и от Федора Иоанновича, «вся Русни самодержца», казахскому хану «поклон правил и грамоту подал» и речь говорил по государеву наказу. Таваккул взял грамоту, велел Вельямину сесть, а затем, распечатав грамоту, сказал царскому переводчику: «Сам-де грамоте не умею, а людем-де своим честь дать не верю, потому что у меня молла мой бухарец и которое-де будет тайное слово и то-де будет у Абдуллы царя в ушех». Сказав так, Таваккул велел прочесть грамоту «своему верному человеку, чтоб бухарские и шибанские люди того не ведали». По словам Вельямина Степанова, Та-

ваккул-хан чтит его и «корм присылал доволен» и, продержав у себя «полпята недели», отпустил его 30 июля. Вместе с посольством Вельямина Степанова Таваккул-хан отправил в Москву своего сына «Мурата-царевича да посла своего Кулмаметя», т. е. знакомого нам Кул-Мухаммада [КРО, с. 13—14].

Об официальной цели новой миссии Кул-Мухаммада, опять направившегося в Москву, нет никаких известий; неизвестно также, чем закончилось второе посольство казахского хана Таваккула к русскому царю Федору Иоанновичу осенью 1595 г. Как полагает известный исследователь новой истории Казахстана В. Я. Басин, активные политические связи между Московским государством и Казахской степью не прекращались и в 1596—1598 гг. Но эти отношения на время были прерваны на рубеже XVI—XVII вв. военно-политическими событиями в Туркестане.

Весной 1598 г. умер бухарский хан Абдулла (Абдаллах), самый могущественный из узбекских властителей, а летом того же года погиб от руки мятежных эмиров сын и преемник его Абд ал-Мумин, и во владениях Бухарского ханства Шибанидов наступили смутные времена. Монархия Абдуллы-хана окончательно распалась; на разных концах прежнего обширного государства — в Бухаре, Герате, Балхе и т. д. — явились самостоятельные государи. Этой полосой острого политического кризиса и воспользовался для своего вторжения во владения Бухары казахский хан Таваккул. Предприятие оказалось успешным, и в короткий срок он овладел Сайрамом, Ташкентом, Ясой (современный г. Туркестан), Самаркандом, но под Бухарой Таваккул-хан был ранен, отступил к Ташкенту и там умер в том же 1598 г. Через некоторое время между казахскими и узбекскими владельцами был достигнут мир: казахи отказались от Самарканда, но сохранили за собой Ташкент, Сайрам, Туркестан с прилегающими районами. Эти города по большей части оставались в их власти на протяжении полутора столетий и в XVII—первой половине XVIII в. являлись местом пребывания казахских ханов и политическими центрами ханства.

В XVII в. политические, дипломатические и торговые контакты между Россией и Казахским ханством стали более тесными, особенно в годы правления Тауке-хана, сторонника расширения казахско-русских связей на паритетных началах. Лишь в 1686—1693 гг. он отправил к русским не менее пяти посольств. Главными целями посольств, как казахских в Россию, так и русских в Казахские степи, были освобождение пленных, устранение неприятностей, возникавших в связи со взаимными нападениями, и расширение торговли.

Активный обмен посольствами в последние десятилетия XVI в. не только расширил политические и торговые связи между Россией и Казахским ханством, но и оказал большую услугу географической

науке. В частности, на основе сведений, добытых посольством 1694 г. во главе с Федором Скибиным к казахскому хану Тауке в г. Туркестан, в 1697 г. была составлена карта Средней Азии, вошедшая в «Чертежную книгу Сибири» С. Е. Ремезова (закончена в 1701 г.). Атлас Средней Азии С. Е. Ремезова, заключающий в себе новые и достоверные сведения по топографии и гидрографии Аральского и Каспийского морей и земель по Сыр-Дарье и Аму-Дарье, представлял значительный шаг вперед по сравнению с «Большим чертежом» (1600 г.) и с картой Витсена (1687 г.).

Здесь важно отметить, что составление русским картографом XVII в. объемистой «Чертежной книги Сибири» с включением в нее карты Средней Азии не было случайностью. Дело в том, что продвижение России в глубь Азии успешнее всего шло тогда именно в Сибири [Бартольд, т. 9, с. 375 и сл.]. При завоевании Сибири царское правительство воспользовалось результатами стихийного движения землеискателей из русских казаков: они на свой страх и риск покоряли все новые и новые сибирские народы, а после окончания каждого очередного похода являлись московские приказные люди и объявляли о присоединении новой земли к владениям русского государя. Еще в 1587 г. был основан город Тобольск; в начале XVII в. русские утвердились на Енисее: в 1607 г. был выстроен Енисейск, в 1628 г. — Красноярск; в 1632 г. был основан Якутск; в 40-е годы XVII в. казаки достигли Колымы и бассейна Амура, и там, в бассейне Амура, в конце 50-х годов Афанасием Пашковым был построен Нерчинск, где в основном и сосредоточились пограничные сношения с Китаем. В 1689 г. в Нерчинск съехались для определения сферы влияния и заключения мира уполномоченные России и Китая. Русская сторона выдвинула доктрину, согласно которой все земли Северной Азии должны быть разделены между Россией и Китаем; результатом переговоров явился известный Нерчинский трактат.

Опыт колонизации Сибири и создание азиатской доктрины оказали свое влияние на всю последующую восточную политику России вообще. Применительно конкретно к Казахстану суть азиатской доктрины России заключалась в следующем: не только утвердить власть над степями, но расширить пределы русских владений на юго-востоке до ближайших культурных земледельческих государств, т. е. среднеазиатских узбекских ханств, и установить с ними до поры до времени добрососедские отношения. В конечном счете оно так и получилось; однако осуществление этой политики потребовало очень много времени, да и жизнь вносила в проект существенные коррективы, так что присоединение Казахстана к России произошло иным путем, чем присоединение Сибири.

«С царствования Петра Великого, — писал академик В. В. Бартольд, — начинается новая эпоха в истории отношений России не только к Дальнему Востоку, но и к мусульманскому миру» [Бартольд, т. 9, с. 391]. В частности, Петр I придавал большое значение Казахстану в своей восточной политике и, по словам его современника генерал-майора А. И. Тевкелева, говорил так: «Хотя-де оная киргиз-кайсацкая (орда) степной и лехкомиысленный народ, токмо-де всем азиатским странам и землям оная-де орда ключ и врата; и той ради причины оная-де орда потребна под Российской протекцией быть, чтоб только чрез их во всех Азиатских странах комоникацею иметь и к Российской стороне полезные и способные меры взять» [КРО, с. 31].

Судя по тому, что Петром I был составлен план завоевания Хивинского и Бухарского ханств с тем, чтобы приобрести там золотые россыпи, а заодно восстановить путь в Индию, приведение «Киргиз-Кайсацких орд в Российское подданство» предполагалось осуществить также посылкой русских военных отрядов. Но в 1725 г. Петр I умер; в 20-е же годы XVIII в. в Казахском ханстве сложилась, пожалуй, наиболее тяжелая в его истории внутренняя и внешняя политическая обстановка.

Между 1715—1718 гг. умер Тауке, последний общеказахский хан. Вскоре после его смерти во всех трех казахских жузах (ордах) появились свои ханы. С тех пор жузы превратились постепенно в самостоятельные ханства, которые, однако, не имели особых названий, и хан каждого жуза соответственно именовался ханом Улу жуза (Старшей орды), ханом Орта жуза (Средней орды), ханом Киши жуза (Младшей орды).

Естественно, что децентрализация власти, распыление государства на отдельные султанские владения сильно ослабляли военную мощь казахов. Этим обстоятельством не преминули воспользоваться агрессивные соседи. С востока усилили свои набеги в Семиречье владетели Джунгарского ханства, последнего в истории Азии сильного кочевого государства, образовавшегося на территории Западной Монголии и Тарбагатай в 1635 г. С северо-запада казахские роды и племена подвергались постоянным нападениям волжских калмыков (калмаков) и башкир. Не было спокойно и на юго-западе страны, на границе с узбекскими ханствами. Сил казахов было недостаточно, чтобы успешно вести войну на несколько фронтов, и они, по словам Букенбай-батыра, активного участника событий тех лихих лет, «почти ото всех вовсюду бегая, как зайцы от борзых собак, разорялися и свой скот, бегаючи, сами бросали, а иногда случался в самой необходимой нужде жен и детей брося, только сами уходили, о чем он, Букенбай, сам оное достоверно засвидетельствовать может. Поэтому, — говорится в исповеди Букенбай-батыра, — народ... розбилися и

розселилися и раззорилися; когда зюнгарские калмыки нападут, побегут в сторону, а башкирцы нападут, то уходили в другую сторону, а волжские калмыки и яицкие казаки и сибирское войско нападут, тогда они уже бегать и места себе не находили, принуждены были от своего непостоянства кто куды попасть мог успеть расбрестись, и о том о всем он. Букенбай-батыр, знает же» [КРО, с. 385].

Неудачи на фронтах войны и, как следствие, потеря казахами значительной части кочевий вызывали внутренние неурядицы и, прежде всего, борьбу за пастбища среди самих казахов. Возникавшие междоусобия создавали условия и предпосылки для нарушения традиционного обычая и вели к подрыву норм общественной и государственной жизни. Отсутствие сильной ханской власти, распавшиеся общественные устои не позволяли мобилизовать все наличные силы для общей обороны от внешнего, более сильного врага — джунгаров, которые мечтали поработить государство казахов, а также установить контроль над среднеазиатскими городами и торговыми путями.

Выходом из создавшегося чрезвычайного положения для казахского народа в связи с внешнеполитической опасностью и внутренними неурядицами могли стать действенная помощь и поддержка могучего сюзерена-покровителя. Из ближайших соседей казахов единственной страной, которая могла служить такой опорой, была Россия. И властелины Казахских степей обратились за поддержкой к России. Осенью 1730 г. бии Киши жуза (Младшей орды) собрались в одно место, «в середине степи, для рассуждения о делах народных». Абу-л-Хайр, хан ближайшего к России Киши жуза, воспользовавшись настроением части биев, отправил грамоту в Санкт-Петербург с предложением о своем подданстве России. В ответ на предложение Абу-л-Хайр-хана в октябре 1731 г. к нему из Санкт-Петербурга прибыло посольство во главе с переводчиком Коллегии иностранных дел А. И. Тевкелевым, которое привезло грамоту императрицы Анны Иоанновны о принятии казахов в российское подданство, подписанную ею 19 февраля 1731 г.

Мы не будем останавливаться подробно на предпосылках и причинах, на ходе и этапах присоединения Казахстана к России: все эти традиционные в прошлом для казахстанской историографии вопросы с той или иной степенью полноты исследованы в трудах Л. И. Левшина, Н. Г. Аполловой, Е. Б. Бекмаханова, В. Я. Басина, Т. Ж. Шоинбаева, Г. И. Семенюка, А. С. Сабырханова, В. А. Моисеева, И. В. Ерофеевой, Ж. К. Касымбаева, Ж. Б. Кундакбаевой и других ученых. В настоящей работе мы рассмотрим такие малоизученные вопросы во взаимоотношениях России и Казахстана в XVIII—XIX вв., как подлинные знания друг о друге, ошибочные представления и предвзятые взгляды, динамика политики России по отношению к «восточным

инородцам» и судьба кочевников, попавших под влияние оседлого общества.

ПАШНЯ И СТЕПЬ — ФОРМЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДВУХ МИРОВ

В урочище Манитюбе, на Иргизе, 10 октября 1731 г. хан Киши жуза Абу-л-Хайр и ряд знатных казахских владельцев приняли присягу на подданство российское; и стал разворачиваться процесс присоединения к России казахских жузов. Этот внутренне противоречивый и длившийся дольше века процесс открыл новую страницу истории Казахстана. И в самом деле, политические, дипломатические, торговые контакты и связи между Россией и Казахстаном были и прежде, но никогда раньше казахи не были подданными России, не служили ей. Теперь волею судьбы предстояла историческая встреча двух стихий — России и Востока, предстояло сосуществование двух миров — европеизирующегося культурного мира и мира азиатских кочевников с сильным еще родовым началом.

Казахи — самый многочисленный из тюркских кочевых народов — были соседями государства Российского на всем пространстве от Яика до Иртыша, а через Казахские степи проходили кратчайшие торговые пути из России в глубь Средней Азии, Афганистана, Персии и Индии. Присоединение Казахстана могло закрепить позиции России в Средней Азии («стать твердой ногой на восточный берег Каспийского моря»). И тут осенью 1730 г. к русскому двору прибывает посольство от хана Абу-л-Хайра с просьбой о добровольном принятии казахов в российское подданство. «Мы, Абулхайр-хан, — указывалось в послании, — с подвластным мне многочисленным казахским народом Среднего и Малого жузов, все преклоняемся перед Вами, являемся Вашими слугами и все вместе с простым народом желаем Вашего покровительства. ...Желаем Вам всякого благополучия и будем Вашими подданными» [КРО, с. 35—36].

Предложение казахского хана о принятии его в добровольное подданство не просто соответствовало политическим интересам России на Востоке; оно льстило славе Российского государства, ибо представляло, как казалось, уникальную возможность присоединить к нему одним росчерком пера, без единого выстрела и кровопролития многочисленный народ и огромные степные просторы на юго-востоке страны. 19 февраля 1731 г. императрица Анна Иоанновна подписала грамоту хану Абу-л-Хайру и «всему казахскому народу» о добровольном принятии их в российское подданство. Для сообщения казахам об этом акте и приведения их к присяге в Казахские степи было на-

правлено специальное посольство во главе с А. И. Тевкелевым. И лишь когда посольство прибыло в орду Абу-л-Хайра, на Иргиз, прояснилось истинное положение дел в степи. Оказалось: 1) что власть Абу-л-Хайра распространяется только на часть Киши жуза, хотя в своем послании к императрице он выступал от имени двух жузов; 2) что в соседнем Орта жузе есть по меньшей мере два хана и несколько самостоятельных султанских владений; 3) что Абу-л-Хайр ставит вопрос о русском подданстве втайне от других ханов, а также от большинства своих биев и без согласия народа.

И еще оказалось, что российское правительство располагает самими общими и подчас не совсем точными знаниями о правах и обычаях своих кочевых соседей, об общественном и государственном порядке в Казахских степях. Так, в ходе переговоров русского посла с казахскими владельцами стало очевидным, что взгляд на добровольное подданство в Азии иной, чем в Европе, что европейское представление об азиатском правителе как о самодержавном монархе не соответствует действительной власти степного хана. Стенной хан XVIII в., как выяснилось, не был единственным носителем власти. Он, верховный сюзерен, делил ее с султанами и биями, сосредоточившими в своих руках управление улусными и родовыми людьми. Общегосударственные дела также находились в ведении феодальной знати, так что хан фактически был лишен единоличного права заключить договор от имени своего народа. Такой порядок был закреплен одним из пунктов «Жети Жаргы», где, в частности, говорилось: «Чтобы сам хан, равно как и все султаны, старейшины и правители родов, собирались осенью в одно место, в середине степи, для рассуждения о делах народных» [Султанов, 1980, с. 255]. В добавление ко всему впоследствии еще выяснилось, что присяга царствующего хана не налагает никаких обязательств на его преемников, и потому, как отметил В. В. Бартольд, ханы одного и того же казахского жуза в XVIII в. предлагали России свое подданство несколько раз.

А. И. Тевкелев сразу по приезде в орду (ставку) Абу-л-Хайр-хана убедился, что большинство казахов и слышать не хотело о русском подданстве. Вследствие такого положения дел главе российского посольства пришлось вести переговоры о подданстве не только с ханом, но также с султанами, биями и с народом, причем с риском для своей жизни. Лишь большие дипломатические способности, которыми обладал А. И. Тевкелев, его личная храбрость, находчивость и красноречие дали ему возможность достигнуть не просто положительных, но блестящих результатов. Проведя долгие месяцы среди беспокойных кочевых племен, он получил клятвенные обещания на русское подданство и направил их 5 января 1732 г. в Санкт-Петербург от Абу-л-Хайр-хана, Семеке-хана, Барак-султана, Нуралы-султана, жены Абу-

л-Хайра Бопай-ханым и еще нескольких десятков влиятельных представителей степной аристократии. Затем последовала серия новых русско-казахских встреч; каждая такая встреча множила численность казахских владетелей и их кочевых подданных, присягнувших на верность России. Но по ряду причин процесс присоединения Казахстана к России затянулся на многие и многие десятилетия и закончился в 60-х годах XIX в.

Небезынтересно привести здесь описание церемонии принятия присяги казахским ханом, которая состоялась в Оренбурге в августе 1738 года. Когда в назначенный день хан Киши жуза Абу-л-Хайр со своими приближенными подъехал ближе к Оренбургу, дабы сделать церемонию сколь возможно торжественнее, был выслан навстречу хану майор с ротой драгунов, с двумя взводами гренадеров, с музыкою и 12 заводными лошадьми. Весь отряд сей, дождавшись Абу-л-Хайра на дороге, сопровождал его к Оренбургу. Прочие бывшие там войска стояли на дороге под ружьем, и когда хан проехал мимо артиллерии, то она отдала ему честь десятью выстрелами. Перед палаткою В. Н. Татищева, тогдашнего управляющего Оренбургским краем, сходя с лошади, Абу-л-Хайр был принят поручиком, а у дверей палатки снаружи — майором, внутри же, при входе, — полковником. В задней части палатки был поставлен портрет императрицы; на середине ожидал гостя главный начальник, окруженный штаб- и обер-офицерами. Подойдя к нему, хан произнес на своем языке приветственную речь, которая была переведена толмачом на русский.

В. Н. Татищев отвечал, что не оставит донести императрице о его покорности, обещал ему покровительство и защиту, а затем предложил вновь принять присягу. «Абульхайр отвечал, что уже однажды присягал, но, впрочем, готов присягнуть и **вторично**. Тогда немедленно был введен в палатку старший из магометанского духовенства с Кораном, и принесен золотой ковер, на который хан преклонил колена, и, выслушав клятвенное обещание, поцеловал Коран.

Немедленно после сего обряда Татищев надел на Абульхайра богатую, золотом оправленную саблю, которую как особенный знак милости хан должен был обнажать только против врагов России. В то же самое время старейшины и простые киргизы были приводимы к присяге Тевкелевым в других палатках.

Торжество заключено обедом, во время которого для удовольствия и удивления гостей пили за императорское и их здоровье с пущенною пальбою» [Левшин, 1996, с. 195—197].

Следует здесь особо отметить, что при Петре Великом и первых его преемниках на троне ничего не предпринималось для изучения языков Ближнего Востока и Туркестана. Поэтому в первой половине XVIII в. Россия не располагала кадрами профессиональных перево-

дчиков тюркских языков русского происхождения. В частности, при сношениях с владельцами Казахских степей российское правительство во пользовалось услугами своих мусульманских тюркоязычных подданных, чаще всего услугами казанских татар. В свою очередь, документы, которые исходили от казахских владельцев, обычно оформлялись хивинскими или бухарскими муллами и писались на чагатайском языке (литературном тюрки). Как деятели тюркского происхождения, которые оказывали России услуги при сношениях с азиатскими мусульманскими государствами, так и среднеазиатские писцы, состоявшие на службе у казахских владельцев, были различного уровня грамотности и культуры, что не могло не отразиться, конечно, на качестве составленных ими документов. Так, отдельные слова документов, которые исходят от казахских владельцев (к примеру, послание Абу-л-Хайр-хана в Санкт-Петербург к ее величеству Анне Иоанновне от 30 апреля 1730 г.), содержат орфографические ошибки, а сопоставление старинных русских переводов с подлинными грамотами, сохранившимися в архивах, показывает, что толмачи — намеренно или ненамеренно — отступали от буквы и духа подлинника. А это значит, что современный исследователь, работающий со старинными русскими переводами посланий казахских владельцев XVI—XVIII вв. в Россию, должен относиться к такого рода документам не просто критически, а подвергать анализу соотношение и толкование социальной, правовой и юридической терминологии.

Вот пример с понятием «подданство». Основной текст послания Абу-л-Хайр-хана императрице Анне Иоанновне заканчивается выражением: «йарашулигини тилаймиз сизининг йарлигиниз бирле ил булгаймиз». Толмач XVIII в. перевел это выражение на русский язык так: «Желаем Вам всякого благополучия и будем Вашими подданными» [КРО, с. 35, пер.; с. 36, фотокопия документа].

Перевод вполне адекватный. Однако анализ совокупности документов и материалов, относящихся к истории казахско-русских отношений в XVIII в., показывает, что понятие «подданство», которое в послании Абу-л-Хайр-хана выражено словосочетанием *находиться под высочайшим повелением [того-то]*, трактовалось по-разному в Петербурге и в Казахских степях. Так, например, большинство казахов воспринимало добровольное подданство как военный и политический союз с Россией, своеобразное покровительство и всепомоществование, которые обеспечат степнякам мир и благополучие. Это большинство придерживалось того мнения, что русские не будут стеснять свободу кочевников и причинять тем самым им вред и что подданство, коль оно добровольное, может быть прервано в одностороннем порядке в любой удобный им, казахам, момент. Какая-то часть степной аристократии рассматривала приведение к присяге на верность рус-

скому царю, который отныне становился «великим беком», «белым ханом», как «приведение их в неволю». Своеобразными были политические взгляды хана Абу-л-Хайра. Для него вступление казахов в русское подданство вовсе не означало присоединение Казахстана к России и утверждение в Казахских степях российской юрисдикции. Во всяком случае, с принятием чуждого подданства он не связывал утраты государственной и национальной суверенности казахов. Даже, напротив, чужой рукой он намеревался упрочить единоличную власть в Казахских степях, распространить ее на все три жуза, сделать ханскую власть наследственной только по линии своей собственной фамилии. Абу-л-Хайр, судя по его отдельным высказываниям и некоторым действиям, был готов состоять одновременно в числе «подданных» и русского царя, и джунгарского хунтайши, т. е. политическое сознание степного хана XVIII в. допускало возможность, так сказать, двойного подданства [Ерофеева, 1999, гл. 3; Трепавлов, 2007, гл. 4].

Политика России по отношению к казахам менялась несколько раз. На начальных этапах русское правительство кроме присяги на верность, небольших даров, присылки аманатов (заложников) не требовало от казахских владельцев других знаков признания их верности. Тогда русское правительство еще не задавалось целью в Казахских степях «российский флаг объявить». На первых порах оно рассчитывало использовать военный потенциал новых подданных, например для подавления восстаний других своих азиатских вассалов, в частности башкиров и волжских калмыков. Весьма характерны в этом отношении высказывания А. Тевкелева, главы русского посольства в Казахские степи, и И. Кириллова, первого начальника «Оренбургской экспедиции». В апреле 1733 г. А. И. Тевкелев доносил в Коллегию иностранных дел: «Сия Киргиз-кайсацкая орда е. и. в. в подданстве потребна быть имеет, особливо для хантайши, понеже в случай какой-либо от него, хантайши, стороне российской показания противности, повелено будет ему, Абулхайр-хану, со всей ордою кайсацкою итти на него, хонтайшу, войною, то как можно надеется, что немногие кайсаки в домех своих за оною посылкою останутся, понеже они, кайсаки, с ним, хонтайшею, великую жалузию между собою имеют.

А оные киргиз-кайсаки, також калмыки и башкирцы, признаются одного состояния — народ дикой и лехкомысленной, ежели паче чаяния (чего сохрани боже) из них которой один учинится российскою стороне противным, то можно другие два народа против одного противника послать и можно надеется, что без затруднения к тому российского войска одного противника ими самими усмирить можно» [КРО, с. 99—100].

А теперь приведем выдержку из проекта И. К. Кириллова об устройстве управления казахами, представленного им императрице Анне

Иоанновне в мае 1734 г.: «Понеже калмыки давно подданные ее и. в. так же и башкирцы, а к тому ныне прибыли третий народ киргиз-кайсацкий, а один с другим весьма несогласные, да и впредь всегда их в том содержать надобно, и ежели калмыки какую противность покажут, что мочно на них киргизцев обратить, как и было в прошлом году, когда калмыки против своего хана взбунтовали, то показывая службу, Абулхайр-хан посылал войски на улусы Доржи Назарова, который первый есть из калмыцких владельцев, и кочует по Яику и Ембе рекам, и их там разорил, что они принуждены противные свои меры отложить, и впредь на киргиз-кайсаков злобу иметь, а напротив того буде киргиз-кайсаки что сделают, то на них калмык и башкирцов послать, и так друг друга смирять и к лучшему послушанию приводить без движения российских войск» [МИПСК, т. 1, с. 23].

Политику разжигания розни и вражды между азиатскими вассалами России особенно широко проводил тайный советник и сенатор И. И. Неплюев, в 1742 г. назначенный начальником Оренбургской комиссии. Приняв систему умиротворения одной народности при содействии другой, Россия, по справедливому замечанию известного востоковеда С. В. Жуковского, только разжигала национальные страсти. Это была порочная политика, и, естественно, впоследствии она подверглась существенной корректировке.

Период российского подданства казахских жузов четко подразделяется на два основных этапа: I — период номинального подданства (1731 г.—20-е годы XIX в.); II — период фактического присоединения и колониального подчинения (30—60-е годы XIX в.).

На первом этапе русское правительство во взаимоотношениях с Казахстаном использовало институт протектората, который сочетался с элементами вассалитета. Казахские степи еще оставались вне пределов Российской империи, хотя и были полукольцом охвачены линиями русских военных укреплений. Причем линии укреплений русские начали строить на границе с Казахстаном уже в 30-х годах XVIII в. В 1735 г. И. К. Кирилловым был построен на реке Ори город Оренбург — в том месте, где теперь находится Орск. Место оказалось выбранным неудачно; в 1739 г. город был перенесен на новое место, где теперь Красногорская станция; в 1742 г. — на третье место, где он находится в настоящее время. В этот третий Оренбург были перенесены из Уфы правительственные учреждения. До завоевания среднеазиатских ханств (вторая половина XIX в.) Оренбург оставался центром всех торговых и дипломатических сношений с узбекскими ханствами; в этом отношении к нему перешла роль, до тех пор принадлежавшая Астрахани.

Кроме Оренбургской линии укреплений с 1736 г. были возведены еще ряд форпостов или станиц, составившие впоследствии Уральскую (Яицкую) линию, Ишимскую и Иртышскую линии. В течение

XVIII столетия всего было возведено на четырех линиях сорок шесть крепостей и девяносто шесть редутов. Небезынтересно отметить, что некоторые из них имели два названия — русское и тюркское (казахское). Так, например, тюркское название третьего Оренбурга было Янги-Кала («Новый город»); Оренбургское укрепление внутри степи называлось Торгай-Кала («Воробьиная крепость»); Петропавловскую крепость казахи называли Кызыл-Жар («Красный яр»), а Уральское укрепление в степи — Жар (Джар)-Мола («Яр могила»). Факты, любопытные для истории этих городов-крепостей.

Укрепленные линии заселялись русскими казаками, крестьянами-поселенцами и охранялись отрядами регулярных войск. Круг функциональных задач линии русских укреплений, постепенно охвативших Казахские степи с севера, северо-запада и северо-востока, был достаточно широк. В частности, Оренбургская линия укреплений: 1) служила фактической границей России до окончательного присоединения и колониального подчинения Казахстана во второй половине XIX в.; 2) завершала военное окружение часто бунтовавших башкир; 3) отделяла друг от друга два народа, башкир и казахов, одинаково считавшихся русскими подданными, но враждовавших тогда между собой; 4) обеспечивала безопасность от набегов кочевников на российские владения; 5) служила центром торговых и дипломатических сношений со среднеазиатскими ханствами.

В XVIII—начале XIX в. русское правительство не вмешивалось во внутреннее управление казахов, а старалось влиять на Степь через казахских же ханов, сделав их орудием своей восточной политики. Даже согласно «Уставу об управлении кочевых инородцев» от 1822 г. управление в Степи оставалось в руках казахской аристократии — султанов. Но с 30-х годов XIX в. русское правительство уже придерживалось иной политики: стали предприниматься активные меры, направленные на подчинение Казахских степей и присоединение их к России. Причем важную роль в пересмотре курса политики России по отношению к Казахстану сыграл среднеазиатский фактор, а именно: стремление царского правительства (в интересах развивающейся российской промышленности и торговли, а также из-за попыток противодействовать экспансии Англии в Западный Туркестан и среднеазиатских ханств — в Южный Казахстан) вовлечь в орбиту влияния и товарного обращения Кокандское, Бухарское и Хивинское ханства.

В результате проведения ряда административных реформ в 30—60-х годах XIX в. Казахстан был целиком и полностью включен в российскую систему управления: страна была разделена на генерал-губернаторства и области, а на казахов стали распространяться и общероссийские законы. С уничтожением в Степи таких традиционных органов управления, как ханская власть, народное собрание (курул-

тай), суд биев и т. п., и введением там колониальных органов управления была окончательно ликвидирована собственно казахская государственность: Казахские степи превратились в обычную окраинную провинцию Российской империи.

Процесс присоединения Казахстана к России завершился. Началось присоединение к России среднеазиатских ханств. Причем операционным базисом для наступательного движения царизма в узбекские ханства послужили как оборонительные линии, созданные Россией в XVIII в. на границе с Казахской степью, так и новые военные укрепления, редуты и форпосты, воздвигнутые уже на территории Казахстана в 30—60-х годах XIX столетия.

Итак, Россия и Казахстан представляли собой два мира: мир оседлой земледельческой цивилизации и мир степных кочевых традиций. В XIX столетии Россия и Казахстан слились в одну державу. Долгое сосуществование в рамках единой государственности этих двух миров было невозможно: один должен был подчинить себе другой. Если заглянуть в историю кочевников Центральной Азии и их отношений с земледельческими обществами прежних столетий, то без особого труда можно заметить, что чаще всего в роли завоевателей выступали именно кочевники. Налицо и другая историческая закономерность, а именно: оставив покоренному оседлому народу их порядки во внутренней и общественной жизни, кочевники, как правило, довольствовались захватом верховной власти в свои руки и с течением времени добровольно принимали образ жизни и культуру своих оседлых подданных.

В случае же с Казахстаном и Россией мы имеем обратный пример: теперь несколько миллионов кочевников Великой Степи оказались во власти государства оседлой земледельческой культуры и вынуждены были менять, если не полностью, то хотя бы частично, свой хозяйственный уклад и общественный быт.

Переход племен и народов от одной стадии хозяйственного уклада к другой (охотничьей, кочевой, земледельческо-городской) — явление нормальное в истории. В науке давно установлено, что при естественных условиях этот переход совершается везде под давлением экономической необходимости, длится долго и протекает безболезненно.

В случае же с Казахстаном и Россией к фактору экономической необходимости еще прибавляется политико-административный фактор: интенсивность перехода казахов-кочевников к оседлой и полuosедлой жизни, а также количественный состав кочевых родов и племен, наскоро в административном порядке менявших свой хозяйственный уклад, находились в прямой зависимости от частоты появления и содержания каждого очередного царского указа, постановлений русско-

го правительства и от произвола чиновников местной колониальной администрации.

Неизбежными последствиями насильственного и неумелого вмешательства русского правительства в жизнь кочевников Великой Степи явилось трагическое разрушение устоявшегося общественного строя и порядков — в результате проведения жесткой колониальной политики; резкое ухудшение благосостояния казахского народа — в результате сокращения пастбищ и количества скота; заметное уменьшение численности коренного населения Казахстана — в результате массового голода и тягот переходного периода. Но каковы бы ни были отрицательные стороны последствия присоединения Казахстана к Российской империи, оно имеет свои несомненные положительные стороны: вступление казахов в русский протекторат спасло их от массового порабощения отсталой Джунгарией (1635—1758 гг.), положило начало разложению в Казахских степях родового быта и переходу казахов от кочевой жизни к оседлости, приобщило их к передовой европейской культуре и науке.

Таким образом, в течение трех столетий (XVII—XIX вв.) взаимоотношения России и Казахстана претерпели серьезную эволюцию — от обычных соседских отношений и поисков военно-политического союза до присоединения Казахских земель к Российской империи. Слияние интересов России и Казахстана отражает исторически позитивную, а экономически неизбежную геополитическую направленность. Российско-казахстанское объединение — отнюдь не историческая случайность, а историческая переориентация внешних связей: в XVIII в. геополитическая реальность позволила Казахстану выйти из-под традиционного влияния восточной деспотии и связать свою судьбу с великим северным соседом — Российской империей. Россия же, оторванная от морских путей на западе и юге, а также от сухопутных путей на востоке и юго-востоке, обратила свои взоры на Казахские степи как важный стратегический плацдарм для достижения своих торгово-экономических целей на Востоке. Присоединив к своей территории Казахские степи и став непосредственным соседом узбекских ханств, Россия сильно упрочила свои позиции на международной арене.

Россия оказала мощное влияние на судьбу казахского народа. В частности, под влиянием ее экономики и непосредственного общения с русскими переселенцами в Казахстане возникли новые земледельческие очаги вдоль рек и пресных озер, ускорились рост товарно-денежных отношений и зарождение капиталистических элементов в хозяйстве казахов. Именно во второй половине XIX в. на территории Казахстана появились первые промышленные предприятия, зародилась горная промышленность, начали развиваться угледобыча, неф-

тедобыча, а также фабричная промышленность и т. д. С проникновением в Казахстан товарно-денежных отношений и развитием торговли связано появление на территории Казахстана новых городов и поселений городского типа, которые становились торговыми, административными и культурными центрами региона. Влияние и воздействие России на судьбу народов Казахстана особенно заметны в области культуры. Российским правительством было открыто немало школ, которые готовили из детей казахов переводчиков и чиновников для местной администрации, а дети казахской знати получили возможность обучаться в кадетском корпусе и войсковых училищах России. Начался процесс приобщения казахов к русской, европейской культуре. Вот как определяли значение присоединения Казахстана к России, например, казахи Тургайской области в 1884 г.:

«Было время, когда волною кипело невежество и варварство среди киргиз (казахов). Набеги и схватки с соседями, отнятые друг у друга скота, порабощение женщин и т. д. все это составляло фон внутренней жизни киргизского (казахского) народа. Но могучая воля Абулхайр-хана положила предел вековому мраку... Этот хан разом прозрел всю его (народа) печальную будущность и поспешил предупредить ее. В 1731 г. Абулхайр хан, с согласия благомыслящих народных представителей, предложил судьбу своего народа российскому престолу через особое посольство. Предложение его было принято с величайшей снисходительностью и уважением. Таким образом, Абулхайр начал собой эпоху, откуда открывается для киргиз (казахов) новый мир... и постепенно начинается стремление к общечеловеческому сближению в смысле цивилизации» [цит. по: Басин, с. 272].

Сохранив себя как нацию, казахи в 1924 г. получили возможность образовать свою национальную республику в составе народов СССР. Подлинно суверенной страной Казахстан стал вновь лишь в октябре 1991 г. Есть все основания надеяться на то, что взаимоотношения обновленного Казахстана и обновленной России, двух ближайших соседних евразийских стран, будут основаны впредь только на принципах взаимного уважения государственного суверенитета и соблюдения прав и свобод каждого отдельного человека.

ЦИТИРОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
- Абу-л-Гази. — Histoire de Mongols et des Tatares par Aboul-Chazi Béhâ Behadour Khan / Publiée par Le Baron Desmaisons. Т. 1. Texte. St.-Pétersbourg, 1871.
- Авеста. Избранные гимны: Из Видевдата / Пер. с авестийского И. Стеблин-Каменского. М., 1993.
- Агаджанов С. Г.* Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI—XII вв. М., 1991.
- Акимушкин О. Ф.* Библиотека Шибаидов в Бухаре XVI в. // Известия АН Республики Таджикистан, серия: востоковедение, история, филология, № 1, 1992.
- Акишев К. А.* Курган Иссык: Искусство саков Казахстана. М., 1978.
- Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963.
- Акишев К. А.* Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984.
- Алексеев А. А.* Старое и новое в языке Радищева // XVIII век. Сб. 12. Л., 1977.
- Алексеев А. К.* Средняя Азия при Аштарханидах в XVII—XVIII вв. (по персоязычному историческому сочинению «Бахр ал-асрар»). Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004.
- Алексеев А. К.* Средняя Азия при Аштарханидах в XVII—XVIII вв. (по персоязычному историческому сочинению «Бахр ал-асрар»). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004.
- Алексеев А. К.* Политическая история Тукай-Гимуридов. По материалам персидского исторического сочинения *Бахр ал-асрар*. СПб., 2006.
- Алексеев В. П.* В поисках предков: Антропология и история. М., 1972.
- Алексеев А. Ю., Качалова Н. К., Тахтасьев С. Р.* Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993.
- Аммиан Марцеллин.* История // Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. СПб., 1906.
- Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. 3. М.: Л., 1940.
- Аркаим.* По страницам древней истории Южного Урала. Челябинск, 1995.
- Арриан.* Поход Александра. М.: Л., 1962.
- Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.
- Ахинжанов С. М.* Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1989.
- Ахмедов Б. А.* История Балха (XVI—первая половина XVIII в.). Ташкент, 1982.
- Ахмедов Б. А.* О времени и обстоятельствах смены на рубеже XVI—XVII вв. династии Шейбанидов Аштарханидами // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 2. М., 1994.
- Ахсан ат-таварих.* — A chronica of the early Safawis being [Nol. XII of] the Ahsanut-tawarinh of Hasan-i-Rumlu. Vol. II (English translation). Translated by C. N. Seddon. Boroda, 1934.

- Бабур-наме, изд. Ильминского. — Бабур-наме или Записки Султана Бабера. Изданы в подлинном тексте Н. И[льминским]. Казань, 1857.
- Бабур-наме, изд. Мано. — Zahir al-Din Muhammad Babur. Babur-nama (Vaqa'yi) / Critical edition by Eiji Mano. Kyoto Syokado, 1995.
- Байнакова К. М., Смагулов Е. А., Ержигитова А. А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы, 2005.
- Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986.
- Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971.
- Бартольд В. В. Сочинения. Т. 1—9. М., 1963—1977.
- Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. 1. Тексты. СПб., 1898.
- Басилов В., Кармышева Дж. Ислам у казахов. М., 1997.
- Басин В. Я. Россия и Казахские ханства в XVI—XVIII вв.: (Казахстан в системе внешней политики Российской империи). Алма-Ата, 1971.
- Байнакова К. М., Смагулов Е. А., Ержигитова А. А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы, 2005.
- Бенцинг И. Языки гунов дунайских и волжских болгар // Зарубежная тюркология. Древние тюркские языки и литература. Вып. I. М.: Наука. М., 1986. С. 11—28.
- Бертельс А. Е. Насири Хосров и исмаилизм. М., 1959.
- Бертельс Е. Э. К вопросу о традиции в героическом эпосе тюркских народов // Сов. востоковедение. Т. 4. 1947. С. 73—79.
- Бертельс Е. Э. История персидско-таджикской литературы. М., 1960.
- Бешевлиев В. Първобългарски надписи. София, 1979.
- Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в древние времена. Т. 1—3. М.; Л., 1950.
- Бойл Дж. Э. Посмертный титул Бату-хана // Тюркологический сборник 2001. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.
- Бойс М. Зороастрийцы: Верования и обычаи. М., 1987.
- Болдырев А. Н. Зайнабдин Васифа. Таджикский писатель XVI в. (Опыт творческой биографии). Изд. 2-ое, исправленное и дополненное. Душанбе, 1989.
- Большаков О. Г. К истории Таласской битвы (751 г.) // Страны и народы Востока. 1980. Вып. 22. Кн. 2.
- Босворт К. Э. Мусульманские династии: Справочник по хронологии и генеалогии / Пер. с англ. и примеч. П. А. Грязневича. М., 1971.
- Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001
- Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 1—2. СПб., 1869.
- Вайнберг Б. И. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV—V вв. // Буддийский культовый центр в Кара-тепе. М., 1972.
- Вайнберг Б. И., Новгородова Э. А. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии. М., 1976.
- Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений: В 5 т. Алма-Ата, 1985.
- Вамбери Арминий. Путешествие по Средней Азии. М., 2003.
- Васильева Е. И. Термины «таифе», «ашират» и «кабиле» в сочинении Шараф-хана Бадлиси «Шараф-наме» // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Л., 1969.

- Васильев Л. С.* Древний Китай. Т. I. М., 1995.
- Вернадский Г. В.* О составе Великой Ясы Чингис Хана. С приложением главы о Ясе из истории Джувейни в переводе В. Ф. Минорского. Брюссель, 1939.
- Ветроградова В. В.* Неизвестное письмо в многоалфавитном пространстве древней Бактрии // Петербургский рериховский сборник. Т. V. СПб., 2002. С. 129—147.
- Вильгельм де Рубрук. — Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
- Веселовский Н.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877.
- Веселовский Н.* Подробности смерти узбекского хана Мухаммеда Шейбани. (Из 3-го тома, 8-го Археол. съезда в Москве 1890 г.). М., 1897.
- Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
- Волков В. В.* Оленные камни Монголии. Улан-Батор, 1981.
- Ворожейкина З. Н.* Диван Маничихри // Письменные памятники Востока. М., 1971.
- Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа в IV—X вв. Л., 1979.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1—2. Тбилиси, 1984.
- Гардизи.* Зайн ал-ахбар // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 8. М., 1973. С. 23—63.
- Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В.* Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Т. 1. Челябинск, 1992.
- Геродот. — По изданию: *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
- Гохман И. И.* Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеантропологических материалов // Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. Т. XXXVI. 1980. С. 5—34.
- Грантовский Э. А.* О восточноиранских племенах кушанского ареала // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.
- Грантовский Э. А.* Иран и иранцы до Ахеменидов. М., 1998.
- Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII—XV вв.: (Чингизидские жалованные грамоты). Л., 1978.
- Григорьев А. П.* Золотоордынские ханы 60-70-х годов XIV в.: Хронология правления // Историография и источниковедения истории стран Азии и Африки. Вып. 7. Л., 1983. С. 43—46.
- Григорьев А. П.* Шибаниды на золотоордынском престоле // Ученые записки ЛГУ, № 417. Серия востоковедческих наук. Вып. 27. Востоковедение 11. Л., 1985. С. 160—182.
- Григорьев А. П.* Ярлык Мухаммеда Бюлека от 1379 г. митрополиту Михаилу (реконструкция содержания) // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 19. Изд. СПбГУ. СПб., 2000. С. 3—104.
- Дандамаев М. А.* Иран при первых Ахеменидах. М., 1963.
- Дандамаев М. А.* Данные вавилонских документов VI—V вв. до н. э. о саках // ВДИ. 1977. № 1.
- Дандамаев М. А.* Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.
- Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. М., 2003.
- Дёрфер Г.* О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Древние тюркские языки и литература. Вып. I. М., 1986. С. 71—134.

- Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937.
- Джувайни. — The Tarikh-i-Jahan-Gusha of Ala ud-Din Ata Malik-i-Juwayni (Composed in A. H. 658 A. D. 1260). Pt. 1—2. Leiden; London, 1912, 1916.
- Джунджани. — Tabakat-i-Nasiri: A General History of the Muhammadan dynasties of Asia, including Hindustan — from A. H. 194 (810 A. D.), to A. H. 658 (1260 A. D.)... by the Maulana Minhay ud-Din Abu Umar-i-Usman / Transl. from original Persian Manuscripts. By Raverty. Vol. 1—2. London, 1861.
- Дмитриев С. В. Элементы военной культуры монголов (на примере анализа сражения в местности Калаалджит-Элэт) // Сб.: Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004.
- Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- Древности Урало-Казахстанских степей: Каталог выставки. Челябинск, 1991.
- Дьяконов И. М. История Мидии. М.; Л., 1956.
- Дьяконов И. М. К методике исследований по этнической истории («киммерийцы») // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981. С. 90—100.
- Дьяконов И. М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // ВДИ. 1982. № 3—4.
- Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985.
- Ерофеева Л. В. Казахские ханы и ханские династии в XVIII—середине XIX в. // Культура и история Центральной Азии и Казахстана: Проблемы и перспективы исследования. Алматы, 1997.
- Ерофеева Ирина. Хан Абулхайр: полководец, правитель и политик. Алматы, 1999.
- Жагварал Н. Аратство и аратское хозяйство. Улан-Батор, 1974.
- Заднепровский Ю. А. Древние номады Центральной Азии. СПб., 1997.
- Захаров А. О. О современном состоянии кушанской проблемы // Восток (Orient). 2004. № 2.
- Зданович Г. Б., Батанина И. М. Аркаим — «Страна городов». Пространство и образы. Челябинск, 2007.
- Зубдат ал-асар. — Абдаллах ибн Мухаммад ибн Али Насраллахи. Зубдат ал-асар. Рукопись D 104. СПбФ ИВ РАН.
- Зув Ю. А. Китайские известия о Суябе // Изв. АН КазССР. Сер. истории, археологии и этнографии. 1960. Вып. 3 (4).
- Зув Ю., Кадырбаев А. Поход Ермака в Сибирь: тюркские могилы в русской теме // Вестник Евразии, № 3. М., 2000.
- Ибн Рузбихан. — Фазаллах ибн Рузбихан Исфажани. Михман-намэ-йи Бухари (Записки бухарского гостя) / Пер., предисл. и примеч. Р. П. Джалиловой. М., 1976.
- Ибн ал-Факих. Китаб ахбар ал-булдан (фотокопия Мешкедской рукописи). Рукописный отдел ИВ РАН. ФВ—202.
- Из истории Золотой Орды. Казань, 1993.
- Иванов В. В. Языковые данные о происхождении кушанской династии и тохарская проблема // НАА. 1967. № 3.
- Иванов В. В. Тохары // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1992.
- Иванчик А. И. Киммерийцы: Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII—VII вв. до н. э. М., 1996.
- Иоанн де Плано Карпини. — Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.

- Исмагулов О.* Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. Алма-Ата, 1970.
- История агван Моисея Каганкатваца, писателя X века / Пер. с армянского К. Патканова. СПб., 1861.
- История Сибири с древнейших времен до наших дней. В пяти томах. Том 1—2. Л., 1968.
- Йакут.* Китаб му'джам ал-булдан. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. М.; Л., 1937.
- Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967.
- Каррыев Ага, Мошкова В. Г., Насонов А. Н., Якубовский А. Ю.* Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв. Ашхабад, 1954.
- Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
- Кляшторный С. Г.* Древнейшее упоминание славян в Нижнем Поволжье // Восточный источники по истории народов Юго-восточной и Центральной Европы. М., 1964. С. 16—18.
- Кляшторный С. Г.* Наскальные рунические надписи Монголии // Тюркологический сборник 1975. М., 1975.
- Кляшторный С. Г.* Стелы Золотого озера // *Turcologica*. К семидесятилетию акад. А. Н. Кононова. Л., 1976.
- Кляшторный С. Г.* Терхинская надпись // Сов. тюркология. 1980. № 3. С. 81—85.
- Кляшторный С. Г.* Кишчаки в рунических памятниках // *Turcologica*. К 80-летию академика А. Н. Кононова. Л., 1986.
- Кляшторный С. Г.* Древнетюркская цивилизация: диахронические связи и синхронические аспекты // Сов. тюркология. 1987. № 3.
- Кляшторный С. Г., Ливизиц В. А.* Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. 1971. Вып. 10. С. 121—146.
- Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Пазырыкская узда. К предыстории хунно-юэчжийских войн // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы Всероссийской конференции, посвященной 70-летию со дня рождения А. Д. Грача. СПб., 1998.
- Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Святилище Парийн Хурумта: древние европейцы в центре Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 3 (19). 2004. С. 88—97.
- Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.
- Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992.
- Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000.
- Книга моего деда Коркута: Огузский героический эпос. М.; Л., 1962.
- Ковалев А. А.* Локализация народов VI—III вв. до н. э. на северных границах китайских государств (по археологическим и письменным источникам) // Записки ИИМК РАН. № 3. СПб., 2008. С. 181—200.
- Ковалевская В. Б.* Конь и всадник. М., 1977.
- Коковцев П. К.* Еврейско-хазарские переписки в X веке. Л., 1932.
- Кононов А. Н.* Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугат ат-турк» // Сов. тюркология. 1972. № 1. С. 3—17.

- Кононов А. Н. Поэма Юсуфа Баласагунского «Благодатное знание» // Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. М., 1983. С. 495—517.
- Кочнев Б. Д. Кто был победителем Бука-Будрача: из истории Караханидов // Записки Восточного отделения Российского Археологического общества (ЗВОРАО), новая серия. Т. I (XXVI). СПб., 2002. С. 171—180.
- Кравцова М. Е. Жизнеописание Сына Неба Му: Вопросы и проблемы // Петербургское востоковедение. 1992. Вып. 2.
- Кравцова М. Е. О генерале Хо Цюйбине и истории возникновения в Китае традиции каменной монументальной скульптуры // Первые Горчиновские чтения. Религиоведение и Востоковедение: Материалы научной конференции. СПб., 2004.
- Крамаровский Марк. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001.
- Крил Х. Г. Становление государственной власти в Китае. Империя Западная Чжоу. СПб., 2001.
- КРО. — Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. (Сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1961.
- Крюков В. М. Военные походы в системе социальных отношений древнекитайского общества конца II—начала I тыс. до н. э. // Шестнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тез. и докл. М., 1985. С. 8—13.
- Крюков М. В. Восточный Туркестан в III в. до н. э.—VI в. н. э. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1988.
- Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китаецы: проблемы этногенеза. М., 1978.
- Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности: Сб. М., 1981.
- Кузьмина Е. Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986.
- Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии?: Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994.
- Кузьмина Е. Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актуба, 2008.
- Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.
- Кумеков Б. Е. Об этнонимии кыпчакской конфедерации Западного Дешт-и Кыпчака XII—начала XIII в. // Изв. ИАН Республики Киргизстан. (Сер. общественных наук.) 1993. № 1.
- Кущева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI—30-е годы XVII века. М., 1963.
- Кушкумбаев А. К. Военное дело китахов в XVII—XVIII веках. Алматы, 2001.
- Кызласов И. Л. Земледельческие представления древнеказахской общины // Сов. тюркология. 1987. № 1.
- Кычанов Е. И. Очерк истории Ташкентского государства. М., 1968.
- Кычанов Е. И. Монголы в VI—VIII вв. // Дальний Восток в средние века. Новосибирск, 1980.
- Кычанов Е. И. Кочевые государства от гушнов до маньчжуров. М., 1997.
- Кычанов Е. И. «История династии Юань» («Юань-Ши») о Золотой Орде // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 19. СПб., 2000. С. 146—157.

- Кычанов Е. И.* Сведения из «Истории династии Юань» (Юаньши) о Золотой Орде // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды) от Калки до Астрахани: 1223—1556. Казань, 2002.
- Кюгельген А., фон.* Легитимация среднеазиатской династии мангитов в произведениях их историков (XVIII—XIX вв.). Алматы, 2004.
- Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996.
- Лерх П.* Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. СПб., 1870.
- Лившиц В. А.* К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе // Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969.
- Лившиц В. А.* Кушаны: письменность и язык // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 1. М., 1974.
- Лившиц В. А.* Согдийская эпиграфика Семиречья. СПб., 2008.
- Литвинский Б. А.* Древнейшие кочевники «Крыши мира». М., 1972.
- Лэн-Пуль Стэнли.* Мусульманские династии. Хронологические и генеологические таблицы с историческими введениями. Перевел с английского с примечаниями и дополнениями В. Бартольд. СПб., 1899.
- Макимова А. Г., Ермолаева А. С., Марьяшев А. Н.* Наскальные изображения урочища Тамгалы. Алма-Ата, 1985.
- Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951.
- Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 1952.
- Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии. М.; Л., 1959.
- Мальшев А. Б.* Половцы в Венгрии и Золотая Орда во второй половине XIII в. // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов: Материалы международной научно-практической конференции (10—11 апреля 2003 г.). М., 2003.
- Маявкин А. Г.* Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. Новосибирск, 1974.
- Мамедова Ф.* Кавказская Албания и албаны. Баку, 2005.
- Мандельштам А. М.* Характеристика тюрков IX в. в «Послании Фатху б. Хакану» ал-Джахиза // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии. Т. 1. Алма-Ата, 1956. С. 227—250.
- Марвази.* — Табаи ал-хайаван. Minorsky V. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. London, 1942.
- Марко Поло.* — Книга Марко Поло о разнообразии мира, записанная пизанцем Рустикано в 1298 г. от Р. Х. Алматы, 2004.
- Марков А.* Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896.
- Мартынов А. С.* О некоторых особенностях торговли чаем и лошадьми в эпоху Мин // Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970.
- Маршак Б. И.* 233 г. н. э.—101 г. эры Канишки? // Уходя, оставь свет... Сб.: Памяти Евгения Владиславовича Зеймаля. СПб., 2004.
- Массон В. М.* Алтындепе // Труды Южнотуркменской археологической экспедиции. Т. 18. Л., 1981.
- Материалы по истории русско-монгольских отношений: Русско-монгольские отношения. 1607—1636: Сб. документов.* М., 1959.
- Махмуд ибн Вали.* Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахайр. Т. 6. Ч. 2—3. (Фотокопия ФВ-82 СПбФ ИВ); Т. 6. Ч. 4, ксерокопия рукописи библиотеки «Индия Оффис». Соединенное Королевство.

- Махмуд Кашгарский. — Mahmud al-Kasgari Compendium of the Turkic dialects (Diwan Lugat at-Turk). Harvard University, 1982. Pt. 1—3.
- Медведская И. Н. Заключение по дискуссии // Российская археология. 1994. № 1.
- Медоев А. Г. Гравюры на скалах. Алма-Ата, 1979.
- Международные отношения в Центральной Азии. XVII—XVIII вв. Документы и материалы. Книга 1. М., 1989.
- МИКХ. — Материалы по истории Казахских ханств. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969.
- Миняев С. К проблеме происхождения сюнну // Информ. бюллетень Междунар. Ассоциации по изучению культур Центральной Азии. Вып. 9. М., 1985.
- Му'изз ал-ансаб. Рукопись Национальной библиотеки. Париж.
- Му'изз ал-ансаб (Прославляющее генеалогии) // История Казахстана в персидских источниках. Т. 3 / Отв. ред А. К. Муминов. Пер. с персидск., предисл., примеч., подг. факсимиле к изданию Ш. Х. Вохидова. Алматы, 2006.
- Мукминова Р. Г. Из истории позднесредневекового Ташкента // Общественные науки в Узбекистане. № 11. Ташкент, 1981.
- Мункуев Н. Мэн-да-бэй-лу. М., 1975.
- Мунтахаб ат-Таварих-и Му'ини // Extraits du Muntakhab al-Tavarikh-i Mu'ini (Anonyme d'Jskandar) / Publiés par Jean Aubin. Teheran, 1957.
- Мухаммед Салих. Шейбани-намэ. Джагатайский текст. Посмертное издание проф. П. М. Мелиоранского. Под наблюдением и с предисловием А. П. Самойловича. СПб., 1908.
- Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1980.
- Нусрат-наме, изд. — Таварих-и гузида — Нусрат-наме. Исследование, критический текст, аннотированное оглавление А. М. Акрамова. Ташкент, 1967.
- Оболенский Д. Византийское содружество наций. М., 1998.
- Памятники протогородской цивилизации. Челябинск, 1992.
- Пашуто В. Т. Монгольский поход в глубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе: Сб. статей. М., 1970.
- Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941.
- Подушкин А. Н. Новые памятники письменной культуры Южного Казахстана // Shygys. № 2. 2005.
- Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. Пер. с греч. А. А. Чекаловой. М., 1993.
- Пугаченкова Г. А. Искусство Афганистана. Три этюда. М., 1963.
- Пуллиблэнк Э. Дж. Язык сюнну // Зарубежная тюркология. Древние тюркские языки и литература. Вып. I. М., 1986. С. 29—70.
- Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука. М., 1957.
- Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. М., 1995.
- Пьянков И. В. Саки. Содержание понятия // Изв. отделения общественных наук АН ТаджССР. 1968. № 3.
- Пьянков И. В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Душанбе, 1975.
- Пьянков И. В. Кочевники Казахстана VII в. до н. э. и античная литературная традиция // Античность и античная традиция в культуре и искусстве народов Советского Востока: Сб. М., 1978.
- Пьянков И. В. Некоторые спорные вопросы «этногеографии Тураки». Полемика археолога с филологами (по поводу книги Б. И. Вайнберг «Этногеография

- Турана в древности. VII в. до н. э.—VIII в. н. э.». М., 1999) // ВДИ. № 4. 2004. С. 213—224.
- Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.
- Рамстедт Г. И.* Как был найден Селингинский камень // Тр. Троицко-Кяхтинского отделения Рус. Географ. общества. 1912. Т. 15. Вып. 1.
- Рашид ад-Дин.* Сборник летописей: В 3 т. Т. 1. Кн. 1—2. М.; Л., 1952; Т. 2. М.; Л., 1960; Т. 3. Л., 1946.
- Рогожинский А. Е.* Изобразительный ряд петроглифов эпохи бронзы святилища Тамгалы // История и археология Семиречья. Алматы, 2001. С. 7—43. Вып. 2.
- Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.
- Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. Т. 1: 1608—1683. М., 1969.
- Савельев П. П.* Монеты Джучидов, Джагатидов, Джалаиридов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. СПб., 1858.
- Сарианиди В.* Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад, 2006.
- Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
- Сахаиф ал-ахбар. — *Мунаджжим-баши Дервиш Ахмет.* Сахаиф ал-ахбар. Муртерджими Надим Афанди. Том 1—3. Стамбул, 1285 (1868—1869).
- Седов В. В.* Славяне в древности. М., 1994.
- Семенов А. А.* Портреты эпохи Навои. Ташкент, 1940.
- Семенов А. А.* Шейбани-хан и завоевание им империи тимуридов // Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. Т. XII. Сталинабад, 1954.
- Семенов А. А.* Культурный уровень первых Шейбанидов // Советское Востоковедение. Т. 3. М., 1956.
- Симс-Вильямс Н.* Новые бактрийские документы // ВДИ. № 3. 1997. С. 3—10.
- Синь Таншу / Пер. с кит. С. Е. Яхонтова. Пекин, 1959.
- СМИЗО, 1941 — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды В. Тизенгаузена. Том 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884; Том 2. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем и обработанные А. А. Ромасевичем и С. Л. Волиным. М.; Л., 1941.
- СМИЗО, 2005 — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том 1. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем. Дополненное и переработанное издание. Подгот. к новому изданию, введение, дополнение и комментарии Б. Е. Кумскова, А. К. Муминова. Алматы, 2005.
- Смирнова Г. И., Скарбовенко В. Н.* Очерк тридцатилетних работ Средневожской археологической экспедиции Самарского университета // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара, 1999.
- Смирнова И. О.* К имени Алмышы, сына Шилки, царя болгар // Тюркологический сборник. 1977. М., 1981. С. 249—255.
- Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.
- Сокровенное сказание. — Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. / Пер. С. А. Козина. М.; Л., 1941.
- Сокровенное сказание монголов / Пер. С. А. Козина. М., 2002.
- Ставиский Б. Я.* Средняя Азия и ахеменидский Иран // История Иранского государства и культуры: Сб. М., 1971.
- Ставиский Б. Я., Яценко С. А.* Искусство и культура древних иранцев. Великая степь, Иранское плато, Средняя и Центральная Азия. М., 2002.

- Старостин П. Н.* Памятники именьковской культуры // Свод археологических источников. Вып. D-32. М., 1967.
- Стеблева И. В.* Развитие тюркских поэтических форм в XI веке. М., 1971.
- Стори-Брегель. 1962. — *Стори Ч. А.* Персидская литература. Био-библиографический обзор. В 3-х ч. / Пер. с англ., перераб. и дополн. Ю. Э. Брегея. Ч. 1—3. М., 1962.
- Страбон.* География. В 17-ти книгах / Пер. с греч., статья и коммент. Г. А. Стратановского. Л., 1964.
- Султанов Т. И.* Некоторые замечания о начале казахской государственности // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественная. № 1. Январь—февраль. Алма-Ата, 1971.
- Султанов Т. И.* «Записки» Бабура как источник по истории моголов Восточного Туркестана и Средней Азии // *Turcologica*. Л., 1976.
- Султанов Т. И.* Известия Мирзы Хайдара Дуглата и Сейфи Челеби о Тибете и тибетцах XVI в. // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Ч. 1. М., 1977.
- Султанов Т. И.* «Семь установлений» — памятник права казахов XVII в. // Страны и народы Востока. Вып. 22. Кн. 2. 1980.
- Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. М., 1982.
- Султанов Т. И.* «Тарих-и Рашиди» Мирза Хайдара Дуглата (Литературная история памятника) // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. М., 1982.
- Султанов Т. И.* «Муизз ал-ансаб» и Чингизиды «Киж» // Восток. 1994. № 6.
- Султанов Т. И.* Тюркские версии «Тарих-и Рашиди» и их место в средневековой восточнотуркестанской историографии // Петербургское востоковедение. Вып. 9. СПб., 1997.
- Султанов Т. И.* Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы, 2001.
- Султанов Т. И.* Золотая Орда. Государство Чингизидов в сиразийской степи. Алматы, 2004.
- Султанов Т. И.* Зерцало минувших столетий. Историческая книга в культуре Средней Азии XV—XIX вв. СПб., 2005.
- Султанов Т. И.* Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006.
- Супруненко Г. П.* Некоторые источники по древней истории кыргызов // История и культура Китая. М., 1963.
- Сыма Цянь.* Исторические записки / Пер. с кит. Р. В. Вяткина. Т. 7. М., 1996.
- Тарих-и Мукам-хани. — *Мухаммед Юсуф Муши.* Мукам-ханская история / Пер. с тадж., предисл., примеч. и указ. Л. А. Семенова. Ташкент, 1956.
- Тарих-и Рашиди. — Мирза (Мухаммад) Хайдар. Тарих-и Рашиди. Рукопись В 648. СПбФ ИВ РАН.
- Тарих-и Рашиди, пер. — *Мирза Мухаммад Хайдар.* Тарих-и Рашиди. Введение, перевод с персидского Л. Урумбаева, Р. П. Джалиловой, Л. М. Елифановой. Ташкент, 1996.
- Тарих-и Саланики. *Мустафа Саланики.* — Рук. СПбФ ИВ РАН, С 565.
- Тарих-и Шейх Увейс. — *Абу Бакр ал-Кутби ал-Ахари.* Тарих-и Шейх Увейс (История шейха Увейса) / Пер. с персидск., предисл. М. Д. Кязимова, В. З. Пиряева. Баку, 1984.
- Таскин В. С.* Материалы по истории сюнну. [Вып. 1]. М., 1968; [Вып. 2]. М., 1973.
- Татаро-монголы в Азии и Европе: Сб. статей. М., 1970.

- Тизенгаузен. Сборник. — см. СМИЗО.
- Толстой С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
- Трепавлов В. В. Соправительство в Монгольской империи // *Archivum Eurasiae medii aevi*. 1991. Vol. 7.
- Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2001.
- Трепавлов В. В. «Белый царь»: образ монарха и представление о подданстве у народов России XV—XVIII вв. М., 2007.
- Тюркологический сборник 2001. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.
- Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV—XVI вв. Казань, 1979.
- Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая. М., 1958.
- Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. (Археологические памятники.) М., 1966.
- Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
- Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды: Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М., 1976.
- Феофилакт Симокатта. История / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1957.
- Фирдаус ал-икбал. — *Shir Muhammad Mirab Munis and Muhammad Riza Mirab Agahi*. Firdaws al-iqbal. History of Khorezm Ed. by Yury Bregel. Leyden; New York; Kobenhavn; Köln, 1988.
- Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972.
- Хазанов А. М. Золото скифов. М., 1975.
- Хулуд ал-алам. — *Hudud al-Alam «Regions of the World»*. A Persian Geography 372 A. H. 982 A. D. / Ed. V. Minorsky. London, 1937.
- Худяков Ю. С. Древнейшие бронзовые шлемы помадов Центральной Азии // *Донская археология*, 2001, № 3—4.
- Хузин Ф. III. Волжская Булгария в домонгольское время (X—начало XIII в.). Казань, 1997.
- Цай Вэньшэнь. — *Tsai Wen-shen*. Li Teyu'nun mektuplarına göre uygurlar. Taipei, 1967.
- Ц. де Бридиа. — Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. «История Тартар» Ц. де Бридиа / Пер. с лат. С. В. Аксенова и А. Г. Юрченко; эскпозиция, исслед. А. Г. Юрченко. СПб., 2002.
- Черепнин Л. В. Монголо-татары на Руси (XIII в.) // *Татаро-монголы в Азии и Европе*: Сб. М., 1970.
- Чингиз-наме. — *Утемиш-хаджи*. Чингиз-наме / Факсимиле, пер., транскр., текстол. Примеч., исслед. В. П. Юдина. Алма-Ата, 1992.
- Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980. Никифора. М., 1980.
- Членова Н. Л. Археологические материалы к вопросу об иранцах доскифской эпохи и индоиранцах // *СА*. 1984. № 1.
- Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.
- Шильтбергер. — Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год. Одесса, 1866.
- Ээль Д. Великая Яса Чингис-хана, Монгольская империя, культура и шариат // *Монгольская империя и кочевой мир*. Улан-Удэ, 2004.
- Юрченко А. Г. Русские и половцы перед лицом монгольского вызова (1223 г.) // *Тюркологический сборник 2002. Россия и тюркский мир*. М., 2003.

- Юстин*. Эпитома сочинения Помпея Трога // ВДИ. 1955. № 1.
- Юсуф Баласагунский*. Благодатное знание / Пер. С. Н. Ивалова. М., 1983.
- Якубовский А. Ю., Греков Б. Д.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.
- Ando Shiro*. Timuridische Emire nach dem Mu'izz al-ansab. Untersuchung zur Stammesaristokratie Zentralasiens im 14 und 15 Jahrhundert. Berlin, 1992.
- Arat R. R.* Kutadgu Bilig. Indeks. Istanbul, 1979.
- Bailey H. W.* A khotanese text concerning the Turks in Kantsou // *Asia Major*. 1949. N. S. Vol. 1.
- Bailey H. W.* North Iranian problems // *BSOS*. 1979. Vol. 42. Pt. 2.
- Barfield T. J.* The Hsiung-uu imperial confederacy: organization and foreign policy // *The Journal of Asian Studies*. 1981. Vol. 41. N 1.
- Brown E. C.* The Lubabu 'I-albab of Muhammad Awfi. London; Leiden, 1906.
- Bunker E. C.* Significant changes in iconography among ancient China's north-western pastoral neighbours (IV—I B. C.) // *Bulletin of the Asia Institute*. Vol. 6 (1992). Bloomfield Hills, 1993.
- Bunker E. C.* Ancient bronzes of Eastern Eurasian Steppes. 1997. N 4.
- Chavannes E.* Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux. St. Pétersbourg, 1903.
- Clauson G.* An etymological dictionary of pre Thirteenth-century Turkish. Oxford, 1972.
- Cribb J.* The early Kushan kings: new evidence for chronology. Evidence from the Ratabak inscription of Kanishka // *Coins, Art and Chronology. Indo-Iranian Borderlands*. Wien, 1999.
- Czeglédy K.* Bemerkungen zur Geschichte der Chazaren / *Acta Orientalia Hungarica*. 1961. T. XIII, fasc 3.
- Dankoff R.* Three Turkic verse cycles relating to Inner Asian Warfar // *Harvard Ukrainian Studies*. 1979—1980. Vol. 3—4. Pt. 151—165.
- De la Vaissière Étienne*. Histoire des marchands sogdiens. P., 2004.
- De Weese Devin A.* Islamization and native religion in the Golden Horde: Baba Tukles and conversion to Islam in historical and epic tradition (in series: *Hermeneutics: Studies in the history of religions*). The Pennsylvania State University Press, 1994.
- Dumezil G.* L'idéologie tripartite des Indo-Européens. Bruxelles, 1958.
- Enoki K.* The Yuechi-Scythians identity // *International Symposium on history of Eastern and Western cultural contacts*. Tokyo, 1959.
- Franke H.* A Sung embassy of 1211—1212 // *BEFEO*. 1981. T. 69.
- Geley J.* L'ethnonyme mongol // *Etudes Mongoles*. Vol. 10. Paris, 1979.
- Golden P.* Khazar studies. Vol. 1. Budapest, 1980.
- Golden P.* Nomads of the Western Eurasian Steppes: Ouyrs, Onoyurs and Khazars // *Philologiae et Historiae Turcicae Fundamenta*. T. I. Berlin, 2000.
- Gökalp Ziya*. Türkleşmek, İslamlaşmak, Muusirlaşmak. Ankara, 1992.
- Haloun G.* Zur Uetsi-Frage // *ZOMG*. 1937. Bd. 91.
- Hamilton J. R.* Les Ouighours à l'époque des Cinq dynasties d'après les documents chinois. Paris, 1955.
- Horikawa Toru*. The problem of the four Khans in the Early Sheybanid Dynasty // XI. *Türk Tarih Kongresi'*- unden ayribasim. Ankara, 1994.
- Hulsewe A. L.* China in Central Asia. Leiden, 1979.
- Humbach J.* Die Gathas des Zarathustra. Bd. 1. Heidelberg, 1959.
- Jahn Karl*. The Still Missing Works of Rashid al-din // *Central Asiatic Journal*. Vol. 9, 1964.

- Junge J.* Dareios I. König der Perser. Leipzig, 1944.
- Kafali Mustafa.* Cuci sülasesi ve şu'beleri // Tarih Enstitüsü Dergisi. 1. Ankara, 1970.
- Kafali Mustafa.* Şiban-Han sülasesi ve Özbek ulusu // Atsız azmağani. Istanbul, 1976.
- Klyashtorny S. G.* The royal clan the Turks and problem of early Turkic-Iranian contacts // Acta Orientalia Hungarica. 1994. T. 47. Pt. 3.
- Klyashtorny S. G.* Das Reich der Tataren in der Zeit vor Cinggis Khan // Central Asiatic Journal. 1992. Vol. 36. N 1—2.
- Klyashtorny S. G.* Une «île de Pasques» dans les montagnes de Mongolie // Res dossiers d'archeologie. 1994. № 194. P. 52—53.
- Klyashtorny S. G.* Inscriptions on the Silk Road: Runic Inscriptions of Tian-Shang // Silk Road Art and Archaeology. T. 8. Kamakura, 2002. P. 197—206.
- Klyashtorny S. G., Livšic V. A.* The Sogdian Inscription of Bugul revised // AOH. 1972. T. 26. Pt. 1.
- Kurat A. N.* Abu Muhammad Ahmed bin A'sam al-Kufi'nin Kitab al-Futuh'u // Ankara Universitesi Dil ve Tarih-Cografya Fakültesi Dergisi, c. VII. 1949. N 2. S. 258 (арабский текст).
- Lewicki T.* Zrodla arabskie do dziejyw Slawianszczyzny. T. I. Wroclaw; Krakow, 1956. S. 76—77, 133—134.
- Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-kue). Wiesbaden, 1958.
- Maçoudi.* Les Prairies d'or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. T. 1. Paris. 1861.
- Manz Beatrice Forbes.* The Cleans of the Crimean Khanate. 1466—1532 // Harvard—Ukrainian Studies. Volume II, N 3. September 1978.
- Manz Beatrice Forbes.* The rise and rule of Tamerlane. Cambridge, 1989.
- Marquart J.* Skizzen zur geschichtliche Völkerkunde von Mittelasiens und Sibirien // Ostasiatische Zeitschrift. 1920. Bd. 8.
- McAlpin D. W.* Toward Proto-Elamo-Dravidian // Language. Vol. 50. 1974. P. 89—101.
- Minorsky V.* Hudud al-Alam. London, 1937. P. 452—454.
- Napolskich V. V.* Die Vorslaven im unteren Kama-Gebiet in der Mitte des 1/ Jahrtausends n. Z. // Finnische-Ugrische Mitteilungen. Bd. 18—19. Hamburg, 1996.
- Pelliot P.* L'édition collective des œuvres de Wang Kou-wei // TP. 1929. Vol. 26.
- Pelliot P.* Notes sur l'Histoire de la Horde d'Or. Paris, 1949.
- Pritsak O.* Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden, 1955.
- Pulleyblank E. G.* Chinese and Indo-Europeans // JRAS. 1966.
- Pulleyblank E. G.* The Wusun and Saka and the Yuch-chi migration // BSOS. 1970. Vol. 33.
- Quinn Sholen.* The Mu'izz al-ansab and Shu'ab-i Panjganag as sources for the Chaghatagid period of history: A comparative analysis // Central Asiatic Journal. Vol. 33, N 3—4. 1989.
- Rieu C.* Catalogie of the Persian manuscripts in British Museum. Vol. 1. London, 1879.
- Rona-Tas A.* Where was Khuvrat's Bulgarin? // Acta Orientalia Hungarica. T. 53. 2000, fasc. 1—2.
- Sims-Williams N., Hamilton J.* Documents turco-sogdiens du IXe—Xe siècles de Touen-houang. London, 1990.
- Sims-Williams N., Grenet F.* The Sogdian inscriptions of Kultobe // Shygys. 2006. № 1.

- Steblin-Kamensky I.* Avestan k—mčit paiti čadrušanam // East and West. 1995. Vol. 45. N 1—4.
- Togan A. Z. V.* The composition of the History of the Mongols by Rashid al-din // Central Asiatic Journal. Vol. 7. N 1. 1962.
- Togan A. Z. V.* Ibn Fadlan's Reisebericht // Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes / Bd. XXIV. Leipzig, 1939. S. 296—298 (арабский текст).
- Takacs Z. de.* On the Hsiung-uu figures at the tomb of Huo Chu-ping // Monumenta Serica. T. 3. Peiping, 1938.
- The Travels and adventures of the Turkish Admiral Sidi Ali Reis in India, Afghanistan, Central Asia and Persia during the years 1553—1556. London, 1889.
- Woods John E.* The Timurid Dynasty // Papers on Inner Asia. N 14. Bloomindgton, Indiana, 1990.
-

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В ТЕКСТЕ

КРО	Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках: (Сб. документов и материалов). Алма-Ата, 1961.
МИКХ	Материалы по истории Казахских ханств XV—XVIII веков: (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969.
МИПСК	Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. Алма-Ата, 1960.
МИТТ	Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1: VII—XV вв. М.; Л., 1939.
СМИЗО	Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / Сост. В. Тизенгаузен. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884; Т. 2: Извлечения из персидских сочинений / Сост. В. Г. Тизенгаузен, обработка А. А. Ромаскевича и С. Л. Волина. М.; Л., 1941.

SUMMARY

STATES AND PEOPLES OF EURASIAN STEPPES: FROM ANTIQUITY TO MODERN AGE

The work is dedicated to the problems of provenance, ancient and medieval history of nomadic peoples who had inhabited huge territories of Eurasia from the Amur river basin in the east up to the Danube river in the west. The researchers pay their main attention to the origin and history of the first nomadic empires: Turkic Qa'anates (6—9 centuries), Qarakhanid and Uyghur states in Central Asia, Bulgar state in the Sea of Azov region, Turkic peoples and tribes within the Mongol empire: the Golden Horde, Kazakh zhuzes and Kazakh kanate. Tribal unions and later peoples speaking Turkic languages formed in the depths of these empires.

Long-time history of state systems of Eurasian nomads is examined in close relation with the history of their neighbours, those from China, Iran, Byzantine and Russ. Turkic state system had created specific forms of religions beliefs and literary culture that created a unique aspect of ancient Turkic civilization. Its history is paid much attention in the monograph as well. An especially complicated problem of genetic ties of ancient Turkic peoples with contemporary Turkic-speaking nations is discussed at such a vast scale for the first time.

The book has been aimed for lecturers and students of institutions and faculties of humanities, as well as for the vast range of those readers interested in the past of Eurasian peoples.

Кляшторный Сергей Григорьевич (слева) — историк-тюрколог, профессор, заведующий сектором тюркологии и монголистики Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН (ныне Институт восточных рукописей РАН) с 1964 г. по настоящее время. В 1947—2000 г. участник, а затем и руководитель ряда археологических и эпиграфических экспедиций в Средней Азии, Казахстане, Киргизии, Туве, Южной Сибири и Монголии. Автор более 280-ти научных работ по истории и культуре тюркских народов и древней истории Центральной Азии.

Султанов Турсун Икрамович (справа) — доктор исторических наук, профессор. Окончил в 1967 г. кафедру истории стран Ближнего и Среднего Востока Восточного факультета Ленинградского государственного университета, в 1970 г. — аспирантуру Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. С 1970 по 1974 г. работал в Институте истории, археологии и этнографии АН Казахстана, с 1974 по 1996 г. — в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН. С 1996 г. заведует кафедрой Центральной Азии и Кавказа Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Автор книг: «Кочевые племена Приаралья в XVI—XVII вв. (Вопросы этнической и социальной истории)». М., 1982; «Казахстан. Летопись трех тысячелетий» (совместно с С. Г. Кляшторным). Алма-Ата, 1992; «Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана». Алматы, 2001; «Рождение казахской государственности. История Казахского ханства». Алматы, 2003; «Чингиз-хан и его потомки». Алматы, 2003 и более ста тридцати статей на русском, западноевропейских и восточных языках.

Первое издание книги отмечено дипломом Санкт-Петербургского университета как лучшее издание 2000 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
ГЛАВА I. РАННИЕ КОЧЕВНИКИ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ	14
Евразийская прелюдия	15
Эпоха боевых колесниц	19
Страна ариев	25
Землепашцы и строители городов	37
Саки	42
Средняя Азия в I тыс. до н. э.	57
ГЛАВА II. ДРЕВНИЕ ИМПЕРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.	61
Этнолингвистическая ситуация в Великой Степи в начале I тыс. н. э.	61
Срединное царство и «Страна демонов»	63
Северные народы в повествовании Сыма Цяня	67
Держава гуннских шаньюев	70
Юэчжи и гунны	72
Хозяйство, общественное и государственное устройство гуннов	77
Расцвет и упадок кочевой империи	84
Гунны у границ Римской империи	86
Гунны между Алтаем и Аралом	87
Кушанское царство в Средней Азии	91
Кангюй	94
Средняя Азия в IV—VI вв.	97
ГЛАВА III. СТЕПНАЯ ИМПЕРИЯ ТЮРКОВ	100
Сложение древнетюркского союза племен	102
Общая концепция этнической истории древнетюркских племен	106
Первый Тюркский каганат (551—630 гг.)	111
Тюрки в Средней Азии	114
Тюркский каганат, Сасанидский Иран и Византия. Шелковый путь	117
Западнотюркский каганат. Согдийские колонии Семиречья	118

Возрождение Восточнотюркского каганата. Тюргешский каганат. Борьба с арабами	122
ГЛАВА IV. НАСЛЕДНИКИ ТЮРКСКОГО ЭЛЯ	129
Уйгурский каганат и Карлукское государство. Караханиды	129
Кипчаки и половцы	139
Татары в Центральной Азии	160
Болгары, хазары и берсилы в евразийских степях	168
Праславяне в Поволжье	177
ГЛАВА V. ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО, КУЛЬТУРА И ВЕРОВАНИЯ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ НАРОДОВ	182
Общественные идеалы и социальное устройство в древнетюркских государствах	182
Памятники письменности тюрков Центральной Азии и Сибири в раннем средневековье	194
Религия и верования	200
ГЛАВА VI. ТЮРКСКИЕ ГОСУДАРСТВА И НАРОДЫ ПОСЛЕ МОНГОЛЬСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ	210
Монголо-татары и Чингиз-хан	210
Яса и билики Чингиз-хана	215
Начало династии Чингизидов	220
Концепция верховной власти у древних монголов	221
Сложение монгольского государства с центром в Поволжье — Золотой Орды (Джучиев Улус).	229
Основные черты устройства Золотой Орды	240
Тюркские племена в составе Джучиева Улуса, их миграции и этническая история	251
Распад Золотой Орды и возникновение новых тюркских государств	262
Исламизация кочевников Дешт-и Кипчака	268
Культура золотоордынского времени	278
ГЛАВА VII. «МУИЗЗ АЛ-АНСАБ» И ЧИНГИЗИДЫ «КИЖЕ»	282
«Книга, прославляющая генеалогии»	283
Роковая ошибка и ее последствия	286
ГЛАВА VIII. СУДЬБА ВЛАСТНОЙ ЭЛИТЫ ВОСТОЧНОГО ДЕШТ-И КИПЧАКА И СТЕПНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	291
Время образования Казахского ханства	291
Казак: историко-политологическое и этническое содержание термина	296
Хозяйство и быт кочевников	303
Военное дело	320
Люди «белой кости» и люди «черной кости»	326

Улусы и жузы	336
ГЛАВА IX. ДЖУЧИДЫ НА ТРОНАХ ИСКЕРА, БУХАРЫ И ХИВЫ	345
Род Шибана, сына Джучи	351
Бухарское ханство	355
Хивинское ханство	371
Государство Аштарханидов	379
ГЛАВА X. РОССИЯ И КАЗАХСТАН	387
Первые контакты и политические связи Казахстана и России	387
Пашня и Степь — формы и результаты взаимодействия двух миров	394
Цитированные источники и литература	404
Список сокращений, использованных в тексте	418
Summary	419
Об авторах	420

серия
ORIENTALIAtm

Сергей Григорьевич Кляшторный
Турсун Икрамович Султанов

**ГОСУДАРСТВА И НАРОДЫ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ:
ОТ ДРЕВНОСТИ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ**

Макет подготовлен издательством
«Петербургское Востоковедение»

Набор — *Т. В. Чудинова*
Редактор — *И. П. Сологуб*
Корректоры — *Н. В. Пивоварова, Р. Н. Ишбулатова*
Технический редактор — *Т. В. Чудинова*

Издательство

«Петербургское Востоковедение»

✉ 198152 г. Санкт-Петербург, а/я 111

☞ web-site: [www.http://pvost.org](http://pvost.org)

☞ e-mail: pvcentre@mail.ru

Подписано в печать 01.10.2009. Формат 60×90 ¹/₁₆

Бумага офсетная. Печать офсетная

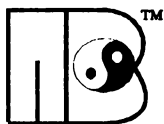
Гарнитура основного текста «Таймс»

Объем 27 печ. л. Тираж 1000 экз.

Заказ № 4028

PRINTED IN RUSSIA

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография „Наука“»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12

«St. Petersburg Centre for Oriental Studies» Publishers

founded in 1992

in 2003 was included into

«The Golden Book of Saint-Petersburg Enterprises»

Address: POBox 111, St. Petersburg, Russia, 198152

E-mail: pvcentre@mail.ru

Web-site: www.pvost.org

The Publishing House specializes mainly on publications of the *scientific* and *popular science* literature on the Oriental studies (in close collaboration with the Institute of Oriental Manuscripts RAS, Oriental faculty of the St. Petersburg State University and Museum of Anthropology and Ethnography Kunstkamera RAS), as well as publications of St. Petersburg scholars-humanitarians in the field of the traditional culture and translations of important cultural monuments of the East.

Awards of the Publishing House: in 1996 it received a special diploma of the Saint-Petersburg Book Saloon for publication of the first Russian translation of the Quran (by General D. N. Boguslavsky).

The National Association of book-publishers regularly awards the Publishing House with the diplomas for original book projects at the annual competitions «The Best Book of the Year». The books of the Publishing House has been awarded several times with the diplomas of the St. Petersburg State University for the best University books of the year.

«St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers» was twice the UNESCO prize-winner for the best publication of the great value for the dialogue between cultures (in 2002 and 2004).

In 2002 the book by Ye. A. Rezvan «Quran and Its World» was announced the best book at the traditional competition of the National Association of book-publishers of Russia. Later the book was awarded the national prize of the Islamic Republic of Iran as «The Book of the Year in 2003».

«St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers» is a prize-winner of «The Book of the Year – 2005» in the field of «Humanities» and the first laureate in the competition «Art of Book» organized by the Union of Independent States (for the book by Ye. A. Rezvan «Quran of 'Uthman»).

Издательство
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

Образовано в 1992 году
В 2003 году внесено
в «Золотую книгу предприятий Санкт-Петербурга»
Почтовый адрес: 198152, г. Санкт-Петербург, а/я 111
E-mail: pvcentre@mail.ru
Web-site: <http://www.pvost.org>

Специализация издательства: прежде всего — *научная и научно-популярная литература по востоковедению* (в тесном сотрудничестве с Институтом восточных рукописей РАН, Восточным факультетом Санкт-Петербургского государственного университета, а также Музеем антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН), затем — издание трудов петербургских ученых-гуманитариев, преимущественно *в области традиционной культуры*; издание *переводов* важнейших культурных памятников стран Востока.

Награды издательства: в 1996 году за издание первого русского перевода Корана (в переводе генерала Д. Н. Богуславского) «Петербургское Востоковедение» получило специальный диплом Петербургского книжного салона.

Национальная Ассоциация книгоиздателей регулярно отмечает лауреатскими дипломами оригинальные книжные проекты издательства в ежегодном конкурсе «Лучшие книги года». Книги издательства неоднократно награждались дипломами Санкт-Петербургского государственного университета как лучшие университетские книги года.

Издательство — дважды лауреат дипломов ЮНЕСКО за лучшее издание, вносящее значительный вклад в диалог культур (2002, 2004).

В 2002 году лучшей книгой традиционного конкурса национальной Ассоциации книгоиздателей России была признана книга Е. А. Резвана «Коран и его мир», которая впоследствии стала лауреатом национальной премии Исламской Республики Иран «Книга года» за 2003 год.

Издательство — лауреат конкурса «Книга года-2005» в номинации «Humanitus», а также первый лауреат конкурса «Искусство книги», проводимого Содружеством независимых государств (дипломы за книгу Е. А. Резвана «Коран Усмана»).

ORIENTALIA

В серии вышла книга:

Е. В. Ревуненкова.
СУЛАЛАТ-УС-САЛАТИН:
малайская рукопись Крузенштерна и
ее культурно-историческое значение

СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2008. 672 с.

Настоящая книга имеет целью введение в научный оборот знаменитого малайского исторического памятника (XV—XVI вв.), рукопись которого была привезена из Малайи И. Ф. Крузенштерном в 1798 г. Начиная с 1799 г. она хранится в Архиве Института восточных рукописей в Санкт-Петербурге.

Книга включает введение в изучение памятника, перевод текста, комментарии к нему (историко-этнографический, филологический и текстологический), а также полное факсимиле рукописи.

Автор исследует историю создания памятника в тесной связи с изучением исторического окружения, в котором быт и реальные события сплелись воедино с мифологическими, легендарными и сказочными мотивами.

Историко-этнографический и филологический подход к тексту памятника позволяют выявить специфику исторического сознания средневекового малайца, а также значение исследуемого текста в истории малайской культуры.

Фольклорные сюжеты и литературные реминисценции, нашедшее отражение в «Сулалат-ус-салатин», свидетельствуют о широких культурных связях Малайи (и прежде всего Малаккского султаната) со странами Ближнего и Дальнего Востока.

Издание предназначено для специалистов, занимающихся этнографией, историей и литературой средневекового Востока.

ORIENTALIA

В серии вышла книга:

УГОЛОВНЫЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ТАН С РАЗЪЯСНЕНИЯМИ (ТАН ЛЮЙ ШУ И)

Введение, перевод с китайского и комментариев В. М. Рыбакова

Том 1: Цзюани 1—8. СПб., 1999. 384 с.

Том 2: Том 2: Цзюани 9—16. СПб., 2001. 304 с.

Том 3: Цзюани 17—25. СПб., 2005. 384 с.

Том 4: Цзюани 26—30. СПб., 2008. 416 с.

Уголовный кодекс китайской династии Тан (618—907) принадлежит к немногочисленной группе величайших правовых памятников мировой цивилизации. Помимо того, что он является первым из дошедших до наших дней полных юридических сводов, именно в нем были сформулированы и детализированы в конкретных законах основные принципы, которые легли затем в основу китайского законодательства и стали определяющими для Китая вплоть до XX века (в опосредованном виде они проявляются и поныне). Поскольку Китай в ту пору был цивилизационным центром всей Восточной и Юго-Восточной Азии, принципы танского кодекса оказали несомненное и значительное влияние на правотворчество всех сопредельных Китаю стран.

Это полный перевод Танского кодекса на русский язык.

ORIENTALIA

В серии вышла книга:

Вячеслав Рыбаков.
ТАНСКАЯ БЮРОКРАТИЯ.
Часть 1: Генезис и структура.

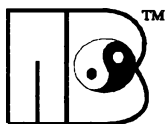
СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2009. 512 с.

Монография В. М. Рыбакова «Танская бюрократия. Часть 1: Генезис и структура» представляет собой проведенное на материале китайских источников VII—X вв. первое систематическое исследование управленческого аппарата династии Тан (618—907).

Автор показывает, как необходимость обеспечить эффективное управление экономикой страны обусловила потребность в идеологических факторах, которые ненасильственными методами ограничивали бы самоуправство и своекорыстие чиновника. Оптимальной из наличных идеологий такого рода на момент становления империи в Китае оказалось конфуцианство.

В монографии рассматриваются основные аспекты жизни служилого слоя, внутренняя динамика чиновничества, а также то, какое значение для него имели конфуцианские семейные ценности, по образцу которых государство старалось выстроить служебную этику управленцев.

В монографии описана структура административных органов и учреждений Китая времени династии Тан, а также их функции. Автором предложена оригинальная система передачи названий китайских учреждений и должностей на русский язык. В приложении дан иероглифический индекс фигурирующих в работе административных наименований танского времени.

Руми, Джалал ад-дин, Мухаммад. МАСНАВИ-ЙИ МА'НАВИ («Поэма о скрытом смысле»)

Дафтар 1 (байты 1–4003). Пер. с перс. О. Ф. Акимушкина,
Ю. А. Иоаннесяна, Б. В. Норика, А. А. Хисматулина,
О. М. Ястребовой. Общ., науч. редакция и указ. А. А. Хисматулина
СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2007. 448 с.

Суфийская поэма Маснави, созданная великим Мастером, основателем суфийского братства Маулавийа, шайхом Джалал ад-дином Руми, по праву входит в число шедевров мировой литературы. Едва ли в поэзии за все время ее существования найдется нечто подобное, что органично включало бы в себя в огромном объеме цитаты из какого-либо священного текста так, как это сделано в Маснави ее создателем с использованием Корана и пророческих преданий. Во многом поэтому, спустя почти два века после появления Маснави, другой суфийский поэт из братства Накшбандийа, 'Абд ар-Рахман Джами назвал ее Кораном на персидском языке. Текст Маснави, написанный в XIII в. по Р. Х., и поныне пользуется колоссальной популярностью во всем ираноязычном регионе как в изустном бытовании, так и в письменной традиции, что уж говорить о последователях суфизма, которые прикидают к нему как к кладезю мистического опыта Мастера с большой буквы.

Настоящее издание, подготовленное к отмечаемому в 2007 г. 800-летнему юбилею со дня рождения Руми, представляет собой филологический перевод на русский язык 4003 байтов, составляющих первый из шести дафтаров (тетрадей) Маснави, общий объем которых насчитывает 25632 байта. Перевод текста выполнен на основе Кунийского списка, отредактированного самим автором, сопровождается необходимым комментарием на основе самых надежных толкований, снабжен несколькими указателями и оригинальным текстом первого дафтара для специалистов, владеющих фарси. Издатели выражают надежду, что в ходе перевода был бережно сохранен дух оригинальной поэмы, равно как и вложенная в нее душа автора. Но об этом судить уже читателю!

РУМИ, ДЖАЛАЛ АД-ДИН, МУХАММАД. МАСНАВИ-ЙИ МА'НАВИ («Поэма о скрытом смысле»)

Дафтар 2 (байты 1—3810). Пер. с перс. М.-Н. О. Османова.
Общ. редакция, коммент. и указ. О. М. Ястребовой.
СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2009. 384 с.

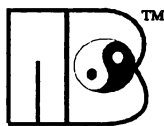
Суфийская поэма Маснави, созданная великим Мастером, основателем суфийского братства Маулавийа, шайхом Джалал ад-дином Руми (1207—1273), по праву входит в число шедевров мировой литературы. Едва ли в поэзии за все время ее существования найдется нечто подобное, что органично включало бы в себя в огромном объеме цитаты из какого-либо священного текста так, как это сделано в Маснави ее создателем с использованием Корана и пророческих преданий: не случайно поэму называют Кораном на персидском языке.

Текст Маснави, написанный в XIII в. по Р. Х., и поныне пользуется колоссальной популярностью во всем ираноязычном регионе как в изустном бытовании, так и в письменной традиции, что уж говорить о последователях суфизма, которые принакают к нему как к кладезю мистического опыта Мастера с большой буквы.

Настоящая книга продолжает издание филологического перевода Маснави на русский язык. В 2007 г. в издательстве «Петербургское Востоковедение» вышел первый дафтар поэмы (под ред. А. А. Хисматулина), объемом в 4003 байта. Это издание стало победителем национального конкурса «Книга года» Исламской Республики Иран (2007).

В 2009 г. издательство выпускает второй из шести дафтаров (тетрадей) Маснави, объемом в 3810 байтов. Перевод текста выполнен известнейшим ученым и знатоком коранической традиции профессором М.-Н. О. Османовым, сопровождается необходимым комментарием на основе самых надежных толкований, снабжен несколькими указателями и оригинальным текстом второго дафтара для специалистов, владеющих фарси.

Полный перевод будет состоять из шести томов.

**Издательство
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»**

Наши книги всегда в продаже в следующих магазинах:

Розница и мелкий опт:

«Университетская книга»

В Санкт-Петербурге:

Санкт-Петербург, ул. Бронницкая, д. 17 (во дворе)

Тел.: (812) 317-89-72; e-mail: ukniga@sp.ru

Розница:

**Специализированный магазин книг по восточной тематике
«Восточная коллекция»**

Отдельный стенд Центра «Петербургское Востоковедение»

Возможность заказа книг из Санкт-Петербурга по тематическому плану и по индивидуальным заявкам

Москва, Большой Левшинский пер., д. 8/1, стр. 2

(м. «Смоленская», «Кропоткинская», «Парк культуры»)

Тел.: (095) 637-34-38, 637-74-90

e-mail: east_coll@hotmail.ru

**Специализированный книжный магазин
гуманитарного профиля**

«Университетский книжный салон»

Отдельный стенд Центра «Петербургское Востоковедение»

Возможность индивидуального заказа книг нашего издательства

Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11

(м. «Василеостровская»)

Тел.: (812) 328-95-11; e-mail: 3286213@mail.ru

Электронный магазин книжной торговли:
<http://ozon.ru>